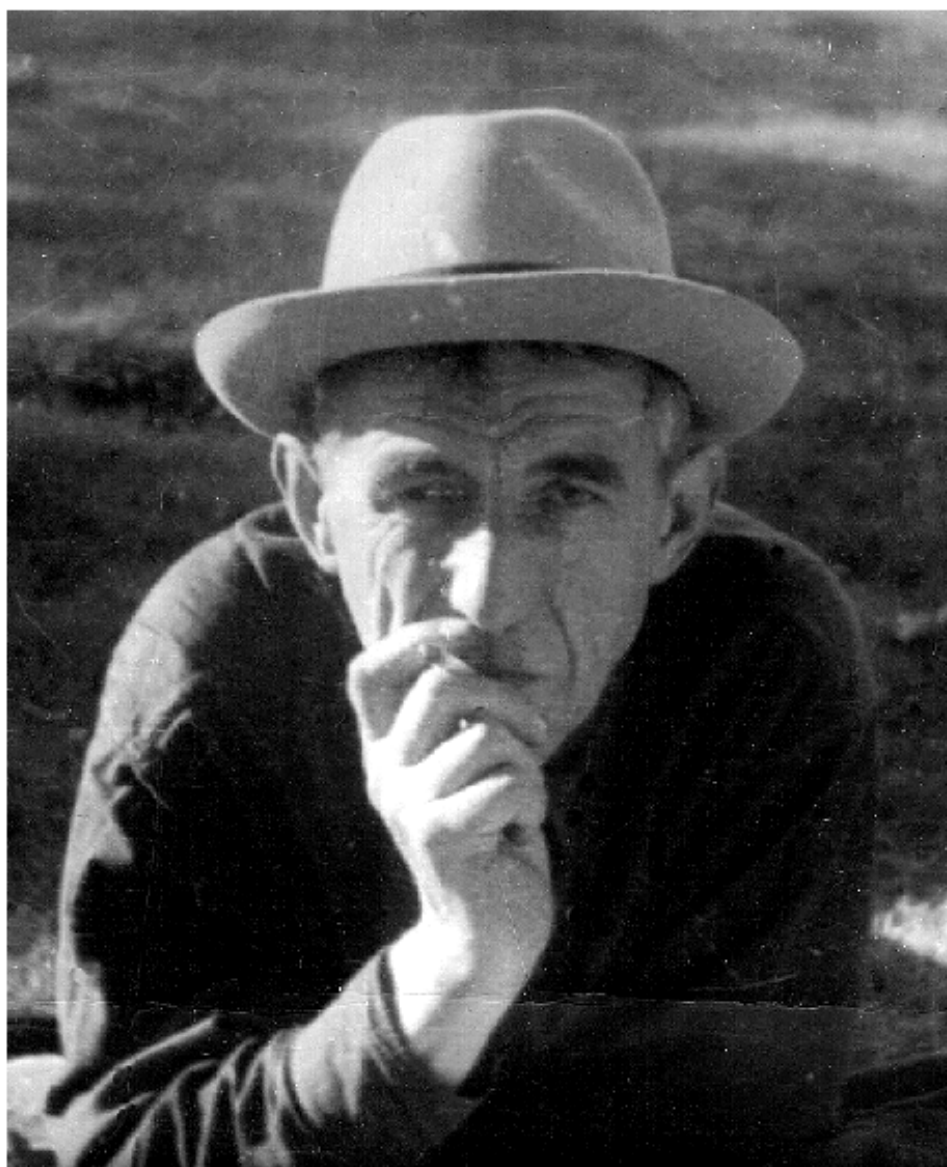

**ЖИЗНЬ И
НАУЧНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
С. А. КОНДРАТЬЕВА
(1896-1970)**

**В МОНГОЛИИ
И В РОССИИ**

Архив
оссийского Востоковедения

C. Kondanich

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**ЖИЗНЬ
И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
С. А. КОНДРАТЬЕВА
(1896–1970):
в Монголии и в России**

*Подготовка к изданию, предисловие,
введение, комментарий и указатели —
И. В. Кульганек, В. Ю. Жуков,*

Санкт-Петербург
2006

УДК
ББК

Программа фундаментальных
исследований Президиума РАН
«ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В ЕВРАЗИИ»
<http://eurasia.iea.ras.ru>

*Издание осуществлено при поддержке Фонда евразийских исследований
по направлению: «Культурное многообразие
и взаимодействие народов Евразии. Мировоззрение и религии»*

*Название проекта 2004—2005 гг.: «Русско-монгольские научные взаимосвязи
и этнокультурные контакты в рукописном наследии С. А. Кондратьева»*

*Научный редактор
д-р ист. наук Е. И. Кычанов*

*Рецензенты
д-р филол. наук А. Д. Цендина, проф. С. Г. Кляшторный*

**Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева (1896—1970): в Монголии
и в России** / Подг. текста, предисл., введ., коммент. и указ. — Кульганек И. В.,
Жуков В. Ю. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 404+8 с. (Ар-
хив Российского Востоковедения).

Книга представляет собой первое монографическое исследование жизни, деятельности и творчества С. А. Кондратьева (1896—1970) — отечественного монголоведа-фольклориста, археолога и композитора, исследователя Монголии, участника Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. известного исследователя Центральной Азии П. К. Козлова.

Приведена научная биография С. А. Кондратьева, публикуется значительная часть его творческого наследия из нескольких российских государственных архивов.

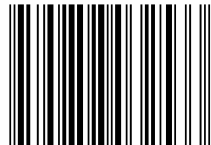
Монгольские дневники С. А. Кондратьева (1920-е гг.) содержат интересный материал о ходе знаменитых ноинулинских раскопок, давших миру сенсационные открытия, относящиеся к гуннскому периоду завоевания Центральной Азии (I в. до н. э.—I в. н. э.). Они вносят определенный вклад в развитие отечественного монголоведения и русско-монгольского научного взаимодействия. В московском дневнике-размышлении Кондратьева («Мысли о жизни», 1949 г.) дается оценка современной ему политической, экономической и культурной жизни, приводятся характеристики многих деятелей науки и культуры, что делает его важным источником сведений по истории «позднего сталинизма». Публикуемые художественная проза и стихи С. А. Кондратьева органично дополняют его творческий портрет.

Книга снабжена рядом указателей и рассчитана на специалистов-востоковедов, литературоведов, музыковедов, историков, культурологов и всех, кому небезынтересны описываемые в ней время, события, люди и проблемы.

На фронтисписе: фотография С. А. Кондратьева.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

ISBN 5-85803-253-2

9 785858 032533

© И. В. Кульганек, В. Ю. Жуков, 2006

© «Петербургское Востоковедение», 2006

Зарегистрированная торговая марка

Предисловие

Книга представляет собой первое в литературе монографическое исследование жизни, деятельности и творчества Сергея Александровича Кондратьева (1896—1970) и его вклада в развитие монголоведения и русско-монгольского научного взаимодействия. Публикуется значительная часть его творческого наследия, отразившего дух и противоречия эпохи, в которой ему довелось жить.

Исследователь Монголии, участник Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг., С. А. Кондратьев был сыном пулковского астронома А. А. Кондратьева и (по материнской линии) племянником композитора А. С. Аренского. Рациональное и эмоциональное, интерес и способности к науке и искусству переплелись в нем на генетическом уровне. Его отличали эрудиция, разнообразные научные интересы и широкий культурный кругозор. Археолог и фольклорист, композитор и пианист, переводчик и поэт, автор нескольких научных и научно-популярных работ, дневников и писем разных лет, Сергей Александрович — разносторонний, многогранный человек, верный своему жизненному кредо: «Каждый мерит мир собственной душой».

Неиссякаемым источником «приведения в известность» богатейшего письменного наследия являются государственные и частные архивы. В книгу включены четыре дневника С. А. Кондратьева 1920—1940-х гг., его письмо к известному исследователю Центральной Азии П. К. Козлову, проза и поэзия из нескольких российских государственных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) в Москве, архивов Института материальной культуры РАН и Музея-квартиры П. К. Козлова (Санкт-Петербург). Предлагаемые читателю документы в основном публикуются впервые (за исключением двух монгольских дневников 1923—1926 гг. и нескольких стихотворений).

Из письма к П. К. Козлову с просьбой о зачислении в экспедицию, открывающего публикацию творческого наследия Кондратьева (хранится в ГАРФ), становится предельно ясно, какую тягу к Востоку, к Монголии испытывал Сергей Александрович, когда писал: «Мне необходимо попасть в Азию». Письмо содержит биографические сведения о С. А. Кондратьеве и представляет его целеустремленным и востор-

женным молодым человеком. Согласие П. К. Козлова и разрешение Н. П. Горбунова — личного секретаря В. И. Ленина и секретаря (затем управляющего делами) Совнаркома, курировавшего экспедицию со стороны правительства, — на участие Кондратьева в экспедиции стало поворотным пунктом в его судьбе. Сергей Александрович навсегда «заболел» Монголией, любовь к которой он пронес через всю свою жизнь и творчество.

Эпистолярное наследие С. А. Кондратьева достаточно велико. В архиве Музея-квартиры П. К. Козлова хранится обширная переписка Кондратьева с Е. В. Козловой, с которой он был дружен до конца своих дней. Существуют письма к нему его отца. Опубликованы письма Кондратьева к востоковеду Ц. Ж. Жамцарано¹ и письма к Кондратьеву его сестры С. А. Павловой (урожд. Кондратьевой) из блокадного Ленинграда².

Монгольский период жизни С. А. Кондратьева представлен главным образом тремя его дневниками (1923—1926 и 1928). Первые два — периода козловской экспедиции — ранее напечатаны с участием одного из авторов малым тиражом в узкоспециальном издании³, третий (1928) публикуется впервые. Они являются полезной документальной базой для изучения русско-монгольских научных связей 1920-х гг. и по-своему дополняют недавно изданные дневники самого П. К. Козлова⁴.

В послемонгольский период С. А. Кондратьев пишет в Москве «Мысли о жизни» — впервые публикуемый здесь дневник 1949 г. В нем дается оценка политической, экономической и культурной жизни сталинской России, приводятся характеристики многих деятелей науки и культуры.

Дневники С. А. Кондратьева — не просто любопытные человеческие документы, но и информационно емкий и правдивый исторический источник для изучения атмосферы и конкретных научных, культурных и социально-политических реалий 1920—1940-х гг., российско-монгольских отношений, для понимания умонастроений тогдашней творческой интеллигенции. Написанные в разное время, по-разному и о разном, они представляют особый интерес. По сути, и писали их во

¹ Кульганек И. В., Васильев Д. Д. С. А. Кондратьев — Ц. Жамцарано // *Mongolica-IV: Сб. статей / Сост. И. В. Кульганек. СПб., 1998. С. 106—112.*

² Письма-дневник из блокады / Публ., предисл. и коммент. В. Ю. Жукова и Н. Л. Марковой // *Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 5: Материалы к истории блокадного Ленинграда. СПб., 2000. С. 175—191.*

³ «Каждый мерит мир собственной душой»: Дневник С. А. Кондратьева, участника экспедиции П. К. Козлова в Монголию. 1923—1926 гг. / Изд. подгот. Д. Д. Васильевым и И. В. Кульганек // *Бюллетень Общества востоковедов. Newsletter. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. Вып. 3. 281 с.*

⁴ *Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923—1926 / Отв. ред. А. В. Постников; Ред.-сост. Т. И. Юсупова; Сост. А. И. Андреев. СПб.: Наука, 2003. 1050 с. (Научное наследство. Т. 30).*

многим разные люди — совсем еще молодой и немного восторженный человек (монгольские дневники) и уже умудренный жизнью зрелый и несколько скептический наблюдатель, наделенный чувством боли и ответственности за свою страну (московский дневник).

Публикуемые в книге стихи и художественная проза Сергея Александровича органично дополняют его творческий портрет. Его незаурядную и самобытную поэзию отличает мистическое видение мира, символизм тамплиеров⁵, сыгравших определенную роль в становлении его духовной жизни. В архивах хранятся стихи С. А. Кондратьева разных лет, в книгу включена только одна из трех тетрадей его стихов («Следы жизни», 1939 г.). Она была подготовлена к печати еще самим автором. Для прозы С. А. Кондратьева характерен мягкий юмор. «Зощенковский» смех слышится в трагикомической истории «Трава на ветру», с тонким юмором написаны пародийные «Классики о соленых грибах».

Книга адресуется востоковедам, музыковедам, литературоведам, географам, историкам, культурологам и всем, кому небезынтересны описываемые в ней события, люди и проблемы второй четверти недавно минувшего века. Авторы надеются, что это издание заинтересует и широкого читателя, равнодушного к судьбам страны и интересующегося ее историей и культурой.

Географические названия приводятся по тексту С. А. Кондратьева, публикуемые произведения прокомментированы. Книга снабжена перечнем его опубликованных и неопубликованных работ, именным и географическим указателями и списком сокращений, проиллюстрирована фотографиями.

* * *

Эта книга готовилась несколько лет и увидела свет благодаря поддержке Фонда евразийских исследований по направлению: «Культурное многообразие и взаимодействие народов Евразии. Мировоззрение и религии».

Подготовку к изданию осуществили канд. филол. наук ст. научный сотрудник сектора тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (СПбФ ИВ) И. В. Кульганек и канд. ист. наук доц. кафедры истории Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ) В. Ю. Жуков.

Тема и основные идеи работы прошли обсуждение на ряде конференций, в том числе за рубежом⁶.

⁵ Поэзия храмовников (членов католического духовно-рыцарского ордена тамплиеров, XII—XIV вв.) отличалась средневековым символизмом и мистицизмом и вызвала много подражаний.

⁶ *Монголия*: VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.), Международная конференция Института истории Академии наук Мон-

Авторы выражают благодарность всем, кто предоставил возможность познакомиться с дневниками и другими документами С. А. Кондратьева и оказал помощь в подготовке настоящего издания:

Н. Н. Сафоновой (урожд. Павловой)⁷, племяннице С. А. Кондратьева, — за предоставленные ею документы исследователя, хранящиеся в ее домашнем архиве, сообщенные сведения, а также за советы и консультации в работе над книгой;

*А. В. Кондратьеву*⁸, двоюродному брату С. А. Кондратьева, — за разрешение воспользоваться его воспоминаниями об исследователе и содержательную беседу о нем (26.06.2001 г.);

*С. О. Павлову*⁹, внучатому племяннику С. А. Кондратьева, и Н. И. Лабутиной за подготовку и компьютерный набор ряда текстов Кондратьева;

Д. Д. Васильеву, канд. ист. наук заведующему Отделом Центральной Азии Института востоковедения РАН, — за любезное разрешение на переиздание дневников 1923—1926 гг., одним из авторов подготовки к изданию которых он является.

А. И. Андрееву, канд. ист. наук заведующему Музеем-квартирой П. К. Козлова, руководителю группы истории изучения Центральной Азии Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова (СПбФ ИИЕТ) РАН и

Т. И. Юсуповой, канд. ист. наук ученому секретарю СПбФ ИИЕТ РАН, — за помощь в атрибуции имен в монгольских дневниках Кондратьева и любезно предоставленную возможность опубликовать письмо С. А. Кондратьева к П. К. Козлову;

Т. П. Селивановой, канд. ист. наук ст. научному сотруднику сектора Южной и Юго-Восточной Азии СПбФ ИВ РАН, — за перевод включенных С. А. Кондратьевым в свой дневник писем к жене, написанных на урду;

Г. В. Длужневской, зав. фотоархивом Института материальной культуры РАН, — за помощь в поиске фотографий;

голии и Администрации губернатора Селенгинского аймака Монголии «Хунну: история и культура» (Улан-Батор; Сухэ-Батор, 14—18 мая 2005 г.);

Россия (Санкт-Петербург): XXI годичная конференция Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники «Санкт-Петербург как научный центр: Роль научного сообщества в контексте мирового межкультурного диалога» (20—24 ноября 2000 г.); Всероссийская научная конференция Международной ассоциации исторической психологии «Исторические персоналии: мотивировка и мотивации поступков» (16—17 декабря 2002 г.).

⁷ *Н. Н. Сафонова* (урожд. Павлова) — дочь сестры С. А. Кондратьева, С. А. Павловой (урожд. Кондратьевой), от второго брака — с Н. Н. Павловым.

⁸ *А. В. Кондратьев* (1927—2002) — сын В. А. Кондратьева, дяди С. А. Кондратьева (брата его отца — астронома А. А. Кондратьева).

⁹ *С. О. Павлов* — внук С. А. Павловой (урожд. Кондратьевой), сын ее младшего сына, О. Л. Павлова, от первого брака — с Л. М. Брендстедом.

Энхтувшину, д-ру ист. наук Президенту Международной ассоциации изучения кочевничества Центральной Азии (Монголия) и

А. А. Ковалеву, канд. ист. наук депутату ЗАГСа Санкт-Петербурга, — за доброжелательную поддержку проекта и уверенность в скорейшей публикации этой книги;

И. Ю. Сумериной — за ценные советы при подготовке настоящей книги к изданию.

Русско-монгольские научные связи и культурные контакты в начале XX века

XX век знаменовался формированием новых отношений России с ее соседом — Монголией. В определенной мере это было результатом создания в Монголии в 1911 г. независимого государства, поскольку именно этот факт определил новую международную ситуацию в регионе. В эти годы осуществляется переход от сдержанных дипломатических шагов к прямому политическому и экономическому сотрудничеству. Наиболее активно выступали за подобные действия в отношении Монголии российские Министерство финансов и торговые круги. Однако и ранее, до провозглашения Монголией своей независимости, предпринимались действия по налаживанию и расширению всевозможных контактов с этим государством. Так, по инициативе сибирского купца Трапезникова представители московского промышленного района России в 1910 г. снарядили Московскую торговую экспедицию, в которой участвовали многие солидные фирмы. То же было предпринято вскоре и сибирскими деловыми кругами. При некоторых разногласиях по частным вопросам единым было желание активизировать все виды торговых контактов.

Проблемы культурных контактов России и Монголии широко обсуждались в прессе — журналах «Новое время», «Русский экспорт», «Вестник Азии», «Современник», «Сибирские вопросы», газетах «Речь», «Обская жизнь», «Сибирь», «Иркутское слово». Свое мнение высказывали в публикациях ведущие монголоеды того времени В. Д. Котвич, Б. Я. Владимирцов. Они, так же как и другие либеральные народники и представители демократической интеллигенции, например профессора М. И. Боголепов и М. Н. Соболев, считали, что Россия должна оказать помощь Монголии в создании независимого государства. Б. Я. Владимирцов в письме от 25 июня 1912 г. к А. В. Бурдукову, работавшему в то время в Монголии в составе русско-монгольской торговой компании (впоследствии видный российский ученый-монголовед, преподаватель Ленинградского государственного университета), пишет:

Министерство иностранных дел само не знает, чего хочет. Очевидно, наше правительство, с одной стороны, как будто и хочет что-то сделать, но зато, с другой стороны, ничего решительно не знает и боится¹.

Наиболее полная характеристика и оценка положения в Монголии того времени и перспективы развития торговли и культурных связей между Россией и Монголией даны известным сибирским литератором, этнографом, общественным деятелем Д. П. Першиным². Показательно, что позицию поддержки самостоятельного монгольского государства выражал человек, занимавший определенные политические посты (являлся чиновником особых поручений при иркутском генерал-губернаторе, управляющим Монгольским национальным банком), но главное — обладал большой эрудицией, прекрасно знал особенности общественной и культурной жизни Монголии, был сведущ в зоологии и геологии, читал лекции по буддизму и шаманизму в т. н. Народном университете, существовавшем в Иркутске, являлся активным членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Географического общества, был на общественных началах консерватором (хранителем) и собирателем коллекций по истории, ботанике. Его взгляды разделяли работавшие в то время в Иркутске и общавшиеся в нем в Музее известные путешественники-исследователи Центральной Азии и Сибири — Г. Н. Потанин, В. А. Обручев, Д. А. Клеменц. Взгляды эти нашли отражение в «Кратком очерке 50-летней деятельности Сибирского отделения РГО по этнографии в пределах Азии»³. Схожие мысли высказывал и сибирский языковед и этнограф Н. П. Евстафиев. «Вернуть доверие и уважение монголов к России», утраченное в результате мошенничества русских купцов, он считал возможным только через подъем культуры и самостоятельности Сибири, подъем культуры и самобытности монголов, проведение в жизнь принципов активной политики, опирающейся на активное население⁴.

Большое значение необходимости распространения культурного влияния русских в Монголии придавали многие прогрессивные люди России того времени, которые считали, что «Монголия жаждет культуры и цивилизации», что монголы примут русских представителей науки, культуры и специалистов «с распростертыми объятиями, ибо какой бы отсталой страной ни была Монголия, она сумела сохранить высокую личную нравственность, она знает, что есть добро и зло, и

¹ Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 333.

² См.: Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булаг. Самара, 1999.

³ Известия ВСО РГО. 1896. XXVI. № 1. С. 41—85.

⁴ Кузьмин Ю. В. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 гг. и позиция общественных кругов России // Mongolica-III. Из архивов отечественных монголоведов XIX—начала XX в.: Сб. науч. статей / Сост. и авт. предисл. И. В. Кульганек. СПб., 1994. С. 77.

сумеет взять от европейской культуры все доброе и хорошее»⁵. Позиция интеллигенции в России была четко сформулирована и однозначно сводилась к сотрудничеству во всех сферах деятельности, к необходимости оказания помощи Монголии в создании независимого государства на основе равноправных российско-монгольских отношений. Примером первых практических шагов в российско-монгольских отношениях в области торговли стала деятельность Товарищества А. В. Бурдукова «Бурдуков и К°» в Хангельцике на северо-западе Монголии, построившего свою работу на равноправии русских и монгольских пайщиков (число которых было также одинаковым). Т-во «Бурдуков и К°» выступало против притеснения русскими купцами местного населения, проводило политику независимо от Китая развития торговли.

Первые примитивные русские предприятия появились в Монголии в середине 1890-х гг. Сначала они были связаны главным образом с обработкой местного животноводческого сырья, а затем — с разработкой леса, добычей полезных ископаемых, драгоценных металлов⁶. Несколько позже в Монголии были построены русские государственные предприятия: телеграф, типография, электростанция. Среди прогрессивных кругов Монголии также существовало понимание, что необходимо преодолевать экономическую отсталость страны. Главной силой в проведении этих настроений были представители местного среднего и мелкого чиновничества, интеллигенции, зарождающегося торгового капитала.

Большую роль в упрочении отношений двух стран сыграли визиты в Россию министров новой власти, установившейся в Монголии после провозглашения ее независимости в 1911 г. Были проведены дипломатические переговоры в МИД России, посещен ряд предприятий Санкт-Петербурга. Особенно успешной оказалась дипломатическая миссия во главе с премьер-министром Монголии Сайн-ноин-ханом в октябре 1913 г., когда товарищ министра иностранных дел Монголии Цэрэн-Доржи совершил ряд деловых поездок на столичные предприятия. Проявляли интерес к России не только политические, но и религиозные деятели. Известен приезд в Россию, в Кяхту, Джалхагзан-гэгэна с 20 учениками, которых интересовала, наряду с промышленностью, также духовная, культурная жизнь русских.

С конца XIX в. в Монголию ежегодно стали направлять врачей для исследования чумы и проведения противочумных мероприятий (Н. И. Дамаскин, Ю. Д. Талько-Грынцевич, И. Н. Ланге, Ф. Ф. Скршиван). В начале XX в. русская медицина оказывала монголам большую помощь в борьбе с разразившейся эпидемией оспы, по-

⁵ Свечников А. П. Русские в Монголии. СПб., 1912. С. 149.

⁶ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX—начале XX в. Иркутск, 1994. С. 67.

сылая своих врачей, младший медицинский персонал для оспопрививания населения детритом, который также привозили из России. В Монголии открылась частная ветеринарно-противочумная станция, возглавляемая кяхтинскими купцами И. Д. Синицыным и М. Коркиным.

В это время русскими создается в Монголии ряд учреждений просвещения и культуры, среди них были школы для русских и монголов, клубы, библиотеки, кинематограф. До 1910 г. «единственным в Монголии культурным делом в России», как писал об этом представитель Московской торговой экспедиции в 1910 г. в Монголию Морозов, была Ургинская русская школа переводчиков и толмачей, созданная при большой поддержке русского консула Я. П. Шишмарева. Она официально получила признание в 1884 г. и просуществовала до 1920 г. Ученики этой школы, несмотря на большие материальные трудности, несовершенство преподавания, практически свободно владели монгольским языком, были хорошими переводчиками. Всего школа подготовила более 100 переводчиков, которые служили в правительственных учреждениях, частных предприятиях Монголии, Китая, Дальнего Востока, Сибири, Маньчжурии⁷. Было открыто 10 школ для русских детей, живших в Урге (с 1922 г. — Улан-Батор), а в 1916 г. среднее учебное заведение — коммерческое училище, обязанности директора которого выполнял священник Ф. Парняков. Существовало оно на средства русских жителей и частные пожертвования кяхтинских купцов.

В русские школы привлекались и монголы, а в 1912 г. для монгольских детей открылась при консульстве России начальная русско-монгольская школа. Ее начальником был назначен Ц. Ж. Жамцарано⁸, видный бурятский политический и общественный деятель, ученый-монголовед, фольклорист, работавший тогда в Урге по приглашению монгольского правительства. По существу, он возглавил практическую деятельность нового правительства по вопросам просвещения и культуры. Через год состоялась первая ознакомительная поездка 20 учеников этой школы в Иркутск с образовательной целью, где они знакомились с достопримечательностями посещаемых ими мест, главным образом с русскими школами. В 1914 г. семь человек были посланы для продолжения обучения в лучших училищах Иркутска. Так был сде-

⁷ Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. С. 137, 142, 146.

⁸ Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1880—1942) — бурятский ученый-востоковед и общественный деятель. Преподаватель факультета восточных языков Императорского Петербургского университета и Практической Восточной академии (1902—1908, 1911), сотрудник этнографического отдела Русского музея (1902—1911). Участник многих экспедиций в Бурятию и Монголию, преподаватель Иркутского университета (1918—1921). Ученый секретарь Ученого комитета МНР (1921—1931). Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1932—1937). Арестован в 1937 г. Умер в тюрьме. Труды по фольклору, этнографии и истории монгольских народов.

лан важный шаг на пути приобщения монголов к европейскому образованию и культуре.

Первыми библиотеками в Монголии были русские библиотеки. В 1915 г. Н. Н. Владимиченко, Н. А. Шведовым, А. Ю. Овсянниковым в помещении начальной школы была организована первая общественная библиотека с читальным залом. Ее фонд составлял 500 книг. Большую роль в развитии русско-монгольских культурных связей сыграли первые русские газеты в Монголии, которыми стали «Ургинский листок», «Ургинское общество потребителей в Монголии», «Юный колонист», «Жизнь на Восточной окраине». Специально для местного населения издавалась газета на монгольском языке — «Монголын сонин бичиг», ставившая своей целью, как сообщал в 1909 г. журнал «Вестник Азии» (№ 1), «поднятие культурного уровня монголов и распространение среди них правильных сведений о России и ее мирных культурно-экономических интересах на Дальнем Востоке»⁹.

После провозглашения независимости Монголии в стране начала выходить собственная периодика: ежемесячный журнал «Шинэ толь» и — позже — газета «Нийслэл хурээний сонин бичиг», редактором которых был Ц. Ж. Жамцарано. Эти издания не только содержали простые и доступные сведения по географии, экономике, истории и культуре России, но и освещали политические события в нашей стране, Китае, самой Монголии. Они стали основоположниками монгольской периодической печати.

Под воздействием открытого в 1913 г. Русского клуба и других культурных организаций, появившихся в Кобдо и Джаин-Шаби, стали возникать монгольские любительские театральные труппы. В канун Первой мировой войны монголы знакомятся с русским кинематографом, который также стал символом «проявления стремления монгольского народа к приобщению к современному культурному миру в период монгольской монархии (1911—1919 гг.)»¹⁰.

Видную роль в налаживании русско-монгольских научных и культурных связей сыграли научно-исследовательские и образовательные учреждения, а также отдельные ученые России, занятые разносторонним изучением Монголии. Особое место в этом процессе принадлежит Императорскому Российскому географическому обществу (ИРГО)¹¹, основанному в Санкт-Петербурге в 1845 г.

⁹ Цит. по: Даревская Е. М. Указ. соч. С. 165.

¹⁰ Второй Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1973. Т. 1. С. 70—71.

¹¹ Основано как Русское географическое общество (РГО), с 1850 г. — Императорское (ИРГО), в советское время — РГО (1917—1926), затем Государственное географическое общество (ГГО) (1926—1938), Всесоюзное географическое общество (ВГО) (другой вариант — Географическое общество (ГО) СССР) при АН СССР (1938—1993). С 1993 г. снова РГО. В 2005 г. Общество отметило свое 160-летие.

С созданием ИРГО появляется возможность снаряжать военно-географические экспедиции. Первыми путешественниками экспедиций такого рода были Н. М. Пржевальский, В. И. Роборовский, Б. Пестовский, затем П. К. Козлов. Путешественниками были добыты ценнейшие материалы по истории, культуре, этнографии Центральной Азии. Большую работу по краеведению выполняли также отделения Общества в различных регионах России.

Восточно-Сибирское отделение Общества (ВСОРГО) начало свою работу с 1850 г. В начале XX в. появляются Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела (ТСКОПО) ВСОРГО, Восточный институт во Владивостоке, Общество изучения Сибири в Томске. Большой вклад в изучение Монголии по различным направлениям внесли Д. Банзаров, Н. И. Гомбоев, Д. А. Клеменц, П. А. Ровинский, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Н. А. Чарушин, Е. И. Сычевский, И. Чистохин, И. А. Подгорбунский, И. В. Падерин, Н. В. Кириллов, Г. И. Посылин, А. Д. Васенев, В. А. Обручев, А. В. Вознесенский. Д. П. Першин, Ю. Д. Талько-Грынцевич, Э. Д. Ринчино, Д. В. Вампилов, Ф. Парняков, Н. К. Стуков и многие другие исследователи, чьи имена связаны с этими учреждениями.

Однако основная научная работа и подготовка наиболее высокопрофессиональных кадров специалистов-монголоведов осуществлялась в Санкт-Петербурге с 1855 г. — со времени образования восточного факультета (факультета восточных языков) в Императорском Петербургском университете. Кафедры, на которых изучался монгольский язык, всегда отличались самыми тесными контактами с Калмыкией, Забайкальем, Бурятией, Монголией, Китаем. История, лингвистика, литературоведение, этнография Монголии изучались в тесном соприкосновении с регионами, где проживали монголоязычные народы, о чем говорят неоднократные поездки профессоров, преподавателей и студентов в Калмыкию, Бурятию, Монголию. Экспедиции в Монголию Б. Я. Владимирцова, С. А. Козина, В. Л. Котвича, А. М. Позднеева, В. В. Радлова, Г. Рамстедта вывели монголоведение по определенным направлениям на новый научный уровень.

Результатом поездок в Монголию явились труды А. М. Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу», «Образцы литературы монгольских племен», «Учебник тибетской медицины»; Б. Я. Владимирцова — «Монгольская литература», «Сравнительная грамматика литературного монгольского языка и халхаского наречия». Несколько лет провел в Монголии сначала в составе экспедиции по статистическо-экономическому и этнографическому обследованию, затем — в качестве советника по финансовым и экономическим вопросам видный монголовед-литературовед С. А. Козин, оставивший после себя объемные исследования и переводы главнейших письмен-

ных памятников монгольских народов: «Сокровенное сказание», «Гэ-сэр» и «Джангар».

Таким образом, русско-монгольские научные и культурные контакты развивались по многим направлениям. В начале XX в. они стали значительно шире и разнообразнее, поскольку Россия, продолжая оставаться связующим звеном между Европой и Азией, соединяла Монголию с другими западными народами и государствами, во многом являясь для монголов проводником европейской культуры.

Сразу после революции 1921 г. и провозглашения Монгольской Народной Республики (МНР) был создан Ученый Комитет (19 ноября 1921 г.) — первое светское государственное научное учреждение в этой стране. Изначально он состоял из одного только отделения — языка и литературы. При нем была основана библиотека, насчитывавшая около 2000 томов. Но уже через три года появились кабинеты истории, тибетологии и буддизма, географии и сельского хозяйства, был организован краеведческий музей. В 1927 г. при Ученом Комитете был основан Государственный архив.

Роль российских коллег в работе Ученого Комитета МНР велика. Первым председателем Комитета стал О. Жамьян, непосредственное участие в практическом руководстве и организации работы этого учреждения принимал советский подданный известный ученый-монголовед Ц. Ж. Жамцарано. С самого возникновения Ученого Комитета была установлена тесная связь российских и монгольских ученых. Членами Комитета являлись российские ученые и исследователи: Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, П. К. Козлов, В. А. Обручев, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербацкой. Одним из приоритетных способов изучения Монголии были экспедиции. Как наиболее перспективная и корректная форма научно-исследовательской работы, они впоследствии были взяты на вооружение Монгольской комиссией Академии наук СССР, созданной в 1925 г. (просуществовала до 1953 г., сначала в структуре СНК СССР (1925—1927), а затем — в составе АН СССР (1927—1953)).

Большую помощь оказывали Комитету жившие в то время в Монголии русские специалисты. Например, инженер В. И. Лисовский возглавлял картографический отдел, им была подготовлена первая карта Внешней Монголии. В Ученый Комитет направлялись на практику и в научные командировки студенты и выпускники восточного факультета Петроградского университета, студенты открывшегося в 1920 г. Петроградского института живых восточных языков (ПИЖВЯ). Так, В. А. Казакевич, находясь в Монголии в 1923—1925 гг., принял участие в пяти экспедициях, собирал этнографический материал, вел топографические исследования и занимался рекогносцировкой. Участвовал в работах Ученого Комитета и С. А. Кондратьев.

С самого начала основной формой работы было совместное изучение прошлого и настоящего страны, проведение совместных исследований по основным научным направлениям: экономике, географии, геологии, истории, литературе. Определенную роль в русско-монгольских научных контактах сыграло создание Всесоюзной научной ассоциации востоковедения (ВНАВ) в России, которая функционировала 10 лет (до 1930 г.). Число членов и корреспондентов ВНАВ достигало тысячи человек. В журнале «Новый Восток» (печатный орган этой Ассоциации) не раз появлялись статьи о современном политическом, географическом положении, о культуре и этнографии Монголии. Именно ВНАВ взяла на себя функцию координатора всей востоковедной работы на Дальнем Востоке после организации в 1922 г. сначала Иркутского отделения ВНАВ, а затем — Дальневосточного отдела ВНАВ в Хабаровске (первоначально во Владивостоке), один из филиалов которого находился в Урге (Улан-Баторе). Филиалы Ассоциации сыграли большую роль в развитии востоковедения на местах, являлись важными научными и культурными центрами. Члены ВНАВ вели широкую лекционную работу по популяризации востоковедных знаний. Деятельность ассоциации создала базу для углубленного изучения в Советской России нового Востока в экономическом, социально-политическом и историческом аспектах, содействовала развитию и укреплению связей СССР с Монголией и другими восточными государствами¹².

В свете того, что с созданием в Монголии нового государства и приходом к власти монгольской народной партии «советское направление во внешней политике Урги стало основным и приоритетным»¹³, организация Монголо-Тибетской экспедиции (1923—1926) известным путешественником и исследователем Центральной Азии П. К. Козловым (1863—1935), прославленным к тому времени прежними своими сенсационными открытиями, оказалась очень созвучной эпохе.

Российский советский востоковед, почетный член Русского географического общества, академик АН Украинской ССР (1928), Петр Кузьмич Козлов был учеником и последователем Н. М. Пржевальского, участником его экспедиций и экспедиций М. В. Певцова и В. И. Роборовского. Он сам возглавил ряд экспедиций, совершил шесть больших путешествий в Монголию, Северный и Западный Китай, в Восточный Тибет, каждое из них имело большие научные результаты. Так, из Монголо-Камской экспедиции (1899—

¹² См.: Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Всесоюзная научная ассоциация востоковедения. 1921—1930 (К 60-летию со дня основания) // Становление советского востоковедения. М., 1983. С. 131—163.

¹³ Лузянин С. Г. Монголия — Китай в первой половине XX в. М., 2000. С. 100.

1901) были привезены разнообразные естественноисторические коллекции, интересные этнографические сведения и данные о зоогеографии. Монголо-Сычуаньская экспедиция (1907—1909) принесла миру уникальные археологические находки, сделанные при раскопках в 1908 г. мертвого города Хара-Хото (XI—XIII вв.) в низовьях р. Жошуй (Эдзин-Гол) в Северном Тибете. Путешествие в Тибет в 1909 г. имело большое политическое значение, в 1915 г. П. К. Козлов работал во главе особой правительственной экспедиции по закупке скота для нужд русской армии. В 1923—1926 гг. он являлся начальником экспедиции в Монголию, давшей миру материалы гуннского периода (I в. до н. э.—I в. н. э.)¹⁴.

Эта экспедиция задумывалась как тибето-монгольская, в планы ее входило добраться до Лхасы — столицы Тибета. На начальном этапе она предполагала проведение раскопок в Хара-Хото, а затем следовало совершить восхождение на Тибетское плоскогорье через долину Цайдам. Намечен был следующий маршрут: Урга — Хара-Хото — Ганьчжоу — горная система Наньшань — Цайдам — подъем на Тибетское плато, движение вглубь горной страны к р. Мур-усу (ныне Муруй-ус) и оттуда к Лхасе¹⁵. Одним из ключевых моментов экспедиции должна была стать встреча с Далай-ламой.

Таким образом, экспедиция несла кроме научной еще и политико-пропагандистскую нагрузку. Организатором экспедиции выступало РГО, все расходы должно было принять на себя советское правительство. В состав экспедиции должен был входить 21 человек: начальник (П. К. Козлов), 2 старших помощника (ботаник Н. В. Павлов и географ С. А. Глаголев), 4 младших (орнитолог Е. В. Козлова — жена Козлова, врач-энтомолог Е. П. Горбунова — сестра Н. П. Горбунова¹⁶, ботаник-коллектор А. Д. Симуков и геолог Б. М. Овчинников), 3 препаратора (П. С. Савельев, В. А. Гусев, В. М. Канаев), 6 конвойных (П. М. Саранцев, К. К. Даниленко, Н. Н. Барсов, В. М. Худяков, Н. Ю. Касимов, С. А. Кондратьев), 2 переводчика (Б. Мухрайн, Ш. Эрдэниев), 2 заведующих караваном (А. Мадаев, У. А. Бохин), кинооператор (М. В. Налетный)¹⁷.

Из-за доноса на П. К. Козлова в ГПУ (с 1923 г. ОГПУ) выезд был задержан на месяц, а состав экспедиции несколько изменился: к отря-

¹⁴ См.: Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923—1926 / Отв. ред. А. В. Постников; Ред.-сост. Т. И. Юсупова; Сост. А. И. Андреев. СПб., 2003. С. 9—19. (Научное наследство. Т. 30).

¹⁵ Там же. С. 13.

¹⁶ Горбунов Николай Петрович (1892—1938) — химик, революционер. Личный секретарь В. И. Ленина и секретарь Совнаркома, с 1920 г. управляющий делами Совнаркома РСФСР, позже — Совнаркома СССР. В 1935—1937 гг. неперменный секретарь АН СССР. Куратор экспедиции со стороны правительства, много сделал для ее жизнестойкости, друг Е. В. Козловой. Расстрелян в 1938 г.

¹⁷ Козлов П. К. Указ. соч. С. 14.

ду прикомандировали комиссара — Д. М. Убугунова и отчислили Овчинникова и Барсова. Это стало известно благодаря многолетним скрупулезным исследованиям обстоятельств экспедиции, проведенным А. И. Андреевым и Т. Ю. Юсуповой¹⁸.

Экспедиции не суждено было не только дойти до Лхасы, но и выйти за пределы Монголии. Причиной этого была политика правительства СССР, направленная на утверждение советского влияния в Тибете, а точнее — действия конкретных руководителей ГПУ и НКВД — Ф. Э. Дзержинского и Г. В. Чичерина, которые считали, что «антисоветски настроенная» экспедиция П. К. Козлова могла привести к срыву тщательно выстраиваемой советской политики. Известно, что в это время была запланирована другая экспедиция в Тибет, возглавляемая бывшим коминтерновцем, а в описываемое время — сотрудником Восточного отдела НКВД С. С. Борисовым. Вот она благополучно справилась со своей миссией¹⁹. Экспедиция же П. К. Козлова вынуждена была ограничиться районами близ Улан-Батора.

Однако произведенные ею раскопки дали неожиданно сенсационные результаты. Несмотря на то что экспедиция не получила возможности полностью выполнить намеченный план (дойти до Лхасы в Тибете) и вынуждена была сосредоточить свои исследования на территории Монголии, причем лишь близ Улан-Батора, Козлову удалось даже в таких жестких условиях выйти на интереснейшие памятники древней культуры кочевников-гуннов, которые два тысячелетия назад стали «во главе объединенной Центральной Азии и заставили Китай признать Хунну равной державой»²⁰.

Ноин-улинские курганы датируются рубежом нашей эры, когда силы Хунну уже были подорваны и начался распад державы. Из более чем двух десятков Ноин-улинских курганов были раскопаны восемь — Андреевский, Баллодовский, Кондратьевский (названный так по имени С. А. Кондратьева), № 1 (Мокрый) и № 6, 23, 24, 25, находившиеся в трех лесистых впадинах: Гуджиртэ (Солончаковая), Дзурумтэ (Благочестивое приношение), Судзуктэ (Молитвенная).

Работу экспедиции курировали ленинградские ученые: археологи Г. И. Боровка и С. А. Теплоухов, минералог В. И. Крыжановский и почвовед Б. Б. Полюнов (будущий академик АН СССР), которые позже опубликовали ряд статей на основе материалов, полученных в результате козловских раскопок.

¹⁸ См.: Андреев А. И. Почему путешественника не пустили в Лхасу // От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века. СПб.; Самара; Прага, 1997. С. 92—120; Андреев А. И., Юсупова Т. Ю. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923—1926 гг.) // ORIENT (СПб.). № 2. С. 51—74.

¹⁹ Козлов П. К. Указ. соч. С. 15—16.

²⁰ Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л., 1962. С. 4.

Результаты раскопок мертвого города Хара-Хото в пустыне Гоби в 1908 г. и гуннских захоронений в горах Ноин-Ула в 1924 г., проведенные под руководством П. К. Козлова, принадлежат к числу выдающихся достижений археологии XX в.²¹ Огромная научная значимость ноин-улинских археологических открытий определялась тем, что они представляли собой погребения гуннской знати с большим количеством вещевого материала. Эти находки значительно расширили представление о взаимоотношениях народов Запада и Востока в древности, оказали неоценимую помощь в изучении различных культур, способствовали формированию новых палеоэтнографических идей и концепций у специалистов, занимающихся Сибирью.

В настоящее время большинство находок хранится в Историческом музее (Улан-Батор, Монголия), некоторые — в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург, Россия) и Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения (СПбФ ИВ) РАН.

Значение этой экспедиции П. К. Козлова велико также потому, что она начинает новый период истории монгольско-российских научных взаимоотношений. Она не только еще раз подтвердила мировую славу этого талантливого путешественника и организатора, стойкого и мужественного человека, но и стала важным звеном в организации регулярных научных контактов, совместного изучения Монголии российскими и монгольскими учеными.

Старшим помощником П. К. Козлова в Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. был Сергей Александрович Кондратьев, первоначально принятый в состав экспедиции с разрешения Н. П. Горбунова в качестве одного из конвойных для ее охраны.

²¹ Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. 1953—2003 / Отв. ред. В. М. Орел и Э. А. Тропп. СПб., 2003. С. 89.

Жизнь и творческое наследие С. А. Кондратьева в контексте русско- монгольского научного взаимодействия

Сергей Александрович Кондратьев (27.03(8.04).1896, Санкт-Петербург — 13.01.1970, Москва, похоронен в Пулкове (Петербург)) был человеком высокой духовности, напряженной мысли, большой эрудиции и творческого потенциала, широкого научного диапазона. Этнограф-ориенталист, археолог и путешественник; композитор, музыковед-фольклорист, исследователь русской, монгольской, якутской и коми народной музыки; переводчик, поэт и автор нескольких научных и научно-популярных книг. Окончил гимназию (1914), командное пехотное училище в Иркутске в конце Первой мировой войны, имеет незаконченное высшее образование (3 курса Петроградского университета). Принимал участие в гражданской войне, провел в Монголии в общей сложности около 6 лет, с конца 1930-х гг. был членом Союза композиторов (СК) СССР¹.

В его творческой судьбе помимо научных и музыкальных переплелись такие разнообразные интересы, как шахматы, природоведение, охота, фотография, поэзия. Чем бы ни увлекался этот многогранный человек ренессансного замаха, он во всем достигал высокой степени профессионализма. Не занимая никаких официальных постов, оставаясь всегда мудрым, скромным и честным, Сергей Александрович пользовался большим уважением и любовью всех, кто соприкасался с ним по работе и в обыденной жизни.

Истоки напряженной духовной жизни С. А. Кондратьева, насыщенной разнообразными интересами, увлечениями, общением с людьми, причастными к миру науки, культуры, музыки, к театру, несомненно, следует искать в атмосфере, царившей среди обитателей Главной астрономической обсерватории Академии наук (ГАО) в Пулкове, где прошли его детские и юношеские годы.

¹ До 1957 г. — Союз советских композиторов (ССК).

Родился Сергей Александрович в Петербурге в семье доктора физико-математических наук профессора старшего астронома и ученого секретаря Николаевской Главной (Пулковской) астрономической обсерватории Академии наук (НГАО) Александра Александровича Кондратьева (1867—1936), до революции трижды удостоенного правительственных наград — орденов Св. Станислава 3-й степени (1902), Св. Анны 2-й степени (1905) и Св. Владимира 4-й степени (1908). Мать — Ксения Степановна (Стефаньевна) (урожд. Аренская, 1868—1922) была младшей сестрой композитора, пианиста и дирижера проф. Московской консерватории А. С. Аренского (1861—1906). С. А. Кондратьев был вторым ребенком в семье, у него было три сестры: старшая — Вера Александровна (в замужестве Николаева, 1893—1915), которая умерла в молодости, и младшие сестры-близнецы — София Александровна (в первом браке Брендстед, во втором — Павлова, 1900—1978) и Надежда Александровна (в замужестве Федорова, 1900—1959).

22-летняя Верочка Кондратьева, одаренная и обаятельная, была талантливой певицей и поэтессой, любимицей семьи и всех пулковцев. Декабрьским вечером 1915 г. она отравилась синильной кислотой в своей комнате пулковской квартиры Кондратьевых. Для родителей ее смерть была необъяснимым и неожиданным ударом. По одной версии, она наложила на себя руки из-за измены мужа². По другой — муж покойной и ближайшие друзья давно знали, что Вера уже с 13-летнего возраста вынашивала мысль о самоубийстве. После ее смерти в ее домашнем архиве было обнаружено множество писем к родным, написанных в разные годы. В них она просила отца и мать не винить ее за самоубийство. По-видимому, она страдала прогрессирующим нервно-психическим заболеванием, выражающимся в чередовании периодов резкого подъема и резкого упадка настроения. В периоды упадка заболевание сопровождалось манией самоубийства³.

В роду Кондратьевых было несколько самоубийств, — по-видимому, в этом главная причина сознательного отказа С. А. Кондратьева иметь детей, с чем была вынуждена смириться и его жена М. И. Кондратьева (урожд. Клягина).

Жизнь оставшихся сестер была нелегкой. София Александровна по окончании гимназии осенью 1917 г. вышла замуж за друга своего

² Сообщено Н. Н. Сафоновой (урожд. Павловой) — племянницей С. А. Кондратьева, со слов ее матери С. А. Павловой (урожд. Кондратьевой).

³ См.: Морин Н. М. Пулково в начале XX века (1900—1916). Экземпляры машинописи хранятся у М. А. Петровой (урожд. Дейч), в архиве ГАО РАН (АГАО), в Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН). Сокращенный вариант воспоминаний опубликован: Из очерка Н. М. Морина «Пулково в начале XX века (1900—1916)» // Главная астрономическая обсерватория в Пулкове. 1839—1917 гг.: Сб. документов / Под ред. В. К. Абалакина. СПб., 1994. С. 325—328 (Док. № 167). Приведенный отрывок публикуется впервые.

брата — Л. М. Брендстеда (ок. 1886—1941, репрессирован, умер в заключении). В конце гражданской войны вместе с ним и двухлетним сыном Г. Л. Брендстедом (1918—1986) выехала в Данию на родину мужа, в 1920—1922 гг. жила в Копенгагене, работала на заводе. Вернувшись в Пулково, стала вычислителем ГАО. Развелась в 1934 (или 1935) г. Вскоре вышла замуж за пулковского астронома Н. Н. Павлова (1902—1985)⁴. Эвакуировалась с болевшим дистрофией мужем из осажденного Ленинграда в июле 1942 г. Ее блокадные письма к брату в Москву опубликованы⁵. После эвакуации в Казань (1942—1945) и до середины 1960-х гг. работала старшим вычислителем ГАО. Великолепно владела словом, обладала прекрасным сочным контральто и была очень музыкальным человеком. Большим поклонником Софии Александровны был знаменитый английский дирижер Альберт Коутс, позднее она была в дружеских отношениях с дирижером К. И. Элиасбергом и его супругой — пианисткой Н. Н. Бронниковой, гостями дома Павловых в 1950—1970-е гг. неоднократно бывал известный театральный художник Н. М. Кочергин с женой.

София Александровна покоится на Мемориальном кладбище астрономов в Пулкове рядом с мужем Н. Н. Павловым и старшей сестрой Верой Александровной. Рядом же похоронены ее родители, сестра Надежда Александровна, старший сын Г. Л. Брендстед, брат С. А. Кондратьев с женой и другие родственники.

Еще одна сестра — Надежда Александровна — в 1924 г. вышла замуж за военного геодезиста Г. Р. Федорова (1889—1941, репрессирован, умер в заключении), прикомандированного к Пулковской обсерватории для стажировки под руководством ее отца А. А. Кондратьева. С 1925 г. вместе с мужем жила в Москве. Вскоре

⁴ Павлов Николай Никифорович (1902—1985) — второй муж С. А. Павловой. Ст. научный сотрудник ГАО, доктор физико-математических наук (1943), профессор (1946), лауреат Сталинской (Государственной) премии (1947), заслуженный деятель науки РСФСР (1974). Долгие годы заведовал Пулковской службой времени. О нем см.: Жуков В. Ю.: Хранитель точного времени: перипетии судьбы и вехи жизни астронома Н. Н. Павлова // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тез. XX конф. Санкт-Петербургского отд. Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники. (22—25 нояб. 1999 г.). СПб., 1999. Вып. 15. С. 49; *Он же*. К 100-летию со дня рождения Н. Н. Павлова // Астрономический календарь на 2002 год: Ежегодник; Переменная часть / Под ред. В. К. Абалакина. СПб., 2002. Вып. 104. С. 180—183; *Он же*. «Жизнеописание» астронома Н. Н. Павлова, им самим написанное (Автобиографический очерк. Вводная часть и комментарии В. Ю. Жукова) // Историко-астрономические исследования / Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Вып. 29 / Отв. ред. Г. М. Идлис. М., 2004. С. 306—325.

⁵ Письма-дневник из блокады / Публ., предисл. и коммент. В. Ю. Жукова и Н. Л. Марковой // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 5: Материалы к истории блокадного Ленинграда / Сост. В. А. Фролов. СПб., 2000. С. 175—191.

после ареста (1937) и осуждения (1938) мужа арестовали и Надежду Александровну (22 октября 1938 г.). Она была осуждена как член семьи репрессированного (ЧСИР) на 5 лет без права проживания в 15 населенных пунктах. После года тюрьмы жила с дочерью Ириной (в замужестве Лачиновой, 1925—1995) в ссылке в Енисейске. С 1946 г. жила в Ленинграде в семье сестры, с 1948 г. — в Москве. Вследствие перенесенных страданий лишилась обеих ног.

Не имея сведений о судьбе мужа со времени его осуждения в 1938 г., Надежда Александровна в 1954 г. обратилась к Главному военному прокурору СССР Р. А. Руденко с просьбой пересмотреть дело и «принять меры к розыску» мужа. В 1956 г. приговор в отношении Г. Р. Федорова был отменен, дело прекращено, он был реабилитирован посмертно. Дело по обвинению самой Надежды Александровны в том же году было пересмотрено, приговор отменен, она — реабилитирована с назначением пенсии за мужа ⁶.

Детство Сергей Кондратьев провел в Пулкове. Иногда жил также в городе у Аренских — у бабушки с дедушкой (Садовая ул., д. 120, кв. 4). В этой квартире в разное время проживали его дядя и тетя по материнской линии (брат и сестра композитора Аренского) — Григорий Степанович (работал на Варшавской железной дороге) и Мария Степановна (пианистка), тетя по отцовской линии (сестра астронома А. А. Кондратьева) Лидия Александровна и две младшие сестры Сергея — близнецы София и Надежда.

Племянник композитора Аренского, С. А. Кондратьев с детства был окружен атмосферой музыки. Музыкальное образование он получил у своей тети-пианистки М. С. Аренской; музыкально-теоретическими предметами (композицией) занимался с композитором и педагогом М. М. Черновым (1878—1938). Чернов в 1903 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета, в 1906 г. — Петербургскую консерваторию, где учился у А. К. Лядова и Н. А. Римского-Корсакова. Стал профессором Петроградской консерватории (с 1918), доктором искусствоведения (1938). Среди его учеников был дирижер Е. А. Мравинский (1903—1988).

Впоследствии Кондратьев обучался игре на виолончели (играл в струнном квартете), в Монголии учился игре на флейте и других музыкальных инструментах. Домашнее музыкальное образование и собственные способности дали ему впоследствии возможность заведовать музыкальной частью Московского драматического театра, стать

⁶ Сообщение Н. В. Лачинова, 30.03.2002 г.; Жуков В. Ю. Стажер Пулковской обсерватории (Военный геодезист Г. Р. Федоров. 1889—1941) // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тез. XXI годич. конф. Санкт-Петербургского отд. Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники «Санкт-Петербург как научный центр: роль научного сообщества в контексте мирового межкультурного диалога» (20—24 ноября 2000 г.). СПб., 2000. Вып. 16. С. 68—69.

дирижером Центрального театра Красной Армии, автором оперы «Мужество» (1942), балета «Яг Морт» («Лесной человек») (1946), кантат «Памяти Ленина» (1938) и «К 25-летию Коми АССР» (1946), музыки для камерно-инструментальных ансамблей, хоров и вокальных ансамблей, циклов романсов на тексты английских поэтов, обработок русских, якутских, коми народных песен.

Феномен пулковской атмосферы — явление уникальное в научной и культурной жизни. Этот мир дал целую плеяду высокопрофессиональных специалистов, честных, порядочных людей, остававшихся верными своим принципам во всех жизненных ситуациях. Пулковская обсерватория сразу после своего открытия в августе 1839 г. собрала людей, воодушевленных научными идеями, и все служащие, во главе со своим первым директором (с 1839 по 1862 г.) В. Я. Струве (1793—1864) составили дружеский союз, в котором сообща решались встречавшиеся трудности, разрешались недоразумения, научные достижения воспринимались как общий успех. Пулковскую обсерваторию по праву называли «астрономической столицей мира». Авторитет Обсерватории постоянно рос, и к концу XIX в., когда ее возглавлял (с 1895 по 1916 г.) О. А. Баклунд (1846—1916), она стала центром отечественных астрономических исследований, куда приезжало много ученых для стажировки и проведения совместных работ.

Постоянное население обсерваторского городка составляло обычно 20—30 семей. Удаленность от Санкт-Петербурга создавала собственную атмосферу, несколько замкнутую и оторванную от внешнего мира. Для пулковских астрономов (как они сами себя называют — пулковцев) характерна полная отдача любимому делу, тесный контакт между всеми обитателями научного городка, взаимоуважение ученых и обслуживающего персонала, дружба детей без учета социального статуса родителей. Зимой они вместе катались с гор на санках, устраивали каток, ходили на лыжах.

До Петербурга можно было добраться только поездом от ближайшей станции «Александровская» (ее называли «Александровка») Варшавской железной дороги, находившейся в пяти километрах от Пулкова. Поезд шел полчаса, на все путешествие до города приходилось тратить полтора часа. Лошадей нанимали в селе Пулково. В нем была только начальная школа, а в Петербурге могли учиться лишь те, кого удавалось устроить на постоянное жительство у родственников (о ежедневных поездках детей в Петербург не могло быть и речи). Поэтому большинство детей астрономов учились в царскосельской гимназии. Для поездок в Царское Село ежедневно в течение учебного года при любой погоде подпряжали две-три подводы (по одной на троих гимназистов) за 1,5 рубля туда и обратно каждая. Летом ездили на извозчичьих колясках, зимой — в кибитках. Так вместе со своим дру-

гом Л. М. Брендстедом учился и С. А. Кондратьев. 10-ю гимназию в Царском Селе он окончил в 1914 г. с медалью.

Поездки из дореволюционного Пулкова в город на концерты и спектакли отнимали много времени, поэтому в Обсерватории нередко устраивались литературно-музыкальные вечера на квартирах астрономов, в том числе А. А. Кондратьева (отца Сергея). Исполнителями являлись сами сотрудники и члены их семейств. Александр Александрович, на общественных началах исполнявший обязанности регента в местной сельской церкви, обладал редким по красоте басом и с удовольствием пел на этих вечерах.

Николай Михайлович Морин (1895—1971), сын коллеги А. А. Кондратьева — астронома М. Н. Морина (1861—1933) и друг детства Сергея Александровича, в воспоминаниях, написанных им по рассказам его отца (из них же взяты и изложенные выше отрывки о поездках пулковцев в город и их детей в Царское Село), повествует об одном таком вечере из двух отделений. По-видимому, он состоялся еще до Первой мировой войны. На нем звучали произведения Шопена, Грига, Мендельсона, Аренского, Скрябина, Листа, Рубинштейна. Исполнителями были сами пулковцы: на рояле играли Р. А. Белопольская, К. С. Аренская-Кондратьева (мать Сергея Александровича), А. П. Милорадович и сам С. А. Кондратьев, который играл также на виолончели; пели В. А. Кондратьева (его старшая сестра) и А. А. Кондратьев (отец). Н. О. Баклунд (дочь директора Обсерватории) играла на скрипке, а сам Н. М. Морин читал рассказ А. П. Чехова «Скорая помощь». Как правило, в концертах принимали участие и взрослые и дети⁷. Традиция самодельных вечеров продолжилась в довоенном Пулкове и в советское время.

Несомненно, «пулковская» атмосфера сыграла заметную роль в становлении личности С. А. Кондратьева. Очевидно, он и сам осознавал это, о чем можно судить по его раннему стихотворению, написанному летом 1914 г. (приведен фрагмент):

Пулково

Белое летнее небо,
Молчаливые тихие башни,
Неясные запахи вечера,
Такие нежные и немножко сонные.
Мысли ленивые, тело усталое.
Грезы сгоревшие и вновь рожденные.
Если бы я не родился под северным небом,
То не понял бы песен Грига.
Если бы этих песен не понял,
Был бы вдвойне беднее.

⁷ См.: Морина Н. М. Пулково в начале XX века. С. 327—328.

И я знаю еще, что всю свою жизнь,
Весь храм свой я построил на мыслях,
Рожденных под светлыми звездами,
Среди темных деревьев, в стране обетованной
Под странным названием «Пулково».

Стихи и музыку Кондратьев начал сочинять с 15-летнего возраста. Рояль был для него, по его словам, «ежедневной радостью». Отец показывал сына (и его музыкальные сочинения) композитору А. К. Глазунову, тот советовал поступать в консерваторию, но Сергей Кондратьев не захотел. По окончании гимназии он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петроградского университета, который не окончил. Помешали сначала война, а затем экспедиция в Монголию.

Шла Первая мировая... В 1916 г. с III курса он был призван как студент для пополнения командного состава армии и по собственному выбору направлен в пехотное училище в Иркутск (Сибирь была наиболее близка к тем краям, по которым он с гимназических лет мечтал странствовать). Окончив училище с хорошими показателями (в том числе в стрельбе из винтовки по неподвижным мишеням был первым в роте), был направлен по собственному выбору во 2-й дивизион 1-й запасной тяжелой артиллерийской бригады в Гатчине. Осенью 1918 г. Кондратьеву предстояла отправка на фронт, но революция привела к распаду старой армии и Брестскому миру.

После демобилизации в конце 1917 г. Сергей Александрович поступил на службу в Гидрографическое управление, от которого был вскоре командирован в Пулковскую обсерваторию для усовершенствования в области астрономических и геодезических знаний (с конца 1917 по весну 1919 г.). Одновременно в 1918 г. преподавал в 8-й школе 2-й ступени в Петрограде. Весной 1919 г. его вновь призвали, на этот раз в Красную Армию, и отправили инструктором на пехотные курсы в Воронеж, откуда после разгрома деникинского наступления на Москву летом—осенью 1919 г. курсы были переведены в Новочеркасск. В 1920 г. он принимал участие в боевых походах Красной Армии.

Гражданская война в европейской части России завершилась, и С. А. Кондратьев в 1921 г. был освобожден от военной службы как школьный работник. Переехав в Москву, он поступил в только что организованный Институт востоковедения⁸ на индустанское (индийское) отделение, где углубленно и систематизированно занялся изучением Востока (до этого самостоятельно изучал литературу об Ин-

⁸ Институт Востоковедения в Москве был создан в октябре 1921 г. на базе Центрального института живых восточных языков и восточного отделения МГУ. В 1925 г. ему присвоено имя видного партийного и государственного деятеля Н. Н. Нариманова. Существовал до 1954 г.

дии, много прочел по буддизму, к которому испытывал, по его словам, «напряженный интерес»). Через год, осенью 1922 г., перевелся в Петроград на III курс недавно открытого Петроградского института живых восточных языков (ПИЖВЯ) и параллельно вновь поступил в Петроградский университет, чтобы его окончить, но в 1923 г., не жалея, бросил его (и ПИЖВЯ) ради экспедиции в Монголию, страну, о которой давно мечтал. В молодости Сергей Александрович много занимался спортом, имел опыт боевых походов, отличался выносливостью и большой работоспособностью, увлекался Востоком и буддизмом, мечтал об Индии (см. запись в дневнике от 25 мая 1925 г.: «...если я поеду в Индию») и небезосновательно считал себя подготовленным к дальним странствиям.

В декабре 1922 г. С. А. Кондратьев пишет письмо к П. К. Козлову, с которым вел переписку, с настойчивой просьбой включить его в состав готовящейся экспедиции в Монголию, мотивируя это желанием осуществить свою «давнишнюю мечту — путешествие в Азию» и «попасть в Тибет». Козлов знал отца Кондратьева еще с конца 1890-х гг., когда во время обучения в Академии Генерального штаба проходил стажировку на геодезических курсах в Пулковской обсерватории. Это письмо, ставшее для Сергея Александровича стартовым в его жизни и даже, как теперь говорят, судьбоносным, было передано Козловым Н. П. Горбунову — личному секретарю В. И. Ленина и секретарю (затем управляющему делами) Совнаркома, курировавшему экспедицию со стороны правительства. На письме стоит резолюция Горбунова с его подписью: «Зачислен в конвой экспедиции с 1 марта 1923 г.».

Таким образом, согласие Козлова и разрешение Горбунова на зачисление Кондратьева в эту экспедицию (пусть сначала и в ее охрану), стали поворотным пунктом в судьбе молодого Кондратьева. Сергей Александрович навсегда «заболел» Монголией. «Тень Монголии» (как назвал он один из разделов своей стихотворной тетради 1923—1938 гг.) была всегда с ним. В других странах он никогда не бывал.

В среду 25 июля 1923 г. в 15 час. 20 мин. 27-летний Кондратьев отправился из Петрограда в Монголо-Тибетскую экспедицию, участником которой он был в 1923—1925 гг., став старшим помощником Козлова. Эта экспедиция определила его научные интересы и научно-художественный профиль как специалиста-археолога и музыканта-этнографа, исследователя монгольской народной культуры, а может быть, и всю его жизнь.

Незадолго до экспедиции С. А. Кондратьев женился на Мелитине Ивановне Клягиной⁹, с которой они вместе учились на индийском отделении Института востоковедения в Москве. Она жила на Страстном

⁹ Возможно, буквально за день до отъезда в Монголию. В своем дневнике он записывает 28 июля 1924 г.: «Вот только что прошли три годовщины. 24/VII — обет и кольцо. 25/VII — Отъезд экспедиции из Петрограда. 26/VII — Рождение МИКа» (курсив наш. — *Авт.*).

бульваре (ныне площадь Пушкина), там же поселился и Сергей Александрович после женитьбы в 1923 г. В дальнейшем он постоянно проживал в Москве, но наезжал и в Ленинград, нередко бывал в родном Пулкове. Что-то глубоко личное зашифровал он в дневниковой записи от 30 марта 1924 г.: «То, что случилось в январе 1922 года, — самое крупное событие в моей внутренней жизни». Возможно, Сергей Александрович имел в виду отношения с будущей женой, а может — свое с нею посвящение в тамплиеры, которое они, по некоторым данным, получили в 1922 г. от самого А. А. Карелина¹⁰ — основателя ордена тамплиеров в Советской России¹¹. Кто знает?..

Мелитина Ивановна Кондратьева (урожд. Клягина, 14(26).07.1896, Орловская губ. — 4.02.1971, Москва) была родом из семьи орловских помещиков Болховского уезда. Отец Иван Алексеевич Клягин был репрессирован в 1937 г., погиб; мать — Пелагея Григорьевна Клягина

¹⁰ Карелин Аполлон Андреевич (1863—март 1926) — тамплиер, глава анархо-мистического движения в России, сторонник идей «мистического анархизма». Основатель Всероссийской федерации анархистов-коммунистов (ВФАК). Член созданного В. Н. Фигнер и С. Г. Кропоткиной в начале 1920-х гг. Всероссийского общественного комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина (Кропоткинского комитета), член его Исполнительного бюро.

До 1905 г. много лет провел в тюрьмах и ссылках. В 1906 г. основал «Черный Крест помощи нуждающимся и заключенным анархистам», возрожденный в 1918 г. После Первой российской революции эмигрировал во Францию, где был посвящен в масонство и возведен на достаточно высокую степень Ордена тамплиеров. Профессор Высшей школы социальных наук в Париже. В 1913 г. созвал в Париже съезд анархистов-коммунистов для создания ВФАК.

Вернулся в Россию в 1917 г. с целью ведения правильной орденовской работы и объединения разрозненных сил интеллигенции для духовного возрождения русского общества. Проводил постоянную работу по объединению и сближению вокруг ВФАК анархистов самых различных направлений. Возглавил создание в Москве, Петрограде, Свердловске, Нижнем Новгороде, Ярославле, Харькове, на Северном Кавказе хорошо законспирированных орденовских кружков («Орден Света», «Орден Духа», «Орден Тамплиеров» и др.), которые объединяли толстовцев, антропософов, просто верующих людей, желавших разобраться в происходящем, обратившись к философии и к истории человечества. В них проводились собеседования по прочитанным книгам, обсуждались рефераты по вопросам истории, философии, культуры и искусства, организовывались благотворительные вечера, сбор от которых шел в пользу нуждающихся. Разгромлены ОГПУ с ноября 1929 г. по сентябрь 1930 г. по всей стране.

Был связан с зарубежным масонством, принимал участие в организации в Америке газеты «Рассвет» (с конца 1924 г.) и журнала «Пробуждение» (1926—1927), который фактически стал органом анархо-мистиков.

Автор фундаментальных исследований, популярных анархистских брошюр и множества статей по вопросам политической экономии, права, анархизма и мистического анархизма (Никитин А. Л. Заключительный этап развития анархической мысли в России // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 94—101).

¹¹ См.: Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России: Исследования и материалы. М., 1998. С. 102.

(1869—1944); младший брат Федор Иванович Княгин (1898—?; фамилию переименовал сам) — человек со странностями, искал квадратуру круга. Были у нее еще две тети (младшие сестры матери) — Антонина (?—1955) и Олимпиада Григорьевны.

Когда они с Сергеем Александровичем поженились, Мелитина Ивановна была еще студенткой. Несколькими годами позже, окончив Институт востоковедения, она последовала за мужем в Монголию (с 1925, по другим данным, с 1927 г.), став его верной спутницей жизни и в экспедициях во всем помогая мужу. Так же как и он, увлеклась страной пребывания, написала ряд научных статей по юрточным и монастырским постройкам. Оба считали годы, проведенные в Монголии, лучшими в своей жизни.

С 1931 г. чета Кондратьевых окончательно обосновалась в Москве. Ориенталист-индолог по образованию, Мелитина Ивановна знала 14 языков (английский, болгарский, хинди, урду, санскрит и др.), была членом Союза советских писателей (ССП) по секции переводчиков. Она стала прекрасным переводчиком с английского, много переводила художественную литературу, в том числе Р. Кипплинга и Р. Тагора, сказки. Брала переводы на дом, заказы на них получала в секции переводчиков ССП. Материально содержала мать и тетю, помогала малообеспеченному брату. Любила и понимала музыку, любимым ее композитором был М. П. Мусоргский. Была верующей, скептический Кондратьев — нет, в партии не состояли оба. Детей у Кондратьевых не было.

Их пути до конца жизни прошли рядом. Его кончина явилась для Мелитины Ивановны смертельным ударом, тем более что за полгода до этого, летом 1969 г., в результате инсульта она почти полностью потеряла речь. Она только на год пережила Сергея Александровича (скончалась в Москве 4 февраля 1971 г.), чтобы потом опять соединиться с ним на маленьком тихом обсерваторском кладбище в северо-восточном уголке пулковского парка в семейной могиле Кондратьевых, вместе с его отцом, матерью и другими родственниками мужа. Дневники М. И. Кондратьевой недавно опубликованы¹².

Сергей Александрович в экспедиции грустил о молодой жене («Думать о МИКе больно и сладко»), с которой переписывался на языке урду («...я писал МИКу письмо на урду»), тепло и нежно именуюя ее в монгольских дневниках аббревиатурой от инициалов, но в мужском роде («Дорогой мой МИК»). Он посвятил ей немало глубоких и трепетных стихов. Среди них, пожалуй, особенно выделяются записанные в тетради 1927 г., названной им «Стихи разных лет»:

Хочешь ты или не хочешь —
Придет последний вечер;
Любишь ты или не любишь —
Настанет время расстаться.

¹² См.: Клягина-Кондратьева М. И. Дневниковые записи / Публ. и примеч. К. Н. Яцковской // *Mongolica-V*: Сб. статей. СПб., 2001. С. 124—156.

Душа потеряет душу,
Зажжется новое утро...
Ты будешь молчать и плакать,
Иль я это буду делать.
.....
Если тебе придется
Пережить последний вечер,
Вспомнить меня, дорогая,
И что я ушел от тебя, —
Встреть восходящее солнце
Радостными слезами,
Ибо вот, исполнились сроки
Нашей встречи в любви!

В этих строках молодому Кондратьеву, которому в этот период явно были свойственны эсхатологические настроения (в августе 1923 г. он запишет в своем дневнике: «Жизнь моя идет к закату», а 25 сентября в письме к жене на урду: «Может быть, я умру, а может, снова вернусь к тебе»), довелось предугадать финиш их жизни, из которой он уйдет первым — «Если тебе придется / Пережить последний вечер, / (...) И что я ушел от тебя...»

Но не обо всем можно было писать в те годы... Внутренний цензор был жестче внешних редакторов. В дневниках С. А. Кондратьева нет упоминаний о Н. К. и Ю. Н. Рерихах, хотя существуют фотодокументы о состоявшейся встрече экспедиций Рерихов и Козлова в Монголии, в Урге, в 1925 г. Нет воспоминаний и о его общении с теми, кто составлял московский артистический круг его знакомых, тесно связанный с различными мистическими и анархическими обществами, орденами тамплиеров и масонов России 1920-х гг. Опасность (не гадаемая поэтическая, а каждодневно-реальная) была близко: его двоюродный брат (сын композитора А. С. Аренского) Павел Антонович Аренский¹³, с которым они были почти одногодки и дружили в московский период жизни Сергея Александровича, был арестован в 1937 г. за причастность к тамплиерам, осужден и умер в лагере в 1941 г. Подобную участь вполне мог разделить с ним и Кондратьев...

В творческом пути да и во всей жизни С. А. Кондратьева отчетливо видны два этапа: *монгольский* (1923—1930) и *московский* (с 1931 г.). Первый связан с активной научной деятельностью в Монголии. Он начался с Монголо-Тибетской экспедиции, организованной Русским

¹³ Аренский Павел Антонович (1887—1941) — востоковед, переводчик, писатель; сын композитора А. С. Аренского, двоюродный брат С. А. Кондратьева. Жил в Москве. Автор книг «Путешествия Миклухо-Маклая» (М., 1935), «Музыкальный словарь для ссыльных. Письма» (СПб., 1999). Репрессирован в 1937 г., умер на Колыме (в Магадане). Три его стихотворения опубликованы: *Никитин А. Л. ROSA MYSTICA. Поэзия и проза российских тамплиеров*. М., 2002. С. 71—86.

географическим обществом и возглавляемой учеником и последователем Н. М. Пржевальского П. К. Козловым. Сенсационная значимость археологических находок, сделанных этой экспедицией, состояла в том, что добытые материалы относились к одному из самых малоизученных периодов истории Центральной Азии — завоеваниям гуннов на рубеже нашей эры. Результаты раскопок дали возможность подойти с новыми идеями к изучению различных культур Востока и Запада.

Наряду с некоторыми другими участниками экспедиции, С. А. Кондратьев внес в ее работу «особенно большой вклад»¹⁴. По оценке самого П. К. Козлова, «милый, хороший»¹⁵ «вдумчивый»¹⁶ Кондратьев отличался «настойчивостью и энергией»¹⁷, «нравственными устоями, благородством, дисциплиной и любовью к интересам науки вообще и к научным задачам Тибетской экспедиции в частности»¹⁸. С ним Козлову было «очень приятно иметь общение»¹⁹. Петр Кузьмич, ласково называвший Сергея Александровича «наш композитор»²⁰, отмечал: «Кондратьев наш продолжает радовать меня своим успешным занятием в области музыки»²¹, «добыл <...> музыкальные данные»²² и вообще «играл на рояле, конечно, превосходно»²³.

В Монголии Сергей Александрович начинает изучать и записывать монгольский музыкальный и песенный фольклор, собирать местные музыкальные инструменты. Большую помощь в этом ему оказывает бурятский ученый Цыбен Жамцарано. Осенью—зимой 1923/24 г. Кондратьев записал около двух сотен монгольских песен и наигрышей, некоторые из них — на фонограф.

После окончания работы в козловской экспедиции и последовавшего за этим недолгого отдыха в СССР он в 1925 г. возвращается в Монголию, где ведет самостоятельные изыскания по собиранию монгольского музыкального фольклора. Ц. Ж. Жамцарано, в то время ученый секретарь Ученого Комитета МНР, практически возглавлявший монгольскую науку, привлек С. А. Кондратьева к участию в деятельности этого Комитета, где он проработал пять лет в период с 1925 по 1930 г.

В эти годы Сергей Александрович совершил ряд научно-исследовательских экспедиций по Хангаю и Хентэю, а 14 августа 1928 г. — первое восхождение на высочайшую вершину Хангая —

¹⁴ Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923—1926 / Отв. ред. А. В. Постников; Ред.-сост. Т. И. Юсупова; Сост. А. И. Андреев. СПб.: Наука, 2003. С. 18. (Научное наследство. Т. 30).

¹⁵ Там же. С. 117.

¹⁶ Там же. С. 151.

¹⁷ Там же. С. 63.

¹⁸ Там же. С. 216.

¹⁹ Там же. С. 151.

²⁰ Там же. С. 312.

²¹ Там же. С. 53.

²² Там же. С. 49.

²³ Там же. С. 148.

Отгон-тэнгри (совместно с топографом Большаковым), определив ее абсолютную высоту. В Монголии он слышал многих певцов и инструменталистов, особенно замечательным был выдающийся рапсод монгольский музыкант Лубсан-Хурчи. Кондратьев продолжал записывать и изучать монгольский фольклор и эпос. В неопубликованной рукописи Кондратьева «Музыка улигера» (1931) особенное внимание уделено монгольскому эпосу. Всего Кондратьев записал на фонограф свыше 1000 монгольских песен. Итогом его многолетних исследований стала вышедшая посмертно монография «Музыка монгольского эпоса и песен» (1970)²⁴.

Он же был и автором идеи создания монгольского Национального музея, которую изложил 2 мая 1925 г. Ц. Ж. Жамцарано и встретил с его стороны поддержку. При создании этого музея в конце 1920-х гг. он оказал большую организационную помощь. Монгольский период жизни С. А. Кондратьева нашел отражение в трех его дневниках 1923—1926 и 1928 гг.

Второй этап — это время его жизни в Москве. Вернувшись в 1930 г. в СССР, Сергей Александрович заведовал музыкальной частью Московского драматического театра (с 1931 по 1936 г.), в 1937—1938 гг. был дирижером Центрального театра Красной армии. Во вторую половину жизни С. А. Кондратьев сосредоточился главным образом на музыке. И здесь поле его деятельности широко: от композиторской работы по музыкальному оформлению спектаклей в Московском драматическом театре и созданию ряда оригинальных музыкальных сочинений, в том числе крупных (опера, балет, кантаты и др.), до перевода с английского языка, которым он блестяще владел как переводчик (не разговорным). Две его основные работы в этой области — небольшая, но очень ценная книга английского композитора и педагога, одного из основоположников современной английской композиторской школы — Р. Возна-Уильямса (Vaughan Williams) (1872—1958) «Становление музыки» (1961) и сборник музыковедческих статей Б. Шоу, бывшего не только признанным писателем, но и выдающимся музыкальным критиком, — «Бернард Шоу о музыке и музыкантах» (1965). Эта книга с предисловием и комментариями переводчика является блестящим образцом смыслового и художественного перевода. Обе сохраняют свое познавательное и общекультурное значение. Эти переводы свидетельствуют о его прекрасном знании английского языка, свободном владении переводимым материалом и безукоризненным стилистическом чутье.

На протяжении почти всей своей жизни, за небольшими исключениями, Кондратьев не служил в каких-либо учреждениях и не был связан с принудительным распорядком рабочего дня. Живя в Москве,

²⁴ Кондратьев С. Музыка монгольского эпоса и песен. М.: Сов. композитор, 1970. 248 с.

Кондратьев перешел к оседлой жизни зимой, а летом любил путешествовать (например, на оз. Имандра на Кольском п-ове). В молодые годы он охотился и почти всю жизнь занимался рыбной ловлей. Очень любил природу, особенно северную. Общение с природой поднимало его душевные и физические силы, давало возможность плодотворно трудиться в осенне-зимние месяцы.

Во время Великой Отечественной войны С. А. Кондратьев находился в Москве, писал музыку по заданию Союза советских композиторов (ССК)²⁵, членом которого он стал в предвоенные годы. Лишь дважды — летом 1942 и 1943 гг. — выезжал с женой по Северной железной дороге недалеко от Москвы, на станцию «Заветы Ильича», где у них был небольшой участок с огородом.

В послевоенный период по заданию Союза композиторов С. А. Кондратьев совершал неоднократные поездки по стране: в 1940—1950-е гг. вместе с Мелитиной Ивановной посетил Коми АССР, бывал в творческих командировках в Якутии. В конце 1940-х гг. непродолжительное время занимался изучением песен донских казаков и встречался с их собирателем — исследователем А. М. Листопадовым²⁶. Сергей Александрович категорически возражал против метода собирания и отбора Листопадовым песен и после какого-то нетактичного выпада с его стороны прекратил с ним всякие контакты. В 1949 г. написал свой московский дневник-размышление²⁷.

В 1956 г. С. А. Кондратьев вышел на пенсию. Зимний сезон он проводил в Москве, где у него были все деловые связи, а летние месяцы — на природе, обычно на Карельском перешейке под Ленинградом, который был ему близок. Девять лет подряд, с 1957 по 1965 г., он жил летом в поселке Стрельцово (Хатаки) под Выборгом, на берегу оз. Глубокое (Муолон-ярви). В последний раз он посетил с женой Ленинград весной 1966 г. В Пулкове, в кругу семьи своей сестры Софии Александровны, родственников и самых близких друзей, 9 апреля 1966 г. он отметил свое 70-летие. Причем юбиляр принимал подарки стоимостью не дороже 50 коп.

Среди многих друзей и добрых знакомых С. А. Кондратьева в разные годы были: его двоюродный брат (сын композитора Аренского) П. А. Аренский (репрессирован в 1937 г.), его зять Л. М. Брендстед (репрессирован в 1941 г.), А. И. Милорадович, с монгольской поры и

²⁵ После 1957 г. — Союз композиторов (СК) СССР.

²⁶ Листопадов Александр Михайлович (1873—1949) — фольклорист. Собиратель и исследователь народных, главным образом донских казачьих, песен.

²⁷ Подлинник московского дневника хранится в Архиве Института материальной культуры (Санкт-Петербург), ф. № 74. Передан Н. Н. Сафоновой (урожд. Павловой) — племянницей С. А. Кондратьева.

до конца жизни Е. В. Козлова, а также С. Я. Маршак, Е. Я. Петкер²⁸, М. В. Юдина²⁹ и др.

Последние четыре лета (с 1966 по 1969 г.) Сергей Александрович и Мелитина Ивановна проводили в Воронове, в 60 км от Москвы. Летом 1969 г. Мелитина Ивановна неожиданно потеряла речь. Это очень удручающе подействовало на Сергея Александровича, который пытался лечить жену, заниматься с ней как логопед.

Скончался С. А. Кондратьев 13 января 1970 г. в Москве в больнице, после очень тяжелого первого инфаркта. Гражданская панихида состоялась 17 января в новом помещении Союза композиторов на ул. Огарева, 13. С прощальным словом выступили композитор В. И. Мурадели и музыковед Л. Н. Лебединский, а также ученица Сергея Александровича по биологии в молодые годы — член-кор. АН СССР А. А. Прокофьева-Бельговская. Захоронение урны с прахом состоялось в том же году в Петербурге на Мемориальном кладбище астрономов Главной астрономической обсерватории в Пулковке³⁰. Там же покоятся его жена, родители, три сестры и другие родственники.

* * *

Сергей Александрович Кондратьев был очень требовательным к себе человеком, любую работу он выполнял всегда обстоятельно, тщательно и профессионально. Вообще добросовестность, честность, точность во всем — его неоспоримые качества как исследователя и человека. Он был разносторонне одаренной личностью — писал стихи, занимался научной деятельностью, был композитором, прекрасно играл в шахматы. Был автором ряда музыкальных, музыковедческих и литературных произведений (см. в Приложении раздел «Музыкальные сочинения и библиография С. А. Кондратьева»), одно время был редактором в Государственном музыкальном издательстве, публиковался в журнале «Советская музыка», принимал участие в ряде засе-

²⁸ Петкер Елена Яковлевна — камерная певица, хорошая знакомая С. А. Кондратьева, верная почитательница и неустанная пропагандистка его творчества. Он высоко ценил ее художественное исполнение и посвятил ей ряд своих произведений.

²⁹ Юдина Мария Вениаминовна (1899—1970) — пианистка. Концертировала с 1921 г. Преподавала в Петроградской (Ленинградской) и Московской консерваториях, в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных (проф. с 1923 г.).

³⁰ Источники: ГАРФ, ф. 2307, оп. 2, д. 79, л. 61—63 (Письмо С. А. Кондратьева к П. К. Козлову, 1922 г.); Архив Музея-квартиры П. К. Козлова, д. 10 (Кондратьев А. В. Сергей Александрович Кондратьев (1896—1970). Воспоминания. Размышления); Беседа соавторов с А. В. Кондратьевым (двоюродным братом С. А. Кондратьева) 26.06.2001 г.; Музыкальная энциклопедия: В 6 т. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 2. Стб. 900; и др.

даний Союза композиторов (особенно его фольклорной секции). Он принадлежал к энциклопедистам.

С. А. Кондратьев оставил после себя интересное рукописное наследие, включающее прозу, поэзию, дневники и письма. Они хранятся на его родине и в стране, с которой тесно были связаны его молодые годы: в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве, в архивах Института материальной культуры и Музея-квартиры П. К. Козлова в Санкт-Петербурге, в семейном архиве его племянницы — Н. Н. Сафоновой (урожд. Павловой) в Пулкове, в Краеведческом музее г. Кяхты (Россия), в архиве Института мерзлотоведения и в частных архивах его бывших монгольских коллег по работе в Ученом Комитете МНР (Монголия).

К сожалению, оценка научного наследия и творческой личности неумолимого исследователя Монголии до сих пор отечественной наукой не дана. Как, впрочем, и в Монголии, где уважительная память о старшем помощнике П. К. Козлова в Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. сохраняется и поныне. Дать такую оценку — задача этой книги.

Через всю свою жизнь пронес С. А. Кондратьев любовь к Монголии и идеалы служения Отечеству, народу, своему делу. В его дневниках — глубокие раздумья о судьбах своей родины, страстное желание постичь и зафиксировать культуру иного народа. В них и его «послемонгольской» прозе и поэзии утверждается идея плодотворности дальнейшего взаимодействия России и Монголии.

Письменное наследие С. А. Кондратьева — свидетельство взаимобогащения национальных культур в процессе русско-монгольских научных и культурных контактов, в развитие которых внес свой несомненный вклад и он сам.

Монгольский период жизни и творчества С. А. Кондратьева

Сергей Александрович Кондратьев принимал участие в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923—1926 гг., будучи одним из самых молодых ее участников. В экспедицию С. А. Кондратьев, выпускник естественного отделения физико-математического факультета Петроградского университета, был взят изначально в качестве конвойного (в охрану экспедиции). Однако сложилось так, что в экспедиции на него были возложены обязанности начальника отряда, проводившего раскопки Ноин-улинских курганов, кроме того, он собирал монгольский музыкальный фольклор. После экспедиции П. К. Козлова, во время собственных экспедиционных работ, Кондратьев проводил исследования Хентэйских и Хангайских гор. Находясь в Монголии, он организовал метеорологическую станцию. Свои наблюдения и обобщения Сергей Александрович отразил в статьях о климате ряда районов Монголии. Есть у исследователя научные статьи и по географии этого региона. Монографическое исследование С. А. Кондратьева «Музыка монгольского эпоса и песен»¹, появившееся в 1970 г. — через 40 лет после сбора основного материала в Монголии, до сих пор представляет интерес для музыковедов, фольклористов, монголоведов.

Продолжая традиции изучения и собирания монгольского фольклора, заложенные русскими монголоведами Б. Я. Владимирцовым² и

¹ Кондратьев С. Музыка монгольского эпоса и песен. М.: Сов. композитор, 1970. 248 с.

² Владимирцов Борис Яковлевич (1884—1931) — российский ученый, востоковед-филолог и историк, монголовед, тибетолог, профессор Петроградского (Ленинградского) университета (с 1915 г.) и Ленинградского института живых восточных языков (Ленинградского Восточного института), научный сотрудник Азиатского музея (с 1915 г.), заведующий Монгольским кабинетом Института востоковедения АН СССР (с 1930 г.). Акад. АН СССР (1929), член Монгольской комиссии АН СССР. Автор трудов по грамматике, фольклору и эт-

А. Д. Рудневым³, он впервые обосновал некоторые положения теории монгольской музыки. Относясь бережно к сделанному предшественниками, С. А. Кондратьев восстановил тесситуру⁴ напевов, записанных Владимирцовым в его поездках к приволжским калмыкам и монгольским ойратам. Эти записи хранятся в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ). Он подтвердил также правильность догадок Б. Я. Владимирцова, не имевшего музыкального образования, о приоритете в монгольских былинах мелодии над размером и темпом. Отдавая дань заслугам А. Д. Руднева в изучении музыки монгольских народов, Кондратьев теоретически разработал его положение о главенстве лейтмотивов в былинах, показал их генезис, дал морфологический анализ и классификацию, а также уделил в своей работе особое внимание мелодии и мелизмам (небольшие мелодические украшения, такие как группетто, мордент, форшлаг, трель и др.).

И хотя эта книга не свободна от схематизма, неизбежного на первом этапе изучения предмета исследования (например, запись наигрышей предлагается в транспонированном виде, отсутствует вариативность звучания мелодии в исполнении одного певца, нет строгой последовательности в предлагаемых фрагментах былин), можно с определенностью сказать, что этот труд подводит итог монголоведной музыкальной фольклористике данного этапа и намечает дальнейшие пути исследования в этой области.

Свой первый год в Монголии сам С. А. Кондратьев в записи от 28 июля 1924 г. подразделил на 4 периода:

1) пестрота внешних впечатлений творчества (август—сентябрь 1923 г.);

2) жизнь в Улан-Баторе, музыкальная работа и экспедиционные сложности (октябрь 1923—январь 1924 г.);

3) разъезды и подготовка к работам на Судзуктэ (февраль—март 1924 г.);

4) жизнь в Судзуктэ. Радостная, здоровая работа. Власть леса. Оцепенение творчества (апрель—июль 1924 г.).

Кондратьев провел в Монголии, по его собственным подсчетам, в общей сложности 5 лет 11 месяцев 29 дней. В экспедиции П. К. Козлова он был заместителем начальника (ст. помощником Козлова), фактически руководителем и организатором ноин-улинских

нографии монгольских народов, работ о кочевом феодализме, о Чингисхане и др. Неоднократно бывал в Монголии (1908, 1911, 1913—1915, 1925, 1926).

³ Руднев Андрей Дмитриевич (1878—1958) — известный российский ученый-монголовед, лингвист, собиратель монгольского фольклора, преподаватель Восточного факультета Петербургского университета. С 1917 г. проживал в Финляндии.

⁴ Тесситура (лат. *tessitura*) — муз. высотное положение звуков в музыкальном произведении по отношению к диапазону певческого голоса или музыкального инструмента.

раскопок, выполнял ряд функций: от начальника отряда до собирателя монгольского фольклора. Сергей Александрович осуществлял хлопотливую организаторскую деятельность, проводил скрупулезную первичную обработку материалов, каждодневные анализы, реализуя во всей полноте профессиональные навыки археологической работы, вместе с другими почти безвыездно полтора года нес все тяготы суровой бивачной жизни. Он располагал к себе участников экспедиции мягким юмором, высокой культурой общения, умением организовать досуг: под вечер часто пели хором сочиненные им баллады, играли на гитаре, мандолине, читали собственные стихи, шутки.

В начале лета 1925 г., после завершения основных раскопок в Судзуктэ, на Ноин-улинских курганах, С. А. Кондратьев, представив начальнику экспедиции П. К. Козлову отчет о проделанной за время своего пребывания в экспедиции работе, отправляется в короткий отпуск в Россию, где навещает родных в Пулкове. По возвращении в Монголию он работает в составе Ученого Комитета Монголии — прообраза монгольской Академии наук. Вторая командировка растянулась на несколько лет (1925—1930).

За эти годы С. А. Кондратьев наряду с продолжением самостоятельных изысканий по собиранию монгольского музыкального фольклора (большую помощь в этом оказал ему ученый секретарь Ученого Комитета Монголии Цыбен Жамцарано) объездил в составе различных отрядов почти всю центральную часть Монголии, неоднократно бывал на севере и северо-востоке страны. Основной целью этих естественно-научных экспедиций было изучение ее флоры, фауны и географии. Кондратьевские дневники этого периода фиксируют научные результаты, которые носят во многом эвристический характер, поскольку Сергей Александрович по своему основному образованию был естествоиспытателем и его знания позволяли сделать наблюдения, дополняющие сведения прежних путешественников. Это касалось рельефа местности, истории происхождения отдельных географических объектов: рек, барханов, гор, лесов.

Кроме того, Кондратьев как широко образованный человек, прекрасно понимающий связь бытования устного творчества народа с реальными жизненными обстоятельствами и исторической правдой, придавал большое значение всевозможным преданиям, легендам о различных географических реалиях и фиксировал их в своих дневниках, стараясь исторически верно их интерпретировать.

Дневники этого периода свидетельствуют о глубоком и всестороннем творческом подходе исследователя к решению проблем генезиса природы Монголии.

Публикуемые в этой книге четыре дневника С. А. Кондратьева хранятся в архиве Института материальной культуры в Санкт-Петербурге под шифром 74. Первые три из них (монгольские) были переданы на хранение канд. ист. наук заведующим отделом Цен-

тральной Азии Института востоковедения РАН Д. Д. Васильевым из личного архива известного монголоведа сотрудницы этого института Н. П. Шастиной⁵ (1898—1980) — старинной (еще по Монголии) приятельницы С. А. Кондратьева. Четвертый дневник (московский) поступил от его племянницы Н. Н. Сафоновой, передавшей также некоторые его художественные произведения, письма и фотодокументы.

Первый дневник включает записи, относящиеся главным образом к периоду с июля 1923 по июль 1924 г., второй написан с января по июнь 1925 г.⁶, третий — с августа по октябрь 1928 г. (все — монгольские), последний (московский) — с апреля по июнь 1949 г. (о нем — в следующей главе).

Дневники С. А. Кондратьева 1923—1926 гг., написанные в Монголо-Тибетской экспедиции, охватывают весьма непродолжительный ее период, однако дают возможность пристальнее взглянуть на организацию работы экспедиции, внутреннюю жизнь небольшого коллектива ее участников и их межличностные отношения, несколько иначе расставить акценты на общепринятых оценках, характеристиках и выводах. Третий дневник С. А. Кондратьева (1928), который он вел в период своей работы в Ученом Комитете Монголии, интересен описанием флоры и фауны северо-востока страны, фиксацией маршрутов возглавлявшихся им экспедиций. Все они не только высвечивают роль Кондратьева в ноин-улинских раскопках, а позже — в работе монгольского Ученого Комитета, но и раскрывают мир удивительно глубокого, внимательного, лиричного автора.

Все его дневники как комплекс источников — не только подневная запись о событиях и встречах, они отражают богатый духовный мир русского интеллигента начала XX в., которого характеризуют творческий потенциал, сила духа и четкие представления о долге, морали, чести.

О Сергее Александровиче Кондратьеве написано не много, опубликовано еще меньше. Послесловие Л. Н. Лебединского к книге С. А. Кондратьева «Монгольский музыкальный эпос и песни», вышедшей в 1970 г., содержит главным образом характеристику автора как собирателя, издателя народных песен, переводчика музыковедческих работ. Но его музыкальные вкусы, пристрастия остались в тени.

К сожалению, не нашли самостоятельного печатного воплощения написанные почти 30 лет назад воспоминания двоюродного брата С. А. Кондратьева — Андрея Владимировича Кондратьева, преподава-

⁵ Шастина Нина Павловна (1898—1980) — советский ученый-монголовед, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, автор более 70 научных работ. Несколько раз была в Монголии, работала в Ученом Комитете МНР с 1928 по 1936 г.

⁶ Но присутствие в тетради первого дневника также фрагментов стихов, датированных октябрём и декабрём 1924 г., и одной строчки от апреля 1926 г. позволяет датировать два первых монгольских дневника по крайним датам — 1923—1926 гг.

теля Санкт-Петербургской консерватории, в котором Сергей Александрович принял большое участие. Воспоминания хранятся в Музее-квартире П. К. Козлова в Санкт-Петербурге, с разрешения автора они частично использованы в этой книге. Благодарность и любовь к своему старшему брату Андрей Владимирович пронес через всю жизнь. Он рисует глубоко порядочного и честного человека, обладающего прекрасными душевными качествами. Написанный им портрет исследователя и композитора объективен, психологичен и человечен.

Из этих воспоминаний можно узнать, что Сергей Александрович оставил после себя значительное вокальное наследие (в основном, к сожалению, в рукописях). Им был написан ряд камерных, инструментальных, фортепьянных музыкальных произведений: оперы, кантаты, романсы, баллады, пьесы, концерты, балет. Сам он играл на рояле, виолончели и флейте, хотя и не был исполнителем-профессионалом. Кондратьев-композитор имел своеобразный музыкальный стиль, далекий от «ультрасовременного новаторства». Этот стиль проявился уже в одном из ранних его произведений — «Ре-минорной балладе» в духе «рыцарской поэзии» на собственный текст, исполнявшейся еще в довоенном Пулкове сестрой композитора (и племянницей А. С. Аренского) С. А. Павловой (урожд. Кондратьевой), обладавшей прекрасным сочным контральто. Из ранних сочинений 1920-х гг. следует упомянуть романс на слова М. Волошина ориентального склада (образы дыма костра, верблюды...). Значительное сочинение военных лет — баллада «Вересковый мед», как бы воскрешающая образы средневекового эпоса (на слова Р. Л. Стивенсона, пер. С. Я. Маршака, 1943—1944).

С. А. Кондратьева отличали устоявшиеся музыкальные вкусы и предпочтения. Среди всех композиторов для него на первом месте стоял Рихард Вагнер, которым Сергей Александрович неизменно восхищался и клавиры всех опер которого хранил дома. Самой любимой из них была опера «Парсифаль», с ней он не расставался и в Монголо-Тибетской экспедиции («Теперь каждый вечер мы поем „Парсифаля“»). Среди других любимых композиторов Сергея Александровича были Шуман и Григ, к музыке последнего Сергей Александрович испытывал нежное чувство. Ценил также Бетховена и Шопена. Из музыки венских классиков Моцарту предпочитал Гайдна. Из опер Верди ценил только «Отелло». К французской музыке относился довольно равнодушно. Берлиоза не любил. В последние годы с интересом слушал отдельные сочинения Дебюсси и Равеля.

В русской музыке ценил Чайковского, особенно «Пиковую даму» и Шестую симфонию, очень ценил (как и его жена Мелитина Ивановна) Мусоргского. Любил «с родственной нежностью» сочинения своего дяди А. С. Аренского. Глубоко ценил и восхищался музыкой своих старших современников — А. Н. Скрябина и С. В. Рахманинова.

Ему довелось лично слушать Скрябина и Рахманинова как пианистов, и он утверждал:

Такие пианисты, как Рахманинов, рождаются раз в сто лет, такие, как Скрябин — раз в пятьсот лет. У Скрябина рояль «дышал». Ничего подобного у других пианистов я не слышал.

Однако своих мнений С. А. Кондратьев никогда никому не навязывал. Из современных ему советских композиторов ценил Д. Д. Шостаковича, особенно два его сочинения — «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова») и Десятую симфонию. Но всем его творчеством безраздельно не восхищался. «Леди Макбет...» он сразу отнес к гениальным произведениям, причем высказывал свое мнение и в годы самой резкой критики в адрес этого сочинения. К творчеству С. С. Прокофьева относился с уважением, но спокойно, хотя положительно отзывался о его последних симфониях. К остро современной зарубежной музыке интереса не проявлял, к примитивному исполнению народной и псевдонародной музыки по радио относился критически.

Из писателей любил Пушкина, Достоевского, Толстого, Баратынского, Гумилева, Б. Шоу. В своих симпатиях и антипатиях был постоянен. Нельзя было чем-то подкупить его, он пользовался в Союзе композиторов большим уважением и почтением.

«Это был строгий, даже суровый человек, с точным распорядком дня. Вставал поздно, поздно ложился, работал ночью. Одна из черт его — выдержанный характер», — вспоминает Андрей Владимирович. «Чувство надо обуздывать» — было жизненным кредо С. А. Кондратьева, который никогда не повышал голос, даже если его что-то раздражало и возмущало; собеседника не прерывал, был всегда корректен и вежлив. Иногда спрашивал мнение о своих сочинениях, причем не требовал восхищения или поклонения и никогда не обижался на критические отзывы, которые с интересом выслушивал. Его интересовала истина.

Сергей Александрович был сумрачным человеком, меланхолически смотрящим на мир, «...и только к концу жизни он становится теплее и теплее». Один из его собственных афоризмов — «Мир плохо устроен». Любимым философом был А. Шопенгауэр. Очень стройная система мыслей и взглядов самого Кондратьева не соприкасалась с марксистско-ленинской философией, его интересовала восточная философия.

Порядочен. Высоконравственный человек. В высшей степени тактичен. Давая рецензии на что-либо, считал, что надо подчеркнуть положительные стороны исполнения. Заботился о благополучии детей сестры. В 1943 г. приютил их у себя в Москве.

Такую характеристику дает С. А. Кондратьеву его двоюродный брат⁷. Столь же цельная личность Кондратьева вырисовывается и из предисловия А. Л. Никитина к выпущенной им в 1996 г. небольшой книжке стихов Кондратьева 1920—1940-х гг.⁸ Никитин дает в целом одобрительную оценку и самим стихам, и их автору:

Взыскательный критик отыщет в них погрешности стиля, неточности в размере и в рифмах, недоработки, однако не они определяют наше к ним отношение. В этих стихах встает яркая, многогранная, обуреваемая страстями и порывами личность, во всем устремленная вперед и ввысь — в преодолении ли физических препятствий, в духовных ли исканиях, в любви или в реализации своей миссии на земле⁹.

Таким был С. А. Кондратьев всегда и повсюду: и в Монголии, и после нее. Лирические герои его стихов — поэты и мудрецы, странники и воины — выражают собственное его отношение к жизни. Они любят, расстаются с любимыми и, вдохновленные молитвами, отправляются на правое дело, стремясь «найти среди буден обетованный храм». Судьбою им уготован «страннический путь», в котором видит поэт и «горечь и соль земную», и «красу печальной Земли», и «сияние горного края». В их сердцах «любовь и тоска пылают неугасимым огнем», и единственное, что просит поэт у Неба, — найти «разгадку вековечной тайны» этого страннического пути, когда «Неведомо куда / Волшебными ведет лучами / Вот эта синяя звезда», подвластная «души томленью».

Ко времени пребывания С. А. Кондратьева в экспедиции П. К. Козлова относятся пять стихотворений, поэма «Гава» и баллада «О страннике, мудреце и поэте». На молодого Кондратьева-поэта, несомненно, оказывали большое влияние поэтика языка и мироощущение произведений, которые потом будут отнесены к поэзии «серебряного века». Подражательность, а скорее — общность восприятия мира проявлялась в экзотическом начале поэтического творчества, в обращении не столько к быту народа, сколько к специфике его культуры. Из дневников С. А. Кондратьева мы видим, что он прекрасно знал и любил произведения Н. С. Гумилева и не раз читал их Е. В. Козловой и другим («Приходила к нам Ел. Вл. Читал вслух Гумилева»). Возможно, не последнюю роль сыграл тот факт, что Гумилев тоже окончил царскосельскую гимназию (но за восемь лет до Кондратьева) и за шесть лет до него тоже поступил в Петербургский (Петроградский)

⁷ Архив Музея-квартиры П. К. Козлова, д. 10 (*Кондратьев А. В.* Сергей Александрович Кондратьев (1896—1970). Воспоминания. Размышления) (далее: *Кондратьев А. В.* Сергей Александрович Кондратьев...); Беседа соавторов с А. В. Кондратьевым (двоюродным братом С. А. Кондратьева) 26.06.2001 г.

⁸ *Кондратьев С.* Весна в Кентэе: Стихи и поэмы / Вступ. ст. и публ. А. Л. Никитина. М.: Интерграф сервис, 1996. 123 с. (Серия: «Семейный архив. XX век»).

⁹ Там же. С. 12.

университет (учился на другом факультете) и был, что называется, птенцом того же гнезда. Гумилев путешествовал по Африке, Кондратьев стремился в Азию и путешествовал по Монголии... Перекличка ассоциаций ощущается и в именах действующих лиц и названий произведений. Так, в 1922 г. появилось второе издание поэмы Н. С. Гумилева «Мик». Именно так со следующего года С. А. Кондратьев во всех дневниках называет свою жену Мелитину Ивановну. Одно из действующих лиц гумилевской поэмы, наполненной экзотическим материалом, носит имя Гано, и созвучное имя — Гава — дает Кондратьев главному герою своей одноименной поэмы. Что касается поэтических образов и аромата экспедиционных произведений Кондратьева, они, несомненно, навеяны чисто монгольскими реалиями и вполне самостоятельны.

Остается загадкой, как смог этот молодой человек петербургской культуры, никогда ранее не бывавший в Азии и не знакомый с кочевнической культурой и хозяйством, основанным на охоте и скотоводстве, с традициями, пропитанными дошаманскими культами, шаманскими и буддийскими верованиями, так глубоко почувствовать суть местной поэтики и монгольской души? Как удалось ему уловить основные, традиционные черты характера монгола, выражающие единение человека с природой в их обоюдном естестве, — ощущение органичного единства с нею, суровость и покой, решительность и сентиментальность!

В монгольских дневниках Кондратьева нет никаких упоминаний о его знакомстве с монгольским эпосом, с поэмами «Гэсэр», «Хан Харанхуй», «Дуутай Мондор» или с какими-либо другими. Да и не мог он их тогда знать, так как начало их собиранию и изучению было положено лишь бурятскими учеными Ц. Ж. Жамцарано и Б. Б. Барадийном¹⁰, а также российским монголоведом А. Д. Рудневым лишь в XX в. В русском же переводе они вышли только в 1960-е гг. По-видимому, С. А. Кондратьев ощутил и мастерски транслировал ту поэзию, которая живет явно и материально на монгольской земле. Она оказалась понятной и доступной ему благодаря присущему ему природному тонкому чутью, развитому музыкальными занятиями слуху, оказавшемуся способным воспринять вибрации, идущие от скалистых ущелий, кристально чистых холодных горных рек, мягких очертаний серо-коричневых сопков с зелеными пятнами лесов, воспетых им в его

¹⁰ Барадийн (Барадин) Бадзар Барадийнович (Барадиевич) (1878—1937) — бурятский общественный деятель и ученый-востоковед, монголовед-тибетолог. До революции совершил экспедицию в Тибет. После революции председатель историко-этнографической секции Бурят-Монгольского научного общества имени Д. Банзарова, председатель Бурят-Монгольского ученого комитета. В 1930-е гг. активно работал в Институте востоковедения АН СССР. Был арестован и расстрелян в августе 1937 г.

стихах. Вот уж действительно, «каждый мерит мир своей душой» (любимая максима Кондратьева).

С. А. Кондратьев прекрасно уловил поэтику образов и взял верный стихотворный размер — анапест — самый спокойный, строгий и вместе с тем напряженный, не позволяющий расслабляться, а, напротив, направляющий и влекущий к доминанте на конце слова, строки, стиха, всей поэмы. Суть поэмы «Гава» прекрасно понял Ц. Ж. Жамцарано. Монгольские дневники С. А. Кондратьева сохранили весьма благожелательный отзыв ученого об этой поэме. Нельзя не согласиться с ним. В дневниках сохранились также различные варианты и наброски, видна творческая лаборатория поэта, которая еще раз показывает Кондратьева как человека крайне дисциплинированного, умеющего управлять своими страстями, вмещать их в прокрустово ложе суровой необходимости, работающего по четкому, данному самому себе заданию, судящего себя самым честным и бескомпромиссным судом. Довести дело до конца — аксиома его жизни и творчества.

Увлечение С. А. Кондратьева в экспедиции собиранием и изучением монгольской музыки и песен было естественно. Насколько он постоянно был полон музыкой, музыкальными образами, звуками, дают представление его экспедиционные дневники. Они пестрят нотными записями экспромтов, возникших неожиданно для него самого, отрывками из любимых музыкальных произведений, набросками новых замыслов, аккомпанементов романсов и частушек. Он слышит музыку в стуке колес и в чтении вслух монгольскими чиновниками указов в присутственных местах, сочиняет песни, импровизируя строй народной музыкальной песни, учит и исполняет вещи из репертуара своих информантов.

По дороге в Монголию Кондратьев не упускает ни одного случая сыграть на музыкальном инструменте: он исполняет свои любимые фортепианные произведения знакомому на улице в Иркутске, друзьям П. К. Козлова по его предыдущим экспедициям, датчанам из консульства в Верхнеудинске (с 1934 г. — Улан-Удэ), в общественном клубе на маленьком полустанке, где случилась непредвиденная задержка поезда. Потребность в игре, насыщенность музыкой характерны для его восприятия жизни. Он с одинаковой радостью готов давать уроки вокала, брать уроки игры на флейте, читать доклад на музыкальную тему перед интеллигенцией провинции, исполнять своим «мальчишкам», как он любовно стал называть самых молодых участников экспедиции — К. К. Даниленко и А. Д. Симукова, что-нибудь на гитаре или мандолине, разучивать с ними новые произведения. Репертуар фортепьянных пьес, которые он исполняет на импровизированных концертах, а затем педантично записывает, по уровню — консерваторский и состоит из концертных вещей того времени. Почти всегда звучат фрагменты из любимого вагнеровского «Парсифаля».

В Монголии, со всей страстью, присущей ему, он начинает изучать и записывать монгольский музыкальный и песенный фольклор, собирать музыкальные инструменты. Ц. Ж. Жамцарано, сам большой любитель старины и собиратель монгольской народной литературы, о котором российский монголовед А. Д. Руднев писал в свое время, что тот «собрал такое изумительное количество образцов монгольского народного фольклора, которое, кажется, до него никто не собирал»¹¹, нашел в С. А. Кондратьеве единомышленника по увлечению. Жамцарано создает ему благоприятные условия для записи монгольской музыки и песен: знакомит его с самыми выдающимися монгольскими певцами того времени, такими как М. Х. Дугаржаб, ставший впоследствии ведущим басом в монгольском оперном театре, приглашает на встречи с Сергеем Александровичем жителей разных районов Монголии, временно находившихся в Улан-Баторе, с тем, чтобы Кондратьев получил возможность знакомиться с музыкой различных монгольских племен.

Он встречался с самыми разнообразными людьми — министрами и школьниками, владельческими князьями и княгинями, милиционерами, солдатами и мясниками. Расширялся круг его знакомств в художественно-музыкальной сфере зарождавшейся новой монгольской интеллигенции. В ходе непринужденных встреч с профессиональными импровизаторами-исполнителями, с простыми людьми, любящими петь и играть, он увлеченно записывал напевы непосредственно с голоса или с инструмента, повторяя записанное вместе с исполнителем. В процессе множества личных контактов материал собирался легко и заинтересованно, его коллекция народных песен и наигрышей быстро пополнялась. Некоторые мелодии он фиксировал на фонографе. Кондратьев назовет период осени 1923 г. исключительно благоприятным для занятий по сбору монгольского фольклора. Его статья о работе по изучению монгольской музыки в октябре—декабре 1923 г. в Улан-Баторе, в которой автор дает определение вокальных качеств и палитры нюансов голосов монгольских исполнителей, нотные записи мелодий, перечисляет монгольские инструменты, была одним из первых исследований подобного рода¹². За осенне-зимний сезон, который он провел в Улан-Баторе до отъезда экспедиции в Судзуктэ в марте 1924 г. на место раскопок гуннских курганов, Сергей Александрович записал около 200 монгольских песен и наигрышей, которые впоследствии легли в основу его книги¹³. А собранная им коллекция народных музыкальных инструментов, среди которых есть морин-хур, ятага, шан-

¹¹ Жамцарано Ц., Руднев А. Д. Образцы народной словесности монгольских племен. Пг., 1918. Т. 1, вып. 3. С. 11.

¹² О работах по изучению монгольской музыки в октябре—декабре 1923 г. в Урге // Известия РГО. 1924. Т. 56, вып. 1. С. 173—176 (отчет о работе).

¹³ Музыка монгольского эпоса и песен. М.: Сов. композитор, 1970. 248 с.

за, хучир, находится в настоящее время в Государственном музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (ГМАЭ) РАН (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге.

К этому же времени относится и статья С. А. Кондратьева о монгольских шахматах. Сам он был заядлым шахматистом, не прочь был провести за игрой с хорошим партнером целый вечер. Очень ценил сильных соперников, видно было, что он испытывал не только моральное удовлетворение от выигранной партии, но получал эстетическое и психологическое удовольствие от процесса игры. Он любил посещать шахматные турниры и матчи, сам неоднократно принимал участие в шахматных соревнованиях в Союзе композиторов. Имея 2-й разряд по шахматам, на самом деле играл на уровне 1-го разряда. С интересом занимался шахматной теорией и анализировал партии шахматных гроссмейстеров и мастеров, очень ценил М. М. Ботвинника¹⁴. Сочетание подобных дарований в человеке отнюдь не парадоксально. Шахматистов и музыкантов сближает, как известно, комбинационная способность, одинаково необходимая и тем и другим.

Увлечение шахматами было распространенным явлением в среде русских музыкантов. Страстными шахматными болельщиками были А. К. Лядов, Н. А. Римский-Корсаков. Например, С. И. Танеев неоднократно устраивал шахматные турниры с Л. Н. Толстым, желанным партнером по шахматам для А. Н. Скрябина был А. Б. Гольденвейзер... Несомненно, существует системно-стилевая связь между игрою в шахматы и игрою на фортепьяно, суть которой — в освобождении от запоминания и в поиске алгоритмов, которые могли бы сразу дать итоги тысяч и тысяч вариантов решений. И музыкантом и шахматистом движет единое стремление действовать творчески, не используя заученные пассажи, а разрабатывая новые ходы, хотя и в жесткой системе правил. Оба используют схожую психологию и «технологию» высокого мастерства, им свойственны одинаковые движения ума и сердца. Их отличают тонкий расчет и интуитивное озарение, мгновенно-скрупулезная продуманность и филигранная отточенность действий, спонтанность, граничащая с импровизационностью, и вдохновенно-романтические порывы, оригинальные решения и неожиданные трактовки, без которых нет творчества.

Творческий человек, Сергей Александрович испытывал, по его словам, «ощепенение творчества»¹⁵. Он отличался эмоционально-рациональным характером: его аналитический ум был страстен, а романтизм — рассчитан и продуман. Больше всего эти его качества проявлялись в особом видении природы, которая не могла оставить

¹⁴ Кондратьев А. В. Сергей Александрович Кондратьев...

¹⁵ Из первого дневника. Запись от 28 июля 1924 г.

его равнодушным. Уже по дороге в Монголию его поражают «серебристые» воды Ангары, необычно толстые облака на границе с Монголией, яркое синее небо и покрытые лесом сопки, уходящие за горизонт.

Ему навсегда запомнятся лаконичная и суровая природа, древняя кочевая история и культура аборигенов, отличная от европейской. Вся его последующая жизнь так или иначе будет связана с Монголией, которую называют сердцем Азии, с просторами большей части Великой степи, протянувшейся от Причерноморья до Амура и от Южной Сибири до Гималаев. В своем творчестве он будет опять и опять обращаться к истории и культуре народа, веками перемещавшегося по этим необъятным просторам, представляющим собой единое культурно-историческое кочевое пространство, где устанавливались разнообразнейшие этнокультурные контакты, возникали и разрушались великие государства, воспеты в народном эпосе и преданиях, где звучали ратные кличи и обрядовые песнопения.

Через ряд лет, вернувшись к своим «молодым» дневникам, он поместил красным карандашом все сделанные им описания ландшафтов, их набралось свыше двух десятков¹⁶. Все они говорят о глубоко лиричном, тонко чувствующем природу человеке, который может долго с любовью и терпением наблюдать ее, ожидая, пока она раскроет ему свой мир, свои тайны, жизнь. Его цепкий ум и тонкая душа многое видели в жизни природы, а профессиональное образование естествоведника позволяло анализировать свои наблюдения. В дневниках отражены не только ландшафты Монголии, но и богатство животного мира края. Сергей Александрович был не только наблюдательным натуралистом, но и заядлым охотником и рыболовом. И это увлечение он пронес через всю свою жизнь и творчество. Образно он назвал его «Власть леса»¹⁷.

В книге «Необычные случаи на охоте и рыбной ловле»¹⁸, изданной С. А. Кондратьевым уже после выхода на пенсию, собрано воедино все интересное, что происходило с ним не только в Монголии, но и на берегу Черного моря, в Поволжье, на Дальнем Востоке, где он путешествовал позже. Некоторые описания природы в этой книге он взял из собственных дневников. Иногда они представляют собой по-научному точную фиксацию состояния различных ландшафтов, атмосферы, описание промысловой фауны, но чаще в них привнесены чело-

¹⁶ В оригинале его первого дневника они находятся на страницах: 23, 24, 31, 34, 35, 50, 71, 79, 169, 171, 179, 180, 183, 291, 293, 312, 314, 315, 321, 326, 333, 338. Отчеркнуты в 1933 г.

¹⁷ Из первого дневника. Запись от 28 июля 1924 г.

¹⁸ Кондратьев С. А. Необычайные случаи на охоте и рыбной ловле. М.: Географгиз, 1960. 109 с.

веческий фактор: автор рассказывает о взаимоотношениях человека с природой.

С. А. Кондратьев, кажется, исходил вдоль и поперек Забайкалье, Алтай, Саяны и все северные горные области Монголии, прекрасно знал ее западную часть — Хангай и восточную — Хентэй, пил воду из Иро, Хары, Орхона и Керулена. Он любил бродить в глуши замшелых лесов, взбираться по осыпям горных хребтов, прикрытых островками кедрового стланика, и подниматься на многоярусные береговые террасы, которые были свидетелями изобилия и щедрости в предшествовавшие геологические периоды, «читать» с высоты замысловатые петли рек на дне долин, пересекать травянистые «увалы» и лесистые «покати», вдыхая пряный смолистый аромат даурского рододендрона и «напитываясь» им. И наблюдал, наблюдал, наблюдал... А наблюдая — изучал.

Движителем всего было, как он сам признавался, «чувство стремления в неизвестное под напором расцветающих сил». Именно это молодое состояние, очевидно, позволило ему увидеть, например, бег косуль так, как он поэтично описал его в своей книге:

Они мчались длинными летящими прыжками, с изумляющей легкостью. Казалось, их тела были наполнены воздухом, а не мускулами и костями. Видны были их точеные ноги, стройные шеи, высоко поднятые гармоничные головы. Эта воздушная скачка завораживала.

Еще до Монголии Сергей Александрович был знаком с нарезным оружием. Поэтому перед вступлением в страну, когда экспедиция задержалась на полтора месяца в Троицкосавске, П. К. Козлов организовал для членов экспедиции учебные занятия по владению оружием, поскольку хорошо помнил о возможных встречах в Тибете с шайками разбойников. Он обязал всех каждый день ходить на стрельбище и палить по мишеням из разных положений, чтобы приобрести сноровку в этом деле. Все эти навыки очень пригодились впоследствии (по счастью, не по прямому назначению): было собрано большое количество экземпляров животных из различных мест Монголии для музейных коллекций. Кроме того, охота кормила и разнообразила рацион участников экспедиции. О первой охоте в январе 1924 г. Кондратьев напишет через тридцать лет — ничего не стерлось из его памяти:

...ни густая синева над оснеженными горами, ни голубые тени в ложбинах, ни темная зелень сосен, ни их рыжие как солнце стволы, ни легконогие порхающие звери <...> и столб снежной пыли над тихой поляной.

Монгольские дневники С. А. Кондратьева позволяют коснуться еще одной деликатной темы — дружбы с Елизаветой Владимировной Козловой (урожд. Пушкаревой), женой П. К. Козлова. Честное и бескомпромиссное перо Кондратьева зафиксировало драму, главными

действующими лицами которой оказались Кондратьев, Козлов и Козлова. Классический треугольник и классическое драматургическое единство места, времени и действия... Каждый из них нашел в себе силы открыто и мужественно разобраться в ситуации, понять, простить и сберечь самое ценное — человеческие отношения и уважение друг к другу. Кондратьев оставался другом Елизаветы Владимировны всю свою жизнь, свидетельством тому — несколько папок писем, хранящихся в Музее-квартире П. К. Козлова в Санкт-Петербурге (дело 10).

В сравнении с его послевоенным дневником некоторые дневниковые сентенции Кондратьева монгольской поры («Мы позабыли о благоговении», «Я не чувствую жалости к убитому зверю, может быть, потому, что сам хочу быть убитым», «Жизнь моя идет к закату»¹⁹, «Жизнь может быть радостной и печальной. Она всегда тревожна. Смерть отрадна», «И все-таки всегда отраднo помнить о смерти» и др.) звучат несколько старомодно и одновременно по-юношески наивно. Но и они говорят о его высокой духовности и напряженной работе мысли. А кондратьевские слова «Каждый мерит мир собственной душой» можно назвать эпитафией ко всему его творчеству.

Дневники С. А. Кондратьева, относящиеся к его монгольскому периоду, сохранили для нас увлекательное повествование о жизни, этнографии, культуре и быте монголов. В них также раскрывается отношение к экспедиции, сложившееся в высших политических кругах страны, отражена атмосфера археологической жизни на знаменитых ноин-улинских раскопках, давших миру богатые материалы по одному из малоизученных периодов истории и культуры Центральной Азии.

¹⁹ Это в 27-то лет!

Московский период

По возвращении из Монголии в Москву С. А. Кондратьев переносит желание понять и исследовать окружающий его мир на проблемы исторического развития собственной страны. От этого, второго периода его жизни сохранился московский дневник 1949 г. Написанный через много лет после Монголии, он представляет собой выстраданные мысли пятидесятилетнего человека, у которого за спиной большой жизненный опыт, о судьбах Родины. Это исповедь русского интеллигента, через собственную душу пропускающего все происходящее в Отечестве. Лейтмотивом этих записей можно назвать нравственный императив Сергея Александровича: «...ты также ответственен за все хорошее и за все плохое, что в этой жизни есть»¹. Дневник содержит собственную оценку Кондратьевым политической и экономической обстановки в стране, ее культурных, литературных, музыкальных достижений и проблем. Середина XX в. — это сложный и противоречивый период нашей истории, и поэтому видение и понимание происходивших событий их современником делает московский дневник Кондратьева ценным историческим документом.

В архиве С. А. Кондратьева отложились также три тетради его стихов. Первая тетрадь, названная им самим «Раннее» (1921—1924), отражает символику тамплиеров, мистическое восприятие жизни, желание проникнуть в глубь реальности за пределы обыденной жизни. Стихи второй тетради («Следы жизни», 1939) наиболее трагичны во всем творчестве поэта. Они принадлежат времени, унесшему многих из его друзей и знакомых, среди которых были Павел Антонович Аренский (сын композитора), сосланный и погибший в эпоху культа личности Сталина, и Лев Михайлович Брендстед — друг пулковских юношеских лет и первый муж его младшей сестры Софии Александровны (во втором браке Павловой), погибший в лагере. Кондратьевские стихи этого периода звучат как «крик униженного полураздавленного червя», который «Вдавлен в грязь, / Укрыться хочет, / Слепой мотая головой, / Навстречу чернорылой ночи». Такие слова нашел он

¹ Здесь и далее цитируется московский дневник 1949 г. С. А. Кондратьева.

для одного из своих стихотворений этого периода, характеризуя собственное состояние.

Третья тетрадь («Раздумья») включает стихи 1923—1938 гг. и послевоенных лет. Она содержит разделы «Монголия», «Любовь», «Отдых в пути», «Раздумья» и представляет собой почти готовую к изданию книгу стихов: есть оглавление, примечания, список монгольских слов с переводом, а в конце ремарка: «Мне хотелось бы, чтобы эти стихи были опубликованы в 1982 г.»².

Из прозаических произведений в книгу вошла повесть «Трава на ветру», написанная Сергеем Александровичем в 1959 г. и названная им самим трагикомической историей. Ее отличает «зощенковский смех» — когда читателю очень не хочется угадывать в персонажах самих себя. Повесть насыщена реалиями тогдашней жизни, морфология образов и стилистика этого произведения характерны для советской прозы 1940—1950-х гг. Интерес представляет также ироническое сочинение «Классики о соленых грибах», отмеченное тонким юмором. Сергей Александрович представляет, как Пушкин, Гоголь, Л. Толстой, Бальмонт, Ф. Сологуб, Волошин, Маяковский, Ахматова и некоторые другие классики XIX—XX вв. могли бы воспеть сбор грибов, различные их виды, блюда из них и описать жизненные эпизоды, связанные с грибами. Он прекрасно имитирует их язык, стиль и манеру письма, воспроизводя знакомые сюжеты из их произведений. Пародирует характерные художественные и композиционные приемы, ход мыслей, особенности мировосприятия каждого из писателей.

Дневники, проза, стихи, неопубликованные письма С. А. Кондратьева (к Елизавете Владимировне Козловой, с которой Сергея Александровича связывала многолетняя сердечная дружба) и к нему (письма его отца и др.) отражают определенный этап исследований Монголии и духовного становления самого Кондратьева, представляют собой образцы научного, художественного и эпистолярного творчества одного из интереснейших представителей российской интеллигенции XX в.

Особенного внимания заслуживает его аналитический дневник 1949 г., написанный в Москве и имеющий в начале завещательную надпись: «В случае моей смерти прошу передать эту тетрадь в ЦК ВКП(б)». Судя по всему, дневник создавался автором охотно, на едином дыхании (в заключении он скажет, с явным сожалением завершая свой труд: «Написано мало, но продумано много»), систематично и интенсивно, и был окончен всего за 2,5 месяца.

Московский дневник С. А. Кондратьева — не обычные последующие воспоминания о прожитом и пережитом (хотя мемуарный эле-

² Почти тридцать стихотворений из этой тетради были опубликованы в сборниках: *С. А. Кондратьев*. Весна в Кентэе. М., 1996; *Он же*. Утешение. Улан-Батор, 1999.

мент в тексте присутствует). И не дневник в привычном понимании этого жанра, то есть подневные записи текущих событий, собственных дел, встреч, впечатлений и оценок. Это скорее своего рода аналитические заметки, личные наблюдения, размышления и выводы о советском строе, его достоинствах и недостатках, экономико-политических и идейно-духовных основах и их воплощении в реальной жизни.

Вместе с тем публикуемый текст обладает основными видовыми признаками дневника — по своей форме записи носят подневный характер, а их доверительно-откровенное содержание, по-видимому, не предназначалось для посторонних глаз.

Что подтолкнуло Кондратьева к перу, каков был его побудительный мотив? *Внутренняя потребность* разобраться в вечном и особенно болезненном в те годы вопросе об *отношениях между людьми и государством*, «внести в него возможную ясность», хотя бы для себя. Перевалив за свои полвека, Кондратьев решил зафиксировать собственное понимание государства и времени, в которых ему суждено было жить:

...после 50 лет, когда опыт накоплен, а мышление <...> еще не затронутое разрушительным действием старости, наиболее отчетливо, — человек обязан определить свое отношение к жизни, внести в него возможную ясность.

Для него это был далеко не первый дневниковый опыт, Кондратьев прекрасно владел эпистолярным жанром и вообще был человеком думающим и пишущим.

По сути, дневник 1949 г. — своеобразное политико-нравственное эссе в дневниковой форме, философские размышления о времени и о себе, заявление собственной гражданской позиции. Всякое заявление адресно, обращено к кому-либо, подразумевает читателя. К кому же адресовался Сергей Александрович помимо самого себя («...решил поговорить серьезно сам с собой»)?

Приступая к работе над дневником, он, по-видимому, и сам еще не знал этого. С одной стороны, явно придавая своим мыслям серьезное общественное значение, он посчитал, что было бы правильно отослать тетрадь в ЦК ВКП(б), поскольку «критика приносит пользу» (при этом несколько наивно полагал, что «государственные деятели должны внимательно относиться к откровенным и мотивированным мнениям каждого гражданина»). С другой стороны, справедливо оценивая свои записи как «крамольные» и достаточные для его ссылки, небезосновательно опасался если не за себя, то за жену. И потому не мог так поступить. Неразрешимое противоречие... «Судьба этой тетради <...> темна, как темно и мое будущее», — признался он в последний день своих записей.

Компромиссный выход был найден через две недели после завершения работы над дневником: Кондратьев как бы *завещал* свои «Мысли...» ЦК партии, временно (до конца собственной жизни) *отложив* решение о *передаче* текста. Но умер два десятилетия спустя. Жена пережила его на год, однако давней авторской воли не исполнила. Вероятно, после смерти мужа было не до того, она сама болела, да и его анализ партийно-государственной системы в СССР, основанный на реалиях своего времени, во многом утратил уже свою практическую актуальность (приумножив источник-историческую ценность самого дневника).

Показывал ли Кондратьев кому-нибудь свой дневник? Насколько мы знаем — нет. Время было непростое, и он, конечно, не мог этого не понимать. Только что прошли погромные идеологические кампании 1946—1948 гг.; всюду разворачивалась кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», «буржуазным космополитизмом» и «безродными космополитами»; вся страна готовилась трудовыми подарками достойно встретить 70-летие своего испытанного вождя; на подходе уже было «Ленинградское дело»... Быть может, он и собирался поделиться с кем-нибудь своими записями, но с началом «Ленинградского дела», сам ленинградец по рождению, наверняка передумал, хотя и не уничтожил тетрадь. Вышло, однако, так, что писал для себя, «в стол». Но главной своей цели достиг: продумал, сформулировал, записал, доверив мысли бумаге. И испытал своего рода катарсис: «Высказался и облегчил душу». Самодостаточный человек, он при жизни сумел обойтись без читателя, встреча которого с этим дневником смогла состояться только более чем через полвека после его написания.

Современному читателю, особенно молодому, многое в этом дневнике может показаться тривиальным, подчас — стандартной риторикой тех лет. Действительно, Кондратьев не свободен от ходульных агитпроповских прописей, добровольно использует традиционные для своего времени идеологические штампы и гиперболы, от которых мы, слава Богу, давно успели отвыкнуть: «проницательность вождей», «под знаменем высоких идей социализма и коммунизма», «гигантское развитие науки в СССР», «зажиточные крестьяне» и проч. Ленина и Сталина (судя по всему, они для него фигуры прямо-таки планетарного масштаба) называет не иначе как «наиболее выдающимися» представителями старой большевистской гвардии, «великими в полном значении этого слова», «подлинными героями», «настоящими вождями человечества, память о которых не исчезнет, пока не оледенеет Земля». Сталин для него — «Кормчий» (с большой буквы), «испытанный в боях вождь, сильный и умный человек, поглощенный одним желанием — устроить для всех угнетенных на Земле более светлую жизнь», подвиг которого в минувшей войне «для всякого неоспорим <...> И в этом величайшая заслуга Сталина». (Это ведь только в пере-

строечное время демократическое общественное сознание выработает точную формулу Победы: «Не благодаря, а вопреки Сталину».)

Кондратьев одобряет социалистические преобразования как нечто само собой разумеющееся; не сомневается в том, что именно государственное планирование и ускоренная индустриализация, освободившая СССР от иностранной технической зависимости, обеспечили победу в недавней войне и тем продемонстрировали «глубокую проницательность наших вождей». Признает, что основное содержание советской эпохи — огромный по масштабам и закономерный эксперимент по практической проверке учения, существовавшего до этого лишь в теории. «Естественно, — соглашается он, — что этот процесс не мог протекать без ошибок». Считает, что эксплуатация человека человеком при капитализме вызывает «множество уродливых явлений», особенно в случае недостаточности нравственного и умственного развития «капиталовладельцев». Поэтому эксплуатация трудящихся государством — «несравненно более разумна и прогрессивна», если, конечно, правительство возглавляют такие выдающиеся люди, как Сталин, заботящийся о благе народа.

Готов верить Кондратьев и в формирование в будущем новой, коммунистической морали, которая (тут он прибегает к сослагательному наклонению) «имела бы все основания возникнуть», но пока этому мешают практические трудности. Критикуя советскую заидеологизированность и методы идеологического воздействия, не ставит под сомнение саму необходимость единой идеологии и ее распространения: граждане должны знать труды классиков марксизма-ленинизма, «однако эти знания внедряются неразумно», догматически.

Некоторые его рассуждения представляются облегченно-поверхностными, — например, в отношении политики партии и правительства в области решения национального вопроса в СССР. Здесь у Кондратьева — совершеннейший елей, без какой-либо попытки серьезного рассмотрения проблемы по существу. Преобразования в этой сфере, проникнутые «подлинным гуманизмом», он признает «одним из самых светлых явлений нашего времени, а может быть, и самым светлым. <...> ...критиковать бесспорные ценности не приходится!» Умозрительный, отвлеченный характер носят его мысли о раскрепощении женщин в СССР. Автор явно не только не располагает достаточной информацией для адекватного анализа проблемы, но и не стремится ее получить, хотя бы обратившись к соответствующей литературе. Лишь оговаривается в сослагательном наклонении, что было бы интересно и поучительно познакомиться с подробными статистическими данными о трудовой занятости женщин.

Это слабые и малоинтересные места его дневника, написанные скорее в угоду собственной заранее заданной схеме обзора советской

действительности (план дневника дан в его начале), нежели потому, что ему есть что сказать по этим вопросам.

Подробно разбирая гонения на сельскохозяйственные науки, он не упоминает, что наряду с генетикой была объявлена «буржуазной лженаукой» и запрещена в СССР и кибернетика. В тексте нет сопоставлений со взглядами на те или иные проблемы ученых-специалистов в соответствующих областях, дореволюционных философов, эмигрантских мыслителей. Но эта констатация, могущая быть упреком при анализе научной диссертации, нисколько не умаляет значения дневника Кондратьева: упомянутые выше источники в своем большинстве были в его время недоступны и даже опасны. А главное — автор не ставил перед собой цель создания научного исследования: «Я не политик и не экономист. Поэтому в этой схеме, вероятно, есть упущения, быть может, и немаловажные», — оговаривается он.

Перед нами не ученый труд, а приватные авторские размышления на базе собственных наблюдений и эрудиции, которой Кондратьеву было не занимать. Он, без сомнения, прекрасно образованный, глубоко и оригинально думающий гуманитарий (по складу ума и характера, по характеру профессиональной деятельности, несмотря на полученное естественное образование), которому не откажешь в наблюдательности, логике мышления, прозорливости и смелости раскованной мысли. У него трезвый взгляд на недостатки и системную недостаточность экономики социализма. Уничтожение конкуренции, справедливо полагает Кондратьев, «гибельно отразилось на качестве и труда, и товаров», стало одной из причин многолетних лишений и неудобств «в быте каждого дня», а взяточничество «в условиях современного лицемерия и аморальности достигло невиданного повсеместного распространения».

Не скрывает Кондратьев и своего скептического отношения к советской официальной печати и идеологической пропаганде «новой морали» советского человека, о которой «сотни газетных писак изо дня в день твердят, как попугаи, одно и то же». Потрясающе смело для своего времени он недоумевает, почему форма власти в СССР носит название диктатуры пролетариата, тогда как «на самом деле мы живем в монархии». Систему управления государством уподобляет конусу, на вершине которого Сталин, в основании — мелкие администраторы (преимущественно партийные); партия построена на манер военизированной организации или Ордена иезуитов; аппарат государственного управления — по армейскому образцу; Верховный Совет «играет декоративную роль», а бюрократическое управление традиционно для России зиждется на принципе «молящегося дурака» («Заставь дурака...»). Такая вот до боли привычная и понятная теперь схема тоталитаризма. Но эти строки отнюдь не из позднеперестроечной публици-

стики — они написаны в эпоху позднего сталинизма, это взгляд изнутри, из того времени.

Реконструированная Кондратьевым модель победившего социализма не была бы полной без упоминания о репрессиях. И он не избегает этой темы, с горечью отмечая, что в первой социалистической республике мира слежка за гражданами достигла «небывалого в истории размаха», а повсеместное доносительство и «неслыханно жестокие репрессии» превратили т. н. «свободных» (кавычки принадлежат автору) граждан в послушных рабов, которых ждет «тюрьма — лагерь — смерть». Из своей современности Кондратьев отчетливо видит экономическую причину массовых репрессий — это нехватка бесплатных рабочих рук для индустриализации. Насильственный же метод угона «неблагонадежных» разрешил эту проблему «с необычайной легкостью». Оглядываясь в прошлое — на непрерывную историю российских карательно-сыскных органов, он проводит прямую параллель между Тайной канцелярией Петра I, ВЧК и МГБ («явления одного и того же порядка»). Заглядывая в будущее, провидчески предвидит:

Постыдное это глумление над человеком не избежит суда истории и останется такой же черной страницей в развитии социализма, как инквизиция — в распространении христианства.

С. А. Кондратьев затрагивает сложнейшую проблему нравственной ответственности, в том числе собственной, — за массовые репрессии:

Вопрос о справедливости <...> остается на совести НКВД, <...> народа <...> и на моей совести. Ибо уничтожение невинных людей <...> не мелкая ошибка, а тяжкий проступок дурно организованной власти. И баланс здесь подвести не удастся. Так и придется жить: с глубокой преданностью Сталину за то, что отстоял родину от врага, и с великим отвращением к произволу властей. И никуда от этого не уйдешь, потому что <...> ты также ответственен за все хорошее и за все плохое, что в этой жизни есть.

И еще острее и откровеннее — почему *сам он* ничего не сделал для тех людей, в невиновности которых был уверен, почему не писал письма в инстанции, наконец, не взывал к Сталину? Нужен беспощадный самоанализ, чтобы честно ответить на этот мучительный вопрос. И Кондратьев делает это в нескольких исповедальных, осудительно-простительных по отношению к самому себе строках: очевидно, и он подвергся влиянию тупого произвола, превратившего людей в марионеток. «С этой мыслью, с презрением к самому себе и придется доживать жизнь»...

Автор дневника отвергает политический контроль и идеологизацию наук, в первую очередь гуманитарных и естественных, поскольку это ведет к догматизации и застою научной мысли, развращает одних

ученых и коверкает жизнь других. Высказывает спокойную уверенность в том, что история все расставит по своим местам, и Лысенко будет низвергнут с не заслуженного им пьедестала, а «хромосомную теорию у нас станут изучать вновь». И оказался прав.

Много внимания Кондратьев уделяет тем областям, в которых он профессионально компетентен, — музыке и литературе («...сам я всю жизнь занимался искусством и наукой»). Он отмечает пагубное влияние на советское искусство и его деятелей печально известных партийных постановлений «по культуре» 1946—1948 гг., и эти записи наиболее информативны и интересны. Справедливо сомневается он в разумности тотальной антирелигиозной пропаганды в СССР, в определенной мере связывая «падение нравов» с ослаблением религиозных чувств в народе.

Московский дневник Кондратьева обильно населен персонажами — главным образом историческими лицами и его современниками, в нем упоминаются 114 человек (в основном деятели науки и культуры). Из них 92 конкретно поименованы: это 39 литераторов, 17 ученых, 15 музыкантов, 10 политиков, 5 философов, 4 мифологических и литературных персонажа, 2 режиссера. Еще 22 человека по имени не названы: это три родственницы Кондратьева, некий представитель ЦК, рабочие, управдом, ребенок и даже один бывший вор.

Читая С. А. Кондратьева сегодня, мы, имеющие опыт «трудного прозрения» и драматических разоблачений конца 1980—начала 1990-х гг., не должны забывать, что он-то писал еще при жизни Сталина. Много ли известно правдивых документов тоталитарной эпохи, сравнимых по широте охвата и глубине анализа проблемы (пусть во многом и кабинетно-умозрительного) с записками Кондратьева? Его «Мысли о жизни» интересны уже хотя бы потому, что одновременные с событиями той поры дневники с критическими замечаниями в адрес режима крайне редки. А он доверился бумаге.

Сергей Александрович не преследовал каких-либо сиюминутных политических задач, свое политико-нравственное эссе он создавал с целью философского осмысления советской действительности. Написанное искренне, объективно и непредвзято, оно лишено публицистической запальчивости и гневных инвектив, как бы вопреки ленинскому указанию о том, что «Без „гнева“ писать о вредном — значит, скучно писать»³. (Автор лишь однажды изменяет своей философской отстраненности — когда описывает собственные «хождения по мукам» из-за обвалившегося в его комнате потолка (бытие все же определяет сознание!), но и из этого бытового факта он выводит социальные обобщения и уроки жизненного опыта.)

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 78.

Кондратьевские мысли о жизни амбивалентны, как двойственна и сама жизнь в СССР середины прошлого века — с ее неподдельным трудовым энтузиазмом; гордостью за свою страну, одержавшую великую Победу; с чувством мессианской (социалистической) исключительности советского государства, с одной стороны, и мрачной атмосферой идеологического прессинга и контроля, всеобщего доносительства и репрессий, бытовой неустроенности и удручающей нужды большей части населения — с другой. В сознании и дневнике Кондратьева эта двойственность проявляется в противоречивом сочетании беспристрастного и нелицеприятного анализа советской действительности с верой в «Кормчего» и социалистические идеалы. Признавая «высокие и гуманные идеи советского социализма», он отчетливо видит «порочность методов» воплощения их в жизнь: «Стратегия хорошая, тактика плохая». Но системные пороки режима при этом, кажется, принимает за «тактические ошибки» и пока еще не изжитые недостатки.

Главное противоречие и, наверное, драма Кондратьева (как и многих его думающих современников) — в конфликте ума и сердца, рассуждения и осуждения: рассудочного понимания, что практика никогда полностью не совпадает с теорией, а план — с достигнутым результатом, и чувства боли и ответственности за свою страну. «Таково противоречие — тяжелое и неизлечимое», — с грустью записывает он в своем дневнике.

Беспартийный и неверующий Кондратьев — скептический мыслитель и объективный критик, но не диссидент, не антисоветчик и не антикоммунист. Как он сам признается — не герой и по природе своей не способен на предательство. Критическое инакомыслие Кондратьева не выходит за рамки обусловленной житейской мудростью благонадежности. Как представляется, кондратьевские мысли о строе во многом компромиссны и созвучны взглядам немалого числа его современников, например, акад. В. И. Вернадского, для которого Октябрьская революция стала событием геологического масштаба, а Ленин и Сталин «...исторически <...> стояли на правильном пути»⁴.

В конечном счете, Кондратьев живет и мыслит по правилам своего времени, а если и нарушает их, то каждый раз останавливается *непосредственно перед* осуждением строя и лежащих в его основе идей. (Как нередко писали в советские времена про прогрессивных деятелей предыдущей эпохи, которые в подавляющем большинстве вовсе не были революционерами: «...не сумел подняться до широких социальных обобщений, до понимания исторической обреченности современного ему общественного устройства» и проч. Так повторяется ис-

⁴ См.: Колчинский Э. И. В. И. Вернадский и большевики // За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и Э. И. Колчинского. СПб., 2002. С. 147.

тория!) Но и не воспеваает этот строй и эти идеи, а принимает как сложившуюся данность, спокойно констатируя ее достоинства и недостатки. И это в порядке вещей (давно сказано: «И дым отечества...»). Назовем этот феномен законом *идейной предопределенности сознания своим временем*.

В Кондратьеве и его дневнике нет «антисоветскости», а есть определенная внутренняя оппозиционность или, точнее, естественное дистанцирование от властной системы и ее критический анализ, всегда свойственные лучшим представителям российской интеллигенции. (Интересно, что не только Лев Толстой считал, что каждый человек должен воздерживаться от исполнения государственных обязанностей, занятия каких-либо должностей, любого участия в политической деятельности и в каких-либо формах власти, но и современная монгольская литература постулирует: «Любая власть держится на грехе»⁵.) И потому, наверное, его записи — честный и во многом опередивший свое время непредвзятый логический анализ современной ему действительности.

Все это делает московский дневник Сергея Александровича Кондратьева не просто любопытным человеческим документом, но и информационно емким и правдивым историческим источником для изучения атмосферы и конкретных реалий конца сороковых годов, для понимания умонастроений тогдашней творческой интеллигенции. Знакомство с ним — интересное и полезное чтение.

⁵ Батбаяр Д. Афоризмы / Пер. с монг. М. П. Петровой // Mongolica-VI. Посвящ. 150-летию со дня рожд. А. М. Позднеева: Сб. статей / Сост. И. В. Кульганек. СПб., 2003. С. 141.

Библиография С. А. Кондратьева¹

Научные труды: Музыка монгольского эпоса и песен. М., 1970 г.; О работах по изучению монгольской музыки в октябре-декабре 1923 г. в Урге // Изв. РГО. 1924. Т. 56, вып. 1; Пятилетний план работы научных экспедиций в Монголии // Хозяйство Монголии. 1930. № 1. С. 124—127.

Неизданные научные труды: Музыка улигера (О монгольском эпосе. 1931); Материалы по географии Хэнтэя. 1926 (машинопись, 65 с.); Извлечения из дневника Западно-Хэнтэйской экспедиции с заметками о маршруте. 1927 (машинопись, 57 с.); Доклад Ученому Комитету о работе метеорологической сети в 1929 г. (машинопись, 20 с.); Тельмин-нор и Западная окраина Хангайского нагорья (по материалам Хангайской экспедиции Ученого Комитета) (машинопись, 15 с.).

Переводы с англ.: Воан-Уильямс Р. Становление музыки (1961), Бернард Шоу о музыке и музыкантах (1965).

Литературные сочинения: Необычайные случаи на охоте и рыбной ловле, М.: Географгиз, 1960. 109 с.

Посмертные публикации стихов: Кондратьев С. Весна в Кентэе: Стихи и поэмы / Вступ. ст. и публ. А. Л. Никитина. М.: Интерграф сервис, 1996. 123 с. (Серия: «Семейный архив. XX век»); Кондратьев С. А. Утешение: Стихи и баллады / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. Я. Богатыря; Ред. Л. Г. Скородумова. Улан-Батор, 1999. 80 с.; Никитин А. Л. ROSA MYSTICA. Поэзия и проза российских тамплиеров. М., 2002. С. 87—134 (18 стихотворений, баллад и поэм); Кондратьев С. А. Стихи о Монголии / Предисл. И. В. Кульганек // Mongolica-VI. Посвящ. 150-летию со дня рожд. А. М. Позднеева: Сб. ст. / Сост. И. В. Кульганек. СПб., 2003. С. 124—134.

Музыкальные сочинения: опера «Мужество» (1942), балет «Яг Морт» («Лесной человек») (1946), кантаты «Памяти Ленина» (1938) и «К 25-летию Коми АССР» (1946), пьесы для виолончели и фортепиано: «Родные просторы (Россия)», «Монгольская мелодия» и «Корей-

¹ Составлено по: Архив Музея-квартиры П. К. Козлова. Д. 10 (Кондратьев А. В. Сергей Александрович Кондратьев (1896—1970). Воспоминания. Размышления); Музыкальная энциклопедия: В 6 т. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 2. Стб. 900.

ская мелодия» (1951), три романса на слова И. В. Гете (1956) и романсы на стихи Р. Бернса² (изданы в стеклограмме), 6 детских песен для голоса и фортепиано на слова У. Вордсворта³ (1958), музыка для камерно-инструментальных ансамблей (квintет для струнных инструментов и кларнета, струнного квартета), хоры и вокальные ансамбли, музыка к ряду спектаклей (свыше 20 постановок) и кинофильмам.

Музыковедческие сочинения: Русские народные песни в обработке для голоса с фортепиано: В 4 тетрадях. М.; Л., 1944—1947; Коми народная песня. М.: Сов. композитор, 1959. 144 с. (совместно с М. И. Кондратьевой); Якутская народная песня. М., 1963.

Неизданные музыкальные сочинения: Прелюд в старом стиле (до минор) (1917); Прелюд (ми мажор), романс (фа минор), романс на слова М. Волошина (1920-е гг.), довоенные баллады на рыцарские сюжеты (на собственные слова), Политональный вальс (1934), На воде (пьеса, 1935), Колыбельная (до минор, посвящ. М. И. Кондратьевой, 1934—1935), Памяти друга (пьеса, посвящ. А. И. Милорадовичу, 1939), Импровизация (миниатюра, посвящ. двоюродному брату А. В. Кондратьеву, 1940), Ариетта (миниатюра, посвящ. двоюродной сестре Е. В. Кондратьевой, 1940), Вересковый мед (баллада на слова Р. Л. Стивенсона, пер. С. Я. Маршака, 1943—1944), сюита из 8 вальсов (1958, в нее включен и сочиненный еще в 1934 г. «Политональный вальс»), От Сана до Дона (массовая песня, 1961), квintет для струнных инструментов и кларнета, струнный квартет, соната для виолончели и фортепиано.

О нем: Музыкальная энциклопедия: В 6 т. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 2. Стб. 900; *Кульганек И. В.* О духовности русской интеллигенции начала XX века (по дневникам С. А. Кондратьева) // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тез. XXI годич. конф. Санкт-Петербургского отд. Российского Национального Комитета по истории и философии науки и техники «Санкт-Петербург как научный центр: Роль научного сообщества в контексте мирового межкультурного диалога» (20—24 нояб. 2000 г.). СПб., 2000. Вып. 16. С. 207—208; *Жуков В. Ю.* Размышления о жизни в неопубликованном дневнике С. А. Кондратьева (1949 г.): побудительный мотив и психология времени // Исторические персоналии: мотивировка и мотивации поступков: Материалы Всероссийской науч. конф., 16—17 дек. 2002 г. Санкт-

²Бернс Роберт (1759—1796) — шотландский (Великобритания) поэт и фольклорист. Создал самобытную поэзию, в которой прославил труд, народ и свободу, бескорыстную любовь и дружбу. Автор сатирических антиклерикальных поэм, кантат, любовной лирики, застольных песен. Собрал и подготовил к изданию произведения шотландского поэтического и музыкального фольклора, с которым тесно связана его поэзия.

³Вордсворт (Уордсуорт) (Wordsworth) Уильям (1770—1850) — английский поэт-романтик, представитель «озерной школы». Приблизил поэтический язык к разговорной речи.

Петербург / Под ред. С. Н. Полторака. СПб., 2002. С. 231—234; *Васильев Д. Д., Кульганек И. В.*: 1) Новое в оценке научного наследия и творческой личности С. А. Кондратьева // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.): Доклады российской делегации II: Филология. Культура. Религия. М., 1992. С. 18—23; 2) Глазами участника экспедиции (по архивным материалам С. А. Кондратьева, участника экспедиции П. К. Козлова в Монголию в 1923—1926 гг.) // *Orient. Альманах. Исследователи Центральной Азии в судьбах России*. СПб., 1998. Вып. 2—3. С. 219—237; *Сафонова Н. Н.* О встерчах братьев Кондратьевых с Ю. Н. Рерихом // Труды II Рериховской конференции, 2005 г. СПб., 2005. С. 97—103.

«...Мне необходимо попасть в Азию» (Письмо к П. К. Козлову. 1922 год)¹

Петроград 11.XII.1922 г.

Милостивый государь Петр Кузьмич.

Следуя высказанному Вами пожеланию, я: 1) изложу здесь кратко мою биографию, 2) укажу на то, в каких отношениях я мог бы быть полезным для экспедиции, а также на степень моей подготовленности к таковой, и, наконец, 3) раскрою мотивы, стремящие меня к осуществлению давнишней мечты — путешествия в Азию.

Прежде всего прошу Вас не пожалеть десяти² минут, и дочитать письмо до конца — ведь Вы сами советовали мне написать подробно.

1

Я родился в 1896 г[оду] в Петрограде. Отца моего Вы знаете³. Детство провел в Пулкове. Кончил 10-ю гимназию в Петрограде и поступил на естественное отделение физ[ико]-мат[ематического] факультета Петроградского университета. В 1916 г[оду], когда я был на III курсе, был призван, как студент, для пополнения командного состава армии. Благодаря хорошему гимназическому аттестату (медаль) я мог попасть в Мих[айловское] арт[иллерийское] училище, но оста-

¹ ГАРФ, ф. 2307, оп. 2, д. 79, л. 61—63. На первой странице подлинника в левом верхнем углу наискось поверх текста помещена резолюция Н. П. Горбунова за его подписью: «Зачислен в конвой экспедиции с 1 марта 1923 г.».

Ксерокопия письма получена 2.12.2004 г. от А. И. Андреева, канд. ист. наук, старшего научного сотрудника, заведующего Музеем-квартирой П. К. Козлова, руководителя группы истории изучения Центральной Азии Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Публикуется с его любезного разрешения.

² В оригинале написано «пяти» и зачеркнуто.

³ В конце 1890-х гг. П. К. Козлов проходил стажировку от Академии Генерального штаба на геодезических курсах в Пулковской обсерватории. Вероятно, тогда он и познакомился с А. А. Кондратьевым.

новил свой выбор на пехотном училище в Иркутске. В Сибири у меня не было ни одного знакомого, тем не менее я выбрал Иркутск как место, из всех других наиболее близкое к тем краям, странствование по которым, еще с гимназических лет, сделалось для меня заветной мечтой. В Иркутском училище я прошел школу суровой дисциплины, которой я обязан очень многим до сих пор. Кончил училище я одним из первых, как по строю, так и по учебным предметам. Между прочим, по стрельбе из винтовки я был 1-м в роте. Спешу оговориться, впрочем, что стреляли мы только по неподвижным мишеням. По окончании училища я выбрал вакансию во 2-м дивизионе 1-й зап[асной] арт[иллерийской] бригады в Гатчине.

Осенью 1918 года я должен был отправиться на фронт, но революция помешала этому. Старую армию демобилизовали. Я поступил на службу в Гидрографическое управление, откуда был командирован в Пулково для усовершенствования в области астрономических и геодезических знаний. В Пулкове я занимался с конца 1917 года по весну 1919 года, когда вновь был призван в Красную армию. Я был назначен инструктором на Воронежские пехотные курсы, а оттуда, по ликвидации Деникина⁴, курсы были переведены в Новочеркасск. 1920 год был годом походной, боевой жизни. В прошлом году я освободился от военной службы как школьный работник (в 1918 г[оду] я преподавал в 8-й школе II ст[упени] в Петрограде)⁵. Я переехал в Москву и поступил в Институт востоковедения на индустанское отделение⁶.

Наконец я смог серьезно приняться за изучение Востока. Но и все последние годы я, по мере сил, накапливал знания в этой области (гл[авным] образом в отношении Индии). Осенью настоящего года я перевелся в Петроград на III курс Института живых восточных языков⁷. Параллельно вновь поступил в Университет, дабы окончить его. В добавление могу сказать, что с 15-летнего возраста я все время занимаюсь музыкой (композицией). В настоящее время пишу музыку к одной пьесе по заказу Московского город[ского] театра.

2

Теперь о своей «полезности» в экспедиции. Прежде всего, упомяну об одном моем серьезном недостатке — дилетантстве. Из моей биографии Вы легко увидите, что ничем я не успел еще заняться на-

⁴ Имеется в виду разгром деникинских наступлений на Москву летом—осенью 1919 г.

⁵ Далее С. А. Кондратьевым вымараны 2,5 строки.

⁶ Институт востоковедения в Москве был создан в октябре 1921 г. на базе Центрального института живых восточных языков и восточного отделения МГУ. Существовал до 1954 г.

⁷ Петроградский институт живых восточных языков (ПИЖВЯ) открылся в 1920 г.

столько основательно, чтобы называться «специалистом». Исключение представляет разве только музыка. В этой области я могу производить совершенно самостоятельные музыкально-этнографические исследования.

Работая же под руководством, я могу помогать в:

- 1) определении астр[ономических] пунктов;
- 2) производстве топографической съемки;
- 3) собирании и препарировании зоолог[ических] коллекций;
- 4) « « ботанич[еских] коллекций;
- 5) « « минералогических коллекций.

Далее я могу:

- 6) охотиться;
- 7) готовить пищу;
- 8) быть одним из начальств[ующих] лиц в конвое;
- 9) быть просто рядовым в конвое;
- 10) быть чернорабочим.

Могу прибавить ко всему этому еще то, что я много занимался спортом, силен и, как показали последние годы, здоров и вынослив. Мне приходилось по несколько недель сряду не раздеваться, по несколько месяцев питаться гнилой картошкой и жмыхами. Все это мало отражалось на моей работоспособности.

3

Теперь о мотивах моего желания попасть в Тибет. Конечно, я бы мог сказать, что меня привлекает восточная природа, восточное искусство, восточный уклад жизни и т. д., и т. д. Но это все не самое существенное. Основной мотив у меня тот же, что и у Вас. Когда вы пишете о том, что Вам «хочется попасть в родную для Вас обстановку тибетской жизни», то Вы выражаете чувство, такое понятное и близкое мне, но вместе с тем плохо поддающееся объяснению. Не нам с нашими ничтожными европейскими знаниями пытаться анализировать природу этого чувства. Корни его в древних атавистических наслонениях, непрерывно и тайно влияющих на нашу психологию. Почему я готов на 3 года отказаться от рояля, который для меня ежедневная радость? Почему я с легким сердцем бросаю Университет, в который я так стремился вернуться последние годы и наконец вернулся? Почему я без одного колебания откажусь от Восточного института, от всей моей благоустроенной и налаженной теперь жизни для того, чтобы ехать в суровые страны, страны опасностей и лишений? Почему в то же время я и пальцем не пошевелил бы для того, чтобы поехать в Париж, Америку или на Северный полюс?

На все эти вопросы я не мог бы ответить Вам, но тем не менее Вы-то отлично должны понять все это.

Я бы мог, пожалуй, попытаться объяснить это отчасти влиянием буддизма, по которому я на самом деле порядочно прочел, начиная с Пратимокша-сутры⁸ и «Жизни Будды» Асвагоши⁹ и кончая философскими этюдами Тагора. Но откуда столь напряженный интерес к буддизму у православного христианина? Это так же трудно объяснить, как Вам было бы трудным установить внутреннюю связь между данными о распространении различных видов птиц в Тибете в Вашей книге и эпиграфом к этой же книге «Тибет и Далай-лама»¹⁰.

Как доказательство того, что интерес к буддизму для меня не игра, считаю должным отметить, что я отказался от женщины и от вина. Обет этот я дал около года назад.

* * *

Теперь вот еще о чем. Я прекрасно понимаю, что Вы как опытный руководитель *должны*¹¹ все-таки с известным критицизмом относиться к моим словам. Ибо Вы меня не видели и не знаете в работе. Поэтому я очень прошу Вас о следующем. До начала экспедиции, по Вашим словам, еще целых 5 месяцев. Сделайте в этот период экзамен моей работоспособности. Если Вы прикажете мне заняться разговорным китайским языком — я примусь за это. Если вы заставите меня попрактиковаться как можно лучше в съемке — я буду снимать. Если Вы предложите упражняться в 30-верстных переходах без остановки, я буду делать их. Всякое Ваше задание, в пределах моих способно-

⁸ Словом «пратимокша» обычно обозначается свод правил поведения буддийских монахов, установленный, согласно буддийской традиции, самим Буддой. Эти правила касались практически всех сторон монашеской жизни, согласно этим правилам функционировали все локальные буддийские монашеские общины. Скорее всего, Кондратьев читал эти сутры в переводе востоковеда И. П. Минаева.

⁹ Асвагоша (Ашвагхоша) — знаменитый поэт и философ индийского буддизма. Традиция считает его современником царя Канишки (I в.). Тибетские и китайские источники изображают Ашвагхошу то ученым монахом, апостолом буддизма, то бродячим музыкантом, в изящных песнях раскрывавшим народу тщету бытия. Ашвагхоша сумел влить проповедь буддизма в высокохудожественные формы эпоса (махавья) и драмы. Из произведений Ашвагхоши до нас дошли: «Буддхачарита» («Жизнь Будды») — изложенная в эпической форме каноническая биография основателя буддизма (сохранилась в китайском переводе V в., в тибетском переводе VII в. и в виде отрывка на санскрите; в русском переводе см.: *Асвагхоша. Жизнь Будды* / Пер. К. Бальмонта. М., 1913); «Саундарананда» — поэма о влюбленном Нанде, насильственно обращенном в монашество сводном брате Буддхи; «Сутраламкара» — собрание поучительных повестей (сохранилось в китайском переводе V в.); «Шярипутракарана» («Обращение Шярипутры») — отрывки драмы, найдены в 1911 г. Манера Ашвагхоши была усвоена рядом позднейших буддийских поэтов, произведения которых иногда приписывались Ашвагхоше.

¹⁰ Козлов П. К. Тибет и Далай-лама. Пб., 1920. Книга недавно переиздана (М., 2004. 137 с., с добавлением дневника П. К. Козлова о его поездке в Монополию в 1905 г.).

¹¹ Выделенное курсивом подчеркнуто в тексте.

стей, я готов осуществлять с максимальным напряжением. В своей работе я буду Вам периодически давать отчеты. Таким способом Вы сможете несколько узнать меня, и если будете много не удовлетворены, то я только молча уйду. Мне не нужно ни денег, ни почестей. И это не фраза. Мне необходимо только Ваше доверие, мне необходимо попасть в Азию.

* * *

Я твердо знаю, что рано или поздно я попаду в Азию. Наиболее прекрасная возможность — ехать с Вами. Если она не осуществится, то придется подождать.

Но пока Вы не сказали решительного для меня слова, я буду приходить к Вам до тех пор, пока Вы не согласитесь взять меня или, в гневе, не прогоните окончательно.

(Подпись) *С. Кондратьев*

Дневник 1923—1924 годов

Расшифровка, данная нами в скобках, названия публикуемого нами «Путевого дневника» полностью соответствует времени его ведения, однако по формальным признакам она может считаться несколько условной, так как последние записи, представляющие собой стихи С. А. Кондратьева, сделаны им в 1925 г. (два стихотворных фрагмента). Самая же последняя относится к 9 апреля 1926 г., дню его рождения. Она заключает в себе лишь две строчки: «И все таки всегда отраднo помнить о смерти». Таким образом, фактически весь дневник относится преиоду с 25 июля 1923 по 28 июля 1924 г., т. е. ко времени с отъезда экспедиции с Московского вокзала Санкт-Петербурга в Монголию и до начала работы археологического отряда, которым руководил С. А. Кондратьев, на раскопках Ноин-улинских курганов в местечке Судзук-тэ.

Рукопись представляет собой записную книжку (размером 11,5×17,5 см) в твердом матерчатом переплете серого цвета. На лицевой стороне обложки шариковой ручкой написано «С. А. Дневник. 1». Тетрадь имеет 381 страницу в линейку. Страницы пронумерованы автором, из них исписаны 378. На странице 19 строк. Записи велись преимущественно карандашом, некоторые — фиолетовыми или черными чернилами. Отдельные места в тексте, касающиеся описания ландшафта, отчеркнуты красным карандашом. Почерк мелкий, с элементами скорописи, местами трудный для чтения, записи почти не имеют помарок.

Дневник С. А. Кондратьева публикуется в соответствии со следующими правилами:

- 1) текст печатается с учетом современной орфографии;
- 2) текст вклеек приводится в примечаниях;
- 3) тексты на урду, за отсутствием возможности воспроизвести их наборным шрифтом, предлагаются в переводе в примечаниях;
- 4) расшифровка инициалов приводится в списке сокращений в конце книги;
- 5) авторские подчеркивания, разрядка текста сохранены;
- 6) в необходимых случаях орфография и пунктуация подлинника приведены к современной норме; смысловая правка не производилась;
- 7) астрологические символы, обозначающие дни недели, переведены в название этих дней.

ДНЕВНИК 1

НВ. Красным карандашом отчеркнуты в 1933 г. описания ландшафтов.

Стр. 23, 24, 31, 34, 35, 50, 71, 79, 169, 171, 179, 180, 183, 291, 292, 312, 314, 315, 321, 326, 338.

С. Кондратьев.

1923 г.

25/VII, среда

Сегодня с поездом 15 ч. 20 м. с Николаевского вокзала отбыла наша экспедиция в следующем составе:

1) П. К. Козлов.	2) Е. В. Козлова.
3) С. А. Глаголев.	4) Н. В. Павлов.
5) С. А. Кондратьев.	6) П. М. Саранцев.
7) К. К. Даниленко.	8) А. Д. Симуков.
9) Е. П. Горбунова.	10) В. М. Худяков.
11) П. С. Савельев.	12) В. М. Канаев.
13) Н. Ю. Касимов.	14) М. П. Налетный ¹ .

Вагон дали приличный — 2-го класса, но жесткий. Я поместился в двухместном купе с С. А. Глаголевым. Пока из всего состава экспедиции он мне наиболее близок. Товарный вагон с нашим грузом (около 300 п[удов]) прицеплен сзади классного вагона. Мы уже отъехали более 130 верст, кто-то из участников в дальнем купе чуть слышно

¹ Не названы еще два члена экспедиции: Б. М. Овчинников и Н. Н. Барсов. См.: *Андреев А. Н.* От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.; Самара; Прага, 1997. С. 118.

О членах экспедиции:

Елизавета Владимировна Козлова (Пушкарева), вторая жена П. К. Козлова, участница последних его экспедиций. Орнитолог, сотрудница Зоологического музея АН СССР в Ленинграде. Собрала большую коллекцию пернатых Центральной Азии.

Сергей Анатольевич Глаголев, третий старший помощник П. К. Козлова, географ, по заданию П. К. Козлова осуществивший самостоятельный маршрут к развалинам Хара-Хото в 1925 г.

Николай Васильевич Павлов (1893—1971), известный ботаник, географ, флорист, академик АН КазССР.

Андрей Дмитриевич Симуков (1902—1942), этнограф, географ. С 1927 г. заведующий отделом географии Ученого Комитета МНР. Автор многочисленных научных статей по хозяйству, этнографии, географии Монголии.

Елена Петровна Горбунова, сестра Горбунова Николая Петровича, управляющего делами СНК СССР с 1920 по 1928 г.

Константин Константинович Даниленко (Котик), младший помощник, один из самых молодых участников экспедиции в 1925 г. Участвовал в экспедиции в Хара-Хото.

бренчит на мандолине, а из сознания не выходят тяжкие минуты расставания. Провожали: папа, Надя, Митя с Гулей на руках, Татьяна Ал., Андрей и МИК². Как она трепетала от горя. Последние поцелуи. Кольцо. Две розы в вагоне³. Шляпы и руки в воздухе. Вот и все. Трудно. Но слез у меня не было. Зато сейчас не могу ни писать, ни думать о МИКе. Сейчас мне давит в висках и хочется плакать.

26/VII, четверг

Вчера в 23 ч. нас отцепили от почтового поезда на ст. Тихвин. Аргумент: товарному вагону слишком опасно идти с такой скоростью. Неожиданно неприятно. Поедем только в пятницу утром товарно-пассажирским поездом. Тихвин — неважный городишко. Впрочем, церковь довольно красива. В монастыре не был. Вечером был в городе с Н. В. Павловым. Смотрели в летнем театре «Ревность» Арунбаиева. Труппа из Петрограда. Прилично. Перед спектаклем заходили с ним в 2 частных дома (к незнакомым), где я играл на рояле. Сыграл 2 раза сонату, 2 раза романсе, 1 раз прелюд с-m[ol], 2 раза балладу, триаду, «У моря ночью» и небольшую мелодию из «Укрощения строптивой». Приятно было размять пальцы. В вагоне славно, П. К. в отличном настроении, несмотря на задержку.

Сегодня день рождения МИКа. Больно. Заплаканное лицо так врезалось в меня. Уезжать легко, оставаться трудно. Но ведь... «и ты не делаешь ошибки». Эти слова Сандоржи подкрепляют во мне бессознательную уверенность в необходимости моих странствий.

² Па па — отец С. А. Кондратьева — Александр Александрович Кондратьев (1867—1936), старший астроном, ученый секретарь Пулковской обсерватории, профессор.

На дя — Надежда Александровна Кондратьева (в замужестве Федорова) (1900—1959), сестра С. А. Кондратьева.

М и т я с Гу л е й на ру ка х — вероятно, Николай Михайлович Морин (прозвище Микуль, 1895—1971) — вычислитель, библиотекарь Научной библиотеки ГАО, друг С. А. Кондратьева, с Георгием Львовичем Брендстедом (1918—1986) — племянником С. А. Кондратьева (старшим сыном его сестры Софии Александровны).

Та т ья на Ал. — неустановленное лицо.

А н д р е й — возможно, Андрей Федорович Соловьев.

М И К — Мелитина Ивановна Кондратьева (Клягина), жена С. А. Кондратьева с 1923 г., спутница его по Монголии с 1925 г. Ориенталист-индолог. Переводчик Р. Кипплинга, Р. Тагора. Не исключено, что поводом для подобной аббревиатуры послужила Африканская поэма Н. С. Гумилева «Мик», которая была написана в 1918 г. Второе издание ее появилось в 1922 г. С творчеством Н. Гумилева Кондратьев был хорошо знаком, о чем говорят его записи в Дневниках. Общность их восприятия мира видна в экзотическом начале их поэтического творчества, в обращении не столько к быту народа, сколько к специфичности его культуры.

³ Ко л ь ц о. Д в е р о з ы в ва го не — накануне отъезда С. А. Кондратьев и М. И. Клягина поженились.

27/VII, пятница. Череповец

Сегодня в 11 ч. мы отбыли, наконец, из Череповца, прикрепленные к длинному составу из товарных вагонов. Сегодня я с Налетным дежурил в товарном вагоне. (Он, между прочим, горький пьяница.) Ночью будем в вагоне оба, а днем дежурили попеременно. Я с 12-ти до 6-ти. Чудесно было ехать одному среди мешков и тюков. Думал о МИКе.

Вечером в первый раз играл на гитаре. (С. Ан. на мандолине.) Остальные подпевали по мере сил. Дело наладится. Днем в вагоне набросал, между прочим, следующие фрагменты:

1. Хорошо из двери вагона
Под барабан дождя
Глядеть на зеленые склоны,
Убегающие поля.
2. И на чахлый хвойный подлесок,
Который скуден и мил,
Который я с самого детства
По-родному нежно любил.
3. Хорошо, что, нежно алея,
Ласковым цветом маня,
Как свечи, горят кипреи,
Провожающие меня.
6. В визжащем грязном вагоне
Ящики, сумы, тюки.
Куда-то их всех загонит
Игра незримой руки.
7. Рядом со мной винтовка,
Из которой мне, может быть,
Придется желтый череп
Выстрелом раздробить.
8. И тогда я увижу руки,
Вскинутые к небесам,
Томительный миг разлуки,
Тоску по родным пескам.
9. А может быть, я своим телом
Придавлю горячий песок,
Ведь никто не знает, что слаще:
Целовать ли губы милой,
Иль на горном пустынном кряже
Быть опущенным в могилу.
10. Любовь к земле осушит
Слезы в глазах у милой,
Но слезы и губы милой
Моей тоски не потушат.
10. Дороги жизни капризны,
Но источник у них один:
Нас зовут голоса Отчизны
.....

4. На вокзале красные розы,
Истрадавшееся лицо,
Невыплаканные слезы
И золотое кольцо.
5. Хорошо, что путь нам <выпал> трудный
В далекий горный Тибет.
Хорошо, что бури и вьюги
Заметут проложенный след ⁴.

Только что тронулись дальше. Скоро идти на дежурство. Надо почитать Евангелие. Индусским занимаюсь исправно.

28/VII, суббота

Ночью сочинял с гитарой. Эскизно — Гумилева «Я помню милую дорогу», затем refrain к нашему гимну:

Вперед, вперед, все дальше на восток,
Друзья, как радостно бродить по свету.
Вперед, вперед, все дальше на восток,
Нас ждут хребты далекого Тибета.

Написал открытку нашим, но еще не послал.
Дополнял стихотворения. Вот эти дополнения:

8. А может быть, я своим телом
Придавлю горячий песок,
И друзья полотенцем белым
Закроют пробитый висок.
 9. Но не страшно, а сладко думать,
Что в честном мужском бою
Сам Михаил Архангел
Примет душу мою.
 11. И никто не знает, что слаще:
Целовать ли губы милой,
Иль на самом пустынном кряже
Найти каменную могилу.
- /1-я строфа/
Хорошо, что все мы, как дети,
Отпущенные из тюрьмы.
Хорошо, что наш предводитель —
Такой же бродяга, как мы.

В 4 ч. приехали в Вологду. Уехали часов в 7.
12 ч. 30 м.

Последняя редакция стихов.

Хорошо из двери вагона,
Под барабан дождя

⁴ См.: Кондратьев С. Весна в Кентэе. М., 1996. С. 17.

Глядеть на зеленые склоны,
Убегающие поля,
И на чахлый хвойный подлесок,
Который скуден и мил,
Который я с самого детства
По-родному /нежно/ грустно любил.

Хорошо, что, нежно алея,
Ласковым цветом маня,
Как свечи, горят кипреи,
Провожающие меня.
На вокзале красные розы,
Истрадавшееся лицо,
Невыплаканные слезы
И золотое кольцо.

Оно расскажет мне скоро,
Прав я был или нет,
Что еду в далекие горы
От любимой ушел /еду/ в Тибет.

Хорошо, что путь наш трудный
В далекий горный Тибет,
Хорошо, что бури и выюги
Заметут проложенный след.

В визжащем грязном вагоне —
Ящики, сумы, тюки.
Куда-то их всех загонит
Игра незримой руки.

Рядом со мной — винтовка,
Из которой мне, может быть,
Придется желтый череп
Выстрелом раздробить.

А может быть, я своим телом
Придавлю горячий песок,
И друзья полотенцем белым
Закроют пробитый висок.

/Но/ Не страшно, а сладко думать,
Что в честном мужском бою
Сам Михаил Архангел
Примет душу мою.

И никто не знает, что слаще:
Целовать ли губы милой,
Иль на самом пустынном кряже
Найти каменную могилу.

Дороги жизни капризны.
Но исток у них один.
Нас зовут голоса Отчизны,
Позабывтой в полях земных.

Хорошо из двери вагона
Под барабан дождя
Глядеть /смотреть/ на зеленые склоны,
Уплывающие поля

И знать, что забытые /суровые/ страны
Нам придется вместе пройти
Исчезающим караваном
По неведомому пути.

Около Галича очень красивые места. Опустил 2 письма: домой и МИКу.

24 ч.

Читал вечером вслух Гумилева и свое стихотворение С. Ан. и Елене Петровне. Все очень понравилось, в особенности последней. Вечером немного играли и пели. Занимался как всегда. П. К. рассказывал о своих охотничьих азиатских впечатлениях. Очень интересно.

На станциях продают много ягод: землянику, малину, чернику. Ягоды, молоко, хлеб и яйца — почти исключительно этим и питаешься.

29/VII, воскресенье. 11 ч. 30 м.

Сегодня утром в 5 ч. получили в Шарье телеграмму из Наркомпути с разрешением прицепиться к почтовому поезду (ответ на нашу телеграмму — вопль из Тихвина). Прицепляться будем, наверное, в Вятке.

22 ч.

В 7 ч. прибыли в Вятку. Разбирался в вещах, читал «Tristan et Isent»⁵. Только что прочел вслух компании рассказ Мейринка «О розах профессора»⁶. Наш поезд здесь расформировался. Придется ждать. Купил «Голема»⁷ на вокзале.

30/VII, понедельник. 13 ч.

Только что кончилось неприятное стояние в грязной Вятке. Нас прицепили к почтовому № 4. За час до отхода поезда нам сказали, что нас не прицепят. Мы с С. Ан. и Саранцевым отправились в отделение. Там стали требовать отправки и угрожать телеграммами Совнаркому. Хотели говорить с Правлением в Екатеринбурге, но оттуда почему-то

⁵ «Тристан и Изольда» — эпическое сказание, основанное на ирландских и валийских легендах. Позже легенда о Тристане, сыне Валуха, попала на континент, обрабатывалась французскими и немецкими авторами. В XIV в. был распространен в виде французского рыцарского романа о трагической любви рыцаря Тристана и жены корнуэльского короля Изольды, о конфликте между чувством и долгом. Существует одноименная опера Р. Вагнера на его же либретто. Впервые поставлена в Мюнхене в 1865 г.

⁶ Мейринк, Густав (1868—1932) — писатель-экспрессионист. В его романах и рассказах преобладает иррационально-фантастическая стихия. «О розах профессора» — один из его основных романов.

⁷ «Голема» — роман Мейринка, написанный в 1915 г.

не отвечали. Потом внезапно нашу прицепку разрешили. Очевидно, Отделение вовсе и не сноилось с Правлением. Вообще важный практический вывод: при железнодорожных затруднениях в сравнительно крупных центрах не полагаться на дежурного или начальника станции, а немедленно отправляться в высшие органы ж.-д. Управления и настойчиво требовать там.

(Маленький песик).

24 ч. 30 м.

Днем читал долго «Tristan et Isent». Очень хорошо. Потом вслух — Гумилева «Костер» С. Ан. и Ел. П. Затем вечером пошли с С. Ан. играть на мандолине и гитаре к П. К. в купе. После игры («Стенька Разин», «Байкал», мой новый романс) П. К. часа три подряд говорил о своих прошлых экспедициях и спутниках. Он необыкновенно интересно рассказывает. Память изумительная. После таких рассказов невольно приходишь к выводу, что «путешественником надо родиться».

Но как часто без всякой причины мысли перебрасываются к МИКу. Что он делает, маленький, брошенный? Индусским заниматься до сих пор горько.

31/VII, вторник. 22 ч.

Подъезжаем к Екатеринбург. Особенно красиво было сейчас же за станцией Кунгур. Сегодня П. К. заинтересовался моими ботаническими знаниями, предложил мне изучить еще инструкции по энтомологии и сказал, что, вероятно, не оставит меня в Цайдаме⁸. Во время моего дневного дежурства ехал часа 1,5 со мной вместе и рассказывал много интересного. Между прочим, он очень любит С. Ан., Налетного же называет кратко сволочью. «Я очень доволен, когда его не вижу». Потом ко мне пришли С. Ан. и Ел. П. Мы с С. Ан. разучивали refrain путевой баллады. Я приписал 2-й голос. Вечером я, С. Ан., Павлов и Симук разучивали до одурения бетховенский канон, а также refrain. Читал «Tristan et Isent» — нравится. Очень вспоминал о МИКе. Скоро идти на ночное дежурство, а очень хочется спать. Слава Богу, гитара вывозит. Буду отделявать гумилевский текст.

1/VIII, среда

Стоим в Екатеринбурге. Утром занимался немного тюркским с Касимовым. В 4 ч. пошел в город. Пруд хорош. Вообще же пыльно и грязно. Поехал на автобусе в Шартаж (6 верст). Озеро того же названия очень красиво. Холмистые берега, поросшие лесом, прозрачная вода, разукрашенное облаками и закатом небо. Кругом сосновые (опрятные) леса. Отсюда недалеко «каменная палатка». Как бы искусственно по-

⁸ Цайдам — место на территории Северо-Западной Монголии в долине р. Тэс. Существует также озеро в том же месте Цайдам-нур. Имеет, очевидно, происхождение от местности Цайдам в Тибете, в Цайдамской котловине, окруженной горами Наньшан, Куньлунь, Алтынтаг, а также солончаками, горными пустынями, солеными озерами.

ложенные друг на друга столообразные глыбы гранита. К сожалению, все они испещрены надписями (преимущественно] фамилиями). С нее красивый вид во все стороны горизонта, в особенности на запад, где как бы на втором плане, за лесом, далеко намечаются синие холмы. Обратно шел пешком. Читал вслух Гумилева и произносил индусские монологи. Вечером имел длинный спор с Николаем Васильевичем. Тема: критика и защита позитивизма. Спор, конечно, ни к чему не привел, но это было нужно. Присутствовал Симуков, но он еще молод. До этого читал им вслух из Мейринка. Утром купил МИКу золотистый топаз. Кончил «Tristan et Isent». Необыкновенно трогательная и прекрасная вещь.

2/VIII, четверг. 22 ч.

С утра пошли в музей Общества любителей естествознания. Материала много, но он плохо систематизирован. Кроме того, помещение тесно. Лучшее всего — камни. Среди них хороши разнообразные яшмы. Я, согласно желанию Петра Кузьмича, пересмотрел при помощи студента-энтомолога всю энтомологическую часть и выпросил у музея в пользование на 3 года определитель насекомых Шлехтендаля и Вюжне. Когда рассматривал бабочек, многое вспомнил. Пригодились занятия с Николаем Павловичем. После музея отправились с Н. В. к знакомым Налетного, чтобы поиграть на рояле. Там оказался хороший Muhlbach. Впрочем, перед игрой пришлось нагрузить сверху некоторые dampfer(ы)⁹, чтобы не гудела педаль. Сыграл: 1) сонату, 2) «Похоронный Марш», 3) Прелюд с-m[ol], 4) romance, 5) Prelude E-d[ur], 6) октавный этюд, 7) пролог из «Странника», 8) «Любовную мелодию», 9) «Весну», 10) «Сестры», 11) «Балладу», 12) «У моря ночью». После игры угощали чаем, за которым бесполезно и малоинтересно говорили о «Турандот». Во время обратного путешествия на вокзал говорили с Н. В. об отношении П. К. к спутникам и о членах экспедиции вообще. Думать о МИКе больно и сладко.

3/VIII, пятница. 21 ч.

Вчера, примерно в 23 ч., мы выехали из Екатеринбурга. Сегодня в 13 ч. — из Тюмени. День прошел рассеянно и в смысле экспедиционных занятий малоуспешно. Занимался ботаникой с Н. В. Знакомился с энтомологическим определителем — определял пойманную на одной из станций стрекозу. Вот и все. Немного беспокоит меня мой кишечник (прямая кишка). Мы едем по нелюбимой мною полосе Сибири. Болота с солонцами. Кое-где березовые лески. Займища с островками деревьев на них. Жарко. Пыль. Маленькие грязные станции. Сейчас темно. Звезды. Над горизонтом — Юпитер. Наверное, МИК обо мне очень грустит. Я весь день с тревогой и беспокойством возвращаюсь мыслями к нему. Сегодня у меня опять это чувство, которое уже до-

⁹ От нем. *dampfen* — уменьшать , заглушать . Устройство, поглощающее энергию колебаний.

волью давно стало появляться во мне, — «Жизнь моя идет к закату». Неумолимо. Это не грустно и в то же время непоправимо. И кто-то ведет меня. И МИК тоскует по мне. Ну, ничего. У него пройдет, а у меня — нет. Но в то же время страшно подумать, что экспедиция может почему-нибудь распасться.

Сегодня в Тюмени смотрели животных и птиц, которых везут с Дальнего Востока на выставку. Приметны пятнистые олени (Axis). На одной из станций случайно встретился с моим знакомым по Кавкурсам. Он едет в нашем поезде в Кяхту. Необычайно ярко горит Арктур. Совсем не то, что в Пулково.

4/VIII, суббота. 22 ч.

Около 13 ч. прибыли в Омск. Хорош Иртыш, желтый, с большими песчаными отмелями. Часа через полтора уехали из Омска. Местность все та же. Степь, солонцы, обилие птиц, болота. Немного занимался ботаникой. Вечером музицировали у П. К. Сибирские песни с моим припевом. Потом я пел свой романс: «Я видел пред собой дорогу». Как всегда, занимался урду. А ведь когда я давал этот обет с Мих. Мих.¹⁰ 10.XI.22 г. в столовой Центросоюза — я еще не подозревал о Тибете.

5 VIII, воскресенье. 23 ч.

Около 11 ч. приехали в Ново-Николаевск¹¹ (на Оби). Кстати, время я отмечаю по петроградскому железнодорожному. Среднее петроградское + 1 ч. Часа полтора простояли. От Ново-Николаевска местность постепенно меняется, делается пересеченной. Горизонт делается слегка холмистым, появляются долины, лески. Прямая линия дороги начинает прихотливо изгибаться, мосты, подъемы, спуски. Часов около 17-ти переехали полноводную, широкую Томь¹². Флора (придорожная) делается разнообразной. Впервые появляются *Delfinium elotum*, *Aconitum Casiostomum*, *Platentera difilio*. Вновь зажигаются знакомые кипреи. Около 21 ч. приехали в Тайгу. (Пересадочная станция на Томск.)

Сегодня дежурю. Днем порядочно трясло и мотало. В задней части вагона тюки слезают. Надо лучше укладывать. Скоро идти на ночное дежурство. А у МИКа сегодня, должно быть, гости. Может быть, Ек. Георгиевна, К. А.¹³ «Я буду ждать Вас, радость, я не забуду Вас».

¹⁰ Михаил (Артур) Михайлович Брендстед (1890 — не ранее 1967) — брат Л. М. Брендстеда (зятя С. А. Кондратьева). Публицист, общественный деятель. С начала 1930-х гг. в Париже, масон русской ложи «Северное сияние». Участник Сопротивления со своей дочерью Верой. Сидел в гитлеровской тюрьме. После войны участник движения советских патриотов. Разоблачен эмиграцией как советский агент-информатор, 5 ноября 1948 г. исключен из масонства. Вернулся в СССР, по 1967 г. жил в Волгограде.

¹¹ Ново-Николаевск, или Ново-Николаевск — название г. Новосибирска в 1903—1925 гг.

¹² Томь — река на юго-востоке Западной Сибири, правый приток Оби. На ней стоят города Новокузнецк, Кемерово, Томск и др.

¹³ Неустановленные лица.

6/VIII, понедельник. 20 ч. 30 м.

В 16 ч. прибыли в Красноярск. Местность начинает становиться разнообразной и прекрасной верст за 100 с небольшим до Красноярска. Начинают обнаруживаться Саяны. Повсюду холмы, то красные обнаженные (с одной стороны), то травянистые, то покрытые лесом, главным образом сосной. Часто видны обгорелые деревья. Знойно, мгла. Солнце в дымке. Пахнет смолистой гарью. Повсюду холмы, и постоянно — в 2—3 планах перспективы. Дорога по-прежнему извивается. Иногда приходится ехать даже на северо-запад. Солнце заглядывает то в правые, то в левые окна вагона. На вокзале в Красноярске плохо. Пыль, гарь, дым, копоть. Но вот уезжаем, часов в 17. Верста — и необыкновенный Енисей. Широкий, могучий в сумраке между величественными крутыми берегами. В вагонах, как и прежде, охрана. Окна закрывают. Говорят, что здесь также беспокойные места. У нас приготовлено оружие и усилена охрана товарного вагона. Написал 3 письма: МИКу, Надежде Мих.¹⁴ и в Университет.

7/VIII, вторник. 18 ч. 45 м.

В 14 ч. прибыли в Нижнеудинск¹⁵. Панорама, предшествующая Нижнеудинску, прямо грандиозна и представляет собою развитие характера местности у Красноярска. Сегодня дежурю. Ночью втроем. Опасные места. Написал 10 строф новой баллады. Послал написанные вчера письма в Университет и Над. Мих. Кроме того, написал и послал письмо со стихотворением в ВЯМИ («Баллада о Страннике, Мудреце и Поэте»)¹⁶.

9/VIII, четверг. 10 ч.

Вчера около 11 ч. прибыли в Иркутск. Вся прелесть его панорамы погибла нынче во мге. Пыль и солнце, как мутный, тусклый круг. Непосредственно после приезда отправился в баню с Н. В. После 14-дневного путешествия в пыли этот обряд принимает характер ритуала. Из бани поехали к Сарцевичу. Там ели «мапутку» (холодную простоквашу) и пирожные. Оттуда отправились в нотный магазин на Большой. Анекдот с приказчиком. Потом поехали к Шимановскому. Он такой же. А крестница моя — шустрая девчонка, хорошенькая, 7 лет! Сережа через месяц переезжает в Феодосию. По пути завезет МИКу топаз. Хорошо было пить чай с малиновым вареньем в саду под вечерним небом. Потом рассматривали старые пулковские фотографии и карту финляндского путешествия. Реминисценции. Поздно вечером ходили с ним на радиостанцию. Оказывается, и Бордо и Пауэн слышно. Вернулись. Он лег спать, а я писал МИКу письмо на урду, которое вложил в ранее написанное и все отослал сегодня. Сегодня с утра пошли в город. Сговорились с его знакомой по поводу игры на

¹⁴ Неустановленное лицо.

¹⁵ Н и ж н е у д и н с к — город (с 1783 г.) в Иркутской обл. на р. Уда.

¹⁶ См.: Кондратьев С. Весна к Кентэе. С. 20.

рояле. Я пробовал его. Хороший, новый «Беккер». Приценялся к свечам на базаре, был в банке, узнал адрес доктора по внутр[енним] болезням, были у местного композитора И. А. Белоголового. Нет ли «Клавиров» Вагнера. Он дал адрес знакомого, но вряд ли тот продаст. В настоящее время пишу в вагоне. К 22 ч. надо быть зачем-то у П. К. (Преображенская, 55).

11/VIII. 11 ч. 30 м.

Вечером 9-го был в 22 ч. у П. К. на Преображенской. Там я увидел в первый раз Даниила Убугунова¹⁷. Бурят, лет 25, с шарообразной головой. Оказывается, он только что получил мандат из центра и ничего не знал о своей поездке. Не знаю, что это за человек. Но первое впечатление скорее положительное. П. К. много говорил о значении и задачах экспедиции. Потом С. Н. Родионов показывал часть своей коллекции. Он принадлежит к энтузиастам-любителям. Я таких одержимых люблю. Оказывается, у него накопилось около 70 000 (пауков). Убугунов ушел. Я по просьбе играл на очень приличном «Шредере». «Прелюд с-m[mol]», «Октавный этюд», «Балладу», «Триаду», «Дорогу», «Romance». П. К. был очень мил. Вернулся в вагон после 24 ч. Вчера с утра поехал к Сереже. Его с женой не было. Пришла Ольга Ивановна Мейер. Я условился с ней играть у них сегодня. По приходе Сережи поверяли его № 194. Его поправка теперь — 40.6. Таким образом, его ход за истекший месяц — 0.9 (примерно). До этого ход был — 1 ч. Принимая во внимание жару в вагоне, замедляющую ход, результаты проверок следует признать вполне удовлетворительными. По пути на обсерваторию купил 26 ф[унтов] свечей по 75 р[уб.] ф[унт] (покупал на базаре). К 17 ч. собрались к дому проф. Дорогостойского на углу Казарминской и Ангары и поехали на моторной лодке вверх по Ангаре (верст 6). Там погуляли на островке, бросали камни. Вернулись к пристани в 21.30. Вечером были в гостях у Пабленевича. Он геодезист. Бывал в Пулкове. У него хорошая коллекция разных бабочек. После ужина я играл на великолепном Muhlbach'e: «Сонату» 3 раза, «Балладу», «Триаду», «У моря ночью», Моцарта, Гумилева, «Октавный этюд», «Прелюд с-m[ol]», прелюды е-m[ol], E-d[ur], «Похоронный марш». Отвратительное пятно на вечере — пошлая певица (цыганские романсы и вообще дрянь). К счастью, я ей проаккомпанировал только один романс. Очевидно, был мрачен, и она больше не пела. П. К. очень интересно по карте говорил Пабленевичу о пути и задачах экспедиции. Мы все смотрели и слушали. По возвращении в вагон беседовали очень хорошо (часа 2) с Ел. П. и С. Ан. о пути и об отношениях членов экспедиции, в частности, о неприятных мыслях Ел. П. (П. К. жалеет ее как женщину, и т. д.). Сейчас пойду в город: сапоги, доктор, потом — Сережа. А вечером буду играть у Мейер. Их адрес: Матрешинская, 12.

¹⁷ Д а н и и л У б у г у н о в — правительственный комиссар экспедиции, назначенный управделами СНК СССР Н. П. Горбуновым «согласно ходатайству П. К. Козлова от 5 июня 1923 г. № 401».

Афоризмы житейской мудрости, относящиеся к сегодняшнему утру:

1. В белых штанах не покупать только что прокопченных хариусов.

2. А если же это неизбежно, то нести хариуса на далеко вытянутых руках.

3. Если желтый цвет нравится меньше коричневого, не смазывать жирные пятна желтым мылом с целью их удаления.

12/VIII. 23 ч. 10 м.

Вчера около 13 ч. отправился в город. Был у доктора Пегавинского (уг[ол] 4-й Солдатской и Большой). Потом в аптеке купил cathartic. Пошел к Шимановскому. Молодая картошка. Вечером он, жена и я к 7 часам пришли к Мейерам. Потом я весьма много играл. Между восемью и девятью пришли С. Ан., Н. В. и Ел. П.

Программа:

1) Соната	12) У моря ночью
2) Прелюд с-m[mol]	13) Верь любви
3) Похор[онный] марш	14) Весна
4) Октавный этюд	15) Волошин — 2 раза
5) Пролог из «Странника».	16) Луна восходит
6) Любовная мелодия	17) Дорога
7) Прелюд С-m	18) Птичка
8) Прелюд E-d	19) Цветик белоснежный
9) Romance	20) Баллада
10) Триада	21) Янко
11) Моцарт	22) За то, что голосом своим и взглядом.

Прощание с Сережей. Потом на извозчике, с хронометром, свечами и Ел. П. через морем пахнущую Ангару домой. Перед сном — практика небесной топографии (с Симуковым). Как всегда — индусский.

Сегодня выписал на табличку поправки и ходы хронометров. Сравнивал № 194 с Riefler'ом на метеорологической обсерватории. Это лучшие часы во всей Сибири. Переписываю сюда, боюсь, что П. К. потеряет опять ее.

13/VIII. 9 ч. 30 м.

Час тому назад приехали в Верхнеудинск¹⁸. Я только что проснулся, так как лег около 5 час. Налетный опоздал сменить меня на дежурстве. Здесь уже только звонкая монета. Совзнаки отошли. Но все очень дорого. Белый хлеб, напр[имер], 25 к[оп]. ф[унт], молоко — 15—20 к[оп]., малина — 90 к[оп]., и т. д. Я купил себе на последние дензнаки немного серебра. Стоило оно: 1 полноценный рубль — 155 миллионов, а в мелочи — 60—70 миллионов.

Вчера выехали из Иркутска примерно в 11 ч. Провожали Родионов, Ильюшевичи и др. В 13 ч. 15 м. прибыли на ст[анцию] Байкал. Тут впервые открывается «Святое море». Начиная от этой станции, дорога вьется по берегу Байкала и не расстается с озером до утра сле-

¹⁸ В е р х н е у д и н с к — название г. Улан-Удэ (1783—1934).

дующего дня. Скоро за станцией Байкал начинаются туннели, я их насчитал 51 (вместе с бетонными покрытиями). Самые длинные туннели по счету 19-й (14 ч[ас]. 52 м[ин]., около 250 с[ек]., очень прямой при этом, так что, высунувшись из окна, можно видеть оба отверстия все время), 25-й (15 ч[ас]. 55 м[ин]., около 300 с[ек].), 34-й (около 350 сек.), 44-й (примерно 16 ч[ас], около 250 с[ек].) Кончатся туннели недалеко до станции Култук, куда мы прибыли в 17 ч[ас]. 5 м[ин]. Окаймляющие Байкал высоты, по-моему впечатлению, поднимаются иногда до 150 м[етров]. Породы — сланцы и граниты. Выше — песчаник. Известняк — редко. К сожалению, мга суживала горизонт. И почти повсюду берегов не было видно. В некоторых местах на 180 градусов разворачивалась перед глазами зеленая свежесть озера. Милый МИК. Если бы он видел эту красоту!

В 22 ч. 30 м. прибыли в Танхой. Я чуть было не пристрелил таможенных осматривщиков, невидимо подошедших в сумраке и захотевших влезть в вагон. Все обошлось благополучно. Осмотра не было. Проехали еще несколько станций. Наконец около 7 ч[ас]. сегодняшнего] дня простились с Байкалом и повернули на восток.

15/VIII. 4 ч. 40 м.

В понедельник пошли было с Симуковым, Касимовым и Канаевым на охоту с винтовками. Но пошел дождь. Пришлось вернуться. Впрочем, как мы узнали потом, охоты здесь вблизи нет, надо уходить верст за 25. Читаю «Жизнь пчел» Мейринка.

Вспоминаю В. Вагнера. Поистине, человеческое мышление растяжимо.

Вчера днем писал отчет (денежный), читал «Жизнь пчел» и немного «Монголию и Амдо»¹⁹. Вечером с Н. В., Симуковым и Ел. П. пошли на Большую ул[ицу] в партклуб. Там отличный «Беккер» и очень хорошее помещение. Кроме нас было еще 2 морлока²⁰. Я был англичанином, ничего не понимающим по-русски. Смеялись очень. Н. В. оставил в клубе благодарственную записку по поводу экспедиции, англ[ийского] музыканта и культурной деятельности клуба. Сыграл: «Сонату», «Romance», «Тему d-m[ol]», «Похоронный марш», «Пролог из «Странника», «Любовную мелодию», «Марш», «Свадебный марш Петруччио». Пытался спеть балладу «по-английски». Спутники насилу удержались. Вообще смеялись они много.

16/VIII. 1 ч. 40 м.

¹⁹ «Монголия и Амдо» — книга П. К. Козлова об экспедиции его по Монголии и Тибету в 1908—1911 гг., в результате которой был открыт город Хара-Хото, принесший большую славу ученому.

²⁰ Два морлока — здесь: пренебрежительное название местных жителей, очевидно, происходящее от названия подземных жителей романа «Машина времени» (1895) Герберта Уэлса (1866—1946).

Почти непосредственно после моей вчерашней записи начали укладываться для переезда на пароход. Погода весьма скверная. Обложной дождь. Не сильный, но противный. Вещи погрузили из товарного вагона на 7 маленьких подвод, впрочем, весьма компактно уложенных и перевязанных. Весь эшелон подвод отправили одновременно на пристань под моим руководством. Вещи пришлось сложить на открытой платформе, вблизи сходен, и накрыть брезентом. Второй эшелон состоял уже только из 5 подвод, на которые легко погрузили личный багаж и особо ценные вещи, бывшие в классном вагоне. Таким образом, окончательно оставили вагоны и переселились на пристань часов около 10. Когда все уже было закончено, обнаружилось, что сведения о прибытии парохода ошибочны и что последний прибудет лишь 16-го утром, а может быть, и позже. Всем пришлось ночевать в пакгаузе на овсе. Вечером по желанию П. К. пели вместе, и я — solo, «Дорогу». Тут же в две минуты сочинил первый частушечный период нашей путевой Баллады, по поводу эпизода с Налетным, эпизода, который, как будет видно, сыграл решающую роль в печальной эпопее нашего спутника. Эпизод этот можно представить в схематизированном, но довольно точном диалоге между П. К. и пьяным Налетным утром 15 числа.

П. К. (*довольно добродушно*) Где это ты опять налился, Маркушка?

Нал. (*с подобострастным удовлетворением*) В городе, П. К.

П. К. Откуда же ты добыл денежки?

Нал. (*кокетливо*) А это секрет.

П. К. (*вспылив, с раздражением*) Ах ты мерзавец! Какие у тебя могут быть от меня секреты? Говори сейчас же, где добыл деньги?

Нал. (*с юмором висельника*) Загнал свою бурку.

Конечно, не этот эпизод сам по себе прервал путешествие Налетного. Он был лишь последней каплей недоверия и, скажу даже, брезгливого отвращения, которое П. К. питал к нему уже с самого начала экспедиции. Сегодня наконец гроза разразилась: «Немедленно отстранить этого жида. Он опозорит всю экспедицию. Оставить его в Верхнеудинске. Кинематограф, принадлежности свезем в Кяхту и там сдадим их в ГО²¹. Налетного арестовать и отправить этапом в Петроград. Поручаю все это сделать вам (Глаголеву, мне и Павлову).

Мы с Павловым отправились сейчас же в местный Исполком, и там нам с большой готовностью предложили свои услуги по приведению в исполнение ареста Налетного. Удивительно все это просто делается в СР [Советской Республике]. Написали соответствующий документ, которым, к счастью, не пришлось воспользоваться и который

²¹ ГО — имеется в виду кяхтинское отделение Русского географического общества (РГО).

я вклею сюда ²². Мы посоветовали П. К. другой план, который и был приведен в исполнение. Налетный получил 12 р[уб.] крупным серебром на проезд в Иркутск, где у него были родственники. С другой стороны, его патрону по кино в Москву послали телеграмму, с тем чтобы последний выслал для него деньги на проезд в Москву начальнику Иркутского вокзала, чтобы тот купил Налетному билет до Москвы. Вообще вся эта комбинация с арестом считалась нужной лишь для того, чтобы не дать возможности Налетному самому получить деньги на руки от Фельдмана. А то он их непременно пропил бы. Вся эта история, однако, несмотря на ее юмористический колорит в частности, произвела на меня очень тягостное впечатление. Несчастный совсем был выбит из колеи, весь как-то дергался, от слез переходил к истерическим выкрикам и производил самое жалкое впечатление. Прощаться, впрочем, он пришел опять здорово пьяным. Подводя сухой итог всему инциденту, приходится констатировать: минус — потеря возможности привезти один из самых интересных кинофильмов, когда-либо запечатлевавших природу, плюс — избавление экспедиции от ненадежного во всех отношениях, болезненного, слабого и ленивого человека. Возвращаясь к частушке. Сегодня я бы, конечно, не мог сочинить ее: жалко Налетного. Но считаю нужным привести ее так, как она была сформирована (так!) вчера.

Налетный. Налетный,
Что ты так весел,
Что ты так весел
В дождик такой?
Выпил, выпил,
На что я выпил,
То мой секрет.

Аккомпанемент восьмью аккордами I-V-I-V-I-IV-I-V-I.
2-я строфа.

Налетный, Налетный,
Где твоя бурка,
Где твоя бурка

²² Вклеена справка об аресте Налетного следующего содержания: «Н.К.В.Д. ПРИБАЙКАЛЬСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ОТДЕЛ УПРАВЛЕНИЯ. 16 августа 1923 г. № 6356 г. Верхнеудинск. Срочное. Начальнику губернской милиции. По просьбе начальника Тибетской экспедиции тов. Козлова, Отдел Управления предлагает арестовать гр. Налетного, члена экспедиции, проживающего на пароходной пристани Госпароходства в Верхнеудинске, на предмет отправления в Москву к месту жительства в распоряжение Кинофирмы „Факел“, Столешников, 5, согласовав предварительно свои распоряжения с начальником экспедиции. Деньги на билет и довольствие в пути будут высланы из Москвы фирмой телеграфом, на основании посланной начальником экспедиции телеграммы. Об исполнении донести. Заведующий губернским отделом управления — (Иванов). Заведующий административным подотделом — (Смирнов)».

В дождик такой?
Пропил, пропил
Я мою бурку
За пять рублей.

В этом куплете первое «пропил» сопровождается *re-minor*'ом. В остальном — также.

Природа и лирика.

В настоящую минуту мы уже едем, и я пишу на верхней палубе парохода. Погода стала прекрасной. С утра дождь уже прошел, а теперь почти совсем ясно. Под нами Селенга с нежно-зелеными и розовыми отсветами заката, вся в островах, покрытых ивняком и травянистыми полянами. А на горизонте, и вблизи и вдали, всюду холмы и горы, то песчаные, то лесистые, то покрытые чахлой травой. Некоторые складки и вершины уже имеют характерную форму, не виданную мною раньше. В небе жемчужная прелесть молодого месяца («Бриллиантовое молоко», говорил маленький) и вечерняя прохлада. Умиротворенность. На воде стаи поденок. Против меня на противоположной стороне палубы бурят в национальном костюме. Остроконечная шапка с красной кисточкой, грязный голубой халат, перетянутый черным широким мягким поясом, и сапоги с загнутыми вверх носками. Сейчас Котик обратил мое внимание на вершину одного далекого холма. На ней возвышение. Кое-кто говорит — «обо»²³. В бинокль трудно рассмотреть, так это или нет. Но слышать приятно. В воде появились поздние малиновые стрелы, а жемчуг луны превращается в металл. Город скрывается. Сегодня, пока пароход еще стоял у пристани, я совершил небольшую экскурсию вниз по реке к «парому-самолету», какие еще повсюду в Сибири имеют большое распространение. По пути нашел два интересных цветка: *oxypetis* (остролодочник) темно-бархатно-красный со светло-зелеными мохнатыми листиками, и *matthiola fragrans*, необычного для *crucifera* светло-фиолетового цвета.

Интересную технику паромной передачи поясняю чертежом на след[ующей] странице²⁴.

Когда паром отправляется от пристани I на левом берегу, то эта сплошная сторона подвергается большему влиянию течения, нежели противоположная. Но канат, прикрепленный к якорной лодке и поддерживаемый 2 или 3 промежуточными подвижными лодками, не позволяет парому плыть по течению. Когда же паром отправляется от пристани II, то канат прикрепляют на нем к столбу В и картина получается аналогичная.

Солнце зашло, холодно. Иду вниз.

²³ Обо — груда камней, насыпанная на вершине горы или на переправе, в честь духа горы, понимаемая как дань ему для его умиловивления. Широко распространены во всех регионах монгольского мира. Имеют шаманское, а возможно, и более раннее происхождение.

²⁴ Далее помещен рисунок паромной переправы.

18/VIII. 11 ч.

С сегодняшнего дня время записей в дневнике буду обозначать по местному времени. Я поставил часы по среднему времени меридиана +106 градусов 30 мин. от Гринвича. Это время с достаточной точностью будет пригодно по крайней мере для нескольких ближайших месяцев нашего путешествия. Разница со средним пулковским временем примерно 5 ч[ас]. 6 мин.

В ночь с 16-го на 17-е дежурил. Многозвездное небо. Холодно. В одном месте сели на мель. Возились часа 2, пока не выбрались. В другом месте грузили дрова. Очень живописное зрелище было. Штабели сложены на берегу саженьх в 30 от воды. Пароход к самому берегу пристать не может — мелко. Поэтому между берегом и паромом втыкается в дно т. н. «вилка», на нее перекидывается с парохода узкий трап, а другой трап — с «вилки» на берег. На берегу и около штабелей разжигают два костра, чтобы осветить дорогу грузчикам. Дрова накладывают на две длинные палки. Грузчики берутся за их концы и в быстром темпе перебегают по узким деревянным дорожкам. В плане все это выглядит так²⁵. Под конец грузки на пароход пришел толстый бурят без шапки и босой, в полотняных штанах со штанинами разной длины и в полотняном балахоне. Он настойчиво хотел разбудить начальника команды и долго стучал в его запертую дверь. Наконец трапы убрали, пароход дал свисток. А бурят все продолжал стучать в дверь. В конце концов она открылась, и из темной комнатки просунулась рука с бутылкой водки. И вот толстяк, с тросточкой в одной руке и водкой в другой, идет к борту для обратного путешествия на берег. Но трапы убраны. Бурят обескуражен. Наконец при смехе команды спустили тоненький трап с парохода прямо в воду. Бурят спускается по нему, погружается до пояса в воду и, радостно ругаясь в ночь, ковыляет к берегу. Когда пароход отъехал, то два костра были как жертвенники с огненными пьедесталами в дрожащей воде.

Кончил дежурить только в 12 ч. вчера. Мы с Савельевым разделились на 2 смены по 12 ч. Практический вывод: дежурить при таком распорядке во вторую очередь можно, только предварительно выспавшись днем, чего я как раз не сделал. Поэтому под конец было трудно. Вчера днем тоже не спал. Слишком душно было в каюте. Кстати, я помещаюсь вместе с Н. В., П. К. взял С. Ан. к себе. Днем в одном месте вылезали на берег. Сухие выжженные холмы и оргия кобылок. Удивительные насекомые! Вот как будто только на днях приобрели крошечные, несовершенные крылья и учатся летать. Неуклюжий полет, металлический звонкий машинообразный звук. Допотопное предчувствие аэропланов. Потом занимались ботаникой. Я начал

²⁵ Далее помещен рисунок.

вести систематический список всем встречающимся нам новым, еще не виденным в путешествии, видам.

Вечером пели: наша компания и участники миссии, едущей на нашем пароходе в Ургу. Среди них очень славный доктор, флейтист. Пользуясь этим, я беру у него сегодня мой первый и, наверное, последний урок на флейте. Пели студенческие песни: «Байкал» и пр., почти все — с моим припевом. Вечером вылезли на корму любоваться небом. Когда остался один, беседовал со звездами и МИКом (по-индусски). Потом повторял небо (так!) и поучал дежурящую Ел. П. Пошел в каюту уже около половины второго, но еще очень долго говорил с Павловым. Он очень славный человек, но тоже «один из прокаженных». Его миросознание вложено в него позитивизмом, а не выстрадано. Подчинение природе, а не воля. «Жизнь создает творчество», а не «творчество создает жизнь». Характерна его последняя фраза, после которой я замолчал и заснул: «Мы, биологи, уважаем жизнь, а поэты относятся к ней как-то небрежно». Но думаю, что в глубине он мучается, только не имеет силы освободиться от гегемонии биологических норм, придающих бытию его души иллюзорный покой. И вряд ли освободится — систематика победит его.

Некоторое время тому назад взял урок на флейте. Доктор, Александр Владимирович Байков, был так любезен, что выписал мне аппликатуру трех гамм. Занимался опять с Н. В. ботаникой (2-й сбор на Селенге). Пользуюсь временем записать те строфы Баллады, которые сочинил раньше:

Далека и трудна дорога
Из Урги в суровый Тибет.
Кости людей и верблюдов
Означают неверный след.
По этой хмурой дороге
Давно, из далеких стран,
С богомольцами и дарами
Шел большой караван.
Меж путников было трое,
Которых избрал творец, —
Их души не знали покоя —
Странник, Поэт и Мудрец.
Ученый давал советы
Начальнику каравана,
Предсказывал дождь, зной, ветер,
Губительные бураны.
Поэт слагал двестишья,
Пел их красивым басом,
И за это его угощали
Купцы вином и мясом.
А Странник, он был не нужен
Вождю и купцам каравана.
Никто, никто не омывает

Ног запыленных раны.
 Но молитва его сияла
 Радугой над путем,
 Незримым венцом пылала,
 Охраняющим всех щитом.
 Это она вдохновляла
 Утомившегося певца
 И на верный путь направляла
 Предсказания мудреца.
 Уже грозные горы близко,
 Подходит к ним караван.
 Кровавое солнце низко,
 Здесь будет отдых дан.
 Мудрец и Поэт устали,
 И странник изнемог.
 Никто, никто не омоет
 Пыль с израненных ног.
 Ночь упала на скалы,
 Исчез солнечный свет.
 Все спят. Не спят лишь трое —
 Странник, Мудрец и Поэт.
 И слышат — земля задрожала,
 И видят — в свете луны
 Какая-то тень упала
 На песок с высокой скалы ²⁶.

20/VIII. 26 ч. (дежурство)

В Усть-Кяхту приехали около 7 часов вечера. Таким образом, ехали около 2 суток. С утра характер береговых склонов несколько изменился. Стали попадаться совершенно обнаженные дюнообразные песчаные склоны, также в обилии безлесные холмы, со скудным травяным покровом. Дыхание Гоби чувствуется. По приезде свалили вещи на пристани под открытым небом и кто где легли спать. Одни — на тюках, другие — под брезентом, мы с Н. В. — на веранде казенного дома. Ночью был сильнейший ветер, нас совсем занесло песком. К утру пошел дождь, но стихло. П. К., Котик и С. Ан. уехали совсем рано. Около 9 ч. приехали подводы в числе 21 двуколки за грузом. Часа 2,5 перевешивали груз, потом тронулись. До Троицкосавска ²⁷ около 23 верст. Ехали долго, с остановками: лошади заморенные. Дорога хороша. В некоторых местах сырые луга с обильной растительностью, окаймленные склонами, увенчанные прелестными сосновыми борами. В начале путешествия нас изрядно вымочило, но потом облака согнало, и мы обсохли. Дорогой немного поохотились. Савельев стрелял дважды из винтовки в подорлика, летевшего шагов на 50, а я из нагана — в зверька, похожего на белку, но бегающего по земле и

²⁶ См.: Кондратьев С. Весна в Кентэе. С. 20.

²⁷ Троицко-Савск, или Троицкосавск, — название района, слившегося позже с Кяхтой, возникшей в XVIII в. как слобода и в настоящее время являющейся пограничным с Монголией городом.

живущего в земляных норах. Оба не попали. Это первые выстрелы, сделанные в экспедиции. На закате, часов в 19, приехали в город, который, расположенный в долине, показался нам всем очень уютным. Тотчас по въезде в город нас встретил посланный. П. К. указал нам дом Вязигиных, на южной окраине города, где остановился П. К., и пригласил нас пить чай, что всеми было принято весьма сочувственно. Приехали. Перенесли весь груз в дом (большой, 2-этажный, деревянный) и потом, утомленные, пошли в здание училища, где нас ждал сытный ужин, чай и вообще радушный прием отделения ГО во главе с П. С. Михно. Еще до этого, в доме, мы познакомились с нашим новым спутником Гусевым (по стилю напоминает Худякова), а также старым спутником П. К. и Пржевальского — Пантелеем Прокофьевичем Телешовым, живым симпатичным старичком, который за 70 верст приехал в город снарядить нас и поучить выучению и пр. По всей вероятности, он проводит нас до Урги. Спали как попало. Сегодня с утра начали устраиваться. Я с Н. В. поместился наверху в просторной комнате, где, кроме того, будет ботаническая и энтомологическая лаборатория. Вычистили, вымыли, поставили импровизированные столы и постели — комбинации козел и досок с изголовьями. Хорошо. Обширно и много света. Окна на юг. Церковь, дорога и виднеющаяся вдали, за версты 3, Кяхта. А на горизонте синие горы Монголии. Кстати о горах: хороши были краски в вечере при низком солнце на Селенге. Дымно-красный и дымно-зеленый покров хвойных на горах, на него местами наброшены густые фиолетовые тени от складок. Все это на фоне пыльно-голубого неба.

Сегодня много болтался по делам — был у начштаба бригады по поводу стрельбы, виделся по личным делам П. К. с представителем миссии, ехавшей на одном с нами пароходе в Ургу. Был у русского консула Шахова. Он шахматист и очень любит музыку. Есть рояль. Вечером, после ужина, читал Н. К. Ходасевича.

С завтрашнего дня начинается военный режим нашей жизни. Вставать в 6 ч., ложиться в 10 ч. О МИКе думаю постоянно.

Воспользуюсь одинокой ночью и дам краткие характеристики всех 7 членов экспедиции.

П. К. Козлов.

Загорелое морщинистое щетинистое лицо. Взъерошенный кустарник бровей. Сухое кряжистое тело. Упрямый, своевольный оскал рта при смехе. Примечательные руки с широкими плоскими концами пальцев, плоские ногти. Жадность к жизни. Пожиратель ее живого тела. Любит хорошо поесть, и это очень существенно. Эстетические критерии смутны, неразборчивы, но сила самого эстетического восприятия — велика. Порывист, несдержан. Воля в нем проявляется не как жизненный план, не как стремление к закономерности и гармонии, а как стихия. Это ключ к пониманию многих его успехов, природа и люди чувствуют в нем (в воле его), органическую, недифференцированную силу, а поэтому легко подчиняются ей. Эта же сила так правдиво и

чудесно сочетается в нем с порывами непосредственности и детскости. Считает себя знатоком буддизма. Это ошибка. Буддизм как религиозное мироощущение совершенно чужд ему. Красота философской структуры буддизма может, конечно, занимать и интересовать его, но сокровенная мистика учения бесконечно далека П. К. Честолюбие П. К. так же сильно, как и бескорыстная жажда подвига. Преданность традиции, а главное, неугасимая память об учителе творят его благородство. Он бывает гневным, но никогда не бывает злобным. А ведь это так много значит. Очень честен и больше всего ценит правдивых и честных людей. Ему гораздо приятнее иметь дело с такими людьми, которых он вполне понимает, до дна, чем с такими, в которых ему есть что-то непонятное. Тогда он чуть-чуть подозрителен. Остается сказать о большой памяти, умении увлекательно, живо рассказывать, о громадном опыте путешественника и бродяжническом строе души. Еще вспоминается мне взгляд его несколько выцветших утомленных глаз: прямой, твердый, встретивший и проводивший вереницу многокрасочных отрадных и суровых дней, видевший сотни опасностей, кровь, смерть и снеговые вершины Тибета.

21/VIII. 22 ч. 30 м.

Сегодня произошло радостное событие. Телешов попросил П. К. взять его с собой, и тот с радостью согласился. Оба они поплакали. Мы все сердечно поздравили нашего нового спутника. Ведь он участвовал еще в 3-м путешествии Пржевальского! 66 лет старику, а едет. Захотел умереть там. Он будет оставлен в Цайдаме на складе. Как бы не остаться там и мне.

Днем приходила Л. Н. Лушникова, болтливая знакомая П. К. Она предложила нам на время пребывания здесь свою фисгармонию, которую мы с Н. В. и доставили к нам в комнату. Фисгармония типа нашей старой, но и то хорошо. Вечером был в бане у Михно. Нездоровится, и в бане было весьма душно. Пришлось открыть наружные двери. Вышел совсем мокрый и потный, вечер холодный.

Мать Жени Михно дала мне на время их семейную гитару, очень хорошую. Ведь наша гитара во время последней перевозки сломалась. Гриф, оказывается, был склеенным, размок от сырости и развалился.

22/VIII. 22 ч.

Весь день возился с солнечным кольцом. Для времени взял 15 высот в вертикали и, кроме того, 4 — близмеридиональные высоты для широты (так!). Точной обработки еще не кончил. Вечером были с Н. В. у Шахова, русского консула. Сыграл там сонату на плохом рояле, потом пошли к некоей Пановой, у которой, как говорят, хороший рояль. Она, старушка, была одна дома и перепугалась, по-видимому, до смерти, когда мы пришли, было уже темно. Условились зайти к ней дня через два, когда дочка придет. Вчерашнее письмо МИКа медлю перечитывать. Ай, хозяин, хозяин.

23/VIII. 21 ч. 30 м.

Сегодня днем опять возился с солнечным кольцом. Результаты и обработка в астрономическом журнале. В 17 ч. П. К. читал доклад в ГО о своей прошлой экспедиции и о нашей. Слушателей набралось очень много. Говорил он, как всегда, интересно и несколько небрежно в отношении синтаксиса. Вечером беседовал с Ел. П. Играл на фисгармонии. Все еще чувствую себя немного простуженным.

24/VIII. 23 ч.

Сегодня утром и днем стреляли на 200 шагов примерно в кв[адратный] аршин. В нем сделали мишень. Вечером, после ужина с Н. В., были у Пановых. Жесткий, но благородный «Беккер», из новых. Сыграл «Сонату», «Romance» и «Любовную мелодию». К сожалению, без всякого удовольствия, так как обе барышни, «божьи коровки», как выразился Н. В., все время разговаривали во время игры. Поэтому мы так быстро ушли. Очень неприятно. Вечером папа был необыкновенно любезен. Когда мы возвратились с Н. В., он сидел во дворе. Нам захотелось покурить, но не оказалось спичек. Папа пошел к себе и принес нам коробок.

27/VIII. 7 ч.

События последних двух дней: 25-го прибыл к нам тибетец из Лхасы²⁸, разыскивавший Петра Кузьмича. Он передал П. К. кусок пилообразно разрезанного материала, который в точности сошелся с другим куском, бывшим у П. К. Это значит, что посланный действительно явился от Далай-ламы. Сам тибетец черный, с непроницаемыми хитрыми глазами. П. К. был очень взволнован. По-видимому, тибетец присоединится к нам в Цайдаме и оттуда поведет экспедицию на Лхасу. Все это в высшей степени замечательно. Петр Кузьмич водил его по помещению. Я угощал тибетца моими псалмами на фисгармонии.

Начальник, начальник,
Зачем ты приходишь,
Ночью приходишь
В верхний этаж.
Папа! Папа!
Что за пример ты нам даешь?

Это коллективное творчество с Н. В. Вечером пели на дворе с гитарой и мандолиной. Репертуар все тот же.

21 ч.

²⁸ Л х а с а (букв.: Обитель богов) — 1959 г. столица Тибета, центра северного буддизма. Образована на Тибетском нагорье в VII в. царем Сронцангамбо. В его главном дворце-монастыре — Потала — до 1959 г. находилась резиденция главы буддийской церкви — Далай-ламы.

Пошли утром с Н. В. и Ел. П. на охоту за тарбаганами (сурками) верст за шесть от города. День выдался великолепный, ясный. Пробыв там до заката солнца. Тарбаганов видели немного. Оказывается, они вылезают из нор только на восходе и на закате, в остальное время прячутся. Когда вылезают, сидят около норок и забавно лают. Животные большие — покрупнее зайца. Стрелять по ним так и не удалось. Слишком далеко было. Зато постреляли по джумбуранам (*spermophilus evermanni*). Убить их очень трудно. Даже тяжело раненные, они все-таки уходят в норы. В конце концов я убил одного на 25 шагов. Снес пулей всю черепную коробку, но все-таки он успел закатиться в нору, откуда я его и вытащил. Н. В. убил сорокопута и рогатого жаворонка. Из других птиц видели пустельгу, коршуна, чеглока. Собрали порядочно растений, преимущественно по камням. Сделали маленький энтомологический сбор (гл[авным] обр[азом] навозники). Самое прекрасное во всей прогулке было смотреть на закате на монгольские горы, которые благодаря боковому освещению изменили свой обычный синий силуэтный рельеф на великолепную перспективную картину. Между ними и нами в двух местах блеснули два озера. В небе на закате были какие-то стальные отсветы строгих оттенков, без обычной фиолетовой грузности.

Забыл еще упомянуть об одном эпизоде 25-го числа. Привели к нам продавать лошадь. П. К. велел вывести ее за ворота, проехался на ней, потом спросил меня: «Вы ездили на лошади?» — «Нет». — «Попробуйте. Садитесь». Я сел в седло и поехал. Было такое чувство, что я когда-то давно ездил, но позабыл. В общем, ничего трудного.

Вчера прибыл в экспедицию наш новый спутник бурят Мухарайн. Одет прилично. Воротничок с галстуком, костюм. Сегодня он переехал в наш дом уже окончательно.

28/VIII. 23 ч.

Вчера писал письма. Написал и отослал МИКу (IV), папе и в Иркутскую почтовую контору. Вечером записал от Касимова две песни. Окончательно переписал и отделал «Дорогу». Пошлю ее МИКу. Канаев отпрепарировал мне хвостик джумбурана. Тоже пошлю его МИКу. Поздно вечером П. К. уехал в Харбин²⁹.

Сегодня утром возился с фотографом. Пружина, придерживающая завод, опять сломалась и опять поранила мне два пальца. Придется чинить, а это здесь трудно.

Читал Фаминцына. Играл на фисгармонии. Днем был у датчан, служащих на местном телеграфе. Сыграл у них на скверном «Шредере» «Прелюд с-м[ol]». Смотрел, как они играли в теннис. В общем, удивительно туго иностранцы подвергаются ассимиляции. Смотря на них

²⁹ Х а р б и н — город в Северо-Восточном Китае на р. Сунгари. Строительство его началось в 1898 г. в связи с постройкой Россией Китайско-Восточной железной дороги.

и на обстановку их квартиры, с трудом веришь, что все это пребывает в Троицкосавске. На закате ходили с Н. В. и Котиком на охоту к востоку от города (версты 3). Хотели подкараулить волка, которого 3-го дня видел там С. Ан. Конечно, не нашли; видели орла. Котик стрелял по нему, но безуспешно. После ужина были в «Швейцарии», пили молоко, слушали Шаляпина в граммофоне, а потом я сыграл на пианино:

- 1) Прелюд;
- 2) Мелодию;
- 3) Пролог;
- 4) Ну, накажу;
- 5) «Актеры»;
- 6) Надумку;
- 7) Хорал;
- 8) Марш;
- 9) Балладу;
- 10) Поля вечерние;
- 11) Кольцо.

Ел. П. кормит меня от кашля доверовскими порошками, которые кашель совершенно игнорируют, но зато имеют явно послабляющее действие.

29/VIII. 21 ч.

Сегодня после обеда отправились с Касимовым в Маймачин³⁰ менять золото на серебро. По границе стоят телеграфные столбы. По эту сторону — русский пост, по ту — монгольский. Маймачин делится на две части: китайскую (собственно Маймачин) и монгольскую (Алтан Булак)³¹. Китайская часть представляет собой зрелище еще более печальное, чем Кяхта. От большей части зданий остался лишь растерзанный фундамент. Следы революции. В центре скучились 2—3 здания типичной китайской архитектуры, между ними — кумирня. Постройки в Алтан Булаке очень напоминают великоросские избы. Но специфическую их особенность составляют сплошные земляные, с мякиной, заборы, окружающие и дом и двор сразу. Издали напоминают бетонные сооружения.

На обратном пути зашли в Кяхте к знаменитому местному охотнику Иннокентию Дмитриевичу Сеницыну, дяде Е. И. Карнаковой. Ему я передал наконец-то серебряное яйцо с деньгами, которое мне поручил передать матери Карнаковой Дикий³² перед моим отъездом из Москвы. И. Д. Сеницын — фигура весьма примечательная. Высокий

³⁰ М а й м а ч и н (= Маймачен, от кит. *майма* — менять) — изначально — поселение китайских торговцев на севере Монголии.

³¹ А л т ы н - б у л а к (= Алтан Булаг, монг. Золотой источник) — населенный пункт на севере Монголии, аймачный центр.

³² Лицо не установлено.

старик с седой гривой. Ходит в поддевке. Энтузиаст. Играл у него на старом «Шредере»:

- 1) Октавный этюд;
- 2) Любовную мелодию;
- 3) Романс.

После обеда и чая мне гадал по какой-то старой персидской книге и картам живущий там глухой старик с арабской физиономией (очень мне напомнил Аттаю). Наговорил мне массу неинтересных глупостей. Не только не прорицатель, но даже не обладает ни в малой степени заурядной проницательностью.

И. Д. показал мне множество фотографий — по преимуществу иллюстрирующих различные эпизоды охотничьей жизни. Сам он убил в течение своей жизни около 80 медведей. Почтенное число.

Вклеиваю на эту страницу монгольский пропуск³³, полученный нами в «ямане»³⁴, на предмет обратного возвращения в Россию. «Яман» — это правительственное учреждение, находящееся в Алтын-булаке³⁵.

30/VIII. 18 ч.

Решил попробовать другую баночку с доверовскими порошками и, как оказалось, весьма опрометчиво. Поэтому принужден целый день сегодня провести дома. Переписал в дневник «Дорогу». Занимался урду, читал Пржевальского, а теперь займусь продолжением серии характеристик:

Е. В. Козлова. (Далее: Ел. Вл.)

Ей лет 35. Очень опрятна. Прихрамывает. Говорит немного. Тактична, нетороплива. Хорошо знает П. К. и с большим умением приспособляется к совместной жизни с ним. Втайне несколько свысока относится к нему за то, что лучше знает его, чем он ее, но подчиняется его мужскому началу и воле. Очень ревниво относится к Святому Святым своей души. Глаза открытые, но в то же время — необыкновенно скрытые.

Кажется, прилично знает зоологию (mammalia и птиц), хорошо стреляет, но не думаю, чтобы естественно-исторические интересы главным образом влекли ее в Азию. Любит музыку. Воспринимает ее гораздо полнее и тоньше, чем муж. Когда мы ехали по ж. д., то однажды я невольно подслушал, как в пустом коридоре из открытого окна декламировала в ночь стихи (Бальмонт, Соловьев), при этом с большой страстностью. Наверное, у нее самой есть стихи, которые она старательно прячет и никому о них не говорит. Ел. П. как-то на днях сказала мне, что Ел. Вл. очень религиозна, при этом — в отношении

³³ Вклеен пропуск, представляющий собой лист тонкой китайской бумаги на имя С. А. Кондратьева от 29 августа, написанный на старомонгольской графике, уставным почерком.

³⁴ Я м а н — присутственное место.

³⁵ Далее следует нотная запись романса «Дорога».

обрядов (так!). Я же думаю, что за выполнением обрядов в ней живут метафизические потребности своеобразной композиции. В общем из всех членов экспедиции Ел. Вл. наиболее замкнута, хотя часто старается поддержать «непринужденный» разговор с товарищами. По существу, она пламенна, но проблема личной жизни настолько поглотила ее, что поверхностный взгляд может счесть ее холодной.

Е. П. Горбунова.

Очень милая. Настоящая странница. Но совсем другого качества чем, например, П. К. Я бы мог так выразить свою мысль. Когда П. К. идет по земле, земля вздрагивает, Елену же Петровну несет с легкостью и благодушным приветом. Особое чувство нежности у меня к таким людям, как она. Бродят они в мире одинокие, не приемлют «радостей» культуры, свободны от тщеславия, честолюбия, алчности и «обладательских» посягательств. Всякая грубость на них болезненно действует, но также чужды они и жеманству. Такие люди отказываются от различных материальных благ не во имя свершения подвига, как это часто бывает, а по бессознательному побуждению своей духовной природы. Это — таинственный след далекой родины. Голос Отчизны. Для Ел. П. он еще не понятен, но постоянно слышен. И, в противоположность многим другим, прикоснувшимся к науке и взвалившим на свою духовную жизнь бремя натуралистических законов, Ел. П. свободна от него, и тайная жизнь ее духа протекает далеко за пределами лабораторий и библиотек. Мистерии ее пока еще непонятны, скорее, они звучат как неясные обетования. Внешний мир еще несколько подавляет ее. Ей еще постоянно приходится преодолевать его грузное насилие. Аристотелевская логика еще тяготеет над ней. Трудно ей отделаться от мирозерцания, внушаемого ей почти всем современным обществом. Кроме того, вообще трудно искать в потемках, но она все-таки ищет, а потому найдет.

31/VIII. 21 ч.

Ночью на дежурстве немного разрабатывал Балладу. Утром разбудил всех гитарой, внезапно сочиненной иронической песенкой. Днем читал «Sub specie aeternitatis». Молодой Бердяев³⁶ менее интересен, чем поздний. Слабее форма и сама мысль менее мощна. Но почти все, о чем я сегодня читал (критика марксизма, о трагедии, в частности о Метерлинке), очень близко мне. Днем был у датчан. Беседовал часа 2 по-английски с молодым датчанином. Потом тренировались с ним в теннис немного. Вполне приличная площадка. Вечером занимался музыкальными записями с Касимовым, а потом долго импровизировал на фисгармонии в полифоническом стиле. Очень часто вспоминаю о МИКе.

³⁶ Н. А. Бердяев (1874—1948) — русский религиозный философ, основной темой сочинений которого была философия личности и свободы. В 1922 г. выслан из России за границу, где основал религиозно-философский журнал «Путь».

3/IX. 8 ч. 30 м.

1/IX уходил с С. Ан. и Ел. П. на целый день в горы к востоку от города. С винтовкой. Стрелял в орла (на близком расстоянии в лет), но промахнулся. Они видели лисицу. Уходили верст за 8. С тамошних высот открываются широкие горизонты во все стороны. Видно в некоторых направлениях верст на 70. На каменистой вершине высокой сопки беседовал с Ел. П. на старую тему — о взаимоотношениях спутников. Вечером по приходе домой читал Ел. П. Волошина (между прочим, конечно, и «Corona australis»).

2/IX писал долго длиннейшее письмо МИКу. Днем играл с датчанами в теннис и, к большому удовлетворению, побил их (6:2 и 6:3). Занимался с солнечным кольцом. Прочел С. Ан. и Ел. П. «Дитя Аллаха». Вечером пил чай в «Швейцарии». (У датчан, между прочим, сыграл «Romance» и «Любовную мелодию».)

3/IX. 2 ч.

Дежурю. Днем писал романс на текст Гумилева «Лаос» из «Павильона»³⁷. Вечером читал вслух С. Ан. и Ел. П. «Христос и христианство»³⁸. Начали. Беседовали долго с Н. В. преимущественно на тему о взаимоотношениях между членами экспедиции.

5/IX. 22 ч.

4/IX получил чудесное, одно из самых лучших, письмо от МИКа. Взволновало оно меня очень. Получил также посылку (толстовку) из Пулкова и несколько слов от папы. Днем играл в теннис с датчанами. Побил их. Вечером в сопровождении Н. В. и 2 местных преподавателей путешествовал в реальное училище и там много играл на рояле. Сыграл:

- 1) Пролог;
- 2) Любовную мелодию;
- 3) Свадебный марш;
- 4) Комедиантов марш;
- 5) Ну, наконец;
- 6) Октавный этюд;
- 7) Этюаль;
- 8) Балладу;
- 9) Костер;
- 10) Луна восходит;
- 11) 2-ю альвильту;

³⁷ «Лаос» из «Павильона». — Имеется в виду цикл стихов Н. С. Гумилева (1886—1921) «Фарфоровый павильон» (китайские стихи), написанные в 1918 г. и представляющие собой вольное переложение китайских и индийских поэтов. Главный источник цикла — «Яшмовая книга», составленная Жюдит Готье. Использованы стихи Ли Бо, Ду Фу, Ван Цзи.

³⁸ Сочинение Н. А. Бердяева.

- 12) Был царь;
- 13) Светит солнце;
- 14) Триаду.

Сегодня читал опять «Христос и христианство» вслух. Наблюдал с солнечным кольцом. В следующий раз попробую выяснить, не лучше ли отсчитывать через луну. Днем долго играл в теннис. Опять обыграл всех. Сыграл 10 сетов.

Вчера, между прочим, С. Ан. говорил по телеграфу из Маймачина с Бадмажаповым. Оказывается, верблюдов нам придется покупать, а не нанимать в Урге. До Урги же придется нанять в Троицкосавске подводы.

6/IX. 23 ч.

Днем работал с солнечным кольцом и читал вслух «Христос и христианство». В 5 ч. дня состоялся в ГО доклад Н. В. по поводу проблемы леса и степи. Доклад был очень содержательным, но несколько вялым по напряжению и недостаточно отчетливым по ясности плана, т. е. общие тезисы недостаточно подчеркивались и тонули в массе фактического материала. После доклада пошли к о[тцу] Малышеву, коллектору-ботанику и шахматисту. Там я последовательно обыграл его, его знакомого и П. С. Михно. И батюшка, и Михно играют очень плохо. Третий получше.

7/IX. 22 ч.

Забыл упомянуть о том, что было 3 дня тому назад. Заявил нам о своем уходе Мухарин, который, кстати, последнее время совсем и не показывался. Мотив его ухода: «Начальство не понравилось».

Вчера, перед тем как идти к батюшке, был в реальном училище. Сыграл там сонату, а кроме того, пробовал голоса у 4 скромных девиц в связи с попытками организации концерта из собственных произведений. Испробованные мною барышни оказались негодными как в отношении вокальных средств, так и в отношении слуха.

Сегодня утром читал вслух «Христос и христианство». Днем играл с датчанами с С. Ан. в теннис. Вечером были с Н. В. с визитом у Л. Н. Лушниковой. Сидели там часа два с половиной, беседуя на надоевшие политические темы. Нет, даже холодная осетрина и рыжики не вознаграждают таким образом проведенного времени. Сегодня дежурная Ел. П. разбудила нас при помощи утки, которая немедленно напакостила на одеяло Н. В.

Дежурный утром в виде шутки
Нас будит непристойной уткой.

Кстати, вот еще импровизация на тему о доверовских порошках. Мотив, хорошо известный МИКу и мне.

Текст:

— «Мальчик, мальчик маленький,
 Что с тобою, миленький? /bis/
 Почему ты плачешь?»
 — Мне сегодня скучно.
 Я их съел две штучки.
 — Что ты бредишь, маленький?
 Что за штучки, миленький? /bis/
 Кто тебе их выдал?
 — Мне дала их тетя,
 Что живет в том доме,
 Ласково сказала —
 Кашель твой пройдет.
 — Что же, мальчик маленький!
 Тетя знает многое,
 Тетя образованная,
 Тетя не обманет!
 Что же, моя крошечка,
 Вкусны ли лепешечки? /bis/
 Как твоё здоровье?

(вариант)

— Тетя обманула —
 кашель не прошел!
 — Но зато я бегаю,
 Бегаю по лестнице.
 Лестница высокая
 Грустно мне сегодня!
 — Ничего, мой маленький,
 Подожди немножечко — /bis/
 Тетю мы отравим.

9/IX

8/IX был дежурным днем. Быстрым, но грубым способом определил широту Троицкосавска при помощи солнечного кольца.

Результаты получились недурные. Долго работал над докладом, к которому начал подготавливаться с 7/IX. Вечером читал «Христос и христианство», а потом работал над «Балладой» (успешно). Н. В. уехал с И. Д. Синицыным на охоту в Монголию.

Сегодня вновь работал над «Балладой». Осталось только отлить видения Мудреца и Поэта. Днем за мной зашел Михно, так как его жена выудила певицу, с которой знакомиться он меня и повлек. Певица оказалась вполне удовлетворительной для возможности осуществления концерта. Но поработать с ней придется: великолепный, но застоявшийся голос, хороший слух, малое музыкальное развитие. С завтрашнего дня начну с ней систематически работать. Вечером играл с С. Ан. и датчанами в теннис. После ужина читал «Христос и христианство». Сейчас буду подготавливаться к докладу. Пробуя певицу в реальном училище, сыграл между прочим:

- 1) Любовную мелодию;
- 2) Октавный этюд;
- 3) Прелюд с-м.

Оба этих последних дня ездил на лошади. В субботу, садясь на лошадь, чуть было не перелетел через ее гриву.

10/IX. 23 ч.

Почти весь день готовился к докладу. Был в женской гимназии, где начал систематически заниматься с певицей к концерту. Часов в 5 вернулся Н. В. с охоты. Очень доволен. Принес 8 птиц, тушканчика и растения. Читал вечером «Христос и христианство». Перечитывал письмо МИКа. Замечательное оно. И стихи такие значительные. Сейчас намереваюсь писать письма. Вечером, между прочим, приехал Убугунов.

11/IX. 24 ч.

События дня опишу завтра. А сейчас перепишу сюда «Балладу» (продолжение).

И смотрит Мудрец: на утесе
Грозный и мрачный дэв
Заклятья гор произносит.
В голосе мощь и гнев.
Звуки страшно хохочут,
Мчатся друг другу вслед,
И горы тяжко грохочут,
Глухо гремят в ответ.
Дэв руки раскинул над кручей —
И со всех четырех сторон
Взгромодили ветры тучи
На мертвеющий небосклон.
И тогда Мудрец подумал:
«О, могущественнейший маг!
В скудных днях моей жизни угрюмой,
В труде ее — хаос и мрак.
Но в кругах колеса земного,
В изменениях бытия
Я найду ужасное слово,
Поражающее и тебя.
Разметает твой прах по свету
Заклинаний моих гроза».
И Мудрец, промолвив это,
Отвернувшись, закрыл глаза.
И Певец посмотрел на скалы:
Там Дэв, как лунный свет,
Поет далеким звездам (в ночное небо),
И небо поет в ответ (звезды поют).
В ответ на эту песню
Трепещут блески зарниц.
Прилетают друг друга чудесней

Хороводы цветов и птиц.
И Поэт тогда подумал:
«О, могущественный Певец,
Тебя в садах подлунных,
Наверное, слышит творец.
Твоя песня творит победу,
Неземные смущая края,
Но милой, к которой я еду,
Слаще неба песня моя.
Ты велик, о дух небесный.
Но земные голоса (возлюбленной волоса)
Мне милей, чем мир твой чудесный».
И Певец сомкнул глаза.
И Странник смотрит в волненьи
На далекий черный утес.
Там, преклонив колени,
Недвижной небесных звезд,
В доспехах черных — воин,
Воткнув перед собой копье,
Молитвенно взоры возносит
На сверкающее острие.
В благоговейном молчаньи
Ночных песков и гор
Таинственные очертанья
Вознесшего в тайну взор.
И Странник в восторге плачет:
«Исполнилось время мое.
Я понял, что это значит —
То Грааля святое копье.
Посланник неба, он скажет,
Куда мне надо идти.
Священным знаком укажет
Стезю моего пути».
И только познал он это —
От коня протянулись лучи
И, блестя нестерпимым светом,
Разверзлось небо в ночи.
Там на конях крылатых —
Их мечи, щиты и латы
Белым огнем горят.
И как небесное пламя,
Над царем нежданных мест
Голубое вьется (сверкает) знамя,
На знамени — черный крест.
Глаза вождя сияют,
Смотрят на Странника в ночь,
Странника призывают
Покинуть земную ночь.
— Ты сеял в песках суровых
Любовь и тоску пути.
К нам для подвигов новых
Желанным братом приди.

И Странник идет. Но тело
На песке недвижно его.
Лишь пламя души отлетело
В сияющее торжество.
День возник и ясен и светел,
Когда набожный проводник
Безучастное тело заметил
И в страхе к земле приник.
Ученый (Мудрец), увидев это,
Сказал ему: «Дурак!
Мертвый — благая примета,
Благоприятный знак».
Когда же Поэт услышал,
Что Странник трупом стал,
Он двадцать пять двестишый
В бреду сердечном создал.
И на всем протяжении Тибета
В высокую синюю твердь
Вонзалась песня поэта
Про одинокую смерть.
О друзья! Как часто тушат
Странника слабый свет.
Но и в самых железных душах
Живут Странник, Мудрец и Поэт.
Дни ума поют и знают,
Но в сердце, сердце ночном
Любовь и тоска пылают
Неугасимым огнем.
Любовь к тоскующим людям,
Тоска по иным мирам.
Мы никогда не забудем
Обетованный храм.
Каждый может, как хочет и знает,
Земную жизнь пройти.
Но никто, никто не минует
Страннического пути.
В нем горе и соль земная
Красоту печальной земли
С сияньем далекого (нездешнего) края
Неразрушимо сплели.

Эпиграфы к балладе:

- 1) Мы не знаем учителей.
- 2) Мы позабыли о благоговении.
- 3) Каждый мерит мир собственной душой.

12/IX

Вчера очень утомился. Целый день провел в безостановочной умственной и творческой работе. Не считая занятий урду, чтения «Христоса и Христианства», занятий с певицей и интенсивной подготовки к докладу, я еще написал романс на текст Гумилева из «Павильона» и,

кроме того, 6—7 страниц «Баллады» (не особенно удачных), которая только теперь таким образом приняла более или менее законченный вид. Затем написал два письма (МИКу и его родителям) и открытку в Пулково. Сам получил длинное чудесное письмо от МИКа, третье по счету, но озаглавленное ею шестым. Два первых письма находятся в Иркутске, а еще одно не успело, вероятно, дойти. Оказывается, МИК был чем-то болен, что меня встревожило. Теперь поправляется. Любопытно сравнить с «Балладой» следующие фразы из письма: «На друзьях твоих всех до сих пор осталось сильное впечатление от твоего отъезда. Вот что действительно послужило возбуждению тоски по чужим мирам».

В письме МИК прислал стихотворение, изящное, свидетельствующее о чуткости к форме. Переписываю его сюда и еще предварительно первое, присланное в предыдущем письме, написанное на обороте репродукции с картины Рериха «Песнь о Викинге».

Песня³⁹:

Если песню я запою — не услышишь: ты далеко
 Если руки я протяну — не увидишь: ты далеко.
 На коне ли вслед полечу — не догонишь: ты далеко.
 В шелесте ветра услышь меня. Я с тобой.
 В зеркале лунном узнай меня. Я с тобой.
 В огненном сне обними меня. Я с тобой.
 В золотистых песках пустыни
 Ты раскинешь шатер свой синий.
 Ты разложишь алый костер
 И увидишь: в облаке дыма,
 Словно страстной тоской томимый,
 Призрак руки в небо простер.
 Как и милой образ далекий —
 Златокудрый он, синеокий;
 Рот его, как алый коралл,
 Горько сомкнут в безмолвной муке,
 Словно в горькие дни разлуки
 Тщетно звать и плакать устал.
 Но в душе, принесшей обеты,
 Нежной жалости места нету;
 Ты разгонишь дымный дурман.
 Потом колдуну-ювелиру

³⁹ «Песнь о Викинге» — картина Н. К. Рериха (1874—1947), знаменитого русского исследователя Центральной Азии, международного деятеля культуры, политика, живописца, театрального художника, археолога, писателя, инициатора движения в защиту памятников культуры, члена общества «Мир искусства». С 1920 г. жил в Индии. Картина (наряду с картинами «Бой», «Триумф Викинга», «Светлой ночью», «Варяжское море») входит составной частью в живописную сюиту «Викинг», к которой художник обратился в зрелые годы своей жизни, вдохновленный суровой красотой Скандинавии. Рисовал эскизы к декорациям оперы Вагнера «Тристан и Изольда», к пьесе М. Метерлинка «Принцесса Мален», «Сестра Беатриса».

Из топаза, рубина, сапфира
Закажешь тройной талисман.
Позабудешь светлые косы,
Голубые слезинки — росы
И кроваво-пламенный рот
И опять по желтым пустыням
Под безоблачным небом синим
К ясным зорям пойдешь вперед.

В экспедиционной жизни все довольно беспеременно. Отношения между Н. В. и С. Ан. не только не улучшаются, но ухудшаются. Убугунов приехал с женой — молоденькой буряткой, которую намеревается взять с собой. Воображаю, как обрадуется папа, когда приедет. Убугунов просил С. Ан. объявить членам экспедиции о том, что он политический комиссар и что его права в некоторых отношениях превышают права начальника экспедиции. Весьма пикантно.

23 ч.

Читал сегодня вслух «Балладу» Николаю Васильевичу, Котику и Симукову. Н. В., кажется, не очень понравилось, что, впрочем я и ожидал. Мальчики безмолвствовали. Вечером закончил «Христос и христианство», после чего «Балладу» прочитал С. Ан. и Ел. П. Им обоим очень понравилось. Занимался с певицей. Досочинил и записал новый романс. Теперь остался один долг — докончить «Лаос». Днем немного играл в теннис. Подготовился к докладу.

Перепишу романс в разобранном виде ⁴⁰.

13/IX. 23 ч.

Только что кончил переписывать этот фортепьянный романс. Сегодня днем играл его Н. В. Потом занимался с певицей. «Баллада» начинает выходить недурно. В 5 ч. С. Ан. читал доклад в ГО об исследованиях Тибета. Содержательно, отчетливо и довольно непринужденно, хотя и не вполне гладко в отношении формы. Утром играли в теннис. После ужина читал С. Ан. и Ел. П. вторично «Балладу» по их просьбе, а также характеристики П. К. и Ел. В., каковые им очень понравились. Потом перебирали старые воспоминания. Посмеялись порядочно. Оказывается, одно из первых впечатлений обо мне Ел. Петр. выразилось в словах: «Ну и тип!» — высказанных С. Ан. Сейчас еще немного поработаю над докладом.

14/IX. 22 ч.

Наблюдал за кольцом. Занимались с певицей. Теперь «Баллада» идет почти совсем хорошо. Сегодня начали разучивать «Был царь». Играл Ел. П.

- 1) Садовника;
- 2) Верь любви;

⁴⁰ Далее следует нотная запись.

3) Сестры.

Написал примерно половину нового романа из «Павильона» — «Странник далек от родины». Был взволнован. Вечером играл в теннис. Сегодня выяснилось, что Убугунов не имеет никакого желания ехать в Тибет. У него, оказывается, очень плохое сердце. Сейчас буду переписывать «Балладу».

23 ч.

Переписал «Балладу» для МИКа. Только что Симукон принес сенсационное известие: приехал папуля. О безмятежные дни, прощайте!

15/IX. 22 ч.

Сегодня уже пришлось побегать по делам. Автомобиль для переезда в Ургу, пианино Бадмажапову и пр., и пр. Днем занимался с певицей. Затем работал над «Странником». Кроме того, с быстротой импровизации сочинил романс на текст из «Павильона» — «Счастье». Романс, как и следовало ожидать, вышел плохой. Отделять и переписывать его, наверное, не буду. Поиграл немного в теннис. Вечером дописывал письмо МИКу. Только что приходил к нам блуждающий в дебрях 2-го этажа папуля.

16/IX. 21 ч.

Сегодня с 4 до 7 часов, с перерывом на обед, играл в женской гимназии. Окончил «Странника» и отделал более или менее «Счастье». Играл всю серию из «Павильона» Ел. Вл. и Н. В. Кроме того, любовную мелодию и «Садовника». Затем занимался с певицей, а все остальное время готовился к докладу. Н. В. что-то сегодня разнервничался после музыки. Задело его.

Распределяли сегодня белье, шубы, полушубки, сапоги и пр., и пр. У каждого получилась гора вещей. Не знаю, что делать. Придется часть своих пожитков оставить здесь. П. К. подарил сегодня С. Ан. бронзовую статуэтку — Тару⁴¹ и обещал, что следующую подарит мне. Сейчас буду опять подготавливаться к докладу.

17/IX. 24 ч. 30 м.

Дежурю. Днем занимался с певицей и подготавливался к докладу. Вечером опять работал над докладом и дописал письмо МИКу. П. К. показывал сегодня замечательные подарки, которые мы везем в Тибет. 18-го получил письмо от Т. А.

⁴¹ Т а р а (= Дара; རྩམས་པུ་མཚན་པོ་མཚན་པོ་, монг.) — наиболее популярный женский образ буддийского пантеона. Особенно почитаемы две ее спокойные формы — Белая Тара и Зеленая Тара, в отличие от остальных — гневных — ее образов. Выступает как женское проявление Авалокитешвары — олицетворения сострадания. Наиболее известны в монгольской иконографии изображения 24 Тар знаменитого монгольского скульптора Занабазара — первого хутухты Монголии (хутухта — наивысший духовный титул).

19/IX. 21 ч.

Вчера готовился усиленно к докладу. Пел с певицей. Кажется, я ее окончательно развратил и очень доволен. Она хочет во что бы то ни стало ехать учиться. Сегодня нас с Н. В. П. К. угощал. Обедали и ужинали вместе. Все было необыкновенно благопристойно. Ужинать, впрочем, Н. В. не пошел. Вместо него была наша буряточка, и папа занимался с ней хиромантией. Вечером приехали Саранцев с Эрдениевым.

Сегодня утром стреляли из наганов. Я стрелял лучше всех, и папуля оставил меня пристреливать новые револьверы. Днем получил посылку и 5-е письмо от МИКа. О своих сильных впечатлениях по этому поводу напишу в письме МИКу. Все остальное время готовился к докладу. Сейчас буду продолжать заниматься этим же. Сегодня утром я, поставив вопрос ребром, осведомился у Ел. Вл. о том, писала ли она когда-нибудь стихи. Она отвечала, что «писала давно, но никогда их никому не читала». Не замечательна ли моя проницательность!

22/IX

20-го немного подготавливался к докладу, днем отдыхал. Вечером с 7 до 9.30 состоялся доклад. Общее название его «Генетическая связь между европейской и азиатской музыкой». План же был такой:

I часть:

1) Генезис и морфология европейской музыки.

2) Генезис и морфология музыки арийских и монгольских народов Азии.

3) Общие ветви на основании изложенного материала.

II часть:

1) О целях, средствах и методах моих музыковедческих исследований в предстоящей экспедиции.

2) О проблеме отчужденности канонического музыкального искусства от безыскусственного народного творчества.

В заключение З. И. Юнтер спела «Был царь» и «Балладу». Читал я удачно. С подъемом и, кажется, хорошо по форме. П. К. был очень доволен, вся аудитория — тоже. Слушали доклад человек 200. Во время перерыва меня избрали членом ГО, так же как и всех старших помощников. Все протекло очень чинно и торжественно. Забыл упомянуть, что днем переписал «Странника», а 18-го числа получил от папы четырехголосные русские песни и «Сборник песен» Бортнянского!

21 ч.

В пятницу ездил в Маймачин с Екатериной Матвеевной Михайловой смотреть пианино для Бадмажапова. Решил приобрести. В 5 ч. дал домашний концерт по желанию П. К. для участников экспедиции и немногих посторонних слушателей. Играл новые гумилевские романсы, «У моря ночью», «Триаду», «Садовника», «Сонату с-м», «Romance», «Любовную мелодию», «Пролог», «Марш комедиантов», «Похоронный марш». З. И. спела «Был царь» и «Балладу».

После концерта с П. К. и Михно отправились ужинать к Родионовым. Скучный вечер. Исключительно гастрономические удовольствия. Вернувшись домой, писал письмо МИКу.

Сегодня с утра бегал по делам. Сочинял доверенность для получения Михно всей нашей корреспонденции. Послал вторичную телеграмму МИКу с благодарностью за посылку. Первую он не получил, так как я адресовал ее на имя Кондратьевой. Днем было заседание в память А. В. Потаниной и М. И. Малисон. По поводу Потаниной Н. В. прочел очень теплый некролог. Говорил П. К. с несколько джеромовскими интерлюдиями. Потом пошли на кладбище возложить венки. На могиле Малисон, недавно умершей, П. К. задумался как-то удивительно хорошо и предложил Ел. П. и Ел. Вл. поклониться праху покойной, что они и сделали с волнением. Хорошо было.

Были с Михно у консула. Потом репетировал с З. И. в Народном доме к предстоящему завтра концерту. Читал «Балладу» Ел. Вл. Она ее глубоко задела. Просила дать переписать. Вечером писал письмо МИКу (вопросы о предсказаниях и о наших отношениях после последних петроградских дней).

Канаев застрелил сегодня огромного орлана-белохвоста. Получил повестку на 1500 р. из Пулково. Приехал Помытов. Физиономия его неприятна. Батюшка подарил мне лопаточку для дзамбы⁴², а Н. В. вычертил на нем «Т». Выезжаем, по-видимому, 26-го. Сейчас я прервал свое писание, и Н. В. долго читал мне [отрывки] из своего письма, очень содержательного и интересного.

25/IX. 23 ч.

В воскресенье, 23-го, утром была последняя прощальная стрельба залпами из винтовок на 200 шагов, из наганов — на 30 шагов и из пулеметов. Результаты хорошие. Днем укладывал инструменты. Переписал «Странника». Вечером участвовал в концерте в пользу пострадавших от землетрясения «с благосклонным участием С. А. Кондратьева». Зоя Ивановна Юнтер опять спела «Был царь» и «Балладу». Предварительно я сказал несколько слов в публику, примерно в таком стиле: «Граждане г. Троицкосавска! Сейчас З. И. Юнтер споет вам два моих романа. Первый из них написан на слова знаменитого немецкого поэта Гейне. Стихотворение называется так потому, что в нем говорится о том, как любовь сталкивается с долгом, стремится преодолеть его веления и через это несет гибель любящим, рушит их в смерть. „Баллада“ о рыцаре и его прекрасной даме написана мною на собственный текст. Сюжет относится к Средневековью. Рыцарь Альвадор и Лирейя любят друг друга. Но гремят рога, Альвадор идет в святые места биться за гроб Господень. Там он гибнет. Любовь обрывается, и служение идее увенчивается каменным

⁴² Д з а м б а — широко распространенное в Тибете и Монголии блюдо из жареной муки крупного помола, заливаемой кипятком.

крестом. Как видите, темы не новые, но всегда пылающие в нашей жизни». После успешного исполнения мне поднесли букет роз, который я, за исключением одной — темно-пламенной, отдал З. И. Эту же единственную взял в память о моей милой, моей прекрасной даме, моей оранжевой девочке. До концерта говорили с Н. В. о белой и красной любви. Он совсем разволновался, «был потрясен», как сам сказал.

24-го (понедельник) целый день бегал по делам, продавал вещи, укладывал инструменты, писал письма.

Сегодня укладывал свое личное имущество, бегал по делам, стригся, ходил в баню. В честь П. К. и экспедиции было торжеств[енное] заседание всех союзов и организаций. Я не был за недостатком времени. Отослал письмо со «Странником» МИКу. Другое — папе. Получил от МИКа 7-е письмо, которое еще не дочитал: растягиваю удовольствие.

Список вещей, которые я везу с собой. (В назидание будущим поколениям.)

Белье:

14 ночных рубашек, 10 пар кальсон, 2 теплые нижние рубашки, 2 пары теплых кальсон вязаных, 1 простыня, 15 носовых платков.

21 пара носков, 3 пары носков теплых, 5 полотенец, 4 серые наволочки, 1 кусок на портянки, 1 косынка.

Верхняя одежда:

1 гимнастерка, 3 толстовки, 1 полотняные брюки, 2 брюк хаки, 2 пары брезентовых брюк, 1 суконные (драповые) брюки, 1 кожаные брюки, 1 костюм суконный (френч и брюки), 1 френч английский военный, 1 телогрейка стеганая, 1 суконная гимнастерка, 1 стеганое полупальто, 1 полушубок овчинный, 1 гигантская шуба овчинная, 1 легкое пальто, 1 пара вязаных рукавиц, 1 п[ара] длинных перчаток, 1 п[ара] кожаных рукавиц, 1 куртка на меху.

Обувь:

2 п[ары] ботинок, 3 п[ары] высоких сапог, 1 п[ара] валенок, 1 п[ара] краг.

Головные уборы:

2 кепки (суконная и коленкоровая), 1 вязаная шапка, 1 заячья шапка с наушниками, 1 кожаная фуражка.

Упаковочный материал:

1 мешок картонажный, 6 малых мешков плотных, 1 маленький чемодан.

Канцелярские принадлежности:

4 толстые тетради (в средн[ем] по 300 стр.), 2 толстые тетради по 380 стр., 10 (приблизительно) малых записных книжек и тетрадей, 20 карандашей (из них 8 химических), 2 резинки, 1 вставочка и перья, 1 баночка чернил, 1 тюбик синтетикона, 30 (приблизительно) листов нотной бумаги разного формата,

2 нотные тетради, 1 машинка для чинки карандашей, 1 перочинный ножик, 1 пачка цветных карандашей, 1 самопишущее перо.

Инструменты:

1 часы, 1 компас, 1 циркуль, 1 линейка, 1 флейта (!), 4 катушки ниток (белые и черные), 10 иголок (приблизительно), 24 французские булавки, 18 пуговиц (приблизительно).

Разное:

3 пояса, 1 финский нож, 2 фунта табаку, 1 банка вазелина, 1 бутылка одеколона, 1 бутылка глицерина, 4 куски мыла.

Посуда:

1 ложка с вилкой, 1 ложка, 1 вилка, 1 ножик, 1 чайная ложка, 1 алюминиевая тарелка, 1 алюминиевая кружка, 1 фляга (2 бутылки) в войлоке, 1 стаканчик (милая прислала).

Книги:

Гумилев: «Костер», «Огненный столп», «Посмертный сборник», «Дитя Аллаха», «Жемчуга», «Фарфоровый павильон».

Ходасевич: «Путем зерна».

Блок: «Двенадцать».

Вагнер: «Парсифаль», «Текст», партитура «Траурного марша», партитура Вступления к «Тристану».

Шуберт: «Квартет d-m».

Бердяев: «Sub specie osternitatis», «Христос и христианство».

Эйхенбаум: «Мелодика стиха».

Tisdal: «Urdu — conversativa grammar», «Rey for it».

Ницше: «Так говорил Заратустра».

Трапезникова: «English Idioms», «Англо-русский словарь»... Список допишу потом. Завтра мы уезжаем. Подводы, уже загруженные за день, стоят во дворе. Кое-какие вещи оставляю Михно. Надену ли я их когда-нибудь? Сейчас позанимаюсь и спать. Последняя ночь на постели.

[Далее идет текст на урду, следующего содержания]: О, моя дорогая МИК! Я хочу немного поговорить с тобой. Завтра наступает день, когда наша экспедиция отправится в дальние края. Может быть, я умру, а может, снова вернусь к тебе. Трудно узнать свою судьбу. Я люблю тебя и никогда тебя не забуду. Ты моя жена, и на твоём пальце мое кольцо, золотое кольцо, кольцо судьбы, а ты знаешь его силу⁴³.

26/ IX. 16 ч.

Привал. Река Тура ведет от Троицкосавска. Сегодня около 10 ч. выехали из Троицкосавска. П. К. с женой и Убугунов с женой уехали одновременно, но на тройках. Мы же в составе 32 подвод пойдем дней 10. Провожало много. Учащие и учащиеся провожали за границу. Мне учащиеся школы 2-й ступени поднесли букет астр и иммор-

⁴³ Этот и все следующие переводы с урду выполнены научным сотрудником Сектора Южной и Юго-Восточной Азии Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН Тамарой Петровной Селивановой, которой авторы работы выражают свою искреннюю благодарность.

телей. Весь процесс отъезда был выполнен быстро и планомерно. МИКу отправил телеграмму о выезде. В Маймачине захватили купленное для Бадмажапова пианино. Там же к нам присоединился тибетский лама Галсан Джолдуб. Недалеко от стоянки стоят 7 белых субурганов⁴⁴ (пирамиды, увенчивающиеся шариками с остриями). Ландшафт все тот же. Разве только такого крупного дересуна⁴⁵ я не видел вблизи города.

27/IX. 15 ч.

Привал. После перевала Цаган-дабан. Вчера ночевали под открытым небом без палатки у р. Ибыцына. Вечер был ясный, лунный. Дорога красива. Сегодня замечательные места были у Цаган-дабана. «Темнозеленые узоры на пламенеющих коврах». Очень много осенних берез на горах — чем ландшафт отличается от селенгинского. Вспоминается рисунок. А краски нежны и разнообразны. С перевала при Цаган-дабане открывается великолепная панорама на р. Иро и синеющее за нею плоскогорье. Котику удалось увидеть с одной из высот около перевала Троицкосавск. По дороге много сорок, воронов, даурских галок. Стрелял 2 раза из нагана, но безуспешно.

Сегодня глубоко вспоминал, как ровно три года тому назад, в Воздвиженье, я приехал после годового перерыва в Пулково. Пришел со стороны балкона. Какие были лица у мамочки и папы! Потом стал вообще думать о мамочке, но, чтобы уберечься от слез, пришлось уйти от этих воспоминаний. Как болезненно нежно я ее любил. И какое страшное влияние оказала на меня ее смерть.

Хотя бы в смене отношения к Пулкову. Как много погасло вместе с ней.

28/IX. 13 ч.

Привал после перевала на р. Иро. Вчера еще к концу нашего дневного привала пошел дождь, вскоре принявший обложной характер. Вначале мы предполагали переправиться через реку и там заночевать. Но расстояние оказалось больше, чем мы предполагали, и когда мы еще не дошли до реки — уже совершенно стемнело. Дождь шел сильный. В темноте мы кое как расположились табором, развели костер, но из больших палаток нашли только одну. Другую куда-то запихали. Все основательно вымокли, и если бы не брезентовое пальто — при-

⁴⁴ С у б у р г а н — объект культа в буддизме, рассматриваемый как вертикальная модель мира, реликварий, воздвигаемый на месте сожжения высоких духовных лиц, иногда в них замурован не пепел, а мумифицированное тело умершего.

⁴⁵ Д е р е с у н — от дэрс(эн) (монг.) — ᠳᠡᠷᠰᠡᠨ блестящий ᠰᠤᠨ (растение). «Самый высокий злак, произрастающий в Монголии, и злак очень полезный. Он растет в виде снопа и достигает в уровень с грудью всадника. Такие сноповидные кусты образуют большие заросли... обыкновенно в таких местах, где под почвой скапливается влага... Где растет дересун, можно рыть колодец» (Путешествия Г. Н. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю / Обраб. М. А. Лялиной. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, [б. г.]. С. 40.

шлось бы плохо. Я чувствовал себя скверно и подсмеивался над тем, что сказал бы папуса, если бы история с затерявшейся палаткой произошла при нем. Поужинав, почти все плечом к плечу легли в палатке и заснули. Мне спалось чудесно в необъятной шубе.

Вчера еще на дневном привале «беседовал» с ламой. Научился читать по-тибетски. Оказалось, что Помытов, бурят, хорошо знает бурятскую народную песню. Он указывал на ограниченное, около 10, число напевов в ней, применяющихся в различных бытовых комбинациях.

Сегодня с утра погода стала исправляться. Когда мы ходили умыться с Н. В. на р. Иро, я был потрясен удивительно богатым и разнообразным ландшафтом, окружавшим нас. К северу от нас мощная стена Иринского хребта с безлесными южными склонами. На юг за рекой — пологие, но значительные подъемы, поросшие сосной. На запад — долина извилистого Иро, на восток — даль с туманными горами. Ночные осадки на одной из вершин Иринского хребта выпали снегом — резкое белое пятно. Вдали в горах вдруг протяжно завывли волки, и вдруг на одно мгновение вся моя душа встрепенулась, как будто из глубины ее вырвался острый язык пламени и погас. Трудно объяснить существо и значение таких моментов, но именно они оставляют незарастающие следы. Но я как-то почувствовал, что и в космосе земель самое прекрасное — это странничество.

Сейчас же после того, как выехали, пришлось вброд переправляться через Иро. Переправа произошла очень удачно. Сидели либо на возах, либо на лошадях. Вода до живота лошадей. Течение не очень сильное. Дно не вязкое. Ширина около 100 шагов. (Эпизод с монголами и быками.) Поспешная молитва. После переправы одолели довольно отлогий, но длинный перевал, за которым рельеф несколько изменился в сторону большой плавности увалов. Теперь холмы, виднеющиеся перед нами, вовсе лишены леса. Ранее же сосна и в особенности береза росли в обилии на северных склонах. Уйдя вперед, стреляли в плоты из нагана.

29/IX. 13 ч.

Привал на р. Дзул Дзыха. Широкая долина. Окаймляющие холмы довольно отлоги. Остановка в 100 саженьях от русла. Заросли (негустые) дересуна.

Вчера ночевали на р. Куйтун. На этот раз обе палатки были подготовлены. Вечером хорошо поговорили с Н. В. о программе наших путевых бесед и вообще. Видел яркий болид, расколовшийся на 4 части, которые все, однако, шли в одном и том же направлении, пока не погасли.

Сегодня все тот же холмисто-степной ландшафт. Холодно, свежий норд-ост. Дежурю сегодня. Впрочем, дневное дежурство характеризуется только навешиванием винтовок. Никаких специфических обя-

занностей нет. Трудно писать. Поранил палец при собирании дров, которых, кажется, теперь долго не встретится.

Сочинил 2 строфы:

Нам медленно плывут навстречу,
Расцветивая каждый склон,
Берез оранжевые свечи
И сосен вечный халцедон.
Нам радостно смотреть с подводы
На горы в позднем сентябре.
Темно-зеленые разводы
На пламенеющем ковре.

Сегодня именины милой по старому стилю. Наверное, еще только получила «Дорогу».

30/IX. 12 ч.

Привал после пологого, но очень длинного, верст 7—8, подъема. Рельеф местности тот же, что и вчера. Только что открылась перспектива на хр. Мангатай, так он назван, по крайней мере, у Обручева⁴⁶. Конец вчерашнего дня и начало сегодняшнего прошли тихо, без событий. Вчера, когда уже все улеглись спать, я подсел к дежурившему Помытову, и он мне напел чуть ли не все виды бурятских мотивов. Они все скомпонованы вне температуры, капризны в ритме, и потому записать их будет довольно трудно. Как всегда, без удовольствия наворачиваем дзамбу, расставляем и складываем палатки, увязываем возы, разводим днем желтые, ночью алые костры, как всегда, немного сочиняю, занимаюсь урду, беседую с Н. В., как всегда, думаю о МИКе, который сегодня будет совершать свое осеннее жертвоприношение. Год тому назад мы поздравляли коллективно Софью Яковлевну на Знаменке, а в 1921 г. я в этот день в Новочеркаск писал:

Семнадцатого сентября,
В день именин моих сестер,
Я вверг тоскующее тело
На кокаиновый костер.

Сегодня же 4-стопный ямб заключил в себя совсем другое содержание:

О вы, монгольские просторы,
Холмы и доли без людей,
Размашистые косогоры,
Безводие пустых полей.

⁴⁶ Обручев В. л. А. ф. (1863—1956) — русский геолог и географ, академик АН СССР (1929). Исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии. Основные труды по геологическому строению Сибири, тектонике, неотектонике, мерзлотоведению. Популярные книги: «Плутония» (1924), «Земля Санникова» (1926), «Мои путешествия по Сибири» (1848). В 1895—1899 гг. совершил ряд экспедиций по Бурятии вдоль трассы будущей железной дороги.

Вспоминал я несколько раз о Троицкосавске. Много лиц мелькает в памяти: П. С. Михно, в поношенной шинели с петличками статского советника. Энтузиаст-коллектор, безобидный, светлый и мягкий человек. Сергей Ал. Успенский, со скуповатым выражением подбородка, акцентирующий на «о». Иннокентий Дмитриевич Синицын, знаменитый охотник, великан сереброкудрый, в поддевке и с развивающимися седыми волосами. Исполин. Любимец земли о. Малышев, страстный ботаник и плохой шахматист. Какой он сад вырастил при своем домике! Александра Алексеевна, к которой ежедневно мы с Н. В. ходили пить молоко. З. И. Юнтер, чувства и волю которой я всколыхнул своими занятиями с ней и балладой. В ней было что-то и от [...] ⁴⁷. и от Марты Гуде. Екатерина Матвеевна Михайлова, у которой я купил пианино для Бадмажапова. Она хорошо одевалась и дарила мне темные розы. Компания датчан с традициями буржуазного европейского общества на границе Монголии. У них был теннис и рояль. Впрочем, в музыке они ничего не понимали. Родионовы, у которых мы с П. К. провели такой гастрономический вечер. Консул Шахов, толстый еврей в костюме канареечного цвета. Сестры Пановы и много других мужских и женских лиц, вступивших в поле моего зрения и так же быстро покинувших его. Всех их я принял и проводил.

I/X. 14 ч.

Привал на р. Харе. Вчера под вечер въехали в широкую долину Баян-гола. С юга ее ограничивает хребет Мангатай. Его наиболее возвышенные точки были оснежены, само собой разумеется — это не снеговая линия. По долине Баян-гола — редкие китайские домики без специфической архитектуры, однако и бурятские — в 3—4 юрты. Имеются пашни. Возделывается пшеница. К ночи разъяснило, обильно вывездило. В половине третьего дежурный должен был выстрелом отпугнуть возможных волков от лошадей. Как раз это — час, когда я должен подумать о МИКе. Но выстрела я не слышал и, проснувшись в какой-то другой момент ночи, горько пожалел об этом невольном упущении. Утром подморозило, на палатках и траве белел иней. Умываться пришлось, проламывая ледок в речке. Замечательно бодро себя чувствую. Утром пришли встревоженные китайцы и стали жаловаться на то, что лошади наши по недосмотру ямщиков ночью ели их хлеб, сложенный в снопы. Ямщикам пришлось им дать 3 рубля. Монета, имеющая здесь хождение помимо банковского рубля, — китайский серебряный янчан, соответствующий 1 р. 40 к. банковским серебром.

Путь наш пошел к западу по Баян-голу — до тех пор, пока понижающийся Мангатай не даст тракту перевалить через него. Перевалив через Мангатай, мы вступили в долину р. Хары, которую переехали вброд и расположились привалом на левом берегу. Таким образом

⁴⁷ Неразборчиво.

Мангатай разделяет долины Баян-гола и Хары, западнее сливающиеся. День сегодня прекрасный, ясный, прозрачный. Правда, довольно холодный ветер, но солнце пригревает чудесно. Утром на ухабе я свалился с повозки, к счастью, вполне благополучно. Около Хары стрелял из винтовки в аистов, но безуспешно. К дзамбе начинаю привыкать. Сегодня даже с удовольствием поел ее. На Баян-голе, на самом тракте, находится русский постоянный двор. Там мы с Н. В. поели хлеба и молока. Очень дорого, однако. Здесь (Баян-гол) как раз половина пути от Кяхты до Урги. Узнал сегодня интересные сообщения о миссии Убугунова и Помытова. Чрезвычайно интересно, как будет протекать наша внутренняя экспедиционная жизнь.

2/X. 14 ч.

Привал на р. Боротай. Вчера ночевали на р. Харе, в очень живописном широком месте. Вечером, перед заходом, побродил с винтовкой. Н. В. ходил на охоту, убил 7 штук чирков и серых куропаток. Дичи вообще много: все время тянут гуси. Из хищников часто попадают лунь и коршун. Опять закат был великолепен в мантии из фиолетового бархата. Записал мотив эпических бурятских песен у Помытова. Удачно. Он многократно удивлялся этому. С 2 ночи до 8 дежурил. Было ясно и морозно. По ощущению и толщине слоя льда в ветре градусов до 8. В шубе отлично, но ногам очень холодно, и если бы не батюшкины пимы — пришлось бы побегать. Сидел на суме, думал о МИКе, сочинял немного. Вот еще два четверостишия:

Как высоко блестят Плеяды.
И Сириус — звезда любви
Зажег полночную лампаду
Над гребнем, брезжущим вдали.
Молюсь. Да будет меч мой звонок,
Рука — тверда. Душа — нежна.
Пусть слабый, маленький ребенок
Не отвернется от меня.

Еще необходим материал для фрагментов. Кольцо телег. Обращенные в небо оглобли, белые палатки. Желтый костер, встречающий солнце, и алый — вечернюю звезду.

Сегодня опять ясный день. Встали до восхода. Тронулись с солнцем. Чрезвычайно длинный подъем. Окружающие голые холмы загораживают горизонт. Ветер. Неинтересно. Зато были вознаграждены, когда добрались до вершины перевала. Широкий вид на дальние (верст 40) горы со снежными пятнами на 2—3 доминирующих высотах. Еще утром, до перевала, переезжали через ручеек, и одна повозка скосынулась с мостика, но, к счастью, зацепилась за него. Лошадь упала. Ее выпрягли и общими усилиями вывернули воз на мостик. Счастливо обошлось. Река Боротай узка. Но долина ее очень широкая. Здесь мы вновь выехали на основной телеграфный тракт, от которого

отделились 30/IX вечером для того, чтобы обогнуть Мангатай, перевал, который слишком каменист и крут для каравана, в стиле нашего. Н. В. говорит, что я чрезвычайно загорел. Лицо горит все время от ветра, солнца и резких температурных перемен.

3/X

Привал верст 25 к югу от постоянного брода на р. Боротай.
13 ч.

Вчера часов в 16 присоединился к нам Пахомов, который, получив разрешение на выезд за границу, догнал нас на уртонских⁴⁸. Он очень счастлив, все время улыбается. Разрешение он получил непосредственно от Иванова, чуть ли не министра внутр[енних] дел ДВР, случайно приехавшего в Троицкосавск. Привез телеграмму Козлову из Верхнеудинска, переданную ему Михно, в которой передавалось разрешение выехать Козлову за границу! Это совсем похоже на приключения бригадира Жерара в Дартмурской тюрьме. Привез Пахомов телеграмму и мне от МИКа: «Счастливый путь. Помни меня, вернись скорее». Н. В. взгрустнулось по этому поводу. Очень затосковал у нас Котик. Плачет и хочет домой. Жалко мальчика.

Вчера под вечер на сжатом пшеничном поле, около тракта, видели великое множество гусей. Палили по ним немилосердно из винтовок, но безрезультатно. Поднялось их около 200 штук. Ночевали в долине Боротая. Ночь была ясная, но теплая, без мороза. Сегодня утром ходили с Касимовым на охоту. На поле в долине монголы сделали искусственный пруд с круговым земляным валом. На этом пруду было множество уток. Вообще дичи здесь сколько угодно, но охотников почти нет. Канаев убил луня. Здесь он часто встречается. Сейчас сделали привал на дороге около небольшого леса. Запаслись дровами. До Урги осталось теперь верст 95. Сегодня с утра появились перистые и легкие слоистые облака. Теперь они плотнеют и темнеют. Вот еще фрагмент:

Вечерняя заря покрыла
Лиловым бархатом холмы.

4/X. 13 ч.

Привал на р. Бургунтае. Вчера вскоре после выхода с дневного привала северный ветер начал быстро свежеть, горы покрылись дымной мглой, и пошел снег. Первый буран. Он продолжался вплоть до вечерней остановки, когда небо на северном горизонте прорезалось дымно-розовыми щелями необыкновенной, призрачной красоты. На юге же покрытые снегом горы сумрачно белели. Остановились около речки в месте, называемом монголами Айаган Шинаган, что значит «чашка-ложка» — по обилию маленьких котловин, наполненных водой. Бы-

⁴⁸ У р т о н (от урт — длинный монг.) — станция, где меняли лошадей.

стро разъяснило, и ночью грянул мороз градусов около 15. Спал, не снимая брюк. Холодно не было, но чай пили каждый в своей палатке. Сегодня с утра было ясно и морозно. Теперь же снег остался только на неосвещенных склонах гор. Небо, впрочем, наполовину облачно. Утром сочинил еще фрагмент об обо.

Затейливые амулеты,
Обломки дерева, костей,
Лоскутья, мелкие монеты
На груди сложенных камней.
Все это набожные руки
Безвестных странников земли
На обнаженную вершину
Благоговейно принесли.

Сегодня продолжительно беседовали с Н. В. о музыке, творчестве и любви. В его позитивное мировоззрение любовь к музыке врезается необъяснимым лучом. Он сам сознается в том, что не может дать ей надлежащего объяснения и этим лишний раз доказывает искусственность и несовершенство своей системы. Поучительный и грустный пример представляет собою этот человек, загнавший добрую и нежную душу в схемы биологии. Проходит мимо истинной жизни, весь во власти феноменов.

Сегодня я убил из нагана сороку, шагов с 15. Канаев отпрепарировал ее, а Касимов зажарил тушку. Я съел кусок — очень вкусно. Но вот, с четверть часа тому назад, замечательный выстрел сделал Канаев. Над лагерем довольно низко пролетал орел, и Вася убил его из нагана. Это было замечательно эффектно.

[Далее следует текст на урду, следующего содержания]: О, моя любимая девочка. Сейчас вечер. Все ушли спать. Я лежу на своей кровати и без слов пишу. Ты далеко. Может быть, ты сейчас сидишь в своей комнате и читаешь какую-нибудь книгу. Я люблю тебя. Ты моя жена. Я о тебе думаю каждый день, не плачь.

5/X

Привал на Хасын-голе. Вчера перевалили Халзан-дабан. Конец подъема был труден — крут и каменист. Вечером окончил запись текста и музыки бурятского эпического мотива. Ночью было морозно, но не так, как третьего дня. Ночевали в долине на Нарын-голе. Сегодня утром одна лошадь оказалась больной. Хозяин ее остался на месте ночевки. Захворал ночью Бохин (сердце). Сегодня отлеживается на подводе.

Нужно отметить внезапно прекрасный вид, открывающийся с перевала Халзан-дабан на горы севера и юга. На самом перевале — громадное обо. Петр К. и Н. В. положили туда по камешку, а он еще, кроме того, записочку в честь своей жены. В остальном день прошел ровно и незаметно, как внутренне, так и внешне.

Фрагмент:

Иль выстрелом из револьвера
Сшибить летящего орла.

6/X. 21 ч.

Урга. Юрта.

[Далее идет текст на урду следующего содержания]: Сейчас вечер. Я хочу спать, но мне надо позаниматься языком урду. Поэтому я опишу сегодняшнее и вчерашние события на урду. Вчера после еды я долго разговаривал с Котиком. Это увольнение очень огорчило парня, и он захотел порвать с домом. Я сказал ему, что это плохо. Ему нужно радоваться, что ему надо ехать в Тибет с нашей экспедицией. В этом путешествии он окрепнет, станет сильным человеком. Отвергнутому юноше жить в городе опасно. Этот разговор длился два часа. Помоему, я хорошо говорил, и я надеюсь, что он не поедет обратно в Москву. Вчера мы двигались до самой ночи, и наша стоянка была на берегу р. Толы. Вечером небо стало чистое, но на рассвете выпал снег, начался сильный ветер, и наша экспедиция [направилась] в город Ургу. Об этом городе завтра напишу по-русски.

7/X

Урга. Целостного впечатления от Урги у меня пока еще нет, так как въехали мы в нее снежным туманным днем, так что даже священная гора Богдо-Ула не была видна почти совсем. Отдельные частные впечатления таковы: множество бездомных собак, больших, чернобурых, которых нельзя убивать, так как они священны, выполняют санитарную службу по городу, поедая всю выбрасываемую падаль, вплоть до человеческих трупов. Караваны верблюдов, мерно проходящих время от времени по улице, под однообразный перезвон низко звенящих бубенцов. Монголы и монголки в ярких халатах. В пышность их национальных костюмов сплошь и рядом вплетена европейская макулатура: дешевые фетровые шляпы с металлическими побрякушками в виде пятиконечной красной звезды. Монгол в оранжевом халате с зеленым поясом, который едет по снегу на велосипеде. Все это первые мимолетные впечатления. У дома Бадмажапова нас встретили П. К. и Ел. Вл. Караван поехал на следующий двор, а воз с пианино остановили, разгрузили и с большим трудом втащили на крыльцо, а оттуда в сени дома. Здесь я впервые познакомился с Цокто Гармаевичем Бадмажаповым, одним из любимейших спутников П. К. Среднего роста, поджарый, но крепкий, с очень привлекательным лицом, на которое монгольская раса не наложила особенно заметного отпечатка. Пианино оставили отогреваться в крохотных сенях, и я поспешил к каравану, разгрузку которого уже начали в соседнем дворе.

После того как разгрузка была окончена, стали размещаться в двух юртах, поставленных для нас во дворе. В одной юрте П. К. поместил

Глаголева, Горбунову, Павлова и меня. Впоследствии к нам присоединились Симуков, Котик и Саранцев. В другой юрте — менее нарядной — все остальные. П. К. с Ел. Вл. живут у Бадмажапова, Убугунов с женой — где-то в городе в ГПУ. В юрте замечательно хорошо. Она около 2 сажений в диаметре, поставлена на настил из досок, доски покрыты матерчатыми коврами, стены изнутри — матерчатые. Остов корпуса составлен примерно из 130 жердей, укрепляющихся в кольцо верхнего отверстия, которое имеет в диаметре около полутора аршин. Верхнее отверстие затягивается войлоком, которым снаружи покрывается вся юрта. Посередине юрты — печка-временка, труба которой высовывается в верхнее отверстие. На ночь она убирается, и отверстие закрывается войлоком. Так мы расположились в юрте⁴⁹. Устроившись наскоро, пошли к Бадмажапову обедать, «пролетариат» — на кухне, а «интеллигенция» — в столовой. Накормили нас до отвала. Была и водка. Вообще много пришлось бы мне выпить вина и водки за это время, если бы не обет. Говорю это не с сожалением, а с радостью. После обеда пошли укладываться на своих местах, а потом под моим наблюдением раскупоривали пианино. Поломок серьезных не оказалось. Его внесли в переднюю и там накрыли шубами и одеялами. Из разговоров с Бадмажаповым выяснилось, что со мной жаждет познакомиться министр народного просвещения Жамцарано, весьма интересующийся записью монгольских напевов. Это — чистая находка для меня. В Урге мы пробудем, вероятно, около месяца, и я надеюсь успешно поработать за это время. Ужинал я опять у Бадмажапова. Когда я вернулся, уже все спали. Позанимался индусским, лег и перечитывал последнее письмо МИКа. Очень его люблю.

Сегодня проснулся на рассвете. Вышел из юрты. Золотой, непривычно наклоненный месяц. Богдо Ула в облаках. Прекрасно. Разбегнулся в вещах. Пошел к Бадмажапову. Чистил и мазал касторовым маслом пианино. Детально осмотрел его. Оказывается, система демпферов сместилась несколько, отклеились 2 молотка, стали западать несколько нот. Во вторник начну все это исправлять. В час дня Бадмажапов заказал для нас китайский обед в монгольской части города, куда мы и отправились на автомобиле в следующем составе: П. К., Ел. Вл., С. Ан., Н. В., я, Бадмажапов с женой и дочкой. Все было чрезвычайно интересно и необыкновенно. Мы уселись за круглый стол, уставленный множеством тарелочек с разнообразной снедью. На стене комнаты громадный плакат с надписью по-китайски в честь этого обеда. Надпись в переводе гласила примерно следующее: «4000 лет тому назад в Китае были 4 славные страны, которые были в расцвете. И вот тогда ели те же кушанья, что вы едите сейчас». Вот тщательно записанное меню этого экзотического обеда.

⁴⁹ На этом месте страницы нарисован план юрты.

Холодные закуски:

- 1) Водоросли, тонко нашинкованные;
- 2) Водоросли с червями;
- 3) Тухлые яйца;
- 4) Брюшина баранья, тонко нарезанная;
- 5) Копченый верблюжий горб;
- 6) Колбаса из свинины;
- 7) Колбаса из каракатицы;
- 8) Колбаса из бараньей требухи;
- 9) Сардины;
- 10) Свинина;
- 11) Копченые бараньи губы;
- 12) Сало свиное;
- 13) Баранина копченая;
- 14) Водоросли крупные;
- 15) Ананас;
- 16) Груша.

Горячие блюда:

- 1) Сосиски из верблюжьего мяса с фаршем;
- 2) Тонкие свиные кишки, начиненные рисом;
- 3) Курица разваренная;
- 4) Каракатица в супе;
- 5) Креветки (шейки) вареные с зеленым горошком;
- 6) Баранина с рыбьими плавниками и жабрами;
- 7) Омлет вареный с мукой и зеленым горошком;
- 8) Чай с горячими яблоками в сахаре;
- 9) Хлебный (дуфу) сыр (ячмень), сваренный в супе;
- 10) Хлебный сыр — под другим соусом;
- 11) Брюшина баранья;
- 12) Отстой из бараньей крови (белые шарики);
- 13) Фрикадельки из баранины;
- 14) Трепанги с грибами;
- 15) Баранина, длительно тушенная;
- 16) Баранина с салом, тонко нарезанная;
- 17) Пельмени кружевные;
- 18) Вареный лотос (плоды) с яблочной пастилой;
- 19) Японская рыба вареная.

Напитки:

Подогретая рисовая водка;

Мадера, красное вино, привезенное с собой.

Замечательно вкусны были горячие яблоки в сахаре, пельмени и креветки с зеленым горошком. Все остальное из экзотики мне не понравилось, а нечто (например хлебный сыр) было прямо отвратительно. Обед прошел очень весело и оживленно. Продолжался 2 часа. Вернулись на извозчиках. Лежали, отдыхали от этой чертовщины. Состоя-

ние у меня сейчас довольно мутное. К тому же еще нога болит — натер себе основательный пузырь, который беспокоит. Осталось еще позаниматься урду, а потом спать.

[Далее следует текст на урду]: Сейчас мне следует позаниматься языком урду 12 минут. Я напишу о вчерашних событиях. Сегодня у Жамцарано, кроме коменданта и Галана, был еще Бадмажапов. Все пели. Очень интересно. Теперь пойду спать.

8/X

Днем дежурил. Днем с С. Ан. и Н. В. должен был пойти с визитом к Юдину, но не смог из-за больной ноги. Образовался большой пузырь. Нога кругом опухла и покраснела. Только что Ел. П. проколола мне пузырь, залила йодом и перевязала ногу. Во время операции все обитатели юрты с интересом наблюдали за манипуляциями Ел. П., давали советы, а я смешил всех.

Утром наблюдал кольцом для определения времени. Во время дежурства сочинил пять строф стихотворения, посвященного китайскому обеду. Перепишу их потом. Ел. Вл. говорила сегодня со мной о нефритовой табакерке и Жамцарано, причем почему-то волновалась. Очень интересны монгольские солдатские песни. Часто слышишь их от марширующих мимо солдат.

10/X. 12 ч.

Изложу обильные впечатления о вчерашнем дне. С утра мы с Н. В. отправились к Жамцарано. Дома его не застали и пошли в яман, куда он ушел. Главная комната ямана сильно напоминает учительскую в благоустроенной гимназии. Несколько банальных европейских столов, высокие шкафы с книгами, на стене учебные карты полушарий. Однако и монгольское есть: вдоль всей комнаты около окон тянется помост (вершков восемь высоты). Он устлан материей. На нем столики — длинные и низкие (вершков 6 высоты). Перед столиками коврики, на которых нужно сидеть по-восточному — поджав ноги. Жамцарано представил нас начальнику ямана (некто вроде министра) — старому монголу с умным и хитрым лицом. Здравовался с нами он изысканно любезно, беря нашу руку в обе свои и умильно тряс ее. При прощании мы так восхищены были друг другом, так усердно кланялись, что стукнулись головами. Почтенный министр сидел за столиком, выцарапывал острой палочкой какие-то знаки на чем-то вроде цифирной доски и по временам вынимал из-под стола медный тазик, отхаркивал в него и сморкал туда же, зажимая одну ноздрю пальцем. Н. В. занимался с Лисовским, местным ботаником, рассматриванием гербария, а я стал беседовать с Жамцарано (он как бы товарищ министра) о моих предполагаемых музыкальных исследованиях. Оказывается, монгольское правительство уже давно настойчиво хочет собрать и зафиксировать монгольские мелодии и для этой цели даже пыталось пригласить из России образованных музыкантов, но никто

не вызвался приехать. Таким образом, я прибыл к ним как *Deus ex machina*. Поэтому перспективы в моей музыкальной работе — блестящие. Судя по намерениям Жамцарано, перед моими ушами продефилируют певцы из всевозможных мест Монголии, а может быть, и из Тибета. Меня познакомят также со всеми местными музыкальными инструментами. Для привлечения певцов монгольское правительство ассигнует некоторую сумму денег. Покончив разговор о способах моей работы, я, по поручению П. К., стал расспрашивать Ж. о местных палеонтологических находках и о дальнейших раскопках в интересных местах силами экспедиции. Ж. показал мне имеющийся у них палеонтологический материал — шейные и поясные позвонки и бедра какого-то огромного млекопитающего, может быть носорога, но не выказал особого интереса к этой теме. «Кости полежат, — сказал он, — ударной мы считаем Вашу работу». Потом Ж. ушел, а я, поджидая Н. В., принялся записывать в соседней комнате музыкально-декламационное чтение монгольского писца, произносившего по рукописи текст какой-то переводной сказки с индусского, причем другой писец сличал копию. Оказывается, как объяснил Жамцарано, почти всегда монголы читают нараспев. Вот как звучало предложение в чтении этого писца⁵⁰.

Конечно, каждое новое предложение варьируется. Иногда, например, «с» в начале звучит несколько раз, иногда предложение оканчивается просто на «g» без портаменто и короткого «d», может менять свое положение проходящее «a». Но в общем звукоряд остается совершенно неизменным. При помощи подвернувшегося переводчика я спросил писца — не может ли он читать на другой напев? Тот ответил, что он может читать только так. Ж. сказал мне, что другие чтецы пользуются другими музыкальными схемами. Он опять пришел в яман и просил меня прийти в 5 ч. для знакомства с одним местным певцом. По дороге домой зашел к Бадмажапову взглянуть, как приглашенный настройщик-австриец чистит пианино. В назначенное время пришел и Н. В. В ожидании певца беседовали на разные темы вплоть до буддийской мистики. Ж. очень интересный, умный человек. Он критически отзывался о военном характере экспедиции Пржевальского⁵¹ и Козлова, хвалил Потанина и говорил о том, что человеку, любовно относящемуся к азиатским народам, не страшны разбойники и открыт путь куда угодно, вплоть до Лхасы. Очень радовался, что в экспедиции участвует музыкант. Пили чай. Певец надул — не пришел, зато пришла жена Ж. (бурятка, окончившая Читинскую гимназию). Вместе с ней — ее, по-видимому, подруга. Мне уже ранее говорили, что жена

⁵⁰ На этом месте листа следует нотная запись.

⁵¹ Пржевальский Николай Михайлович (1839—1888) — русский путешественник, исследователь Центральной Азии, генерал-майор. Совершил 4 экспедиции в Центральную Азию и одну в Уссурийский край. Открыл ряд хребтов и озер, впервые описал дикого верблюда и дикую лошадь. П. К. Козлов является учеником и продолжателем его дела.

Ж. хорошо поет монгольские песни. Но в моей просьбе по этому поводу сначала она, поддерживаемая мужем, отказала. Однако я в конце концов настоял. И вот она, то одна, то вместе с подругой, принялась петь. Сначала робко, застенчиво, по-европейски, потом, увлекшись — резкими, сильными горловыми нотами. К общему удовольствию (Ж., по предшествующему своему опыту, думал, что я одной песней буду мучить певца несколько вечеров), я записал примерно за час времени 3 монгольских частушечных напева и одну бурятскую эпическую песнь. (Подробности моих музыкальных работ теперь и в дальнейшем я буду записывать в специальном журнале, напевы — в особой тетради.) Поужинав, Ж. повез меня в местный театр — Народный дом, где на монгольском языке здешние актеры разыгрывали переводную индусскую пьесу в характере буддийской идеологии. Царевич, сын раджи, раздает все свое имущество, отдает затем своего белого слона и уходит с женой и двумя детьми в горы. Там ему предстоит последнее искушение — расстаться с женой и детьми, что он и выполняет. В дальнейшем, в следующем вечернем представлении, он опять сходит на Землю и воцаряет на ней золотой век. В антрактах играет духовой европейский военный оркестр. Дирижирует им псаломщик, причем ту невероятную пошлость и безграмотный сумбур, которые играют несчастные музыканты-монголы, сочиняет сам дирижер. Сочинения же эти представляют собою монгольские напевы в наборе из фальшивых аккордов I, IV и V ступени. Познакомившись с дирижером, я так и сказал ему, что мне это не нравится. Там же, в театре, за кулисами осмотрел народные монгольские инструменты, которые сопровождают чтение, часто внедряющееся в пьесу. Мне дали как гостю почетный билет в первом ряду. Теперь намечу фрагменты для статьи о монгольском театре, которую хочу послать Вале. Актеры — все мужчины. Декорации в дешевом европейском стиле. Грим — схематичен. Молодые лица, развесистые бороды, уголь. Одна маска — брахман. Замечательный белый слон с красной ленточкой на конце хобота. Безучастность к пьесе всех действ[ующих] лиц во время монолога. Кусок оранжевой ткани — мясо, отрезанное от собственной ляжки царевичем. Дух Ормузда⁵² — упитанный малый в пышном костюме с синими очками на глазах. Дух Земли — скачки, белый балахон, гигантская растрепанная черная шевелюра, борода и усы. Царевич забывает роль, из-за кулис спокойно выходит монгол, дает ему шпаргалку. Царевич вдумчиво читает ее и потом продолжает играть как ни в чем не бывало. Ручка от инструмента, торчащая из-за кулис. Музыкант, который выходит на задний план сцены, сплевывает на пол и спокойно уходит обратно во время трагического монолога царевича. Талантливых актеров не было. Не дожидаясь конца, мы ушли — поздно было. Ж. отвез

⁵² Д у х О р м у з д а (= Хормузда = Хормуста-тенгри). — В мифах монгольских народов верховное небесное божество. Восходит к согдийскому Хурмазда. Глава 33 или 99 тенгриев — владык различных миров, пребывающих на вершине мировой горы Сумэру, ведущих постоянную борьбу с асурами — демонами.

меня домой. В городе темно, постоянно окликают патрули, и все время лают и воют собаки, у которых к ночи просыпаются кровожадные инстинкты. Ходить по улицам в темноте — опасно. Бохин нездоров. Наверное, не поедет. Наш лама, по-видимому, в то же самое время агент по закупке оружия для Тибета.

Из-за непонятных мне стараний С. Ан. П. К. предполагает назначить меня начальником одного из эшелонов. Очень прискорбно. Впрочем, посмотрим, что выйдет из всего этого.

Пробовал сегодня пианино у Бадмажапова. Сыграл:

- 1) Прелюд c-m[ol];
- 2) Любовную мелодию;
- 3) Пролог;
- 4) Тему d-m;
- 5) Балладу;
- 6) Странника;
- 7) Природу;
- 8) Счастье.

Бадмажапов подарил мне 50 пачек сигарет «Pirate».

23 ч.

Сегодня при помощи Н. В. перевел «Anleitung für ethnographische Beobachtungen und Sammlungen», данное мне еще Зиминим в Москве. В 4 ч. пошли с визитом к представителю РСФСР В. И. Юдину⁵³. Поговорили с ним о почте. Затем, воспользовавшись его граммофоном, послушали Шаляпина, Карузо и пр. Сыграл там же на старом рояле: «Любовную мелодию», «Октавный этюд», «Странника». Вечером занимался в один раз английским с Саранцевым, Котиком и Симукowym. Занятия прервала записочка П. К. с просьбой прийти поиграть. Сыграл: «Любовную мелодию», «Прелюд c-m[ol]», «Октавный этюд», «Балладу», «Странника», «Счастье» и «Три цветка». Выяснил, что и Бадмажапов, и его жена никакого отношения к музыке не имеют.

12/X. 4 ч.

10/X читал письма С. Н. П. к Николаю Васильевичу, там довольно много и хорошо говорится о МИКе. Николай Васильевич написал С. Н. письмо, значительное по содержанию и напряжению. Трещина в его душе обнаружилась для меня яснее, чем когда либо ранее.

Вырабатывал подробную программу музыкально-этнографических исследований на основании инструкции, данной мне, местных условий и здравого смысла.

Изучал дальномер военного образца, который лама везет в Тибет. Вечером был Ж. Было очень интересно. Кроме знакомых мне лиц были комендант города — композитор, молодой монгольский князь с красивым эмалевым лицом, еще два монгола, говорящие по-русски, и две бурятки. Играли на флейте, пели частушки. Комендант спел шесть

⁵³ В. И. Юдин — сотрудник советского полпредства в Монголии.

эпических песен, монгольских (см. журнал). Говорили с Ж. о монгольском театре и мистериях.

Фрагменты для статьи о театре.

Влияние индуизма в театре и мистериях неизмеримо больше китайского. Ламские мистерии в определенные сезоны. Продолжительность мистерии до 1 месяца. Руководит мистерией наиболее важный и чистый лама, который управляет не только техникой, но и постоянной телепатической передачей.

Содержание (темы разных мистерий):

- 1) Подготовка человечества к грядущему Будде.
- 2) Неприятие мира во зле.
- 3) Очистительные мистерии умиловления.
- 4) ? (так!)

Форма:

Религиозные танцы с музыкой. Многие в масках. Основные маски:

- 1) Брахман — доброе начало.
- 2) Охотник в тигровой шкуре — дух Мирового порядка.
- 3) Человек с оленьими рогами — дух Земли.
- 4) Ворон — злое начало.
- 5) Череп — смерть.
- 6) ? (так!)

Метод: подготовительные упражнения в танцах, с различными медитациями в разные моменты. Содержание медитаций диктует управляющий мистерией лама. Смысл основных медитаций — концентрация воли, которая способна уничтожить зло. В Урге мистерии происходят летом и зимой. Но главные мистерии имеют место в монастыре в Эрдэни Дзу⁵⁴ к западу от Урги.

13/X. 23 ч.

Вчера днем обрабатывал музыкальный материал. Начал вести правильный музыкальный журнал. Приходила к нам Ел. Вл. Читал вслух Гумилева.

В 4 часа пришел к Ж. Его жена и подруга пели. Жамцарано записывал тексты. Записал № 7 и № 8. Беседовали очень интересно с Ж. Я прочел ему «Балладу». Он сказал, что это очень глубокое произведение и что оно будет понятно и близко всякому в Азии:

— «Баллада», если Вы прочтете ее образованному ламе, будет для Вас как бы паспортом.

Мы много говорили еще о кризисе материализма. Ж. очень начитан и в европейской литературе. Знает Бергсона⁵⁵, Бердяева.

⁵⁴ Эрдэни Дзу — монастырь в Монголии (1586—1587), строительство которого связано со второй волной распространения буддизма в Монголии. Возведен по инициативе Абатай-хана, стал родовым монастырем его потомков. На территории насчитывалось более 30 храмов, жило более 2000 монахов.

⁵⁵ Бергсон — Анри Бергсон (1859—1941) французский философ, представитель философии интуитивизма и философии жизни. Основная работа — «Твор-

23 ч.

Разговаривали еще относительно мистерий и о различных пунктах нашего маршрута применительно к возможности встретить интересных людей. Об этом в другой раз. Потом поехали с Ж. в театр на комедию. Фрагменты для статьи: плохой любительский русский фарс. Плохие актеры. Интересно: шекспировский характер техники — герой, например, воображает стену. Движение рук, как бы открывающих дверь. Коллективность творчества. Один актер играет несколько ролей. Отыграв, среди действия приходят в публику. Сюжет пьесы злободневно-политический. Это уже надоело. Позабыл написать, что у Ж. спел свою монгольскую песенку, написанную в этот же день. После этого жена Ж. и ее подруга напели мне частушку, напоминающую мою песенку. Этой частушки я не знал. Мне это было очень приятно. Значит, схватил характер музыки.

Сегодня днем был на базаре. Купил себе пимы, перчатки, а для экспедиции — две флейты и лачит ⁵⁶.

Встретил на базаре Котика. На обратном пути зашли с ним в китайскую лавочку и поели пальцами пельменей. Вечером опять был у Ж. Кроме коменданта, князя с его вассалом, помощника Жамцарано, были еще китаизированный монгол — учитель из Пекина и еще южные монгол с монголкой. Записал песни № 9 и 10. Кроме того, фонографом — № 1 и эпическую песнь о ястребе. И все начал записывать с голоса. Это трудно. Все исследователи, включая Руднева ⁵⁷, отказались от этой задачи. Тем более нужно мне преодолеть это. Играли на хуре ⁵⁸, хучире ⁵⁹ и флейте. Хур очень красивый во всех отношениях инструмент. Если вернусь из экспедиции, то мне почти обеспечено место в Урге по музыке и астрономии. На базаре записал молитвы нищенствующих монахов.

14/X. 23 ч.

Сегодня с 11 до 21 ч. провел у Ж. Записал в журнал 10 мелодий (№ 11—20). Фонографом, кроме того, записал 8 напевов. Сегодня пе-

ческая эволюция» (рус. пер. 1914). Лауреат Нобелевской премии по литературе (1927).

⁵⁶ Л а ч и т — китайский национальный инструмент.

⁵⁷ Р у д н е в А н д р е й Д м и т р и е в и ч (1878—1958) — известный ученый-монголовед, лингвист, собиратель монгольского фольклора, преподаватель Восточного факультета Петербургского университета. С 1917 г. проживал в Финляндии, преподавал в консерватории.

⁵⁸ Х у р — название группы струнных смычковых инструментов, наибольшей популярностью пользуется морин хур — инструмент с трапециевидной декой, длинным грифом, украшенный, как правило, резной головой коня.

⁵⁹ Х у ч и р — двухструнный смычковый инструмент, обладающий высоким тембром. Часто под аккомпанемент на хучире исполняются народные монгольские песни.

ли: один халхасец, разбитной ургинец-юноша и два монгола из южных — хорочинцы⁶⁰.

Приходил к Ж. кобдоский генерал-губернатор. Как они обменивались с Ж. голубыми хадаками!⁶¹

Как губернатор угощал меня нюхательным табаком из нефритовой табакерки! Как мы за чаем угощали друг друга! И как прощались! Он дал мне свою визитную карточку. Сохраню ее. Работал сегодня плодотворно, но под конец утомился. Голова заболела. Кроме записей напевов, произвел тщательный анализ хура. Совсем теперь нет времени. Но о МИКе думаю постоянно.

15/X. 13 ч.

Дежурю. Только что получил 9-е письмо от МИКа. 8-е, очевидно, где-то задержалось. Оно, как оказывается, вложено в книгу Ходасевича⁶².

Все так, как было у нас обоих. Писал перед письмом бумажку в Центросоюз о картонных подошвах на их обуви. Сейчас перепишу фрагменты о китайском столе, написанные ранее. Последнее время ничего не написал за исключением песенки по схеме монгольской частушечной формы. Приведу и ее⁶³.

Фрагменты.

Для неофитов экспедиции
 Любезный наш монгольский друг
 Обед нам дал, каким патриции
 Не угощали их подруг.
 В трущобной лавочке Маймачена
 Накрыт веселый круглый стол
 Со снедью, явно предназначенной
 Затмить гиперборейский стол.
 Миниатюрные тарелочки,
 Где зелень выглядит свежей.
 Смирненно сложенные палочки
 В соседстве вилок и ножей.
 В утеху бранным вождениям
 На скатерти пестреет лес
 Смущающих (пленающих) воображение
 Гастрономических чудес.
 Омлет вареный. Гнилые яйца
 (Их держат много лет в земле)
 Меж ананасов помещаются
 На экзотическом столе.

⁶⁰ Х о р о ч и н ц ы (= хорчин) — народность, язык которой принадлежит к южным монгольским диалектам.

⁶¹ Х а д а к (= хадаг) — продолговатый кусок шелка, как правило, голубого, который преподносят почетным гостям.

⁶² Х о д а с е в и ч В л а д и с л а в Ф е л и ц и а н о в и ч — русский поэт, литератор, представитель «младшего» поколения зарубежной русской литературы. Одно время сотрудничал с М. Горьким в журнале «Беседа». Проживал за границей с 1922 г.

⁶³ Далее следует нотная запись.

Здесь водоросли нашинкованные,
 Рядом — баранья требуха,
 Китайской кухней патентованной
 Из каракатицы уха.
 Бараньи губы. Рыба нежная
 Восточных солнечных морей.
 Я вижу наслажденья прежние
 Давно угаснувших царей.
 А колбаса из каракатицы!
 А черви! А ячменный сыр!
 Наш смех невежливо-раскатистый
 Компрометирует весь пир.
 Вот эту прелесть экзотическую
 Китаец ловко подает.
 Он, как священник католический,
 Брит. В черном. И большой живот.
 И в сне дневном (ведь так мы все устали)
 Плывут китайские божки
 Креветки, лотос, сладко сваренный,
 И яблочные пирожки.

23 ч. 30 м.

Только что вернулся от Ж., к которому пришел в 5 ч. вечера. По поручению П. К. беседовал с ним о Богдо Уле. Затем пришел комендант. Записал от него фонографом 6 эпических песен (12 пластинок, 6 дисков). Затем с голоса записал эпическую песню о ястребе. Очень трудно. Еще записал с флейты мотив, сочиненный комендантом.

17/X. 15 ч.

Вчера ездил на радиостанцию. 3 антенны по 18 саженей. Сильные приемники. Мощность — 25 KW. Станция находится верстах в 4 к востоку от дома Бадмажапова. Буду на днях определять долготу Урги. Вечером был у Ж., был только Дугаржаб. Записал фонографом и на бумагу мелодию флейты его собственного сочинения и эпической песни № 7а и 8а. Затем длительно учил «Ястреба». Прошел купить для Котика сладенького (в честь дня его рождения), и когда вернулся домой, пили все вместе какао. Сегодня был на базаре, купил шанзу⁶⁴ и для МИКа две буддийские иконы, изображающие Каубитха⁶⁵. Сегодня день рождения Богдо-хана⁶⁶.

18/X. 22 ч.

Вчера вечером был у Ж. Разбирался в 4,5-дюймовом рефракторе, который по дороге из Москвы в Ургу переболтался в ящике. Пример-

⁶⁴ Ш а н з а — струнный музыкальный инструмент китайского происхождения.

⁶⁵ К а у б и т х а — буддийское божество, относящееся к классу идамов.

⁶⁶ Б о г д о - х а н (= Богдо-гэгэн) (1870—1924) — последний глава буддийской церкви Монголии, восьмой по счету носитель титула джебцзун-дамба-хутухта, в 1923 г. — глава Монголии, «живой бог», был объектом божественного поклонения вплоть до самой смерти.

но скомбинировал его, но придется еще поработать. Был князь, записал от него № 22 и 23. Кроме того, он пел «Ястреба», по-моему, беднее, чем я. Сегодня днем переписывал и приводил в порядок нотные черновики.

Был у Бадмажапова. Сыграл в 4 руки с Идой Павловной первые части. Было очень приятно. Забыл упомянуть, что вчера по пути на базар зашел к Вязигину и сыграл на превосходном концертном «Шредере», несколько расстроенном, «Прелюд с-m[ol]», «Балладу» и «Странника».

Сегодня буря. Богдо-Ула в дыму снега и пыли. Судорожный сильный ветер. В юрте холодно. Вечером был у Ж. Был Дугаржаб и две певицы, из которых княгиня Боротолгой (*arbiter elegantia* — Урги) замечательно музыкальна и обладает хорошим голосом. Записал от нее № 27, 26 и 25 — от Дугаржаба.

Возился с рефрактором. Возвращался с княгиней на лошади Ж. Ветер, холодно, разорванные тучи, луна. Где-то в глубине зарождается творческое беспокойство.

19/X. 24 ч.

Днем работал с солнечным кольцом и гироастроидом вместе с П. К. В 4 ч. с Ел. П. пошел к Ж. Там показывал луну и другие небесные и земные объекты в 4,5-дюймовую трубу. Потом занимался музыкой. Записал № 27—29 от Дугаржаба. Была еще княгиня вчерашняя. Напела «Кангрену» в фонограф. Вышло очень хорошо.

20/X. 23 ч.

Встал в 6 ч. Вскоре приехал автомобиль, и я, захватив Котика, отправился на радиостанцию определять долготу Урги. После определения осмотрели станцию. Заведующий угостил нас чаем с лакомствами. Затем поехали в город. Проходя мимо нашего дома, увидели первый эшелон верблюдов, входивший в ворота. Съездили в Госторг. Заведующий преподнес мне две пачки русских папирос. Потом поели в китайской лавочке яблочных пирожков. Оттуда направились на квартиру к инструктору связи Сергею Кононовичу Петрову, сопровождавшему нас. Там он мне подарил великолепный спальный мешок. Внезапная русская щедрость. Оттуда поехали в яман, где я занимался с ламой обменом астрономических познаний. При содействии местного картографа Лисовского я унес с собой два интересных документа, касающихся небесного свода и румбов.

Дома под руководством П. К. изучали выючение верблюда. Позабыл сказать о том, что на радио написал письмо. Вечером был у Ж. Сначала смотрели в рефрактор на луну и кровавые облака. «Смушал медлительных монголов астрономической трубой». Затем по обыкновению пели. Был министр внутренних дел. Его придворный музыкант прекрасно играл на хуре. Пробовал безуспешно записать его фонографом. Записал «Кангрену» в исполнении Дугаржаба, на чем фоно-

граф опять сломался. Министр и его музыкант были предельно радостно изумлены, услышав, как я пел «Ястреба» и частушки. Затем долго беседовал с Дугаржабом. Это музыкант божьей милостью. Чуток, талантлив и болен музыкой. Я пел ему свои романсы, Вагнера и др. «Отрада поздняя. Вечерняя отрада!»

22/X. 10 ч.

Вчера с утра П. К., Ел. Вл., Н. В. и Бадмажапов уехали на охоту дня на два. Днем я приводил в порядок музыкальные записи. В 13 ч. записывал показания барометра и термометра и попутно сыграл с Идой Павловной «1-ю симфонию» Бетховена. Играет она неважно, но все-таки было приятно. Потом пошел к А. В. Байкову. Он мне подарил школу для флейты. Потом пошли к Вязигину в составе: я, Ал. Вл., Ел. П., Котик, Симуков, Саранцев. Туда же пришли Дугаржаб, Галсан, монгол, певший № 10, и некоторые другие. Программа концерта была такая: доктор сыграл на флейте под мой аккомпанемент несколько вещей Чайковского и Глазунова, Дугаржаб спел ряд эпических песен и частушек, а я сыграл:

- 1) Романс.
- 2) Похоронный марш.
- 3) Октавный этюд.
- 4) Балладу.
- 5) Странника (дважды).
- 6) Счастье (дважды).
- 7) Природу.
- 8)—10) 3 Альвивильты.
- 11) Моцарта.
- 12) Верь любви.
- 13) Дорогу.

После концерта все пошли в китайский театр. Фрагменты для статей: помещение барообразное, партер, галереи, ложи, столики, лакомства. Чай, галереи перед ложами, надушенные горячие полотенца, жонглерство ими. Шумно. Накурено.

Сцена. Декораций нет. 2—3 стула. Стул изображает стену и ворота в ней. В глубине сцены — музыканты. Действие — на авансцене.

Оркестр. Трубы простые. Хучир 2-струнный. Флейта. Большое количество ударных. Гонг — тускло дребезжащий (высокое *ре*), оловянное блюдо, маленькие тарелки. Звонки, деревянные бруски. 5-тоновый звукоряд.

На хучире мелодии из следующих нот⁶⁷, метр — 2 четверти, четверти и восьмые. Флейта играет в очень высоком регистре. Координация между движениями и ритмом ударных инструментов (например, трясение головой).

⁶⁷ Далее следует нотная запись.

Грим. Белая, черная и красная краски. Длинные черные бороды, (не у всех), прикрепляемые над верхней губой. Белый нос означает лживость персонажа. У некоторых актеров лицо безучастно. Мимика пальцев богата. Во время исполнения приносят иногда тому или другому актеру чай. Красивые костюмы. Маски только у фантастических животных. Несколько пьес в один вечер.

Содержание. Чиновник, не берущий взятки и за это возвеличенный царем. (Деталь: он садится на воображаемую лошадь и долго стоит с поднятой ногой.)

Другая пьеса. Воин отправляется в поход и оставляет жену. Через 18 лет возвращается обратно и убеждается в верности своей жены. Воина с бородой играла 11-летняя девочка! А его жену — мальчик.

После возвращения домой в первый раз использовали папину посылку. Разучивали «Ноченьку»: Котик, С. Ан., Саранцев, Симуков и я. В постели читал урду. Между прочим, в книге Гумилева, по возвращении ее от Ел. Вл., я обнаружил вложенное в нее стихотворение, написанное, по-видимому, ею. Быть может, здесь есть связь с «Балладой».

24/X. 11 ч.

Вчера чувствовал себя несколько нездоровым — грипп. Накануне разучивал песни с юртянами и накричался. Ездил впервые на верблюде (наладил седло). Высоко и довольно удобно. Днем пришла бумага из полномочного представительства. Отъезд откладывается. Вечером пошел к Ж. Там много играл в шахматы. Сначала 3 раза обыграл Галсана, потом стал играть, не смотря на доску, против Галсана, министра внутренних дел и еще одного человека, специально вызванного. Играли долго, я устал и проиграл. Потом стал играть с чиновником и позорно проиграл, подставив слона и ферзя. Жар. Записал с трудом от Дугаржаба № 30—31. Вечером вернулись наши с охоты. Убили трех коз (из них одного самца), зайца и рябчика. Сегодня, вероятно, по случаю получения вчерашнего документа, П. К. в чрезвычайно нервном состоянии. Мне и Н. В. досталось, как и всем. Нам — за то, что не вышли поздороваться. Заставил нас учиться снимать шкуру с коз. Потом несколько успокоился. Мне нездоровится. Вероятно, легкая инфлюэнца.

23 ч.

[Далее следует текст на урду:] Сейчас восемь минут одиннадцатого. Мне надо заниматься языком урду. Сегодня наш начальник позвал и сказал, чтобы я ехал в город Майма и там поменял \$ 600. Я поехал, но не смог выполнить это задание. Потом я зашел в столовую и там кое-что съел. После еды отправился к Жамцарано. Там были хорошие инструменты.

25/X. (Дежурство)

Утром П. К. поручил мне передать подарки министру внутренних дел. Занимался приведением в порядок музыкальных записей. День теплый, зимний, ясный. Н. В. снял нас около юрты. Потом меня и

Симукова в вооружении на верблюдах. Затем мы с Н. В. отправились к Ж. Затем я зашел вместе с Ж. к министру, передал ему подарки и выпил чаю. Вернувшись к Ж., показал Дугаржабу, министру и пр. в трубу разные земные и небесные объекты. Н. В. снял Джигжита с хуром, с ятагой⁶⁸, меня с Дугаржабом и старика, поющего эпические песни. Ятага — древний монгольский инструмент (см. журнал). Засиделись до 9 ч. 30 мин., много пели. Записал по журналу № 32—34. Эпические песни записывались сегодня очень легко. Должно быть, вошел в них. Сейчас хотел воспользоваться редким свободным временем и написать МИКу, но не могу — слишком холодно водить рукой.

27/X. 13 ч.

Сейчас отправляемся на обед, устраиваемый монгольским правительством. Вчера утром занимался музыкальными записями. Днем пошел с Ел. П. и Галсаном на базар. Искали мастера для фонографа. Ели европейские пирожные. Потом пошел к Ж. Описал там ятагу и дзин, который оказался не чем иным, как приобретенным ранее лачитом. Записал у Дугаржаба № 35—36. Было очень трудно. Учил Дугаржаба нотам.

Прибыла к нам вчера последняя партия верблюдов. Сегодня были у нас в юрте два цайдамских монгола. Они пели немного (5-тоновый звукоряд.). Мелодия по сложности — между бурятской и монгольской эпическими (ближе к бурятской).

Вчера Ж. по поводу моей работы сказал: «Ну знаете, у Вас какое-то чисто немецкое упорство». Только что узнал, что папуля решил посадить меня на верблюда. «Это будет стильно», — сказал он при этом С. Ан. Для меня эта фраза загадочна. Ну что же, поеду на верблюде. На днях я узнал от Н. В., что папуля не хочет оставлять меня в Цайдаме. Было очень радостно услышать это.

20 ч.

Только что вернулись с обеда, устроенного для экспедиции монгольским правительством в Монголии. Присутствовали: Петр Кузьмич, Елизавета Владимировна, Елена Петровна, Я, Николай Васильевич, Сергей Антонович, Убугунов с женой, председатель Учкома Жамцарано с супругой, Бадмажапов с супругой, министр внутренних дел Цэцэнхан, министр финансов, председатель ЦКП и еще несколько человек. Была обильная еда, вина, шампанское, на которое я с грустью смотрел. Перепились все здорово. Говорили речи: П. К., Н. В., Убугунов, я (поблагодарил Ж.), Цэцэнхан и Жамцарано. Последний много говорил о моей работе и о неисследованных областях Тибета. (Удар против Цайдама.) Говорил нескладно по форме, так как выпил, но значительно и напряженно. Подарили нам всем голубые шелковые хадаки. Один я ничего не пил и поэтому с досадливой грустью слу-

⁶⁸ Я та га — монгольский щипковый музыкальный инструмент китайского происхождения.

шал все речи, которые, как это всегда бывает в таких случаях, в большинстве были преувеличенно-чувствительными. Одним словом, иероглифы радости. Жамцарано был неискренен в том отношении, что с величайшей похвалой отзывался о путешествиях П. К. Н. В. старался утвердить свое глубокое уважение к азиатской культуре. Чем больше пили вина, тем ощутительнее чувствовалась фальшь. Под конец С. Ан. и Н. В. целовались с каким-то монголом. По возвращении Н. В. философствовал, причем все время икал (очень мне напомнил лицедейства Коли Морина). С. Ан. лег и заливался бессмысленным детским смехом, причем очень смешно говорил разные глупости. Вообще в пьяном состоянии С. Ан. производит много более благоприятное впечатление, чем Н. В., у которого живущие в каждом самолюбие и самолюбование неприятно подчеркиваются. Я же во время обеда и потом думал о странствиях, о МИКе, о милом отце, об одиночестве души и о вечном духовном братстве в веках и мирах. Был один хороший момент во время обеда, когда Н. В. попросил меня вынуть мой хадак и с какой-то детской трогательностью потер о него своим хадаком. Но все-таки движение это стимулировавший его алкоголь в значительной мере обесценил.

28/X. 23 ч.

Вчера вечером прочел вслух Котику, Симукову и Саранцеву Санияси⁶⁹.

Сегодня горькое и неожиданное известие — отстраняются от экспедиции Саранцев и Савельев. Они, мальчики и Ел. П. плачут. Все мы удручены, делают самые ужасные предположения, вскрываются какие-то гнойники. Скверно в юрте. Лишний раз раскрывается во всей низости лживость обычных человеческих взаимоотношений. Жестяные вывески.

Вечером был у Жамцарано. Говорил он мне о буддийских мистических ритуалах (пение толпы в ночном храме, весенние мистерии в природе, восхваление мужского и женского начал в каждом человеке). Был Дугаржаб и монгол Цамба из местных. От последнего записал в черновом виде три эпические песни, от Дугаржаба — «Замутив»⁷⁰ и «Думун»⁷¹ (окончательно отделал их). Сейчас в юрте тихо. Николай Васильевич, Екатерина Петровна и я — пишем. А. Д. сидит и думает. Остальные спят. Настроение у всех подавленное. Милый МИК! Думаешь ли ты обо мне! Я тверд, как прежде, и нежно люблю тебя, как прежде.

⁶⁹ С а н и я с и (𑖦𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔, 𑖦𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔, санскр.) — очевидно, имеется в виду поэма «Гава».

⁷⁰ З а м у т и в (искаж. монг. *Замбутив*: 𑖦𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔 — название народной песни.

⁷¹ Д у м у н (монг. *Дуу монх*: 𑖦𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔𑖔) — название народной песни.

29/X. 24 ч.

Долго занимался английским со своими учениками. По-прежнему удручены отчислением Саранцева и Савельева. Вечером у Ж. записал от Дугаржаба № 2а и 8а, от Б. Ж. — бурятскую песенку. Писал латинский ботанический диагноз для Н. Васильевича].

31/X. 12 ч.

У Ж. вчера днем добывал пропуска для проводимых верблюдов. Препротивное учреждение ГПУ. Уехали Телешов, Эрдэни и Пахомов. Место пастбы — Буху, верст 25 к W от Урги. В 5 ч., как всегда, пришел к Жамцарано. Дописал от Дугаржаба № 8а («Эрдэни сайхан») ⁷². Потом пошли с Дугаржабом и Галсаном к Бадмажапову, предварительно зайдя к Дугаржабу. Хорошо у него в юрте. Ковры и коврики, низенькие скамеечки. Тихие светильники перед *sacra* ⁷³. Хозяйка поднесла мне молочных пенек в твердом виде и холодного кумыса. Тут же дугаржабы (2 маленьких) и киска. У Бадмажапова были Ж. с супругой, С. Ан. и Котик. Дугаржаб пел эпические песни и частушки, играл на флейте. Я много пел: «У моря ночью», «Балладу», «Странника», «Счастье», «Природу», «Садовника», «Вперед», Моцарта, Глюка, «Прелюд с-м[ol]». Сначала разговаривали, потом все притихли. Днем Н. В. в ямане сказал мне что-то о пренебрежении мною рыцарством, что, конечно, меня задело и удивило. Как выяснилось сегодня — это все по поводу этого пьяного обеда в гостинице. Н. В. упрекнул меня в холодности и безразличии, на самом же деле я был не только безразличен, но даже враждебно настроен из-за той фальши, которая лилась рекой на этом обеде. Когда же я сказал Н. В. об его «уважении глубоко к азиатской культуре», он сначала не поверил, потому как был сам поражен. Все написанное им об обеде значительно отличается от действительности. Иначе и не могло быть. Слишком уж сильно пили. В юрте по-прежнему печальные разговоры. (Разговор с С. Ан. и Симуковым о Тибете.) Сегодня узнал от Убугунова последнюю потрясающую новость — С. Ан. также отстранен. Теперь понятны слезы и слова Ел. П. Плохо все это очень.

2/XI. 25 ч.

Вчера дежурил днем. Вечером историческое заседание. Выводы: радикальное изменение намерений после сегодняшних разговоров с П. К. Нравственная оценка. Вечером в темной юрте. Пение Галсана. Монгольский язык. Вечером с Николаем Васильевичем у Байкова. Разговоры о литературе. Журнал «Восток». Владимирцов о книге Петра Кузьмича (последней) ⁷⁴. По возвращении холодно.

⁷² Э р д э н и с а й х а н (ᠡᠷᠳᠡᠨᠢ ᠰᠠᠶᠢᠬᠠᠨ (ᠡᠭᠦ᠋ᠷᠡᠭᠦ᠋ᠰᠡᠨᠠᠭᠤᠨᠰᠠᠶᠢᠬᠠᠨ, монг.) — название народной песни.

⁷³ S a c r a — алтарь (от лат. *sacer*: ᠰᠢᠴᠢᠷᠠᠨᠠᠭᠤᠨ)

⁷⁴ Речь, очевидно, идет о книге П. К. Козлова «Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото».

3/XI

Сегодня — неожиданная радость. Получил письмо от МИКа, кажется, десятое. Длинное и чудесное. Днем ходили с Н. В. в баню. С 5 до 12 был у Бадмажаповых. Там же присутствовали Байков с супругой. Играл «Сонату», «Романс», «Зарницу», «Без улыбки», «Весну», «Сестер», «Костер», «Счастье», «Природу», «Странника», «Ты, шелест», «Пела, пела Пеночка».

Слушали главным образом Ел. Вл. и Ида Павловна. У [Жамцарано] не был. Он передавал по телеграфу, что у них не все благополучно. Утром читал нашим статью Владимирцова в «Востоке» о книге П. К. (последней).

4/XI

Позабыл написать: 2/XI продолжительно в одиночестве ездил верхом к Богдо-Уле. Было очень хорошо. Сегодня днем работал в ямане: обработал записи и написал краткий отчет о работе для ГО.

Потом длинно разговаривали с Н. В. о любви, мистике и пр., и пр. Бездна между нами. Вечером занимался, как всегда, английским, монгольским и индусским. Предположения о желанной экспедиции в Тибет. Расход в экспедиции. «Художественное творчество» Лапшина. О передаче мне денежной отчетности.

5/XI. 18 ч.

Много ездил верхом с Котиком по городу. Менял в Госторге американские доллары на янчаны. Диалог с Williams. Пельмени в русской столовой. Компания: я, Котик, Симуков, Саранцев, С. Ан. (возвращаемся из гостей). Вскоре после возвращения принесли почту, мне — восьмое письмо с «Тяжелой лирой» от МИКа. Долго читал. Потом читал всем нашим (отсутствовал только Н. В.) «Шатер» и «Тяжелую лиру». В последней много хорошего. Не знаю, что делается в Пулкове. Ни от кого из наших не получил ни одного письма.

7/XI. 10 ч.

Рассуждения на тему о «марте». Убугунов и П. К. Смета расходов на проезд. Бурятка у Ел. Вл. Беседа с П. К. Возвышение — «духовный помощник». Вечером у Ж. Штудии в области монгольской и буддийской поэзии с Ж. Поездка в Народный дом. Стереотипные речи. Знакомство с Ринчино. Дома мирная беседа с Н. В. по поводу нашей принципиальной розни. П. К. объявил мне сегодня, что мне придется читать доклад о музыке. Прискорбно. Не знаю, как выйти из затруднительного положения.

8/XI. 10 ч.

Вчера долго катались верхом с Котиком. Привезли от Ж. хур. Потом съездили к Богдо-Уле. Чем ближе к ней, тем она прекраснее и мощнее. Вероятно, во время поездки потерял финский нож. Очень жал-

ко. В ежедневном обиходе он был моей самой нужной вещью. Был у Ж. вечером. Провел там время вдвоем с Дугаржабом. Объяснялись по-монгольски и мимикой. Окончательно исправил «Замутив», «Думун», «Джаргалтай», «Эрдэни сайхан». Записал № 43, придя домой, написал письмо МИКу, которое отправил сегодня. Тема: тибетские комбинации. Затем беседовал с Н. В. на эту же тему. Зима наступает. По ночам сильные морозы. И какие звезды!

9/XI. 11 ч.

Вчера занимался, как всегда, монгольским, английским и индусским. Вечером был у П. К. Записал от Сотбоевой вариант «Алаг сарал»⁷⁵ и № 44—47. За ужином беседовал об Иркутске 1916 г. Потом играл Ел. Вл. и Иде Павловне «Садовника», «Странника», «Костер», «Печать любви».

Ночью дежурил. В Плеядах различаю 12 звезд — такова прозрачность ургинского неба.

8 ч. 30 м.

[Далее следует текст на урду]: Вернулся из Маймачена. Встретил Жамцарано. Играл ему на музыкальном инструменте. Когда я вернулся, мы все немного поели. И я сейчас пойду спать. Моя красивая девочка, ты мне написала? Я хотел бы, чтобы твоя голова была на моих коленях. И так оставаться долго-долго. Я знаю, что снова тебя увижу. Не забывай меня. Сегодня первый день, когда надо учить язык за прошлый раз. Год назад я поклялся, что буду заниматься по 1,5 часа каждый день. Мы были в ресторане, дали обет, каждый из нас дал обещание, я поклялся, что каждый день весь год буду заниматься по 1,5 часа языком урду. А сейчас закончено, и я рад, что я это дело сделал, хотя я и не умею как следует читать и писать на урду, но если я поеду в Индию, то я смогу говорить обо всех необходимых вещах. И все пойму. А теперь я каждые четыре дня буду заниматься урду, а монгольским — каждый день. Сейчас я знаю 200 монгольских слов и немного могу говорить. И это мне нравится. Дорогой мой МИК, наверное, ты сейчас тоже учишь монгольский.

Напряжение в экспедиции по-прежнему тяжелое, беседа с П. К. Я в роли заместителя С. Ан. Дипломатия. Визит к консулу. Управление деньгами и ящиками. Прощай, музыка!

11/XI

Дипломатический визит к Юдину. Шахматная партия. День и вечер у Ж. Работа, предстоящая в Урге. Записал от мадам Ринчино № 48—56. Ринчино прелестно пела корейские песни. Сегодня узнал «приятные новости» — меня тоже собираются отправить в Москву. Любопытно.

⁷⁵ А л а к с а р а л (монг. *Алаг сарал*: ♪Пегий📖) — название народной песни.

13/XI. 11 ч.

Дежурство. Вчера приходил Убугунов. Дразнение. Вечером был с П. К., Ел. Вл., С. Ан., и П. М. на бурятском спектакле. Пьеса с тенденцией. Пренебрежение ко времени и действию. Потом танцы (иркутский!) и игры. Вечером инцидент с лошадью, повозкой и тюрьмой. Бохин, по-видимому, отчисляется за непрекращающееся пьянство.

По поводу спектакля еще: фальшивый бурятский хор и Ринчино. Днем ходил в город по поводу яматов и долларов. Любопытные метеорологические данные. Сегодня ночью минимум (в ящике) — 16 гр. С.

Сейчас:	t — в тени	t — на солнце
11 ч.	−10.8 °C	+31.6 °C
11 ч. 15 мин.	−10.6 °C	+32.2 °C
11 ч. 30 мин.	−12.4 °C	+33.1 °C
12 ч.	−11.8 °C	+30.0 °C

Снег не тает, а испаряется. Вынул термометр из футляра.

14/XI. 23 ч.

Вчера днем отлучался в город. Значительный разговор с Убугуновым. Новый свет на происходящее. Закупки для МИКа. Письмо и посылка. Сегодня прием заместительства С. Ан. Трудно будет. Деньги, ящики, административные заботы. Беседа с С. Ан. о МИКе и дружбе. Вечером концерт в Центросоюзе. Играл «Похоронный марш», «Марш комедиантов», «Пролог», «Любовную мелодию», «Прелюд с-м[ol]», «Октавный этюд», гумилевские романсы, «Балладу», «У моря ночью», «Зарницу», «Верь любви», «Садовника», «Старую песню», «Вперед», «Триаду».

Многое играл дважды. Скромный мальчик! Слушали человек 18. Между ними: П. К., Ел. Вл., Убугунов с женой, Ринчино (она), Жампарано (она) и другие. И туда и назад на автомобиле. После приезда длительные разговоры (мягкие) с Н. В.

16/XI. 20 ч.

Вчера днем уехали наши. Было тяжело. Многие плакали. Пролетариат основательно выпил. Перед их отъездом я поговорил с С. Ан. о МИКе.

П. К. пришел к нам обедать. Тягостно говорил о разных мелочах. Скверно. А С. Ан. был прямо прекрасен. «Ужасно жалко покидать вас всех», — сказал он мне при прощании и неудержно заплакал. Надолго врезались и слова и интонация. Теперь возшла моя печальная «звезда». Получил приказ подтянуть всех. О музыке, наверное, придется забыть. Административные мелочи, канцелярия, деньги и трудные разговоры с П. К. И надолго, может быть. Я даже как-то завидую уехавшим. Вчера вечером беседовал с П. К. об Убугунове. Может быть, безрезультатно. Сегодня целый день мотался по делам. Утром Н. В. в первый раз распустился до того, что нецензурно выразился по отношению ко мне. Скверно до последней степени. Хотя он и повинился, но след все равно останется. П. К. целый день в отвратительном состоянии.

Вечером Галсан пел мне молитвы и тибетские песни. Это было хорошо. В юрте пусто.

18/XI. 12 ч.

Вчера весь день занимался мелочами. И так, наверное, будет долго-долго. Дипломатия с пролетариатом. Беседа с Н. В. об отношениях между людьми. Вечером у П. К. Байков смешил еврейскими рассказами, жена его рассказывала еврейские сказки. Играл «Балладу», Моцарта, «Октавный этюд», «Прелюд с-m[ol]», «Вперед». Беседовал с Ринчино. Жена его пела корейские песни. Днем сочинял, но очень мешали все время.

Когда оранжевый костер
Погаснет в западных просторах
И отсверкают гребни гор
Последним пламенным узором,
А в небе чистом, как нефрит,
Зажжется древний знак молчанья
И славу солнца претворит
В нежнейшее очарованье,
Тогда по улицам глухим,
По площадям пустым и пыльным,
Тоскою прежнюю томим...

Поговорил с Н. В. (сегодня) относительно П. К., Ел. П. (случай в Троицкосавске) и Ел. Вл. Последняя охотилась «сухим, холодным и с сатанинской злобой» лицом. И это сказал Н. В. после всего, что говорил о ней раньше. Поистине, безумны поверхностные отношения людей. Видел во сне маму и МИКа.

20/XI. 24 ч.

18-го вечером был у Ж. Сначала беседовал с его женой. Ее сильно потрясла моя музыка. Может быть, это способствовало тому, что она рассказала мне свою скорбную автобиографию. Потом пришел Ц. Жамцарано, и я долго беседовал с ним о его замечательной деятельности в Монголии. Какая жертвенность, какая воля, какая любовь!

Вчера был опять с дипломатическим визитом у Юдина. Принес почту. Мне писем не было! Н. В. читал письмо (чудесное, я его потом прочитал С. Ан.) и вдруг пишет мне на бумажке: «Вы знаете, что МИК попал под автомобиль?» Помню, что я обратил внимание на то, что он не забыл поставить последнюю «е» в слове «знаете». Во мне все застыло, но я как равнодушный автомат спросил: «Ну, и какие результаты?» И только когда он ответил: «Все благополучно», я понял, что произошло. Вечером написал длинное письмо в Пулково. Сегодня утром в Ургу приехал Свен Гедин ⁷⁶.

⁷⁶ Гедин (Hedin) Свен Андерс (1865—1952) — шведский путешественник Тибета, Синьцзяна, Монголии, Восточного Туркестана.

В 14 ч. он пришел к П. К. Несколько позже пришел туда и я, а потом был вызван Н. В. Умилительно было смотреть на двух азиатских могикан, дружески и весело барахтавшихся в лавине воспоминаний. Свен Гедин необыкновенно бодр, элегантен и красив. Едет на родину, объехав чуть ли не весь свет. Вечером были с Н. В. у Байковых. Чувствовал себя томительно ⁷⁷.

21/XI. 23 ч.

Сегодня опять приехал к П. К. Свен Гедин. К обеду позвали меня и Н. В. Как и вчера, старики плавали во взаимных уверениях и воспоминаниях. По-русски Гедин говорит свободно, но очень неправильно. «Войновают между себе». После обеда пошли к нам. Фотограф-китаец снял обоих путешественников отдельно и затем — вместе со всеми нами. Зашли к нам в юрту. Здесь Н. В., я и Ел. П. попросили Свена Гедина дать автограф.

Вечером был у Жамцарано. Записал от Баян-Ульдзтуя № 57—63. Сегодня, между прочим, утром П. К. сказал мне: «Я могу выразить Вам свою признательность только тем, что произвожу вас в старшие помощники». Заходил днем Убугунов. Опять разворачивался. Даже жалко.

24/XI. 20 ч.

Все эти дни очень много дел. Дежурства, административные прелести, размен ямтового серебра и пр., и пр. Фотографии со Свеном Гедином вышли очень удачно. Третьего дня был у Ж. Записал от Баян-Ульдзтуя № 64—66. Все эти дни стоят очень сильные морозы, с ветром, до 32 °С. По утрам в юрте очень холодно.

П. К. все время в очень тревожном, нервном состоянии. Трудно с ним и очень жалко его. Кажется, простил бы ему все его резкости, часто неприятного свойства. Ответа на телеграммы нет. Верблюды худеют на плохом корму. А выехать нельзя до распоряжения правительства. Надежного помощника по верблюдам и лошадям — нет. Телешов стар.

26/XI. 22 ч.

Вчера целый день прозанимался у Ж. Обработывал напевы Ж. Получил телеграмму от МИКа. Маленькая беспокоится обо мне. Сегодня весь день провел в городе по делам и у П. К. Положение трудное. Верблюды худеют на плохом корму, а выступать экспедиции нельзя, нет разрешения. Завтра предстоит мне серьезно разговаривать с Юдиным. Ужинал у Бадмажапова. Там была мать Иды Павловны — музыкантша. Играл «Балладу», «Странника», «Счастье», «Триаду», «У моря ночью», «Любовную мелодию», «Садовника». Играть было приятно.

Днем изрядная порция внутренней дипломатии.

⁷⁷ В этом месте тетради имеется автограф Свена Гедина.

28/XI. 20 ч.

Вчера произошло печальное событие. Утром, после переговоров с П. К., мы с Убугуновым отправились в консульство для того, чтобы настоять на отправке верблюдов к 5 уртону (150 верст к W по Толе). Только что я начал говорить Юдину о положении вещей, он остановил меня и сказал, что в данную минуту расшифровывается телеграмма от Горбунова Козлову, говорящая о возвращении экспедиции. Подождав телеграмму, я отнес ее П. К. Он принял мужественно и спокойно. Устроили совещание. Вечером я пошел к Ж. Там записал четыре кобдоские⁷⁸ мелодии (№ 68—70), беседовал с Ж. об экспедиции и потом — о различных оккультных достижениях, практикуемых в Средней Азии. Сегодня утром после второго совещания (П. К., Убугунов и старшие помощники) отправили телеграмму Горбунову с просьбой о разрешении зимовать в Монголии или же, в крайнем случае, вернуться временно в Москву, оставив баланс в Урге. Целый день, как всегда, провел в скучных административных заботах.

4/XII

Все эти дни провел в постоянной мелочной работе. Забот много, результаты их не видны. П. К. уезжал в Сонгин на несколько дней. Н. В. и Ел. П. — на пастбище. Единственные ценные часы за все это время были у Ж., где я провел пятницу и ночевал, а также вечер воскресенья (№ 71—78). За этой работой я отдыхаю. Дома же не успеваю ни заниматься сколько-нибудь сносно, ни писать писем, ни вести дневник. В довершение всего исчез из денежной коробки 5 р. золотой. В субботу был в бане, а потом долго пел и играл у Терезы Людвиговны незнакомую фортепианную пьесу 71-го опуса Грига, затем арии из Игоря (вспомнил так живо Ширлево и Пулково), потом какие-то неизвестные второстепенные немецкие романсы. Потом свои вещи! Было приятно. Вчера получил письмо (маленькое) от МИКа. От 23 октября. Взволновался как всегда.

8/XII. 20 ч.

Истекшие 4 дня провел главным образом в непрерывном старании продать верблюдов и привести в порядок отчетность. В свободные часы записывал у Ж. Ночевал там, дома был мало. Число напевов достигнул до 100.

Постоянные неприятности и недоразумения. По мере сил стараюсь сглаживать острые углы, но иногда это очень трудно. Инцидент из-за валенок Эрдэни. Эрдэни дает мне на чай. Возился с серебром. Состояние П. К. чрезвычайно изменчиво. Недавно, будучи по делам в Центросоюзе, поиграл там немного — отвел душу.

Сегодня приехали с пастбища Н. В. и Ел. П. Отдохнули там в тишине. А у меня такое чувство, что я каждый день балансирую на кана-

⁷⁸ К о б д о — город, центр северо-западной части Монголии.

те. Сколько ежедневно приходится проявлять такта, терпения, предусмотрительности и осторожности. Школа!

10/XII. 23 ч.

Вчера и сегодня главным образом проводил время в заботах о продаже верблюдов. Вечером был у Ж., записал от Дугаржаба № 95, 96. Настроение в экспедиции по-прежнему беспокойно-выжидательное.

29/XII. Вечер

Вот впервые в моем дневнике такой большой перерыв. Однако за эти 19 дней фактического материала накопилось мало. Неопределенность положения экспедиции до сих пор не разрешена.

31/XII. Вечер

Продолжаю. Сегодня приехал новый консул Васильев⁷⁹, который, вопреки ожиданиям, ничего не привез с собой. Вызывал для собеседования Ел. П. К экспедиции относится сочувственно, и, по видимому, его слово будет иметь в судьбе экспедиции большое значение. Во всяком случае, придется запастись еще дозой терпения. Теперь о хронике. Живем мы шестером в юрте: «интеллегенция» (так!) и Гусев. Живем дружно. Вместе встречали праздники. Я играл им у Вязигина, потом обедали в русской столовой. Затем, на третий день праздника, был обед у нас. Вся экспедиция + Бадмажаповы уместились у нас в юрте. Пили, ели и пели (граммофон).

17 декабря я разделался с верблюдами, продав их Госторгу. Помучили они меня. В сочельник ходили смотреть шаманку. Любопытно, но не увлекло. Профессия, а не энтузиазм. У Жамцарано занимался порядочно. Общее число записанных мелодий достигло теперь 135. Сам не писал ничего. Хозяйство и администрация мешают. Надоедливо, но неизбежно. С П. К. отношения совсем наладились. Я к нему приспособился, и он ко мне тоже, кажется, привыкает.

Прочитал нашим вслух «Мистерии». Маленькая не должна обижаться на меня за это. Я так много вспомнил при этом чтении. Читал и еще кое-что вслух: «Пана», «Балладу Редингской тюрьмы», Джерома про гуся. Чаше заходит теперь к нам Ел. Вл. Как-то мы с ней очень интересно поговорили. Впрочем, говорил главным образом я — о магии. Вчера она мне дала «доверительно» своеобразную анкету с вопросами, касающимися опыта жизни и мирозерцания. Я эту анкету заполнил, но оставил ее себе, а ее попрошу переписать.

На днях были в Гандане⁸⁰, на философском ламском диспуте. Задали момент, когда ламы пели что-то вместе перед изображением Будды.

⁷⁹ Консул Васильев — имеется в виду А. Н. Васильев, бывший в 1923—1926 гг. советским полпредом в Монголии.

⁸⁰ Г а н д а н (= Гандантекчинлинг) — один из самых крупных буддийских монастырей в Монголии. Основан в 1838 г. по инициативе 5-го джебзундамбы-хутухты. В 1930-е гг. разрушен, в настоящее время восстановлен, является действующим, с 1970 г. в нем функционирует Буддийская Духовная академия.

Простые напевы молитвенные они поют довольно приличным унисоном, но более сложные поют и параллельными квартами, и п. секундами, и п. квинтами — как придется! Впечатление замечательное.

А Богдо-Ула по-прежнему льет отраду.
Ночь, ты даешь отраду мне,
Такую старую отраду
Бродить в морозной тишине,
Смотреть на звездные лампы.
И думать, что весь пестрый звон,
И гам, и суета дневная,
Назойливый, нелепый сон
Пустынного, глухого края.

Получил сегодня письмо от МИКа от 6/XII. Так хорошо. Она верит в то, что мы увидимся. Может быть, эта минута и придет.

1924 год

10/I. Вечер

1 января прибыл новый полпред Васильев, на приезд которого мы все возлагали большие надежды. Мои соображения о причине задержки экспедиции, столь оспариваемые П. К., оправдались. В Москву для улаживания дел, по совету консула, едет одна Ел. П. Шансов на дальнейшее путешествие очень немного, но все же они есть. Откомандированы от экспедиции Телешов, Степанов, Худяков, Касимов и Помытов. Последние уехали вчера. Осталась хорошая компания. Но все от безрезультатного ожидания нервничают. Получил от МИКа письмо. Страдает от того, что не пишу. Ответил ей.

В моей личной жизни два новых события: сближение с Ел. Вл. и поездка в Мандал. Ел. Вл. я дал прочитать «Христос и христианство». Книга произвела на нее огромное впечатление. Еще до этого она попросила меня заполнить своеобразную анкету с вопросами, ответы на которые должны выяснить в главных чертах мировоззрение. Дала она мне прочитать кое-что из своих личных заметок, а также вчера — довольно обстоятельные впечатления о книге. Я не ошибся в ее характеристике. Только не думал, что напряженность ее духовной жизни так значительна. По ее словам — я ей много дал. Это радостно.

Поездка в Мандал (50 верст к северу от Урги) вышла замечательной. Отправились мы прощупывать почву для большой облавы втроем: я, Н. В. и Котик. Выехали на лошадях утром 5-го, приехали в тот же день вечером. В Мандале пробыли 2 дня, выехали 8-го утром обратно и в тот же день поздно вечером приехали домой. В эту поездку впервые для меня с потрясающей силой раскрылась красота Монголии. Сумрачные горы, то голые, то покрытые лесом, то изобилующие дичью, безлюдье и надо всем — пламенная и неповторимая игра затененных красок. Были ясность, холод, тишина и ничем не омраченная

красота леса и гор. Подниматься верхом на вершину и покоить взгляд на море гор! Бродить с винтовкой по лесу, который кажется мертвым, но дышит осторожной и таинственной жизнью, видеть косуль, мелькающих, как призраки, среди деревьев. Смотреть на орлов, увенчивающих утесы. Возвращаться к очагу с добычей на плече, усталому, голодному как зверь, пьяному от лесного воздуха. Не забуду этих дней.

20/II

Заимка О. Я. в Баин Булаке.

Воспользуюсь свободным временем, чтобы отметить все самое существенное за истекшие 2 месяца. 28/I уехала в Харбин Ел. Вл., а 29/I — в Москву Ел. П. хлопотать за экспедицию. Таким образом, в нашей юрте осталось 7 обитателей: я, Н. В., Пахомов (оставленный в экспедиции по моей просьбе), Котик, Симуков и Гусев. Юрту перенесли к югу от барака, что позволило отказаться от надоевших всем дежурств. Я как будто нашел надлежащий *modus vivas li* с П. К., а это хорошо отзывается на ежедневной жизни экспедиции. Единственное оставшееся темное пятно — это взаимный антагонизм между П. К. и Н. В., который, несмотря на мои старания, боюсь, усиливается. Я, для сохранения дружеских отношений с Н. В., совершенно перестал разговаривать с ним на отвлеченные темы, и вижу, что сделал очень хорошо. Нет волнений.

О работе (моей).

У [Жамцарано] я больше не работал. Ему нужно дать отдых. За все это время сделал лишь несколько случайных записей, общее число которых к настоящему времени достигло 150. Предварительный отчет о моей работе послал в Географическое общество. Из него же отрывки 3 раза печатались в газете «Заря» (ургинская) со 2 по 10 февраля⁸¹. Был в экскурсии на Толе, верстах в 40 к востоку от Урги. Поехал туда поохотиться на волков и рысь, а вместо этого открыл памятник VII — IX века (каменная статуя и плита саркофага, торчащие из земли). Кроме того, привез серию мелких цоу⁸² и бурханов⁸³, взятых мною в гранитной пещере в долине Убуз. Ездили мы на ту охоту вместе с Владимиром Васильевичем Драгоценным, служащим в Цырик-ямане⁸⁴, действительно драгоценным спутником. Ходили по долинам, лазали по горам, две ночи провели в лесу у костра. Было по-звериному хорошо. Подробный отчет об этой экскурсии написал для П. К. Он остался им, а также моими открытиями очень доволен и даже как-то воспрянул духом в нашей атмосфере мрачного бездействия. Результатом

⁸¹ Полный отчет о работе С. А. Кондратьева появился на русском языке в «Известиях РГО» (СПб, 1924. Т. 5. Вып. 1) под названием «О работах по изучению монгольской музыки в октябре—декабре 1923 г. в Урге».

⁸² Цоу — монгольская ладанка.

⁸³ Бурханы — иконографическое или скульптурное изображение будды.

⁸⁴ Цырик-яман (монг. *цэрэг яаман*) — военное ведомство.

явилось *motto*⁸⁵ в сторону археологических разведок и открытий. И вот сегодня я вновь выехал на север в Дзун-Модо⁸⁶, уже на более долгое время и соответствующим образом снаряженный. (Вместе с Пахомувым и Ежо.) Первый раз пострелял из дробовика птичек.

Играл сравнительно немного: дважды — для наших экспедиционных любителей и один раз в Центросоюзе для консула. Было человек 30—40. *Night Life*⁸⁷ — Урги.

В последнее время частенько поигрывал в 4 руки с И. П. Бадмажаповой. Сам Ц. Г. уехал в Китай. Играем Бетховена, Мендельсона, Грига («Сигурд Йорлсафар») и Рахманинова («Баркарола № 4»). Последняя очень красива.

Занимались (правда не систематически) с Симуковым и Котиком английским. Выучил их обоих, а также Гусева и Пахомова играть в шахматы. Теперь они половину времени проводят за ними. Сыграли один турнир, в котором I место занял Котик (100 %!), за что получил плитку шоколада. Я очень рад, что сумел развлечь их немного. Играл два вечера в шахматы с консулом. Это самый приятный и самый сильный из всех знакомых мне игроков в Урге. Он сдержан и строг. Пока выиграл у него 7 партий. Вообще в консульстве время стараются проводить весело. Сам Васильев постоянно ездит охотиться. Потом каждую неделю у него собирается молодежь поесть, попить и поговорить. Сам консул умен, жив, толст и вышколен. Голос зычный, манеры открытые. Вообще примечательная фигура! Еще новая фигура — Нина Павловна Шастина — милая барышня, пишущая стихи. Получил наконец известия из Пулково от папы и объемистое, содержательное письмо от Сони, три письма от МИКа и одно от С. Ан. Сам отправил письма домой, МИКу, С. Ан. и — ругательное — в ГИМН (по поводу фонографа). К МИКу отношение прежнее — непоколебимое.

С 300 по 305 стр. список зверей и птиц, убитых мною в течение экспедиции. С 306 стр. — путевой дневник настоящей рекогносцировки (начатый мною сегодня).

20/II. 22 ч.

Заимка Ежо в Баин Булаке.

Выехали из Урги (я, Ежо и Пахомов) в 14 ч. Сильный встречный ветер северо-северо-восточный. Дорогу перемело. Верстах в 3 от города в долине Сельбы стоит часовня (капитальная постройка, красный цвет, деревянная крыша пагодной формы). Внутри нечто вроде алтаря для отправления культа. С внешней стороны в углублениях южной стены много глиняных цоу и бурханов. Надо взять на обратном пути. Часовня построена у отдушин Сельбы. По словам Ежо, воду от-

⁸⁵ *Motto* (= *moto*) — музыкальный термин, обозначающий движение. Обычно употребляется со словом *con*, обозначает убыстрение темпа.

⁸⁶ Дзун-Модо (монг. *Зуунмод*) — местечко в 90 км на юго-восток от Улан-Батора.

⁸⁷ *Night life* (очевидно, *night life*, англ.) — ночная жизнь.

сюда пьют больные раком или катаром желудка. Около отдушин, верстах в 10 от Урги, на левом берегу Сельбы — небольшая еловая роща. Все покрыто наледью, легко проламывающейся. Под ней вода. В роще видел сорок и ворон. Убить не удалось. Приехали на заимку в 18 ч. 15 м. Монголы предупредили Ежо о том, что ламы сказали о предстоящем в этот вечер затмении луны. Действительно, в 21 ч. 45 м. уже 0,35 диска было закрыто полутенью. Далее затмение протекало следующим образом⁸⁸. Весь вечер луну сопровождало обычное гало⁸⁹ (довольно бледное), в 30 градусов в диаметре. Лег спать. Один местный бурят следующим образом объяснил в кухне у Ежо механику лунного затмения. Какой-то большой человек ее съедает, а потом луна выходит у него сзади. Я ему сказал: «Это пустяки! Луна затмевается оттого, что солнце освещает землю, а земля тенью своей покрывает луну». Бурят подумал и сказал: «Это тоже верно».

21/II. 22 ч.

Мандал. Дом Воробьева⁹⁰. С утра охотились в Баин Булаке. Видели стадо коз (8 голов). Встретил в лесу кедровку. По ернику в обилии чечетки. Одну убил. Погода скверная. По-прежнему сильно метет. Ежо и буряты уговаривали переждать и не ехать дальше. Но я решил двинуться. Около солнца в мглистом от пыли воздухе было обычное гало. К моему изумлению, оно проектировалось на склоне пади. Выехали по холоду и буре в 12 ч. Ехали через Харганат. Высота перевала (относительная) 1400 футов. Опять видели коз (голов 6).

В долину Мандала въехали непосредственно после захода солнца. Стемнело из-за мглы быстро. Дорога поминутно ускользает от нас. Мы начали плутать. Только в начале 9-го приехали, наконец, в Мандал. Правило: не всегда можно доверять даже местным жителям в сведениях относительно пути. Нас всячески отговаривали ехать через Харганат, уверяя, что там дорогу совершенно замело. Но я все-таки рискнул отправиться по этому кратчайшему пути. И дорога оказалась менее исковерканной метелью, чем какая-либо другая часть пути. К концу трудного пути Пахомов, сильно проголодавшись, несколько скусился. Ежо же был великолепен: неутомим и жизнерадостен.

22/II

Мандал. Дом Воробьевых. С утра поехали в Сугунур⁹¹. Погода становится лучше. В Сугунуре я с Пахомовым прогуливался вверх по

⁸⁸ Далее помещен рисунок лунного затмения.

⁸⁹ Г а л о — светлое кольцо вокруг диска Солнца или Луны, возникающее вследствие преломления света.

⁹⁰ В о р о б ь е в — имеется в виду Павел Иванович Воробьев, в то время советник в Монголии, затем научный сотрудник Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.

⁹¹ С у г у н у р (Сугнур) — селение в пять домов в одной из падей Хэнтэя, в 80 км от Улан-Батора.

долине верст за 7. Окаймляющие хребты высоки (до 1500 футов). Северный склон покрыт лиственницей, южный — гол и каменист. В долине березняк, ивы, тополь, лиственницы. Из птиц видел в обилии чечеток. Встречались синицы. Далее видел поползня, пестрого дятла с красной головой и пестрого дятла с желтым хохолком на голове. Последнего убил. Пахомов кроме этого видел сойку и убил птицу свиристель, гималайская разновидность которой имеет красную полосу вместо желтой на хвосте. Сегодня же приехал с охоты Тугаринов. Привез кабана. Через два дня он едет в Ургу. Написал ему записку для П. К. Возвратились в Мандал с закатом. Погода, кажется, устанавливается. Купили крепкие сани за 2 янчана. Вчера вечером у меня вдруг остановились часы. Очень неприятно. На гумнах и навозных кучах в обилии воробьи и вьюрки. Попадаются и рогатые жаворонки.

23/II

Вечер после захода солнца. Китайская фанза у впадения Дзурунтая в Хунцал. Сегодня в 8 утра выехали из Мандала в Дзун-Модо. Дорогу совсем перемело. С Мандала вел съемку вплоть до данного населенного пункта, куда пришли около 3 часов. Верст 10 к северу от Мандала долина реки сильно расширяется. Здесь с востока Хора принимает Сугунур и Баин-гол, а с запада — Хунцал и Гуджиртэ. Хунцал при впадении течет каньонистыми рукавами. На отвесных обрывах множество нор. Повсюду пищат суслики. Хребты, окаймляющие Хунцал, почти безлесны. Клочками на теневом склоне растет лиственница. Долина реки покрыта дересуном. По дороге попадались следы лисицы и зайца. Птиц никаких не встречалось, не считая воробьев и вьюрков у жилья. Остановились в скудной китайской фанзе в 17 верстах от Мандала. Маленький поселок насчитывает 3—4 фанзы, да в версте к северу по долине Дзунмандал — еще 2. Китайцы занимаются здесь хлебопашеством. Сеют пшеницу. Сейчас 6 ч. Вечер длинен. Займусь описанием китайской фанзы ⁹².

24/II

Утро до восхода. Видел во сне последовательно и ясно множество добрых знакомых: папу, мамочку, Веру, Надю, Соню, дядю Гришу, Льва Михайл., Колю Моруна, Катю Морину, А. Апол., Иванова, Костинского, Вильева, Павлушу.

21 ч.

У костра рядом с заброшенным зимовьем в верховье Дзурумтэ (32 версты от Мандала). Сегодня в 8 ч. утра выехали от китайца и вплоть до 4 ч. дня поднимались по Дзурумтэ. Вел все время съемку. Идти все время было трудно: нет дороги, глубокий снег (до 1,5 фута) и значительный подъем. От фанз 11 верст путь идет в северо-восточном направлении по однообразной долине Дзурумтэ. С обеих сторон голые

⁹² Далее помещен рисунок фанзы.

горы. Единственные встречающиеся живые существа — суслики, все время аккомпанирующие своим писком нашему медленному шествию. Одного я убил первым номером дробы. На 12-й версте от фанз долина встречает хребет и поворачивает на север. Местность резко меняет характер. У русла реки появляется кустарник. И северные и южные склоны гор покрываются лесом (сосна и — в меньшем количестве — лиственница), рельеф становится более капризным, и в самом месте поворота выполнение хорошего плана потребовало бы больше времени. В этом пункте сливаются, по-видимому, 3 речки. Основное русло Дзурумтэ — восточное. Версты через 3,5 река опять поворачивает на северо-запад, сейчас же за поворотом — избушка, место нашего ночлега. Сегодня на планшете пришлось вычертить солнечные часы. По ним легко отсчитывать время с точностью до 10 минут. Погода прекрасная. Тихо, ясно и не слишком холодно. Попавшийся нам сегодня встречный путник из Дзун-Модо всячески уговаривал нас вернуться и ехать объездом по тракту: на предстоящем нам перевале снега до 2 аршин. Ежо струхнул. Я, однако, решил пойти по этому кратчайшему и наиболее интересному для нас пути. Под вечер подошел к нам пешеход — китаец, идущий на юг. Покормили его и оставили ночевать.

25/II

Квартира Алексея Александровича Кузнецова⁹³. Стан Дзун-Модо. Сегодня ночью было холодно. От мороза часа в 3 проснулись. Беседовал с Ежо. Затем опять заснули. В 7 ч. утра вышел с Ежо на разведку. Могильные курганы оказались тут же рядом. Насчитал их 8. Все осмотрел и записал в масштабе 100 см в 1 дюйме. С внешней стороны курган представляет небольшое возвышение (2—3 фута) круглой формы, с воронкообразным углублением в середине. Размеры окружности 110—170 шагов. В трех из них нашли старые крепы, сохранившиеся в кургане, где работал Ежо. На глубине примерно 1,5 сажень в деревянном колодце замерзшая масса. Во время съемки видел чечеток, дятла и сойку. Снег до 2 футов. Кончил съемку к 10 ч. Пришли на стоянку, отдохнули и двинулись дальше. Через перевал спустились в верховья Судзуктэ⁹⁴. Там сейчас же после спуска, в долине, на площади около 1 десятины сосредоточено от 12 до 15 подобных же курганов. Никакой съемки не делал, так как было уже поздно, а пройти еще оставалось порядочно. Пересекли долину и поднялись на хребет в ее северо-восточном углу. Ежо сообщил, что несколько ниже по долине есть еще ряд аналогичных курганов. В полуверсте от перевала

⁹³ Алексей Александрович Кузнецов — представитель Монго-лора, бывший служащий прииска. Позже оказал большую помощь своими знаниями горного дела при раскопках Ноин-Улы.

⁹⁴ Судзуктэ — река и падь у горы Ноин-Улы, где располагались приисковые постройки, в которых устроили свою базу члены экспедиции.

расположен стан из 15—17 домиков при Судзуктинском прииске. Теперь там живет только один караульный. Заходили в штольню. Взял оттуда образец пород, также — с перевала. На перевале я задержался некоторое время. Вид с него величественен и прекрасен. Здесь хребты образуют узел и ряд замкнутых падей, которые дают начало Судзуктэ на юго-западе, Баин-голу на северо-западе, Бальбуку на востоке и Дзурумтэ на юго-востоке. На юго-западе выделяется мощный горный массив, ограниченный Судзуктэ с севера и Дзурумтэ с востока. И всюду — теряющиеся в далеких горизонтах горы. После перевала дорога идет спиралями по крутым склонам, спускаясь к стану Дзун-Модо. В некоторых местах в предупреждение обвалов устроены бревенчатые подпорки, в других — мостики. Видно, что дорогу прокладывали русские специально для связи между прииском Судзуктэ и станом Дзун-Модо. Как только глубоко внизу, в долине, похолодало, я прекратил съемку, которую в масштабе 1 верста в дюйме вел на протяжении 40 верст от Мандала. Можно было наконец сесть в свои сани, и мы быстро проехали последние 6 верст. Приехали в стан около 6 ч. Заведующий приисками А. А. Кузнецов очень гостеприимно встретил нас. Отогравшись, я приступил с ним к обстоятельному разговору, из которого окончательно выяснилось, что все осмотренные мною курганы представляют собою могилы, а не шурфы. Затем я переговорил с ним относительно всех подробностей предстоящих раскопок. Позже отдыхали и слушали интересные рассказы хозяина — опытного охотника. Сейчас утомившиеся спутники спят. Засну и я, с приятным сознанием, что наш трудный путь пройден не даром.

26/II

Сегодня на рассвете я, Володя и А. А. Кузнецов отправились на коз. Пройдя с полверсты вниз по течению реки, мы свернули на хребтик одного из северных распадков. Идти вверх было трудновато: круто, глубоко и снежно. Дойдя до половины хребта, заглянули в восточную падь, где, по предположению Кузнецова, должны были быть козы. Действительно, вверху пади мы увидели двух уходящих к северу коз. Сделав еще маленький обход, увидели ниже табун в 5 коз, шагах в 300, по которым мы и открыли стрельбу. Козы пошли на восточный хребет пади. Мы сделали выстрелов 15. У меня заело затвор. Повозившись с ним добрую минуту, я выстрелил еще раз и убил гурана на расстоянии 350 шагов. Пошли к убитому гурану, освежевали его и решили пройти еще по гриве распадка на хребет поискать тетеревов. Но едва мы дошли до гривки, как А. А., заглянув в смежную падь, съезжился и прошептал: «Козы!» Заглянули и мы. В небольшой котлообразной малой пади мы в 150 шагах увидели трех коз. Они стояли и прислушивались. Мы тотчас же начали стрелять. Очень быстро я свалил гурана. Через несколько секунд Володя другого. Коза же пошла прямо на нас. Володя волновался, кричал, ругал козу: «У, тварь», стрелял

в нее, но мазал. У Алексея Александровича вышли все патроны. Володя выстрелил последний. Коза продолжала идти на нас. Я сделал несколько шагов вперед, положил винтовку на ветку кустарника и выстрелил. Пуля попала в грудь и вышла из ляжки. Коза сразу упала. К этому времени она уже успела подойти к нам на 60—70 шагов. Освежевав зверей, мы с А. А. поволокли их на веревках вниз по пади к дому. А Володя отправился за первым гураном. Вернулись домой в 9. Через некоторое время пришел от супруги Баллод Ежо и принес хранившиеся у нее остатки вещей, выкопанных из могилы на Дзурумтэ: несколько мелких обломков листового золота (один с инкрустацией), маленькие кусочки сероватой материи, которой были обклеены стены комнат, кусок дерева, отполированный с двух сторон, прядь черных волос и змея из прозрачной оранжевой массы, напоминающей не то янтарь, не то канифоль. После обеда я пошел охотиться на птичек. Проходил часа 3, но не видел ничего, кроме чечеток. Уже подходя к дому, увидел сойку, которую и убил. Но вечером ее съела кошка. Экспедиции положительно не везет на соек. Вечером с удовольствием слушал у А. А. патефон. Было очень приятно. На вечерней заре Володя и Ежо ходили опять за козами, но безрезультатно.

27/III. 7 ч.

Утром, перед отъездом из Дзун-Модо, зашел к нам Баллод. Они с детьми бедствуют чрезвычайно. Подарил им тушу гурана. Деметиста Макаровна Баллод передала мне образчики, оставшиеся после мужа. Получил от нее письмо к Китову, у которого хранятся несколько вещей из раскопок Баллода, на предмет передачи их экспедиции. В половине десятого уехали из гостеприимного дома Кузнецова. Проехав версту вниз по течению, повернули на северо-восток, объехав таким образом высокий Урт-дабан. По отличной дороге мы быстро проехали 30 верст и уже в половине второго были на поле. Недалеко от устья мы через полчаса выехали в экскурсию на гору в 2 верстах к югу. Там я осмотрел «каменную тропу», про которую мне сообщил Кузнецов. В южном распадке скалы находится конусообразное углубление с отдушиной вверху. Высота его 5 аршин, площадь основания 1½2 сажени. В задней части углубления сделан пьедестал, обмазанный глиной с внешней стороны. Высота его 1 аршин. На стенах перед сводом надписи на незнакомом мне языке и на монгольском. Стены покрыты густой копотью. Перед входом маленькая терраса, сложенная из обломков скалы. Терраса эта расположена на другой террасе аналогичной конструкции, но больших размеров: 3½4 сажени. Помещение, по-видимому, необитаемо уже много лет. Масса голубинового помета. Пахомов нашел за одним из камней старинный бурханчик, глиняный, с позолотой, на обратной стороне которого начертана надпись на неизвестном языке. Взял образчик породы с надписью. К западу, у подножия горы, находится 6—7 курганов, подножия которых кругообразно обложены прерывистой ли-

нией камней. Детальное рассмотрение невозможно из-за глубокого снега. Вечером на стойбище стрелял куропаток, которые здесь весьма многочисленны. Убил 9 штук.

29/II. 20 ч.

Заимка Ежо. Сначала опишу вчерашний день. Выехали из конторы на казенном поле в 7 ч. 30 мин. Перед отъездом я все-таки забежал на стойбище и убил еще 3 куропаток. Затем отправился вверх мимо заимки Кузнецова. Вскоре свернули в один из восточных распадков. Поднявшись на перевал в его верховьях, спустились в долину Хары, сократив таким образом расстояние верст на 15—20. Хара в этом месте напоминает Толу около Баин-Зура. Та же ширина долины, тот же тальник по руслу, похожие окаймляющие хребты. Дневной привал сделали у устья Тунгулика, правого притока, вблизи большого дацана. Решили остановиться в китайской фанзе. На просьбу Ежо вскипятить воду для чая хозяин взял его за рукав и, выводя, сказал: «Здесь нельзя кипятить воды, идите в другое место». Тогда мы предложили китайцу отправиться с нами в цырик-яман (военное ведомство) в курень⁹⁵, после чего он сделался в высшей степени любезным, и мы исправно отдохнули у него. Он напоил наших лошадей, кипятил нам усердно воду, мыл чашки. Я ему дал 50 коп., и мы отправились дальше. Верст 5 выше Тунгулика видели лисицу, в которую безуспешно стреляли. Она быстро перебежала через долину, вспорхнула на хребет и скрылась за гребень. Примерно в этом же месте Хара меняет свой характер. Долина сильно сужается, делается извилистой, высокие скалы, покрытые листовенницей, как бы сдавливают ложе реки. После захода солнца наблюдал на западе интересное явление, которое замечал и в Урге неоднократно, но объяснял отсветами городских огней. Матовый конус, потом зодиакальный свет, на фоне которого гребни гор видны были отчетливее, нежели в других сторонах. Вершина конуса доходила до Плеяд. Вот его примерное топографическое положение⁹⁶. Конус был так же отчетливо виден и после захода Венеры. Уже часа через 2 после захода мы въехали наконец в долину Мандала, в то место, откуда я начал вести съемку. День был утомительным. Лошади устали, Ежо несколько пал духом, все озябли. Наконец, уже в 21 ч. 30 мин., прибыли к Воробьевым, сделав, таким образом, 60 верст в 14 часов.

Сегодня выехали из Мандала около 11 ч. Ежо купил иноходца, и мы покатали к дому. По пути я еще раз оперативно измерил высоту перевала Харгахара и его длину. Оказалось, что при длине главного спуска (так!) высота изменяется на 100 сажен. В 16 ч. 30 мин. приехали в заимку Ежо. Я пошел на северный хребтик посмотреть коз, но не видел ни одной.

⁹⁵ Курень — группа юрт.

⁹⁶ Далее помещен рисунок.

1/III

Заимка Ежо.

28/III

Прииск Судзуктэ. Идет снег. Метет. Безвыходный день. Вот что было в марте. Вернулись мы в Ургу 1-го числа, прихватив с собой по пути десятка 2 бурханов из кумирни на Сельбе. Приехав домой, я узнал, что П. К. с Н. В. и полпредом уехали на охоту в Дзун-Модо. Я сейчас же принялся за составление отчета, который и окончил к приезду П. К. 9 марта. Мои переговоры с П. К. относительно немедленной организации работ на Дзун-Модо привели к благоприятному результату, и весь период с 5 по 20 марта прошел под знаком приготовлений и подготовлений к предстоящей экскурсии.

Кажется, 11 марта приехала Ел. В. с Бадмажаповым из Китая. Ел. Вл. привезла мне несколько красивых вещей, которые я вместе со шкурами гуранов отправил МИКу. Как-то вечером Ел. Вл. читала у нас в юрте свои впечатления о Храме Неба в Пекине и об Южной Гоби. Кроме того — о новгородских лесах. Все очень задушевно, местами сильно, но форму портит смешение мыслей философского масштаба с мелкими натуралистическими замечаниями.

Начало марта мы почти ежедневно играли с Идой Павловной в 4 руки. Грига, «Баркаролу» Рахманинова оп. 11, венгерские танцы и первые симфонии Бетховена. Было очень приятно. С приездом Бадмажапова это прекратилось.

Один раз играл много у Салтыкова для наших (все, кроме Гусева и П. К.) и Ринчино. Играл неважно, но все же было очень хорошо. В юрте у нас по-прежнему много играют в шахматы. Отношения между П. К. и Н. В. по-прежнему скверные. Я как-то с горечью высказал последнему об этом. Виноваты обе стороны. Но Н. В. должен уступить старшему, а не закусывать удила. Я рад, что Н. В. уезжает с полпредом в Пекин. По крайней мере, я буду избавлен от тех неприятностей, что оба говорят друг о друге.

От МИКа получил два письма. Оба какие-то надтреснутые, печальные. Трудно ей, бедненькой, со мной. Такой странный цветок — наша любовь.

Вот стихотворения и два фрагмента, написанные мною в январе:

Когда оранжевый костер
Погаснет в западных просторах
И отсверкают гребни гор
Последним пламенным узором,
А в небе чистом, как нефрит,
Зажжется древний знак молчанья
И славу солнцу претворит
В нежнейшее очарованье,
Тогда по улицам глухим,

По площадям пустым и пыльным
Тоскою прежнюю гоним
Пойду бродить в ночи всеильной.
Ночь! Ты даешь отраду мне,
Такую старую отраду.
Бродить в морозной тишине,
Смотреть на звездные лампы
И думать, что весь пестрый звон
И гам, и суета дневная —
Назойливый, нелепый сон
Пустынного, глухого края.
Урга! Раскрашенный волап!
Ты здесь упал архипелагом,
Заброшенный из дальних стран
Неосторожным великаном.

Последнее четверостишие было приписано попозднее.
Фрагмент:

Небо раскинулось шатром.
В тридцатиградусный мороз
Мы едем с мальчиком верхом
Стрелять волков и диких коз.
Наш путь по падам и хребтам,
Наш след — среди следов зверей,
Ах! По серебряным горам
Все звери ходят веселей.
Мы быстро спустимся с гольцов,
Выпугивая из норы
С бесстыдством дерзких пришлецов
Исконных жителей горы.

2-й фрагмент:

Среди законов жизни пестрой
Один костром пылает в небо,
И кем бы ты на свете ни был,
Тебя ждет пламя острое.
И, обожженный, будешь петь,
Или стонать, или молиться,
Или томительно гореть,
Иль биться в клетке так, как птица.
В алькове, в небе, в кабинете,
На зеленеющих лугах
Ткет пламя огненные сети.
И только маленькие дети
Не знают их в своих мечтах.
От первых отроческих дней
До дней последнего прощанья
Все напряженней, все сильнее
Его жестокое виденье.

30/III

Сегодня священный день. Весеннее моление, 2 года тому назад конец гимну невских мистерий и начало нашей. Моя милая девочка, моя прекрасная дама. Я вижу тебя, ты сидишь на подушках перед печкой, смотришь на красные угли и плачешь.

9/IV. Вечер

Вот что я делал в день моего рождения. С 6 ч. утра и до 4 ч. дня следил по горам и долинам изюбря. Выследил табун в 5 голов. Придя домой, щипал вместе с Колей рябчиков к ужину. Потом читал им вслух Конан-Дойля и очень долго пил чай.

Вот что я думал в день моего рождения:

1) Жизнь может быть радостной и печальной. Она всегда тревожна. Смерть отрадна.

2) Степень необходимости или важности тех или иных занятий, человек может определить только тогда, когда на продолжительное время отойдет от них. То же и о людях.

3) Природа — как бром. Успокаивает, но притупляет чувствительность, может быть, остроту и подвижность мышления. Суета города притупляет чувствительность и не успокаивает.

4) У человека, живущего в природе, в уединении теряется напряжение духовной деятельности, так как проблемы человеческих взаимоотношений, самые болезненные, фактически перестают касаться его.

5) Я не чувствую жалости к убитому зверю, может быть потому, что сам хочу быть убитым.

6) Кажется, из всех людей, которых я знаю, наиболее близкий мне по духу — М. М. Брендстед.

7) Я стал лучше понимать Павлушу. Люблю его.

8) Моя девочка. Мне хочется положить голову на твои колени.

9) То, что случилось в январе 1922 года, — самое крупное событие в моей внутренней жизни.

10) Очень хочется послушать хорошую музыку. Писать не хочется, хотя знаю, что мог бы написать много.

15/IV

Судзуктэ. Вот наброски «Баллады»⁹⁷, которую я задумал здесь:

На севере Халхи охотник жил.
Звали его Гава.
Крепок, как кедр, тугой, как лук,
Сильный, как лось — Гава.
По горам и лесам Гава бродил,
Высматривал свежий след.
Ах! Во всей Монголии дикой сейчас
Такого охотника нет.

⁹⁷ Полностью напечатана в книге: Кондратьев С. Весна в Кентэе. С. 85—109.

Орел не видит зорче Гавы,
Изюбрь не слышит лучше Гавы,
Волк не чует тоньше Гавы,
Змея не крадется тише Гавы.
И сам он, как зверь, в пещере жил,
Скала, зола от костра —
Вот все, что осталось от того,
Кого называли Гава.
А глаза его сияли, как ночь,
Халхаская звездная ночь.
И рот его пылал, как восход,
Как в горах пурпурный восход.
И когда он спускался в долины с гор,
Близ дымных юрт проходил,
Все девушки опускали взор,
Был он страшен их сердцу и мил.
Но Гава на девушек не смотрел,
Он шкуры зверей приносил,
Менял их на наконечники стрел
И опять в хребты уходил.

* * *

Хорошо весной в Халхаских горах.
Зверь идет на увал.
Солнце срывает белый покров
С темного тела скал.
Птицы поют в весеннем бреду,
Зеленый слава приют.
Но звонче самых звонких птиц
Стрелы Гавы поют.
Если к солнцу летит стрела,
Взвивается на хребет —
Звери знают: это Гава
Бьет беркута в лет.
Если стрела по траве шелестит,
Стелется, как змея, —
Звери знают: это летит
Смерть моя иль твоя.
Изюбри, косули, прервав свой бег,
Склонялись пред стрелком,
Отмечая чистый, белый снег
Внезапным алым цветком.
И много раз Гаве пришлось
Слышать, как в чаще храпит
И огромным телом о землю гремит
Смертельно раненный лось.
Сжавшись в комок, натянув тетиву,
Видеть, как на дабан
Поднимается ночью с солонцов
Одинокий старый кабан.
Хитрая рысь, гневный медведь
Знакомы тоже стрелку.

Долго мешал колчан надеть
 Глубокий шрам на боку.
 Но Гава не боялся кровь пролить,
 Звериную иль свою.
 Знал, что ее пурпурная нить
 Ткет узор бытию.
 Тело должно отдать свою кровь
 Солнцу, луне и земле
 За пищу, свет, тепло и любовь
 На зеленой милой земле.

25/IV. Вечер

Сегодня Страстная пятница. Мне нужно удержаться от слез, когда я начинаю внимательно вспоминать о маме и о «Парсифале».

Больше всего мне хочется умереть, потом — увидеть МИКа, потом — услышать «Парсифаля».

Коллекционирование птиц, насекомых, растений и т. п. представляется мне иногда необыкновенным чудачеством, крайне легкомысленным поведением, которому потакает обезумевшая наука, вручая тем самым ложное оправдание жизни многим, многим людям. Повидимому, любовь к фортепиано привита мне искусственно. Я не чувствую никакого лишения от того, что долго не слышал этого инструмента. А об оркестровой музыке стосковался.

Самое прекрасное — это третье действие «Парсифаля».

30/IV

28-го я все вспоминал о Пасхе 1922 г. Темная комната. Мы сидели вместе в мягком кресле. Тоненькая свечка. Когда она открывала форточку — прохладный воздух и звон колоколов.

28/VII

Судзуктэ. Вот только что прошли три годовщины.

24/VII — обет и кольцо.

25/VII — отъезд экспедиции из Петрограда.

26/VII — рождение МИКа.

С внешней стороны для меня этот год легко распадается на 4 периода.

1) 2 месяца — VIII, IX — пестрота внешних впечатлений творчества.

2) 4 месяца — X—I. 24 г. — жизнь в Урге. Музыкальная работа. Болезнь экспедиции.

3) 2 месяца — II—III — разъезды и подготовка к работам на Судзуктэ.

4) 4 месяца — IV—VII — жизнь на Судзуктэ. Радостная, здоровая работа в природе. Власть леса. Оцепенение творчества.

Продолжение баллады о Гаве.

Так вольно, вдали от людей долин,
 Жил и бродил Гава
 Стройный, как трость, ловкий, как волк,

Быстрый, как барс, Гава.
Но болен охотник, болен был
Тем же, чем болен и ты, —
Господь на чело его положил
Печать голодной мечты.
Знак, что жжет и ночью и днем
Неистребимым огнем.
От него и глаза пылают, как ночь,
Или сияют, как меч.
Когда о скалы ветер гремел,
Гнал и рвал облака,
Гава на дрожащее пламя смотрел,
Видел отца-старика.
Вспоминал всегда одно и то же:
Зимний вечер. Юрта.
На полу куски истоптанных кож.
Едкий дым. Темнота.
Вспыхнет потухший уголь — тогда
Видно лицо старика.
И с гамзой протянутая к огню
Сморщенная рука.
Погаснет — слышен лишь волчий вой,
Шелест старческих рук.
И голос отца — свистящий, глухой,
Надтреснутый жизнью звук.
Ты мальчик еще, Гава, но знай —
10 лет приходят к концу,
Как мудрый лама, предвещатель Ганзай
Так сказал твоему отцу:
«Сатурн был в созвездии Льва,
Когда родился Гава,
И сверкнет, как граненый рубин,
Звезда Гавы — Нуруби.
Эти знаки для мудрых, как слова.
Поборов трусость и страх,
Великий охотник будет Гава
На земле и семи небесах.
Если хочет подвиг свершить,
Судьба поможет ему
Славу, как знамя, водрузить
Имени твоему».
Так сказал Ганзай. А я
Ждал и молчал до сих пор.
Тайну теперь узнай от меня,
Древнюю тайну гор.
Только храбрым дано услышать ее,
Только раз хранящий ее,
Должен избранному передать ее.
Передав, забыть про нее.
Мать твоя умерла, Гава.
Скоро умру и я.

Слушай завещанные слова,
Молча слушай меня.
В дебрях Кентэя есть гора,
Тропы к ней заросли.
Никогда-никогда по склонам ее
Монголы скот не пасли.
Там леса ниспадают дикой рекой
В глухие пади без дна.
Ни зверей, ни птиц — тяжкий покой,
Сумрачная тишина.
И со всех сторон сторожат тишину
Изогнувшиеся хребты,
Преграждая путь бесстрашным душой,
Избранным, как и ты.
Близ вершины есть темный лог,
Древним лесом порос.
Только с севера вход в него полог.
Там ковер из синих роз.
Охотники так говорили встарь:
В этом диком логу
Живет покровитель изюбрей — их царь,
Бессмертный Ихэ-Бугу.
На Ихэ-Бугу охотника нет —
Всякому жизнь дорога.
У него широкий серебряный след
И нефритовые рога.
Когда я молод и силен был —
Три луны по хребтам бродил.
Но к заветной горе глухого пути
Не дано мне было пойти.
Вместе со мной пошел Норон,
Брат и товарищ мой.
30 лет прошло, как он
До сих пор не пришел домой.
Быть может, звездами избран ты
Подвиг великий свершить —
Лишить изюбрей хранителя их,
Ихэ-Бугу убить.
Тогда изюбри не будут знать,
Где ожидать врага.
Легко охотникам добывать
Станет весной рога.
Повсюду панты, мясо и жир.
Голодные дни пройдут.
Слава твоя просияет в мир.
Ее в века пронесут.
Да будут руки твои смелы!
Если встретишь Ихэ-Бугу.
Обмакни в свою кровь железо стрелы
И натягивай тетиву.

* * *

Полночный ветер о скалы гремит,
Мнет и рвет облака.
Гава неподвижно лежит, не спит,
Слышит слова старика.
«Если захочет подвиг свершить,
Судьба поможет ему
Славу, как знамя, водрузить
Имени твоему».
Ах! Как дым от ночного костра,
Ушел Гава в мрак.
Бойтесь звери! Стрела остра.
Укройтесь! Идет враг.
Дни идут, как плывут облака,
Зажег березу закат.
Бродит без крова Гава в лесах,
Позабыв и боль и страх.
В лохмотьях одежды, израненных ног
Усталость кто испытал?
Кто ее сотни раз перевозмог
На острых осыпях скал?
Но ни раны, ни холод, ни зной, ни дождь
Истребить мечту не могли.
Шел Гава, как грядущий вождь
Нерожденных богов земли.
И глаза его сияли как меч,
Высоко занесенный меч.
И раною рот его пламенел,
Как кровавый цветок, пламенел.

Вставка:

Широко разметался темный Кентэй
По старому телу земли.
Много прячет, кормит он птиц и зверей
На зеленой своей груди.
В заповедных падах крутых хребтов,
Где выслеживал врага,
Никогда не мяла лесных цветов
Человеческая нога,
Где из дальнего мира гости: лишь снег,
Дождь и солнечный свет.
Вдруг заметили звери в чаще
Незнакомый широкий след.
И никто из них не мог объяснить,
Безопасны или страшны
Серый пепел и красная нить
У корней корявой сосны.
Ведь никто из них никогда не видал
Птицу с железною головой.
Птиц, поющих в последний раз
У предела жизни земной.
(Мальчику в день его рождения.)

16/X

Когда, как огненный ветер
В шествии гаснущих дней,
Первый горестный вечер
Закипает в душе твоей,
Тогда, одинокий, вспомни,
Нежно вспомни леса,
В вуали палевой вспомни
Судзуктинские небеса.
Как ты шел зимой на закате
Шестнадцатого октября
И твое освещала платье
Изумительная заря.
Вспомни все хребты и доли,
Нежный лиловый свет,
В лесу затерянный домик
И свои девятнадцать лет.
Подумай, как ты был беден,
И как ты был богат!
Как скуден и как свободен
Юношеский наряд!
О, вспомни истлевшие годы,
Свой неведаящий покой,
Вернись в сгоревшие годы
Всей засиявшей тоской,
Когда, как огненный ветер
В мельканье гаснущих дней,
Первый горестный вечер
Запыляет в душе твоей.

31/XII

Посвящается Коле Морину.

Тусклая, мутная луна
Провожает старый Новый год.
Черным крестом переплет окна
Отделяет меня от гор.
Луна осветила глухой провал.
Вспомни в мгновенном бреду,
Как ты меня нарисовал
В четырнадцатом году.
Человек с поседевшей головой
И изможденным лицом
Сидит, уйдя в тяжелый покой,
За пустым деревянным столом.
Далеко перед ним лиловеют холмы
Преображенной земли.
В свете вечернем плывут не холмы —
Неведомые корабли.
Я не помню, была ли на небе луна,
Но на всей красоте окрест

Перекладины от окна
Начертили узкий крест.
Те, кто били и мучали
Христа в предсмертной истоке,
Небеса и землю певучую
Разрубили черным крестом.
Человек у окна это знает.
Плоть его — леса и поля.
Но, любя, тебя отвергает,
О, мучительная земля.

Фрагмент, законченный 8/I.1925.

Среди законов жизни пестрой
Один костром пылает в небо.
И кем бы ты на свете ни был,
Тебя заденет пламя острое.
И, обожженный, будешь петь,
Или стонать, или молиться,
Или томительно гореть,
Иль биться в клетке, как птица.
В алькове, в келье, в кабинете,
На зеленеющих лугах
Ткет пламя огненные сети,
И только маленькие дети
Не знают их в своих мечтах.
От первых отроческих дней
До дней последнего прощанья
Все напряженной, все сильней
Его жестокое вещанье.
Молчание и славословье
Равно бесцельны в небесах.
Металлы, тусклые от крови,
Вновь зародятся на крестах.
Любовь заменится любовью
И мудрость превратится в прах.
Но каждый тклет из чаши полной
Во тьме ночной и в шуме дня
Неиссякаемые волны
Неистребимого огня,
Который падями земными
Несет небесная река,
Чья воля, чей закат, чье имя —
Тоска.

Фрагмент, законченный 8/I.1925.

По выжженному косоугору
Змеей вползает на дабан⁹⁸,
С трудом одолевая гору,
Громоздкий, пестрый караван.

⁹⁸ Д а б а н (монг.) — перевал.

Как радостно смотреть с подводы
На горы в позднем сентябре.
Темно-зеленые разводы
На пламенеющем ковре.
Нам медленно плывут навстречу
Расцветивая каждый склон,
Берез оранжевые свечи
И сосен вечный халцедон.
На переломе перевала
Обо указывает путь.
И сколько ног здесь отдыхало,
Где так отрадно отдохнуть.
Затейливые амулеты,
Обломки дерева, костей,
Лоскутья, медные монеты
На груде сложенных камней.
Все это набожные руки
Безвестных странников земли
На обнаженный гребень дикий
Благоговейно принесли.
Когда просторные долины
Наполнят тени темнотой —
Обо, как некий страж вершины,
Горит вечерней красотой.
О путник! Уходя отсюда,
Обычая не позабудь.
Брось мелкий камень в эту груду,
И будет радостен твой путь.

Дневник 1925 года

26/I. Судзуктэ

Сегодня во время обработки песен мне пришла в голову следующая мысль: не возникали ли шеститоновый и семитоновый (диатоническая гамма) звукоряды путем совмещения в одной пьесе двух пятитоновых звукорядов? Распределение звукового материала во многих монгольских напевах дает основание это предполагать. Гипотеза эта может оказаться плодотворной.

Вот сделал 81 анализ. Работаю много.

Ходил сегодня с Ел. Вл. по Судзуктэ показывать ей тетеревов.

Одного убил.

Yesterday, in the deep evening lady read me her dairy ¹.

Ложные солнца.

Падающий тетерев.

Предположение о генезисе диатонической гаммы.

Большая Медведица, опершаяся хвостом на горизонт.

27/I

Целый день занимался музыкой. Дописав 93-й анализ, покончил со всеми метрическими монгольскими песнями. Между делом набросал «Заклинание изюбрей» ² на три голоса. Вечером мальчишки усердно разучивали его со мной. Кроме того, пели: «Ах, не одна в поле дороженька». Приблизительно усвоили. Впрочем, не люблю я этой приторной канонической гармонизации народных песен.

Заезжал А[лексей] А. Я просил его вызвать Якушевского ³ из Хадакена. Хочу позверовать в Хазуртэ ⁴. Работы А. А. советует начать с

¹ Yesterday in the deep evening lady read me her dairy (искаж. от *англ.* diary) — «Вечером, поздно вечером леди читала мне свой дневник».

² «З а к л и н а н и е и з ю б р е й» — неоконченная поэма С. А. Кондратьева.

³ Я к у ш е в с к и й — один из рабочих на раскопках из отряда С. А. Кондратьева.

⁴ Х а ц у р т э — соседняя с Судзуктэ падь, где непосредственно находилась база экспедиции при раскопках Ноин-Улы.

10 февраля. По его словам, вода будет убывать весь февраль. Котик принес двух зайцев, убитых кряжами. Первая добыча.

«Закливание изюбрей».

28/I

Сделал выводы и обобщения относительно монгольских метрических песен. Обработал вопрос об интервалах. Приступил к выяснению употребительности различных ритмических типов такта. Присочинил еще несколько фраз к «Заклинанию изюбрей». Теперь оно почти готово. Текст писал на музыку, поэтому вышел он дурным. Да и музыкой похвалиться не могу — пестрая, смешение разных стилей. Декламацией доволен. Кроме того, приятно и поучительно сочинять без инструмента. Выучивали еще «Лучинушку». Аранжировка Рубца. Академична и вместе с тем дурна. Андрюша недаром вспомнил о Гапоне. Вечером читал вслух из Павла Кельвера «Не уходите!», «Спрячьтесь за дерево!».

«Закливание изюбрей».

29/I

До обеда работали втроем на засеке. Соединили северный край с серединой. Подняли упавшие кряжи. Там с гребня хребта, уходящего в Бальджу⁵, широко видно во все стороны. Воздух сегодня был особенно прозрачен. Видны были Меньинские гольцы⁶ и скалы на Гурбун Чулу⁷. Внизу, в долинах Мандала⁸ и Хары⁹, в степной части Бальджи и Узурумтэ¹⁰, тяжело и мягко покоилось мореподобное белое облако. Последние вершины, закрытые лесом, были как бы отрезаны им от своих подножий. И поэтому казались неправдоподобными, призрачными.

Закончил «Закливание изюбрей». Приехал Якушевский. 1 февраля думаю поехать с мальчиками в Хацуртэ на охоту.

Облако под Ноин-Улой.

«Закливание изюбрей».

⁵ Б а л ь д ж и — река, имеющая истоки в Ноин-Уле.

⁶ М е н ь и н с к и е г о л ь ц ы (= Меньинские гольцы) — гольцы по реке Меньзи (= монг. Минжи), имеющей истоки в Ноин-Уле. Представляют собой очень крутые склоны, по которым «как серые горные реки, спускались полосы россыпей» (Козлов П. К. Путешествие по Монголии. М., 1949. С. 42).

⁷ Г у р б у н Ч у л у (монг. Гурван Чулуу, букв.: ᠭᠤᠷᠪᠠᠨ ᠴᠠᠯᠠᠭᠤ) — урочище в 45 км от Сугнура к Сугнурским гольцам. Место промысла местными жителями кедровых орехов.

⁸ М а н д а л — имеется много мест с подобным названием. Здесь — поселение местных русских хлебопашцев в плодородной пади Хэнтэйских гор, окруженной лесами, в 80 км от Улан-Батора на р. Мандал.

⁹ Х а р а — приток р. Орхон.

¹⁰ У з у р у м т э — соседняя с Судзуктэ падь.

30/1

Синоптическая таблица показаний (средних месячных) ртутного барометра в Урге, анероида ¹¹ — на Судзуктэ и сухих термометров в обоих означенных пунктах ¹².

Утром вчетвером — я, мальчики и Якушевский — работали на за-секе. Закончили все начатое китайцами. Днем Якушевский возил со-лому с кургана № 24 — наследство Теплоухова ¹³.

Приехал Канаев. Привез Сергею интересных орлянок, разнообраз-ных по окраске. Потом — какого-то пестрого зайца.

Сочинил порядочную порцию музыкальной баллады в старинном стиле. Но еще не знаю, что сделать с героями. Пока они плывут по морю на корабле. Текст сомнительного достоинства. Вечером пели также «Закливание изюбрей». Теперь выходит значительно лучше. И нелепые слова «Гвом, Гварул, Гварол» стали нужными.

Смолистая сосна под топором.

Полиграм — «Жених у Вельды нежный был — отрада белых плеч...»

«Закливание изюбрей».

31/1

Занимался разнообразно. Грубо определил широту Судзуктэ. Об-суждали Андрюшин отчет. Вычислил среднюю температуру и давле-ние за январь.

Искали с Котиком наиболее выразительную форму для кривых температуры и давления. Сравнительная оценка Ургинских и Судзук-тинских данных интересна.

Поправил часы солнечным кольцом.

Якушевский возит гробовые доски с 24-го кургана ¹⁴.

Стал сегодня присочинять новую фразу к «Балладе», и вдруг по-следние такты ее разорвали стиль пьесы и зазвучали тем трагическим лиризмом, который так волнует меня. Лица и события в прошлом вне-запно ожили. Все вспомнил в стремительной тоске.

«Юноша мой любимый! Встречу ли тебя я в смерти?»

1/II

Вчера грубо определил широту следующим образом: в момент кульминации солнца были отмечены нижний и верхний край кружка

¹¹ Анероид — барометр, измеряющий давление по величине деформации упругой металлической коробки с откачанным из нее воздухом, которая при сжа-тии и расширении перемещает по шкале закрепленную в ней стрелку.

¹² Далее помещена таблица.

¹³ Теплоухов Сергей Александрович — известный русский археолог, в то время сотрудник Русского музея Ленинграде.

¹⁴ Всего было раскопано 8 курганов. Некоторые из них имели собственные названия: «Верхний Судзуктинский», «Андреевский», «Мокрый», «Баллодов-ский», «Нижний», «Кондратьевский», другие числились под номерами.

на шкале. Полусумма этих отсчетов дает положение диаметра кружка — 40.15. Эту величину подставил в формулу для нашего кольца¹⁵.

2/II

В 8 ч. Ел. Вл. с Якушевским отбыли в Хузуртэ. В 9 ч. и мы с Андрюшей отправимся туда съемкой. Вчера закончил орнитологический список. Определяли (Ел. Вл. и Андрюша под моим руководством) широту. Получилось 48 гр. 31 мин. Таким образом, или они плохо наблюдали, или я накануне отметил неправильно кульминацию (слишком поздно).

В Хузуртэ думаю пробыть дней пять. Вчера Ел. Вл. прочла мне следующее свое стихотворение:

Друзья мои! Не ждите.
Я не вернусь домой.
В путь меня проводите.
Благословите рукой.
Ухожу от родины милой,
Пожалеть позабуду о ней,
Но не тайные силы
Овладеют душою моей.
Давно меня звала пустыня,
Давно расцветала тоска.
Пустыне сердце отныне
И пламя мое принесла.
Когда-нибудь вечером ясным
При свете тихих лампад
Помолись за меня перед Спасом
У сияющих царских врат.
И в день лучезарный, последний,
Когда я склонюсь на песок,
Тихо за ранней обедней
Сплети мне терновый венок.

9/II

7/II кончилась наша, богатая событиями, поездка в Хузуртэ. 2/2 мы с Андрюшей засняли верхнюю часть водораздела между Хацуртэ и Галбан Булаком. Я отсчитывал шаги, [работал с] anerоидом, термометром и часами, он делал засеки глазомерные на планшете и буссолю¹⁶. Уже после захода мы достигли того места гребня, под которым предполагалось разбить бивуак. Однако, сколько мы ни прислушивались, условных выстрелов не слышали. Разложили костер и ждали час, но долина безмолвствовала. Думая, что Якушевский и Ел. Вл. по каким-либо причинам не доехали, мы повернули домой, куда прибыли около 10 ч., сильно усталые. Компаньонов дома не нашли, чем бы-

¹⁵ Далее следуют математические вычисления.

¹⁶ Б у с с о л ь — инструмент для измерения магнитного азимута направлений на местности, применяемый при геодезических работах.

ли несколько встревожены. На следующее утро я послал Фу Чина к китайцам в устье Галбан Булака для того, чтобы осведомиться, проезжали ли там наши. Сам же с Андрюшей отправился на розыски съемкой (так!), вниз по долине Хузуртэ. Вскоре после того, как мы спустились на тропу и пошли по ней, нам попался верховой след и лаконичная надпись на снегу: «Ниже». Через короткие дистанции эта надпись повторялась. Направ таким образом на след, предусмотрительно подчеркнутый Ел. Вл., мы, конечно, без труда отыскивали лагерь, расположенный на месте моей августовской экскурсии в Хузуртэ. На таборе застали только Якушевского.

Обеспокоенная нашим отсутствием Ел. Вл. уехала домой. Мы уже собрались идти на вечернюю охоту, как вдруг заметили возвращающуюся Ел. Вл. Она была перехвачена Фу Чином в Галбан Булаке и, осведомленная им, вернулась обратно. Все эти осложнения, как оказалось, произошли единственно потому, что мы с Андрюшей не слышали сигнальных выстрелов, которые Ел. Вл. подавала в большом количестве. Отсюда вывод: в пересеченной местности не полагаться на сигнализацию выстрелами. В вечернюю охоту этого дня Андрюша убил козу. Я слышал какой-то незнакомый голос животного в Галбан Булаке близ гребня на открытом увале, но не заметил никого. Было поздно, заря пламенела костром.

4/II

Мы с утра отправились по козам. Прозевали 6 штук. Видели большую стаю строгих тетеревов в березняках, ниже Ноин-улинского ключа. Ел. Вл. сделала один снимок Хузуртэ снизу и поехала домой для того, чтобы переехать лагерем в устье 7-го ключа. Мы же ходили определять высоту Ноин-Улы. Выполнив это, пришли на бивуак. По дороге на Ноин-Улу видел большой табун коз, около 8 голов. На Ноин-Уле долго ждали Ел. Вл., стреляли, разводили костры, однако ее так и не дождались. Очень отчетливо пришли мне в голову следующие мысли по поводу математики. Она разоблачает естество. Числовой символикой подменяет реальное бытие. Тянухими, призрачными формулами отвергает «вещь», превращает ее в небытие, быть может, в «вещь в себе». Это и есть математика. Игра сил.

Вечером к нам притащился Магистр.

5/II

Андрюше баснословно повезло. Он напоролся в уреме¹⁷ Хузуртэ на табун изюбрей, которых, сам того не зная, Котик выпугнул из сквера. Изюбри растерялись и долго не решались уйти куда-либо, так что Андрюше удалось выстрелить 17 раз. Две матки с перебитыми зобами скатились в урему, где Андрюша добил их прикладом. Как толь-

¹⁷ У р е м а — поречье, поемный лес, поросшая лесом и кустарником низменность по руслу рек.

ко он вернулся на табор, сейчас же запрягли лошадь и отправились за добычей. Там встретили Котика, возвращавшегося с 2 глухарями. Мальчики стали убирать изюбрей, а я пошел по свежему следу, который вскоре и выяснил мне, что изюбри пришли от Котика. Вернувшись на прежнее место, я стал рассматривать перепутанные следы и вскоре заметил краску на 2. Пройдя по одному из них, я наткнулся на тяжело раненную матку, которая вскочила в 40 метрах от меня. Я тотчас же выстрелил навскидку, она рухнула и покатилась по крутому откосу неглубокого ложка. Добив ее прикладом и освежевав, я направился по второму следу с кровью. Однако краска скоро исчезла, след спутался с другими, и из-за наступающих сумерек пришлось вернуться на бивуак. Поздно вечером, при луне, Котик с Якушевским, завьючив слегка лошадей, пошли домой, откуда должны были вернуться с Марчуком и санями. Слабая лошадь Якушевского не могла одолеть дороги и упала в расстоянии 4 верст от лагеря, откуда ее несколько часов спустя привел Якушевский, бросив в лесу возок с мясом.

Отдыхали на бивуаке. Только вечером немного поохотились безрезультатно. После заката прибыли Котик с Марчуком. Привели с собой 2 лошадей и сани. Такая быстрота несколько удивила нас. Ночью, при луне, запрягли сани и поехали за маткой. Ел. Вл. и Котик остались на бивуаке. Магистр накануне провалился в воду и натер себе огромный пузырь на ноге, который в ту же ночь был церемониально проколот.

Лошадь Якушевского совсем ослабела. Пришлось несколько раз поднимать ее. Бедный папаша разложил подле нее костер и укрыл животное своей шубой. Около 10 часов мы приволокли наконец матку. Угомонились поздно, далеко за полночь.

7/II все тронулись в обратный путь. Ел. Вл. и Котик с караваном. Папаша с лошадью вышел несколько раньше. Мы с Андрюшей пошли съемкой становиком (так!). Оказалось, что заниматься топографией при 21 градусе с ветром — неприятно. Домой пришли к закату. Еще раньше приехала верхом Ел. Вл. и послала Фу Чина и Канаева на подмогу каравану, так как лошади сильно устали. Якушевский добрался благополучно до китайцев в Бальджи, просил снести ему в Бальджу сена, что я и сделал, послав туда Хан Чоя.

8/II

Приводили себя в порядок и отдыхали. Общие результаты экскурсии весьма хороши. Снят весь бассейн лесистого Хузуртэ, убито 3 изюбря, 1 коза, 2 глухаря, 1 тетерев и 7 рябчиков. Вся лесная дичь Ноин-Улы в полном составе.

9/II

Сегодня утром заявился наконец Якушевский. Лошадь дошла до подъема Тальбхены. Послал опять туда Кан Чоя с сеном. Приезжал Алексей Александрович с Лидой и увез Ел. Вл. По пути обещал под-

нять лошадь Якушевского из Тальбхен на дорогу. Послал ему в помощь всех трех китайцев.

Определил сегодня опять широту. Получил 48 гр. 24 мин. 51 сек. Таковой результат весьма близко совпадает с первым.

10/II

Подвел итоги сравнениям анероидов с барометром в Урге и гипсотермометром на Судзукте. Выводы показали, что добавочная поправка сильно увеличилась. Придав эти приращения, будем иметь предыдущую таблицу в следующем виде. Сегодня А. А. привез обратно Ел. Вл. Как оказалось, она уезжает в субботу. Лошадь Якушевского привезли, но в ночь она околела. Бедный мужик в горе. Надо помочь.

Занимался метеорологией и музыкой. Начал разрабатывать бурятские напевы. Сделал 5 анализов и вчера — 1. Пели. Закончил «Балладу», неожиданно легко разгадавшись со всеми ее персонажами. Вот этот несурзанный текст:

Как плыл безумный Палиграм домой, разбив врагов.
К себе красавицу он вез от дальних берегов.
Ах! Ее красота как месяц новый — чиста.
Ах! Ее красота как месяц бледный — чиста.
А Палиграм охотник был до женской красоты,
Любил в свой замок привозить заморские цветы.
Ах! Ее красота и т. д.
Жених у Вельды был — отрада белых плеч,
Но Палиграм по рукоять в него воткнул свой меч.
Ах! Его уста, как розы рая, цвели.
Ах! Его волоса солнце с собой несли.
Плывут над морем облака к далеким берегам,
Ведет незримая рука корабль твой, Палиграм.
Веселы все на пышном корабле — все скоро увидят милых.
Вельда одна, как месяц, бледна. Ах! Радость погасла навсегда.
Юноша мой любимый! Встречу ли тебя я в смерти?
И сам всемогущий Палиграм не смеет к Вельде подойти.
Впервые красота луны явилась на его пути.
И Вельде горный дух отцов дал слабость превозмочь.
Без крика старый рулевой исчез в седую ночь.
Ее небесная рука сияет на руле.
Ревущий ветер мчит корабль к неведомой скале.
Ах! Ее уста... и т. д.
Напрасно пышный замок ждет торжественных гостей.
Не выдаст старый океан разбросанных костей.

11/II

Музыка, метеорология и пение.

Сделал 8 анализов. Хоринские напевы¹⁸ обработал, за исключением двух протяжных. Учил Магистра обращаться с гипсотермометром,

¹⁸ Х о р и н с к и е — принадлежащие к хоринскому диалекту, одному из основных бурятских диалектов, легшему в основу современного бурятского пись-

а также вычислению относительных высот. Закончил «Балладу о Палиграме». (Музыку.)

Сегодня, войдя в кухню, увидел Фу Чина заклеивающим спину бумагой. На мой вопрос: «Что ты делаешь?» — он радостно ответил: «Спать худо. Клосы много!» Простое это извещение удручило меня. Клосы.

12/II

Музыка, метеорология и пение.

Покончил сегодня с метрическими бурятскими напевами. Всего 22 анализа. Я готов допустить, что, генеалогически, собственно монгольская и бурятская музыка далеки друг от друга.

Возился долго с нашей абсолютной высотой. Она что-то все не ладится. Котик понемногу приучается вычислять. Сегодня отсчитал и вычислил высоту перевала под нами — 84 град. 1 мин.

Ел. Вл. собирается послезавтра в Ургу, почему пространно беседовал с ней о разных мелочных необходимостях. «Балладу» поем, хотя скверно, но почти без остановок.

Ход работ.

Сегодня китайцы, втроем, возобновили работы на Мокром кургане¹⁹ Воды все же течет много. Яма, только что осушенная, сейчас же вновь наполняется.

13/II

Беспокойный день. Все время кто-нибудь мешал заниматься. Сделал 5 анализов китайских напевов. Разбирался в гипсометрических противоречиях, нашел одно важное упущение — не определена разность высот между Бадмажаповым и нашим новым домом. Поэтому среднее давление, выведенное для Урги за 9 месяцев, неверно. Дал по этому поводу целый ряд инструкций Ел. Вл. Какой-то бурят из Мандала прислал записку о том, что он убил медведя: просит сказать, возьмем или нет.

Определил еще раз широту, получил 48 гр. 26 мин. 19 сек.

Ход работ.

На кургане сегодня откачивают машиной, но вода не убывает.

14/II

Утром уехала, переполненная поручениями Ел. Вл. Милый человек. «Плывут над морем облака к далеким берегам», — пели мы ей с террасы. Увидит ли она еще раз наши милые места? Отправил с ней 4-е донесение П. К. Ходил сегодня на курган и по уреме Судзуктэ.

менного языка. Большинство населения, говорящего на хоринском диалекте, проживает в Агинском округе в Бурятии.

¹⁹ М о к р ы й к у р г а н — курган в Судзуктэ, принесший наибольшее количество находок, относящихся к гуннской эпохе. Часть их находится в Эрмитаже в Отделе Востока (2 эт., зал. 428).

Все как прежде: заячьи следы, рябчики. Там же пришла мелодия на слова: «Друзья мои, не ждите».

Сочинил строфу и две строфы положил на музыку. Даже немножко разучивали.

Обрабатывал сегодня размеры рябчиков. Выводил средние академических размеров (так!) и уклонения от них по формуле. Оказалось, что, в размерах, полевой биморфил выражен в несколько большей для самца длине хвоста. Впрочем бывает, показания перекрещиваются. Итого: для самца — $7,9 (\pm 0,7)$, для самки — $7,4 (\pm 0,6)$.

Ход работ.

Уровень воды немного понизился. Потолок камеры близко, около 1 аршина осталось пройти. Завтра посылаю Чаун Фо в Дзун-Модо за тремя дополнительными рабочими.

15/II

Необычайно низкое давление. Анероид — 612,0, 667,9. Ветрено. Солнце в полумгле.

Обработал все 8 корейских напевов. Выработал схему для вычисления гипсометрических пунктов съемки. Дал эту работу Магистру, который последнее время усердно работает. От Андрюши я ждал большей усидчивости. Ему не сидится долго за столом. Отчет он написал толковый.

Вечером немного сочинял. «Друзья мои не ждите...» — опять на три голоса. Написал 4 строфы. Пожалуй, можно и закончить этим.

Переписал начисто, с небольшими изменениями, «Балладу».

«Друзья мои, не ждите...»

Работ на кургане не было. Чаун Фо пошел в Дзун-Модо за новыми рабочими.

16/II

Ход работ.

С утра начали работать вшестером. К несчастью, тотчас после обеда машина по непонятным причинам перестала откачивать воду. Снял с работы троих. Одного из них послал в Дзун-Модо к А. А. с письмом. Может быть, он сумеет разобраться в порче.

Обнаружил сегодня дефект в анероиде № 1462. Стрелка имеет свободный ход амплитудой в 0,7 мм деления шкалы. Также придется отсчитывать этот период.

Котик вычислял гипсометрические пункты съемки в Хузуртэ. Приводил в порядок всякие бумаги.

Сделал 3 анализа бурятских эпических песен. Был на работах, чередуясь с Андрюшей.

Разучили «Путевую песнь». Отделал ее и переписал.

Впервые за всю зиму минимальный термометр в 21 ч. показал больше 30 градусов ($30,5$).

17/II

Приезжал А. А. и провозился целый день с машиной. Сначала исправлял ее на кургане, а затем, поршни, — у нас дома. Вторично съездил на курган и в конце концов наладил. Вторая смена китайцев — 3 человека — будет работать сегодня ночью.

Приступил к анализам монгольских эпических песен. Все утро провозился с «Замбутивом». Интересно. Котик вычислил высоты 1-го дня съемки Хузуртэ. Способ контрольных вычислений весьма полезен. Сейчас добиваюсь учета изменений добавочной поправки анероида. Сделал допущение, что в течение обратного промежутка времени она изменяется пропорционально последнему.

Отсчеты и вычисления производятся следующим образом. Пусть нужно определить высоту A относительно B . Определение производится при помощи двух анероидов, из коих один (x) берется с собой, пусть (y) остается в пункте B . В момент отправления (t) оба анероида отсчитываются. Позже — t наружного воздуха. Полученные средние величины исправляем за шкалу и приводим к нулю. Разность этих исправлений отсчетов и будет разностью добавочных поправок анероидов для момента (t) 23.

Вечером пели, при этом необыкновенно фальшиво. В постели перечитывал переписку из двух углов. Вновь наслаждался при этом замечательным языком обоих друзей. Особенно волнует последнее письмо Гершензона²⁰.

18/II

До 4 занимался различными вычислениями. Всех мальчиков отпустил в Дзун-Модо в гости. Пусть повеселятся без опеки.

16-го прошествовал через Боротай²¹ в Ургу Васильев.

Сегодня, сколь непривычная, столь же и приятная, тишина в доме. Читал «Илиаду». На Судзуктэ она звучит парадоксом.

Рабочие продолжают работать на две смены. Кайлят землю, которая сильно промерзла.

21/II

19 ч. 10 мин. в одиночестве следующим образом продолжил «Гаву».

Неуклонно шел туда, где хребты
Завились змеиным узлом,
Где (каскады острых) потоки диких гребней с высоты
Образуют крутой излом.
И каждый день Гава замечал,
Как тают следы зверей.
И каждый вечер закат догорал
За громадою (стеною) скал (все) быстрее.

²⁰ Далее следуют математические формулы.

²¹ То же.

А лес, лес густел,
Молчаливый мертвый лес.
Умолкло пение длинных (острых) стрел,
Звериный след исчез.
Усталость и голод Гава узнал,
Запеклись сухие уста,
Но ни единый вздох не разжал
Крепко сомкнутого рта.
По откосам и острым гребням
Крутосклонных узких гряд
Полз Гава, отдавая камням
Свою плоть и ветхий наряд.
Но (и) когда вершины (теснины) гор Гаву
Обступили со всех сторон,
Упал Гава на сухую траву,
Погрузился в тяжкий сон.
Дважды алый (цветком) восход расцветал
И один закат угас.
Но несчастный охотник не раскрывал
Звездоподобных глаз.
Тяжело поднялось с холодной земли
Истомленное тело его.
И вновь мечта Гаву (его) повела
Сквозь трущобы мертвых лесов,
Оживляемых лишь шуршанием крыл
Неведомых белых сов.
Повела меж нависших утесов и скал
По теснинам сухих (быстрых) ручьев.
Нет человека, который слышал (отдыхал на уступах)
Их весенний яростный рев (Их берегов).
Туда повела, где меж гребней гор
Мерцают чаши озер.
Но к священной горе глухого пути
Не мог охотник найти.
И в ночь седьмую луны седьмой
Гава поник, изнемог
Не мог нести суровой судьбой (Так странник из горестной страны)
Обессиленных рук и ног (Входит в небесный чертог).
Под ним леса ниспадают рекой
В глухие пади без дна.
С высоты в угрюмый, тяжкий покой
Проливалась свет луна.
И со всех сторон берегли тишину
Изогнувшиеся хребты,
Преграждая путь в немую страну
Сумрачной красоты.
Как труп, неподвижный лежал Гава
И был как отверженный бог.
Его запрокинутая голова
Примяла блестящий мох.
Выпал древний тяжелый лук
Из усталых, нежных рук.

Слезамы покрыла ночная роса
Разметавшиеся волоса.
Светлела в истерзанной красоте
Усталая сильная грудь.
В недостижимой высоте
Созвездья чертили путь.
И когда Гава глаза открыл.
В них просияла смерть.
Шатаясь, встал он, руки раскрыл
В бездонную темную твердь.
Так молился: «Великий Маньяхан-тенгри,
На раны мои посмотри,
На кровью запекшиеся уста.
Я устал.
Мне звезды назначили подвиг свершить —
Ихэ Бугу убить.
Но к заклятой горе глухого пути,
Не (могу) найти.
Мучат и холод и жажда меня,
И тоска сжигает меня,
Тысячи лет прошли для меня,
Покоя нет для меня».

19-го к вечеру вернулись мальчики, несколько позже приехал Борисов²² с винтовкой. Вдобавок ко всем его прегрешениям он убил лося и не только не вывез скелета, но даже не позаботился о черепе и шкуре. Решил отобрать у него совсем винтовку, но события сегодняшнего дня несколько изменили положение. Вчера утром ушел на стан (меня свез Борисов), сегодня утром вернулся.

Ход работ.

Сегодня все 6 человек работали днем, одновременно углубляя шурф и откачивая воду. До сего дня работали на 2 смены. Креп положено 2 венца.

Около 4 часов приехал из Урги Зиганшин²³ и привез от Ел. Вл. многозначительное письмо. Мне, кроме того, — письмо и бандероль от папы и письмо от Есиновского.

Выдержки из писем П. К., приводимые Ел. Вл., указывают на то, что наша экспедиция вступает в новую стадию жизни. Под председательством Горбунова образована организационная комиссия для обсуждения дальнейших работ экспедиции. Телеграмма П. К. свидетельствует о том, что его доклады в этой комиссии прошли «блестяще». Ввиду важности письма вклеиваю его сюда целиком, как и фотографии и все нужные барометрические отсчеты. Частное письмо Ел. Вл. значительно. С ним она также прислала ответ МИКа на ее письмо. Письмо (от папы) замечательно и лишний раз рисует неуравновешенность П. К. во всем ее диапазоне.

²² Б о р и с о в П. — местный охотник.

²³ З и г а н ш и н — один из рабочих отряда С. А. Кондратьева.

По поводу письма предпринял следующее. Завтра отправлю Канаева с Борисовым в Мандал. Там Канаев сторгует и отпрепарирует медведя. В это время Борисов съездит в Ургу, передаст Ел. Вл. необходимые письма и доставит из Урги деньги. Деньги и письма мне привезет из Мандалы Вильский, а Борисов с Канаевым отправляются в Гонтув²⁴ в поиски совы (*species nova!*). Мы же, оставшиеся, обращаем особое внимание на разработку Мокрого и Верхнего курганов. Sic.

22/II

После обеда Канаев с Борисовым отбыли в Мандал, получив самые строгие инструкции относительно добычи совы.

Еще несколько слов по поводу определения разности высот 2 курганов при помощи 2 анероидов.

23/II

На кургане ситуация такова. Приток воды продолжается. Теперь грунт сделался каменистым с примесью глины. Под водой на всем сечении ямы и на глубине от 0,70 м до 1,00 м прощупывается слой дерева. Кроме того, видно толстое бревно в западно-восточном направлении непосредственно рядом с южной границей ямы. Оно выше сплошного настила на 1,50 м.

По моим расчетам, машина при энергичном откачивании в 1 ч. отливает около 3 куб. м (тонн) воды. Впрочем, откачивание протекает все время с паузами. То чистится машина, то углубляется резервуарная яма для рукава. Для шестерых работы несколько не хватает. Думаю двоих снять. Возможно, что прощупываемый настил — потолок наружной камеры. На работе ввел прежние дежурства. Тогда китайцы все-таки интенсивнее работают.

Глаза смотрят на звезды, а слезы падают на землю.

Написал сегодня следующие строфы «Гавы».

«Путь укажи, Маньяхан-тенгри,
Лесные чары развей (Чары лесные развей),
И заплатит тебе за это Гава
Телом и плотью своей».
Канул в небо пламенный крик.
Гава — прекрасен и дик.
Жаждет и ждет на жертву ответа.
Тщетно. Знаменья нет.
Осунулся весь. Опустил глаза,
Потонувшие в небесах (звездных полях),
И видит: слезы его, как роса
На огромных синих цветах.
И понял Гава, что в этот миг
Он вершины жизни достиг,

²⁴ Г о н т у в (монг. Гантов) — населенный пункт в Центральном аймаке.

Что суровый путь в бессмертье ведет,
Что дерзающий им идет.
Благоговейно поднял лук
И колчан блестящих стрел.
Видел: между скалами темнел
Вход в лесистый лог.
Медленно, твердо пошел туда,
Как в желанную смерть герой,
Как тот, кто для жертвенного труда (кто идет нанести удар,
Простился с шумной игрой (Противившись с пустой игрой).

24/II

Ход работ.

Несмотря на обильную воду, углубление ямы подвигается. Мы попали в юго-восточную часть помещения. Оба потолка в сечении шурфа почти бесследно разрушены. Только с западной стороны вдаются в яму два рядом лежащих бревна, в западно-восточном направлении и с уклоном к центру сечения. Южная внутренняя стена проходит рядом с южной границей ямы. Примерно в таком же положении и восточная стена. Все помещение, конечно, завалено породой.

Сегодня пришлось подтянуть китайцев. Велел откачивающим воду приходить за полтора-два часа до солнца. На кургане постепенно и без ущерба дежурим все втроем.

В продолжении всего дня определяли превышение произвольного [...] ²⁵ по дороге к перевалу над лагерем с целью ознакомления с суточными колебаниями высоты. Котик вторично определял [...] ²⁶ Судзуктэ относительно лагеря. Получил результат, весьма близкий к результату предыдущего определения. Последние три недели Котик работает усердно. Усидчивостью превосходит Андриюшу. Парадоксально, но так.

Вечером заезжал, возвращаясь с охоты, А. А. Просил его наведать нас на днях.

Вечером, ровно год тому назад, я впервые увидел в Цзурумтэ Ноин-улинские курганы. Ночевали в лесу близ разрушенного зимовья. Рекогносцировка, богатая последствиями.

Истекший год снабдил ответственностью (так!), но мудрости не прибавил. Зрелость — только условие.

Закончил сегодня анализ «Замбутива». Работал над ним с наслаждением.

25/II

Год тому назад я впервые взойшел на крыльцо нашего домика. Сани, сопровождаемые Ежо и Пахомовым, медленно тащились в гору.

Работы медленно, но упорно подвигаются. Завел специальную книжку для археологического дневника, туда все вносим наблюдения.

²⁵ Неразборчиво.

²⁶ Неразборчиво.

Сделал сегодня анализ «Думуна» и почти закончил «Джаргалтэ». Трудная и интересная работа.

Приехал сегодня радостный Якушевский, которому я отдал нашего коня. Оказывается, он уже приучил его к запряжке. Поистине «укротитель зверей». Передал ему шандзу (музыкальный инструмент) от Ел. Вл.

Вечером ели груши. Дагестанские груши в Монголии!

26/II

Определял широту. Получил 48 гр. 27 мин. 00 сек.

Утром сломалась развилка в нижнем зажиме машины. Поехал в Дзун-Модо.

Получил письмо от Ел. Вл. с радостными для экспедиции новостями. Мы, по-видимому, все таки будем в Тибете. Но в Харбине тихо. Ел. Вл. хочет ехать туда. Получил от Есиновского вырезки из газет (необыкновенная предупредительность).

Вечером 3 ч. говорил мальчикам о путях жизни.

От Т. А. получил замечательное письмо.

27/II

Наконец-то обнаружился гроб. Все-таки преодолели Мокрый. Чухломин привез кое-что из Мандала и, кроме того, — соболя. Также письма от Ел. Вл. и Канаева. У Канаева все all right. Медведя купил за 20 рублей и отпрепарировал. Соболя положу в спирт. Канаев сообщает, что прилетели дрофы. Стрелял их, но ничего не вышло.

Ел. Вл. пишет, что Н. В. продолжает делать пакости по мелочам.

Положил два эмбриона изюбря и двух колонков в спирт с надлежащими этикетками.

А. А. исправил поврежденную часть машины, и уже утром Чаун Фо принес ее.

28/II

Вчера было ровно два года со дня учреждения экспедиции.

Сегодня по случаю холода и пурги работы не было. Посему целый день сидели и занимались математикой.

Друзья! Займемся математикой!
В ее письме заключено
Глубокомысленных лунатиков
Неслыханное торжество.

Учил Котика съемке буссолью, а Андрюшу — обработке высоты. Педагогика помешала мне заняться музыкой.

Вечером определил магнитное склонение по наблюдению луны буссолью. Воспользовался диаграммой Weir'a. Утром долго возился с проблемой добавочных поправок анероида.

Вечером, в виде отдыха, спели весь наш репертуар.

Заспиртовали соболя.

1/III

День первых находок в кургане. 23 нефритовые пластинки, ткани, наперстки и пр. Таким образом, наконец преодолена наша самая трудная археологическая задача. Я чрезвычайно доволен. Добытые предметы уже оправдывают и денежные затраты, и все наши усилия. Работаем с утра до позднего вечера без передышки. До захода солнца на кургане. Затем дома. Вымыли все вещи, навязали этикетки, занесли в журнал.

После 9 ч. немного попели. Налаживается. Хочу попробовать прорастить чумизу из кургана, наподобие пшеничных зерен египетских пирамид.

Славно мы живем последнее время. Благословенная Судзуктэ.

2/III

Весь день до позднего вечера — под флагом археологических работ. На кургане кончили работать поздно. Долго возились с ковром, края которого загнули с большим трудом от стен внутренней камеры к середине ее. Завтра будем вытаскивать.

Вечером писал последнее донесение к П. К. Посылаю ему следующую телеграмму: «Мокром очищена внутренняя камера. Много нефрита, тканей. Оригинальные предметы. Большой ковер. Разработку продолжаю. К».

Сегодня добыли главным образом ткани. Большое количество кусков разнообразных сортов. Интересен большой, отлично сохранившийся медный пест со следами позолоты. Найдены еще шесть пластинок нефрита. Два глиняных черепка различных сортов загадочны. Где остальные? Костей пока не нашли вовсе.

Написал письмо Ел. Вл. и Есиновскому.

3/III

Вытащили ковер. Отмывали его между костров, которые я велел тут же разложить.

С попутным получил письмо от Ел. Вл. и из Мандала. В Мандале бестолочь. Канаев пишет, что отправляет деньги и посылки, а я ничего не получил.

Ел. Вл. уезжает в Харбин. Из письма ее выясняется, что экспедиция вернется в 1927 г. Лето 1925 г. будет работать в Монгольском Алтае, а лето 1926 г. — в Цайдаме. Пишет Ел. Вл. еще о сплетнях, которые разводит Н. В. Скверно.

Вечером разобрали на ковре орнамент. Нашли изображения грифона, пятнистого оленя и рыси. Котик сделал необходимые измерения. Чрезвычайно интересен рисунок красками на нижней стороне пола гроба.

4/III

Послал в Мандал Марчука с ругательным письмом к Вильскому. Он же передаст там для дальнейшего следования в Ургу письмо В. А-у с текстами телеграмм папе и П. К.

Археологические работы сегодняшнего дня ознаменовались крупной находкой. При очистке западного коридора обнаружили в северном конце его огромную глиняную урну. После больших усилий освободили ее кругом от глины и вычерпали, тщательно рассматривая, воду и грязь из самого сосуда. После этого с трудом извлекли в середину помещения и, увязав, подняли наверх. Там обмыли и доставили домой. Высота ее — 86 см. Объем — 125 куб. дециметров. Сосуд в полной сохранности. Котик срисовывал птицу с пола гроба.

Начал писать письмо МИКу.

Вечером немного пели.

5/III

На кургане был небольшой обвал. Урну мы высвободили как раз вовремя. Но зато теперь ненароком вошли в северный коридор. Работы осталось дня на 4. Дома занимаюсь разными мелочами. Между прочим тщательно промыл землю, оставленную в урне. Нашел уголь мелкими кусками и много чумизы.

Вернулся Марчук из Мандала. Привез вещи, деньги, почту и письмо от Вильских, в котором они извиняются. Медведь и грудная клетка изюбря доставлены также. Письмо с телеграммами пошло в Ургу сегодня.

Нездоровится немного весь день.

Вечером первый раз в жизни пытался рисовать, да еще акварелью. Вот что получилось²⁷.

6/III

Я не знаю, могу ли я еще написать ей? Это ведь так понятно: я не могу не знать ее через Вас. Она же не знает, с кем имеет дело, хотя луч души моей, конечно, должен был проникнуть к ней с моим письмом. Слишком оно было искренне. Но этого мало. И я чувствую, что ей трудно. А потому не решаюсь форсировать дверь. Этого нельзя делать²⁸.

20/II

Сегодня ночью видел во сне МИКа. Она сидела на диване, облокотившись на спинку, закутавшись в шаль с рисунком. В руках у нее была не то книжка, не то тетрадка, и на белом листке в этой книжке моим почерком было написано несколько раз слово по-тибетски. Она вглядывалась в это слово, и на лице ее было недоумение.

Всегда благодарю Вас за Вас²⁹.

Просматривал археологические материалы (бумаги). Нужно выяснить несколько нерешенных мелких проблем.

²⁷ Далее помещена акварель с изображением заката.

²⁸ Перевод с урду.

²⁹ То же.

На кургане работы подходят к концу. Остался восточный коридор и часть северного.

Писал письма Вильскому и В. А. Думаю отослать их с китайцами.

Приезжал Сосновский и долго мешал заниматься. Взял в долг 15 долларов.

Теперь остались две задачи:

1) Достать ковер из № 6.

2) Закончить съемку и детали археологической работы.

Послал письмо МИКу с фотографиями.

Китаец выйдет завтра утром.

Послал телеграмму П. К.: «Извлечена неповрежденная глиняная урна. Высота 90 сантиметров. Диаметр горла 30, дна 17, наибольшее сечение 60. Высота последнего 50. Емкость 130 дециметров. Внутри немного чумизы и угля».

7/III

Обработал ургинский февраль. Привожу результаты синхронических февральских сличений в Урге и гипсотерм на Судзуктэ. Превышение Судзуктэ над Ургой. Числа округлены до 1 т. Сегодня днем после 13 ч. была первая оттепель.

На кургане вынул и вычистил ковер из западного коридора. Основная ткань с весьма интересным и сложным орнаментом. Фигуры тигра, обезьяны и какого-то неведомого хищника.

Днем возился с этикетированием и упаковкой археологических материалов.

К вечеру на кургане закончили штрек на севере и очистили северный угол восточного коридора.

Уже теперь ясно видно, что по богатству находок Мокрый курган следует поставить на втором месте после 6-го. Таким образом, моя интуиция в прошлом году оказалась весьма удачной.

Рано утром ушел в Ургу китаец с письмами.

Поздно вечером пришла печаль.

10/III

Вчера к полудню закончили разработку Мокрого кургана. В техническом отношении она была наиболее трудной и, вместе с тем, наиболее удачной. Гробница обследована вся, измерения сделаны с исчерпывающей полнотой.

Китайцы отдыхают. По этому случаю разрешил и мальчикам поохотиться сегодня.

Я сижу дома и разбираюсь с материалами. Вычертил урну по черепкам из восточного коридора. Хитрая задача.

Котик сделал несколько копий с птицы, нарисованной на полу гроба. Одну из них вклеиваю сюда.

Чаун Фо делает ящики. Пора думать о ликвидации Судзуктэ. Пора, но грустно. Упаковал с замысловатыми предосторожностями птицу и

керамику (разбитую урну). 9-го приезжал А. А. Пронесся слух, что Васильев нас хочет навестить. Но не приехал. А. А. привез гвоздей и Ибсена³⁰. Якушевский возил сухостой эти дни. Сегодня поехал домой за сеном и пилой.

Перечерчивал съемку восточного и центрального судзуктинских полей.

Андрюша сегодня стрелял по изюбрям в Хазуртэ, а Котик убил в Узурумтэ гурана.

Быть может, все-таки Ибсена переоценили.

Проблема драматического эпилога в значительной мере — проблема моей жизни.

11/III

Занимался ящиками и упаковкой. Уложил птиц, керамику и почти все остальные археологические объекты. Полки опустели, на полу солома — напоминание о скором отъезде.

За ужином спросил Фу Чина: «Что самое хорошее в жизни?» Он ответил: «Жить совсем один лесу, без баба, без мяса». Ответ наводит на размышления. Цветов много, но стебель один. Все жаждут отречения, но одни не смеют, а другие не могут. Как странно, что Фу Чин оказался ближе мне по духу, чем десятки «хороших знакомых». А ведь мы еще разной крови!³¹ Домик на Судзуктэ. Вниз уходят сивера³² Судзуктэ. За ними виднеется пологий перевал в Узурумтэ. Еще дальше — массивный водораздел Узурумтэ и Гуджиртэ. На последнем плане — леса Узурумтэ близ ее поворота. Повсюду сосна. Лиственницы только вдали. Это — ноябрь. Но теперь март — а пейзаж тот же. Позабудем только о ссохшихся листьях на ближней березе. Около дома огород, но при нас, летом, там росла только трава.

Судя по теням — около часа. Сейчас из невидимой двери, рядом с окном, выйдет одна из долговязых фигур, чтобы отсчитать термометры. Место на северной стороне дома, где они висят, как раз закрыто левой березой.

Я люблю эту фотографию нежно.

12 марта

Покончил с упаковкой археологических коллекций. Вышло недурно. Написал отчет о разработке «Мокрого» кургана. Котик делает по измерениям чертежи. Андрюша все еще возится с отчетом. Чаун Фа делает ящики.

³⁰ Ибсен (Ibsen) Генрих (1828—1906) — норвежский драматург, создатель национального норвежского театра, Основные произведения — философско-социологические драматические поэмы «Бранд», «Пер Гюнт», а также остросатирические социально-реалистические драмы «Кукольный дом», «Привидения», «Враг народа», «Гедда Габлер».

³¹ Вклеена фотография.

³² С и в е р а — северные склоны гор.

Посылал Сабан на Дзун-Модо за гвоздями.

Оказалось, что ящик для урны можно составлять только вне дома, так как в дверь он не пройдет. Неприятное осложнение. Ящиков вообще наберется основательная партия. Надо уже теперь думать о постепенной доставке их в Мандал.

Перечитал «Иона» — Габриэля Боркмана! Все нравится, кроме заключения³³. Судзуктэ от кургана № 24—34. Эта позиция никак не раскрывает всего видимого очарования Судзуктэ. Но и отсюда хорошо. Сосновый лес по правому склону — излюбленное тетеревами место дневной кормежки. На переднем плане, сейчас же за березой, — курган № 25. Здесь были добыты 35 знаменитых «подсвечников». Октябрь.

Насыпь кургана № 24. Октябрь. Снято в первые дни работ. На нижнем снимке человек с сумочкой на животе — С. А. Теплоухов. Еще ниже — Г. И. Боровка³⁴. Теплоухов питает отвращение ко всякому физическому усилию, возит всюду с собой складную кровать, а в разговоре очень любит употреблять выражение: «Мы, натуралисты». Собеседник остроумный, умеет выпить, любит понюхать эфира. Нервен. Консервативен.

Боровка иного склада. Любит европейскую культуру и преклоняется перед Шпендлером³⁵. По-немецки тактичен и обходителен. Уши у него длинные. Конечно, только в буквальном смысле. Я ему и читал и играл, но, вероятно, напрасно. С Теплоуховым они частенько спорили по поводу наличности греческого влияния в предметах нашей коллекции.

13/III

Китайцы начали откачивать воду на Верхнем кургане. Ввиду необходимости поскорее закончить все наши работы пришлось несколько увеличить нам официальный рабочий день. Работаем теперь с 7 до 12, с 13 до 16 и с 17 до 19. Таким образом — 10 часов. Почти закончил отчет о Мокром кургане. Котик приготовил чертежи. С беспокойством наблюдаю за все прибавляющимся снегом. Сильно помешает съемке. Завтра посылаю с Мишкой письмо в Ургу. Отправляю П. К. телеграмму такого содержания: «Разработку Мокрого успешно закончил, приступил шестому. Просим альманах и жуков Якобсона. Кондратьев».

³³ Вклеена фотография.

³⁴ Боровка Григорий Иосифович — известный русский археолог, в то время сотрудник Эрмитажа, приехал на раскопки Ноин-Улы вместе с минералогом Владимиром Ильичом Крыжановским, Борисом Борисовичем Полюновым 25 сентября 1925 г. Провели на раскопках два месяца.

³⁵ Шпенглер Освальд (1880—1936) — немецкий философ и историк; развил учение о культуре как множестве замкнутых «организмов», выражающих коллективную душу народа и проходящих определенные циклы. Главное сочинение — «Закат Европы».

14/III

Закончил отчет о Мокром кургане. Приступил к реставрации съемок могильных полей. Приезжал Ваня Вильский с письмом и ящиком от В. А. (Эпизод с китайской бумагой.) Произошли неприятности с удостоверением Вильских. Жамцарано потребовал возвращения документов, выданных Учкомом. По этому поводу я написал ему прочувствованное письмо.

Ел. Вл. уехала 5/III в Харбин.

От П. К. получил следующую телеграмму: «Всех приветствую поздравляю благодарю. Верхний оставьте окончание Мокрого телеграфируйте Москву уезжаю 14-го выезд Монголию телеграфирую. Козлов».

От В. А. получил чрезвычайно интересные уведомления относительно Эрдени³⁶. Письмо клеиваю³⁷.

Текст письма:

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Отправляю Вам с Иваном Вильским 100 долл., 3 ф[унта] мыла, деревянную чашку, 1 бидон спирта с пломбой, на всякий случай купленные мною, не знаю для чего, 100 листов китайской бумаги. Наверное, пригодится. А также посылаю выделанную шкуру волка с черепом. Вам, наверное, писала Ел. Вл. Это для полпреда, который просил меня сделать для него ковер. А к Ел. Вл. приезжал какой-то вновь прибывший доктор и просил ее от своего имени сделать для него, а он уже преподнесет Алекс. Ник. А потому Ел. Вл. решила так: мы волка снимем, выделаем, пошлем к Вам, чтобы Канаев сделал голову (я не умею), и в таком виде передадим доктору, а он уже пусть, как нужно, доделывает сам. Тут ведь порядочно пойдет сукна, надо делать насечку, а у нас такого инструмента нет. Ваши козьи шкурки тоже скоро будут готовы, одну уже принесли, стоит по 1 долл.

Теперь сообщаю Вам сенсационную новость. Сегодня встретился на улице с Ирдынеевым, который четыре дня тому назад вернулся из Тибета. Завел я его к нам и вот что от него узнал: он прибыл в Ургу 7/III (передаю так, как мог понять сам, названия местностей, вероятно, неправильно, но Вы, наверное, их восстановите). От Урги до Кутлик Монгол³⁸ прошли в 112 дней, от Кутлика до Лхасы 55 дней, в Лхасе жил 28 дней, от Лхасы до Урги 5 месяцев. В Лхасе встретил Борисова³⁹ и с ним совершил обратный путь, исполняя обязанности повара. Недалеко от Урги от Борисова отделился, т. к. заехал в какой-то монастырь. Ирдынеев три раза видел лично Далай-ламу, который три раза касался своей рукой его головы, благословляя его. По дороге в Лхасу и в самой Лхасе все ламы знали о нашей экспедиции и с интересом расспрашивали о нас. Но также знали о нас и англичане, и было послано ими в Лхасу несколько телеграмм с требованием, чтобы нас туда не допускали (наш путь был свободен только до Накту, это в 18 днях пути на быках до Лхасы), а если мы пойдем дальше, то чтобы нас

³⁶ Эрдени (Шагдар Ирдынеев, Эрдениев) — бурят, совершивший путешествие в Тибет в Лхасу.

³⁷ Вклеено письмо.

³⁸ Кутлик Монгол — перевал по дороге в Тибет.

³⁹ Борисов С. С. — сотрудник Восточного отдела НКВД, побывавший в Лхасе с военным отрядом в августе 1924 г.

арестовали и препроводили за пределы Тибета. О том, что была нам выслана встреча, он не знает. О секретно распространившемся в Урге слухе про смерть Далай-ламы он тоже не знает и был очень удивлен моим вопросом.

Передний и обратный путь Ирдынеев прошел прямой дорогой, т. е. от Урги на Кутлик, Накту, Лхасу. Борисов же шел в передний путь обходной дорогой, т. е. трактом; Урга, Кутлик, Улан-дабан, Майкат, Норин Зуха, Дом Быри, Лхаса, а обратно по Ирдынеевской дороге. Пришлось пройти от 8 до 10 перевалов (трудных). В передний путь из их каравана (т. е. Ирдынеева) умерло на перевалах четыре человека, и в обратный путь — один. Особенно, говорит он, тяжело толстому человеку. На перевалах он принимал какое-то бурят-монгольское снадобье, говорит, что хорошо помогает, а один раз даже пускал кровь из правой руки. Операцию эту продельывал какой-то лама. Чувствует себя Ирдынеев расслабленным, торопится домой, хочет полечиться на Аршане. Другой раз в Тибет идти не хочет. Шибко, говорит, трудно. Но все-таки своей поездкой очень доволен и при рассказе весь сияет. Выглядит довольно утомленным. Я ходил сегодня с ним в полпредство, и И. М. Кармилин сразу устроил ему бесплатный пропуск на выезд в Верхнеудинск. Обо всех спрашивает, всех помнит, даже по именам. Забыл только Ел. П. и назвал ее почему-то производительшей, т. е. делопроизводительшей. Он считал ее женой Н. В. Он долго искал по Урге, и если бы не случайная встреча, то так бы и уехал. Завтра придет с каким-то монголом, который имеет что-то передать Петру Кузьмичу. Сегодня опять видел Ц. Ж. Жамцарано, который дал выписку, на чье имя было ими выдано удостоверение на право охоты и рыбной ловли, и говорит, что чем скорее эти лица вернут их разрешения, тем лучше, а то не пришлось бы им, говорит, побывать в подвале. Их обвиняют в том, что человек, имея разрешение, подбирает себе артель, и они устраивают не охоту, а для себя промысел. Имеющие удостоверения: Вильский, Плешков, Тугаринов и Кочетов. Борисов свое просроченное удостоверение вернул.

Прошел сегодня на разведку за консульство, ни одной сороки, держатся, каналы, у самого жилья. Хочу положить приманку во дворе и стрелять из сеней, все не так будет слышно. Вторая вышла хорошо, но экземпляр неважный, какая-то короткохвостая, на целых 5,0 короче первой. С китайцами посланы письма, фотографии и синдетикон в вате.

Всего наилучшего
Ваш Вильский 11/III 25. Урга.

15/III

Под ногами синели цветы
Неведомой красоты.
Черным флагом касалась травы
Тихая тень Гавы.
Прикосновения стройных ног
Незнакомы были цветам.
Черным (мрачным) зевом раскрылся лог
Навстречу легким шагам.
Оцепеневший древний лес,
Седой, поросший мхом,
Сумрачно встретил твердый блеск
Глаз под ясным челом (лбом).

Мрак и сырость вили покров
 Над мхами и тонкой травой.
 Лунный луч замирал в ветвях,
 Сомкнутых над Гавой.
 Но лишь только Гава вошел во тьму,
 Мерцающий тихий свет
 На темной земле предстал ему —
 Широкий мерцающий след.
 Змеей серебряной (сияющей) вился след,
 Уводил в бесшумный мрак.
 Но в пылающем (горящем) сердце мрака (страха) нет,
 Ему неведом мрак (желанен враг).
 Гибкие руки сжимали лук.
 Взгляд впивался в ночь.
 Беззвучна (ы) поступь (шаги). Тьму вдруг
 Разрезал лунный луч.
 Лес расступился. Узка и светла
 Поляна у диких скал.
 В страстном трепете видит Гава
 Того, кого искал.
 На камне Ихэ Бугу стоял,
 На огромном (громадном) обломке скал.
 Как каменный, Ихэ Бугу стоял,
 Точно врезанный в пьедестал.

15/III

Мальчики снимали сегодня 4-ю группу могил на Судзуктэ. Кроме того, сняли три малые могилы, разработанные нами прошлым летом.

Приезжал А. А. Был на кургане № 6. Уровень воды уже ниже потолка помещения. Послезавтра приедет опять, чтобы обсудить вопрос о штреке. Переложил сегодня в чистый 80%-ный спирт колонков, зародышей изюбрей и соболя ⁴⁰.

16/III

Марчук поехал в Ургу. Послал с ним письма П. К. и полпреду. В последнем приветствую и благодарю его.

Читал законченный отчет Андрюши. Очень дельно. Котик принялся сегодня за отделку съёмок могильных полей. С Марчуком отправил Вильскому ящик с керамикой. Начали разгружаться. Уложил аккуратно птицу. Их всего осталось 20. Вечером много пели.

17/III

Приезжал А. А. Осматривал положение в № 6. А. А. советует работать штреком. Мне это не по душе. С другой стороны, за параллельный шурф китайцы просят 180 долларов. Я считаю, что это дорого. Поэтому согласился с А. А. Теперь он подыскивает двух русских

⁴⁰ Далее следует список птиц, убитых на Ноин-Уле.

Был он громаден, и был он бел,
 Покровитель далеких стад;
 Грива его струилась по телу,
 Как седой водопад.
 Настал предначертанный небом час
 Для одной из длинных стрел.
 Страшным взглядом вещих глаз
 На охотника зверь смотрел.
 Левый бок обнажил Гава
 И воткнул в него стрелу.
 Вспомнил последние слова,
 Завещанные ему.
 Темной дугой выгнулся лук
 Под натянутой тетивой.
 Полный, протяжный, низкий звук (дрожащий)
 Разорвал застывший покой. (Разбил)
 Внезапный вихрь из звездных просторов
 Застонавшие ветви взметнул.
 В темных каменных недрах гор
 Прокатился и замер гул.
 Глубоко в бок вонзилась стрела,
 Под сердцем вонзилась в бок.
 На колени Ихэ Бугу упал,
 Проливая багряный сок.

Надеюсь, что осталось не более 30 строф. Водораздел Хузуртэ и Билютя. Вид на О. Это недалеко от самой горы Ноин-Улы. По отношению к фотографии она несколько левее. С этого места, при прозрачной атмосфере, можно видеть не только Сугунурские гольцы⁴⁵, но даже гольцы в верховье Мензи⁴⁶.

По этим местам, быть может, когда-нибудь проходил Гава в I стадии своего путешествия.

20/III

Сегодня ровно год, как мы с В. А. выехали в Дзун-Модо. Днем писал статьи об определении разности высот при помощи двух anerоидов. Вечером приехали Дакаев с Борисовым. Несмотря на все поиски, совы не встретили ни разу. В гольцах трудно. Снег и ветер все время. Дакаев привез много мелких птичек. Интересна большая серия различных овсянок. Среди прочих чечетки, синицы и пр. Кроме того, привезли колонка, кабаргу, два эмбриона кабарги и кабана. Убили 4 небольших кабанов. Так что в общем не так плохо. Заспиртовали еще одного эмбриона изюбря⁴⁷. Арангату⁴⁸. Октябрь. Арангату всего пле-

⁴⁵ Сугунурские гольцы (Сугнурские гольцы, находящиеся недалеко от Сугунара) — селение в пять домов в Хэнтэе в 80 км от Улан-Батора на р. Сугунур, являющейся притоком р. Хары, впадающей в Орхон.

⁴⁶ Верховье Мензи (= Минжи) — находится в горах Ноин-Улы.

⁴⁷ Вклеена фотография.

нительней ранним летом. Травы на лугах особенно пышны, а цветы обильны. В большом левом раскате за густой уремой мы с В. А. провели у костра одну июньскую ночь. Луна и козодои. А на Троицу, 15 июля, мы ходили сюда всей компанией. Помню, что ботанические и энтомологические сборы были необыкновенно богаты. Летом и весной Арангату овейна какой-то целомудренной женственностью. Она самая юная из своих братьев и сестер.

Вид с террасы нашего домика на юг.

Февраль. То же видно и из моего окна. Только здесь сосны. А вдали Тогот⁴⁹.

Возлюбленное.

Помнишь ли ты?

Все помню.

21/III

Закончил небольшую статью под заглавием «К вопросу об определении относительных высот при помощи 2 анероидов». Уехал Борисов. Сдал ему череп Андрюшиного изюбря, его конечности и лопатку, а также 3 черепа. Ящик с керамикой отправлен Вильским ранее. Мальчики усердно занимаются обдиранием птиц и чисткой скелетов.

Приехал из Урги Марчук и привез от В. А. ящик с разными мелкими необходимостями, а также письмо мне от Жамцарано, который весьма жалуется на Гольцова, уродующего монгольскую музыку.

Оказывается, в Урге — Штейн⁵⁰.

Бурят, продавший нам медведя, хочет попасть в экспедицию. Надо будет иметь в виду⁵¹. Таин-гол⁵². Февраль. Самая суровая из рек Ноин-Улы. Жестокие сивера и каменистые увалы. Снимок сделан с откопной дороги, которая вьется по косогорам от Дзун-Модо к Судзуктэ. Верховье Таин-гола — одно из наиболее красивых мест на Ноин-Уле. С ним по характеру сходны некоторые ключи Хацуртэ и вершина Билютя. По этому склону мы однажды верхами с Андрюшей выслеживали изюбрей.

22/III

Ровно год тому назад мы приехали в наш домик. По этому случаю немного полакомились сегодня. Мальчики даже немного выпили. Днем все вчетвером усердно чистили кости, которых накопилось большое количество.

⁴⁸ А р а н г а т у — населенный пункт в Центральном аймаке.

⁴⁹ Т о г о т — населенный пункт в Центральном аймаке.

⁵⁰ Ш т е й н (Stein Augel) — английский археолог и исследователь Восточного Туркестана и Внутренней Монголии. Издана его работа по исследованию Азии «Innermost Asia» (Сокровенная Азия) (Oxford, 1924).

⁵¹ Вклеена фотография.

⁵² Т а и н - г о л — река, имеющая истоки в Ноин-Уле.

Скомбинировал материалы для дополнительного отчета об археологических разработках. В него войдет описание отдельных могильных полей, дополнительные сведения о «Кондратьевском»⁵³ кургане и несколько слов о разработке малых могил.

Вечером возился над проблемой «золотого сечения». По-видимому, здесь основная пружина — не уравнение, а своеобразное движение разности катетов, стремление к нулю при [...] ⁵⁴ положении перекаладины. Немного пели.

23/III

Почти закончил «Дополнительный отчет об археологических разработках».

Мальчики продолжают усердно чистить скелеты.

Получил известие, что в Мандале нам предлагают росوماху. Пожалуй, можно ассигновать 15 долларов.

Днем около солнца были замечательные круги и дуги.

Чтение «Метеорологии» Клейна⁵⁵ закончили. Перешли к статье Милля⁵⁶ в «Справочнике путешественника».

Василий Андреевич и собачки. Февраль. Та, которая сидит у правой руки В. А., проделала путь с караваном из Троицкосавска. Две другие — ее ургинские дети. А посередине — милый траппер. Драгоценный человек. Ровный, ласковый и изобретательный. Я думаю, что в экспедиции он полезнее каждого из нас. Он — благонадежная основа всех передвижений, перемещений, укладок, укупок и пр., и пр.! Все знает, обо всем вспомнит.

24/III

Закончил и почти переписал дополнительный отчет по археологии. Это последняя работа относительно Ноин-улинских курганов. И, как раз сегодня, заканчивается наш археологический год. Именно 24/III были начаты работы на Мокром и Верхнем курганах. Чистка скелетов подходит к концу. Скоро можно будет отправить партию ящиков в Мандал. Теперь осталось только закончить съемку. Потом будем прощаться с Судзуктэ. Потом простимся. Все тот же круг. Странник не должен очаровываться. Странник должен проходить.

25/III

Ну, уж теперь-то не больше 25 строф осталось.

⁵³ Кондратьевский курган — курган, принесший самые первые находки при раскопках Ноин-Улы, относящиеся к гуннскому времени.

⁵⁴ Неразборчиво.

⁵⁵ Клейн (Klein) Феликс (1849—1925) — немецкий математик, чл.-кор. Петербургской Академии наук. Имеет труды по геометрии, непрерывным группам, автоморфным функциям.

⁵⁶ Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ, историк, экономист, общественный деятель, основатель английского позитивизма, разработавший индуктивную логику.

Закончил переписывать начисто последний отчет по археологии и привел в порядок все бумаги.

Китайцы принесли из западного коридора замечательные куски тканей, весьма плотных, с художественным фигурным орнаментом. По-видимому, весь потолок гробницы был задрапирован.

К несчастью, китайцы хотят отказываться работать: прокладка штрека становится весьма затруднительной. Грунт осыпается. Во всяком случае, как-нибудь надо изворачиваться. Слишком привлекательна дальнейшая разработка.

Андрюше положительно везет на изюбрей. Сегодня пошел вечером немного пройтись и наткнулся на 3 в Суцзуктском ключе. Стрелял и следил до темноты, может быть, ранил одного.

26/III

Мальчики снимали водораздел Цзурунтэ и Гуджиртэ.

Осматривал гробницу. Оказывается, весь потолок покрыт сплошным ковром. Его фигурный покров положен непосредственно на тщательно отесанные бревна. Поверх того покрова наложен предохранительный плотный, хорошей работы, войлок. Сверх него — слой спрессовавшегося мха (мелкие сучки, листья брусники и т. д.) от 5 до 6 см.

Очевидно, что вести штрек нельзя. Поэтому послал одного китайца на Дзун-Модо за рабочими. Придется пускать параллельный шурф в две смены. Ночью и днем. Завтра трудная задача — засечь яму наиболее выгодно. Заготовили на этот предмет два отвеса и две мерные сажени. Приезжал А. А. Привез неинтересные газеты и 7 пудов муки.

Отправил Марчука разыскивать Андрюшиного изюбря. Вскоре он действительно нашел небольшую матку, уже мертвую. Живой вес ее — 5 пудов. С проезжими в Мандал отправил Вильскому 4 изюбриные шкуры.

Китайцам за работу в штреке следует получить 30 долларов (6 дней). За предварительные работы на Верхнем им причитается 32 доллара. Сюда же входит плата Чаун Фо за ящики. Выдано им 4 пачки дунзы. Чаун Фо также нужно заплатить за прогулку в Дзун-Модо.

Вечером обдумывал конец «Баллады». Может быть, заключительными строфами будут следующие:⁵⁷

27/III

Целый день работали внизу по Судзуктэ. Провешивали и мерили торный базис для съемки. В столь пересеченной местности, как Ноин-Ула, для съемки интересующей нас площади нужен ломаный, под прямым углом, базис, каждая из сторон которого имела бы не меньше версты. К сожалению, эти условия в рельефе Судзуктэ невыполнимы. Пришлось ограничиться небольшим ломаным базисом с наибольшим отрезком в 330 сажен.

⁵⁷ Неразборчиво.

С раскопками — осложнения. Китайцы решили содрать как можно больше денег, заметив, с одной стороны, что раскопки представляют интерес, а с другой — что рабочих найти затруднительно. Я им предложил 250 долл. за разработку параллельным шурфом, а они потребовали 350! (Сабан — 400!). В результате я предложил Марчуку организовать русскую артель, для чего он и выехал сейчас в Хадакен.

От П. К. не имею ничего, послал поэтому ему следующую телеграмму: «Верхнем ткани типа всадников. Разработку продолжаю».

Я несколько утомился. Не количеством работы, а ее беспорядочностью и пестротой. Не удивляюсь, что П. К. сделался к старости раздражительным. С большим усилием можно иногда на четверть часа внутренне изолироваться. И самый сон всегда беспокоен.

28/III

Бесполезные дни. Надо работать, а рабочих нет. Проходил сегодня из Урги на Русь русский кожевник с Чиркоя⁵⁸. Приходится возвращаться домой, так как нет 12 рублей на монгольский паспорт. И вот кожевник проделывает пешком по горам 600 верст. Направил его к Марчуку. Написал следующее:⁵⁹

И шелест превращается в треск,
И шорох — в подземный звон,
И слышит Гава возрастающий гул
Со всех четырех сторон.
Как будто неистовый и слепой
Ураган из долинной земли
Ударил в шершавые склоны гор
И камни вверх поползли.
Но деревья поникли, и травы спят,
Покойны бездны небес,
И вдруг стремительный лес рогов
Ворвался в застывший лес.

29/III

Мальчики снимали водораздел Бальджи и Б-Буинка. Уложили все кости, чучела и шкуры. Список предметов в биологическом журнале. Приступил к переводу статей Berkeley. Вечером приехал Онуфриев и привез росомаху. Зверь необычайный. Дьявол!

Вечером написал следующее:

Отец лесов — Мандахан-Тенгри
Смотрел с небесных полей,
Как мчится на сына Земли
Яростный вихрь зверей.

⁵⁸ Ч и р к о й (Чикой) — приток р. Селенги, в который впадает р. Миньзи (Минжи). Течет в 100 км от Ноин-Улы на востоке Центрального аймака.

⁵⁹ Вклеена фотография.

В сердце любовь и жалость вошли
К не ведающему страха,
Не дал исчезнуть Мандахан-Тенгри
Гаве гниющим прахом.

Сияли в звенящей тишине
Чело, и плечи, и грудь.
В недосыгаемой вышине
Созвездья чертили путь.

Закончил-таки!

30/III

Диктовал Котику перевод статьи «The discovery of an unknown Continent»⁶⁰. Андрюша перечерчивает таблицы.

В Дзун-Модо приехал консул. Завтра его жена собирается к нам. Приходил Иван. Осматривал гробницу. Высказывается за параллельный шурф. Согласился работать. Получил письмо от Н. М. Абраменковой. Оказывается, Мих. Мих. исполнил мою просьбу. Ел. Алексеевна вышла замуж за Алексея Аbruновича. День моления 3/1. Мистерии. Закончил Гаву.

3 апреля

31/III целый день буря и снег. Будучи уверен, что гости не приедут в такую погоду, я с Андрюшей отправился в Дзун-Модо, так как по многим причинам хотел повидаться с Васильевым. Против снега и ветра, с обледеневшими лицами, добрались мы наконец до Дзун-Модо. Но оказалось, что Васильев рано утром выехал в Ургу. Первоначальный план — возвратиться мимо нас — был из-за непогоды, конечно, изменен. К сожалению, Васильев не сказал А. А., когда приедет П. К. Во всяком случае, за ним выслан автомобиль. Я из Дзун-Модо послал П. К. следующую телеграмму: «Верхнем ткани типа всадников. Прошу телеграфировать Дзун-Модо выезд Троицкосавска».

В. А. послал письмо с просьбой выслать 300 долларов. Их привезет Зиганшин, который едет в Ургу в субботу через Боротай. Переговорил с рабочими. Иван, Марчук и двое из Дадакена придут на днях. Говорил по телефону с полпредом относительно способа передвижения П. К. А. А. и Васильев видели 30/III турпана. Мы с Андрюшей 1/IV [...] ⁶¹. Время прилета обеих птиц весьма близко к прошлогоднему.

Возвратились домой мы на следующий день (1 апреля). Идти было еще труднее, так как мело целую ночь. Местами приходилось сходить с дороги на косогор. Вскоре после того, как мы вошли в бассейн Тани-гола, заметили на увале, на расстоянии версты, 4 пасущихся изюбрей. Долго мы смотрели на них. Было ветрено, и шел снег. Во мгле

⁶⁰ «Открытие неизвестного континента» (англ.).

⁶¹ Неразборчиво.

покоились леса и хребты. А звери тихо бродили. Все было так же и сотни тысяч лет тому назад.

Вечером прочел мальчикам Гаву.

На следующий день пошел за изюбрями. К сожалению, не рассчитав трудностей дороги, вышел слишком поздно. Когда подходил к Таверну, солнце уже взошло. Зверей увидел на том же месте, но ближе к гребню. Каждую минуту они могли уйти в сивер на лежку. Пришлось обходить их по сиверу Таверна. Когда дошел до каменистой вершины, от которой отходил «изюбриный» гребень, я стал решать вопрос: как идти? Они могли оказаться и по ту и по другую сторону гребня. Пришлось идти поэтому по самому гребню. Я стал медленно приближаться по глубокому снегу, держа винтовку в руках и внимательно осматривая оба склона. Как вдруг снежный намет, по которому я шел, внезапно кончился и я увидел скрытых им от меня до этой минуты 4 изюбрей без рогов на расстоянии 180 шагов. Звери стояли вплотную, один за другим, левым боком ко мне. Ко мне были повернуты и все головы. Удачная пуля могла бы пронизать их всех. Прятаться было поздно, и я, почти навскидку, выстрелил, тотчас же все звери стремительно бросились от меня в сивер. Я выстрелил еще несколько раз по бегущим. Я пошел по следу и через 600—700 шагов вдруг увидел краску на следу. Однако по ходу было видно, что изюбрь лишь слегка задет. Вскоре след, далеко видный на голых увалах, показал мне, что звери ушли в Дзун-Модо. Я пошел домой. В табуне было три матки и один самец варгол. Возвратился я первым ключом Баин-гола, предварительно отдохнув у китайцев, что заготавливают доски в вершине Баин-гола. Я долго наблюдал за их спорой работой — распиливанием бруса на доски. Дорога Баин-гольским ключом была весьма трудной. Едва доплелся домой. Мальчики вычисляют птицу и делают чертежи из «Natural History»⁶². Вася прекрасно сделал волка для полпреда. Пришли трое рабочих. Кроме того — Якушевский, которого вместе с Сабан поставлю пилить дрова. Из рабочих двое из Дадакена и один — тот самый, который за неимением 12 долларов делает 600 верст пешком. Возились с Котиком над метеорологическими таблицами. Перевод закончили. Теперь надо будет еще перевести статью Berkey. Обе они хороши, правда, с оттенком рекламы, но сжаты и выпуклы. Кажется, все домашние работы подвигаются к концу. Чтобы окончить съемку, потребную для археологического отчета, осталось сделать два маршрута. Барометр необычайно высок.

4/IV

Мальчики снимают Гуджиртэ (лесистую часть). Я возился со статьей Berkey. Вечером диктовал ее Котику. Сговорился с Марчуком относительно поставки леса из расчета: 50 3-саженных бревен за 18 долларов.

⁶² «История природы» (англ.).

На кургане до сих пор мерзлота, хотя прошли 2 метра.

Зимиреву велел расчистить дорогу в наиболее трудных местах, близ перевалов в Бальджу, Баин-гол и Таверн. С удовольствием читаю Сервантеса.

У кургана № 24. Октябрь 1924 года ⁶³.

Высокий человек в рысьей куртке — Юдин. Рядом с ним, отставив левую ногу, стоит Теплоухов. В просвете за ним виднеюсь я. Левее меня — Боровка, а еще левее — А. А. Кузнецов. Все это — совершенно разные люди. Группа не бог весть какая приятная. Снимок тоже не из удачных. Налево лесистые прелести Судзуктэ совсем расплылись.

Курган № 24 в начале разработки.

На обеих фотографиях на заднем плане стоят унылые персоналии той же группы, кроме Теплоухова, который снимает. По доскам, которые разбросаны повсюду, вывозят песок из ямы.

С этой эпохой у меня связаны довольно неприятные воспоминания. На Судзуктэ была бестолочь. Постоянно приезжали и уезжали гости; работало и просто околачивалось множество рабочих; в доме жили чужие по духу люди. Как всегда, хорошо было только в лесу, куда мы и уходили при первой возможности. А эти ненужные разговоры по вечерам. Конечно, было плохо еще и потому, что положение экспедиции еще не определилось.

Моя последующая поездка в Ургу тоже не была особенно радостной.

5/IV

Диктовал Котику статью Berkeley (по-русски). Завтра закончу. На работах прошли 1,75 сажени. Меня беспокоит непрекращающаяся мерзлота в S стороне шурфа, как раз той, которая ближе всех к N стороне прежнего шурфа. Если вертикальный слой между срубами промерз весь, то придется сдвинуть новую яму на 1 аршин к северу.

Марчук возит лес. Андрюша делает птиц и вычисляет птиц. Вася закончил обработку всего материала, привезенного из гольцов. Осталось сделать скелет росوماхи и чучело глухаря. Завтра заканчивается необходимая часть съемки ⁶⁴. Хацуртэ в том месте, где теряет лес. Февраль 1925. В уреме виднеются заросли ельника. Это редкость для Ноин-Улы. Здесь в первый раз я был в августе прошлого года. Здесь же останавливались первым лагерем Ел. Вл. и Якушевский в февральскую поездку. Правые увалы заканчивают массивный кряж между VI и VII ключами. На заднем плане виднеется становой хребет Ноин-Улы. Излюбренные места ⁶⁵.

Вид к северу с водораздела Хузуртэ — Билютэй.

⁶³ Вклеена фотография.

⁶⁴ То же.

⁶⁵ То же.

Февраль 1924

Снимок не из удачных. Не вышла великолепная с этого места долина Хоры. Пункт, с которого сделан снимок, близко от самой Ноин-Улы. Как раз в тот день мы с Андрюшей делали съемку Ноин-Улы.

6/IV

Беседовал с рабочим-чикойцем, Александром Ладыженским. Он казак, холост, говорит по-монгольски, 4 года служил близ Кобдо. Кожевник, умеет выючить верблюдов, конечно, лошадь знает. И просится в экспедицию. По-моему, подходящий для нас человек. Но пока ничего ему не обещал — хочу присмотреться.

Определил широту на открытом воздухе. Мальчики сняли правый гребень и Судзуктэ. Теперь необходимая часть съемки готова. Вечером немного пробовал сочинять музыку на текст Гумилева:

Уронила девушка перстень
В колодец, в колодец ночной.
Простирает легкие персты
К холодной воде ключевой...

7/IV

Определил еще раз широту на открытом воздухе.

Большая согласность этих данных говорит за то, что первые определения были ошибочными. Работал над примечаниями к отчету по метеорологии.

Вечером было всеобщее состязание в определениях мелких расстояний. После многократных измерений определились следующие ошибки (в процентах): я — 7,5; Д. — 8,0; С. — 11,5; К. — 10,5.

9/IV

Вчера закончил обработку метеорологических записей за год (1/IV 1924—31/III 1925). Написал пояснительный лист примечаний. Абсолютную высоту Судзуктэ следует принять в 1500 м. Вчера же закончили (мальчики) чертежи к статьям Osborn'a и Berkey. Теперь осталось вычертить съемку и составить список гипсометрических пунктов.

Сегодня, по случаю дня рождения, был в лесу. Весна идет. Свистят рябчики, прилетели дрозды.

Ход работ.

Прокопано 1,85 сажени. Закреплено 1,35 сажени. Состав рабочих на этот раз очень удачен. Ладыженский старается изо всех сил, двое других русских тоже усердны. Думаю поставить еще ночную смену. Сегодня день моего рождения. 29 лет. Я прочитал то, что написал год тому назад. И все это повторяю. Трудно установить связь между обогащением внешнего опыта и путем бессознательной духовной жизни. Так же трудно, как связать небо и землю. И в то же время, как тело бродит по горам, а рассудок решает тысячи мелких задач хлопотливой повседневности, в глубине растет печаль, любовь и сострадание к

близким по духу. Как в творчестве путь к простоте идет через сложности, так в жизни встречаешь человека, пройдя одиночество. Только эти встречи несут обетования. Они неизгладимы, так как живут своей обособленной жизнью и не блекнут со временем.

10/IV

Ход работ.

Все утро был на работах. К вечеру прорыто и закреплено 2,1 сажени. Начала работать ночная смена: Якушевский, Сабан и два новых китайца. Якушевский — leader⁶⁶. Марчук привез всего 65 3-саженных 5-вершковых бревен, за что получил 24 доллара.

День теплый. Первый со средней температурой выше нуля. Снег садится на глазах.

Сегодня Андрюша закончил съемку, а Котик переписал начисто список гипсометрических пунктов. Таким образом, все намеченное сделано. Вася вчера рано утром ушел на Хару. Вчера же слышал утром тетеревов на отдаленных вершинах. Гусей пока не видно. Подробно читаю⁶⁷. Вокальный антракт. Февраль. Налево — Котик. Направо — А. Симуков. В середине — я. Поем «Заклинание изюбрей». Большой белый лист на стене на самом деле — карта Ноин-Улы. В данный момент мы с Андрюшей тянем знаменитую «квинту». Сделать это на протяжении 20 секунд экспозиции — подвиг.

Уголок Котика⁶⁸. Здесь жила Ел. Вл., когда гостила у нас. Гуран, который прикреплен к стене, убит мною в апреле 1924 г. удачным выстрелом. Я его застал вечером на лежке, причем была видна только его рогатая голова. В нее и пришлось стрелять на 120 шагов. Пуля пробила череп над глазом. Хорошо умереть так неожиданно и мгновенно.

11/IV

Предоставил мальчикам работать некоторое время самостоятельно. Они решили заняться подробной легендой к съемке Ноин-Улы. Кроме того, чертят поперечные профили долин в створе могильников.

С учреждением ночной смены работа пошла быстрым темпом. Полагаю, что 14-го пятая сажень будет закончена.

Усердно читаю «Across Mongolian plains»⁶⁹.

Вечером пели, что теперь редко случается. Выучили столь знакомое Пулковское «За ваше мы здоровье пьем»...

12/IV

Зимирев принес слухи о том, что 10/IV через Боротай проследовал П. К. Подробности неизвестны. Беспокоит отсутствие Ивана. Для вы-

⁶⁶ Лидер (англ.).

⁶⁷ Вклеена фотография.

⁶⁸ То же.

⁶⁹ «О монгольских растениях» (англ.).

яснения вопроса послал Андриюшу в Дзун-Модо. Приехал Зиганшин. Вероятно, Андриюша принесет интересные новости.

Ход работ.

Обвалилась немного западная стена (незакрепленное место внизу), что задержало работу. Всего прорыто и закреплено 3,28 сажени. В дневную смену взял еще Зимирева.

Определял широту. Котик видел 1 стаю гусей.

Штудировал [...] ⁷⁰.

13/IV

Андриюша вернулся из Дзун-Модо с запоздавшей телефонограммой от П. К. Он 9-го выехал из Троицкосавска. В Боротай передал, что скоро приедет на Судзуктэ. В. А. прислал через Зиганшина деньги, вещи и письмо мне от М. Ф. Белопольской ⁷¹ (!). Письмо просто трогательное. К нему приложены следующие вырезки:

№ 1 «П. К. Козлов о „Мокром кургане“.

Вчера в зале Певческой капеллы состоялась устроенная секцией научных работников Губпроса лекция П. К. Козлова о его последней экспедиции в Монголию. Знаменитый путешественник в своей лекции коснулся, между прочим, новых раскопок в „Мокром кургане“, о которых у нас вчера сообщалось. „Мокрый курган“ предположено было разработать еще в апреле 1924 года, но это не удавалось сделать из-за воды, наполняющей курган. Попытки откачать воду 3 машинами-насосами не имели успеха. Курган представлял из себя недоступный колодец. Только в феврале, когда грунтовые воды почти прекратили движение, явилась возможность спуститься во внутреннее погребальное помещение и приступить к разработке.

„Мокрый курган“ представляет большую ценность для экспедиции именно ввиду своей недоступности. Грабители, хозяйничавшие в соседних курганах, сюда, видимо, не проникли, на что указывают обнаруженные здесь нефритовые изделия — то, чего не удавалось найти в других погребальных помещениях.

Обнаруженный во время раскопок ковер с мелкими изображениями пятнистого оленя, рыси и лося прольет новый свет на ту эпоху, которую от нас отделяют свыше 2 тыс. лет. Животные: рысь и лось — всегда были известны в Сев. Монголии вообще и в горах Ноин-Ула в частности. Что же касается пятнистого оленя, то он обитает только в окрестностях Владивостока и на острове Аскольде».

№ 2 «Новые успехи экспедиции Козлова.

Вчера П. К. Козловым получена от своего заместителя в Урге, старшего помощника начальника монгольской экспедиции Кондратьева следующая телеграмма: „По вашему указанию, наконец смог при-

⁷⁰ Неразборчиво.

⁷¹ Белопольская М. Ф. — жена директора (1916–1919) Пулковской обсерватории А. А. Белопольского.

ступить к разработке „Мокрого кургана“. Грунтовые воды в феврале почти прекратили движение. Очищено внутреннее погребальное помещение. Добыто много нефритовых изделий, всевозможных тканей, оригинальные предметы, большой ковер. В орнаменте ковра — иероглифы и мелкие изображения грифона, рыси, пятнистого оленя. Разработку продолжаю“. Сердечно приветствуем вас с новым успехом».

В первой вырезке почти все не соответствует действительности. Во второй — текст моей телеграммы дополнен и переименован Петром Кузьмичом. См. текст моей телеграммы на стр. 53. К нему были добавлены еще следующие слова: «...в орнаменте пятнистый олень, грифон, рысь. Разработку продолжаю».

Интерпретация П. К-а. характерна для него.

В. А. пишет, что пришло письмо от Ел. Вл. Я очень рад. Значит, она благополучно добралась.

Иван придет, по-видимому, только на следующей неделе. Поэтому шестую сажень придется очищать после Пасхи.

Прилетели коршуны.

14/IV

Сегодня мы устроили генеральную стрельбу в цель, которая показала только, что погрешности наших винтовок больше погрешностей наших индивидуальных ошибок.

Вечером неожиданная радость. Приехал С. Ан. с Колей Пржевальским. С С. Ан. мы тотчас же перешли на «ты». Конечно, долго не спали в разговорах о Пулкове. Как все прекрасно устраивается. Получил длинное письмо от П. К. Ответил ему на 8 страниц.

Ночная смена прекратила работы. Идет крупный камень с конца 4,05 сажени. Сруб немного оседает. Поставили распоры.

Получил письмо от МИКа.

15/IV.

Приезжал А. А. Были с ним и Сережей на кургане. Там все идет хорошо, но несколько медленно из-за крупного камня. Прорыто и закреплено 4,02 сажени. Китайцы носят сухой 4-вершковый лес для пирамидальной части сруба.

Вечером разучивали вчетвером «Ноченьку». Сережа очень музыкален. Пели ему мои вещи, которые, несмотря на скверное исполнение, по-видимому, произвели на него большое впечатление.

На вопрос П. К. относительно дальнейшего участия Павлова в работах экспедиции я высказался в том смысле, что судить о важности его исследований не могу, но что как товарищ и член экспедиционной сети он мне несимпатичен.

18/IV

16-го и 17-го показывал Сереже наши владения. 16-го посетили Судзуктинский тетеревиный ток. Я пару убил. 17-го были на Цзурумтинском току, откуда пошли на Тогот, захватив по дороге капкан. Ви-

дели коз, тетеревов и тетерок. Во время обеих прогулок Сережа подробно рассказал мне обо всем том, что передал ему Лев Михайлович. Это значительно и требует размышлений. Вчера вечером начал высказываться и я.

Вот уже несколько дней, как мы закончили все наши работы. Ходим охотиться. Мальчики натаскивают Колю, а я ввожу в наши занятия Сережу. Сегодня он учился определять широту солнечным кольцом.

Работы на раскопках приостановились на праздники. Прорыто и закреплено 4,65 сажени. Сложены 3 нижних венца пирамидальной части сруба. Заготовлен материал для остальной части. Читал Сереже «Гаву». Причем долго беседовали по поводу моего тезиса: «Важны средства, а не цель».

«Он, кажется, позабыл обо мне как о живом человеке» — так сказала она.

Так вот. Охотимся, отдыхаем и ждем П. К. Завтра вся компания, кроме меня, отправится на Дзун-Модо. Ладыженский принес кулич, яйца и окорок от Кузнецовых.

Кончил Andrews'a ⁷². Занимательная книжка, но слишком популярная и не свободная притом от ошибок.

20/IV

Пасху мы встретили очень уютно. Пели и мальчики пили. Вместо скатерти накрыли стол моим спальным мешком, сшитым Ел. Вл. Из Дзун-Модо нам прислали кулич и крашеные яйца. Кроме того, кабаньий окорок.

19-го все, кроме меня, пошли в гости к А. А. Таким образом, первый день праздника я проводил в приятном одиночестве. Читал и думал.

Труден путь человечества от радостей тела и игры ума к духовной жизни. И этот путь каждый индивидуум повторяет в своем безграничном микрокосмосе. Новая жизнь рождается, как ребенок, в страданиях.

Дополнил список результатами Канаевской экскурсии в Сугунур. Вечером читали Шопенгауэра ⁷³ и немного дискуссировали. Читал, между прочим, «Дополнения к учению о страданиях мира». Я люблю глубоко религиозный дух философии Шопенгауэра. Что значат сарказм и желчь в сравнении с его неистовыми страданиями! Метафизическое объяснение виновности, а значит и горя, мира — грехопадением — вот философема, просторней которой не знает философия этики.

⁷² Andrews (= Эндрюс Рой Чепман) — сотрудник Естественно-исторического музея в Нью-Йорке. Руководитель нескольких научных геологических и палеонтологических экспедиций по Монголии и Северному Китаю в 20-х гг. XX в. Занимался раскопками меловой и третичной фауны позвоночных.

⁷³ Шопенгауэр (Schopenhauer) Артур (1788—1860) — немецкий философ-иррационалист. Главное сочинение — «Мир как воля и представление». Его труды имели большое значение в дальнейшем развитии европейской философской мысли.

Потом до полночи беседовали мы с Сережей. Говорили о планах Льва Михайловича. Я продолжал развивать свою идеологию. Относительно практической работы мое мнение таково: не надо искать особых условий, они всегда налицо.

21/IV

Видел стаю журавлей, которая долго растерянно кружилась над Судзуктэ и потом скрылась.

Во время вечерней экскурсии Андрюша с Колей видели стадо кабанов (8 голов) в пятой пади Судзуктэ. Звери кормились близ гребня. Мальчики стреляли, но безуспешно.

Читал Проута «Прикладную физику»⁷⁴, которую мне прислал папа ошибочно вместо «Музыкальной формы».

Хорошо весной в Халхаских горах.
Зверь идет на увал.
Солнце срывает белый покров
С темного тела скал.

29/IV

22-е число прошло тихо и мирно. Но уже к вечеру 23-го произошли решительные изменения во внутренней жизни экспедиции. Перехожу к последовательному изложению событий.

23/IV приехал А. А., и мы втроем (с С. Ан.) пошли на курган. На обед мы с Сережей вернулись домой, а А. А. остался на работах. Захватив свечку, мы вновь отправились на курган во 2-м часу. Мы шли уже по тропинке, сворачивающей с главной дороги, как вдруг услышали голос А. А., окликавшего нас снизу. Тотчас все мы увидели его, стоящего у автомобиля и разговаривающего с П. К. Мы подошли. П. К. встретил нас, в особенности меня, весьма недружелюбно и сразу набросился на нас за то, что он не получил от нас письма, что я не получал вовремя телеграммы, что не прислал Канаева и т. д., и т. д. Затем он взял С. Ан. и пошел с ним медленно в гору, а я пошел за рабочими, для того чтобы они помогли автомобилю выбраться на гору. Как мне потом сказал Сережа, по дороге домой П. К. все время спрашивал его о подробностях моей семейной жизни.

Как только я вернулся домой, П. К. сейчас же потребовал от нас всех, чтобы мы отдали ему все имеющиеся у нас фотографии, плохо объяснив это тем, что «они нужны ему для различных журналов». Только потом я понял, что он искал снимки Ел. Вл., сделанные на Судзуктэ в феврале. Когда этот осмотр кончился и несколько незначительных фотографий было отобрано, П. К. немедленно попросил меня показать ему находки. Мельком просмотрев вышивки из Верхнего курга-

⁷⁴ П р о у т У . — английский физик, предположивший, что атомы всех химических элементов выражаются целыми числами (гипотеза Проута, 1815).

на, он перешел к находкам из «Мокрого» кургана и накинулся на меня за то, что ящики сделаны недостаточно длинными и слишком широкими. Я стал ему возражать. Он тотчас же пришел в сильнейшее возбуждение и прошипел мне угрожающим тоном: «Мне еще надо поговорить с Вами по одному вопросу! Вот выйдем вместе потом туда!» — и показал пальцем на дверь. Затем полушепотом добавил: «И это еще называется близкий человек! Мерзавец!» В это время пришли мальчики. Я тотчас же попросил их удалиться и потребовал у П. К. объяснений. В сбивчивых и скользких фразах он стал говорить мне о МИКе, Павлове, письмах Ел. Вл. МИКу, пребывании Ел. Вл. на Судзуктэ и пр. Я через минуту понял, в чем дело. От негодования и гнева у меня вскочила опухоль в горле. Не давая мне прервать его, он предложил мне ехать в Москву с коллекциями, а затем в самостоятельный разъезд для определения астрономических пунктов в Северной Монголии. Когда он кончил, начал говорить я. Боюсь, что не совсем спокойно. Я сказал, что только теперь узнал его по-настоящему, во всей подлости его души, что он низкий и негодный человек, что я глубоко презираю его и тотчас же уеду из экспедиции, постараюсь как можно быстрее забыть о нем. П. К. растерялся и сказал, что он надеется на то, что я прежде закончу необходимые работы, что в этом «мой долг». На это я ответил в том смысле, что наш долг — быть нравственно чистыми, а не собирать тряпки и насекомых.

Вслед за этим, под прозрачным предлогом: «не перевраны ли телеграммы» — он попросил меня показать ему письма Ел. Вл., что я с отвращением сделал, дабы не причинять лишних неприятностей ей.

Затем я стал сдавать ему все отчеты и материалы, заявив, что я немедленно уезжаю. Причем напоследок дал ему совет держать себя с мальчиками приличнее, так как в экспедиции все против него в большей или меньшей степени ожесточены. Он вдруг грустно сказал: «Спасибо за совет. Я это знаю». Вслед за тем я сказал ему, что обо всем происшедшем я немедленно поставлю в известность С. Ан., причем, если угодно П. К., то в его присутствии. П. К. вскрикнул: «Ну уж вот это свинство!» Я ответил: «Теперь мне совершенно безразличны Ваши характеристики моих поступков. Я это сделаю, так как считаю, что достаточно одному человеку поплатиться за 2-летнюю ошибку». В таком стиле мы разговаривали несколько часов. Затем, как-то вдруг, П. К. ослабел и попросил довести его до постели. Если это был фарс, то, во всяком случае, талантливо разыгранный. Я отвел его до постели, принес одеяло, подушку и уложил старика. Он стал раскaiваться и просить, просто умолять, прощения у меня. Говорил, что только теперь он понял, как я ему дорог, что он — безумец, что ему нельзя больше путешествовать, что ревность — это страшная болезнь и что он не в силах думать о том, что экспедиция так внезапно развалится. Он лежал измученный, осунувшийся, и как это ни странно, но мне стало его жалко. Затем он просто вымолил у меня рукопожатие и поцелуй. Во

время этой последней стадии разговора он посвятил меня в ужасные подробности экспедиций Пржевальского.

Я ушел от него в мучительном недоумении: хитрит ли он, чтобы исправить скверное положение, или же раскаивается искренне.

Как только я пришел в свою комнату, меня вызвал Сережа, который невольно услышал несколько фраз П. К. в начале нашей «беседы». Фразы эти привели его в ужас. Он спросил меня, может ли случиться, что я уйду из экспедиции? Я ответил: «Может». Он сказал: «В тот день, когда уйдешь ты, уйду и я». После этого я пошел спать. Чувствовал себя совсем разбитым. Почему-то сильно болело горло. На следующее утро, 24/IV, мы с Сережей пошли на работы. По дороге я рассказал ему подробно о нашем разговоре с П. К. Я изложил лишь фактическую сторону дела, а выводы предоставил делать ему самому.

После обеда мы пошли с ним далеко в лес и степь вниз по Судзуктэ. Во время этой прогулки и выяснились пути нашего дальнейшего поведения. Он согласился с некоторой затруднительностью оценки поведения П. К. (вспышка безумия или планомерное поведение?) и поэтому сочувственно отнесся к моему проекту: предоставить в этом положении право решающего голоса Ел. Вл. Вместе с тем решили, что если мы даже и останемся в экспедиции, то будем работать независимо от П. К.

На следующее утро я написал Ел. Вл. следующее письмо.

Дорогая Елизавета Владимировна!

23/IV Петр Кузьмич, сейчас же после своего приезда на Судзуктэ, в форме, более чем неприятной, высказал мне свои скверные подозрения относительно наших с Вами взаимоотношений, наметив вместе с тем план, изолирующий мою работу от работы всей экспедиции.

После этого я изложил ему все, что имел сказать, по поводу его душевного строя, отказался от всякого участия в дальнейших работах экспедиции, которые стали мне противными. Всякие соображения о так называемом «долге» здесь неуместны, так как, конечно, наш главный долг — быть по возможности чистыми сердцем, а не собирать куски древних тряпок, птиц и т. п. Я всегда смотрел на экспедицию прежде всего как на условия нравственного воспитания, а не как на процесс обогащения случайными находками.

Под весьма недвусмысленным предлогом П. К. просил меня показать ему Ваши письма, что я с отвращением сделал, только для того, чтобы не создавать лишних неприятностей Вам. Для этого же прошу Вас показать П. К. все мои письма. Причины его подозрений для меня, конечно, совершенно неинтересны.

Вслед за этим П. К. как-то весь осунулся и ослабел и стал просить у меня прощения за все сказанное. Как это ни странно, но мне стало его очень жалко. И я начал колебаться. Не слишком ли жестокую кару понесет П. К. за свое безумие?

С. Ан. слышал невольно из соседней комнаты несколько фраз П. К., которые привели его в ужас. Он вызвал меня к себе и спросил, останусь ли я в экспедиции? Я ответил: «Может быть, нет». Он сказал: «В тот день, когда ты уйдешь, уйду и я».

Впрочем, если бы С. Ан. и не слышал ничего, то я все равно рассказал бы ему обо всем происшедшем, так как считаю, что совершенно достаточно и одному человеку поплатиться за 2-летнюю ошибку. Я предлагал П. К. сделать это в его присутствии.

Мальчикам я ничего не скажу. Считаю, что им слишком рано знать о подобных гадостях. Но оба они сильно стосковались по дому. И думаю, что я не отклонюсь от истины, если скажу, что решимость идти дальше поддерживалась только мною. Вот по всем этим причинам я полагаю, что мой уход из экспедиции может вызвать ее развал. И вот я медлю и думаю.

К сожалению, после всего того, что я услышал от П. К., я потерял к нему всякое доверие. И поэтому не знаю, искренне ли его раскаяние, или же просто он понял, что слишком далеко зашел, и хочет избежать неприятных осложнений. Я не знаю. П. К. слишком труден и сложен для меня. Вы знаете его лучше, чем мы все, взятые вместе.

Если происшедшее было вспышкой, безумием, то я готов простить его в своей душе, ибо я сам не знаю, что значит ревность. Тогда я останусь работать в экспедиции, но, по возможности, независимо. Если же все это явилось следствием постоянного подозрения и недоверия ко мне, то я, не смотря ни на какие последствия, должен и хочу тотчас же во всем порвать с экспедицией и постараться как можно скорее забыть о П. К.

При моем недостаточном знании П. К. и то и другое решение может быть серьезной ошибкой. Поэтому я и обращаюсь к Вам, чтобы Вы, как всегда чистосердечно, ответили мне на следующий вопрос: «Простили бы Вы П. Кузьмича, будучи на моем месте?» Я тем более имею право задать Вам такой вопрос, ибо все высказанное П. К. касается в одинаковой степени и Вас.

В ожидании Вашего личного или письменного ответа я буду продолжать текущую работу, которая стала для меня совершенно неинтересной. Прошу Вас ответить возможно скорее.

С. Кондратьев.

В дальнейшем события разворачивались следующим образом. Едва я успел написать начерно вышеприведенное письмо, как из Дзун-Модо приехал Зиганшин с 2 заседланными лошадьми. П. К. стал упрашивать меня поехать вместе с ним. Я отговаривался, мотивируя тем, что мне совершенно не до гостей, но он продолжал уговаривать меня, так что в конце концов я поехал. Очевидно, это был просто маневр, разъединяющий нас с Сережей. По первоначальному плану П. К. должен был уехать в понедельник. Ехали мы молча, каждый занятый своими мыслями. День в гостях прошел томительно. Ели, слушали цыганские романсы в граммофоне и безудержно хвастливую речь подвыпившего П. К. Удивительно, как я раньше не замечал всей пошлости этого хвастовства! Как его подсаживали в автомобиль, с каким почтением к нему отнеслись в ГПУ, как за ним ухаживали в поезде и т. д. и т. д. Невольно вспомнилось о том, что Шопенгауэр писал о спеси и старости. В конце концов стал рассказывать Кузнецовым о МИКе, а затем делать мне выговор за то, что я не получил вовремя телеграммы. Мне было противно, и я молчал. Вечером я рано пошел спать, а они еще долго забавлялись граммофоном.

Рано утром 26/IV мы выехали в обратный путь. В конце Таверна и по Баин-голу П. К. гнал лошадь неистовым карьером, как будто желал выместить на ней что-то. Мне будет памятна эта бешеная скачка. Уже в самом конце дороги П. К. сказал мне следующее: «Я бы очень хотел, чтобы Ел. Вл. не знала ничего о происшедшем». На это я ему ответил, что как раз я буду просить его передать письмо Ел. Вл. и что мы с С. Ан. будем ждать ответа на это письмо. Это вызвало ряд бессмысленных упреков и сетований по поводу участия в экспедиции Сережи. Затем он вдруг добавил, что уезжает тотчас же. Очевидно, этим своим решением он хотел заставить меня врасплох. Лишь только мы приехали домой, он начал спешно собираться. Я сел писать краткий конспект о работах на Верхнем. Закончив его, стал переписывать письмо Ел. Вл.

В это время П. К. разговаривал с Сережей, как мне передал потом последний, который высказал ему все то, что и хотел сказать. В высшей степени раздраженный П. К. заявил ему: «Ну, в таком случае надо экспедицию кончать!» Но затем опять изменил курс и предложил Сереже, чтобы мы подумали об идее нашего самостоятельного совместного разъезда. Затем, уже одетый, он стал ожидать окончания моего письма. Когда я поставил точку и дал ему прочитать написанное, он пробежал глазами несколько строчек, стал нервно дергать бумагу и наконец, скомкав письмо, сунул его в карман. После этого попросил меня дать ему поскорее все нужные бумаги и пошел усаживаться в автомобиль. Через несколько минут автомобиль скрылся, увозя П. К., Васю Канаева, ящики с коллекциями, изюбриный череп ветвисторогий и пр. и пр.

И опять с неба неслышно пролилась тишина, как будто ничего не изменилось, ничего не произошло. На самом же деле в тот самый момент, когда «экспедиция РГО под начальством П. К. Козлова» достигла, как казалось, своего наивысшего благополучия и расцвета, она треснула сверху донизу, раскрыв гнилую сердцевину.

Бросая теперь на все происшедшее ретроспективный философский взгляд, вижу я во всем происшедшем не несчастный случай, а закономерное следствие многих причин. У экспедиции были только традиции, но не было идеи. Ведь нельзя же назвать идеей стремление Козлова елико возможно расширить свою популярность и удовлетворить свое тщеславие. А это было именно так. Вот почему все стремления сводятся к тому, чтобы добыть находки, интересные с точки зрения случайной научной моды. Вот почему самостоятельные исследования сотрудников допускались с неохотой. Вот почему в газетах появлялись столь нелепые статьи о работах экспедиции. Теперь многие мелочи и особенности в поведении Козлова стали понятными и объяснимыми для меня. И поступки, которые раньше представлялись мне аномальными уклонениями, внезапно осмыслились в новой перспек-

тиве его характера, в каковом доминируют нравственная распущенность и тщеславие в сочетании с деспотизмом и раздражительностью. Если два последних качества можно извинить тяжелой школой путешествий, влиянием Пржевальского и старости, то первые два неизвинимы для человека, который берется руководить юношеством. Священное слово «учитель» звучит смешно в сочетании с именем Козлова. И странный парадокс в том, что если мы примем от него его наиболее ценное качество — благоговение к учителю, то тем самым совершив слепое преступление по отношению к самим себе, так как вместо идеала поставим себе идола, гнилого внутри.

Отвратительные обвинения, высказанные им, не столько оскорбили меня, так как ведь я не сделался ни хуже ни лучше, сколько ужаснули меня той низостью, носителю которой я был предан в течение 2 лет. Я как бы мгновенно понял свою ошибку и долгие месяцы корыстного отношения ко мне, корыстного, ибо оно покоилось исключительно на той пользе, которую я приносил. Я понял также, что какого-нибудь не окрепшего духом юношу подобное разоблачение могло бы сломить или нравственно изуродовать, навсегда сделав мизантропом. И только благодаря тому, что я уже силен духом, происшедший инцидент вызвал во мне, с одной стороны, лишь отвращение, а с другой — радостное предчувствие грядущей свободы. И теперь все мое существо стремится отряхнуть с себя экспедиционную пыль. 27-го устраивали совместный поход на тетеревов. Застали их высоко на Судзуктэ, в том месте, где они ночевали в феврале. Разогнав этот ток, спустились на основную. В общем убили 8!! Я — 4, Котик — 2, С. Ан. и Коля — по одному.

28-го приводил в порядок свои бумаги. Андрюша и Сережа козовали близ поворота Бальджи, в Гуджиртэ. Сережа убил свою первую козу. Пришлось ему, таким образом, быстро познакомиться с удовольствием тащить 7 верст козу. Хотя несли они ее поочередно, но тем не менее измотались основательно.

Ход работ.

Углубление подвигается чрезвычайно медленно из-за бревен, которые все время обнаруживаются в яме. 27-го вынули 3 бревна, лежавшие в NS направлении на расстоянии друг от друга 20—40 см. 28-го 3 бревна в OW направлении, на таком же взаимном расстоянии. Сегодня 6 (!) бревен опять в северо-южном направлении. Бревна от 18 до 30 см в диаметре. Так как сруб приходится расширять, то перерубать бревна нельзя и приходится вытаскивать их целиком. Бревна лишены коры и, может быть, части луба. Их колодцеобразное сложение и обилие угля в грунте как будто свидетельствуют о погребальном костре. Вспоминаются еще остатки сбури.

28-го послал П. К. с оказией следующее письмо. (Сегодня, к сожалению, оно вернулось, т. к. китаец, взявший его, почему-то не пошел в Ургу.)

Петр Кузьмич!

Досылаю Вам программу Павлова, которую я позабыл передать при той спешке, с какой Вы уезжали. Кроме того, по Вашей просьбе, напоминаю Вам о «Баллодовской» печати у Бадмажапова. Работа на кургане подвигается, но медленно. В грунте стали обнаруживаться длинные толстые бревна, удаление которых сильно задерживает темп углубления. Положение и размеры бревен регистрируются. Начали опускать пирамидальную часть сруба.

Теперь о личных делах. Вы напрасно скомкали мое письмо к Ел. Вл. Независимо от того, останусь я в экспедиции или нет, Ел. Вл. узнает обо всем. Вы имели смелость несправедливо оскорбить и меня и ее, имейте же мужество нести все последствия. Как оказалось, я недостаточно узнал Вас за 2 года, но, по-видимому, и Вы не вполне разобрались во мне. Иначе Вы были бы осторожней. С С. Ан. мы больше не разговариваем об этом инциденте, так как уже пришли к определенному решению. Теперь я жду ответа Ел. Вл. В Ваших интересах ускорить его.

С. Кондратьев.

30/IV

Приехал В. А. за урной и привез прилагаемое письмо от П. К.

Дорогие Сергей Александрович
и Сергей Анатольевич!

Вы молодые, сильные, крепкие, Вы можете все сделать. Сделайте же такое чудо, чтобы все то, что произошло 23/IV в Судзуктэ, казалось только кошмарным сном, а не ужасной действительностью. Об этом я Вас прошу всей силою моего внутреннего Я.

Если Вы это сделаете, если вернете мне мой прежний крепкий дух и восхищение природой Азии, я улыбнусь Вам всей моей обновленной душой. Не закрывайте же заветной двери в Ц. Азию тому, кто ее открыл обоим Вам!

Наш общий светлый друг Елизавета Владимировна не должна омрачаться знанием прошлой ужасной действительности. Ее надо беречь, т. к. она чистая-чистая и никогда не знала нехорошего. В немногих словах я сказал все — очень многое, продуманное глубоко, после ряда мучительных бессонных ночей.

Спасибо Вам обоим, в особенности Сергею Александровичу, за прекрасные живые письма Ваши, полученные мной в день возвращения из Судзуктэ. Глубоко скорблю, что они не попали мне в руки вовремя!

Примерно через неделю постараюсь навестить Вас в нашем любимом, родном Судзуктэ.

Ваши прежние ласковые лица, добродушные улыбки при прежних встречах встретят ли меня теперь вновь при первом предстоящем свидании? Если да, то Ваш старший товарищ никогда-никогда не забудет доверия и награды Вашей!

Крепко обнимаю и целую Вас. Всегда Ваш П. Козлов.

Р. S. Особых известий нет. Ел. Вл. сидит в Харбине. Ее отъезд связан с отъездом Дудукалова. До моего отъезда к Вам она едва ли вернется. Не сердитесь при виде Ваших писем. Нашим милым мальчикам мой сердечный привет.

Поговорил с Сережей и мальчиками, с последними о том, смогут ли они идти с П. К., если мы с Сережей уедем в самостоятельный разъезд. Отвечаю на письмо следующим образом:

Мы получили Ваше письмо, Петр Кузьмич, и вот что отвечу я. Прочитав Ваши слова, я вижу: несмотря на все происшедшее, мне представляется слишком жестоким омрачить закат Вашей исследовательской деятельности. Хотя не скрою, что мне тяжело оставаться в экспедиции. Я не мальчик. Я многое принес в жертву, поступая в экспедицию. Я работал добросовестно, но не ставлю себе это в заслугу, так как считаю это справедливой платой за проникновение в сердце Азии. Но я оставил близких мне людей, приостановил развитие моего композиторского дарования не для того, чтобы после 2 лет напряженной работы для Вас получить в ответ столько же чудовищное, сколько и беспочвенное оскорбление. Подумайте об этом как следует и поймите, насколько трудно постараться забыть об этом, а тем более «ласково улыбнуться» Вам. Я не хочу быть фальшивым. Мне еще долго будет тяжело видеться с Вами.

Конечно, я знаю, что от всего сказанного Вами мне я не стал ни хуже, ни лучше. Но доверие и признательность к Вам пошатнулись в основании. Трудно перенести такое внезапное разочарование в человеке. Тем более, когда связан с ним всей деятельностью. Вы, вероятно, сами чувствуете, что в дальнейшем ходе экспедиции нам нельзя будет работать вместе. След пережитого слишком болезнен. И потому хотя бы слабое подобие происшедшего приведет к непоправимым осложнениям. И потому в Вашем присутствии и я и С. Ан. все время будем находиться в состоянии хронического беспокойства. И какая же при этом работа!

Таким образом, единственный, по нашему мнению, сохраняющий экспедицию выход — это предоставить нам независимый совместный разъезд по выработанному Вами плану. Но прежде чем пойти на это, подумайте, пожалуйста, как следует. И поймите, что мы не форсируем положение, а только стремимся склеить разбитое. И мы предупреждаем Вас заранее, что инцидент, хоть в малой степени подобный бывшему, с кем бы из нас он у Вас ни произошел, немедленно повлечет за собой наш уход.

Что касается плана, района и времени нашего разъезда, то мы, конечно, подчинимся Вам по всем пунктам. Монголия нам неизвестна, и я полагаю, что любую задачу мы постараемся выполнить как можно лучше.

Я употреблю все мое влияние на мальчиков, чтобы они достойным образом провели путешествие с Вами и чтобы оберегали Вас от разных мелочей, что всегда старался делать и я, хотя Вы, может быть, и не замечали этого. Со своей стороны и Вы, Петр Кузьмич, не задерживайте их, не кричите на них из-за всякой их оплошности. Относитесь к ним мягче, и они воздадут Вам сторицей. Вы сами знаете, что это хороший материал, из которого можно вылепить, что угодно. На них, как на породистых лошадей, ласка и спокойная строгость действуют лучше, чем хлыст. Ведь в Ваших же собственных намерениях расстаться после экспедиции с учениками, а не с враждебно настроенными к Вам людьми.

На этом я пока и закончу. В Ваш ближайший приезд постараемся спокойно обсудить будущее и решить окончательно все вопросы.

С. Кондратьев.

2/V

Вчера был день, чреватый событиями. Утром приехали на автомобиле из Дзун-Модо Жамцарано, Кузнецов, Даян-Дамба и еще один бурят. Ходили вместе на работы и осматривали курганы. Показывал Жамцарано погребальное помещение верхнего кургана. По дороге домой я изложил ему план работы проектируемой мной инициативной группы по созданию монгольского Национального музея⁷⁵. Он отнесся к этому проекту весьма сочувственно. Вскоре после того, как гости уехали, прибежал с работ Ладыженский со словами: «Якушевский упал в шурф». Как впоследствии было установлено, накат в том месте, где был сращен, расплелся, и несчастный свалился с высоты около 2 сажен, ударившись при падении еще о деревянный выступ сруба. Сейчас же мальчики с импровизированными носилками были командированы вниз. К этому времени Якушевского уже вытащили. Поддерживаемый, он сам имел силы дойти до дому. Осмотрев его, мы нашли перелом левой плечевой кости и сильный ушиб верхней части левого бока и спины. Общими усилиями поставили ему на плечо спиртовой компресс и забинтовали руку, закрепив повязку полосами подошвенной кожи и деревянными дощечками. Сейчас же я командировал Котика в Дзун-Модо за лошадьми и повозкой, а также за верховой лошадью для гонца в Ургу. Вернувшись, Котик стал просить меня отпустить в Ургу его, на что я, после короткого колебания, согласился. Задача — найти автомобиль в Урге и снарядить его в Мандал. На тот случай, если в течение 2/V нельзя будет командировать автомобиль, — заранее заказать в Мандале пару лошадей.

Вечером приехал к нам на лошади Сосновский, и сегодня утром вся процессия, носившая поистине символический вид, выступила в Мандал. Впереди телега с огромным ящиком, заключающим урну, сзади телега с привязанным к ней Якушевским. Беднягу жаль. Вот кому не везет в жизни. Сегодня же отправил Зимирева с пособием для семьи Якушевского и за мукой. Вечером имел с Андрюшей и С. Ан. разговор на «серьезные» темы.

Привел в порядок суточные метеорологические наблюдения. Все это, впрочем, неважно. Существенно же то, что мне надо уйти из экспедиции. Я предчувствую, что мне придется раскаиваться в своей уступчивости.

3/V

Вчера поздно вечером вернулся Сосновский. Якушевский благополучно доставлен в Мандал.

⁷⁵ Национальный музей был образован в Монголии в конце 1920-х гг. при ходатайстве Ц. Ж. Жамцарано и большой организаторской помощи Кондратьева и Симуква. В дальнейшем Симуква был директором этого Музея.

Над нами все время проходят частичные циклоны и депрессии. Барометр все время подвижен, но низок. Холодно. Почти все время пасмурно. Временами снег. И порывистый ветер. Последние дни все читал Ибсена. Его жизнь, статьи о нем, потом античную двулогию. Опять все та же проблема: быть или творить. С одной стороны — благополучный бюргер, тщеславный, самолюбивый, несколько жадный до денег, раб этикета, с другой — пророк свободы, с пламенным сердцем, обширным умом и специфическим талантом драматурга. И все пламя ушло в творчество. А призрачное бытие подчинилось рутине. Светильник, который стоит в пыли и горит ночью, затмевает звезды. Заслуга Ибсена в том, что он с силой первоклассного художника символизировал наиболее жесткие проблемы и никогда не ставил точек. А ведь это последнее и отличает художника от проповедника. Потому читателю позволено идти за автором так далеко, как позволяют его, читателя, духовные силы. В этом же главные условия всякого действительного живого влияния.

Когда читаешь Ибсена, то кажется, что образы, созданные им путем глубокой интуиции и длительного анализа, начинают вскоре жить своей собственной жизнью, независимой от поползновений художника, который лишь выделяет моменты, характерные для линии их духовной жизни.

Ибсен впервые захватил меня в пятнадцатилетнем возрасте, сначала «Брандом», потом «Пер Гюнтом». Затем я охладел к нему, быть может, под влиянием Гамсуна. Символика Ибсена стала представляться мне напыщенной, пафос во многих местах надуманным. Теперь я могу понять Ибсена шире. Но нет уже той юношеской впечатлительности, которая заставляла меня плакать над «Брандом». Насколько я помню, меня познакомил с Ибсеном Сережа Шимановский.

Фрагмент:

Тело мое земля.
Кровь моя вода.
Истоптанным полям
Тело и кровь отдам.

А что сияло во мне
Отблеском звезды —
Когда я стану нем,
Канет в небо как дым.

5/V

Прилетели удоны. Безрезультатно ходим за мясом. Любовался сегодня глухарем на току. Глухой лес, предутренний сумрак и огромное черное тело, то припадающее, то как бы плывущее по земле. Зрелище незабываемое.

Вчера прочел несколько рассказов Уэллса ⁷⁶, между прочим один прелестный — «The door in the wall» ⁷⁷.

На работах плохо. Днем, когда я там был, все было превосходно. Но к закату положение внезапно изменилось. Восточную стену выпирает внутрь, подшивочные жерди лопнули, на протяжении всего сруба не прекращается треск. Рабочие, конечно, все вылезли. Надо дать движению затихнуть, а потом придется крепить посередине сруба.

7/V

Вчера пришлось мне с Ладыженским расpirать шурф, так как остальные рабочие побоялись спуститься. Послал Котика на Дзун-Модо за А. М.

Он приехал сегодня утром и, ознакомившись с положением, мы устроили консультацию. В общем, вчера мы исправили положение, и движение в срубе прекратилось. Вчера Андрюша ухлопал трех коз. Опять мясо есть.

А я теперь по ночам хожу в лес. Так чудесно! Луна, потом предутренний сумрак и прохлада, а потом на восходе — как будто внезапно расцветает сад. Вчера хорошо поговорили втроем. О путях совершенства. Котик вернулся в ночь с 5-го на 6-е. Я не особенно доволен его поездкой. Пользы она принесла мало, т. к. ему не удалось настоять на автомобиле, а денег истратил много.

Жизнь идет сейчас у нас довольно безалаберно. Но как-то не хочется налаживать. Поскорее бы разделаться с экспедицией.

8/V

Утром наставлял Колю Пржевальского по части энтомологии.

На кургане благополучно. Начал обнаруживаться штрек в помещении. Сруб прикрепили длинными бревнами к двум основательным сырым сосновым стволам, которые положили горизонтально близ столбов ворот. Осадка прекратилась.

Вечером долго читал вслух Шопенгауэра.

10/V

Вчера учил Сережу [...] ⁷⁸ к глухарю.

Работа близится к концу. Между шурфами уже установилось сообщение.

Вспомнить о муравьях и белой сойке.

Сегодня опять ночью пошел в лес. Долго наблюдал за рябчиками, которых подманил. Дрались они необыкновенно забавно.

⁷⁶ Уэллс (Wells) Герберт Джордж (1866—1946) — английский писатель, классик научно-фантастической литературы, связывавший в своем творчестве проблемы научно-технического прогресса с социальными, дававший нравственные прогнозы развития общества. Известны его романы: «Машина времени», «Человек-невидимка», «Когда спящий проснется», «Тоно-Бенге» и др.

⁷⁷ «Дверь в стене» (англ.).

⁷⁸ Неразборчиво.

Рабочие сегодня отдыхают.
Диалоги с Ив. Зимиревым, по меньшей мере, утомительны.
Прибыла посылка из Урги.

12/V

Оба истекших дня почти целиком провел в шурфе. Там все время работает также Андрюша. За эти 2 дня сделали много. 11/V начали обнажать с севера потолок. На первых трех бревнах обнаружили только войлок. Ковер начался с 4-го бревна. К сегодняшнему вечеру удалось снять ковер с 6 бревен потолка, как в W, так и в O половине. Ткань сохранилась недурно, но разорвана или надорвана на отдельные полотнища по границам между отдельными бревнами, каковые осели неравномерно, что и вызвало разрывы покрова. Наиболее повреждена ткань посередине потолка, в месте, где бревна поломаны. Края ковра грубо обрезаны. В восточной части край ковра был прикрыт непосредственно «мхом», без войлока. Схема настоящей ситуации такова ⁷⁹. На западной половине потолка ткань без орнамента. По-видимому, над гробом находится наиболее богатая часть ковра в отношении орнамента.

Вся работа носит неприятный характер. В срубе все время угрожающие потрескивания, а закрепить его снизу представляется весьма трудным. Так и ждем каждую минуту катастрофы. Вчера отпустил обоих Зимиревых. Вместо них пришел Фун Чин.

Извлекли вчера 6 бревен наружного потолка. Также одно бревно внутреннего потолка для того, чтобы поскорее добраться до земли и поставить стойку под толстое бревно.

13/V

Все время на работах. Сегодня сильно двинули очистку N части погребального помещения. Вынули много бревен внутреннего и наружного потолка. На стойках и матицах кое-где сохранились обрывки тонкой ткани. На сохранившихся наружных стойках ясно видны остатки капителей. Много времени ушло на крепление. Под точку A подвели бревна в северо-южном направлении, которые утвердили на двух стойках, упирающихся в пол помещения. Несмотря на все предупредительные меры, западная стена сруба продолжает оседать. Скоба, сшивающая два подшивных бревна, сильно погнулась и разорвала отверстие в верхнем бревне. Пришлось дополнительно скрепить эти бревна двумя скобами. Все же дамоклов меч продолжает висеть все время.

16/V. Утро

Два истекших дня были всеми посвящены целиком археологии. Сруб закрепили с возможной тщательностью и приступили к очистке гробницы. В старый шурф опустили машину, но она не взяла много воды по той причине, что уклон пола гробницы к северо-востоку. Поэтому перенесли машину в новый шурф и в северо-восточном углу

⁷⁹ Далее помещен рисунок ковра и схема шурфа.

пола прорубили отверстие. К вечеру 15-го очищены северный коридор и северная часть внутренней камеры. Найдены косы в большом количестве, обрывки различных тканей, куски животной перепонки, керамика от 2 разбитых урн, части седла, две деревянные пилястры и пр., и пр.

Среди тканей попадаются весьма значительные в художественном отношении образцы. В северном найдены небольшие участки толстого ковра, за стойками — обрывки мотива «человек и птица».

Работа идет успешно. Трое или четверо из нас постоянно присутствуют на кургане, принимая участие в работе. Лучше всех работает Хан Чой. Хорошо — Андрюша. Вечером — отмывание находок. Утром остающиеся дома наклеивают этикетки.

15-го вечером получили из Урги посылку со следующим письмом П. К. Мы посмеялись с Сережей над его замечательной тактикой: ни слова в ответ на наше предложение и отъезд в Китай, для дела, кстати, совершенно лишний, т. к. при современном развале в Китае разрешения, выданные в Пекине, будут иметь очень мало веса на окраинах. С другой стороны, П. К. знает, что я не брошу работы в его отсутствие, и потому ему, конечно, выгодно отложить свидание сколь возможно, если он решил пренебречь нашим предложением. Письмо хорошо тем, что — официально, по крайней мере, — не фальшиво. Кроме того — толково и систематично, что относительно редко для писем П. К.

К сведению С. А. Кондратьева и С. А. Глаголева.

1. 9-го мая я еду в Китай на три недели с целью обстоятельно переговорить с Караханом⁸⁰ частным образом по поводу дальнейшего маршрута экспедиции, хотя бы только до Хара-Хото и его окрестностей.

2. По окончании полной разработки Верхнего надо тотчас перейти в Гуджиртэ и там, на одном из наиболее подходящих курганов, продолжать по-прежнему раскопки. Выбор кургана всецело предоставляю С. А. Кондратьеву. Его разработку желательно вести успешно в смысле времени, если явится необходимость в прибавке рабочим заработной платы, можно ее повысить, но немного. С. А. Глаголеву, с геологической точки зрения, осветить горы Ноин-Ула в такой полноте, в какой они освещены в растительном и животном отношениях. Ботанические сборы вести полностью. В свободное время заглядывать на археологические раскопки, присматриваться к ведению работ и помогать С. А. Кондратьеву.

С Андрюши, который будет уделять время главным образом археологическим раскопкам, спрошу наблюдения за птицами и зверями; самое необходимое — приращение коллекций в виде шкурок зверьков и птиц в особенности. Именно с этой целью, уезжая в Россию, я оставил С. А. К. наставление Андрюше на зимнее время выучиться препараторству для летних разрездов.

⁸⁰ Л. М. К а р а х а н (= Караханян) — востоковед-китаист, являлся членом Монгольской комиссии, неоднократно бывал в Монголии, в 1923—1924 гг. был советским полпредом в Китае.

Котику, так умело и успешно поработавшему в прошлом году и обогатившему энтомологическую коллекцию экспедиции, остается пожелать нового успеха, по возможности придерживаясь новой, дополнительной инструкции А. П. Сем.-Т.-Ш.⁸¹

Коле экскурсировать с Котиком, но главным образом с С. А. Глаголевым, помогая ему в его сборах, поучаться, имея всегда при себе морилку для насекомых и баночку со спиртом. (Не бить посуды, не терять копалок или геологического молотка.)

Ко всем охотникам. Не брать эмбрио от копытных. Эмбрио маралухи неумело консервировалось, сгнило, выброшено (да его и не следовало брать в таком большом размере). Следует брать только эмбрио [...] ⁸².

Надо принять к сведению, колонков — два: судзукский (их у нас много) и ноин-улинский (только в одном экземпляре). Последний меньше и бледнее по окраске. Из птиц очень желательны: белоспинный дятел, гольцовая сова и голыц. [...] ⁸³.

Семье Якушевского (несчастного) выдать пособие в полном размере заработной платы — это долг экспедиции.

Тарабаганов в сборе экспедиции три формы.

Оттиски с печати Баллодовского кургана.

Урга. 7/V 1925 г. П. Козлов.

А в общем все это — тлен!

Видел сегодня во сне Льва Михайловича (Сережа тоже его видел). Он шел ко мне с просветленным лицом, на котором были какие-то странные черные полосы. Вторую половину дня был на кургане. Начали вести штрек на юг в восточной части помещения. Не очень легко. Через несколько дней придется послать кого-нибудь в Ургу. Нужно отправить П. К. телеграмму в Пекин с запросом относительно работ на Гуджиртэ. У нас один накат, и я боюсь, что раньше июля мы не закончим. Затем надо привезти деньги и кое-какие продукты.

Ночами вижу длинные утомительные сны. Встречаю множество лиц, живу лихорадочной жизнью, просыпаюсь утомленным.

«Напутственная песня».

17/V

В гробнице почти закончили штрек в восточной половине. Восточная наружная стена немного сдала. Подкрепили ее.

Ходил в Гуджиртэ осматривать могилы. Приглянулась 11-я в верхней группе. Хочу сдать работу отрядно.

Охотился днем. Побили в верховье правого ключа Гуджиртэ 2 коз. Выстрелил дважды в бегущих, но промахнулся. Подходя к верхнему Боротайскому току, увидел штук 15—20 косачей. Они сидели на сухой

⁸¹ А. П. Сем.-Т.-Ш. — А. П. Семенов-Тянь-Шанский, видный энтомолог, брат Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского — вице-председателя и главы Русского географического общества, исследователя Тянь-Шаня, инициатора ряда экспедиций в Центральную Азию.

⁸² Неразборчиво.

⁸³ Неразборчиво.

сосне, большие, черные, неподвижные. Трижды я подходил к стае. Убил одного. Был на глухаринем току. Там безмолвно. На закате все небо было в темных рваных облаках. На востоке густо синела туча.

23/V

Истекшие 6 дней прошли в общей напряженной работе на кургане. Фактически раскопки прекратили 21-го, но с предварительной обработкой и упаковкой материала думаю покончить только завтра.

Я очень доволен, что мы благополучно закончили эту наиболее опасную разработку. В особенности меня беспокоит слой земли между стенами обоих срубов. Как говорят, все последние дни мы «под Богом» ходили в гробнице. А основательно закрепить штрек было невозможно, так как тогда было бы весьма трудной задачей хорошо очистить все помещение.

18/V из-за непогоды не работали. Выпал снег в 0,17 м, который сплошной пеленой покрыл землю на 2 дня.

19/V прошли штреком до конца восточную половину, начали штрек в западной.

20/V очистили восточный коридор, гроб, который затем вынули по частям, и восточную половину внутренней камеры. Кроме того, выбрали остатки надпотолочного ковра на востоке.

21/V очистили западную половину внутренней камеры, западный коридор и вынули южную часть надпотолочного ковра в западной половине.

Работали либо все на кургане, либо часть занималась дома промывкой и просушиванием вещей. Находок весьма много.

Из всех наиболее важны:

1. Надпотолочный ковер (44,5 м).
2. Одежда покойника.
3. Ковер из внутренней камеры.
4. 2 тисненных на металле барельефа аргали и изюбря.
5. Вышивка типа «человек и птица».
6. Материя с крылатыми всадниками.
7. Лакированные крашенные пилястры и чашка.

Всего добыто, не считая керамики и частей ковра, около 500 отдельных предметов, из них более 60 кос и футляров от них. Покойник был, по-видимому, вытащен из гроба и брошен (засунут) в восточный коридор в сидячем положении, так как площадь, на которой найдена одежда, не превышает в длину метра. Промывая у колодца части одежды, мы вытащили из кальсон остатки (почти истлевшие) костей, обильно покрытые зелеными кристаллами моноклинической системы. Одежда покойника издавала резкий неприятный запах. Быть может, следы благовоний. Когда я промывал эти остатки костей с кальсонами в нашей суповой кастрюле, мне, между прочим, пришла в голову мысль: насколько во мне угасла брезгливость. Вся одежда довольно

сильно потрепана, так что промыли ее мы поверхностно. Она состоит из шелкового халата с плотным стеганым войлоком внутри, весьма широких темно-красных шаровар запорожского типа, со сборками у колен, шелковых кальсон, также до колен, наголенников из плотного фигурного шелка, в которые вшиты наголенники из материала кальсон, низких войлочных сапог, чепчикообразной шляпы с развалившимся каркасом из бересты. Кроме того, около одежды мы нашли еще целый ряд предметов, могущих иметь к ней отношение. Тут же были вынуты из глинистой грязи барельефы аргали. Они с большим вкусом стилизованы.

Нижняя часть штанов (наголенников) с большим напуском. Но отверстие для ноги — узко. Совсем как у половецких персонажей в «Князе Игоре»!⁸⁴ Почти весь надпотолочный ковер оказался разрозненным на части, соответствующие отдельным бревнам потолка. В южной части, где половина ковра сильно изодрана, по ним, вероятно, ходили грабители, ход которых был шире нашего шурфа. В этой части, на западе и на востоке, ткань гладкая, орнамента нет. Весь ковер состоит из трех мотивов: 1) голова быка, 2) птицы и «саламандры», 3) черепахи и тритоны. Два различных по виду ромбических орнамента соответствуют 2 последним мотивам. Все три мотива сочетаются друг с другом случайными кусками без общего выдержанного плана. Наиболее богатый орнамент на надгробной части потолка. Интересно, что повторяющиеся эпизоды с черепахами и тритонами различны в подробностях. В этом мотиве встречаются еще бабочки. Внутренний ковер оказался в хорошей сохранности. Был он весь в складках, а лежки (так!) гроба найдены в сильно смещенном положении. По-видимому, грабители передвигали гроб туда-сюда. В самом гробу в земле мы не нашли ничего. Но зато под гробом обнаружено в беспорядке много вещей. Ковер внутренней камеры продран лишь в одном месте, там, где на него давила южная лежка. Лежки гроба были покрыты плотным шелком с весьма интересным орнаментом (крылатые всадники и крылатые олени).

Между северной наружной стеной и прилегающими к ней стойками найдены редкостные куски тканей типа «человек и птица». Вероятно, все стены были изнутри обиты такой материей. Но ее сорвали грабители. В противном случае отдельные куски ее, конечно, сохранились бы. Выяснились следующие дополнительные детали постройки:

- 1) В северном коридоре — 6 стоек, а не 3.
- 2) Многие стойки несут на себе следы капителей.
- 3) Наружные матицы врезаны в стены. Отверстия имеют в ширину — 23,5, в глубину — 0,13 и в высоту — 0,19 см.

⁸⁴ Князь Игорь — главный герой одноименной оперы Бородина Александра Порфирьевича (1833—1887), русского композитора и ученого-химика, академика Медико-хирургической академии, участника балакиревского кружка «Могучая кучка».

4) Во внутренней камере меридиональные стены выступают на 0,10. В остальном повторные измерения совпали с измерениями 1924 г.

Успеху всей разработки более всего способствовал Хан Чой, а также Андрюша. Хочется мне положить на музыку для нашего квартета следующие два стихотворения Manfred Kuber⁸⁵, присланные мне уже давно МИКом.

Мне понравилась ясная форма знакомых мыслей в статье Л. Толстого «О религиозном воспитании и ручном труде»⁸⁶. Мысли эти, изложенные применительно к воспитанию детей, могут быть с одинаковой силой отнесены и к взрослым.

...В воспитании вообще, как в физическом, так и в умственном, я полагаю, что главное — не навязывать ничего насильно детям, а выжидать и отвечать на возникающие в них требования; тем более это нужно в главном предмете воспитания — в религиозном. Как бесполезно и вредно кормить ребенка, когда ему есть не хочется, или навязывать знания по предметам, которые его не интересуют и ему не нужны, так тем более вредно внушать детям какие-нибудь религиозные понятия, о которых они не спрашивают, и большей частью грубо формулировать их и нарушать этим то религиозное отношение к жизни, которое в это время, может быть, бессознательно возникает и устанавливается в ребенке. Нужно, мне кажется, только отвечать, но отвечать с полной правдивостью, на предлагаемые ребенком вопросы. Кажется, очень просто отвечать правдиво на религиозные вопросы ребенка, но в действительности это может сделать только тот, кто сам себе уже ответил правдиво на религиозные вопросы о Боге, жизни, смерти, добре и зле — те самые вопросы, которые дети всегда ставят очень ясно и определенно. И вот тут-то и подтверждается то, что я всегда думал о воспитании и что Вы говорите в своем письме, — то, что сущность воспитания детей состоит в воспитании самого себя. Как ни странно это кажется, это воспитание самого себя есть самое могущественное орудие воздействия родителей на детей. И... «совершенствуйся» есть самая высокая и, как ни странно это кажется, самая практическая — в смысле служения другим людям, воздействия на других людей — деятельность человека...

24/V

Ночь и весь день идет снег. Метет. Отсиживаемся по этому случаю. Развлекались: жарили на углях в русской печи тайменя 14 фунтов в чешуе. И за ужином быстро уничтожили его. Вечером рассказывал «Тристана и Изольду» по Вагнеру. Радостно и больно прикасаться к этим воспоминаниям.

Письмо Л. М. Г.⁸⁷ Судзуктэ 25/V 1925 г.

⁸⁵ Manfred Kuber — немецкий поэт-романтик XIX в.

⁸⁶ Статья Л. Н. Толстого «О религиозном воспитании и ручном труде» написана им в 1909 г.

⁸⁷ Л. М. Г. — Л. М. Глаголев, дядя С. А. Глаголева, работавший тогда в Петроградском Центросоюзе, друг А. А. Кондратьева, отца С. А. Кондратьева.

Дорогой друг!

14-го апреля приехал к нам в горы Сережа Глаголев. Была настоящая радость. В ближайшие дни я несколько раз выслушал от него то, что Вы хотели передать с ним. Отраднo мне было видеть на нем Ваше влияние — столь значительное по внутреннему смыслу и свободное от принуждений. Отраднo и за него и за Вас. Ведь это для меня живой знак роста Вашего сердца и Вашей тоски, истинный привет издалека. Я опять ясно вижу Вас, переживаю то, что связывало нас 15 лет, понимаю нашу близкую судьбу. И знаю, что 2 истекших года мы жили вместе, хотя Вы работали в Петроградском Центросоюзе, а я раскапывал могилы в монгольских горах. К Сереже Глаголеву я относился неизменно дружелюбно, с самого начала нашего знакомства в 1923 г., когда я уже как бы предчувствовал его душевную чистоту, стремление к росту и неудовлетворенность внешними знаниями. Поэтому мне и тогда, осенью 1923 г., уже хотелось поговорить с ним по существу, что я сделаю в ближайшем будущем.

За этот месяц мы несколько раз беседовали с ним по вопросам преимущественно этического характера, причем часто расходились во мнениях. Это лишнй раз убеждает в том, что всякое диалектическое рассуждение, завершенное точкой, далеко от полноты истины и что живая истина в одеждах даже самых непорочных спекуляций — как цветы под снегом. Именно в них полнота бытия, а не в холодном футляре, как бы он ни был блестящ. Думаю еще, что не рассуждения приводят к истине, а истина к рассуждениям, так как путь жизни — путь сердца, а все философские рассуждения — только след этого пути, как хвост у кометы. Тогда они стройны, ибо легко находят свои места друг подле друга, будучи закономерно связаны с ядром жизни. Но в то же время они лишь уясняют, но не ведут.

Что касается Ваших планов, то я разделяю и приветствую их. Разделяю потому, что они несут ясность, приветствую потому, что хочу живого общения с близкими мне людьми. Однако в этом нашем обоюдном желании вижу я признаки некоторого утомления городской жизнью (для Вас) и системой мелких забот, задач и принуждений, сопутствующей ежедневному обиходу экспедиционной жизни (для меня).

Экспедиция наша живет нездоровой жизнью — традициями, а не идеей. В широком смысле это выплата обязательств, а не радостная и свободная работа. Каждый из нас, конечно, получил много за эти два года, но все эти приобретения — в плане и программе экспедиционной работы, которая, как это теперь видно, ведется исключительно с тем, чтобы произвести известное впечатление на общественное мнение. Во главе угла — тщеславные побуждения, а не бескорыстное стремление расширить наши представления о тех или иных явлениях и вещах.

В довершение всего П. К. по своем возвращении из России сказал мне несколько гадостей, на что я заявил ему, что презираю и немедленно ухожу из экспедиции, так как мне противно иметь какое бы то ни было общение с ним. Сережа, невольно слышавший часть нашего разговора, также решил уйти со мной. В дальнейшем П. К. стал умолять меня простить его, и я начал колебаться. В конце концов мы с Сережей предложили ему единственное условие, на котором мы остаемся в экспедиции, именно: предоставление нам самостоятельного совместного разъезда, т. е. работы вне постоянного общения с П. К.

В настоящее время П. К. в Китае, и в зависимости от его поведения по возвращении оттуда мы и будем действовать. Мне хочется оставить экспедицию, но, с другой стороны, старика все-таки жалко. Во всей этой ис-

тории меня тронуло поведение Сережи. Впрочем, и я на его месте поступил бы точно так же, т. к. на необузданную распущенность воображения и реагировать нужно соответствующим образом.

Во всяком случае, положение не решено, и потому я не строю планов и на 2 месяца. Предстоящее свидание с Козловым скажет мне, что надо делать. В обоих вариантах полагаю съездить ненадолго в Петроград в течение ближайших месяцев. Тогда мы подробно поговорим о нашем будущем.

Жамцарано все время приглашает меня работать в Монголии. Не так давно я изложил ему план организации Национального музея, инициативной группой которой должна быть предоставлена полная свобода в программе и ведении всех работ. Летом эта работа будет состоять в разнообразных экспедициях по всей Монголии, а может быть, и в Тибет, зимой — в разработке собранного материала. Во главе группы встанем мы с Сережей. Все работники выбираются по нашему усмотрению. Жамцарано отнесся к этому проекту весьма сочувственно. Вы представляете, какие обширные перспективы открывают эти замыслы!

Единственное, что может нарушить осуществление этих планов, это мой одновременный с Сережей уход из экспедиции, так как один я заваривать всю эту кашу не возьмусь, а ждать окончания экспедиции тоже не придется, так как жизнь все время выдвигает новые проблемы и не любит остановок. Убеждать Сережу в том или другом я тоже, конечно, не буду. Не в моей природе заниматься агитацией, да и какое значение имеет всякое несвободное решение? Да и мое собственное поведение в ближайшем будущем темно для меня. Ведь я не знаю, что вызовет во мне П. К. — повторное отвращение или жалость? Решать же вопрос теперь с точки зрения выгоды и невыгоды тоже не буду. Поэтому еще один месяц выжидательного положения.

Мы все еще производим археологические раскопки. Только что закончили повторную разработку Верхнего кургана, которая дала нам чуть ли не больше, чем все остальные раскопки. Я рад, что эта разработка на 7-саженной глубине закончилась. Последние дни мы там все время «под Богом» ходили, так как пришлось освобождать большое незамкнутое пространство на такой большой глубине. Снизу же основательно закрепить землю не представлялось удобным. Очень неприятно чувствовать на себе все время ответственность за возможную катастрофу. Вот я уже больше года занимаюсь подземным строительством и пришел к тому заключению, что земля — коварная стихия, нападающая внезапно и стремительно. Теперь мы перейдем к последнему небольшому кургану в долине реки Гуджиртэ. Это будет, вероятно, нетрудная разработка. Во второй половине июля мы простимся с Судзуктэ.

Несмотря на жестокую работу в течение зимы, в особенности второй половины ее до середины апреля, мне все же удалось закончить поэму о «Гаве», которую я не имею мужества, однако, переписать для Вас, так как в ней более 500 стихов. Если к ней прибавить еще несколько стихотворений и «3 вокальных трио», то вот и все, чем я могу похвастаться в отношении творчества за истекший год. Немного, но постоянно мешают многочисленные крупные и мелкие заботы. И еще на руках колония «малолетних» вдов. Впрочем, мальчики неплохие, но это постоянное менторство по мелочам не по сердцу мне. Их неокрепшее мировоззрение не насилую, но, когда можно и нужно, стараюсь вести. В этом — радостная сторона общения.

О моей же собственной внутренней жизни в немногих словах сказать трудно. Знак — что рост ее не прекращается и следует неведомым мне за-

конам. Чувствую, что в этом росте истинный смысл, а не в случайных приложениях случайных знаний. Вижу смысл в пути, а не в цели. Все цели, за исключением одной, которая в пути, изменчивы, преходящи и призрачны. Изменчивы потому, что становятся временными и односторонними интересами, преходящи потому, что, будучи достигнуты, исчезают; призрачны потому, что не имеют в себе объективной ценности и сияют или тлеют в зависимости от отношения к ним. «Каждый мерит мир собственной душой». Другими словами: то, что велико и прекрасно для одного, ничтожно для другого. Значит, дело не в проблеме, а в отношении к ней, в средствах к ее разрешению, в пути. «Средства оправдывают цель» — вот что верно, а не иезуитский тезис. Бескорыстие и глубокое отношение, вот что возвышает всякую цель, углубляет и расширяет всякую проблему. В противном случае жизнь превращается в пустую игру, сокровенная динамика ее подменяется сменой декораций.

Ну, вот. Заполните пустоты между этими брошенными положениями, и Вы поймете меня.

Скоро мы увидимся. Поцелуйте от меня папу и сестер. Татьяне Александровне и пулковцам дружеский привет. Если будете кому-либо читать это письмо, инцидент с Козловым выпустите. Не нужно лишних разговоров. Разве что папе можно все прочитать. Я соскучился по нему. Беда вырастить детей-бродяг. Часто я думаю, что мама и папа — это лучшее, что у меня было в детстве и юности. Мне кажется, что дети просто не могут быть достаточно благодарными подобным родителям. И любовь, и самоотречение их (родителей) — это чудо, которое в высшей степени пошло объяснять биологическими законами.

Кончаю. Примите мой вечерний привет как знак верности и любви. Будьте сильны и ясны.

Ваш С. Кондратьев.

27/V. Утро

Вчера получил письмо от В. А., в котором он сообщает, что П. К., вероятно, вернется 21—22-го. Оказывается, Andrews, заручившись бумагами Китайского правительства, выбыл в Хара-Хото (!), что, во всяком случае, свидетельствует о его предприимчивости.

Приехал Чухломин. Сегодня после обеда поеду в Ургу. Нужно: 1) выяснить вопрос о Гуджиртэ, 2) привести в порядок с В. А. Судзуктинский отчет, 3) сделать необходимые закупки. Хочу: 1) поиграть на рояле, 2) прочитать Жамцарано «Гаву», на предмет искоренения от возможной фальши в *Couleur locale*⁸⁸. Затем пора уже привести себя в приличный вид. Немножко жалко уезжать — распустился рододендрон. Лес благоухает. 27-го, захватив чучело глухаря и 2 ящика с археологическими коллекциями, выехал в Ургу, куда без приключений приехал днем 28-го. П. К. еще не было. Пришлось его ждать до 3-го числа. В эти дни я привел в порядок с В. А. весь наш денежный отчет (Судзуктэ) и сделал нужные для нас закупки. Играл всего 1 раз в полпредстве, которое приобрело вязигинский рояль. Заместитель Васильева

⁸⁸ Местный колорит (*фр.*).

Ланде⁸⁹, аккуратный латыш, отнесся к моей просьбе — поиграть — весьма предупредительно. Проигрывал старые романсы, кое-что свое и «Парсифаля». Почему-то особенного удовольствия не получил.

Читал вслух несколько раз «Гаву». Прежде всего Жамцарано — для того, чтобы обсудить возможные lapsus-ы. К моему удовольствию, таковых не оказалось. Жамцарано поэма весьма понравилась. Замечательно то, что, как оказалось, многие идеи и образы «Гавы» свойственны древнему монгольскому эпосу. Например, самый образ «Ихэ Бугу» — отца, покровителя оленей. Затем превращение охотника в камень, внутреннее просветление охотника после убийства оленя и т. д. Все это наводит на примечательные мысли о творческой интуиции.

Был несколько раз у Нестерова и 3-го июня дал в Урге одновременный сеанс шахматной игры против 13 противников. Сеанс продлился 2 ч. 50 м. Окончился с результатом 121 (с Арханчеевым).

3-го днем вернулся из Китая П. К. с Ел. Вл. Она приехала позже — вечером.

П. К. был любезен, указал маршрут, который он наметил для меня с Сережей, и сказал мне, что он отправит меня в Петроград с археологическими коллекциями. За ночь он, однако, передумал и на следующий день разговаривал со мной в том смысле, что вряд ли ему удастся меня отправить в Россию. Аргументы приводил маловесные, что я и дал ему понять, сказав, что отправить или не отправить меня зависит только от его воли. Окончательного ответа он мне так и не дал.

Я прочитал ряд статей в различных журналах и газетах о наших раскопках. Они частью возмутили, частью рассмешили меня.

Полагаю, что главная причина, по которой П. К. не хочет отправить меня в Петроград, — это боязнь, как бы на мою долю не пришлось части его «славы». Кроме того, он, быть может, боится разоблачения тех глупостей, которые он сообщил о наших работах.

Общие планы у экспедиции такие: зимуем близ Эдзин-гола⁹⁰, где проводим и весну. Затем уходим в Нянь-Шань⁹¹. Мое отношение к настоящему моменту таково.

Я поеду в Петроград. Я не хочу и не могу больше мучить МИКа, которому П. К. дал обещание относительно моей командировки. Далее: мне существенно нужно увидеть Л. М. и отца. Жертв для удовлетворения пустого тщеславия П. К. приносить более не следует. Я поеду независимо от того, придется мне уйти из экспедиции или нет. Я знаю, что я выполнил все мои обязательства по отношению к П. К. и в

⁸⁹ Л а н д е — латыш, заместитель А. Н. Васильева, советского полпреда в Монголии в 1923—1926 г.

⁹⁰ Э д з и н - г о л — река в Тибете и Монголии, впадает в озеро Орог-нур — на юге Монголии. В 12 км от ее дельтового рукава находится городище столицы тангутского государства Си-ся — Хара-Хото, открытие которого принадлежит П. К. Козлову (1908).

⁹¹ Н я н ь - Ш а н — горы Тибетского нагорья на севере Тибета.

отношении научно-деловом дал ему больше, чем он мне. Но теперь обязательства потеряли и смысл, и силу. Я не хочу мстить П. К. Во мне нет больше гнева к нему. Поэтому попрошу и Сережу и мальчиков остаться. Мальчики еще вчера сказали мне, что они поступят так, как я сочту нужным. Но мне не хочется ни демонстраций, ни скандалов. А урок, который получил П. К., быть может, научит его быть осторожнее.

В отношении деловом поездка в Петроград также необходима. Нужно отвезти коллекции, нужно привезти хороший фонограф, нужно выяснить финансовые дела экспедиции и пр.

С Гуджиртинским курганом мы покончим скоро. Дошли до дна камеры. Глубина всего около 2 сажен. И мерзлота. Погребальное помещение значительно меньше и более просто, чем в больших Судзуртинских курганах. Бревна сильно обгорели. Сохранились, тоже обгоревшими, нижние части стен. Очевидно, грабители шли пожарами. Пока найдены остатки урны и лошадиная челюсть.

9/VI

Вчера Сережа нашел интересные мелочи в земле, наполнявшей урну: 4 продолговатые бусины и 4 золотых листочка. Нашли еще части лошадиного черепа. Обнаружилось все погребальное помещение. Оно весьма невелико. Приблизительно 2,00 (OW) × 1,80 (NS). Таким образом, скоро работы на Гуджиртэ закончим. 7-го июня я остался дома один. Андрюша был на кургане, а остальные пошли на экскурсию на Ноин-Улу. Думал я о том пути, на который вступает Сережа. Вспоминал близкое старое. И вдруг увидел Хамба⁹². Не знаю, что было, но долго плакал от непонятного счастья. Видел величие жизни, смерти и пути. Далекое стало близким. Тайное сделалось явным.

Вечером имел первую беседу с Сережей. На закате ушли мы в верхний дом. Оттуда видны просторы Судзуктэ. Дальние горы были во мгле. В долине покоился туман. Лес на склонах дышал покоем и сумраком. И смутно белели в траве благовонные анемоны.

Господь благословил тебя, брат мой. О! Как ты дорог мне в эти минуты. Разве можем говорить мы о скудости существования?!

12/VI

10-го вечером и ночью имели мы вчетвером длительный совместный разговор. Я выяснил свою позицию и просил всех товарищей остаться в экспедиции в том случае, если мне придется уйти. Поговорили мы тепло и по существу. Я высказался в том смысле, что я противник солидарности в вопросах, касающихся каких-либо личных взаимоотношений. Уход из экспедиции должен быть решен каждым в свете внутренней необходимости, а не по мотивам сочувствия. Все

⁹² Х а м б а — высшее иерархическое лицо в буддизме.

трое согласились на том, что попытаются остаться в экспедиции до конца этого года.

Последний фактор в решении моем поехать в Петроград — обещания, данные П. К. МИКу. Таким экспериментам я не хочу и не могу ее подвергать. Теперь каждый вечер мы поем «Парсифаля».

На Гуджиртэ работы сегодня закончены. Сережу я попросил посмотреть почвенные горизонты. Кроме того, посмотрят, что находится под полом. Таким образом, наша археологическая эпопея заканчивается, а с ней и жизнь на Судзуктэ. Слово это, как медовое жужжание пчел, как нагретая солнцем сосновая смола.

Вот подходят дни прощания. Ты была бесконечно щедра ко мне. И я взял от тебя, сколько мог. Тебе же мой дар — «Гава» — дар ненужный, но от всего сердца. Видел я его на твоих широких хребтах, в густых зарослях, на лесных полянах, в прохладе звездной ночи. Принял и понял его тоску, и благоволение, и пламя сердца. Благодарю тебя.

14/VI

Вчера и сегодня работал над отчетами. О Верхнем кургане закончил, о Гуджиртинском написал половину.

Вчера приходила жена Якушевского. Напомнила мне «беззащитное существо» Чехова.

В общем, дни проходят довольно беспорядочно. В воздухе мед и тепло. По вечерам засиживаемся долго. Поем, беседуем и охотимся на клопов. Встаем поздно.

Смотрю на фотографии моей девочки. У нее все такой же ясный лоб, а глаза печальные. Скоро я тебя увижу. Как-то не верится.

Какой-то поворот во мне благодостный с 7-го июня.

Андрюша ревнует меня к Сереже. Большой ребенок.

16/VI

Закончил оба отчета: о Верхнем кургане и о Гуджиртинском. Полагаю, что вместе с этим я кончил заниматься археологией. Привел в порядок и отобрал свои вещи. Могу уезжать.

А П. К. все нет. Третьего дня прошел последний срок его приезда.

Хангайская экспедиция 1928 года

После окончания работы в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (осенью 1926 г.) С. А. Кондратьев по приглашению ученого секретаря Ученого Комитета Монголии (НИК)¹ Ц. Жамцарано вновь приехал в Монголию, где и проработал до 1930 г. Он был зачислен на должность заведующего метеорологическим бюро и фототекой Комитета. За время работы в НИКе им была проведена огромная административная, экспедиционная и научная работа. С. А. Кондратьев возглавил несколько экспедиций, главным образом по западному, северо-западному и северо-восточному регионам Монголии (так называемые Кентэйская и Хангайская экспедиции). Эти путешествия были частью начавшегося в 20-е гг. XX в. планового историко-географического и экономического обследования страны, предпринятого новым революционным правительством Монголии, которое активно привлекало к научной работе в Ученый Комитет Монголии советских специалистов². Это были первые систематические географические исследования страны. За довольно короткий — десятилетний — срок Географическим отделением НИКа было сделано для географии МНР больше, чем за предшествовавший столетний период исследований³. Самым главным достижением работы специалистов того времени можно считать труд по написанию популярной географии Монголии. Несколько позже Ученым Комитетом были завершены такие крупные научные работы, как «Географический очерк Монгольской Народной Республики», «Географический атлас МНР»,

¹ Другое название: Научно-исследовательский Комитет МНР. Принятое сокращение того времени: НИК.

² В 1927 г. в НИК был взят еще один бывший член экспедиции П. К. Козлова — А. Д. Симуков, проработавший в Монголии вплоть до ареста в 1939 г. Во время работы в Ученом Комитете А. Д. Симуков возглавлял картографический отдел, заведовал Государственным музеем (находившимся в то время во дворце Богдо-гэгэна метеорологическим бюро, фототекой, работал научным сотрудником Географического отдела. См. о нем: *Симукова Н. А.* Имя А. Д. Симукова возвращается в науку // *Mongolica-III* / Сост. и автор предисл. И. В. Кульганек; Отв. ред. С. Г. Кляшторный. СПб., 1994. С 57–71.

³ См. об этом отчетный доклад А. Д. Симукова «Итоги работы Географического отделения Научно-исследовательского Комитета МНР за 15 лет» // Там же. С. 64.

«Экономический атлас МНР», монография «Центральный Хангай», ставшие первыми трудами подобного рода в мировой монголистике.

Впервые было дано географическое описание всех частей страны, «без белых пятен», на основе фактического материала, установлены и зафиксированы основные черты рельефа местности, определены климатические и растительные зоны, проведены их границы, составлена карта растительности для всей страны, определены зональные комплексы фауны, изучено распространение всех крупных млекопитающих и важнейших промысловых животных, определены типичные для страны ландшафты, проведено географическое районирование территории республики и деление ее на географические провинции, что должно было иметь большое значение для изучения скотоводческого хозяйства в Монголии. Большая заслуга в этой работе принадлежала С. А. Кондратьеву. Согласно проведенному районированию, в котором С. А. Кондратьев принимал участие, Монголия была разделена на две растительно-климатические зоны: Северную (Хангайскую) и Южную (Гобийскую). С. А. Кондратьев работал в первой зоне, которая занимала 60 % всей территории Монголии. Кроме того, территория Монголии была разделена на десять «географических провинций»⁴: Алтайская горная страна, Западная озерная котловина, Хангайская горная страна, Хэнтэйская горная страна, Восточно-Монгольская равнина, Среднехалхаская возвышенность, Центральная впадина, Гобийский Алтай, Шанхайское нагорье, холмисто-равнинная Восточная Гоби. Исследования С. А. Кондратьева легли в основу характеристики Хангайской горной страны — им были установлены для этой зоны такие показатели, как годовые осадки, колеблющиеся в размере 200—300 мм в год, наличие каштановых почв, полынно-злаковых степей с ковылями, наличие тарбаганов и антилоп. Его исследования дали возможность разработать схему для описания растительного комплекса Хангайской зоны. В ней были выделены следующие характеристики: сухая злаковая или полынно-злаковая степь, комплексная горная степь, приречные долинные луга и уремы, чии⁵, нагорные леса, лесные поляны, опушки, увалы, альпийские луга, высокогорная тундра. Кроме того, С. А. Кондратьевым была проделана большая картографическая работа.

Предлагаемый ниже дневник относится к периоду Хангайской (более чем четырехмесячной — с 30 июня по 12 ноября 1928 г.) экспедиции. Во время этой экспедиции С. А. Кондратьев совершил восхождение на Отгон-Тенгри, самую высокую вершину горной системы Хангая. По возвращении С. А. Кондратьевым был представлен научный отчет: «Тельмин-нор и западная окраина Хангайского нагорья».

Дневник содержит записи, сделанные во время путешествия от Улусутая до Дурекчи-вана и охватывает период с 27 августа по 10 сентября 1928 г. В дневнике присутствуют описания флоры и фауны края, даны

⁴ Симукова Н. А. Указ. соч. С. 66.

⁵ Ч и й — вид высокого степного ковыля, растущего в Центральной и Средней Азии.

ценные наблюдения по экологии Монголии. Отдельного внимания заслуживают описания природы, которые не только представляют научную характеристику географического объекта, но подчас необыкновенно художественны, тонки, несут психологическую нагрузку, передают эмоциональное впечатление от увиденного.

В составе немногочисленного отряда экспедиции находилась жена С. А. Кондратьева — Мелитина Ивановна Кондратьева (Клягина), в обязанности которой входил сбор энтомологического и ботанического материала края для коллекций Ученого Комитета Монголии, Ботанического сада Академии наук СССР, Зоологического музея Ленинграда. Ее изданный дневник⁶ этой экспедиции относится к периоду с 30 июня по 12 ноября 1928 г. Именно в нем есть описание восхождения, предпринятого С. А. Кондратьевым на Отгон Тенгри 14—15 августа 1928 г.⁷, отсутствующее в дневнике С. А. Кондратьева.

Дневник представляет собой записную книжку размером 11,5×18,0 см, с разлинованными страницами, в черном коленкоревом переплете. На первой странице имеется два штампа, один — с надписью на старомонгольской графике: «Монгол улсын номын сан» (Государственная библиотека), другой — с номером 88. В правом углу красными чернилами написано: «СК 30», что может означать сокращенное имя и фамилию С. А. Кондратьева и порядковый номер данного дневника в коллекции материалов автора. После отъезда из Монголии в Россию в 1930 г. С. А. Кондратьев взял дневник с собой, и он, очевидно, находился в его московской квартире. На такие соображения наводят две интересные дневниковые записи, сделанные им на 88-й и 92-й страницах в 1948 и 1951 гг., соответственно. Первая из них содержит ремарку «Напрасно» и относится к неудачному для С. А. Кондратьева финалу шахматной партии с монахом монастыря Дурекчи-вана, состоявшейся 4 октября 1928 г. Вторая запись представляет собой поправку к 56 ходу сыгранной тогда партии.

Запись велась карандашом по нечетной стороне, достаточно беглым почерком, трудно читаемым в некоторых местах. Пагинированы страницы с учетом только нечетной стороны, т. е. второй лист отмечается как вторая страница, третий лист — как третья страница и т. д. На четных страницах с противоположной стороны записной книжки велся дневник продолжения этой экспедиции: от Дурекчи-вана до Хан Хухея и обратно. На странице умещается 22 строки. На страницах 9, 14, 16, 20, 24, 35 имеются таблицы, графики, рисунки.

При подготовке дневника к изданию учитывались нормы современного правописания; сохранялись авторские подчеркивания и разрядка; смысловая правка не производилась.

⁶ См.: *Клягина-Кондратьева М. И. Дневниковые записи / Публ. и примеч. К. Н. Яцковской // Mongolica-V. Сост. И. В. Кульганек; Гл. ред. С. Г. Кляшторный. СПб., 2001. С. 124—156.*

⁷ Там же. С. 133—134.

ХАНГАЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МНР

1928 г.

С. Кондратьев

От Улясутая до Дурекчи-вана

**ДНЕВНИК 1928 ГОДА
27.VIII 1928—10.IX.1928****I****От Улясутая до устья р. Улан Халга***27.VIII*

Г. Улясутай расположен при слиянии рек Богдын-гол и Цзагастай. По долине последней реки и идет дорога на Дурекчи-ван. Долина Цзагастая типична для высокого района верховий Цзапхана: широка, плоскодонна и камениста. Луг развит слабо. Обставляющие долину горы достигают 600—700 м (относительная высота). Склоны их лишены растительности, если не считать пучков караганы⁸, которые как сыпь покрывают камни то здесь, то там. Километрах в 6—8 от города на северных участках левобережных гор появляется вверх лес — мелкорослая лиственница. Этот лес, с небольшими перерывами, постепенно густеет, тянется до самой вершины реки. По горам правого берега я не видел леса. Близ начала леса мы встретили по левому берегу реки песчаную террасу высотой в несколько метров, сверху плоскую и задерненную. В этом же леске долины, по дну ее, преимущественно следуя речному руслу, появляется большая «скотская» карагана (ухэр ин карагана), сначала отдельными кустами, а далее (на некоторых участках) зарослями. Растение в плодах. Здесь я видел в поездку на Отгон⁹ горную куропатку (*Perdix barbata*). Километрах в 15 от Улясутая у подножия левобережных скал выбивается холодный ключ (Цэцен-аршан), вода которого считается монголами целебной, помогающей от желудочных болей. Некоторые русские улясутайцы также пьют эту воду, считая ее содистой. На мой вкус, она вовсе не минерализована.

Высоко на правом склоне долины, приблизительно против Цэцен-аршана мы видели большие «усеченные» керексуры¹⁰ известного типа. Вся местность редко заселена.

⁸ К а р а г а н а — кустарник, повсеместно произрастающий на большей территории северной и центральной частей Монголии.

⁹ Речь идет о восхождении на вершину Отгон-Тенгри, предпринятом С. А. Кондратьевым 13—15 августа 1928 г.

¹⁰ К е р е к с у р ы (монг. хэрэг суурь) — древние погребения на территории Монголии, имевшие иную традицию, чем средневековые монгольские, относящиеся-

В 27 км от Улясутая, на правом берегу долины близ ее дна выделяется красная скала с вертикальной плоскостью, обращенной на восток. Скала виднеется издалека. Вероятно, она дала повод назвать падь, к устью которой она обращена срезом, — Улан Халак (Улан Халга). По этой пади идет дорога на Богдо-аршан через Ханчик-дава.

Телеграфная линия уходит вверх по Цзагастаю через одноименный перевал на Таряты. Дорога на Дурекчи-ван ответвляется на запад правой падью Цзагастая немного выше устья Улан Халга. До перевала Цзага от устья Улан Халга — 20 км. В окрестных горах встречаются в небольшом количестве таки¹¹, аргали¹², изюбрь и косуля. Нередок улар. Иногда залетают грифы.

Мы видели 3 [грифов], клевавших мертвого барана, недалеко от лагеря. Очень строги. Орлан-белохвост, нередко встречающийся в районе, оказывается, скупается китайцами за кусок далембы¹³. Красивые белые перья их хвоста идут в Китай на изготовление вееров.

Как и всюду, многочисленны коршуны.

Рыбы в реке не видно. Река мелководна. 6—7 метров ширины при глубине 0,30 м. Но в дождливое время Цзагастай сильно разливается, так как бассейн его обширен и истоки берут начало под гольцами. Западная часть бассейна маловодна.

28. VIII

От стоянки до Хасапчи-дава. По пади Хасапчи.

Тихая и ясная погода сменилась сегодня шквалами и проходящими дождями с запада. Выехали под вечер, т. к. нужно было перековать лошадей и исправить телеги.

Долина Хасапчи узкодонна, имеет V-образный профиль и не несет признаков оледенения. Склоны в верхней (вертикальной) зоне несут небольшие листовенничные перелески, которые по левому берегу вскоре пропадают, а по правому, наоборот, разрастаются, в особенности в верховье речки, где последнюю замыкают два гольца: Цзасаг и Бомботутай. Бомботутай достигает внушительных размеров. Его плоский хребет имеет не менее 3000 абсолютной высоты.

ся ко времени существования здесь различных древних и раннесредневековых государств, таких как государство гуннов (I в до н. э. — I в. н. э.), тюркские государства, называемые каганатами (IV—VI вв.), кыргызские (VII—VIII вв.), уйгурские (IX—XII вв.). По внешнему виду они могли представлять собой курганы с округлой каменной насыпью или на квадратной платформе, с погребениями в дощатых гробах, плиточные могилы с вогнутыми стенками, каменные курганы с захоронениями на грунте или с кольцевой кладкой, квадратные или круглые ограды с сопровождающими их жертвенниками (См.: Цзвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 53).

¹¹ Таки (тахи) — низкорослая монгольская лошадь, или лошадь Пржевальского.

¹² Аргали (аргаль) — самка горного барана.

¹³ Далемба — простая хлопчатобумажная материя китайского производства.

В подгольцевых лесах держатся изюбри, косули. Местные жители говорят, что зимой из более высоких мест приходят аргали. Дно р. Хасапчи в вершине болотисто и кочковато. Воды мало — ручеек. При устье и далее вверх по пади находится много погребений. Все они относятся к уже известным типам. Преобладают насыпные круги с прямоугольной оградой. Встречаются отдельно стоящие камни, по виду и расположению очень напоминающие оленные¹⁴. Но рыхлый материал (крупнозернистый гранит) не смог противостоять векам: камни потрескались, поверхность их деформировалась.

Особого внимания заслуживают 2 погребения, расположенные на солнечном склоне Хасапчи близ Цзагастая, в 3 км от стоянки.

Эти могилы идентичны верхнецзуруктейским могилам в Кентэе. Каждая представляет собой прямоугольник 7×7 м, обозначенной сплошной низкой оградой из плоских камней, вставленных в землю ребром.

Внутренность квадрата плоско заполнена камнем.

К северу от каждого погребения снаружи от ограды, против середины последней и непосредственно примыкая к ней, стоит каменная баба¹⁵, лицом обращенная на север. Схематичный план:¹⁶

Баба западной могилы сохранилась совсем плохо. С трудом можно заметить слабые следы черт округлого лица. Диаметр лица равен 30 см. Высота туловища — 40 см. Баба восточной могилы сохранилась лучше. На овальном лице можно хорошо различить выпуклые дуги бровей, длинный несколько приплюснутый нос, высокий открытый лоб, и что более всего интересно — надо лбом — завитые волосы, весьма напоминающие архаическую прическу греческих статуй. Неблагоприятное освещение не позволило снять хорошую фотографию. На всем протяжении долины Хасапчи мы встретили 4 аила: каждый из 3—4 юрт. Скот: сарлыки¹⁷ и овцы.

Перевал Хасапчи уводит из системы Цзагастая в систему Иро, правого притока Цзапхана.

По склонам начала желтеть лиственница. Границы леса выше стоянок на 200 м.

29. VIII

¹⁴ О л е н н ы е к а м н и — камни-писаницы, на большей части которых изображались олени. Относятся ко второй половине 1-го тыс. до н. э. Об оленных камнях Монголии см.: Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М., 1989.

¹⁵ К а м е н н а я б а б а — памятники тюркского периода, широко распространенные на территории Центральной Азии, включая Монголию и вплоть до Причерноморья. Устанавливались на могильных комплексах тюркских военачальников. Представляют собой антропоморфные изображения с разной степенью схематичности. Существует точка зрения о монгольском происхождении некоторой группы каменных баб на территории Монголии.

¹⁶ Далее имеется план погребального комплекса.

¹⁷ С а р л ы к (монг. сарлаг) — yak.

От стоянки по Бомботу, Шара Бильчер и вверх по Нарин-голу до последнего леса 33 км. 2-километровый подъем на Хасапчи-дава полог. Сам перевал невысок — ниже верхней границы леса. За перевалом — безлесная падь Бомботу, в вершине которой и находится голец Бомботу. Плоская вершина его достигает 2 верст в ширину. Отрог, разделяющий Хасапчи и Бомботу, имеет характер второстепенного водораздела¹⁸.

Пройдя около 5 км вниз по Бомботу, тракт отворачивает налево и через небольшой перевал спускается в вершину пади Шара Бильчер. По левому склону ее — лиственный лес, куда я сделал небольшую прогулку во время дневной стоянки внизу пади. Лес густ и характеризуется трущобными порослями мелкой лиственницы. Подстилка преимущественно моховая, но кое-где попадаются высокотравные поляны. Лес мертв. Я не видел ни звериных следов, ни следов лесной пернатой дичи. Встретил только гаек и одного рыжегорлого дрозда. В вершине пади раскинуты 2 аила. М[ожет б[ыть], скот отпугнул зверей. В 8 км от вершины пади Шара Бильчер входит в большое степное расширение, образуемое истоками реки Иро. Километрах в 10 ниже этого расширения в котловине лежит озеро, имеющее не менее 3—4 км длины. Оно называется Биндарья-нор, или Хагин-нор. Хаг означает лишайник¹⁹.

Очевидно, последний в обилии встречается на прибрежных камнях. Долина Иро проходит восточнее озера, по имени которого и получила данное название. По левобережному хребту долины уходят большие лиственничные леса. В 8 км восточнее озера проходит телеграфная линия на Кобдо, которая кратковременно соединяется с Дурекчиванским трактом. Последний вскоре отворачивает вверх по Нарин-голу²⁰.

Из всех этих рек наиболее значительна Темен Сультэй. Она имеет большое разработанное старое русло. Ныне река маловодна — ручей, который можно перейти, не замочив ног.

Людун (проводник) сообщил мне, что у озера и ниже по Иро встречаются в обилии дзерены²¹.

Упомянутое степное расширение чрезвычайно богато историческими памятниками разнообразных типов. Здесь нами встречены:

- 1) плитные погребения;
- 2) большие курганы усеченно-конической формы, с круглой оградой;
- 3) керексуры с прямоугольной оградой;
- 4) каменные бабы;

¹⁸ Далее следует рисунок.

¹⁹ Хаг — любой тонкий слой чего-либо на поверхности. Хадны-хаг (букв.: налет на камнях) — лишайник, толгойн-хаг (букв.: налет на голове) — перхоть, шудний-хаг (букв.: налет на зубах) — зубные камни.

²⁰ Далее следует рисунок.

²¹ Дзерен (монг. зэрэн) — антилопа.

5) оленные камни.

Наиболее интересные группы, осмотренные нами, обозначены на схематичном плане номерами 1, 2, 3. Группа первая находится близ сухого русла пади Далю, состоит из 4 каменных баб, сделанных из известняка, а потому отчетливо заметных с большого расстояния. Камни с поверхности немного выветрились и часто покрыты рыжим лишайником. Тем не менее скульптура сохранилась очень отчетливо. Бабы расположены следующим образом:²²

Цифры у линий — расстояние в метрах.

Бабы № 1—3 обращены лицом на юг. У бабы № 4 голова отбита. Грудь обращена на юг.

Все статуи выше пояса ушли в землю. Бабы № 1 (западная) и 2 (средняя) наклонены назад, восточная баба (№ 3) под большим углом вперед.

Надземные части имеют следующие размеры:

Наибольшая длина № 1—88, № 2—67, № 3—64.

Наибольшая ширина лица: № 1—37, № 2—31, № 3—40.

Хорошая сохранность Далюйских баб позволяет установить несколько новых деталей для памятников этого типа.

Характеристика западной бабы. Общие признаки: дугообразные брови, широкоскулость, длинный прямой нос, длинные прямые усы, типичное положение обеих рук.

Индивидуальные признаки: эспаньолка, серьги в обоих ушах, прическа, имеющая *an face* такой вид:²³

Чаша в правой²⁴ руке, имеющая такую форму:²⁵

Характеристика средней бабы.

Индивидуальные признаки:

Две серьги, из которых левоушная особенно хорошо сохранилась.

Длина серьги с ухом — 12,8 см.

Эспаньолка отсутствует.

Прическа обыкновенная, т. е. естественная форма головы не искажена.

Характеристика восточной бабы.

Индивидуальные признаки:

Следы эспаньолки.

К этой серии баб относится, несомненно, и 5-я баба, найденная нами на левом берегу р. Тэмэн Сультэй в месте пересечения ее телеграфной линией.

Баба, сделанная из того же материала, стоит близ ограды небольшого плитного погребения²⁶.

²² Далее следует рисунок.

²³ То же.

²⁴ На следующей странице помещена таблица, относящаяся к другому месту в дневнике.

²⁵ Далее следует рисунок.

Погребения идентичны Цзагастайским. Сторона квадрата — 3 м. Промежуток между погребениями — 1 м. Баба отклонена назад.

Над землей выступает не только вся грудь, но и пояс с узором, весьма характерным для тюркских памятников VII в. В ушах — серьги. Наибольшая длина надземной части — 79 см. Наибольшая ширина лица — 36 см.

К югу от упомянутых погребений на расстоянии 3—4 сотен метров стоит одинокий массивный оленный камень, имеющий следующую форму:²⁷

Несмотря на то что поверхность камня значительно деформирована, можно хорошо различить несколько рисунков оленей как на северной, так и на южной плоскости камня. Олени на обеих плоскостях бегут слева направо и снизу вверх. На южной плоскости вверх, в суженной части камня, — традиционный круг. Рисунки оленей на данном камне интересны тем, что рога зверей стилизованы менее, чем обычно, и приближаются к естественной форме рогов изюбря. На обеих плоскостях камня заметен еще древовидный вертикальный орнамент, идея которого осталась для меня неясной. Керексуры продолжают встречаться и далее вверх по Нарин-голу. Долина последней реки имеет степной характер и лишь слегка обнесена по вершине левобережного хребта.

Вода в речке только местами. Корма скудные.

За день мы миновали 4 айла: 2 в вершине Шары Булук (8 и 4 юрты), 1 — по Тэмэн Сультэй-голу — (7 юрт) и 1 — по Нарин-голу — (3 юрты).

В этом году в районе засуха. Монголы откочевывают в вершины речек²⁸. У средней бабы изображение сосуда, который она держит в правой руке, имеет иную форму, нежели у западной бабы. Именно:²⁹ т. е. напоминая таким образом рюмку.

Таблица расстояний в км:

- 27 [VIII, расстояние] от Улясутая до 1-й [стоянки] — 27 км
- 28 [VIII, расстояние] от 1-й [стоянки] до 2-й [стоянки] — 13 [км]
- 29 [VII, расстояние] от 2-й [стоянки] до 3-й [стоянки] — 33 [км]
- 30 [VIII, расстояние] от 3-й [стоянки] до 4-й [стоянки] — 42 [км]
- 31 [VIII, расстояние] от 4-й [стоянки] до 5-й [стоянки] — 21 [км]
- 1 [IX, расстояние] от 5-й [стоянки] до 6-й [стоянки] — 24 [км]
- 2 [IX, расстояние] от 6-й [стоянки] до 7-й [стоянки] — 27 [км]
- 3 [IX,] дневка — 0 [км]
- 4 [IX,] 7 стоянка — 0 [км]
- 8 [IX, расстояние] от 7-й [стоянки] до 8-й [стоянки] — 27 [км]

²⁶ Далее следует план погребения.

²⁷ Далее следует рисунок.

²⁸ Вставлена «Таблица ночных минимумов с указанием приблизительной абсолютной высоты и ночной облачности».

²⁹ Далее следует рисунок.

9 [IX, расстояние] от 8-й [стоянки] до 9-й [стоянки] — 34 [км]
 10 [IX, расстояние] от 9-й [стоянки] до 10-й [стоянки] — 29 [км]
 11 [IX,] стоянка — 0 [км]
 Всего 282 км.

30. VIII

От стоянки 3, через магистраль по долине Хучжир до р. Цзагас Туру — 4 [стоянки] — 42 км. В 3 км выше стоянки последний клочок леса по левому склону. Начинается длинный (8 км) пологий подъем на Хангайскую магистраль. Недалеко от перевала дорога разветвляется: правая уходит на смежный — восточный перевал в р. Голомут, левая — на перевал в п[адь] Ара Ного. Перевал немного короче, но каменист на спуске³⁰.

[Схематический план]

Мы поехали на Ара Ного торной дорогой.

Перевал в Ара Ного безлесен, но вершина пади Голомут поросла лиственницей вплоть до перевала. Т[аким] о[бразом], «перевальная» горизонталь совпадает здесь с границей леса и проходит на высоте 2500 м. К западу от перевала по склону гольца растет в небольшом количестве ерник³¹.

Спуск с перевала несколько круче, чем подъем, но тем не менее вполне доступен и для автомобиля. Ара Ного безводна. По пади Голомут бежит небольшой быстрый ручей. В вершинных распадках Ара Ного кое-где лепятся колки³² лиственничного леса.

Перевал носит название Халузан-дава

Под Ара Ного включается в систему Хучжир-гол, широкая и безводная долина которой падает с запада на восток. Растительность по дну этой долины полупустынная. Трава не составляет сплошного покрова. Отдельные клочки ее разъединены пятнами красноватого песка. По южному склону разбросаны участки лиственничного леса. Солнечный выжжен и безлесен.

К северу от долины в расстоянии 10—15 км от леса тянется в широтном направлении большой гольцовый хребет. Местные жители сообщали, что в левобережных горах Ара Ного водятся аргали, а по долине Хучжир — в достаточном количестве дзерен.

Сухая долина Хучжир под прямым углом соединяется с долиной Цзагас Туру, берущей начало под перевалом Цзасагтай и идущей в меридиальном направлении.

От слияния долин до Улясутая всего около 70 км пути. Т[аким] о[бразом], для того чтобы избежать трудного спуска с хребта Цзагастай, нам пришлось сделать крюк 47 км.

³⁰ Далее помещен план.

³¹ Е р н и к (обл.) — заросль низкорослых или стелющихся кустарников (карликовой березы, полярной ивы).

³² К о л к и (колок) — небольшая роща.

Вершина Цзагас Туру обильно покрыта лесом. Близ перевала живописно выделяется скалистая вершина Сервин Дохёт.

Долина Цзагас Туру водна. Дно ее покрыто хорошей травой.

При впадении Хучжир Ама в Цзагас Туру раскинуто 5 аилов (около 20 юрт). По пути мы встретили 1 аил у последнего леса по Нарингол (4 юрты), 1 — в вершине Ара Ного очень высоко под гольцом (10 юрт), 1 — в глубине одного из южных распадков Хучжир Ама (3 юрты). По дну Хучжир Ама, километрах в 20 от устья ее, находится несколько больших усеченных курганов. По левому склону Хучжир Ама, близ устья, — несколько керексуров и большой стоячий камень, вероятно, оленный, но с совершенно деформированными поверхностями. Близ него находится прямоугольник погребения Цзугустайского типа, но очень больших размеров: 29 м в длину и 9 [м] в ширину. Ограда прямая, из низких, ребром поставленных камней. Внутренность прямоугольника ровно засыпана камнем в один слой.

Верховье Эдера, равно как и вершина Иро, чрезвычайно неудовлетворительно представлены на съемке. Приходит мысль, что не по распросным индивидуальным сведениям составлялась карта этого района. С перевала Халцзан видна вершина Отхон Тэнгри. Вечер при пасмурном небе был тихим и теплым.

31. VIII

От стоянки 4 вниз по Цзагас Туру Ам до устья пади Деда Шургуху 5 [стоянок] — 21 км.

Ниже стоянки русло Цзагас Туру вскоре теряет воду. Степная плоская долина этой реки широка (до 4—5 км) и однообразна. Почва задернена слабо. Скучная трава пожелтела. Солон и пади левого хребта безлесны. В вершинах распадов правого склона кое-где лепятся небольшие лиственничные рощи. Слева долина принимает 3 пади ного ³³ (Гурбу Ного), из которых нижняя (Додо Ного) значительно глубже предыдущих. У выхода ее мы спугнули стадо дзеренов в несколько десятков голов.

Еще ниже и левее в Цзагас Туру впадает широкая и глубокая падь Тутурту.

Далее идут 3 пади Шургуху. Не доезжая устья верхней из них, мы остановились. Здесь колодец с мутной водой, около которого приютились 4 аила (1 — из 2 юрт и 2 — одиночные юрты). Чуть ниже стоянки 4 мы миновали еще 2 аила из 4 и 3 юрт.

Правый солон Цзагас Туру на пройденном пути не дает больших падей, если не считать истока Эдера, долина которого под острым углом соединяется с долиной Цзасаг Туру ниже устья пади Деда Шургуху. При устье пади Додо Ногон мы нашли интересную группу оленных камней. 3 из них стоят на террасе левого берега долины и 4-й лежит

³³ Н о г о (монг. ногоо) — ♀ зелень🌿, ♂ трава🌿, ♀ молодая трава🌿.

на дне долины близ дороги. В группе верхних камней — 2 невелики и грубо обтесаны. На одном из них изображения оленей совсем стерлись. На другом сохранились довольно отчетливо и любопытны — более естественный поворот рогов и тела, чем обыкновенно приходится наблюдать. В этом отношении камень близок к далюйскому. Наибольшая длина камня — 118 см, наибольшая ширина — 34 см, а толщина колеблется от 22 до 31 см. Камень темного цвета. Рисунок белый.

Западный камень (розоватый гранит) прекрасно сохранился. Четкая резьба изобличает уверенную руку мастера. Изображения оленей здесь стилизованы и снабжены промежуточными мелкими рисунками. Резьба переходит и на боковые стенки камня. На задней стенке рисунок не заметен. Олени бегут снизу вверх и справа налево, а не наоборот, как обычно. Все 3 камня ориентированы на юго-восток. Размеры западного камня:

наибольшая высота — 175 см,
наибольшая ширина — 49 [см],
наибольшая толщина — 23 см.

4-й камень находится на дне долины в нескольких шагах от большой дороги. Он не стоит, а лежит, и есть основания думать, что это положение его первоначально. Действительно, 4 оленя, высеченные на верхней плоскости камня, размещены совершенно необычным образом. Тела их вытянуты параллельно длинному ребру камня. Рога стилизованы. Ног не заметно³⁴.

Вероятно, неразборчивые отростки рогов и дали некоторым монголам основание предположить, что это камень с надписью на не известном [им] (тюркском) языке.

В 13 км ниже стоянки 4 под правым склоном долины мы осмотрели керексур, интересный огромными гранитными глыбами, поставленными торчком по периферии погребения. Надземная часть наибольшей глыбы должна весить не менее 30 пудов. Моментами центральная насыпь несет следы поверхностных раскопок³⁵.

Диаметр круга ограды 57 м.

Недалеко от стоянки 5 — громадное «успенное» погребение.

По расспросам, безголовая статуя, находящаяся в вершине Деда Шургуху, — несомненно, баба, идентичная дайлюсским. Близ нее на скалах изображения (грубые) зверей: изюбря, изюбрихи, волка и лисицы. Ввиду того, что нам предстоял большой безводный переход, я решил не отклоняться в сторону.

³⁴ Далее следует рисунок.

³⁵ Далее следует план погребения.

В местности водятся: дзерен, волк, лиса и манула³⁶. Много коршунов. Видел большого сарыча³⁷, 2 соколов, тушканчика. Аргали и таков³⁸ нет.

Дорога на всем пройденном участке первоклассна.

1.IX

От стоянки 5 до Ангиртэ-нор — 6 [стоянок] — 29 км.

Большаков ходил фотографировать большой керексур недалеко от стоянки 5. Размеры погребения таковы: окружность основания конуса — 171 м, круг ограды — 280 м, высота конуса — 7 м.

Дорога к озеру Ангиртэ идет наискось, перерезая безводные пади Деда и Дунду Шургуху. При выходе Деда Шургуху мы видели стадо дзеренов в несколько десятков голов. 3 монгола, охотники, обогнавши нас, охотились на зверей традиционными приемами, но безуспешно. Дзерены ушли через перевал в Дунду Шургуху, и там мы еще раз спугнули их. В вершинах обеих падей встречаются вполне пригодные для покоса участки, поросшие пыреем (бугу ин цзогдор³⁹). То там, то здесь под скалами на фоне желтой высохшей степи резко выделяются зеленые пятна растительности. Это зимние стойбища — убульжины⁴⁰. В большинстве они очень благоустроены. Для скота сделаны хорошие и просторные загоны из лиственничного леса, несмотря на то что поблизости леса нет совершенно. Травяной покров часто принимает характер полупустынного. По пути здесь много песка.

Проехав широкую падь Дунду Шургуху, мы через невысокий перевал спустились в котловину оз. Ангиртэ. На всем перевале мы не встретили на одной юрты. Котловину оз. Ангиртэ, не имеющую стока, все же следует отнести к системе Эдэра по двум причинам:

водораздел, отделяющий Дунду Шургуху от Ангиртэ, чрезвычайно незначителен;

озеро отделяется от продолжения п[ади] Ангиртэ, впадающей в Эдер лишь небольшой перегородкой из наносного песка.

С обоих пройденных перевалов мы видели большие леса по верхнему Эдеру. Фактически, по нему и проходит граница между лесной и степной областью. Озеро Ангиртэ, в которое с запада «вливается» широкая и безводная падь, имеет около 2 км в длину при окружности 15,5 км. Оно мелко. Вода здесь и не солена, но настолько насыщена собственными соединениями, что для питья не годится. Озеро окру-

³⁶ М а н у л (монг. мануул) — дикое животное семейства кошачьих, с ценным мехом.

³⁷ С а р ы ч — хищная птица семейства ястребиных.

³⁸ См. примеч. 12.

³⁹ Б у г у и н д з о г д о р (монг. бугын зогдор) — длинная шерсть на загривке у быка.

⁴⁰ У б у л ь д ж и н (монг. оволжин) — зимовка.

жают низкие холмы, не более 100 м относительной высоты, по которым кое-где (с севера) лепится редкий лиственный лес.

На озере в большом количестве дзерены, турпаны. Оправдано, таким образом, название водоема. Несколько лебедей, небольшие стаи гусей, уток, крохалей⁴¹, несколько видов куланов, бекасы, чайки составляют пернатое население озера.

По берегам недурная растительность, которая, равно как и гучжир⁴², любимый скотом, привлекает сюда монголов.

Я насчитал около озера и в ближайших окрестностях 9 аилов, включающих 37 юрт. Всюду виднеются большие стада крупного скота и особенно баранов.

Но самая большая достопримечательность озера, явившаяся при этом для нас полной неожиданностью, это — 7 больших барханов (Доло монхо илис)⁴³, вытянувшиеся в ряд между озером — в 1,5 км к югу от последнего — и перевалом в Дунду Шургуху. На осмотр этих архаических образований у нас ушло полдня 2.IX.

2.IX

От Ангиртэ-нор до Тельмин-нор — 7 [стоянок] — 27 км.

Ряд Ангиртэйских барханов, равно как и каждый отдельный бархан, вытянуты в широтном направлении, 2 восточных бархана несколько мельче остальных пяти. Наибольший имеет длину подошвы 650 м и достигает высоты 14 м. Площадь основания бархана приближается к эллипсу. Лишь основание выпукло с наветренной стороны и вогнуто — с подветренной. Горизонтами сближены на западной стороне. Вершина бархана также смещена к западу. Эти обстоятельства также на поверхности барханов несомненно указывают на то, что и в эпоху формирования барханов, и в настоящее время в районе господствовали западные, точнее, северо-западные ветры.

Барханы являются реликтами пустынно-климатического периода в вершине Эдера. Нет никаких оснований думать, что они растут, т. к. широта пади, идущая к озеру с запада, почти сплошь покрыта травяным покровом. Местное народное предание также говорит о том, что барханы уменьшаются в размере.

В 4—5 км к западу от барханов склон горы, обращенный на восток, тоже покрыт холмиками наносного песка, его ныне заселила лиственница, спускающаяся даже на дно пади.

⁴¹ К р о х а л и — вид птиц семейства утиных.

⁴² Г у ч ж и р (монг. гужир) — солончак.

⁴³ Д о л о м о н х о и л и с (монг. Долоон монхо элс) — ᠖ семь вечных песков.

Барханы покрыты редкой растительностью, которую собрала МИК⁴⁴. Между барханами кое-где в песке пробивается вода. Местные жители добывают здесь питьевую воду, роя в песке небольшие — до 1—2 футов глубиной — ямы и черпая появляющуюся на дне ямы воду ложкою. Песок — мелкий, пылеватый, желтого цвета, в массе слежавшийся. Грунт между барханами — крупный щебень. Площадь, занимаемая всей серией барханов, равна приблизительно 1 квадратному километру. Монголы сообщили мне, что пески встречаются еще на запад от описываемого района. В иных местах по вершине Эдера они не встречаются.

Из животных в районе водятся только дзерены.

Путь от Ангутэ к Тельмин-нору проходит западнее широкой безводной и безлесной долины Угомур, пересекая целый ряд ее левосолонных падей. Монголы называют эту местность Долон-дава. И действительно, нам пришлось преодолеть 7 перевалов (точнее, 8), впрочем, весьма пологих и небольшой относительной высоты (наибольший — 70 м).

Пройденная местность по характеру вполне подобна падям Деди и Дунду Шургуху.

По дороге мы миновали 1 аил (из 3 юрт) в бассейне Ангиртэ и 8 аилов (14 юрт) по системе большого Угомура. Всюду жители довольствуются мутной колодезной водой.

С последнего перевала, находящегося в расстоянии 24 км от озера Ангиртэ, открывается вид на Тельмин-нор, именно на восточную часть. Сразу же бросается в глаза вытянутая форма озера, лежащего в очень широкой долине. К восточному концу озера с севера и с юга подходят водораздел 2-го порядка, оканчиваясь невысокими (100 метров) холмами с обнаженными каменистыми гребнями. Западный конец озера заслоняют горы. При первом же взгляде на озеро становится очевидным, что размеры его на картах значительно преуменьшены.

При свете заходящего солнца мы видели под голубым шатром неба громадный темно-синий водоем и пепельно-желтые горы, отбросившие на восток черные тени. Один из тех величественных простотой ландшафтов, которыми так богата монгольская природа. Вечер гас в совершенной тишине.

⁴⁴ М. И. Кондратьева (Клягина), участвовавшая в этой экспедиции, в своем дневнике **того же числа** записала: «Выехали около двух чалов, а до этого С. снимал барханы, а я около них собирала растения. Ехали долго, и опять, как накануне, переваливали с дабана на дабан. Наконец, с седьмого дабана, открылось внизу озеро, и мы долго сидели с Сергеем на горе, смотрели. Оно изумительное, это озеро. Неширокое, но очень длинное (30 км). Конец не виден за горами. Цвет его был невыразим: синее блестящее, но не как зеркало, а как какой-то сказочный синий драгоценный металл. Сухие голые горы вокруг вставали лунным ландшафтом. Солнце заходило, и волшебным образом менялись краски. Озеро становилось все синее, потом чернее, и только длинные, острые щели света как мечи пересекали его сияющую поверхность. А на горах синели, темнели тени. Освещенные склоны, наоборот, становились ярче, золотее...» (Клягина-Кондратьева М. И. Указ. соч. С. 137).

Спустившись с перевала, мы остановились в 1,5 км от восточного берега озера, близ одинокого небольшого аила.

Здесь колодцы с мутной, желтой, но удовлетворительной на вкус водой. Озерную воду пьет только скот, да и то не всегда. Она сильно минерализована содовыми продуктами. Но хлористый натр в воде отсутствует. Грунт на стоянке рыхлый — слабозадерненный песок красноватого цвета.

Тельмин-нор и окрестности.

Стоянка на Тельмин-норе была сделана для ближайшего знакомства с озером, а также для выяснения орографических отношений между Тельменнорской котловиной и системой Эдера. Кроме того, было необходимо познакомиться с характером Хангайской магистрали, [находящейся] к западу от бассейна озера. На магистраль я послал 4/IX Ф. Ф. Большакова (в сопровождении рабочего Гончарова), просил его на прямом и обратном пути сделать глазомерную съемку озера. Сам я взял на себя буссольную съемку и обслуживание восточных окрестностей озера. 3/IX мы с женой⁴⁵ совершили небольшую экскурсию, пройдя около 10 км к западу по южному берегу озера. Поверхностный осмотр озера показал, что последнее имеет не менее 25 км в длину и 10 в ширину.

Берега озера во всей восточной половине низки. Невысокие горы спускаются к воде пологими расплывчатыми отрогами. Озеро, судя по прибрежному рельефу, мелко.

Это подтверждают также длинные песчаные косы, местами далеко уходящие от береговой линии. Острия их, как правило, обращены на восток, образуя таким образом с восточной стороны косы небольшие заливы. Береговой грунт состоит из мелкого оглаженного щебня, чередующегося с песчаными площадями, местами обильно покрытыми гучжиром. По озеру, в особенности у наветренных берегов, плавают крупными хлопьями твердая минерализованная пена, которую ветер раскидывает по берегу, как клочья ваты. Дно озера около берега иловато. Но не топко. Выше береговой линии почва сыпуче-песчаная, слабозадерненная. Щебнистые участки встречаются редко. На самих горах, а также на южном и восточном побережьях растет карагана, с черными узловатыми деревянистыми стеблями и мелкими обратно-яйцевидными листочками. Эта бедная растительность, свойственная западной части бассейна Эдера, свидетельствует о засушливости района. Окрестности озера совершенно безлесны. С севера к озеру спус-

⁴⁵ В дневнике М. И. Кондратьевой сделана следующая запись от этого числа: «С утра с Сергеем ушли на озеро и долго обходили извилистые берега. День был жаркий, тихий. Озеро медленно катилось к низким берегам, темно-синие волны, клубящиеся пеной, мало-помалу успокоились, и оно лежало гладкое, изумительно голубое, блестящее, неопишное. На длинных, острых мысах суетились и кричали большие птицы: гагары, гуси, утки, журавли, чайки» (*Клягина-Кондратьева М. И.* Указ. соч. С. 137).

каются длинные водоразделы 2-го порядка от значительного горного хребта, протянувшегося в широтном направлении и имеющегося в географической литературе Болнай. Монголы же называют отдельные участки этого хребта последовательно с запада на восток: Цоргот, Болнай, Ху, Барун Булук, Илет и Согот.

Таким образом, упомянутый хребет ограничивает с севера Тельмин-норскую котловину, а вовсе не отделяет ее от системы Эдера, как это принято думать. На запад от озера в бинокль видны леса по восточным отрогам Хангайской магистрали. Два массива в этом районе носят названия Ихэ Ухэр и Бага Ухэр. Мне не удалось более точно установить их взаимоотношений с магистралью. По гребню хребта Болнай также виден лес. Мне сообщили монголы, что гольцов на Болнае нет. Местность к югу от озера имеет вид невысокой холмистой страны.

Мы приехали на Тельмин-нор недели за 3 до осеннего пролета птиц, а потому нашли орнитофауну озера количественно бедной. Да и качественно небогатой. Мы видели лебедей, гусей (обыкновенного индийского — цаган галу), крякв, журавлей и каких-то неизвестных мне серых голенастых птиц величиной немного меньше журавля. Но особенно врезались в память птичьи базары на песчаных концах кос.

Эти курьезные сообщества, насколько я заметил, были всегда составлены тремя видами: бакланами, сидящими в вертикальном положении, кряквами (экземпляр убит мною на Дзурхе-нор) и чайками. В бинокль можно было хорошо видеть, как возятся и дерутся все эти птицы. Галдеж, который они при этом поднимают, далеко нарушает окрестную тишину. Озерные птицы оказались очень строгими и не подпускали на дробовой выстрел. Мелочи видел совсем мало.

В приозерной степи очень част *Othocorys Brandte*.

Наличия рыбы в озере я не заметил. Монголы также говорят, что озеро безрыбно. Крупная фауна в окрестностях озера совсем бедна. Из копытных водится только дзерен. Мы видели стадо в 50—60 антилоп, спустившихся днем к озеру на водопой.

В некоторых местах берег хранит следы прежней береговой линии, горизонт которой на 1—2 м выше современного уровня озера. Только затруднительно сказать, переживает ли водоем период усыхания в настоящее время, или этот период уже миновал. Озеро, представляя собой замкнутую систему, питается с запада небольшой речкой Хоноин-гол.

5.IX

Мы сделали с женой небольшую экскурсию на восток от озера, чтобы выяснить вопрос о взаимоотношениях между системой Эдера и Тельмин-нор.

Широкая 3,5-равнинная площадь к востоку от озера является естественным безводным продолжением озерной впадины. Она слабо повышается с запада к востоку. В 2 км от озера по всей площади впадины появляются сильно деформированные песчаные холмы, покрытые

бедной растительностью, а местами и вовсе обнаженные. В 5 км от озера впадина сужается до 1 км и естественно переходит в широкую падь Дунду Чжарголонтой, относящуюся уже к системе Эдера. В месте наибольшего сужения превышение дна долины над озерным уровнем достигает максимального предела — 26 метров. Далее холмы проходят, и дно долины начинает понижаться.

Таким образом, Тельмин-нор от системы Эдера отделяет небольшой песчаный нанос, площадью в 8 кв. км и высотой 26 м, образовавшийся в эпоху пустынного климатического режима этого района Монголии. Орографически же удлиненная котловина Тельмин-нора и долина Чжарголонтой составляют, несомненно, одно целое, на что указывает как распределение водоразделов 2-го порядка к северу и югу от этого общего понижения, так и направление боковых долин, впадающих с обеих сторон в котловину Тельмин-нор в направлении с северо-запада к юго-востоку и с юго-запада на северо-восток. Таким образом, приходится возратить системе Эдера преждевременно отнятый у нее обширный бассейн Тельмин-нор.

Что касается озера Бустэ-нор, то местные монголы однозначно утверждают, что оно находится к северу от хребта Болнай.

5 и 6.IX я сделал буссольную съемку озера, неизбежно схематичную ввиду большой площади Тельмин-озера. В качестве базиса я выбрал расстояние между вершиною Дунчи на южном берегу озера и вершиной Шор — на северном. Это расстояние, оказавшееся равным 5377 м, было мной определено при помощи вспомогательного базиса длиной 1673 м, промеренного на равнинной площади к востоку от озера. С обоих концов большого базиса были сделаны засечки на все заметные точки береговой линии и по полученным точкам вычерчен план. При этом не удалось учесть глубины некоторых заливов в западной части озера, закрытых от концов базиса горами.

Форма озера приближается к ромбической. Наибольшая ширина в середине — 16 км, наименьшая — по краям — налево от восточного берега — всего 2 км в длину, таким образом, площадь всего водоема определяется приблизительно в 250 квадратных км. У южного берега в западной половине озера заметны два небольших высоких острова. Наименее изрезана восточная половина северного берега. Западные берега более гористы, чем восточные. Обе вершины — Дурчи и Шор — скалисты. Первая достигает относительной высоты в 100 м, вторая — 180 метров.

Равнинная площадь к востоку от озера называется Шорин-тала. Доминанта в горной группе к югу — Бурэл.

Вечером 3/IХ хорошая погода разом изменилась, и весь этот период по 7/IХ включительно прошел под знаком проходящих дождей (с

грозой и градом) и сильного западного ветра. В ночь на 4-е ветер с дождем даже повалил нашу палатку ⁴⁶.

Около восточного берега озера на большом расстоянии друг от друга ютятся 3 аила (всего около 15 юрт). В одном аиле 1 взрослая девочка упростила отца привезти ее к нам, чтобы посмотреть на русских, которые в этот район вовсе не заглядывают.

По южному склону горы Шор и потом к востоку от озера Чжаргонтай много погребений.

Экспедиции Ф. Ф. Большакова на Хангайскую магистраль

Б., вернувшийся поздно вечером 7/IX, сообщил следующее.

Он обогнул озеро с северной стороны, поднялся до дабана по Холоин-гол, вернулся тем же путем к озеру и далее — домой по западному и южному берегу. Подробности о форме и размерах озера. Длина береговой линии: северный берег — 40 км, западный — 15 км, южный — 35 км. Наиболее изрытый — южный берег. 2 острова близ южного берега. 1 — близ северного — в западной половине.

Сравнительно крутые берега (5 утесов) в западной половине озера по южному берегу. Озеро глубже по южному берегу, чем по северному и северо-западному. Западный берег весьма хучжирен. Долина Холоин-гол при впадении в озеро достигает 12 км ширины. Горы к северу от озера постепенно начинают повышаться. При устье пади в южной части западного берега озера в расстоянии 1 км от последнего возвышаются 5 барханов, расположенных поперек пади, хвостами на запад и обрывами на восток. По размерам барханы схожи с Ангирскими. Ширина пади в том месте 2,5 км. Холоин-гол при вхождении в озеро по размерам подобна р. Улан Халаг. Вода пресная. Русло реки приближено к северному берегу долины. Щебнист (местами) только южный берег.

Растительность вокруг всего озера — обедненная степь. Карагана встречается к западу по низине северного берега и по южному берегу. Ближайший лес находится в 3 км от западного берега, по левому склону пади с барханами. Лес — по песку (карагана — 2 видов — черная и золотарник — алтан карагана).

Фауна.

Около западного берега очень много птиц. Отмечены лебеди (около 80 сот в стае), турпаны (громадное количество), гуси (держатся маленькими группами), кряквы (много), гагары (много), чайки, выпи, а также птица такого вида: величиною с гуся, голова черная, брюхо, шея — серые, на груди белые пятна, ноги при полете расставлены, клюв длинный, когда сидит в воде, неуклюже переворачивается. Птицы подпускают очень близко.

⁴⁶ Сравни с записью из дневника М. И. Кондратьевой того же дня: «Полил дождь. Ветер рвал палатку. Проснувшись ночью, мы нашли себя погребенными под палаткой» (*Клягина-Кондратьева М. И.* Указ. соч. С. 128).

Насекомые.

Населен главным образом южный берег. При устье Болин-гол [находится] Тохто сомон. Около озера всего расположилось около 60 юрт (10 айлов). Населен главным образом южный берег в западной половине. Скота много. Главным образом бараны. Живут богато. Юрты большие.

От озера до дабана [были сделаны следующие стоянки:]

1-я [стоянка] Холоин-гол — 10 км.

2-я [стоянка] Улакчин — 20 км.

3-я [стоянка] Улан Байца (правый приток Улакчин-гола) — 30 км. Безлесная широкая долина, степь. 2 айла.

Улакчин и Шибир образуют Холоин-гол. Улакчин местами исчезает в песках. Долина 1,5 км. Лес по южному склону (массив Ихэ Ухэр) Бага Ухэр, с левой стороны — Улакчин. В 10 км от впадения Улакчин в Холоин-гол находится бархан, хвостом на запад, обрывом на восток. Размеры его: окружность 142 м, высота 13 м, длина подножья обрыва 165 м.

Внизу — лес по правому склону,верху — по обеим сторонам. По правой стороне лес растет по берегу. По Улакчин-голу айлов 8 (75 юрт), по Улан Байце только в вершине 4 юрты и 2 юрты сомона.

Водятся следующие звери: изюбрь, коза, по юго-западной стороне хребта — аргали.

Дабан — (Байца-даба) 6/IX, t — 8,5.

Граница леса гольца Хулген Думбун.

От дабана магистраль понижается и переходит в холмистую песчаную страну. Виден гольц Шара Тэмэн в вершине Улан-дабана. Видна гольцовая гряда Болнай в расстоянии не менее 50 км в северо-западе. На юго-востоке от гольца видна гольцовая гряда магистралей, обращена на юго-запад.

Всюду на гольцах выпал снег. У дабана с северо-восточной стороны пески. На юго-западе видно целое море травянистых холмов. В вершине Улан Байца много барханов. По Улакчину выше устья Улан Байца — сплошь пески.

8.IX

От стоянки 7 до северного склона хребта Болнай, [стоянки] 8, — 27 км. Дорога от Тельмен-нора к перевалу через Болнай идет восточной окраиной степи Шара Хуб по волнистым и мягким горным склонам. Перед длинным подъемом на хребет приходится еще перевалить небольшой кряж между истоками р. Шибир. Здесь впервые грунт становится твердым. По тальвегам долин зеленеет трава. Пологий подъем на хребет растягивается на 6,5 км. Сам перевал плоский и заболочен. Граница леса проходит на 300—400 м выше перевала.

По обеим сторонам от последнего возвышаются гольцы, уходящие на запад и на восток массивными грядами, абсолютная высота которых,

однако, не превосходит 2700 м. С перевала виднеется большой голец Мандал со слабовыпуклой вершиной, увенчанной обо. Голец находится на водоразделе второго порядка между Болнай Чжарамтай и смежной восточной долиной. Северный склон Болная в своей верхней зоне довольно густо облесен исключительно лиственницей. Лесную подстилку на хорошо затененных и крутых склонах образуют преимущественно мхи, а в более инсолированных местах обычное лесное высокотравье. Лес на 1/3 пожелтел.

Рано утром мы видели искавшего козу гурана, уже вылинявшего. Близ гребня в лесу Ф. [Ф. Большаков] видел кое-где старые излюбленные следы. Проводник сообщил мне, что в горах к западу от перевала водятся аргали. О лесной пернатой дичи сведений не получил и сам не видел. На всем пути, не считая значительного скопления юрт в Хунин Тала близ Тельмин-нора мы встретили лишь единственную одинокую юрту под дабаном в тальвеге Шибир. Трава в лесу совершенно пожелтела

От стоянки 8 до пади Могой, [стоянки] 9, — 34 км.

Длинная сухая падь Шара Булук впадает слева в широкую долину Чжарамтай, левый приток Тэса. Путь по Шара Булуку вследствие изогнутости этой пади значительно длиннее прямой дороги через низкую седловину на водоразделе Шара Булук — Чжарамтай. Мы поехали по этому кратчайшему пути. Долина Чжарамтай широка (2—3 км) со степными солонками и дном. Тальвег отодвинут к левому берегу. Здесь есть вода — небольшой небыстрый ручей. По дну долины и по левому склону канавы, напоминающие заброшенную оросительную систему. Они то мелки, то достигают значительной (до 2 м) глубины и ширины. Это — трещины от землетрясения, бывшего, по словам проводника, лет 20 тому назад. Преобладающее направление трещин — с юго-юго-запада на северо-северо-восток.

Лес в той части долины держится только вверх по склонам. 3—4 лиственницы случайно выросли у воды в небольшом каньоне, близ пересечения речки Чжарамтай трактом. Тут же на холме виднеется тщательно сделанное плитное погребение. Однако на оставшихся больших стоячих камнях не сохранилось ни надписей, ни рисунков. Материал оказался слишком рыхлым.

Близ могилы я убил молодого орла — *Aguilo nitolensis orientalis*.

Из пади Чжарамтай дорога вновь через водораздел второго порядка переваливает в падь Могой, впадающую в Тэс ниже Чжарамтая. Чрезвычайно плоские верховья одного из левых притоков Чжарамтая образуют слабоволнистые сухие плато шириною около 11 км, пройдя которые, дорога без вторичного подъема спускается в падь Могой. На плато во многих местах хорошо сохранилась зелень, что, очевидно, обусловлено большой площадью поднятия.

У тальвега Могоя виден ручей еще меньших размеров, чем Чжарамтай. Несколько выше пересечения трактом речки раскинуты со-

монные юрты. Кроме них мы встретили на пути 3 аила из 18 юрт по Шара Булуку и 1 аил из 6 юрт по Чжарамтаю.

Долина Могой немного уже Чжарамтайской и имеет тот же характер. Чтобы познакомиться с лесистой частью долины, мы отвернули на ночлег вверх по речке и остановились при выходе одного из истоков Могоя в степи на дне его узкой долины в редком лиственничном лесу. По каменистому руслу истока местами нашлась проточная вода. Вечер был прозрачен и тих.

10.IX

От стоянки 9 до Дурекчи-вана, [стоянки] 10, — 29 км.

Накануне вечером я сделал небольшую экскурсию вверх по пади от нашей стоянки. Эта средняя лесная часть северного истока Могоя стиснута с обеих сторон горами в узкое извилистое очень живописное ущелье. Глубокое русло некогда бурного горного потока завалено камнями, между которыми ныне только кое-где пробивается вода. По берегам разбросан кустарник, по склонам лиственничный лес, местами сползающий до тальвега. По левому склону — высокие скалы.

Ущелье вытянуто на 2 км. Выше рельеф местности вновь становится мягким. Местность плавно повышается к размытым перевалам. Пологие холмы, лес, т[аким] о[бразом], между облесенными перевальным гребнем и средним бассейном пади образуется открытое степное пространство.

В лесу я видел изюбриные следы. Косуль здесь немного. В самой верхней зоне видел 2 зимника с загородками для скота. С гребня, водоразделяющего средний и западный истоки Могоя, видно на юго-востоке красивое лесное озеро Эрэнцен Дукдан-нор — с глубоким полуостровом, вдающимся в водоем с севера. Береговая линия должна иметь, по моему мнению, 15—20 км длины. Озеро должно находиться приблизительно в 20 км к югу от Дурекчи-вана. Причина образования озера осталась для меня невыясненной. Но надо сказать, что средние части бассейнов южных притоков Тэса в районе Дурекчи-вана вообще очень пологи, а водоразделы сглажены, поэтому условия для образования небольшой котловины вполне благоприятны. С того же гребня мы видели также 3 небольших озера в степной части долины Чжарамтай. Что касается Бустэ-нор, то монголы дали настолько неясные и противоречивые сведения о его размерах и местонахождении, что мне вовсе пришлось отказаться от записи сведений.

Несомненно одно, что озеро находится на северном склоне Болная, окружено лесом и украшено лесистым покровом.

Вероятно также, что длина его береговой линии не превышает 20 км. Озеро лежит к западу от дороги Тельмин-нор—Дурекчи-ван.

Дорога уходит из пади Могой через местность Цаган Чалутэ (обилие кварцита на поверхности) на юго-восток и через 14 км от Могойского сомона приводит к большому дабану со сравнительно крутым и длинным спуском.

Еще один небольшой перевал, и мы по наезженной дороге быстро спустились к долине Тэса навстречу огромному монастырю, расположенному на правобережной террасе реки. Тэс совсем небольшая речка, размерами уступающая даже Улан Халаку.

Долина Тэса в этом месте (включая низкую террасу правого берега) имеет ширину около 6—7 км. Русло реки проходит у левого берега.

В ночь на 10.IX атмосферное давление сильно понижается, и на пути к монастырю нас встретили дождь и снег при сильном западном ветре. Непрекращающиеся северо-западные ветры последние дни назойливо мешали нашему путешествию. Высокие горы к северу от Тэса покрыты снегом. Обстановка, при которой мы приехали в Дурекчи-ван, вполне напомнила преддверье зимы. В Дурекчи-ване нас ждал А. Д. Симуков, прибывший сюда уже 6.IX.

Дурекчи-ван.

11—12.IX; 2—5.X; 7—10.X.

Монастырь Дурекчи-ван, или Деда Тэсин Хурэ, расположен на плоском широком дне долины Тэса к северу от русла реки. План постройки обычен. Храмы сосредоточены в центре и окружены со всех сторон хашанами⁴⁷, где живут ламы. Широкая падь направлена на юг. Храмы построены в китайском стиле и покрашены однообразно красной краской. Исключение представляет лишь Алтан Ганчжур, корпус которого — тибетской композиции. Число лам, прикрепленных к монастырю, вероятно, доходит до 300 и, во всяком случае, превышает 200. Высшее лицо иерархии — хамбо лама. Монастырские постройки занимают площадь около 0,5 кв. км с запада на север. Территория монастыря обнесена цепью субурганов⁴⁸, воздвигнутых на деревянных помостах.

Подробности записаны МИКом⁴⁹. К востоку от монастыря, на расстоянии 200 м от последнего, расположились китайские фирмы, отделения ветеринарных управлений Монценкопа. Работа этих двух крупных торговых организаций постепенно вытесняет китайскую торговлю.

В Дурекчи-ване я вновь воскресил замерзшую метстанцию⁵⁰, которая, несомненно, не может быть компенсирована хаткальскими данными. Станция расположена во дворе. Наблюдатель Ефрем Кlementьевич Целин — ветеринарный фельдшер.

⁴⁷ Х а ш а н (монг. хашаан) — огороженное место.

⁴⁸ С у б у р г а н (монг. суврага) — вид памятного сооружения, восходящего к могильным курганам, реликварий, воздвигаемый на месте **сожжения** высоких духовных лиц. Объекты культа.

⁴⁹ См.: Клягина-Кондратьева М. И. Указ. соч. С. 149.

⁵⁰ В это время С. А. Кондратьев возглавлял метеорологическое бюро НИКа Монголии.

Данные для метстанции ⁵¹:

Заменял на станции термометр другим — более совершенным.

Среди лам монастыря мне посчастливилось встретить одного сильного шахматиста — старого габчжи ⁵² монаха — лучшего игрока в хошуне. Мы с ним сыграли 3 партии, с результатом +1=1–1, две [партии] из которых привожу ниже. Монах сообщил мне одну новую для меня деталь: если игрок проводит пешку в ферзя и у него имеется на доске ладья, то первый ход новым ферзем может быть сделан лишь по диагонали. Начинать партию, по мнению Палоха, можно лишь ферзевою пешкой. Доска разграфлена на черные и белые поля ⁵³.

4.IX. Дурекчи-ван

В 7 км к северу от Дурекчи-вана — большое поле керексурсов с многочисленными, но плохо сохранившимися погребениями каменных баб.

⁵¹ Далее даны показатели широты, долготы, высоты термометра и флюгера метеорологической станции.

⁵² Г а б ч ж и — научное звание, получаемое в буддийских монастырях, соответствующее приблизительно современному магистру.

⁵³ Далее следует запись четырех шахматных партий.

Мысли о жизни

(Дневник 1949 года)

«Все еще верю, что критика приносит пользу»... Эти слова из заключения дневника-размышления С. А. Кондратьева «Мысли о жизни», написанного в 1949 г. в Москве, можно считать лейтмотивом всего произведения. Этот московский дневник (в отличие от монгольских) скорее не дневник в привычном смысле этого слова, а развернутая аналитическая записка, своеобразное нравственно-политическое эссе на заданную им самим тему: «Какое государство мы построили и чего достигли».

Рукопись представляет собой общую тетрадь ленинградской фабрики «Светоч» в форме небольшой книжки (размером 14,5х21 см) в твердом коленкорovém переплете черного цвета с тиснением под грубую кожу или кирзу. Желтоватые от времени тетрадные страницы разлинованы неяркими тонкими фиолетовыми линиями.

Записи сделаны энергичной скорописью мелкими острыми буквами с одинаковым нажимом, вероятно, ручкой-вставочкой с пером-уточкой. Строки ровные, без ошибок и почти без помарок, почерк много пишущего человека с дореволюционным стажем письма.

Первая запись датирована 1 апреля 1949 г., последняя — 12 июня 1949 г. Дневник был написан за 73 календарных дня. Перерывы в работе, когда С. А. Кондратьев не прикасался к перу (каждый раз объясняя причину), составили всего 19 дней. То есть доля продуктивных, «рабочих» дней (их было 54) достаточно высока: 74 % от всего периода работы над текстом.

Через две недели после завершения работы над своими записками Кондратьев на обороте форзаца в начале книжки-тетради сделал синими чернилами запись завещательного характера: «В случае моей смерти прошу передать эту тетрадь в ЦК ВКП(б)», поставил дату (27 июня 1949 г.) и расписался.

Подготовленный к печати дневник-размышление С. А. Кондратьева публикуется в соответствии со следующими правилами:

- 1) текст печатается с учетом авторской правки;
- 2) вычеркнутые в подлиннике красным карандашом фрагменты текста публикуются в авторских квадратных скобках (когда они есть) шрифтом меньшего кегля с отступом;
- 3) так же (шрифтом меньшего кегля с отступом в авторских квадратных скобках, при их наличии) воспроизводятся и некоторые не перечеркнутые красным карандашом фрагменты текста, носящие, по мнению публикатора, дополнительный и иллюстративный по отношению к основному тексту дневника характер;
- 4) заголовок «Оглавление» дан нами; авторские названия разделов дневника, приведенные С. А. Кондратьевым в Оглавлении в начале тетради, но отсутствующие в самом тексте записок, воспроизведены в соответствующих местах публикации в угловых скобках;
- 5) номера страниц в Оглавлении даны по рукописи;
- 6) даты, стоящие в оригинале в *конце* подневных записей, при подготовке рукописи к печати перенесены в *начало* соответствующих фрагментов текста;
- 7) авторские подчеркивания чернилами отмечены курсивом; квадратные скобки (за исключением упомянутых в пунктах 2 и 3) заменены на круглые; развернутые нами сокращения и наши пояснительные добавления приведены в квадратных скобках;
- 8) в необходимых случаях орфография и пунктуация подлинника приведены к современной норме; смысловая правка не производилась.

МЫСЛИ О ЖИЗНИ

В случае моей смерти прошу передать эту тетрадь в ЦК ВКП(б)
27.VI.[19] 49 г.

С. Кондратьев

< Оглавление >

О потребности высказаться	1
Об источниках противоречий	4
О нравственном и умственном развитии	19
О том, к чему мы пришли и каким путем	25
а) в области политической	27
б) в области экономической	61
в) в области культурно-просветительной	87
Заключение	171

<О потребности высказаться>

1.IV

Для всякого человека, стремящегося понять мир и осмыслить жизнь, возможность свободного высказывания своих мыслей необходима, как воздух, которым он дышит. Лишенная этих возможностей душа хиреет, становится лицемерной и трусливой. Ничто великое уже не грозит ей.

* * *

[Любовь к родине — любовь к матери. Бессмысленно уговаривать: «Ты должен полюбить мать!» Любви научить нельзя. «Должен любить» — несочетаемые слова. Внушить любовь может только полюбленное.]

* * *

2.IV

Из всех способностей человека позднее всех созревает способность мыслить, точнее — способность к правильным обобщениям. Вряд ли можно сделаться ученым до 20-летнего возраста. В то же время талантливые художники нередко сформировываются уже в отрочестве. Тому примеры — многочисленные вундеркинды во всех областях искусства. Отсюда, между прочим, вытекает, что шахматы гораздо ближе к искусству, чем к науке.

Труднее всего и позже всего дается человеку *жизненная философия*, определяющая его взгляды на личные и социальные взаимоотношения между людьми, так как по необходимости она должна основываться на обширном (личном) жизненном опыте, который не может

быть «сокращен» («Наука сокращает опыт быстротекущей жизни»¹), хотя бы уже только потому, что понимание человеческих взаимоотношений является во многом *непредвосхищаемой* функцией возраста. Поэтому Шопенгауэр справедливо утверждает, что в спорах на эти темы сорокалетний человек всегда одержит победу над молодым, как бы ни был одарен последний.

3.IV

В юности охотно прибегают к обобщениям, руководствуясь при этом скорее личными желаниями и вкусами, нежели зрелой оценкой фактов. Однако с возрастом человек замечает, что душевная жизнь и взаимоотношения между людьми нелегко поддаются простым формулировкам. Поэтому он становится осторожнее и не спешит с выводами. Но после 50 лет, когда опыт накоплен, а мышление, постепенно освобождаясь от влияния страстей и еще не затронутое разрушительным действием старости, наиболее отчетливо, — человек *обязан* определить свое отношение к жизни, внести в него возможную ясность. На этом главным образом и основывается культура, т[о] е[сть] преемственное развитие духовной жизни человечества.

<Об источниках противоречий>

4.IV

Личность человека (не больного) определяется, по существу, немногими факторами:

- 1) темпераментом, т[о] е[сть], в совокупности, характером,
- 2) нравственными качествами,
- 3) умственным развитием,
- 4) одаренностью,
- 5) специфическими склонностями,
- 6) родом постоянной работы.

Различные сочетания этих немногочисленных признаков охватывают всю множественность неповторимых особей *Homo sapiens*, столь же различных, сколь и сходных между собою.

Не все части этого здания одинаково существенны. Главные из них — характер и ум. Прочие лишь осложняют личность, но могут и вовсе отсутствовать. Несомненно, что на свете в разные времена жило и живет много бездарных (4) бездельников (6), лишенных каких бы то ни было ярко выраженных склонностей (5). Тем не менее, и они — личности.

Исследуя перечисленные форманты² (формообразующие элементы), мы легко заметим, что они распадаются на две вполне различные

¹ «...наука сокращает / Нам опыты быстротекущей жизни...» — слова Бориса Годунова из одноименной пушкинской трагедии, обращенные к сыну (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1950. Т. 3. С. 288).

² Вы да простите мне этот неологизм — я не нашел экономного эквивалента в русском языке! (Примеч. автора.)

категории с их гибридами: 1) *наследственные* форманты — темперамент, одаренность, специфические склонности — и 2) *приобретенные* — род постоянной работы. Нравственные качества и ум — гибриды. Что касается первых, то они глубоко заложены в природе человека, мы это замечаем у еще совсем маленьких детей. Но вместе с тем известную, хотя и небольшую роль *воспитания* в развитии нравственных качеств отрицать нельзя. Другое дело — ум. Наследственность этой форманты выражается гл[авным] образом в ее силе, т[о] е[сть] в количественном признаке, который, будучи ярко выражен, и называется в просторечии «природным умом». Но *направление ума*, т[о] е[сть] та сторона его, которая имеет решающее значение в миропонимании человека, определяется исключительно условиями среды, в силу чего и следует рассматривать ум как форманту *приобретенную*.

5.IV

Если форманты личности живут в плохом согласии друг с другом, они порождают в душе человека источник терзаний, неиссякаемый в тех случаях, когда в дисгармонии причинны *наследственные* форманты, изменить которые человек бессилен. Такова, например, трагедия Сальери (в пушкинской концепции), страстная склонность которого к музыке не могла быть оплодотворена одаренностью. Зависть и сознание своей неполноценности толкнули безумца на убийство гения, в котором редкая одаренность и редкая любовь к искусству сочетались в чудесной гармонии.

Приходит на память и покойный Б. В. Асафьев³, посредственный композитор, выдающийся теоретик и историк музыки. «Сальеризм» его в последние годы выражался в том, что он, понимая, вероятно, заурядность своего природного дарования, все же искал у знакомых музыкантов пусть обманных, но приятных сердцу похвал своему музыкальному творчеству. Я убежден в том, что Асафьев был втайне обижен тем, что получил Сталинскую премию за работу о Глинке, а не за квартет, балет или оперу. К счастью, Асафьев не убил Шостаковича⁴. В русской поэзии сходная фи-

³ Асафьев Борис Владимирович (лит. псевдоним: Игорь Глебов) (1884—1949) — музыковед и композитор, один из основоположников советского музыковедения. Акад. АН СССР (1943), нар. артист СССР (1946), профессор, дважды лауреат Сталинской премии (1943 г. — за многолетние выдающиеся достижения в области искусства; 1948 г. — за книгу «Глинка»). Награжден двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. Окончил историко-филологический ф-т Петербургского ун-та (1908) и Петербургскую консерваторию (1910) по классу композитора А. К. Лядова. В 1920-е гг. вместе с Л. З. Траубергом работал в основанном гр. В. П. Зубовым Институте истории искусств (с 1920 г. Российском, с 1925 г. — Государственном). В апреле 1948 г. на Первом Всесоюзном съезде Союза советских композиторов избран председателем Союза (ССК; создан в 1932 г., с 1957 г. — Союз композиторов СССР (СК СССР)). Умер 27 января 1949 г. — за два с небольшим месяца до этой записи С. А. Кондратьева.

⁴ Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906—1975) — композитор-новатор, один из крупнейших композиторов современности, обогатил многие

гура — В. Я. Брюсов⁵. Недаром Айхенвальд⁶ определил его как «преодоленную бездарность».

Частые конфликты между склонностью и критической оценкой ее. Вот человек, приверженный к азартным играм. Он отлично понимает, что за игрой расточительно тратит свои силы и время, душевно никак не обогащаясь; он также мучается угрызениями совести. Но все же идет и играет.

Дисгармония между формантами исправима, когда приобретенную форманту удастся приспособить к наследственной.

Сапожник N прирожденный игрок. Все свободные часы он проводит в билиардной. Случай позволяет ему получить место маркера. Сапожник счастлив.

Нередко человек только в часы отдыха от постоянной работы проявляет свои самые значительные способности и склонности, как бы давая понять окружающим свое истинное призвание. К удивлению, иногда он сам не понимает его. Иначе разве не бросил бы Бородин⁷

жанры музыки. Доктор искусствоведения, проф. Ленинградской (1939) и Московской (1943) консерваторий, нар. артист СССР (1954), награжден орденом Трудового Красного Знамени (1940), лауреат Сталинской (Государственной) премии (1941, 1942, 1946, 1950, 1952, 1968) и Международной премии мира (1954). Секретарь СК СССР (1957). Окончил Ленинградскую консерваторию по классу игры на фортепьяно и композиции.

Со второй половины 1930-х гг. неоднократно подвергался идеологической критике, многие его произведения обвинялись в идейно-художественных дефектах и запрещались к исполнению. Когда Д. Д. Шостакович 25 сентября 1945 г. сыграл в Ленинграде в Союзе композиторов свою Девятую симфонию, она вызвала недовольство ряда музыковедов, в том числе Б. В. Асафьева (Письма к другу: Письма Д. Д. Шостаковича к И. Д. Гликману / Сост. и коммент. И. Д. Гликмана. М.; СПб., 1993. С. 70—71, 116. Далее: Письма к другу). По-видимому, Асафьев подверг критике творчество Шостаковича и с трибуны Первого Всероссийского съезда советских композиторов как новоизбранный председатель ССК.

⁵ Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — основоположник русского символизма, автор ряда книг стихов и двух исторических романов («Огненный ангел», 1908, и «Алтарь победы», 1913). Был фронтовым корреспондентом на Первой мировой войне. После Октябрьской революции активно сотрудничал с советской властью, вел общественно-педагогическую деятельность. Член РКП(б) с 1920 г.

⁶ Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928) — литературный критик. Окончил историко-филологический ф-т Новороссийского ун-та (1894). Начал печататься в 1895 г. Автор книг «Силуэты русских писателей» (в 3 вып., 1906—1910), «Пушкин» (1908), «Этюды о западных писателях» (1910); перевел Полн. собр. соч. А. Шопенгауэра (в 4 т., 1901—1910). В ноябре 1922 г. выслан за границу.

⁷ Бородин Александр Порфирьевич (1833—1887) — композитор и ученый-химик. Член Балакиревского кружка русских композиторов («Могучей кучки»), один из создателей русской классической симфонии (2-я «Богатырская» и др.) и русского классического струнного квартета, создатель оперы «Князь Игорь». В его творчестве нашли проявление героико-эпические образы русской истории и культуры, освободительные идеи 1860-х гг. Жизнь Бородина, считавшего себя, по-видимому, в первую очередь химиком, характеризовалась раздвоенностью.

заниматься химией? А Фабр⁸ не нашел бы способа избавиться от докучного преподавания элементарных знаний? Гораздо чаще, чем это принято думать, человек занимается не тем, чем ему следовало бы заниматься. Сколько не проявленных, заторможенных способностей и сил бесплодно угасает! Они гибнут, как нераспустившиеся цветы. В своей духовной жизни человечество так же неэкономно, как рыба, мечущая икру. Но расточительность рыбы определена необходимостью, люди же до сих пор просто не сумели упорядочить свою жизнь.

Человек в пятьдесят лет неожиданно открыл в себе способности изумительного рисовальщика. Какое позднее счастье! В какой чудесный новый мир он вступил! И все это было как внезапно раскрывшееся на закате небо. Он погиб, милый друг. Его убили.

Наиболее тяжки для души столкновения между темпераментом и нравственными нормами, а также между характером (в целом) и спекулятивными построениями.

Лев Толстой был чувственен и патологически ревнив. Какие терзания непрестанно он испытывал только по одному этому поводу! И какое бесстрашие проявил этот великий испытатель души человеческой, обнаруживая «Крейцерову сонату», раскрыв перед всем человечеством свои раны и язвы.

Я сказал «патологически» ревнив, потому что «Крейцера соната», будучи во многом личной исповедью, вызывает во мне какую-то нравственную тошноту. (Ни в одном из своих произведений Толстой не соприкасается так близко с Достоевским.)

Если прав утверждавший, что извращенность (perversessness) является одним из примитивных инстинктов человека (the black eat), с чем можно согласиться, вспомнив садистические расправы немцев с мирным населением, или необъяснимую жестокость маленьких детей по отношению к беспомощным существам (зверькам, птицам и насекомым), или побои жен пьяными мужьями, то можно легко себе представить, какое множество людей терзается тайными и постыдными соблазнами, находящимися в роковом противоречии с лучшими порывами их души.

6.IV

Вряд ли этих демонов можно истребить, но поощрять их дурно. Существующая у нас на этот счет строгая цензура в кино и в печати свидетельствует о большом внимании правительства к здоровому воспитанию молодежи.

* * *

⁸ Ф а б р (F a b r) Ж а н А н р и (1823—1915) — французский энтомолог. Автор учебников и классических научно-популярных трудов по биологии насекомых — «Энтомологические воспоминания» (в 10 т., 1879—1907) и др.

Конфликты между характером (в целом) и спекулятивными построениями могут быть столь же напряженными и в то же время гораздо более сложными и разнообразными. Они не оставляют человека на протяжении всей жизни.

У мальчишки не хватает 50 копеек для того, чтобы купить билет в кино. Видно, что посмотреть картину ему страшно хочется. Он просит у Вас эти 50 копеек. Почему бы не доставить радость мальчишке? Это и приятно, и необременительно. Но Вы убеждены, что потворствовать попрошайничеству не следует. Вот и конфликт. Что одержит верх: непосредственное побуждение побаловать мальчика или, быть может, правильное, но сухое рассуждение.

Прокурор знает, что сегодня от его речи всецело зависит судьба обвиняемого. По личному убеждению прокурора, вина невелика, но по статье, которую он как общую норму считает правильной, проступок значителен. Конфликт.

Писателю N мучительно противно копаться в грязных мыслях и грязных поступках, но он полагает, что его работа, раскрывающая психологию преступника, может принести пользу. Он то бросает перо, то вновь принимается писать. Конфликт.

Инквизиторы пытали людей *ad maiorem gloriam Dei*⁹. Но не все же они имели каменные сердца?

Человек, которого я знал, бывший чекист, собственноручно расстрелявший немало людей во имя победы революции и новой жизни, не выносил, когда его сын прятался под стол. Очевидно, мгновенно воскресали страшные воспоминания, и совесть начинала кричать.

7.IV

Непреклонное следование нравственным принципам, особенно в часы тяжелых испытаний, пленяет и восхищает людей, ибо в нем они невольно чувствуют нечто новое и прекрасное, рожденное человеком на Земле. Галилей и Джордано Бруно разрешили один и тот же конфликт по-разному. Галилей покривил душой и остался жив, Джордано Бруно *не мог* солгать, был сожжен. Мы в точности не знаем мотивов, которые заставили Галилея отречься от своих взглядов — была ли это попросту животная трусость или необоримое желание любой ценой продолжать свои исследования. Быть может, по здравому, практическому смыслу Галилей поступил умно и целесообразно: от пыток и насильственной смерти он ушел, продолжил свою любимую работу, а взгляды его все равно через некоторое время восторжествовали. Но все же мы покорены поведением Джордано, пусть и безрассудным. Таковы сила нравственного подвига и его воздействия на нас.

⁹ [Вариант: *Ad maiorem Dei gloriam*] — К вящей славе Господней; во славу Божию (*лат.*; девиз Ордена иезуитов).

Много душевных сил уходит на борьбу между моральными нормами и склонностями, привязанностями, инстинктами, на скрытый [конфликт] между долгом и любовью, между страстями и потребностью в свободе, между обременительной ответственностью и стремлением к покою. Чем выше нравственное и умственное развитие человека, тем труднее и сложнее для него жизнь. Показательный пример — дневник Толстого. И все же обходных путей нет. Человечеству придется пройти этот крестный путь через все разлады и преодолеть их. Все лучшее в человеке сосредоточено на этой цели. Жить бездумно, «просто», «легко» — м[ожет] б[ыть], приятно, но бессмысленно. Жвачные животные не помышляют о далекой гармонии, они не стремятся к совершенству. Поэтому и не достигнут его.

8.IV

Бывают столкновения и между нравственными побуждениями.

Мальчик чувствует, что ему следует навестить больного товарища, но мать против этого, и он не хочет ее огорчать. Мальчик не знает, как ему быть. Н знает, что может безнаказанно присвоить чужие деньги, принадлежащие, скажем, богатому скупцу, чтобы спасти жизнь всеми покинутого тяжело больного человека. Как он поступит?

* * *

Когда в Пулкове внезапно умерла моя сестра¹⁰, я находился на нашей петроградской квартире¹¹, и там же была мама¹². О смерти сестры мне сообщили по телефону из Пулкова¹³, сказав, что на ж[елезнодорожную] станцию за нами вышлют лошадь¹⁴. Я сказал

¹⁰ С е с т р а — Николаева Вера Александровна (урожд. Кондратьева, 1893—1915), старшая сестра С. А. Кондратьева — талантливая певица и поэтесса. Отравилась в возрасте 22 лет. С 13 лет страдала прогрессирующим нервно-психическим заболеванием, связанным с манией самоубийства (*Морин Н. М.* Пулково в начале XX века (1900—1916). Машинопись. Сокращенный вариант (приведенных данных в нем нет) опубликован: Из очерка Н. М. Мориной «Пулково в начале XX века (1900—1916 гг.)» // Главная астрономическая обсерватория в Пулкове. 1839—1917 гг.: Сб. документов / Под ред. В. К. Абалакина. СПб., 1994. С. 325—328 (Док. № 167)). Похоронена на Мемориальном кладбище астрономов (МКА) в Пулкове.

¹¹ Н а н а ш е й п е т р о г р а д с к о й к в а р т и р е. — Вероятно, имеется в виду квартира дяди С. А. Кондратьева по материнской линии, композитора А. С. Аренского (1861—1906), по адресу: Садовая ул., 120, кв. 4. В этой квартире Кондратьев провел детские годы (сообщено В. А. Кондратьевым — двоюродным братом С. А. Кондратьева 26.06.2001 г.).

¹² М а м а — Кондратьева Ксения Степановна (Стефаньевна) (урожд. Аренская, 1869—1922), младшая сестра композитора А. С. Аренского. Похоронена на МКА в Пулкове.

¹³ П о т е л е ф о н у и з П у л к о в а. — До 1930-х гг. в Пулковской обсерватории был один телефон у дежурного в Главном здании.

¹⁴ В ы ш л ю т л о ш а д ь. — В те годы до Пулкова добирались так:

«Сообщение с Петербургом тогда было только по железной дороге. До ближайшей станции приходилось ехать на лошади. Такой станцией была станция Алек-

маме, что сестра неожиданно почувствовала себя плохо, и мы поехали на вокзал. Был поздний декабрьский вечер. Всю дорогу мать умоляла меня сказать ей правду, а я *не мог*, и это была пытка, которая оставила на душе незарастающие следы. 5 километров от станции до Обсерватории мы ехали в крытом возке под белесоватым тусклым небом и, несмотря на все терзания и лживые слова, мне страстно хотелось, чтобы эта дорога никогда не кончилась и никуда не привела, чтобы вот так, тысячелетия, ехать в неизвестное и не отнимать у матери надежды и спасти ее от страшного горя. И она мучалась, и я лгал. Мы приехали. На пороге нас встретила Смерть.

С тех пор прошло больше 34 лет, но сейчас мне показалось, что все это произошло в прошлом декабре.

Горе сильнее радости. Радость рассыпана, а горе собрано.

* * *

В юности, когда человек как бы ощупывает мир, в котором ему придется жить, когда его внимание устремлено преимущественно на собственную душу, — конфликты между формантами происходят в сравнительно узкой сфере его личной жизни в связи с жизнью немногих окрестных людей. С возрастом человек начинает задумываться над своими взаимоотношениями с родиной, народом и государством. Круг интересов расширяется, причем закономерно усложняется и без того полная противоречий душевная жизнь. Особенное значение в настоящее время приобрели для каждого советского человека отношения между людьми и государством, так как у нас, в Советском Союзе, творческая, общественная да в большой мере и частная жизнь каждого гражданина находится под неослабным контролем государственной философско-политической доктрины с вытекающими из нее многообразными практическими мероприятиями и постановлениями. Но так как собеседники в разговорах на эту животрепещущую тему обычно

сандровская («Александровка») Варшавской железной дороги, в 5 км от Пулкова. От «Александровки» до города поезд шел полчаса. Так что на все путешествие до города приходилось тратить полтора часа. Лошадей нанимали в селе Пулково. Присяжным извозчиком обсерватории испокон века состоял крестьянин Александр Васильевич Птицын с сыновьями Виктором, Александром и Михайлом. Огромный полукаменный двухэтажный дом с мезонином, принадлежавший Птицыну, стоял близ въезда в обсерваторию. Птицын держал несколько лошадей специально для обслуживания астрономов. «Заказать» лошадь на определенный поезд было делом одной минуты. Для удобства [на стене дома во дворе Птицына] было написано черной краской по желтой штукатурке полное расписание поездов между Петербургом и Александров[с]кой» (Из очерка Н. М. Морина... С. 327—328).

Ср.: «В те времена пулковцы ездили в Петербург через станцию Александровскую, в четырех километрах от Пулкова. Обычно для этого нанимали экипаж крестьянина-извозчика, одного из наследственных извозчиков Птицыных, возивших не одно поколение пулковских астрономов» (Тихов Г. А. Шестьдесят лет у телескопа. М., 1959. С. 65).

проявляют крайнюю застенчивость, то я в конце концов решил поговорить серьезно сам с собой с тем, чтобы, по крайней мере, для себя внести возможную ясность в тот весьма сложный и запутанный вопрос.

Однако прежде чем обратиться к нему, мне представляется необходимым уяснить, в какой степени нравственное развитие связано с развитием умственным. Над этой проблемой я неоднократно думал, но все какими-то фрагментами.

9.IV

Сегодня (9.IV), в день моего рождения¹⁵, я испытал сильнейший приступ застарелой болезни (*Taedium vitae*¹⁶). Никогда еще в этот день я не чувствовал себя так плохо, а помню об этом потому, что 9.IV привык думать о самом для меня важном и подводить итоги. Лишь к концу ночи волна оглушительной тоски начала спадать, и вот продолжаю свои размышления.

<О нравственном и умственном развитии>

Способствует ли просвещение улучшению нравов? Вопрос настолько стар, что и задать его хочется в старомодной форме. Но от преклонного возраста он ничего не потерял ни в силе, ни в значении. И каждый понимает, о чем здесь идет речь. Поэтому уточнять понятия «просвещение» и «нравственность» я не буду.

Бесспорно, что на протяжении исторического периода жизни человека знания его чрезвычайно возросли, однако очень неравномерно в разных областях. Душевный мир человека древние, как можно полагать, знали немногим хуже, чем мы, в искусстве также были достаточно продвинуты, но в области точного знания, понимания законов природы были, конечно, детьми по сравнению с нами. Любой грамотный человек нашего времени имеет гораздо более здравые представления о Вселенной, Земле и человеке, чем наиболее выдающиеся мудрецы древности.

Ну, а как дело обстоит с нравственностью?

До сих пор добрая половина человечества, воспитанная на библии, не только не смогла заменить древние нравственные догмы более современными, но оказалась не в состоянии следовать тем, по существу,

¹⁵ С. А. Кондратьев родился 27 марта (8 апреля) 1896 г. — в конце XIX в. Отмечая дни своего рождения в сознательном возрасте уже в следующем, XX столетии, он ошибочно полагал, что если разница между «старым» и «новым» стилями летосчисления (юлианским и григорианским календарями) из века в век возрастает на один день (11 дней в XVIII в., 12 в XIX и 13 дней — в XX в.; кстати, в наступившем XXI в. она по-прежнему равняется 13 дням, а не 14, как думают многие), то и даты по новому стилю якобы тоже должны прирастать на день в столетие. Поэтому-то и день своего рождения вместо 8 числа отмечал всегда 9-го. Это достаточно распространенная хронологическая ошибка. Однажды зафиксированная в календаре, дата события (того или иного стиля) остается навсегда неизменной.

¹⁶ Отвращение к жизни, душевная усталость (лат.).

весьма скромным запретительным формулам («не лги, не кради, не клеветай» и т. д.), которые преподаны в т. н. «Моисеевых заповедях». Еще менее доступными для человечества оказались высокие нравственные нормы, провозглашенные буддизмом и христианством (хорошо согласованные и как бы дополняющие друг друга, несмотря на существенные различия в философии обеих доктрин), — идеи жертвенности, искупления, отречения и, главное, деятельной любви. Вся история цивилизации в Европе нашей эры является наглядным примером перманентного искажения и извращения возвышенной нравственной доктрины.

И все же тоска по лучшей, более совершенной нравственной жизни гнездится в людях, иначе слова Гаутамы¹⁷ и Христа, едва прозвучав, заглохли бы. Они подобны зачаткам крыльев у существ, еще не научившихся летать.

10.IV

В конечном счете, христианство относилось ко всяческому злу в человеческих взаимоотношениях как к миропорядку несовершенному, но предустановленному. Потому оно не будило в людях протеста, революционного возмущения, но призывало к смирению, всепрощению и любви всех чистых сердцем, униженных и обездоленных, обещая им награду — вечное блаженство. Но нет никакого сомнения, что это великое нравственное учение подготовило почву для рождения новых моральных принципов, возникших почти на наших глазах, в конце второго тысячелетия после появления христианства. Я имею в виду социализм и его наиболее возвышенную, пока еще утопическую, форму — коммунизм, имеющую, конечно, весьма мало общего с т. н. «примитивным коммунизмом». Мне могут возразить, что философия социализма есть чисто рациональное построение — продукт рассуждений, а не чувств. Но это, конечно, не так. Предпосылки социализма — идеи свободы, равенства и братства, т[о] е[сть] принципы моральные. Не случайно при этом, что социализм как учение возник во Франции и что, например, сен-симонизм объявил себя новой *религией* человечества. Основоположник исторического изучения социализма Лоренц Штейн¹⁸ отметил, что социализм «соответствует самым благородным идеалам человеческого сердца, самым сокровенным его чаяниям и упованиям».

¹⁷ Гаутама — принц Сидхартха Гаутама (жил в 623—544 гг. до н. э. или на 60 лет позднее). Согласно буддийской традиции, основатель буддизма. По преданию, происходил из царской семьи рода Готама, из племени шакьев. Одно из его имен — Шакьямуни (отшельник из шакьев). Оставил семью и дом отца в возрасте 29 лет и после 7-летних скитаний достиг просветления и стал проповедником нового учения.

¹⁸ Штейн Лоренц фон (1815—1890) — немецкий юрист, историк и экономист, разрабатывал «теорию общегражданского строя». Родился в Австрии.

С другой стороны, не случайно и то, что, например, глубокий и всеобъемлющий ум Аристотеля не только мирился с институтом рабства, но и оправдывал его. Гениальный ученый и философ оказался не в состоянии перешагнуть через себя и свою эпоху. Поучительно отметить, что рабство, как бы узаконенное многими тысячелетиями на существование (так!), быстро сошло на нет именно в эпоху появления и развития социалистических идей.

Социалистические теории вызвали не только переоценку ценностей и революцию в мировоззрениях, но и много практических изменений в общественной и государственной жизни разных стран. В полной мере социалистический строй вступил в жизнь в *нашей* стране после Великой Октябрьской революции.

11.IV

С тех пор прошло более 31 года — срок, достаточный для того, чтобы подвести итоги и задать себе вопрос: к чему мы пришли и каким путем? Вопрос, бесспорно, труден, так как ответ на него должен быть основан на широчайшем охвате громадного числа разнообразных фактов как материального, так и духовного порядка. Правильно оценить и обобщить все то великое множество явлений не под силу одному человеку, даже величайшему, даже кормчему у руля. Поэтому по необходимости всякий ответ будет в той или иной степени субъективен. Но этим отнюдь не следует смущаться. Ибо еще надо доказать, возможна ли вообще *объективная* оценка сколько-нибудь сложных жизненных явлений, а тем более грандиозных исторических процессов, затрагивающих жизни миллионов людей. В оценке всякого события люди руководствуются прежде всего личным отношением к нему, личной мерой жизни, личными представлениями о закономерности, справедливости, пользе, добре и зле. «Каждый мерит мир собственной душой»¹⁹ и как бы приспособливает всяческий новый опыт к своему идеальному представлению о жизни как о целесообразном, направленном к совершенству процессе. А это «идеальное представление» о жизни всецело зависит от культуры человека, его нравственных требований и умственного развития. Великая равнодействующая духовного прогресса как раз и определяется суммой этих миллионов индивидуальных мировоззрений. Поэтому-то человек как нравственное существо *испытывает потребность* правдиво высказывать свое отношение к окружающей его жизни.

12.IV

<О том, к чему мы пришли и каким путем>

¹⁹ По-видимому, С. А. Кондратьев придавал этой мысли существенное значение: он использовал эту цитату (источник которой нам неизвестен) и в своих монгольских дневниках 1920-х гг.

Итак, к чему нас привел советский социалистический строй? Изложу по разделам наиболее важные, с моей точки зрения, факты.

А. В области политической

- 1) Внедрение в сознание граждан марксизма-ленинизма.
- 2) Идейное противопоставление СССР всему капиталистическому миру.
- 3) Установление диктатуры пролетариата и централизация власти.
- 4) Пополнение и укрепление единой партии — ВКП(б).
- 5) Контроль над поведением и образом мыслей всех граждан, осуществляемый через институт Партии, органы Государственной безопасности и при помощи громадного числа частных осведомителей.

Б. В области экономической

- 1) Обобществление средств производства, национализация добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорта и торговли.
- 2) Колхозный строй.
- 3) Ликвидация частного капитала и сколько-нибудь значительной частной собственности.
- 4) Государственное планирование и
- 5) передача всех материальных богатств в руки государства.

В. В области культурно-социальных мероприятий

- 1) Уничтожение сословных привилегий.
- 2) Широкодоступное образование.
- 3) Широкое развитие здравоохранения и соц[иального] обеспечения.
- 4) Создание благоприятных условий для развития отсталых народностей.
- 5) Раскрепощение женщин.
- 6) Гонение на религию.
- 7) Широкое развитие наук и искусств под строгим политическим контролем.

Я не политик и не экономист. Поэтому в этой схеме, вероятно, есть упущения, быть может, и немаловажные. Но думаю, что в основном я отметил все важнейшие изменения в общественной и государственной жизни, вызванные нашим новым строем. По всем этим пунктам мне хочется высказаться, но особенно, конечно, по некоторым вопросам последнего раздела, так как сам я всю жизнь занимался искусством и наукой.

Коснусь всех изменений в том же порядке, в каком они приведены в схеме.

13.IV

А. Политические факты

1. Внедрение в сознание советских граждан марксизма-ленинизма

Единая политико-философская доктрина, принятая нашим государством, есть учение т. н. классиков марксизма-ленинизма. Труды этих выдающихся людей заслуживают полного признания. Они созданы на основе широких теоретических обобщений и практического опыта и вдохновлены передовыми гуманными идеями.

Однако жизнь постоянно ускользает из оков формул. «Все течет»²⁰, и самые прогрессивные теории дряхлеют. Не могут избежать коррективов и взгляды основоположников марксизма-ленинизма. Поэтому, помня о здоровых традициях критического реализма, постепенно установившихся в науке после Бэкона²¹ и прочно укоренившихся в сознании современных мыслящих людей, следовало бы и марксизм-ленинизм излагать так же, как изучается, напр[имер], теория эволюции от Ламарка²² до наших дней, т[о] е[сть] со всеми поправками, внесенными жизнью и развитием науки в концепции великих естествоиспытателей.

К сожалению, этот единственный удовлетворяющий требованиям современного ума плодотворный принцип отброшен в применении к учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, и мысли этих выдающихся людей преподносятся догматически, т[о] е[сть] как безусловные, не подлежащие ни критике, ни сомнению, абсолютные истины. Подобный метод усвоения знаний был характерен для Средневековья и древних стадий жизни человечества. В наши дни он — прискорбный анахронизм. В детстве таким образом приходилось заучивать катехизис.

Эта тенденция сделать учителей непогрешимыми, в конечном счете, приносит только вред. Она развращает людей, подменяя в них самостоятельные мысли фонограммами. Не говорю о затраченных силах и времени. Обрывки готовых, критически не усвоенных сведений быстро потеряются памятью. В лучшем случае, ученик становится начетчиком. Жалкая форма знания!

В беге жизни между вновь возникающими идеологическими партийными директивами и взглядами Маркса, Ленина неизбежно то здесь, то там должны обнаруживаться расхождения. Эти противоре-

²⁰ Эта фраза принадлежит древнегреческому философу Гераклиту (см. коммент. 58).

²¹ Бэкон Фрэнсис (1561—1626) — английский философ, родоначальник английского материализма, лорд-канцлер при короле Якове I. Придавал большое значение опыту, эксперименту и очищению разума от заблуждений («идолов», или «призраков»). Автор трактата «Новый органон», утопии «Новая Атлантида».

²² Ламарк Жан Батист Пьер Антуан де Моне (1744—1829) — французский естествоиспытатель, член французской АН (1783). Создатель первой целостной эволюционной теории. Впервые (1794) разграничил животный мир на две основные группы — позвоночных и беспозвоночных, автор термина «беспозвоночные», положил начало зоопсихологии. Помимо ботанических и зоологических трудов, автор работ по геологии, гидрологии и метеорологии.

чия просто замалчиваются. И учитель и ученик благоразумны. Они умудрены жизнью.

Догматизм, широко используемый в трактовке марксизма-ленинизма, часто как бы перебрасывается и в обособленные области знаний. Так случилось, например, в ставшей знаменитой прошлогодней дискуссии «Лысенко против морганистов». Я думаю, что не следовало издавать стенограммы этой дискуссии²³. Книга читается как печальная повесть о современной эристике²⁴, о поведении и нравах наших ученых. Не касаясь вопроса о том, на чьей стороне правда (возможно, это где-нибудь посередине), приходится резко осудить применявшиеся методы аргументации. В то же время суд (иначе эту дискуссию назвать нельзя) не обнаружил в среде советских ученых ни одного Джордано Бруно, но зато [нашлось] изрядное количество Галилеев, что свидетельствует о здоровом практицизме академиков и профессоров.

14.V

Подобно тому как в Средние века «философия была служанкой богословия», так и у нас точные науки находятся в подчинении у философско-политической доктрины. А если факты упрямятся, тем хуже для фактов! Коротко говоря, «наука не должна быть аполитичной», «наука должна быть партийной».

Объективность в науке, считавшаяся все последние столетия необходимым качеством испытателя природы, становится ныне свойством предосудительным. Появилось даже новое иронически-презрительное труднопроизносимое прилагательное «объективистский». Но тенденциозное освещение наукой любых явлений и событий не может внести в жизнь новых ценностей. По крайней мере, таково мое убеждение. По поводу засилья догматизма в нашей жизни можно было бы сказать очень много. Материал неисчерпаем. Однако повторяться излишне.

Вывод. Граждане первой в истории социалистической республики должны знать учение, породившее ее, особенно труды классиков марксизма-ленинизма. Однако эти знания внедряются неразумно. В процессе познания должны участвовать не только память, но и мыслительные способности.

15.IV

²³ В августе 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ (состоялось 10 заседаний) т. н. формальная (то есть подлинная) генетика была объявлена «буржуазной лженаукой» и запрещена в СССР как противоречащая законам материализма; допускалась лишь «мичуринская генетика» (см.: О положении в биологической науке: Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. 31 июля—7 августа 1948 г. М.: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1948. 536 с. См. также коммент. 31).

²⁴ Э р и с т и к а (от гр. *eristikos*: умеющий спорить) — 1) искусство вести спор, полемику; 2) борьба в споре нечестными средствами. Предшествовала появлению в древнегреческой философии софистики и диалектики.

2. *Идейное противопоставление СССР всему капиталистическому миру*

[Хотел писать, но не могу сосредоточиться, так как все время вспоминаю о той чуши, которая говорила (правда, наряду с обстоятельными и весьма лестными для меня замечаниями) по поводу 6 хоров с сопр[овождением] ф[ортепья]но, которые я показывал сегодня в хоровой комиссии Союза [композиторов].

Вот, например, образчик чуши. Не кто иной, как *председатель комиссии, засл[уженный] деятель искусств Васильев-Буглай*²⁵, обвинил меня в космополитизме за то, что я написал музыку на такие стихи Мих. Львова²⁶:

Чужбина

Стоят вдали голубые леса,	Чужие сады, чужие поля
Но они не зовут за село.	И детство чужих детей.
Там в осень огнем не мелькнет лиса,	Но ввек не забудется эта земля —
Не там твоё детство прошло.	Мы здесь хоронили друзей.

Вот до какого состояния умопомрачения доводит иных людей стиль наших газетных «кампаний»!

16.IV

С самого начала возникновения Советского государства оно вступило на путь непримиримой идеологической борьбы с окружающим его капиталистическим миром. Борьба эта не прекращалась ни на один день и теперь, после Второй мировой войны, достигла небывалого размаха. В истории взаимоотношений между государствами впервые возникает противоборство, рожденное принципами классовой борьбы, особенно опасное для всех наших идейных противников ввиду внутреннего классового антагонизма, существующего во всех капиталистических странах.

В этой т. н. «холодной» войне обеими сторонами используются все средства, чтобы очернить врага. И в том и в другом лагере простой народ питается тенденциозной информацией, вследствие чего видит противника в искаженной форме, как бы сквозь бракованное стекло.

²⁵ Васильев-Буглай Дмитрий Степанович (1888—1956) — композитор и хоровой дирижер. Заслуженный деятель искусства РСФСР (1947), лауреат Сталинской премии (1951). Один из пионеров советской песни, фольклорист (собрал ок. 500 народных песен). В 1923—1930 гг. входил в РАПМ, затем в ОРКИМД. Автор популярных в красноармейской и рабоче-крестьянской среде песен: «Проводы» («Как родная меня мать провожала...», сл. Д. Бедного, 1921) и др., двух опер, нескольких ораторий, кантат и циклов романсов, хоров, муз.-драм. инсценировок рассказов А. П. Чехова.

²⁶ Львов Михаил Давыдович (1917—1988) — поэт. Окончил Литературный институт им. М. Горького (1941). Автор ряда поэтических сборников. Первая книга стихов — «Время» (1940).

Так, например, желая опорочить какого-либо иностранного государственного деятеля, или писателя, или ученого, мы попросту обливаем его бранью, совершенно не считая нужным при этом знакомить читателя с высказываниями «подсудимого», в лучшем случае, приводя их в форме коротких цитат без контекста, что, как известно, может иногда в корне извратить мысли автора. Добрая традиция «*audiat et altera pars*»²⁷ остается в пренебрежении. Конечно, и наши противники прибегают к таким же приемам и к различным фальсификациям. Все это не способствует уяснению и без того сложной и запутанной международной обстановки. Но, раз встав на такой путь, сойти с него уже трудно, а он подготавливает развязку²⁸ войны. Конечно, вместе с ложью, искажениями и преувеличениями в каждый лагерь просачивается и какая-то, пусть небольшая, часть правды. Стена, воздвигнутая между двумя мирами, имеет трещины.

Несомненно, что наше идейное влияние на мир сильно расширилось и упрочилось после войны. Идеи и опыт советского государства нашли много сторонников не только в т. н. «восточных демократических» странах, но также в Италии и Франции, а на Востоке — в Китае²⁹. Непопулярность коммунизма в Америке объяснить нетрудно, но вот почему он плохо прививается в «простом народе» Англии, наряду с широким распространением во Франции, — для меня не совсем понятно.

При всем этом время, бесспорно, на нашей стороне. Поэтому следует отметить, что Америка, упрочив свои стратегические позиции в Европе, постарается развязать войну возможно скорее. Хочется верить Сталину, что простой народ [Америки] не допустит ее. Но и великие могут ошибаться. Тогда «это будет последний и решительный бой!», чему очень обрадовались бы все мальтузианцы.

²⁷ Следует выслушать и другую сторону (*лат.*).

²⁸ Так в тексте; по-видимому, следует читать: развязывание.

²⁹ После войны возрос авторитет компартий ряда капиталистических стран, численность коммунистов в них увеличилась почти втрое (с 1 млн. 724 тыс. перед войной до ок. 5 млн — после; а во всем мире впятеро — с 4,2 до 20 млн., соответственно). Компартии Италии и Франции, сыгравшие видную роль в Сопротивлении гитлеризму, превратились в массовые, их представители вошли в парламенты этих стран. В 1947 г. по инициативе, при участии и под контролем ВКП(б) взамен распущенного в мае 1943 г. Коминтерна был создан Коминформ (Информационное бюро коммунистических и рабочих партий; 1947—1956) для координации деятельности вошедших в него коммунистических и рабочих партий Франции, Италии, СССР и ряда восточноевропейских стран «народной демократии», Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии (последняя — до 1948 г.).

Менее чем через полгода после этой записи в дневнике С. А. Кондратьева, 1 октября 1949 г., в результате победы китайской революции к власти пришло опирающееся на поддержку СССР (в том числе — оружием разгромленной Квантунской армии) маоистское руководство компартии Китая.

Вывод. Обвинять нашу прессу — рупор Партии и Правительства — в одностороннем освещении «потустороннего» мира не приходится, несмотря на всю тенденциозность соответствующей информации.

A la guerre comme à la guerre! ³⁰

17.IV

3. Установление диктатуры пролетариата и централизация власти

Непонятно, почему форма власти в СССР носит название «диктатура пролетариата». На самом деле мы живем в монархии. Не следует бояться слов, и вещи надо называть своими именами. Действительно, нетрудно вспомнить, что на протяжении всего периода советской власти коллегиальные формы управления как в мелких, так и в крупных государственных ячейках постепенно уступали место единоначалию, которое в настоящее время является общераспространенным методом в осуществлении государственных постановлений. Система управления государством уподобляется конусу, в основании которого находятся мелкие администраторы, преимущественно партийные, а на вершине вождь народа — Сталин. Непосредственно под ним располагаются его ближайшие соратники, члены Политбюро и наиболее ответственные члены правительства. Все директивы осуществляются грандиозным, невиданным в истории аппаратом чиновников, подобно тому как миллионы солдат и офицеров выполняют приказы главнокомандующего. По существу, наш чиновный аппарат — та же армия, но одетая в штатские костюмы. Верховные директивы не подлежат критике. Власть магнатов-финансистов, контролирующая в иных капиталистических странах действия правительства, отсутствует. Орган народного представительства — Верховный Совет — играет декоративную роль, в лучшем случае занимается мелочами. Быть может, такое положение создалось благодаря огромной популярности нашего вождя в народе. Быть может, значение конституционных органов возрастет при преемниках Сталина. Ответит на это только будущее.

Остается задуматься над тем, что же больше способствует развитию страны и народа — единовластие или парламентаризм? Судя по тому, что во всем мире республиканские формы правления постоянно вытесняют монархические, первые следовало бы признать прогрессивными. Но вместе с тем каждый понимает, что единоначалие — гораздо более оперативная форма власти. Недаром она безраздельно главенствует в военном быту. Таким образом, вопрос упирается в личность правителя-полководца. Если она соответствует его назначению, если правитель — *the right man on the right place* ³¹, народ выигрывает, если нет — теряет. Петр I стоил десятка отборных парламентов, во-первых, потому, что умел смотреть вдаль (а это бывает редко), и во-вторых,

³⁰ На войне как на войне! (*фр.*).

³¹ Человек на своем месте (*англ.*).

потому, что был полновластным хозяином своих поступков (а это бывает еще реже). Но обычно рождаются средние люди. Династическая система наследования престола тем и скомпрометировала себя, что народами управляли обыватели, не имевшие никаких данных для этой труднейшей миссии. Поэтому я глубоко сочувствую Сталину, испытанному в боях вождю, сильному и умному человеку, поглощенному одним желанием — устроить для всех угнетенных на Земле более светлую жизнь.

Беда в том, что верховные директивы, скатываясь по поверхности конуса к его основанию, искажаются и зачастую принимают уродливые формы, так как армия чиновников-исполнителей в массе тупоголова и труслива. И сколько раз вспоминаешь поговорку: «Заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьет!»³²

В этом одно из наших величайших несчастий.

18.IV

4. Пополнение и укрепление единой партии — ВКП(б)

«Авангард пролетариата» — коммунистическая партия к настоящему времени сильно разрослась не только в СССР, но и за его пределами. С поведением зарубежных большевиков я не знаком. Что касается отечественной организации, то, будучи проникнута духом строгой субординации, она вполне подобна армии или какому-нибудь крепкому ордену вроде иезуитского³³. Верховные директивы исполняются беспрекословно. Фракционная деятельность недопустима³⁴. Оппозиция — душа парламентаризма — смертный грех. К чему приводило в разное время свободомыслие иных коммунистов (порой весьма высокого ранга), мы все прекрасно помним. Полное, исключаящее всякую критику подчинение способствует, как уже было сказано, быстрейшему проведению в жизнь новых постановлений.

Но вот снова обратная сторона медали. Известно, что людям свойственно ошибаться. Несвободна от ошибок и Партия. Сам Сталин открыто говорил об этом. Но при существующем порядке вещей ошибочные решения и мероприятия, не встречая никакого противодействия со стороны партийного и чиновного аппарата, успевают причинить

³² Так в тексте; должно быть: «расшибет».

³³ Известно, что Сталин еще в июле 1921 г. представлял себе компартию «...как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность» (*Сталин И. В.* Соч. М., 1954. Т. 5. С. 71). Но Кондратьев в момент написания дневника знает этого, по-видимому, не мог (иначе бы наверняка сослался на первоисточник; к тому же сам он проводит сравнение с другим орденом, а главное, цитируемая работа Сталина впервые была опубликована пятью годами позднее этой дневниковой записи). Следовательно, кондратьевское уподобление компартии католическому ордену было вполне самостоятельной и по тому времени весьма смелой и крамольной мыслью.

³⁴ Фракции в партии были запрещены X съездом РКП(б) весной 1921 г.

много вреда, прежде чем результаты этих неудачных директив подвергнутся критической оценке в высоких сферах (что происходит не так быстро) и не будет дан отбой. Случается, что и разумные приказы, внедряемые в жизнь вышеупомянутыми приемами «молящегося дурака», приносят больше вреда, чем пользы.

* * *

Как и всякий гражданин Союза, в своей жизни и работе я более или менее близко познакомился со многими десятками, если не с сотнями коммунистов. Должен с горечью заметить, что ничему «новому хорошему» я не мог научиться ни от одного из них. И не по моей возможной глупости или моему возможному высокомерию. А просто потому, что самые лучшие из партийных людей, встреченных мною, стремились быть в общении с людьми честными, нелицеприятными, верными своему слову, добросовестными в своей работе, неподкупными, вежливыми, лишенными социальных предрассудков, внимательными, короче говоря, осуществляли те принципы, которые в моей семье и семьях близких мне людей внушались детям еще на заре их жизни. Другое дело, усвоят ли их дети, но прививались они неослабно.

Думая о знакомых мне коммунистах, я должен оговориться. К сожалению, мне не довелось соприкасаться в жизни со «старыми большевиками», с представителями старой большевистской гвардии. Понятно, что эти люди были другого масштаба. Наиболее выдающиеся из них — Ленин и Сталин — велики в полном значении этого слова. Каждый из них всю свою жизнь боролся за глубокие, справедливые, высоконравственные идеи, боролся бескорыстно, бесстрашно, пламенно, с несгибаемой волей к победе. Именно соединение всех этих качеств и превращает Ленина и Сталина в подлинных героев, настоящих вождей всего человечества, память о которых не исчезнет, пока не оледенеет Земля. Несомненно, что к этому типу людей в большей или меньшей степени принадлежали или принадлежат многие из старых соратников обоих наших вождей.

Совершенно иное впечатление производят люди, вступившие в партию после упрочения советской власти. Теперь этот шаг сделался во всех отношениях полезным, удобным, выгодным и притом совершенно безопасным. Требуется же от человека лишь некоторой дополнительной работы и, конечно, безусловного послушания. Смею думать на основании личных наблюдений, что многие люди сделали этот шаг, руководствуясь прежде всего практическими соображениями.

Как и всех людей, коммунистов можно условно разделить на тупых и умных. Разговаривать на широкие темы с тупым столь же безрассудно, как разговаривать с фонографом, а с умным — неприятно, ибо они по необходимости лицемерны. И в самом деле, они не могут не видеть изъянов и несправедливостей, порождаемых иными прави-

тельствственными распоряжениями, они способны отличить черное от белого, но, тем не менее, видя черное, обязаны сказать: «Это белое!»

19.IV

5. Контроль над поведением и образом мыслей всех граждан, осуществляемый через институт Партии, органы государственной безопасности и при помощи громадного числа частных осведомителей

Перехожу к наиболее мрачной стороне нашей внутренней политической жизни. Несомненно, что в эпоху крутых поворотов в жизни всякого государства, в период становления новых форм государственного и общественного бытия всегда найдутся люди, по разным причинам враждебно относящиеся к происходящим изменениям, — активные и потенциальные враги нового строя. Поэтому всякой новой власти неизбежно приходится прибегать к разным, порой и весьма неприглядным, средствам, чтобы, выявив и устранив своих противников, облегчить планомерное строительство новой жизни. Петровский Тайный розыск, Чека и МГБ³⁵ — явления одного и того же порядка.

Однако в первой социалистической республике мира слежка за гражданами достигла небывалого в истории размаха. Казалось бы, за 20 первых лет существования советской власти, после уничтожения и распыления ее основных врагов, число их должно было свестись к минимуму и, соответственно, ослабеть напряжение разведывательной работы. Ничуть не бывало! Шпионаж просочился во все поры частной и общественной жизни. Потоки доносов (и сколько среди них было лживых!) и неслыханно жестокие репрессии за малейшее «вольномудство» породили губительную коррупцию нравов, превратив т. н. «свободных» граждан в запуганных, лицемерных и послушных рабов. Железная рука не уставала выхватывать людей из жизни и автоматически швырять их без суда и следствия в тюрьму — лагерь — смерть.

24.IV

³⁵ Петровский Тайный розыск. — Имеется в виду созданная Петром I Тайная канцелярия (1718—1726) — орган политического сыска в Петербурге по делу царевича Алексея Петровича и близких к нему лиц — противников петровских преобразований.

Чека — ЧК. В 1917—1922 гг. в Советской России действовала Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В 1918 г. были созданы местные органы ВЧК: губернские, уездные (упразднены в январе 1919 г.), транспортные, фронтовые и армейские ЧК (Чрезвычайные комиссии).

МГБ — Министерство государственной безопасности СССР. По закону от 15 марта 1946 г. НКГБ (Народный комиссариат государственной безопасности СССР) был преобразован в МГБ. После смерти Сталина в марте 1953 г. МГБ и МВД (до 1946 г. — НКГБ и НКВД), в ведении которых находился ГУЛАГ, были слиты в единое Министерство внутренних дел (МВД) во главе с Л. П. Берия.

[Несколько дней не писал из-за разных причин. В «детской» комиссии и на концерте Петкер³⁶ исполнялись мои вещи. Были всякие мелкие заботы. Главное же — появилась потребность отоспаться. Я злоупотребляю ночным бдением.]

Своего апогея это массовое истребление людей (преимущественно интеллигенции) достигло в 1936—[19]38 гг. в т. н. «ежовскую кампанию». Изъятие «подозрительных» граждан осуществлялось, по-видимому, по принципу «лучше перевыполнить, чем невыполнить», т[о] е[сть] лучше уничтожить тысячи невинных людей, чем оставить разгуливать на свободе сотни злоумышленников. Ввиду грандиозного масштаба операции нечего было и думать о том, чтобы к арестованным применять следствие и суд. Наличный юридический аппарат был бы бессилён справиться с такой работой, не говоря уже о том, что в те времена и среди имевшихся судебных чиновников — профессионально грамотных было ничтожное количество. Каким путем «подсудимых» заставляли подписывать изобличавшие их показания, теперь всем хорошо известно. Постыдное это глумление над человеком не избежит суда истории и останется навсегда такой же черной страницей в развитии социализма, как инквизиция — в распространении христианства.

Правительство как будто осознало свою ошибку — волна схлынула, «кампания» была предана забвению (точнее — ее масштабы), а Ежов бесследно исчез³⁷. Но посеянное зло не замедлило принести плоды.

³⁶ Петкер Елена Яковлевна — камерная певица, хорошая знакомая С. А. Кондратьева, верная почитательница и неустанная пропагандистка его творчества. Он высоко ценил ее художественное исполнение и посвятил ей ряд своих произведений.

³⁷ Январский (1938 г.) Пленум ЦК ВКП(б) принял Постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». В Постановлении отмечались «серьезные ошибки и извращения» парторганизаций в работе по очищению своих рядов от «троцкистско-правых агентов фашизма», критиковались необоснованные исключения коммунистов из партии и объявление их «врагами народа», «беззаконие и произвол», «репрессии» против членов партии. Пленум ЦК постановил «решительно покончить с массовыми, огульными исключениями из партии», потребовал прекращения «вредной практики» увольнения с должности исключенных из ВКП(б). Одновременно Пленум призывал разоблачить карьеристов-коммунистов, стремящихся «застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения отдельных репрессий против членов партии», «истребить замаскированного врага» (Хрестоматия по истории КПСС. Т. 2: 1925 — март 1985 г. М., 1989. С. 255—263). Как это бывало уже не раз (например, в период коллективизации), высшее партийное руководство сваливало собственную вину на низовые организации.

Ежов Николай Иванович (1895—1940) — из рабочих, генеральный комиссар государственной безопасности (1937), нарком внутренних дел СССР (1936—1938), нарком водного транспорта (1938—1939). В 1939 г. арестован, в

Усугубилась нравственная придавленность всех граждан, способных к самостоятельному мышлению, возникло сознание полной беззащитности человека перед любым произволом власти и сознание эфемерности закона. Да и во всем культурном мире эти жестокие репрессии должны были породить недоверие и подозрительность по отношению к советской власти.

Следующая, менее сильная, но все же значительная волна арестов прокатилась в начале войны, когда многим людям достаточно было иметь иностранную фамилию, чтобы жизнь их была сломана. Но в этот страшный и грозный час перед великими испытаниями, когда к горлу народа и государства был приставлен нож, чрезмерно жестокую бдительность правительства можно еще в известной мере оправдать, хоть и на этот раз было загублено или испорчено немало жизней невинных людей. Среди них погиб и ты, мой милый друг³⁸.

25.IV

В дальнейшем течении войны аресты мирных граждан почти совсем прекратились, и это был, пожалуй, самый сильный, ясный, гармоничный и целеустремленный период за весь период существования советского государства. Правительство (партия) и весь народ были воодушевлены одним желанием — отшвырнуть и разбить грозного и хищного врага и в осуществлении этого желания действительно оказались на высоте.

Конечно, было бы преувеличением приписывать нашу победу главным образом социалистическому строю — известно, что русский народ в прошлые времена и монгольское иго сбросил, и Наполеона вышвырнул, — но великий подвиг нашего Кормчего в минувшей войне для всякого неоспорим. Неизвестно, чем бы кончилась война, если бы место нашего вождя занимал менее «стальной» человек. Поэтому каждый из нас должен благодарить Сталина за избавление от немецкого рабства. И в этом величайшая заслуга Сталина перед советским народом и государством.

— А!.. Наконец-то ты понял! — торжествует партиец. — Что значат несколько тысяч пусть даже ошибочно расстрелянных людей, по сравнению со светлой жизнью, которая уготовляется для сотен миллионов! Мелкие ошибки неизбежны во всяком крупном деле. Лес рубят, щепки летят! И т. д. и т. п.

1940 — расстрелян. Возглавляя органы внутренних дел, был одним из главных исполнителей массовых репрессий — «ежовщины», или Большого террора.

³⁸ По-видимому, имеется в виду бывший зять С. А. Кондратьева (первый муж его младшей сестры С. А. Павловой (Кондратьевой)) — Лев Михайлович Брендстед (ок. 1886—1941), с которым они были очень дружны еще со времени совместной учебы в гимназии в Царском Селе. Арестован в начале 1941 г. (или в начале войны), умер в лагере.

— Нет, — отвечаю я, — невинная кровь — плохое удобрение для «вечной гармонии». А то уничтожение невинных людей, которое происходило у нас все время и приняло характер эпидемии в 1936—[19]38 гг., — это не мелкая ошибка, а тяжкий проступок дурно организованной власти. И баланс здесь подвести не удастся. Так и придется жить: с глубокой преданностью Сталину за то, что отстоял родину от врага, и с великим отвращением к произволу властей. И никуда от этого не уйдешь, потому что жизнь народа есть также и *твоя* жизнь и потому что *ты* также ответствен за все хорошее и за все плохое, что в этой жизни есть.

* * *

26.IV

Нужно обладать воображением великого художника и состраданием к человечеству творцов религий, чтобы *сердцем* откликаться на все настоящие и давно минувшие события. Среднему человеку этого не дано.

Так, например, всем известно, что в эпоху петровских реформ немало невинных людей погибло на дыбе, еще больше костями своими уплотнило болотистую почву Санкт-Петербурга. Но об этих безвестных, давно канувших в небытие людях вспоминают головой, а не сердцем: «Да, это было несправедливо!» «Да, это было жестоко, но, может быть, и неизбежно!» «На крутых поворотах не обойтись без жертв!» И т. д. и т. п. В суждении о таком событии отсутствует личная заинтересованность и поэтому в них не участвует сердце, нравственный критерий.

Но приверженность к «абстрактной» справедливости и требованиям логики может стать весьма опасной для человечества. Вот, например, к чему она уже привела: «Мир перенаселен. Поэтому сокращайте деторождение, стерилизуйте неполноценных людей, убивайте неизлечимо больных!» И далее: «Уничтожайте недочеловеков, организуйте фабрики смерти, развязывайте войны для истребления людей!»

Наш, т. н. «советский гуманизм» справедливо бичует эти «марсианские»³⁹ лозунги, лицемерно умалчивает о многих темных делах, совершающихся в стране социализма по тем же принципам «абстрактной» логики.

* * *

³⁹ «Марсианские» — аллюзия научно-фантастического романа Г. Дж. Уэллса (Wells) (1866—1946) «Война миров» (1898) о нашествии на Землю жестоких и кровожадных марсиан. Роман был широко известен, и этот метафорический образ в период и после войны легко прочитывался и был нередок, например, Л. В. Успенский (автор «Записок старого петербуржца») в обращении к Уэллсу во время войны уподоблял зверства фашистов злодеяниям марсиан.

Средний человек начинает терять равнодушие, когда «абстрактная жестокость» вторгается в жизнь знакомых ему людей, и тем скорее теряет его, чем ближе к нему эти люди и чем больше уверен он в их честности и непричастности к каким бы то ни было преступлениям против страны и строя. Так возникает страдание, которое излечить нельзя и с которым человек осужден прожить до конца своих дней, если только он не сумеет искоренить в себе живые чувства и превратиться в «думающую машину».

27.IV

Но от «думающей машины» до автомата всего шаг. Для этого достаточно подогнать все «машины» к одному стандарту, и проблема решена. Гитлер доказал, что привить народу (во всяком случае, его преобладающей массе) набор стандартных убеждений не так трудно, ибо менее чем за десятилетний срок превратил одну из самых культурных наций мира в прекрасно организованную стаю хищных зверей, отлично вооруженную клыками и когтями. Блистательное доказательство тому, что нравственные нормы — высшее, но и позднейшее приобретение человека в процессе его эволюции — легче всего вытравить (загасить). Вот к чему могут привести домыслы о «разумном» истреблении людей! Поэтому я не могу спокойно слышать, когда в разговоре на эту труднейшую и мучительную тему собеседники равнодушно отшвыриваются избитым изречением: «Лес рубят, щепки летят», превращая эту трагическую констатацию житейского факта в некую оправдательную формулу, которой можно купить душевный покой. Бессмысленное, нелепое уничтожение невинных людей — зло непоправимое.

Теперь — самое тяжелое. Ведь все это происходило в *нашей жизни*, на *наших глазах*. Почему же никто не восстал против этого, не кричал громко о зле, не пытался остановить движение чудовищной мясорубки? Почему не защищали жены своих мужей, дети — отцов, родители — детей? Знали, что они невиновны ни в чем, и не защищали! «Потому что это было совершенно бесполезно», — скажет «объясняющий господин». И будет прав. И все согласятся, что он прав. Другими словами, признают, что закон в нашей жизни — фикция, а реальная сила — произвол. Бесполезны слезы, бесполезно кричать, бесполезно вызывать к справедливости. Что остается? Рабское смирение или, как некоторые выражаются более возвышенно, но менее точно, — «терпение».

Однако, когда обрекают на изгнание и смерть близких людей, постоянно утешаются тем, что помочь им все равно нельзя, а значит, и стремиться к этому бесполезно. Постыдно и позорно, если знаешь, что на осужденном человеке нет вины. И здесь я подхожу к самому важному *для меня* вопросу — почему я молчал и ничего не пытался сделать для освобождения тех людей, в невинности которых я был

так же уверен, как в своей собственной. Почему я не писал день за днем письма в разные инстанции, не добивался свидания с должностными начальствующими лицами, не взывал к Сталину?

28.IV

[Сегодня в Союзе [композиторов] на собрании секции камерной музыки прослушивались мои романсы на слова Боратынского («На кровы...» и «Весна») ⁴⁰ и советских поэтов (Левашова, Рыленкова и Львова ⁴¹). Хотя в резюме председателя собрания (Пеприка) романсы получили положительную оценку, но высказывания Иконникова ⁴², построенные по знакомому принципу «молящегося дурака», произвели на меня столь тяжелое впечатление, что все время возвращаюсь к ним мыслями. Если бы можно было перестать писать музыку, чтобы освободить себя от выслушивания чуши. Такие выступления, ничему не помогая и ничего не создавая, поистине, производят разрушительную работу. Вот уж поистине — не ведают, что творят!]

[29.IV не писал. Вечером был на концерте Е. Я. Петкер в музее им. Пушкина. Она пела так хорошо, что ввела меня в слезы. Из моих вещей

⁴⁰ Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800—1844) — русский поэт, автор стихотворений и поэм в жанре элегии и послания, отмеченных лиризмом, психологической и философской глубиной. Имеются в виду стихотворение «На кровы ближнего селенья...» и элегия «Весна» (1820).

⁴¹ Левашов Мстислав Александрович (р. 1912) — писатель-путешественник и поэт, критик и публицист. Окончил юридический ф-т МГУ (1937), печататься начал в 1941 г. Был военным корреспондентом. Автор книг для детей младшего возраста — стихов и рассказов о природе, стихотворных переложений народных сказок, очерков и рассказов о современниках, документальной повести «Комендант Берлина» (1965) и др.

Рыленков Николай Иванович (1909—1969) — поэт. Сын крестьянина. Печататься начал в середине 1920-х гг. Окончил факультет языка и литературы Смоленского пединститута (1933). Тогда же опубликовал первую книгу стихов «Мои герои». Участник войны. Автор ряда поэтических сборников, поэм, повести в стихах «Земля» (1936), значительное место в его лирике занимает русский пейзаж. Член ВКП(б) с 1945 г.

Львов М. Д. — см. коммент. 23.

⁴² Иконников Алексей Александрович (р. 1905) — музыковед, кандидат искусствоведения. Окончил радиоотделение историко-теоретического факультета (1935) и аспирантуру (1938) Московской консерватории. В 1934—1938 гг. лектор Московской филармонии, в 1938—1940 гг. заведующий кафедрой композиции, истории и теории музыки Свердловской консерватории. В 1940—1950 гг. редактор, затем научный сотрудник научно-исследовательского кабинета при Московской консерватории, сотрудник Комитета по делам искусств при СНК СССР, в 1950—1953 гг. редактор отделения музыки и член редколлегии газеты «Советское искусство». С 1953 г. заведующий кабинетом истории и теории пианизма, в 1959—1970 гг. проректор по научной работе и аспирантуре Музыкально-педагогического института им. Гнесиных. Автор книг «Н. Я. Мясковский» (М., 1944), «Художник наших дней» (М., 1962; 1982), статей о музыке. Член ВКП(б) с 1942 г.

исполнила «Вересковый мед»⁴³ и три обработки русских песен. Но особенно сильное впечатление на меня произвели «Полесские песни» Мильмана⁴⁴. Спеты они были с необыкновенной выразительностью. Ночью опять отсыпался. Продолжаю.]

30.IV

Почему я не взывал к справедливости, не использовал одного шанса, хотя бы против десяти тысяч? Может быть, боялся, что и меня посадят за «излишнее усердие»? Но я ведь в ладах со смертью и не боюсь ее — старой приятельницы. Я спускался на дно семисаженного шурфа⁴⁵ во время археологических раскопок, чтобы укрепить сруб, когда перекорежило его земляными пластами и толстые распорки между стенками согнулись, как натянутые луки; из озорства проходил, держа в поводу лошадь, по 30-сантиметровой тропке между крутыми откосами в 60 метрах над океаном; дважды просился во время Отечественной войны стрелком на фронт; пересекал озеро на гнилом и дырявом челноке, не умея плавать; и мало ли что еще. Чего же я боялся — горя жены? Но она поняла бы меня. Нет, очевидно, и я подвергся влиянию этого тупого произвола, который уже столько людей превратил в послушных марионеток. С этой мыслью, с презрением к самому себе и придется доживать жизнь. Вероятно, человеку мстительному и безнравственному можно было бы найти способы переметнуться на сторону врагов советской власти, но эта грязная мысль никогда не приходила мне в голову, и по природе своей я не могу быть предателем. А кроме того, я знаю, что идеи и конечные цели, которыми в своей деятельности руководствуется Сталин, — идеи воз-

⁴³ «Вересковый мед» — неопубликованная музыкальная баллада С. А. Кондратьева на слова Р. Л. Стивенсона (Stevenson), пер. С. Я. Маршака (с которым Кондратьев был хорошо знаком), 1943—1944 гг.

⁴⁴ Мильман Марк Владимирович (р. 1910) — композитор, пианист, педагог, профессор Московской консерватории (1964), заслуженный деятель искусств РСФСР (1989). В 1930—1937 гг. учился в Московской консерватории у Г. Г. Нейгауза (фортепьяно) и Г. И. Митинского (композиция). Композиторскую деятельность начал в студенческие годы. С 1935 г. преподавал в Московской консерватории (класс камерного ансамбля). Среди его учеников — видные ансамблисты Р. Б. Баршай, И. А. Гутман, Р. В. Дубинский, А. А. Наседкин. Основное место в творчестве Мильмана занимает камерная песня (на слова Р. Бёрнса, Л. М. Квитко, Л. Н. Мартынова, Ш. Петефи, Н. С. Тихонова, Ю. Тувима, П. Элюара и др.; 1939—1941). Автор оперы «Алые паруса», кантаты о Ленине («Страницы великой жизни»), симфонии (1945), скрипичного и фортепьянного концертов, камерно-инструментальных произведений и хоровой сюиты а capella «Раздумья», ряда обработок народных песен разных стран. Много работал в области детской музыки, автор музыкаловедческих статей и музыкальных рецензий.

⁴⁵ Семисаженный шурф — шурф (нем. Schurf): выходящая на поверхность подземная горная выработка небольшого сечения, в данном случае — глубиной около 15 м (сажень = 2,1336 м).

вышенные и глубоко человеческие. Таково противоречие — тяжкое и неизлечимое.

Б. Факты в области экономической

1. Обобществление средств производства, национализация добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорта и торговли

Результаты этой кардинальной реформы могут быть схематично выражены в двух кратких обобщениях:

1) разоренная Первой мировой войной, революцией, интервенцией и без того технически отсталая страна в небывало короткий срок добилась мощного развития тяжелой индустрии;

2) население страны в течение долгих лет было обречено на нищенское существование.

Оба эти явления настолько несомненны и взаимосвязаны, что говорить о них подробнее не стоит. Я считаю, что путь, избранный Сталиным, — правильный путь. Не будь создана тяжелая отечественная промышленность, мы были бы съедены, и рухнули бы великие замыслы.

Недоедание, бездомность, чахлое платье и рваная обувь — недорогая плата за зрелище Союза, выросшего на наших глазах в великую мировую державу.

2. Колхозный строй

Хотелось бы стать птицей и облететь все деревни и села страны, чтобы вынести здоровое суммарное представление о колхозном строе. Без надежных знаний в этой области многое остается неясным. Следует думать, что в разных местах страны (особенно на степном черноземном юге) существуют зажиточные колхозы с упорядоченной удобной жизнью.

Лично же мне довелось побывать только в некоторых колхозах Среднего Урала, Новгородской и Ленинградской областей, Приморского Кавказа, на Средней Ветлуге и разговаривать с колхозниками еще из нескольких областей. В этих личных впечатлениях ничего ободряющего я не нашел, так как почти везде видел упадок хозяйства, вялую, ленивую работу и стремление убежать в город.

Думаю, что на пути внедрения колхозного строя стоят два серьезных препятствия: 1) трудно преодолеваемые собственнические навыки крестьянина и 2) дурной административный аппарат, состоящий по преимуществу из таких же «собственников». Не хватает людей с хорошими нравственными устоями и должным образом политически воспитанных. Сама по себе идея общественного землепользования имеет многие преимущества, особенно при развитой машинной агрикультуре.

Значительные тактические ошибки соответствующих чиновников коренятся главным образом в незнакомстве с частными особенностями

ми населения и природных условий каждого колхоза, взятого в отдельности. Несоразмерно высокие, не считающиеся с реальной обстановкой требования, предъявляемые к иным колхозам, побудили многих колхозников «отрясти родной прах от ног своих» и устремиться в города, что, как следствие, вызвало различные жесткие мероприятия со стороны предрежащих властей. Теперь многие колхозники лишены возможности покинуть свой колхоз. Связать такой *modus vivendi*⁴⁶ со свободой не совсем просто. Впрочем, такой же метод прикрепления к месту работы распространяется и на заводы, и на учреждения. Думал ли когда-нибудь об этом Маркс?

Общий вывод: стратегия здоровая, тактика плохая.

Дальнейшее практическое разрешение этой проблемы имеет первостепенное для жизни страны значение.

3.V

[На праздниках — 1-го и 2-го мая — не писал. Вот несколько впечатлений за эти дни, переключаящихся с мыслями, ранее здесь высказанными.]

1-го мая я днем зашел во второразрядный буфет выпить кружку пива. Свободных мест было мало, и я подсел к столику, за которым сидел бритый полупьяный мужчина лет 38—40, неважно одетый, а рядом с ним стояла маленькая девочка лет 8, как мне показалось, но с таким выражением лица, какое обычно для пожилых людей. Впечатление это зависело, как я скоро понял, от старческих мешков под глазами и суровой озабоченности маленького личика. Мужчина совал в ее грязные маленькие ручки скомканные деньги и посылал за пивом, которое продавалось тут же, в 2 шагах, за импровизированным прилавком. Девочка не хотела идти за пивом: «Не пойду, ты опять напьешься и я не смогу довести тебя домой». Мужчине долго пришлось уговаривать ее, не грубо, но настойчиво. В конце концов девочка пошла. Мы разговорились. Тотчас я узнал, что девочка — его дочка 6 лет, что зовут ее Верой и что у нее очень «строгий характер». Затем «папа» признался, что он бывший вор, «получал в месяц около 1000, а вокруг набегало до 12 000». Был посажен, отсидел, а теперь решил вести честную жизнь. Я спросил, есть ли у девочки мать. Нет, матери нет. Я сказал, что если он будет водить с шестилетнего возраста дочку по пивным, то к 13 годам она, весьма вероятно, станет проституткой. «Папа» недоверчиво посмотрел на меня, но задумался. Тем временем маленькая старушка принесла в тоненьких лапках своих кружку пива. Меня ущемило все это. Я пошел, купил шоколадный батончик и протянул его девочке: «Кушай, Верочка! Ты любишь шоколад?» «Как не любит!» — растерянно сказал отец. Но реакция девочки была удивительной. Она отошла, отвернулась и так стояла неподвижно, глухая ко всем моим просьбам, подкрепленным уговорами отца. Я положил шоколад на стол и вновь завязал беседу с отцом.

Вскоре он поведал мне о своем самом больном месте — он комсомолец, а в партию его не принимают. Его бывшие товарищи — все уже партийцы и занимают видные места. Ему завидно и горько. Я понял, что передо мной вполне сформировавшийся мерзавец, и встал. Верочке к тому времени уже надоело стоять спиной к нам и она полуобернулась. Я подо-

⁴⁶ Образ жизни, способ существования (*лат.*).

шел к ней и почти насильно пожал ее птичью лапку. В глазах девочки я прочел признательность, смешанную пополам с недоверием. Timeo Danaos et dona ferentes!⁴⁷ Что ждет впереди эту маленькую старушку?

Вскоре после этого, в тот же день, мне довелось сыграть несколько партий в шахматы с двумя молодыми рабочими — лет 19—20. Кроме шахмат была водка, и мы после игры разговорились. Я плохо знаю нашу рабочую молодежь и поэтому главным образом слушал. Но под конец беседы спросил, что каждый из них считает в нашей жизни самым хорошим и самым плохим. По поводу «самого хорошего» мнения разошлись. Один сказал: «Всем доступное образование, широкий выбор пути». Другой: «Коллективный труд и сознание его силы». Неглупые, славные ребята! В вопросе о «самом плохом» они оказались единодушными: «Черствость и узость людей, особенно всяких администраторов».

«Для того чтобы насадить в нашей стране коммунизм, нужно предварительно удавить 50 % людей», — так закончил один из юношей.]

4. V

[Сегодня вторично в ССК прослушивались мои виолончельные пьесы при большом количестве слушателей. Дискуссия после исполнения продолжалась около 2,5 часов и не закончилась. Решили перенести ее на следующую среду. Выступавших было очень много. В основном они разделились на 2 группы. Одна оценила пьесы как находку и большой вклад в виолончельную литературу, подчеркивая «талантливость, мастерство и тонкий вкус автора». Другая группа, не отрицая этих качеств, отнеслась одобрительно примерно к половине вещей (4 обработкам, «Далекому наигрышу» и «1-му Мая») и отрицательно — к остальным пьесам, указывая на их сомнительную «идеологическую направленность». В оценке музыки пестрило слово «импрессионизм» и даже были употреблены эпитеты «эротический» и «мистический». В заключение я дал сильную отповедь дурацким высказываниям. Как все это нудно и противно!]

Продолжаю:

3. Ликвидация частного капитала и (сколько-нибудь значительной) частной собственности

Основная ценность этой реформы в том, что сосредоточение капитала, а значит, и власти в руках частных лиц, приводящее к эксплуатации единицами — труда многих, вызывало и вызывает к жизни множество уродливых явлений, особенно в тех случаях, когда капиталовладельцы по своему нравственному и умственному развитию явно неспособны здраво руководить жизнью зависящих от них людей. Но так как сочетание высоких нравственных и умственных качеств в одном человеке — явление редкое, то в целом деятельность денежных олигархов неизбежно должна порождать больше вреда, чем пользы. Поэтому эксплуатация трудящихся *государством* несравненно более разумна и прогрессивна, если, конечно, во главе правительства стоят выдающиеся люди (как, например, Сталин), заботящиеся о благе народа.

К недостаткам реформы нужно, прежде всего, отнести уничтожение конкуренции, которое губительно отразилось на качестве и труда, и

⁴⁷ Боюсь данайцев, дары приносящих (*лат.*; приписывается Лаокоону).

товаров, вследствие чего советские граждане многие годы испытывали, да и теперь испытывают разнообразные лишения и неудобства в быте каждого дня. Однако справедливость требует отметить, что эта болезнь постепенно излечивается, можно, следовательно, думать, что полное выздоровление наступит рано или поздно.

В известной мере конкуренцию призвано заменить социалистическое соревнование, которое, однако, проникло пока далеко не во все поры нашей жизни и применяется преимущественно в крупных промышленных и аграрных мероприятиях, не всегда близко соприкасающихся с повседневным бытом граждан.

5. V

4 и 5. Государственное планирование и захват государством всех материальных ресурсов, определяющих жизнь, работу и благосостояние граждан

Эта грандиозная реформа, коренным образом изменившая весь уклад жизни — материальное и духовное бытие — многомиллионного народа, во многом оправдала себя. И прежде всего в том, что технически отсталая страна, разоренная к тому же войной, революцией, контрреволюцией и последующей интервенцией, смогла в короткий срок, несколькими пятилетними прыжками, создать первоклассную отечественную тяжелую промышленность, позволившую государству крепко встать на свои ноги и устранить в этой важнейшей области весьма опасную зависимость от иностранной технической помощи и иностранного капитала.

Поскольку безопасность жизни каждого государства все еще основывается на зверином законе силы, это освобождение от иностранной зависимости встало перед нашей страной как первоочередная задача, которая и была успешно выполнена. Особенно важно было это сделать государству, провозгласившему новые принципы социальной жизни, встретившие многочисленных врагов в капиталистическом мире. Напряженное и преобладающее внимание, которое все время уделялось правительством проблеме индустриализации страны в ущерб разрешению многих других проблем, было, как показала сама жизнь, вполне обоснованно и продемонстрировало, таким образом, глубокую проницательность наших вождей. Теперь, после успешного завершения Отечественной войны, грозившей нашему народу гибелью и рабством, всем это стало ясно. Таков важнейший результат реформы, опрокинувшей расчеты мощного врага, нашедшего в войне собственную гибель.

6. V

Другое существенное следствие реформы — ликвидация безработицы. Вполне понятно, что государство, взявшее в свои руки всю жизнь народа, обязано было и обеспечить всех работой. Два обстоятельства помогли легко разрешить эту проблему. Во-первых, создание почти

на пустом месте мощной тяжелой промышленности потребовало громадного количества рабочих рук. Во-вторых, во всех областях народного хозяйства государство могло диктовать свои условия, регулировать труд и заработную плату. Все, что сопротивлялось этим условиям, сурово преследовалось. Всякие индивидуальные предприятия и мелкие кустарные объединения беспощадно вытравливались из жизни. Борьба была упорной, т[ак] к[ак] государство по понятным причинам не могло обеспечить трудящимся жизненного достатка, а широкие массы, естественно, не понимали необходимости жертвовать своим личным благополучием во имя срочного создания тяжелой индустрии.

Кроме того, крестьяне, воспитанные на «собственнических» традициях, враждебно относятся к колхозному строю. И вот на протяжении многих лет ведется упорная борьба между властями и всеми «сопротивляющимися», т[о] е[сть] частными предпринимателями, единоличниками, мелкими кустарями, спекулянтами и прочими людьми, не желавшими подчиниться жесткому жизненному режиму легального советского работника. Государство оказалось вынужденным прибегнуть к самым суровым мерам для «укрощения строптивых». Оно душило различных частных непомерными налогами, а если это не помогало, то ссылало их или просто уничтожало. Ссылка «неблагонадежных» лиц порой принимала гомерические размеры, т[ак] к[ак] многочисленные новостройки, в частности на окраинах страны, в трудных природных условиях, требовали громадного числа рабочих рук, заполучить которые путем найма было и трудно и дорого. Насильственный метод угона «неблагонадежных» людей разрешил эту проблему с необычайной легкостью. Вопрос о *справедливости* при таком решении задачи остается на совести НКВД⁴⁸, а для тех, кто понимает жизнь глубже, — на совести народа, в частности — и на моей совести.

Нищенское, полуголодное существование народа, явившееся следствием необычайно высокого прожиточного минимума⁴⁹ и спорадического отсутствия товаров первой необходимости, усугубило коррупцию нравов, о которой говорилось выше. Люди, не согласные мириться с такой тягостной жизнью, бывают вынужденными прибегать либо к побочным заработкам, либо к незаконной добыче денег. Первый способ, несомненно, дурно отражается на основной работе, а второй ведет к различным мошенничествам, растратам и взяточничеству, которое в условиях современного лицемерия и аморальности достигло невиданного повсеместного распространения. Всем это известно, но сотни газетных писак изо дня в день твердят, как попугаи, одно и то же о *новой морали* советского человека. Такие утверждения

⁴⁸ В соответствии с законом от 15 марта 1946 г. НКВД был преобразован в МВД, в ведении которого (как и МГБ) по-прежнему находился ГУЛАГ.

⁴⁹ Так в тексте подлинника. По-видимому, автор имел в виду общую высокую дороговизну.

можно рассматривать только как проповедь, т[о] е[сть] призыв к совершенствованию, но отнюдь не как констатацию факта. Конечно, в советском аппарате найдутся честные и порядочные люди, но они в бедном меньшинстве. Большинство вынуждено лицемерить и извлекать выгоды из своего служебного и социального положения.

Новая мораль имела бы все основания возникнуть под знаменем высоких идей социализма и коммунизма. Но пока этому мешает неизжитая эмпирика. Необходимо упорядочить и улучшить как материальное, так и духовное бытие советских граждан.

* * *

До какой степени равнодушно относятся советские служащие (озабоченные преимущественно трудностями личной жизни) к своим прямым обязанностям, хорошо демонстрирует пример из моей собственной жизни.

Квартира, в которой я живу, находится на верхнем этаже старого благоустроенного дома в центре города⁵⁰. За годы войны давно не отремонтированная крыша, продырявленная к тому же многими мелкими осколками зенитных снарядов, пришла в ветхость и стала легко пропускать воду. Не отказала в этом и штукатурка. В дождливые дни приходилось расставлять по комнатам корыта и ведра и выносить в иные сутки более десятка ведер воды. Наконец, насквозь пропитанная водой, отяжелевшая штукатурка начала обваливаться то здесь, то там. Была война, и не хотелось беспокоить по мелочам соответствующие учреждения. Но в мае 1944 г. в моей комнате произошел серьезный обвал, едва не искалечивший меня⁵¹. Кроме нескольких пудов штукатурки, упали сгнившие и сломавшиеся бревна накатника. В потолке образовалось зияющее отверстие площадью около 3 квадратных метров⁵². Повреждение необходимо было исправить, и тут началось «хождение по мукам».

В течение примерно полугода не проходило дня, чтобы я не писал заявления, или не звонил по телефону, или не ходил лично в то или иное учреждение с просьбами о помощи. Я обращался в домоуправление, райисполком,

⁵⁰ Это была просторная коммунальная квартира на последнем этаже большого пятиэтажного дома в центре Москвы по адресу: Страстной бульвар (ныне Пушкинская пл.), 6, кв. 33. В ней проживали три или четыре семьи, в том числе младший брат М. И. Кондратьевой — Ф. И. Княгин с женой З. С. Брумберг (художник-мультипликатор кино). Кондратьевы занимали четыре комнаты, одна из них была отдана под кабинет С. А. Кондратьева, другая — под большую столовую; им принадлежали также внутренний коридорчик и отдельная ванная комната, так что получалась как бы отдельная квартира в квартире. Кухня была общей. В настоящее время дом перестроен под арендуемые помещения, квартира не сохранилась (сообщения А. В. Кондратьева 26.06.2001 г. и Н. В. Лачинова 30.03.2002 г.).

⁵¹ По воспоминаниям А. В. Кондратьева, который после эвакуации из осажденного Ленинграда летом 1942 г. в г. Кишерт (между Пермью и Свердловском) переехал 27 августа 1943 г. в Москву к своему двоюродному брату С. А. Кондратьеву и некоторое время жил в его квартире во внутреннем коридорчике рядом с кабинетом, потолок обвалился «ровно за год до Победы» — утром 9 мая 1944 г. (сообщения А. В. Кондратьева 26.06.2001 г.).

⁵² А. В. Кондратьев по памяти оценивает площадь отверстия как равную 2 кв. м (сообщения А. В. Кондратьева 26.06.2001 г.).

райжилотдел, Мосжилотдел, милицию, прокуратуру и, наконец, в различные газеты. В прокуратуре и милиции я заявлял, что мы с женой беззащитны от проникновения в комнату воров или бандитов, а в газеты я стал писать, придя к выводу о бесполезности всех моих усилий. Во всех учреждениях я встречал одно и то же: равнодушные рачьи глаза и предложение написать заявление. Время, потраченное на все эти бесполезные хлопоты, не поддается учету. Заявления все же производили впечатление. Но какое? От разных учреждений последовательно приходили комиссии. Люди смотрели на дыру в потолке, качали головами и составляли акты. На этом дело и кончалось. Газеты, в которые я писал жалобы на учреждения, отправляли жалобы в те же учреждения.

Перед моими глазами прошло несколько десятков чиновников, до смешного однообразных в своем равнодушии к моим призывам о помощи. Единственное исключение составил главный инженер Мосжилотдела, который в какой-то из моих визитов к нему вдруг как бы проснулся, посмотрел на меня осмысленными человеческими глазами и распорядился отпустить мне несколько метров толя, чтобы залатать наиболее значительные прорехи в крыше.

Если бы этот незатейливый рассказ попал чудодейственным образом в печать, то десяток лицемеров незамедлительно воскликнули бы: «Это клевета на советского человека!» Нет, это правда, с которой мне пришлось столкнуться в горьком опыте.

В ноябре, через полгода после обвала, отверстие кое-как прикрыли бревнами. Комната оставалась нежилой в течение всей зимы. Весной 1945 г. домоуправление произвело «капитальный» ремонт, который заключался в том, что отверстие заштукатурили, а грязные, изъязвленные сыростью стены покрасили. Но крыши не починили! Когда новый домоуправ отказался подписать акт о ремонте (ввиду неисправленной крыши), ему грозили увольнением. Не знаю, подписал ли он в конце концов этот акт, но уволили его очень быстро.

В последующие годы было отпущено железо на покрытие крыши, но оно куда-то бесследно исчезло. Время от времени домоуправление кладет на крышу заплаты, но они не помогают, и опять мы собираем воду в ведро. Штукатурка в комнате опять набухла. Я резко поговорил с домоуправом, и он прислал рабочего, который водрузил в комнате неотесанную грязную доску, упирающуюся одним концом в пол, а другим — в деревянный щит, прижатый к потолку и препятствующий падению штукатурки. Это безобразно, но предохраняет от увечья. Я не могу возобновить «хождение по мукам». Моя воля сломлена.

Сегодня 6 мая 1949 г. Со времени аварии прошло 5 лет. Крыша до сих пор не починена, и все это происходит не в провинциальном захолустье, а в центре столицы СССР.

7.V

В этом небольшом эпизоде, который я умышленно изложил подробно, как в зеркале отразилась болезнь наших дней — безответственность, т[о] е[сть] отсутствие чувства долга при выполнении принятых на себя обязательств.

Возбудитель болезни определен выше.

* * *

В первые годы советской власти руководители правительства, проникнутые идеями коммунизма, по-видимому, глубоко верили в то, что преобладающая масса населения быстро воспримет эти идеи и станет работать во имя грядущей радостной жизни «не за страх, а за совесть», отряхнув с себя присущий людям эгоизм и стремление к личному благополучию.

В те времена все жили спартанской жизнью в малодифференцированных материальных условиях. Заслуги отдельных людей, как правило, не выставлялись напоказ и не отмечались специальными наградами. Однако вскоре вождям народа пришлось убедиться в том, что они переоценили душевные качества людей, экстраполируя на среднего человека свои личные достоинства, и что люди по природе своей остались такими же, какими и были, — с их неугасимым стремлением к материальному благополучию, тщеславию, завистью, честолюбием и прочими незавидными свойствами. Пришлось поэтому сдать первоначальные позиции и вернуться к дифференцированной оплате труда, денежным премиям и всяческим моральным поощрениям в виде медалей, орденов, званий и т. п.

В результате всего этого ножницы между «богатыми» и «бедными», между «знатными» и «простыми» стали быстро раздвигаться, и в настоящее время диапазон материального благополучия людей стал весьма обширным. Таким образом, как будто получается, что наше общество, по сравнению с первыми послереволюционными годами, скорее отдалилось от коммунистических идеалов, чем приблизилось к ним.

Вообще надо отметить, что эпоха советской власти есть эпоха непрекращающегося и огромного по масштабам эксперимента (или, точнее, серии экспериментов) над свойствами и поведением человека как члена социалистического общества. И это вполне закономерно, так как основанное на чисто теоретической платформе учение впервые было подвергнуто практической проверке. Естественно, что этот процесс не мог протекать без ошибок. Экспериментаторов можно обвинить лишь в слишком подчас острой постановке проблем и, как следствие, резких поворотах курса в дальнейшем. Подобные «дерганья» людей нельзя признать полезными ни с какой точки зрения.

Если к тому же принять во внимание, что партия и правительство никогда не были склонны публично признаваться в своих ошибках (заявление Сталина при завершении войны — одно из немногих исключений⁵³), то не приходится удивляться тому, что в головах совет-

⁵³ По-видимому, имеется в виду «Выступление товарища И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года», в котором он, несколько погрешив против литературной нормы, четырежды «поднял тост» за здоровье русского народа и признал: «У нашего Правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала <...> потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и

ских граждан нередко возникает изрядная путаница. Приводить здесь многочисленные примеры резкого (иногда внезапного) изменения курса государственного корабля в различных районах нашего жизненного моря представляется излишним. Они на памяти у всех моих сверстников.

Таким образом, переходя к выводам, следует сказать, что в государственном экономическом планировании жизни имеются и серьезные недостатки, пока еще не изжитые. При всем том надо твердо помнить, что именно государственное планирование в большой степени обеспечило нам выигрыш войны и спасение от рабства.

8.V

В. Факты в области культурно-социальных мероприятий

1. Уничтожение сословных привилегий

Целесообразность этого поистине демократического мероприятия не вызывает никаких сомнений. Однако оно не является новаторским и специфичным именно для советского строя, так как уже давно вошло в жизнь в США. Попутно замечу, что по иронии судьбы США, оказавшись в этом вопросе наиболее прогрессивной в свое время страной, через небольшое время превратились в крупнейший очаг расизма. Но философское обоснование расового и сословного неравенства покоится на одной и той же посылке — вере в «голубую кровь». Однако для всякого трезвого ума ясно, что высокие нравственные качества и способность к творческому мышлению приобретены человеком столь недавно, что, конечно, не могли закрепиться в нем наследственным путем. Резко осуждая расизм и сословные неравенства, занимая в этом вопросе передовые сильные позиции, СССР укрепляет сотни миллионов людей в сознании их полноценности и, таким образом, делает громадный вклад в развитие мировой культуры.

2. Широкодоступное образование

Очевидная польза всеобщего доступного образования не нуждается в аргументации. Поэтому отмечу здесь лишь теневые стороны явления, которые, конечно, отнюдь не могут скомпрометировать правильной постановки вопроса в целом:

а) чрезмерный догматизм и тенденциозность в преподавании многих дисциплин как в средней, так и в высшей школе. О причинах было упомянуто выше, будет сказано и ниже;

б) легкость получения высшего образования и связанных с ним преимуществ в дальнейшей жизни привлекли на этот путь немало прохвостов, в будущем — спекулянтов от науки. И о них придется вспомнить несколько позже;

обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства...» (*Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. 5-е изд. С. 196—197*).

в) в первую половину послереволюционного периода школа развалилась под влиянием непрерывных реформ и различных экспериментальных новшеств, чтобы в конце концов вернуться к дореволюционным методам образования, разве лишь с небольшими изменениями в частности.

Но за эти 15—20 лет развала школа выпустила огромное число полуграмотных людей, которые в дальнейшем заняли в жизни места, соответствующие полученным дипломам, но отнюдь не знаниям. Несомненно, что эти люди принесли и продолжают приносить своей деятельностью (пусть и непреднамеренно) немало вреда стране.

Надо надеяться, что такое явление больше не повторится.

9.V

3. Широкое развитие здравоохранения и социального обеспечения

В этой области сделано очень много. В первую очередь, надо отметить заботу о матери и ребенке, право каждого служащего и рабочего на оплачиваемый отпуск, бесплатное лечение, широкое обслуживание населения санаториями и домами отдыха, вспомоществование во время болезни за счет профсоюза. Все эти, а также и многие другие отрядные факты не вызывают, однако, удивления, ибо государство кровно заинтересовано в физическом благосостоянии трудящихся, которые в большой мере обеспечивают успешное выполнение пятилетних планов.

В деле социального обеспечения, близко соприкасающегося с областью здравоохранения, существует, по крайней мере, один крупный дефект — большой разрыв для большинства трудящихся между размерами пенсии и предшествующим реальным заработком. В последнее время пенсия не может еще обеспечить большинству спокойной старости, и пенсионер вынужден опираться либо на собственный труд, либо на помощь близких и родных.

При всей положительной оценке забот в этих областях о народе, не следует забывать, что сам народ вносит немало средств на все эти полезные мероприятия: в небольшом размере — в виде профсоюзных взносов, в гораздо большем — путем приобретения облигаций госзаймов, которые из явления исключительного превратились в узаконенную традицию. Таким образом, государство много дает, но много и берет. Пожалуй, это лучше, чем мало давать и мало брать, так как «люди-дети» более склонны тратить деньги на потребности сегодняшнего дня, чем копить их про запас, на «черный день».

4. Создание благоприятных условий для развития отсталых народностей

Эту реформу следует признать одним из самых светлых явлений нашего времени, а может быть, и самым светлым. Ибо она проникнута подлинным гуманизмом — уважением к каждому человеку, его обычаям, его языку, его искусству и покоится на твердом признании

равных прав для всякого на жизненном пути. Практически реформа проводится в жизнь под знаменитым сталинским вымпелом «культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию».

Лишь тот, кому приходилось сталкиваться непосредственно по своей работе с побегами этой новой культуры, может оценить по достоинству ее плодородность и ее светлое будущее. Достойно изумления, с какой жадностью и быстротой приобщаются т. н. «отсталые» народы к лучшим завоеваниям советской культуры, опровергая таким образом своей жизненной эмпирикой реакционные представления о расовой неполноценности людей. Особенное значение в развитии национальных культур приобретает искусство, так как его самобытность, в недалеком будущем развитая и ограниченная, по-новому украсит и без того многоцветное искусство народов СССР.

Много хороших слов можно было бы еще сказать на эту тему, но по существу они не прибавят ничего. А критиковать бесспорные ценности не приходится!

10.V

5. Раскрепощение женщины

Эмансипация женщины в СССР, т[о] е[сть] уравнивание ее в правах с мужчинами, произошло настолько легко, естественно и незаметно, что в настоящее время советские граждане не удивляются работе женщины даже на таких постах, которые, казалось бы, вовсе не соответствуют ни ее природе, ни ее возможностям. В наше время женщина может удовлетворить свои склонности и проявить свои способности решительно во всех областях жизни. При этом самой жизнью обнаружены, с одной стороны, те области, в которые женщина стремится и проникает особенно интенсивно, а с другой — такие участки жизни, которые женщину мало притягивают и где господствуют мужчины. Было бы очень интересно познакомиться с подробными статистическими данными о занятости женщин на всех участках государственной работы, ибо такие данные, появившиеся в истории впервые, могут пролить новый свет на психологию, способности, силы и вкусы женщины. Было бы также весьма поучительно узнать, какой процент всех женщин занимается в настоящее время самостоятельной работой, и какой — ограничивается ролью домохозяйки. Не надо забывать при этом, что женщина осталась по-прежнему краеугольным камнем семьи и что поэтому жизнь самостоятельно работающей женщины в условиях социалистического строя значительно сложнее и напряженней жизни мужчины.

Вопрос о ранней отдаче детей под опеку государства, который казался Ленину столь легко разрешимым, оказался на деле гораздо более сложным, прежде всего из-за нежелания матерей расставаться со своими детьми, и поэтому необычайно легкие заключения и расторжения браков в первый период советской власти поставили женщину-

мать в тяжелое положение. Теперь развод затруднен, и жизнь семьи сделалась более устойчивой. Прежде чем заключить брак, мужчина и женщина должны заглянуть в свое общее будущее, без чего в первые годы советской власти можно было легко обойтись, во всяком случае — мужчине.

То, что женщина по-прежнему считается «хранительницей очага» — фактической главой семьи, вытекает хотя бы из молчаливого признания обществом и государством ее существования в роли «домохозяйки». Другими словами, женщина морально свободна в выборе между полной отдачей себя интересам семьи и какой-либо профессиональной работой. Наряду с этим, мне еще никогда не приходилось слышать о «домашнем хозяине». А если бы и нашелся такой оригинал, никто бы не посоветовал ему писать об этом в анкетах.

Так, постепенно мы подошли к сложному вопросу: не отражается ли неблагоприятно профессиональная занятость женщины на выполнении важнейшей задачи семьи — воспитании детей? Думаю, что этот вопрос нелегко решить; для меня, по крайней мере, он остается открытым. Когда я вспоминаю, каким непрестанным вниманием и лаской дарила меня мать каждый день моего детства и отрочества, мне кажется, что будь я рожден с железным сердцем, и то оно превратилось бы в живую плоть под неиссякающими лучами этой любви. И вместе с тем она как бы замыкала меня в узкий круг семейных интересов и отношений, прикрывала окно во внешний мир, порождала чрезмерную чуткость и излишнюю чувствительность, ковала слишком прочные цепи зависимости. Постоянный страх потерять мать был мучительным чувством моего детства.

Еще более опасна заброшенность ребенка, невольное предоставление его случайным, иногда зловредным влияниям. Каждый детеныш тянется к матери, как озябший зверек к теплу. Но можно ли сказать, что чем зверьку теплее, тем это ему полезней? Не обжигает ли нежных ростков слишком горячее солнце? И не поникнет ли тепличное растение на холодном ветру?

Видимо, разумное воспитание, как и все разумное, определяется чувством меры, которое, в свою очередь, зависит от индивидуальности ребенка. Поэтому так трудно ответить на поставленный вопрос сжатым обобщением.

* * *

К большим заслугам правительства в разрешении «женского» вопроса нужно отнести уничтожение легализованной проституции.

12.V

6. Гонение на религию

«Религия — опиум для народа». Под этим знаменем в продолжение почти четверти века в новорожденном социалистическом государстве проводилось жесткое и упорное искоренение религии, сопровождавшееся ликвидацией всяческих органов церковного управления, церковных школ, монастырей, конфискацией церковного имущества, разрушением или приспособлением для гражданских надобностей церквей и разнообразными угнетениями духовенства, т. н. «служителей культа». При затруднительности разрушения обычно прочно построенных церквей новоявленные воинствующие атеисты часто ограничивались сбрасыванием и поломкой крестов, и теперь по деревням и селам всего нашего огромного государства заброшенные и обезглавленные, точнее, «обескрещенные» храмы молчаливо стоят как некие символы непрочности традиций, даже многовековых. Это материальное, «физическое» истребление религиозной жизни подкреплялось и войной «духовной» — в форме различных антирелигиозных книг, брошюр и журналов, а также пропагандистской деятельностью многочисленных ассоциаций безбожников.

Целесообразна ли была эта война, вернее, грандиозная карательная экспедиция? Я человек нерелигиозный и поэтому могу задуматься над вопросом беспристрастно, *sine ira et studio*⁵⁴. Что было отрицательного в религиозном быте народа? Тенденциозность преподавания в церковных школах. Культивирование суеверий, которыми так богата низшая, обрядовая сторона религии. Суеверие же — яд для здорового развития души и ума. Для большинства людей непроизводительная трата времени и средств. Догматизм, исключаящий всякую критику.

[Вчера (11.V) отсыпался.]

13.V

Принудительность религиозного образования (в гражданских школах), воспитания и быта. Вспоминаю, с каким отвращением я говел⁵⁵ и зубрил катехизис в старших классах гимназии!

Наряду с этим положительные факты: внедрение в народ высоких нравственных догм христианства; учение о расплате за все дела, содеянные на земле, которое страхом отвращало многих от мелких и крупных преступлений, а всем униженным и обездоленным помогало пережить тяготы жизни, правда, развивая в иных излишний квиетизм⁵⁶.

* * *

⁵⁴ Без гнева и пристрастия (*лат.*; изречение Тацита).

⁵⁵ Г о в е т ь (от *говенье*) — поститься и ходить в церковь, готовясь к исповеди и причастию.

⁵⁶ К в и е т и з м (от *лат. quietus* ⚡спокойный📖) — пассивное поведение, полная отрешенность и безвольная покорность божественной воле.

Легко понять, что советская власть не могла ограничиться отделением церкви от государства, но *должна* была предпринять *преследование* религии как явления, враждебного по своей метафизической сущности доктрине материализма. В итоге многолетних усилий гонение на религию привело к результатам сомнительной для власти ценности.

Сравнительно легко поддалось антирелигиозной пропаганде городское население, главным образом молодежь. Но в деревне традиционные взгляды и навыки крестьянства оказались куда более прочными, особенно среди женщин. Да и в городах сохранилось большое число верующих. В этом нетрудно убедиться, посетив в пасхальную ночь окрестности «действующих» в Москве церквей. Я говорю «окрестности», ибо в самые церкви попасть трудно и даже небезопасно из-за давки.

* * *

Теперь посмотрим, к каким результатам *по существу* привело гонение на веру. В отношении религиозных взглядов все люди могут быть условно разбиты на 3 категории: 1) глубоко верующих, 2) верующих поверхностно и 3) атеистов. Наиболее многочисленна, конечно, вторая категория.

Атеистов, естественно, преследование религии не коснулось, а людей 1-й категории, т[о] е[сть] глубоко религиозных, могло только укрепить в вере и восстановить против гонителей, чему уже неоднократно давала свидетельства история. Правда, много искренне верующих поплатилось за свои убеждения, но это приходится констатировать с сожалением, так как именно в данной категории лиц часто встречаются честные, стойкие, с прочными нравственными устоями люди, которых более гибкая власть могла бы с успехом использовать на работе в интересах государства.

Позволительно утверждать, что философские расхождения между христианством и марксизмом менее всего затрагивают внимание широких масс народа, который не в состоянии разрешать всегда сложные гносеологические проблемы, что, как показала последняя философская дискуссия⁵⁷, является подчас весьма затруднительным даже и для высококвалифицированных специалистов. Гораздо важнее для народа, для «простого» человека, общие точки соприкосновения христианской и коммунистической этики. Это прекрасно понял даже достопочтен-

⁵⁷ В июне 1947 г. состоялась т. н. философская дискуссия, на которой член Политбюро ЦК ВКП(б) и секретарь ЦК по идеологии А. А. Жданов подверг критике советских философов (в том числе ведущего специалиста по Гегелю — Г. Ф. Александрова) за отклонения от марксистской линии в философии. С августа того же года стал выходить журнал «Вопросы философии». На следующий год после написания С. А. Кондратьевым его дневника в дискуссии по языкознанию, в которой принял участие Сталин, снова обсуждались проблемы марксистско-ленинской философии (1950).

ный Хьюлетт Джонсон⁵⁸, пресловутый настоятель Кентерберийского собора. И нашим правителям следовало бы глубоко призадуматься над этим вопросом.

Что касается 2-й категории религиозных людей — поверхностно верующих, то, выбивая из них страх перед загробным возмездием, правительство вряд ли поступало благоразумно, ибо падение современных нравов можно в известной мере отнести и за счет ослабления религиозных чувств в народе.

* * *

Так или иначе, но, по-видимому, «наверху» поняли, что в этом вопросе далеко не все решено правильно, поэтому примерно с начала войны в отношении государства к религии произошел резкий поворот, выразившийся в прекращении специальной печатной антирелигиозной пропаганды, в учреждении при Совете Министров Управления по делам церкви, в легализации клерикальных школ и в целом ряде других прорелигиозных мероприятий. Какую роль в этом повороте сыграло общественное мнение Запада и какую — внутренние факторы, непосвященному определить затруднительно.

В целом отношение государства к религиозной проблеме сделалось в настоящее время более разумным, пройдя полосу жестких репрессий, которые, к сожалению, прочно останутся в памяти всех религиозных людей.

14.V

7. *Широкое развитие наук и искусств под строгим политическим контролем*

О науке

Тезис «наука не должна быть аполитичной» стал пропагандироваться в нашей стране уже давно, однако не в самые первые годы после революции. Я помню, что это положение я встретил, как нечто необычное, в одной большой статье, кажется, Н. Горбунова⁵⁹, напеча-

⁵⁸ Джонсон Хьюлетт (1874—1966) — настоятель Кентерберийского собора (Великобритания) в 1931—1963 гг., доктор теологии. С 1948 г. возглавлял Общество англо-советской дружбы, с 1950 г. член созданного в том же году Всемирного совета мира (ВСМ). Лауреат Международной Ленинской премии (1951).

⁵⁹ Имеется в виду опубликованная в период празднования 200-летия Академии наук в «Ленинградской правде» 6 сентября 1925 г. статья «Наука и политика», в которой приводились слова Н. П. Горбунова о том, что наука не может быть аполитичной. Он осуждал иностранные академии, не приехавшие на юбилей из-за того, что наша Академия якобы продалась большевикам. Наука как таковая не политична, говорилось в статье, но она диалектична, как сама природа. Мышление находится в прямой зависимости от мировоззрения (См.: *Копелевич Ю. Х., Колчинский Э. И.* Политические итоги академического юбилея 1925 г. // За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и

танной в «Правде» или «Известиях» в 1925 г. Вспоминаю и критическое отношение к этой статье среди многих знакомых ученых. Тезис явно противоречил устоявшимся взглядам людей, мышление которых сформировалось в иную эпоху. С тех пор прошло четверть века, и изложенный принцип приобрел широкое и руководящее значение. Негативная его форма заменилась позитивной: «наука должна быть партийной». Объективность в исследованиях под компрометирующим ярлыком «объективизма» превратилась из достоинства в порок. Следствия, вытекающие из такой концепции, оказались многозначительными. Наука, поставленная на службу философско-политической доктрине, при столкновениях с ней неизменно подвергается диффамации⁶⁰. Из непрерывно пополняющегося научного опыта санкционируется лишь то, что не встречает возражений в системе марксизма-ленинизма. Все прочее отмечается как реакционное. Несомненное достоинство такой методики в том, что она чрезвычайно проста, но это еще не делает ее убедительной.

Мы знаем, что все натурфилософские концепции новейшей истории созданы на фундаменте громадного количества фактов, добытых точным знанием. К таким концепциям относится и диалектический материализм. Однако никогда не существовало теории, которая не подвергалась бы коррективам опыта. А при господствующем у нас положении методом познания осталась голая индукция, не желающая считаться с противоречивыми частностями и поэтому отбрасывающая их как факты «антинаучные». В результате возникают губительный для знания догматизм и стояние на месте.

* * *

Политический контроль коснулся разных областей знания в разной мере. Наименее уязвимыми оказались наиболее точные науки, в первую очередь математика; наиболее зависимыми — история и социология, вообще гуманитарные дисциплины. Под удары попала и биология в тех вопросах, которые затрагивают психологию и социологию.

15.V

Спорадически, как внезапные пожары, возникают в разных областях знания т. н. «дискуссии», если этот термин можно приложить к спорам, где правота взглядов одной стороны заранее predetermined.

Э. И. Колчинского. СПб., 2002. С. 51, 54). Вероятно, она публиковалась и в центральной печати.

Горбунов Николай Петрович (1892—1938) — химик, революционер. Личный секретарь В. И. Ленина и секретарь Совнаркома, с 1920 г. управляющий делами Совнаркома РСФСР, позже — Совнаркома СССР. В 1935—1937 гг. неприменный секретарь АН СССР. Репрессирован; расстрелян в 1938 г.

⁶⁰ Д и ф ф а м а ц и я (от лат. *diffamare*: порочить) — букв.: опубликование или оглашение в СМИ позорящих сведений (действительных или мнимых); здесь: идеологическая критика.

а priori, а все инакомыслящие объявляются крамольниками, независимо от того, молчат они или приводят разумные доказательства своим утверждениям. 2 последние «дискуссии» в науке коснулись философии и биологии. За первой я не следил, а со второй познакомился хорошо не только по печатной стенограмме заседаний, но и во многих беседах со знакомыми биологами. О характере стенограммы я говорил выше⁶¹, беседы же с биологами только усугубили во мне тяжелое впечатление от всего этого «процесса». Лысенко, энергичному и способному практику-селекционеру, сделавшему много полезного для отечественной агрокультуры, наверху «поверили» и дали *carte blanche* в его науке. Таким образом, этот человек, теоретически плохо подготовленный и вовсе незнакомый с целыми областями биологии, сделался законодателем в этой науке, чем-то вроде верховного жреца. Он тотчас объявил поход против громадной области современной генетики — хромосомной теории, и множество наших талантливых и знающих ученых было стерто в порошок под кличками «морганистов», «вейсманистов», «менделистов» etc., дисквалифицировано и вынуждено отказаться от продолжения своих исследований⁶². Хромосомы

⁶¹ См. запись от 13.05.1949 г.

⁶² Лысенко Трофим Денисович (1898—1976) — биолог и агроном, акад. АН СССР (1939), АН УССР (1934), акад. (1935) и президент (1938—1956, 1961—1962) ВАСХНИЛ, Герой социалистического труда (1945), трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1949). Автор антинаучной концепции наследственности, изменчивости и видообразования, названной им «мичуринским учением». Это «учение» и пропагандируемая им яровизация (выдерживание семян определенное время перед посевом при пониженной температуре) получили идеологическую поддержку, рекомендовались для широкого применения и административно внедрялись в 1930—начале 1960-х гг.

В своем докладе на августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ, одобренном И. В. Сталиным, Лысенко разделил науки на «социалистические» и «буржуазные» и назвал «вейсманизм-менделизм-морганизм» (см. ниже) антинародным, псевдонаучным и вредным течением в биологии. Менделевская генетика была объявлена «буржуазной лженаукой» и запрещена. Ей противопоставлялась «прогрессивная» агробиология («мичуринское учение») самого Лысенко, монополизм которого в сельскохозяйственных науках сопровождался уничтожением других научных школ, шельмованием биологов и ботаников. Лысенко нанес большой ущерб генетике и биологии в целом. В период «лысенковщины», или «лысенкоизма» (1948—1955), проводилась масштабная чистка среди биологов; институты и лаборатории, занятые исследованиями в области генетики, закрывались; переписывались университетские программы, уничтожались учебники, увольнялись преподаватели. Полностью разгромленными оказались научная генетика, значительные разделы ботаники, зоологии, агрономии, соответствующий корпус ученых. Портреты Лысенко вывешивались в научно-исследовательских институтах, в широкую продажу поступили его бюсты и значки с его изображением, в репертуаре Государственного хора появился гимн в его честь.

«Морганисты», «вейсманисты», «менделисты» — идеологизированно-осудительные прозвища ученых-генетиков — сторонников и последователей учения Моргана, Вейсмана и Менделя, соответственно.

«закрыли» совершенно так же, как у Щедрина «закрыли Америку»⁶³. Конечно, рано или поздно, *здоровая* критика придет. Хромосомную теорию у нас станут изучать вновь, а все заслуги и все ошибки Лысенко получат должную и беспристрастную оценку, но вред, который он нанес науке и многим научным работникам, злоупотребив своими прерогативами, вряд ли удастся загладить. До каких пределов дошло слепое поддакивание этому зазнавшемуся человеку и подбострастие к нему со стороны чиновников от науки, хорошо освещают хотя бы два таких примера, первыми пришедшие на память.

Мой старый приятель, провинциальный академик, ботаник по профессии, был обвинен, к его величайшему изумлению, в «морганнизме» и т. п.; «к изумлению» — потому что в одной из своих недавних работ, опубликованных, кстати, до «процесса», он много написал о ценных опытах Мичурина и Лысенко. Обвинение происходило в академическом заседании, на котором присутствовал и представитель ЦК

Морган (Morgan) Томас Хант (1866—1945) — американский биолог, один из основоположников генетики, президент Национальной АН США (1927—1931), иностранный чл.-кор. Российской АН (1923) и иностранный почетный член АН СССР (1932), лауреат Нобелевской премии (1933). Работы Моргана и его школы (Г. Дж. Мёллер, А. Г. Стёртевант и др.) обосновали хромосомную теорию наследственности. Установление закономерности расположения генов в хромосомах способствовало выявлению цитологических механизмов законов Менделя (см. ниже) и разработке интенсивных основ теории естественного отбора.

Вейсман (Weismann) Август (1834—1914) — немецкий зоолог и эволюционист. Предвосхитил современные представления о дискретности генов, их локализации в хромосомах и роли в онтогенезе. Основатель неодарвинизма — созданной им в 1880—1890-х гг. эволюционной концепции, основанной на его же гипотезе о зачатковом отборе. [Эта концепция] содержала плодотворные идеи (роль хромосом в наследственности, отрицание наследования приобретенных признаков), но в целом оказалась ошибочной.

Мендель (Mendel) Грегор Иоганн (1822—1884) — австрийский естествоиспытатель, монах, основоположник учения о наследственности (менделизм). Применял статистические методы для анализа результатов по гибридизации сортов гороха (1856—1863), сформулировал законы наследственности (законы Менделя). 3 закона (или правила) Менделя постулируют закономерности распределения в потомстве наследственных факторов, названных позднее генами. Полное подтверждение получило и объяснение наследственности на основе хромосомной теории.

⁶³ В «Сказке о ретивом начальнике, как он своим усердием высшее начальство огорчил», помещенной в гл. XX «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина, среди «вредных проектов», которые этому «ретивому начальнику» по его требованию подавали «мерзавцы»-подчиненные, был и такой: «Необходимо вновь закрыть Америку» (Щедрин Н. (Салтыков М. Е.) Современная идиллия / Послесл. Д. Заславского. М., 1950. С. 219). На эту сказку ссылался И. В. Сталин в одном из своих довоенных выступлений, и потому пассаж о «закрытии Америки» был хрестоматийно известен. Любопытно отметить, что в вышедшем в перестроечные годы в издательстве «Правда» 10-томном собрании сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина в соответствующем месте «Современной идиллии» в «Сказке о ретивом начальнике...» почему-то отсутствуют примерно полторы страницы текста, включая цитируемую фразу (см.: Т. 8. М., 1988).

партии. Во время голословной речи обвинителя представитель ЦК прервал его и спросил: «На основании каких работ обвиняемого академика Вы построили Ваши заключения?» «Я построил их не на основании печатных трудов обвиняемого, — сказал обвинитель, — но на высказываниях его по поводу внутривидовой конкуренции, которые противоречат взглядам Лысенко на этот вопрос. *Тот же, кто не согласен с Лысенко, — наверняка и морганист!*» Представитель ЦК устало махнул рукой.

Юбилей талантливого натуралиста проф[ессора] А. Н. Формозова⁶⁴ не разрешили в этом году официально отпраздновать только потому, что Формозов в давно минувшем обсуждении вопроса о внутривидовой конкуренции тоже не мог согласиться с выводами Лысенко.

* * *

16.V

«Лысенковская» дискуссия от вопросов «генной» наследственности и вегетативной гибридизации перекинулась и на другие области биологии и смежных дисциплин. Как у нас водится в каждой кампании, всюду стали выискивать крамольников; нашли их и в физиологии, и в микробиологии, и в психиатрии, и в разных других местах. Внезапно ошельмованные люди то защищались, то молчали, то калялись. Практика показала, что последняя форма реакции, даже для вполне невинных, наиболее благоразумна. И солидные ученые в течение недели ухитрялись менять свои убеждения и раскаивались. Кого и в чем убедило все это шитое белыми нитками галилеевское лицемерие? По-видимому, есть вопросы, на которые никогда не удастся получить разумного ответа.

Кампания заканчивается. Наряду с немногими истинными поборниками новой «победившей» теории большое число подхалимствующих ученых разных рангов понемногу занимают в науке руководящие посты. В следующую очередную кампанию они с той же податливостью флюгера смогут изменить «легко приобретенные» взгляды на диаметрально противоположные.

А бедные учащиеся? Особенно студенты! Новая теория еще не разработана, а старые руководства оказались негодными. И как быть педагогам? Где новые программы? Установки партии и правительства в различных областях знания и жизни слишком часто и слишком кар-

⁶⁴ Формозов Александр Николаевич (1899—1973) — известный биолог и зоолог, биогеограф, художник-анималист. Профессор МГУ (1935). Окончил МГУ (1925), с 1930 г. работал там же, одновременно в 1930—1934 гг. преподавал на организованной им кафедре зоологии в Институте пушно-мехового и охотничьего хозяйства. С 1945 г. работал в Институте географии АН СССР, где создал отдел биогеографии. Участвовал во многих научных экспедициях. Основные труды по изучению роли снежного покрова в эволюции, воздействия на животный мир антропогенных факторов, пульсации границ ареалов животных. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

динально меняются. Учиться при таких условиях мудрено. Так, напр[имер], еще у всех на памяти свежо то время, когда понятие «патриотизм» считалось предосудительным и приравнялось [к] «шовинизму». Теперь же оно склоняется на все лады. А «эпоха» Покровского⁶⁵ в истории!? Поистине, она промелькнула, как фантастический сон!

А

нео-славянофильство!?

Конечно, мы помним и Гераклита⁶⁶, и *tempora mutantur*⁶⁷, мы знаем, что все течет, все меняется, но не слишком ли быстро? Подчас нас призывают убеждения с такой же быстротой, с какой трансформатор⁶⁸ меняет свои костюмы. Не потому ли в науке появилось столько беспринципных людей, нравственная коррупция которых выразилась и в другой, еще более неприглядной форме — форме плагиатов и подлогов. Мошенничество этого типа стало, например, весьма обычным при защите диссертаций. Даже мне пришлось способствовать провалу одной диссертации — бессовестного плагиата, которую должен был защитить не какой-нибудь неустойчивый в принципах юноша, но пожилой инженер-архитектор. Не попадись газетное предведение об этой диссертации на глаза моей жене, не вздумай она пойти в библиотеку ознакомиться с рукописью, и мошенник получил бы звание, повышенный оклад и, главное, ободряющую уверенность в том, что жульничество — полезный метод для преуспевания в жизни. А результат? Диссертацию, правда, отклонили, но прохвост не был предан суду, попытка к жульничеству, по существу, осталась безнаказанной. Вышли сухими из воды и главные оппоненты, благосклонно принявшие диссертацию. Правда, отчасти виноват в этом и я — поленился написать в ВАК.

* * *

⁶⁵ Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — советский историк, партийный и государственный деятель, акад. АН СССР (1929). Член РСДРП с 1905 г., участник Октябрьской революции в Москве. С 1918 г. заместитель наркома просвещения. Руководитель Коммунистической академии и Института красной профессуры. Занял монопольное положение в советской исторической науке. Автор 5-томной «Русской истории с древнейших времен» (1910—1913) и «Русской истории в самом сжатом очерке» (в 2 ч., 1920).

⁶⁶ Г е р а к л и т Э ф е с с к и й (ок. 544—483 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист и диалектик, представитель ионийской школы. Прозван Темным за глубокомысленность и загадочность изложения своего сочинения «О природе». Выказал идею непрерывного изменения, обновления: «все течет», «в одну реку нельзя войти дважды».

⁶⁷ *Tempora mutantur et nos mutantur in illis* — ⚡Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (лат.).

⁶⁸ Т р а н с ф о р м а т о р — актер, наделенный искусством трансформации. Трансформация (от позднелат. *transformatio* ⚡превращение) в театре, цирке и на эстраде — сценический прием, основанный на умении артиста быстро изменять внешность при помощи грима, парика, костюма.

Зоолог Банников⁶⁹, много лет работавший в Монголии, при возвращении в СССР украл в монгольском Ученом Комитете яйцо динозавра из раскопок Эндрюса⁷⁰. Он многократно демонстрировал его заинтересованным москвичам, упоминая при этом, что честь находки принадлежит ему — Банникову. Тем временем из Монголии в учреждение Банникова пришло письмо с обвинением Банникова в краже яйца. Тогда учреждение уволило зоолога как «не справившегося с работой». А почему не отдало под суд?

Факты, подобные приведенным, были невозможны в среде ученых в дни моей юности, а если и случались, то как редчайшие постыдные аномалии, они надолго становились «притчей во языцех» и навсегда дискредитировали имя ученого. Теперь они — заурядное явление.

Сделаем обобщение: честность в научной работе — непременное условие ее доброкачественности. Академик Б. Я. Владимирцов⁷¹, умнейший и честнейший человек, как-то сказал мне, что, по его мнению, ценность научной работы определяется на 5/8 *доверием к ее автору*. Б. Я. Владимирцов был лингвистом. И действительно, чем большую роль в научной работе играют посылки, тем прочнее должно быть до-

⁶⁹ Банников Андрей Григорьевич (1915—1985) — зоолог, доктор биологических наук, профессор, специалист в области охраны природы и заповедного дела. В 1970-е гг. возглавлял Всероссийское общество охраны природы (ВООП), был избран вице-президентом Международного союза по охране природы и природных ресурсов (МСОП). Возглавлял ряд научных экспедиций, много работал по заповедникам СССР. Один из авторов и основателей «Красной книги», автор более 400 работ, главным образом исследований по фауне СССР и Монголии (Первые русские путешественники в Монголию и Северный Китай. 2-е изд. М., 1954; Земноводные и пресмыкающиеся СССР. М., 1956; Беловежская пуца (в соавт.). М., 1969, и др.). Лауреат европейской премии им. Гёте за активную деятельность по охране природы, награжден Золотой медалью Всемирного фонда охраны дикой природы. По слухам, был связан с КГБ (*Вайнер Д.* Охрана природы и холодная война: советские перспективы // За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и Э. И. Колчинского. С. 432). Некролог о нем см.: Памяти Андрея Григорьевича Банникова // Известия АН Тадж. ССР. Отд. биол. наук. 1986. № 2. С. 92.

⁷⁰ Эндрюс (Andrews) Рой Чепман — сотрудник Естественноисторического музея в Нью-Йорке. Занимался раскопками меловой и третичной фауны позвоночных. Впервые посетил Монголию в 1918 г. В 1919 г. приступил к организации большой экспедиции по изучению геологического строения и палеонтологии Монголии и Северного Китая, которая работала в 1922—1923 и 1925 гг.

⁷¹ Владимирцов Борис Яковлевич (1884—1931) — российский ученый, востоковед-филолог и историк, монголовед, тибетолог, профессор Петербургского (Ленинградского) университета (с 1915 г.) и Ленинградского института живых восточных языков (Ленинградского Восточного института), научный сотрудник Азиатского музея (с 1915 г.), заведующий Монгольским кабинетом Института востоковедения АН СССР (с 1930 г.). Академик АН СССР (1929), член Монгольской комиссии АН СССР. Автор трудов по грамматике, фольклору и этнографии монгольских народов, о кочевом феодализме, о Чингисхане и др. Неоднократно бывал в Монголии (1908, 1911, 1913—1915, 1925, 1926).

верие читателя к автору, ибо тем труднее проверить исходные положения последнего.

17.V

Евклид вовсе не нуждается в доверии, а, например, работа фольклориста непременно требует доверия читателя, так как подлинность собранного автором материала далеко не всегда может быть проверена. И как раз в этой области (советского фольклора) мы сталкиваемся в последние годы с многочисленными фальсификациями. Честолюбие и стремление к материальному преуспеянию, не будучи сдерживаемы элементарной честностью, научной совестью, легко толкают неустойчивого человека на скользкий путь — от компромиссов к подлогам. А генератор этой неустойчивости — вынужденное лицемерие, которым характеризуется современный *modus vivendi* ⁷².

* * *

Если мы теперь отвлечемся от болезненного состояния науки в вопросах принципиальных, затрагивающих гносеологические и особенно социологические проблемы, и обратимся к широкой области вопросов «средней и малой общности», то немедленно должны будем констатировать гигантское развитие науки в СССР, особенно в областях, тесно связанных с промышленным производством, освоением недр страны, сельским хозяйством, здравоохранением, военной техникой, коротко говоря, — с практическими потребностями государства. Здесь наши поразительные успехи, достигнутые притом за баснословно короткий срок, успехи, по стремительности своей и размаху далеко оставившие за собой знаменитый «японский прыжок» в конце прошлого века, — совершенно бесспорны.

Мы вышли в первую шеренгу мировых держав, и не только благодаря удачному заимствованию передового иностранного научного и технического опыта. Подхватив этот опыт, русская выдумка и изобретательность внесли в него много нового, чему немало способствовали и представители других народов советского содружества. Этот быстрый скачок был, в первую очередь, обусловлен громадным расширением контингента научных работников и созданием тысяч научно-исследовательских институтов и лабораторий.

Экономика государства могла справиться с такой задачей лишь благодаря возможности установить весьма скромную оплату труда многосоттысячной армии рядовых научных работников, инженеров, врачей и других представителей «интеллигентных» профессий. Однако быть недовольным этим не приходится. Игра стоила свеч. Без своевременно организованной отечественной техники мы оказались бы побежденными в войне. Таким образом, многолетняя спартанская жизнь

⁷² Образ жизни, способ существования (лат.).

советской интеллигенции принесла государству и народу (включая и саму интеллигенцию) вполне реальные плоды.

[18-го не писал — отсыпался.]

19.V

Делаю вывод. В области точных наук, особенно в прикладных дисциплинах, армия советских ученых добилась больших успехов. Вполне абстрактным проблемам, конечно, уделялось гораздо меньше внимания, но все же они перестали быть одиозными, а в некоторых случаях даже удостаивались высокого внимания, напр[имер], решение академиком Виноградовым задачи Гольдбаха⁷³.

Сказанное относится к математике, физике и химии. В менее удачном положении, как это мы видели, оказались биологические дисциплины. Что касается гуманитарных наук, то вынужденные ежечасно приспосабливаться к меняющимся установкам партии и правительства, они обнаруживают большое непостоянство в отношении к одним и тем же фактам, да и вообще часто распоряжаются фактическим материалом довольно бесцеремонно, выпячивая одни стороны явления и замалчивая другие. Громадное количество трудов, опубликованных в этой области, имеет лишь эфемерную ценность. Многие из них подверглись изъятию. Участь других — забвение. Справочники и те быстро становятся негодными.

Сравнительно недавно появилась «Большая Советская Энциклопедия» — уже порочна, уже устарела. Проектируемое переиздание ее, базирующееся на тех же методологических принципах, устареет столь же быстро и останется для будущих поколений отнюдь не объективным справочником, но лишь памятником эволюции советской идеологии.

⁷³ Виноградов Иван Матвеевич (1891—1983) — математик, академик АН СССР (1929), директор Математического института АН СССР им. В. А. Стеклова (с 1932). Лауреат Сталинской (Государственной) (1941, 1983) и Ленинской (1972) премий, награжден Золотой медалью им. М. В. Ломоносова АН СССР (1971). Создал классический метод тригонометрических сумм, получил фундаментальные результаты и решил ряд важных задач в аналитической теории чисел, в том числе т. н. проблему Гольдбаха.

Гольдбах Христиан (1690—1764) — математик, один из первых академиков (1725) и почетных членов (1724) Петербургской АН. По происхождению немец. Автор трудов по теории чисел и математическому анализу. В 1742 г. выдвинул проблему теории чисел (проблему Гольдбаха), заключающуюся в доказательстве того, что всякое целое число, большее или равное 6, может быть представлено в виде суммы трех простых чисел. Проблема Гольдбаха была решена для достаточно больших нечетных чисел лишь в 1937 г. акад. И. М. Виноградовым.

Об искусстве

Для того чтобы не быть многословным, я этот вопрос ограничу, а для ясности — разграничу. Ограничу тем, что выскажусь о тех областях искусства, которые мне более знакомы, а именно: о художественной прозе, о поэзии и о музыке. Разграничение проведу в том смысле, что сначала изложу свои мысли о самих произведениях искусства, а затем — об общественно-научной оценке их, т[о] е[сть] об искусствоведении. Конечно, строго разграничить эти стороны не всегда будет возможно. И излишний педантизм здесь не принес бы пользы.

[1.] О художественной прозе

Советская литература получила наследство, которому мог бы позавидовать любой народ. В течение каких-нибудь восьмидесяти лет наши великие классики раскрыли душевный мир человека с такой силой, правдивостью и проницательностью, что весь мир должен был склониться перед ними. Звеном, соединившим эту золотую цепь с поколением советских писателей, предназначено было стать Максиму Горькому, который как бы из рук в руки передал им великие заветы и традиции, бесстрашное стремление к правде и ненасытную требовательную любовь к родному языку.

Стержневая идея, которая руководила русскими прозорливцами, при всем различии их вкусов, характеров и стилей, была едина — раскрыть любой ценой, забыв себя, *правду о жизни*, ничего не сглаживая и ничего не преувеличивая. Это «сквозное действие» большой русской литературы справедливо определяется как «критический реализм».

[20-го и 21-го не писал.]

22.V

Мне нет необходимости отмечать здесь крупные и мелкие отклонения от этого течения. Они не нарушают картины в целом. Из крупных русских прозаиков, сформировавшихся еще в дореволюционную эпоху, трое — Бунин, Куприн и А. Толстой⁷⁴ — ушли в эмиграцию.

⁷⁴ Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — русский писатель, почетный академик Петербургской АН (1909), первый русский писатель, удостоенный Нобелевской премии (1933). Дневниковая книга «Окаянные дни» (1918—1919; опубликована в 1925; переиздана в 1991) отмечена резким неприятием Октября. В 1918 г. уехал в Одессу, в 1920 г. эмигрировал во Францию. Во время Второй мировой войны отказался от каких-либо форм сотрудничества с нацистскими оккупационными властями, болезненно переживал поражения Красной Армии, искренно радовался ее победам. Выражал желание возвратиться на Родину, указ советского правительства «О восстановлении в гражданстве СССР поданных бывшей Российской империи...» (1946) назвал «великодушной мерой». Однако появившееся в том же году Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» с бранью в адрес А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко навсегда

Толстой скоро вернулся и написал много произведений, весьма разных по качеству. Куприн тоже возвратился на родину, но умер, не успев заговорить. Бунин остался за чертой, и мы почти ничего не знаем о нем.

Все бремя организации новой советской литературы взвалил на свои сильные рабочие плечи Горький, что принесло неоценимую пользу молодым советским писателям, но в то же время неблагоприятно отразилось на его личном творчестве. Горький завещал молодежи строгое, требовательное отношение к профессиональному труду, благоговейную любовь к русскому языку и ненависть к капитализму. Исключительное значение деятельности Горького в советской литературе не поддается измерению. Помимо прямого влияния на писателей он пользовался любовным доверием вождей, и место, которое он занимал в строительстве новой литературы, осталось до сих пор вакантным, о чем нельзя не пожалеть.

Крупнейший писатель нового поколения, академик и давнишний член партии Шолохов⁷⁵, сочетавший в своем творчестве советскую идеологию с первоклассным мастерством, казалось бы, самой судьбой был предназначен занять место Горького. Но этого по причинам, мне непонятым, не произошло. Мало того — после опубликования двух своих капитальных произведений Шолохов почти замолчал. И в общественной жизни писателей он не принимает никакого участия. Для обывателей, не осведомленных в «тайнах мадридского двора», оба эти факта совершенно необъяснимы.

* * *

Переходя к оценке по существу современной художественной прозы, надо прежде всего дать себе ясный отчет в главном, а именно: что такое «социалистический реализм», призванный сменить «критический реализм», и в чем различие между этими двумя направлениями?

отвратило писателя от этого намерения. Умер в Париже, похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем.

Куприн Александр Иванович (1870—1938) — русский писатель. С 1901 г. жил в Петербурге. Заведовал отделом беллетристики в «Журнале для всех». В 1902—1907 гг. сотрудничал в журнале «Мир божий». В 1907 г. переехал в Гатчину. В 1903 г. вышел 1-й том его рассказов. С 1917 г. сотрудничал в созданном М. Горьким издательстве «Всемирная литература». С ноября 1919 г. — в эмиграции. В мае 1937 г. возвратился на родину. Умер по болезни, похоронен в Ленинграде на Литераторских мостках.

Толстой Алексей Николаевич (1882/83—1945) — граф, русский советский писатель, общественный деятель, академик АН СССР (1939), трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946 — посмертно). Эмигрировал в 1918 г., в 1923 г. возвратился в СССР.

⁷⁵ Шолохов Михаил Александрович (1905—1984) — писатель, академик АН СССР (1939), лауреат Сталинской (1941), Ленинской (1960) и Нобелевской (1965) премий, член ВКП(б) (с 1932 г.) и ЦК КПСС (с 1961 г.), депутат ВС СССР (с 1937 г.), член ВСМ.

Обходя все теоретические рассуждения по этому вопросу, заполнившие не одну тысячу страниц, и суммируя лишь впечатления от книг советских писателей, не представляет труда прийти к такому простому выводу: тема критического реализма — *показать жизнь, какая она есть в действительности*; тема социалистического реализма — *показать жизнь, какой она должна быть при советском строе*.

Из этого следует, что социалистический реализм заботится о создании литературы нравоучительной, дидактической; действительные же отношения в жизни он раскрывает лишь в тех случаях, когда они не вступают в противоречия с заданной наперед идеей. Нет спору, что нравоучительные книги играли и играют большую роль в воспитании юношества, в жизни каждого поколения. Но нельзя забывать, что кроме детей и молодежи в жизни человечества участвуют также и взрослые люди, которые не склонны удовлетворяться проповедями и наставлениями, но любопытствуют о действительной жизни различных людей, часто совершенно не похожей на изображение ее в дидактических книжках. Однако этот законный голод остается неудовлетворенным. В силу этого читатель теряет доверие к писателю и вынужден, отложив книги, обратиться к личному опыту общения с людьми, всегда недостаточному и неполному. Неумеренная и все возрастающая идеализация советского человека и гражданина привела к тому, что когда писателю, побуждаемому знанием жизни, приходится омрачить этот ореол безгрешности, — тотчас же со всех сторон начинается пронзительное твяканье: «Это клевета на советского человека!»

Опасаясь этих неизбежных неприятностей, грозящих вполне реальным ущербом, писатели постепенно принуждены были ограничить свои живописные средства и в настоящее время обходятся преимущественно двумя красками: черной и белой. Это, конечно, плохо, но зато безопасно.

Во время войны способная писательница Панова⁷⁶ выпустила небольшую по масштабам, но живую повесть «Спутники». Не знаю, по чьей инициативе, но повесть получила Сталинскую премию. Ободренная успехом, Панова, уже после войны, написала другую повесть — «Кружилиха», руководствуясь теми же принципами, т[о] е[сть] стремясь показать новых, а значит, и противоречивых людей. Однако за это короткое время цензурные нравы сделались еще более пуританскими, и «Кружилиха» была раскритикована во многих статьях — как раз за ее достоинства. Понадобилось личное вмешательство Сталина, чтобы отметить премией и эту повесть. Хорошо, что Сталин нашел

⁷⁶ Панова Вера Федоровна (1905—1973) — писательница, трижды лауреат Сталинской премии (1947, 1948, 1950), автор ряда романов, повестей, рассказов и сценариев, в том числе повести «Спутники» (1946), романа «Кружилиха» (1947).

время прочитать «Кружилиху». А если бы этого не случилось? Где же тогда писательская совесть и авторитет «политически подкованных» профессионалов, цеховых мастеров? Ведь вполне понятно, что Сталин не может прочесть все повести и романы советских писателей!

Горький требовал от писателя высокого профессионализма, в лучшем смысле этого слова. И требование это весьма благотворно отразилось на технических качествах советской литературы в целом. В царской России нельзя было и помышлять о таком количестве профессионально подкованных литераторов. Однако в последнее время вопрос о теме, о содержании художественного произведения настолько заслонил собой проблему формы, что появилось много тревожных симптомов, указывающих на недопустимую снисходительность руководителей писательского цеха к иным литературным *opus'ам*.

В качестве примера приведу хотя бы повесть «Далеко от Москвы» Ажаева⁷⁷, увенчанную Сталинской премией, да еще 1-й степени. Не входя в, по существу, маловажные для читателя подробности о том, кем и как была написана эта книга, укажу лишь на ее серый потертый язык, совершенно беспомощную лепку характеров и крупные композиционные недочеты. Как можно было, например, в большой книге, целиком посвященной строительству нефтепровода, совершенно обойти молчанием рабочих, т[о] е[сть] главных участников всего процесса? Или, м[ожет] б[ыть], автор полагал упоминанием о нескольких шоферах заполнить этот кричащий пробел? Нет, вряд ли он так думал. Не надеялись на это и проводники книги. Просто о рабочих нельзя было распространяться, ибо трудились заключенные. Так хромая правда получила полное официальное признание и поощрение. И это в советском государстве, краеугольным камнем которого считается рабочий!

А тема сама по себе действительно интересна, и хороший мастер очерка мог бы блистательно справиться с ней на 3 листах.

К несомненно прогрессивным явлениям в советской литературе надо отнести интенсивное развитие художественной прозы у различных нацменьшинств, в том числе и у таких, которые до революции вовсе не имели своей литературы. За короткое время эти народы сумели выдвинуть даровитых писателей, поведавших о таких областях жизни, которые для широкого советского читателя ранее были совершенно неизвестны. Образцом такого рода сочинений может служить роман «Абай» казахского писателя Ауэзова⁷⁸, раскрывший пе-

⁷⁷ Ажаев Василий Николаевич (1915—1968) — писатель. Его роман о героических трудовых буднях в годы войны — «Далеко от Москвы» был удостоен Сталинской премии (1949). Другой роман — «Вагон» (1955—1964) — о трагических судьбах людей 1930-х гг., написанный в годы «оттепели», был опубликован только через два десятилетия после смерти писателя, в период Перестройки (1988).

⁷⁸ Ауэзов Мухтар Омарханович (1897—1961) — казахский писатель, академик АН Казахской ССР (1946), лауреат Сталинской (1949) и Ленин-

ред нами дотоле неведомый и своеобразный уклад жизни казахского народа.

Много внимания уделили и русские литераторы описанию жизни отсталых народностей. К таким работам относится, например, книга Семушкина⁷⁹ «Алитет уходит в горы». Автор много лет провел среди чукчей, хорошо познакомился с их бытом и очень живо изложил свои наблюдения. Познавательное значение этой повести несомненно, хотя «двухцветной» болезни автору избежать не удалось. Особенно сказалась она во второй части повести, вероятно, не без влияния советов «добрых друзей».

Вообще большое и хорошее место в советской литературе занял *очерк*, существенно приумноживший наши знания о природе и людях родины. Однако эта форма чаще смыкается с популярной географией, нежели с художественной прозой. К сожалению, и «очеркисты» постоянно предлагают читателю розовые очки. После того как в советской литературе «критический реализм» уступил место «социалистическому», писатели оказались вынужденными показывать читателю некий вымышленный, идеализированный мир, что вполне соответствует принципам и всей остальной нашей прессы.

Исключения бывают, но редко. Они возможны лишь в тех случаях, когда узкая тема (обычно в небольшом рассказе) позволяет автору обойтись без замалчиваний и сгущения красок или когда автор пишет преимущественно о природе, трактуя людей как декоративные подробности (напр[имер], «Мещерская сторона» Паустовского). Счастливым исключением является и творчество Пришвина⁸⁰. Ему за большие заслуги и богатый язык прощается и позволяется многое по формуле: «Quod licet Jovi, non licet bovi»⁸¹. Во всяком случае, ему дозволено ограничиваться фенологическими⁸² наблюдениями и «родственным вниманием» к «малым братьям» мира сего. Возможно потому, что среди писателей он самый веселый и довольный.

ской (1959) премий. Автор романа-эпопеи «Путь Абая» (в 4 ч., 1942—1956), повестей, рассказов, пьес, трудов по истории казахской литературы и фольклора.

⁷⁹ С е м у ш к и н Т и х о н З а х а р о в и ч (1900—1970) — русский писатель, лауреат Сталинской премии (1949). Автор романа «Алитет уходит в горы» (в 2 кн., 1947—1948) о судьбе чукотского народа после Октябрьской революции, рассказов, очерков. Член КПСС с 1952 г.

⁸⁰ П р и ш в и н М и х а и л М и х а й л о в и ч (1873—1954) — писатель, автор дневников, очерков, поэмы в прозе «Фацелия» (1940), повести «Жень-шень» (1933), романа-сказки «Осударева дорога» (1957), автобиографического романа «Ка-щеева цепь» (начат в 1923, опубликован в 1960 г. — после смерти писателя). Был фронтовым корреспондентом на Первой мировой войне. Его философско-литературная проза связана с темами природы, истории народного быта и фольклора.

⁸¹ Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку (*лат.*; поговорка).

⁸² Ф е н о л о г и я (от гр. *phainomena* — явление + *logos* — слово , — учение) — наука (раздел биологии) о сезонных явлениях в живой природе, обусловленных сменой времен года и погодными условиями (сроки цветения растений, прилета и отлета птиц и др.).

* * *

Отсутствие строго правдивых книг о жизни людей в Союзе делает всех нас если не слепыми, то, во всяком случае, подслеповатыми и заставляет обращаться к личному опыту, который, как уже было сказано выше, у каждого человека весьма ограничен, ибо основательное знакомство с жизнью людей разных категорий — процесс весьма трудоемкий, который добросовестная книга и призвана заменять. К стыду своему, я, например, мало достоверного знаю и о жизни современного студенчества, и о жизни рабочих на крупных предприятиях, и о жизни зажиточных колхозников, и о жизни заключенных и мало ли еще о каких других жизнях. Думаю, что и все в аналогичном положении.

24.V

[2.] О поэзии

Существенное различие между поэзией и прозой в том, что, помимо выполнения общих требований, предъявляемых к этим формам искусства, — тщательного лексического отбора, обдуманного синтаксиса, значительности идей и образов, композиционной завершенности — поэт должен заботиться еще об эвфонии⁸³ и ритмике стиха, т[о] е[сть] о качествах, собственно, определяющих поэзию, эстетическое воздействие которой (на человека) вполне иррационально, как и воздействие музыки. Дурная эвфония и вялая ритмика стихотворения зачеркивают его право на существование, как бы ни были богаты его образы и свежи мысли.

Одинаково порочна и антитеза, т[о] е[сть] бледные мысли и бледные слова, облаченные в хорошую ритмико-эвфоническую форму. Из этого следует, что тропа поэта узка, а сам он подобен канатоходцу. Настоящий поэт должен обладать, помимо таланта, безошибочным чувством гармонии, глубоким пониманием взаимосвязи всех элементов стихотворения. Поэтому прекрасные стихи родить трудно. Зато они долголетни.

* * *

В наше время русская поэзия переживает глубочайший кризис. После смерти лунного, женственного Блока, после казни солнечного, мужественного Гумилева⁸⁴, после самоубийства громоподобного

⁸³ Э в ф о н и я (гр. *euphonia* — благозвучие, от *eu* — хорошо + *phone* — звук, голос), то же, что фónica (от гр. *phone*) — здесь: звуковая организация литературно-художественных (преимущественно стихотворных) произведений, акустические и артикуляционные свойства звуков данного языка.

⁸⁴ Гумилев Николай Степанович (1886—1921) — поэт, литературный критик, автор поэтических переводов. Родился в Кронштадте в семье морского врача. В 1906 г. окончил гимназию и уехал в Париж для продолжения обучения в Сорбонне. С 1907 г. много путешествовал, был в Италии, Африке. В

Маяковского заросли травой все три пути отечественной поэзии. (Есенина я оставляю в стороне, так как в нем необычайная одаренность совмещалась с духовной заурядностью, исключающей возможность причислить его к крупным поэтам.)

Блок умер, правда, своевременно. Нашей эпохе его поэзия просто не нужна. Лишь известный пиетет к творцу «Двенадцати»⁸⁵ дает ныне его стихам какое-то право на скромное существование. Гибель Гумилева невознагражима. Именно он, с его пушкинской ясностью, веселым бесстрашием, языческим оптимизмом мог бы стать любимым поэтом советской молодежи... Тогда говорили, что телеграмма Ленина опоздала на два часа⁸⁶. Тяжело об этом вспоминать. Несчастье. Невозвратимая утрата. Он был свободен, независим, умен и любил родину. Что связывало его с царской властью? Ничего. Дым, который рассеялся бы бесследно!

И вот нет у нас Гумилева. Одно время можно было думать, что его в какой-то мере заменит Тихонов⁸⁷, поэт, близкий Гумилеву не толь-

1908 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, с 1910 г. перешел на историко-филологический. Печататься начал с 16 лет (1902). Первые книги стихов «Пути конквистадоров» (1905), «Романтические цветы» (1908) отмечены влиянием символизма. В 1910 г. женился на А. А. Ахматовой. В 1911 г. основал «Цех поэтов», объединивший представителей акмеизма, стал идеологом и одним из ведущих представителей этого модернистского течения в русской литературе. В 1914 г. пошел добровольцем на фронт, находился в действующей армии, в 1917—1918 гг. — в Штабе русского экспедиционного корпуса в Париже. Награжден двумя Георгиевскими крестами. В Россию возвратился в начале 1918 г., жил в Петрограде. Занимался преподавательской деятельностью, был членом редколлегии издательства «Всемирная литература».

Арестован по делу т. н. Петроградской боевой организации проф. В. Н. Таганцева (известному также как «Дело Таганцева», или «Таганцевское дело»), расстрелян в районе ст. Бернгардовка в конце августа 1921 г. (точная дата не установлена, называются 23 или 25 августа) (см. об этом: *Черняев В. Ю.* Учредительное собрание или власть Советов? (Неизвестный эпизод «дела Таганцева») // *Историк и революция: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Олега Николаевича Знаменского* / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 215—223). На домах, где жил и учился Гумилев, установлены мемориальные доски.

Для творчества Гумилева характерна апология волевого начала, «сильной личности» ницшеанского толка, воспевание подвига и героизма, ретроспективизм и стремление в иные, экзотические края, декоративная изысканность поэтического языка (сб. «Костер», 1918; «Огненный столп», 1921). Некоторые черты его творчества оказали влияние на Н. С. Тихонова, Э. Г. Багрицкого (настоящая фамилия Дзюбин) и других советских поэтов-романтиков.

⁸⁵ Поэма А. А. Блока (1880—1921) «Двенадцать» (1918) — первая в советской литературе поэма об Октябрьской революции, осмысление которой в том же году нашло отражение также в блоковской статье «Интеллигенция и Революция».

⁸⁶ Факт запоздавшей отмены Лениным расстрела Гумилева не установлен. По-видимому, это распространенная легенда.

⁸⁷ Тихонов Николай Степанович (1896—1979) — писатель, поэт, общественный деятель, председатель Советского комитета защиты мира, член ВСМ, депутат ВС СССР. Из мещан. Окончил Петербургскую торговую школу (1911). С

ко по характеру и жизнеощущению, но и по стилистическим приемам. Правда, более узкий и менее культурный, но столь же одаренный и требовательный к себе. После появления замечательных «баллад» от Тихонова можно было ожидать многого. Но он, написав еще несколько десятков хороших, но уже менее сильных стихотворений, занялся переводами, общественной деятельностью и постепенно как крупный художник сошел на нет. Его «французские» и «югославские» стихи — лишь слабая тень былой силы и выразительности. Почему все так произошло, понять не очень легко.

[25.V не писал.]

26.V

Маяковский был подлинным поэтом революции, ибо влил новое вино в новые мехи, т[о] е[сть] не только создал новые мысли, но и нашел для них новую форму. Его своеобразие, страстность, одаренность, мастерство, редкая трудоспособность в соединении с настоящим демократизмом и сознательной преданностью советскому социализму обеспечили ему место и значение первого поэта эпохи. В области формы Маяковский резко порвал с традициями и строем русской поэзии. Выйдя из рамок тонико-силлабической⁸⁸ системы, стих Маяковского потерял плавность и «музыкальность», но зато приобрел редкую силу и выразительность. Он компактен, упруг и стремителен. Вместе с тем он близок к истокам народной поэзии, так как, несомненно, ведет свое происхождение от райка⁸⁹. Вот мысль, которая, кажется, еще никем не была высказана! А ведь это тема для целого исследования!

1915 г. участвовал в Первой мировой войне (был гусаром), в 1918—1922 гг. служил в Красной Армии. После демобилизации жил в Ленинграде. В 1920—1930-е гг. совершил творческие поездки по Грузии, Армении, Средней Азии. Во время Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. руководил работой писателей при газете «На страже Родины». Во время Великой Отечественной войны возглавлял в блокадном Ленинграде группу писателей при Политуправлении Ленфронта.

После войны участвовал в международном движении борьбы за мир, совершал в зарубежные страны поездки, получившие заметное отражение в его творчестве. На творчество раннего Тихонова, для которого характерно «восхищение перед людьми большой воли, перед героями» (М. Горький, 1923) оказала влияние поэзия Н. С. Гумилева.

⁸⁸ Так в тексте. Следует читать: «силлаботонической».

⁸⁹ Р а ё к — древнейшая форма русского народного дисметрического стиха со смежными рифмами, определяемого интонационно-фразовым и паузным членением. Был распространен в русской поэзии XVII—XVIII вв. в балаганских прибаутках комического характера на ярмарках и народных гуляньях, в народных драмах и подписях под лубочными картинками. Пришедший из раёшной, балаганной, лубочной народной поэзии, *акцентный (тонический) стих (ударник)* употребляем в русской литературной поэзии с начала XX в.

* * *

Как это ни парадоксально, но в советской поэзии громадная фигура Маяковского одинока. Он создал много стихотворений, начиненных взрывной силой снаряда, но не создал школы. Стилистические задачи, которые он сам себе ставил и так блестяще разрешал, оказались не по плечу менее крупным дарованиям. Блестящая и сложная инструментовка Маяковского — плод непрерывных поисков и отточенной техники — оказалась недостижимой для поэтов, которые, быть может, и хотели бы пойти по дороге, указанной новатором. А в богатой инструментовке Маяковского — главная *формальная* ценность его стиха. Лишенный этого блеска, он тотчас потускнел бы. Стих Маяковского не мелогеничен⁹⁰. Его нельзя петь.

* * *

27.V

Узнает ли когда-нибудь мир правду о самоубийстве Маяковского?

* * *

Из звезд 2-й величины, загоревшихся еще до революции, сохранились в СССР только Ахматова и Пастернак. Оба они попали под удар⁹¹. Ахматова 20 лет молчала, но когда заговорила, то оказалось,

⁹⁰ Мелогеничность (от гр. *melos* — песнь, пение, напев, мелодия + *genes* — рождающий, рожденный) — по-видимому, неологизм С. А. Кондратьева (по аналогии с *фотогеничностью* — наличием внешних данных, благоприятных для кино- или фотовоспроизведения), синонимичный существующему понятию *мелодика стиха* — интонационная организованность стиха, движение (повышение и понижение) голоса в поэтической речи, передающее ее интонационно-смысловые оттенки.

⁹¹ Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14 августа 1946 г. и доклад А. А. Жданова, опубликованный в «Правде» 21 сентября 1946 г., открыли идеологические кампании 1946—1948 гг. по преследованию деятелей советской культуры. Они обрушились с критикой на М. М. Зощенко и А. А. Ахматову, чье творчество было квалифицировано как «аполитичное», а сами они — как «несоветские писатели». За рассказ «Приключения обезьяны» (Звезда. 1946. № 5—6) Зощенко был причислен к «пошлякам и подонкам литературы».

Ахматова Анна Андреевна (наследственная фамилия Горенко, 1889—1966) названа в Постановлении типичной представительницей «чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии», пропитанной духом «упадничества». В докладе Жданова говорилось, что диапазон поэзии Ахматовой «до убожества ограничен», это поэзия «взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной», а сама поэтесса — «Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой» (Доклад т. Жданова в журналах «Звезда» и «Ленинград»: Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. [Б. м.], 1946. С. 13). Отмечая в этих документах своеобразие партийной инвективной лексики и богатство бранных эпитетов, уточним, что оскорбительный термин «блудница» Жданов позаимствовал у самой Ахматовой, использовавшей его как самохарактере-

что за это время она ничему не научилась. Осуждать ее трудно, но удивляться можно. Пастернаку, по-моему, попало за дело. Нельзя безнаказанно превращать стихотворения в ребусы. У этого поэта какое-то необъяснимое отвращение к «прекрасной ясности».

О размерах дарований и возможностях всех остальных здравствующих ныне поэтов и поэтесс судить трудно, так как все они ограничены и в выборе тем, и в выборе средств. Круг тем сужается с каж-

ристику литературной героини стихотворения от 1 января 1913 г., начинающегося словами: «Все мы бражники здесь, блудницы» (*Ахматова А. Исповедь. Семь поэтических книг. СПб., 2001. С. 30*).

Журнал «Звезда» был обруган за «дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада», ЦК постановил прекратить доступ в него произведениям Зощенко, Ахматовой «и им подобных»; журнал «Ленинград» был закрыт. В 1988 г. ЦК КПСС отменил это постановление (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М., 1954. Ч. 3. С. 485—488; Хрестоматия по истории КПСС. Т. 2: 1925—март 1985 г. М., 1989. С. 343—347).

А. А. Ахматова впоследствии не раз вспоминала в своих стихах августовское (1946 г.) Постановление: через 10 лет в стихотворении «Сон» (от 14 августа 1956 г.) она упоминает «годовщину страшную», в стихотворении «Любовная» (1956) пишет: «Ровно десять лет ходила / Под наганом. <...> А за мной худая слава / Шелестела» (*Ахматова А. Указ. соч. С. 186, 193*).

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — писатель, сын академика живописи Л. О. Пастернака. Автор романа «Доктор Живаго», в котором он отрицал революционное насилие как средство. Его концепция искусства не терпела социального заказа, расходилась с требованиями времени, с чем был связан его уход в область перевода (с английского, французского, немецкого языков) произведений У. Шекспира, И. В. Гёте, П. Верлена, грузинских поэтов.

30 декабря 1942 г. А. А. Фадеев в своем докладе в ССП подверг критике Н. Н. Асеева, М. М. Зощенко, И. Л. Сельвинского, К. А. Федина и Б. Л. Пастернака за «идеологическое искривление». Фадеев, воспрепятствовав публикации поэмы Пастернака «Зарево» в газете «Правда» и журнале «Знамя», фактически вычеркнул Пастернака из кандидатов на Сталинскую премию, в число которых он был выдвинут в 1942 г. за свои переводы Шекспира. Критика Фадеева была также ответом на возникший в это время интерес к творчеству Пастернака в Англии. Интерес к Пастернаку на Западе продолжал вызывать нападки на него со стороны руководства ССП и в дальнейшем, особенно после того, как с 1946 г. его кандидатура ежегодно выдвигалась на Нобелевскую премию.

После постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» Пастернак (в этом и в последующих постановлениях по идеологии он не назван) был выведен из состава правления ССП, в который входил с 1934 г. В конце 1940-х гг. с обвинениями творческого и политического характера в адрес Пастернака выступали поэт и общественный деятель А. А. Сурков, литературовед и критик Л. А. Плоткин и др. Его обвиняли в «несоветскости», ходили упорные слухи о его аресте...

В 1957 г. роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» был опубликован за рубежом (в СССР — в 1988 г.), ему присудили Нобелевскую премию. В 1958 г. Пастернак был исключен из Союза писателей, он написал письмо в «Правду» (6 ноября 1958 г.) и отказался от Нобелевской премии (*Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989. С. 594, 596, 602; Он же. Борис Пастернак: Биография. М., 1997. С. 590, 603, 610—611, 619, 625—626, 636*); Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 617—621).

дым годом, в то время как число людей, умеющих грамотно писать стихи, сильно возросло. Следствие — потоки однородной рифмованной прозы, в которой поэзия — редкий, случайный гость. Даже невинная, т. н. «чистая» лирика и та оказалась под обстрелом. Пропандируемые жанры поэзии — ода и дифирамб, если речь идет о Советском Союзе, или памфлет, если речь идет о Западе. Стихи в большинстве плакатны и перегружены истертой риторикой. Светлые мысли, свежие образы и свежие слова, без которых поэзия существовать не может, встречаются как исключение. В широчайшем масштабе применяется известный рецепт Остапа Бендера⁹².

Под лозунгом «демократичности» и «доступности» поэзия движется вспять, пренебрегая многообразными завоеваниями русского стиха и ограничиваясь избитыми стандартными приемами. При этом и наиболее трафаретные в русской поэзии размеры трактуются весьма убого. Поэтикой из осторожности больше не занимаются, очевидно, считая, что учение о форме и формализм — одно и то же. Единственное закономерное и, следовательно, прогрессивное явление, развивающееся на наших глазах, — раскрепощение рифмы — большинство поэтов понимается как оправдание плохих, бедных созвучий, что ленивому, конечно, только на руку.

Весь этот печальный процесс деградации искусства протекает безнаказанно, очевидно, только потому, что среди власть имущих людей нет в настоящее время человека, подобного, скажем, Луначарскому, который разобрался бы в вопросе и согнал поэтов с линии наименьшего сопротивления. Голос ССП слишком слаб, да и звучит ли этот голос? Слишком много равнодушных виршей проникает в печать с ведома старейшин цеха.

1. VI

[За время с 28 по 31.V не писал, т[ак] к[ак] отвлекали разные обстоятельства. Довольно много сочинял, изрядное время потратил на переписку нот, продвигал (довольно безуспешно) разные произведения в разных учреждениях. Дожил до того, что и меня причислили к формалистам. В № 3

⁹² Имеется в виду изобретенный О. Бендером «Торжественный комплект. Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей» в двух разделах, который, по его словам, «избавляет от необходимости ждать, покуда вас окатит потный вал вдохновения». С помощью этого «Комплекта» могут быть сочинены стихотворения, «романы, повести, поэмы в прозе, рассказы, бытовые зарисовки, художеств[енный] репортаж, хроника, эпопея, пьесы, политобозрения, игра в политфанты, радиооператории и т. д». (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Курск, 1958. С. 588—589, 591).

Т р о п а р ь (позднегр. *troparion*) — церковные песнопения и молитвенные стихи в честь православного праздника или святого.

«Советской музыки» появилась статья за подписью 3 студентов ВДНТ⁹³, дискредитирующая всю мою работу в области русской песни⁹⁴. По собственной инициативе эти малоизвестные люди, конечно, не могли бы написать такой opus. Чья рука направляла их — не знаю. Думаю, что Гиппиус⁹⁵. Статья является хорошим образцом т. н. «заушательской» критики. Она вызвала только чувство гадливости, но не огорчила.

В эти же дни был в гостях у Маршака⁹⁶, где Ел. Як. опять с поразительной силой спела «Вересковый мед». Маршак долго и вдохновенно чи-

⁹³ В Д Н Т — Всесоюзный Дом народного творчества им. Н. К. Крупской в Москве. Основан в 1936 г., с 1956 г. стал Центральным (ЦДНТ).

⁹⁴ В разделе «Нотография и библиография» этого номера напечатана критическая рецензия на его работу «Русские народные песни в обработке для голоса с фортепиано» (В 4 тетрадях. М.; Л., 1944—1947). В статье после слов «Надо сказать резко и прямо» ее авторы (А. Големба, П. Милославов и П. Полуянов) обвиняли Кондратьева в формализме, надуманности, натурализме, искажении песенного образа, игнорировании подлинного народного многоголосия («Слушал и не услышал»), использовании скудных, формалистических схем и даже — приемов джазовой музыки. Кондратьевым якобы были выбраны «отмирающие, унылые песни», которые в его обработке приобретают «гнетущий, мрачный оттенок». Отрицательная рецензия завершалась апелляцией к музыкальной общественности («Самодельные коллективы заявляют, что они „не верят“ песням в обработке Кондратьева») с призывом осудить проявление формализма «на столь ответственном участке, как обработка народной песни...» (Советская музыка. 1949. № 3. С. 108—109).

⁹⁵ Г и п п и у с Е в г е н и й В л а д и м и р о в и ч (1903—1985) — музыковед и фольклорист. Доктор искусствоведения (1958), профессор. С 1926 г. специализировался в области собирания и изучения народной музыки, поэзии и танца. Участвовал в фольклорных экспедициях в Армении (1927—1928), Белорусском Полесье, на русском Севере, в Центральной России (1934—1935). Исследователь музыкального фольклора ленинградских и московских цыган (1932—1934), народов Сибири, угро-финских и тюркских народов (1934—1939), русского рабочего фольклора и революционных песен, фольклора международного рабочего движения (1959—1970). Основатель и старший научный сотрудник (1927—1943) Фонограммархива АН СССР в Ленинграде, заведующий кафедрой народной музыки Ленинградской (1939—1941) и Московской (1944—1949) консерваторий. Старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР (1944—1952) и Института истории искусств Министерства культуры СССР (ныне ВНИИ искусствоведения) в Москве (1959—1963).

Автор книги «„Эй, ухнем, дубинушка“: История песен» (М., 1962), редактор сборника «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (В 2 т. М., 1980—1981).

⁹⁶ М а р ш а к С а м у и л Я к о в л е в и ч (1887—1964) — поэт, лауреат Ленинской премии (1963). Родился в семье техника-мастера на химических заводах. В 1924—1925 гг. возглавил журнал «Новый Робинзон». Автор широко известных детских стихотворений «Дом, который построил Джек», «Детки в клетке», «Сказка о глупом мышонке» и стихотворных книг («Мистер Твистер», 1933; «Почта военная», 1944; «Быль-небылица», 1947; и др.), драматургических произведений («Двенадцать месяцев», «Кошкин дом»), лирики, сатиры, переводов.

С. А. Кондратьев был у С. Я. Маршака в воскресенье 29 мая 1949 г. Поэт подарил гостю вышедший за год до этого сборник собственных переводов сонетов Шекспира (М., 1948) с дарственной надписью: «Дорогому Сергею Александровичу Кондратьеву — с искренним уважением — С. Маршак 29/V. 1949 г». (хранится в домашнем архиве племянницы С. А. Кондратьева — Н. Н. Сафоновой (Павловой)).

тал нам стихи — личную лирику, переводы Шекспира, Бернса, белорусских поэтов. Он настоящий большой художник. У меня было такое чувство, как будто принял душевную ванну. Из композиторов, помимо меня, был Мильман ⁹⁷. Хороший музыкант!]

В пустынном ландшафте советской поэзии есть два отрядных оазиса: стихи для детей и поэзия нацменьшинств. В последней много свежих образцов и новых формальных приемов. Русские поэты много потрудились над переводами и добились большого успеха.

Поэзия для детей выросла и качественно и количественно. Этим она обязана, прежде всего, Маршаку, который не только предъявил высокие требования к этой ветви искусства, но и сумел неустанно осуществлять их. Ввиду этого писать детские стихи небрежно оказалось уже более невозможным. Аналогичную работу проделал и Чуковский. По ним равняются теперь и более молодые поэты — Барто, Михалков ⁹⁸ и другие.

Так как голой риторикой детей не привлечешь, то оказалось возможным писать для них и более разнообразно, и более занимательно, чем это делается для взрослых.

* * *

В связи с переводческой работой наших поэтов необходимо еще отметить выдающиеся заслуги Маршака. Его переводы Бернса, Шекспира и других англ[ийских] поэтов поистине превосходны и получили широкое признание в обеих странах.

Когда я спросил Маршака, почему он уделяет так много внимания переводам в ущерб личной лирике, поэт ответил мне уклончиво. Но

⁹⁷ Петкер Е. Я. — см. коммент. 30; «Вересковый мед» — см. коммент. 37; Мильман М. В. — см. коммент. 38.

⁹⁸ Барто Агния Львовна (1906—1981) — поэтесса, писала для детей. Лауреат Сталинской премии (1950). Родилась в семье ветеринарного врача. Начала печататься в 1925 г. (книга стихов «Китайчонок Ван Ли», «Мишка-воришка»). Автор многих сборников стихов («Я живу в Москве», 1947; «Веселые стихи», 1948; и др.), сценариев для детских кинофильмов («Подкидыш», 1939; «Алеша Птицын вырабатывает характер», 1953).

Михалков Сергей Владимирович (р. 1913) — детский писатель и поэт. Начал печататься в Пятигорске в 1928 г. в журнале «На подъеме» и в газете «Терек». Трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1950), член-корреспондент АПН СССР (1965). В 1930 г. переехал в Москву, начал учиться в Литературном институте им. М. Горького. В 1935 г. в журнале «Пионер» опубликовал первое стихотворение для детей «Три гражданина». Высокую оценку его детских стихов дал А. А. Фадеев. В годы войны Михалков работал в газете «Во славу Родины», затем в центральной газете ВВС Красной Армии. Автор детских стихотворений («А что у вас», «Светлана», «Дядя Степа» и др.), пьес для детского театра («Том Кэнти», 1938; «Я хочу домой», 1949; «Зайка-заснайка», 1951), слов гимнов СССР (в соавторстве с Г. А. Эль-Регистаном, 1944; новая редакция — 1977) и РФ (2000).

когда вслед за этим он прочитал около десятка своих стихотворений на тему о лесонасаждении, скучных, несмотря на образцовое мастерство, — разница между «утилитарным» творчеством и непринужденным выбором темы оказалась столь наглядной и выразительной, что я пожалел о напрасно заданном вопросе.

Конечно, было бы неверно утверждать, что в произведениях наших талантливых поэтов все серо и скучно. Нет! У Щипачева, Исаковского, Симонова, Шубина, Недогонова, Грибачева⁹⁹ и других по-

⁹⁹ Щипачев Степан Петрович (1898—1979) — поэт. Окончил литературное отделение Института красной профессуры (1934). Дважды лауреат Сталинской премии (1949, 1951). Родился в дер. Щипачи в семье крестьянина. Рано осиротел, с 9 лет работал батраком, рабочим на приисках. Весной 1917 г. был призван в армию. Начал печататься в местных газетах и листовках. Первые сборники его стихов («По курганам веков», 1923; «Одна шестая», 1931; «Наперекор границам», 1932) во многом декларативны. В 1920—1939 гг. публиковался в журнале «ЛОКАФ» (позднее — «Знамя»). В годы войны — сотрудник фронтовой печати. Автор сборников «Фронтовые стихи» (1942), «Стихотворения» (1948), поэмы «Павлик Морозов» (1950), прозаической повести о детстве «Березовый сок» (1956) и др.

Исаковский Михаил Васильевич (1900—1973) — поэт, автор песен. Родился в дер. Глотовка Ельнинского уезда в бедной крестьянской семье. Редактор газеты в г. Ельне с 1919 г., в 1921 г. переезжает в Смоленск, в течение 10 лет сотрудничает с газетой «Рабочий путь». Его книга «Провода в соломе» (М., 1927) была тепло встречена М. Горьким. В творчестве Исаковского большое место занимает тема минувшей войны: стихи «Русской женщине», «Слово о России», военные песни «До свиданья, города и хаты», «В прифронтовом лесу», «Огонек».

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979) — писатель, поэт, дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1943). Член ВКП(б) с 1942 г., кандидат в члены ЦК КПСС (1952—1956), депутат ВС СССР. Окончил семилетку и ФЗУ в Саратове, до 1935 г. работал токарем, окончил Литературный институт им. М. Горького (1938). Печататься начал с 1934 г. (фрагменты поэмы «Беломорец»). В 1937—1939 гг. опубликовал поэмы «Победитель» (о Н. А. Островском), «Ледовое побоище», «Суворов», сборники стихов «Настоящие люди», «Дорожные стихи» и др. В 1939 г. работал в армейской газете в районе боев на Халхин-Голе (Монголия). В годы Великой Отечественной войны корреспондент газеты «Красная Звезда». Автор пьес «История одной любви» (1940), «Парень из нашего города» (1941), «Русские люди» (опубликовано в «Правде» в 1942 г.). Наиболее известное стихотворение Симонова — «Жди меня» (1941).

Шубин Павел Николаевич (1914—1951) — поэт. Родился в Чернавске Елецкого уезда Орловской губернии. Окончил ЛГПИ им. А. И. Герцена (1938). Автор стихов к песне А. Н. Вертинского «Аленушка».

Недогонов Алексей Иванович (1914—1948) — поэт. Учился в Литературном институте им. М. Горького (1935—1939). Печататься начал в 1934 г. В 1939—1946 гг. служил в армии, участник Великой Отечественной войны. Автор пейзажных стихов, военной лирики, поэмы «Флаг над сельсоветом» (1947). Первая книга стихов «Простые люди» (1948) вышла после безвременной смерти поэта.

Грибачев Николай Матвеевич (р. 1910) — писатель, дважды лауреат Сталинской премии (1947, 1948). Член ВКП(б) с 1943 г., кандидат в члены ЦК КПСС (1961), депутат ВС РСФСР. Родился в крестьянской семье. Первый сборник стихов — «Северо-Запад» — опубликовал в 1935 г. В годы войны воен-

этов можно найти выразительные образы, стихи и даже целые строфы. Но они тонут в море стандартной риторики. О стихотворениях менее одаренных поэтов и говорить не приходится. Все больны одной болезнью.

Ее симптомы — ограниченность тематики, однообразие формальных приемов, скудость образов, бедность словаря.

4. VI

[2-го и 3-го не писал — не было времени сосредоточиться.]

[3.] О музыке

Музыка — вид искусства, наиболее трудный для понимания и рациональной аналитической оценки. Поэтому он долгое время ускользал от политического контроля. Первый удар разразился в 1936 году над «Катериной Измайловой» — оперой Шостаковича, которая очень не понравилась «наверху», и поэтому немедленно подверглась в прессе и «общественном мнении» жестокому разгрому¹⁰⁰. Многочислен-

ный корреспондент. Главный редактор журнала «Советский Союз» (1950—1954). Автор ряда поэм («Путь вперед», «Колхоз „Большевик“» и др.), сборника прозы «Августовские звезды», статей по вопросам литературы (кн. «Полемика», 1963).

¹⁰⁰ Премьера оперы Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», литературной основой которой послужил одноименный очерк Н. С. Лескова, состоялась в Ленинграде 22 января 1934 г. Опера имела большой успех, получила восторженные рецензии в советской и зарубежной прессе, была поставлена в нью-йоркском театре «Метрополитен-опера» (дир. Артур Родзинский).

28 января 1936 г. в «Правде» была опубликована инспирированная И. В. Сталиным неподписанная редакционная статья «Сумбур вместо музыки» с беспощадной критикой оперы. Музыка в ней, по словам «Правды», звучит «грубо, примитивно, вульгарно», «ухает, крикает, пыхтит и задыхается» (цит. по: Письма к другу. С. 121). После этого в Ленинграде состоялось лишь одно представление «Леди Макбет» с небольшими купюрами (дир. С. А. Самосуд). В Москве, Ленинграде и других крупных городах музыкальная общественность осуждала оперу и другие произведения Шостаковича. По данным НКВД, фиксировавшего высказывания и настроения населения, большинством советских писателей и музыкантов статья была встречена положительно. Были и другие оценки: например, поэт П. Г. Антокольский отмечал, что в музыкальных кругах настроение очень мрачное.

Встречи Шостаковича в Москве с председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР П. М. Керженцевым (Лебедевым), который настоятельно рекомендовал 29-летнему композитору признать ошибки, допущенные в опере по молодости, и маршалом М. Н. Тухачевским, написавшим Сталину письмо в поддержку Шостаковича (ответа на это письмо он не получил), уже ничего не могли изменить. Приговор «Правды» обрек композитора на полуторалетнее творческое молчание, а в отношении оперы «Леди Макбет» — действовал более четверти века.

Провозглашенный в 1932 г. принцип социалистического реализма предусматривал в художественном произведении наличие и торжество положительных героев. В опере же Шостаковича «Леди Макбет» (и в ее литературном первоисточнике) таковых не было вовсе, а жалость и сострадание вызывали лишь каторжники. В условиях крепнущего в стране ГУЛАГа это было двусмысленно и недопустимо. Цензурное неудовольствие могло вызвать также одно неуважительное по отно-

ные заседания того времени в Союзе композиторов, посвященные шельмованию «Катерины Измайловой», запомнятся в истории отечественной музыки как образцовый парад лицемеров¹⁰¹. И в самом деле,

шению к предшественникам ВКП(б) замечание Н. С. Лескова о легкодоступной арестантке Фионе: «Такие женщины очень высоко ценятся в разбойничьих шайках, арестантских партиях и петербургских социально-демократических коммунах» (*Лесков Н. С. Леди Макбет Мценского уезда: Очерк // Сочинения: В 3 т. Т. 1: Повести и рассказы; Соборяне / Всупит. ст., сост. и коммент. В. Туниманова. М., 1988. С. 85*).

Статья «Сумбур вместо музыки» фактически стала манифестом сталинского «большого стиля» в музыкальном искусстве. Сформулированные в ней обвинения в формализме и натурализме на десятилетия закрепились как идеологические клише, сохранившиеся в лексике партийно-идеологических документов до 1980-х гг.

Достоверных сведений об авторстве этой неподписанной редакционной статьи нет, но существуют три версии, согласно которым ее автором является: 1) секретарь и член ЦК ВКП(б), секретарь Ленинградских обкома и горкома партии А. А. Жданов (вспомним, что до войны Д. Д. Шостакович был ленинградцем); 2) Виктор Городинский, в 1936—1937 гг. член редколлегии газеты «Комсомольская правда», вхожий к Сталину; позднее он утверждал, что статья была продиктована ему «сверху», или 3) председатель Комитета по делам искусств, партийный историк и журналист П. М. Керженцев. (Если верно последнее, любопытным представляется эпизод обращения к нему Шостаковича за поддержкой, закономерным — совет Керженцева.)

Какова степень участия Сталина в подготовке статьи «Сумбур вместо музыки»? Существует мнение, что в ее основу легли положения и оценки самого Сталина, который хотел, чтобы композиторы сочиняли, а музыканты исполняли «явную и понятную» народу музыку. Вероятно, он или дал Керженцеву (либо другому автору) основополагающие тезисы и формулировки (возможно, и само название статьи), или внес правки в подготовленный текст. Советский партийный и государственный деятель, член ЦИК СССР Б. З. Шумяцкий (расстрелянный в 1938 г.) утверждал, что 29 января 1936 г. (назавтра после публикации «Сумбура...») Сталин в беседе с ним свободно употреблял те же термины, что и в указанной статье «Правды». Во всяком случае, подобный установочный идеологический документ не мог быть создан и ширококатолично опубликован без участия Сталина или без согласования с ним.

После выхода в свет статьи «Сумбур вместо музыки» Шостакович больше опер не писал, а был вынужден, наряду с созданием симфонических произведений, усиленно работать над киномузыкой. В 1940 г. его, первого среди композиторов, наградили орденом Трудового Красного Знамени (за музыку к кинофильму «Великий гражданин» о С. М. Кирове), в 1941 г. тоже первым среди коллег он был удостоен Сталинской премии 1-й степени (Радиостанция «Свобода». 24.02.2002 г.).

¹⁰¹ В феврале 1936 г. в Союзе композиторов в Ленинграде на ул. Зодчего Росси состоялось многодневное обсуждение опубликованной в «Правде» статьи «Сумбур вместо музыки». Руководили проработкой секретарь Союза композиторов В. Е. Иохельсон и его помощник (Иохельсон был слабовидящим) Л. Круц. Д. Д. Шостакович был обвинен в формализме, критике подверглись и его ранние произведения — опера «Нос», Вторая и Третья симфонии. Осудительная по отношению к Шостаковичу и его творчеству резолюция была принята почти единогласно (воздержался композитор В. В. Щербачев). Отчеты об этом собрании, на котором присутствовал корреспондент «Правды», ежедневно публиковались в этой центральной газете. Сам Шостакович на время проработки уехал в Москву. Кампания травли Шостаковича прошла по всей стране, многие говорили о «зака-те и конце» молодого композитора.

эта опера едва ли не самое лучшее сочинение Шостаковича. Оно блещет дерзкой смелостью, новизной замыслов и необыкновенно выразительной музыкальной драматургией. Другое дело, что ее нельзя назвать нравственно полезной, но в этом виноват сюжет, а вовсе не музыка, которую после известной статьи в «Правде» принялись нещадно ругать все образованные и необразованные подхалимы. Поддавшись увлечению фабулой «Леди Макбет», композитор проявил детскую непредусмотрительность, которую, впрочем, продемонстрировали и многие вполне зрелые люди, например, постановщик оперы Вл. Ив. Немирович-Данченко¹⁰².

Мрачный, болезненный и фантастический сюжет мастерской новеллы Лескова, конечно, не мог создать почвы для здорового произведения в духе социалистического реализма, и катастрофа разразилась.

Теперь посмотрим, что произошло дальше, не отпуская Шостаковича, так как судьба его произведений в высокой степени поучительна. Одновременно с «Катериной Измайловой» был дискредитирован «заодно» и балет «Светлый ручей»¹⁰³ того же автора, по причинам, не вполне ясным и, во всяком случае, к незамысловатой и легкой его музыке отношения не имеющим. Вполне понятно, что после этого композитор охладел к театральной музыке и переключился на симфоническую¹⁰⁴.

¹⁰² Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — режиссер, видный театральный деятель, критик, писатель, драматург, педагог. Народный артист СССР (1936). В 1876—1879 гг. учился на физико-математическом факультете Московского университета. В 1870-х гг. начал выступать в качестве театрального критика. Прозаические произведения отмечены влиянием А. П. Чехова. Совместно с К. С. Станиславским основал в 1898 г. Художественный общедоступный театр в Москве (с 1919 г. МХАТ). Ставил вместе со Станиславским некоторые пьесы Чехова: «Чайка» (1898), «Дядя Ваня» (1899), «Вишневый сад» (1904), осуществил постановки русской классической драматургии: «Гроза» (1935), «Горе от ума» (1938), «Враги», «Три сестры». Автор московской постановки оперы Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова»).

¹⁰³ Через 9 дней после публикации статьи «Сумбур вместо музыки» в той же газете «Правда» 6 февраля 1936 г. появилась очередная редакционная статья — «Балетная фальшь» — с критикой исполнявшегося с большим успехом в Большом театре в Москве балета Д. Д. Шостаковича «Светлый ручей». Большого резонанса она не имела, но тщательно изучалась в музыкальных, главным образом балетных кругах.

¹⁰⁴ После двух ругательных передовых статей «Правды» в начале 1936 г. и кампании травли Д. Д. Шостаковича, развернувшейся по всей стране, от композитора ожидали покаяния, но вместо этого он написал Четвертую симфонию. Осенью того же года намечалась ее премьера, но на одну из репетиций в Ленинграде, где тогда жил композитор, явились секретарь Союза композиторов В. Е. Иохельсон и представитель Смольного Я. Смирнов. После беседы с ними и по настоятельной просьбе директора Ленинградской филармонии И. М. Рензина композитор был вынужден отказаться от ее исполнения. В 1956 г. он сам указывал на ее недостатки: страдает «манией грандиоза». Премьера Четвертой симфонии состоялась

И вот что произошло: 5-я симфония — первое крупное произведение Шостаковича после «Леди Макбет» — была поднята на щит и увенчана потоками дифирамбов; 6-я симфония — замолчана; 7-я симфония, написанная композитором в осажденном Ленинграде, вызвала в прессе бурю восторгов; 8-я — была замолчана.

В связи с этим у обывателя могло возникнуть представление, что нечетные симфонии композитор пишет удачно, а четные — плохо. Но 9-я симфония разрушила эту концепцию; она не получила похвальных отзывов¹⁰⁵. Самое замечательное во всей этой фантазмагии то, что для беспристрастного слушателя музыка «Катерины Измайловой»

только через четверть века после ее создания — 30 декабря 1961 г. (за год до возобновления «Катерины Измайловой») в Большом зале Московской консерватории (дир. К. П. Кондрашин) (Письма к другу. С. 12, 13).

¹⁰⁵ Ленинградская премьера Пятой симфонии состоялась 21 ноября 1937 г. в Большом зале Ленинградской филармонии, Шестой — 5 ноября 1939 г. в Москве (обеими дирижировал Е. А. Мравинский). 16 сентября 1941 г. по Ленинградскому радио выступил Д. Д. Шостакович: «Час тому назад я закончил партитуру второй части моего нового большого симфонического сочинения. Если это сочинение мне удастся написать хорошо, удастся закончить третью и четвертую части, то тогда можно будет назвать это сочинение Седьмой симфонией...» (цит. по: *Лукинский Б. К.* 1000 вопросов и ответов о Ленинграде. Л., 1981. С. 399). 1 октября 1941 г. композитор выехал из Ленинграда. В начале 1942 г. он закончил Седьмую симфонию в эвакуации в Куйбышеве, назвав ее «Ленинградской». Еще до премьеры, 13 февраля 1942 г., в «Правде» была опубликована статья А. Н. Толстого «На репетиции Седьмой симфонии Шостаковича», перепечатанная многими газетами. 5 марта 1942 г. в Куйбышеве состоялась премьера симфонии (дир. С. А. Самосуд), которая транслировалась всеми радиостанциями Советского Союза. 29 марта прошла премьера в Москве, 22 июня, в Ташкентской консерватории, 19 июля — в Нью-Йорке (дир. Артуро Тосканини). В начале августа партитура симфонии была доставлена на самолете в осажденный Ленинград, по решению Политуправлений Ленфронта и Балтфлота, к оркестру Радиокомитета на время репетиций и исполнения Седьмой симфонии были прикомандированы находившиеся в войсках музыканты. Она была исполнена в блокированном городе 9 августа 1942 г. в Большом зале Ленинградской филармонии (дир. К. И. Элиасберг). Чтобы обезопасить город во время концерта от вражеских артобстрелов, по приказу командующего Ленфронтом дальноточные орудия произвели мощный огневой налет по неприятельским позициям. Симфония транслировалась по радио, ее слушали бойцы на фронте, принимали во многих странах. Премьера Восьмой симфонии состоялась 4 ноября 1943 г. в Москве (дир. Е. А. Мравинский).

Премьера Девятой симфонии прошла в день рождения композитора — 25 сентября 1945 г., он сыграл ее в ленинградском Союзе композиторов. Симфония вызвала недовольство, в том числе у Б. В. Асафьева. После известного постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14 августа 1946 г. и опубликованного в «Правде» 21 сентября 1946 г. доклада А. А. Жданова с критикой М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой кампания идеологической критики настигла и музыкантов. 20 сентября 1946 г. в своей статье в газете «Советское искусство» музыковед А. С. Оголевец выступил с критикой выдающихся музыкантов. 30 сентября 1946 г. начал свою работу расширенный пленум Оргкомитета Союза советских композиторов. К его открытию была приурочена опубликованная в тот же день в газете «Культура и жизнь» отрицательная рецензия музыковеда И. В. Нестьева на Девятую симфонию Шостаковича.

и последующих 4 симфоний (9-я требует оговорок) вполне однородна и никак не может, следовательно, вызывать столь противоречивых оценок. Разница лишь в нюансах, а не в существе.

5. VI

Отсюда следует, что критика указанных произведений Шостаковича была чрезвычайно легковесной и не затрагивала музыки *по существу*, рассматривая лишь, и притом очень поверхностно, схематичную программность этих сочинений. Но критика такого рода ни слушателю, ни композитору пользы принести не может. Она бесплодна.

* * *

Во время войны сильным мира сего заняться вопросами искусства в широком масштабе было некогда. К этой задаче партия и правительство приступили в 1946 году, последовательно проведя три кампании на темы о литературе, музыке и драматургии. Попутно были затронуты и кино, и живопись, и архитектура, и даже хореография¹⁰⁶.

Кампания в музыке была открыта в конце 1947 года и после многодневной дискуссии, под председательством А. А. Жданова, вылилась в широко известное постановление ЦК от 10.02.1948 г[ода]¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Имеются в виду четыре печально известных постановления ЦК ВКП(б) «по культуре»: «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме „Большая жизнь“» (1946) и «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели» (1948), в которых были осуждены проявления «формализма, пессимизма и аполитичности» (а заодно и те, кто их «допускал») в советском искусстве, содержались призыв следовать методу социалистического реализма и требование повышения идейно-художественного уровня литературы и искусства (см.: О партийной и советской печати: Сб. документов. М., 1954. С. 564—568, 568—572, 573—576, 590—595).

¹⁰⁷ В 1947 г. подверглась гонениям и была снята с репертуара Ленинградского государственного академического Малого театра оперы и балета (МАЛЕГОТа) вторая половина оперы Д. Д. Шостаковича «Война и мир», возобновленная этим театром только весной 1955 г. (Первая ее половина была с успехом поставлена МАЛЕГОТом в 1946 г.) Для композитора 1936 г., а особенно осень 1947—весна 1948 г., — самое тяжелое время идеологических гонений.

Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г. подвергло разгромной критике В. И. Мурадели, Н. Я. Мясковского, С. С. Прокофьева, А. И. Хачатуряна, Д. Д. Шостаковича и других ведущих композиторов. Их творчество было отнесено к «антинародному» направлению, а подвергшаяся нападкам музыка, в которой секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии А. А. Жданов обнаружил «вредные влияния» и «ошибки», — не содержала, по оценке партии, ничего, кроме «диссонансов». Через 10 лет действие этого партийного документа было смягчено в майском (1958 г.) решении ЦК КПСС, в котором отмечалось, что в Постановлении ЦК 1948 г. об опере В. И. Мурадели «Великая дружба» и в печати того времени содержались «некоторые несправедливые и неоправданно резкие оценки творчества ряда талантливых советских композиторов...» (История КПСС: В 6 т. М., 1980. Т. 5, кн. 2. С. 257).

Откладывая пока рассмотрение вопроса по существу, я доведу сначала до конца «тему» Шостаковича. В постановлении ЦК он возглавил список композиторов-формалистов, сбившихся с правильного пути и оказывающих пагубное влияние на развитие советской музыки. За этой формулировкой немедленно последовали практические выводы. Сочинения Шостаковича были запрещены к исполнению¹⁰⁸ (за исключением очень немногих). Его прежним защитникам и присяжным апологетам было вынесено общественное порицание, в некоторых случаях сопровождавшееся и устранением с работы. Наконец сам композитор был изгнан, как профессор, из Московской консерватории. Все это сопровождалось большим шумом и многочисленными обличительными статьями в большой и специальной прессе¹⁰⁹. Шостакович был вполне недвусмысленно объявлен *urbi et orbi*¹¹⁰, как враг здорового развития советской музыки. Искушенные жизнью ценители

¹⁰⁸ Завершенный Д. Д. Шостаковичем 24 марта 1948 г. Первый скрипичный концерт был обвинен в формализме и не допущен к исполнению (его премьера состоялась только через 7 лет — 29 октября 1955 г.). Весной 1954 г. критики-ортодоксы обвинили в формализме Десятую симфонию Шостаковича. Ее защитниками стали А. И. Хачатурян и другие видные музыканты.

Безуспешная попытка возобновления не исполнявшейся (фактически запрещенной) с 1936 г. оперы Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» была предпринята в середине 1950-х гг. директором МАЛЕГОТа Б. И. Загурским. 19 марта 1955 г. на заседании худколлегии этого театра Шостакович исполнил новую музыкальную редакцию оперы (с внесенными в партитуру поправками). Было решено ставить ее в сезоне 1955/1956 г. Но требовалось разрешение «свыше». По просьбе Загурского Шостакович лично обратился за разрешением к председателю Совета министров СССР В. М. Молотову. После встречи композитора в январе 1956 г. с Молотовым и министром культуры СССР Н. А. Михайловым была образована комиссия во главе с членом коллегии Министерства культуры СССР композитором Д. Б. Кабалевским для прослушивания второй (исправленной) редакции оперы. В состав комиссии вошли также композитор М. И. Чулаки, музыковед Г. Н. Хубов и дирижер В. В. Целиковский, возглавлявший отдел музыкальных театров Министерства культуры. Заседание комиссии и прослушивание оперы прошли 11 или 12 марта 1956 г. на квартире Шостаковича в Москве (Можайское шоссе, 37/45, кв. 87). Из Ленинграда были приглашены директор МАЛЕГОТа Б. И. Загурский, главный режиссер того же театра Г. А. Дониях и автор новых подтекстов оперы И. Д. Гликман. Московская комиссия посчитала, что статью в «Правде» двадцатилетней давности «Сумбур вместо музыки» и содержащиеся в ней оценки никто не отменял и они сохраняют свою силу и значение. Опера не была рекомендована к постановке ввиду ее «крупных идейно-художественных дефектов».

Премьера возобновленной оперы во 2-й редакции (под названием «Катерина Измайлова») состоялась в Московском театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко только 26 декабря 1962 г.

¹⁰⁹ После Постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. Д. Д. Шостакович был беспощадно обруган в прессе (в том числе в 1948 г. в журнале «Советская музыка» напечатан цикл статей с уничтожающей критикой композитора) и на Первом Всесоюзном съезде Союза советских композиторов в апреле 1948 г.

¹¹⁰ Городу и миру (*лат.*), *перен.* — всему свету.

Шостаковича безмолвствовали (если не считать официальных признаний и покаяний), за границей — злорадствовали.

Каково же было изумление советских музыкантов (да и не только музыкантов), когда Молотов вызвал Шостаковича и попросил его съездить на Конгресс мира в Америку! Думаю, что не меньше других был удивлен и сам композитор¹¹¹. Только что осужденный и публично наказанный художник посылается во враждебное государство как один из лучших представителей советского искусства! Во всем этом гораздо больше от арабской сказки, чем от трезвого быта сегодняшнего дня.

После того как Шостакович обратился в ЦК партии за разъяснением о том, какие из своих произведений он может в Америке исполнять, композитору позвонил сам Сталин, причем в ходе беседы выяснилось, что Сталин ничего не знал о наложении veto на исполнение сочинений «композиторов-формалистов»! В результате был высечен репертком¹¹². Если действительно наверху не знали об этом, то вот — лишняя иллюстрация к теме о «молящихся дураках»! Если же знали, то неплохо было бы исправить ошибку пораньше. Как мне передавали, Сталин сказал Шостаковичу, что партия вовсе не намерена *принуждать* композиторов, она лишь *советует* им. А из консерватории Шостаковича уволили. Это не репрессия?

6. VI

Обратимся теперь к постановлению ЦК ВКП(б) от 10.02.1948 г[ода], так как оно определило путь советской музыки, по крайней мере, на ближайшие годы. Будем при этом помнить, что постановление родилось близ самой вершины пирамиды без всякого участия Комитета по делам искусств, председатель коего Храпченко¹¹³ был

¹¹¹ В марте 1949 г. Д. Д. Шостакович был командирован в США в составе группы деятелей советской науки и культуры. Поездка была неожиданной для всех, включая самого композитора, и нежелательной для него: только что прозвучавшая беспощадная критика ЦК ВКП(б) и в прессе получила широкую огласку за рубежом. Отправляя Шостаковича в командировку, высокопоставленные лица настоятельно просили его поехать в Америку. Там он испытывал большие затруднения, когда в беседах с музыковедами и журналистами — любителями сенсаций, не понимавшими его двусмысленного положения, вынужден был скрывать правду (сведения о Д. Д. Шостаковиче приведены по: Письма к другу. С. 9, 12—14, 19—20, 46, 70—71, 74—75, 80—81, 86, 106—107, 111—112, 116, 119, 120—121, 144—145, 170, 184, 203, 221, 299, 315—316, 318—323).

¹¹² Репертком — имеется в виду Главрепертком — созданный в начале 1920-х гг. Главный репертуарный комитет с цензурными функциями для контроля и утверждения репертуара театров и зрелищных мероприятий. Одним из его первых председателей был Ф. Ф. Раскольников (наст. фамилия Ильин; 1892—1939).

¹¹³ Храпченко Михаил Борисович (1904—1986) — литературовед, академик АН СССР (1966), лауреат Ленинской (1974) и Государственной (1980) премий. Член ВКП(б) с 1928 г. В 1938—1948 гг. председатель Комитета по делам искусств СНК СССР. Автор проблемных работ о методе, мировоззрении и творчестве, о литературном процессе, монографий о Н. В. Гоголе, Л. Н. Толстом.

смещен, а состав руководящих работников — обновлен. Таким образом, профессиональные деятели искусства в решении проблемы не принимали участия. А музыканты, приглашенные на совещание, лишь почтительно слушали и соглашались.

Идею реформы породили, как можно полагать, два мотива: 1) неодобрительное отношение в высшей сфере к музыке Шостаковича, Прокофьева и других «формалистов» и 2) поток жалоб в ЦК партии на засилье олигархов из Союза композиторов, эксплуатирующих эту организацию для своих личных выгод и целей.

Первый мотив вполне интроспективен¹¹⁴. Это — заключение, к которому приходит громадное большинство людей при оценке произведений искусства: «Мне не нравится, значит — плохо!» Возражать человеку, убежденному в справедливости этой формулы, — бесполезно.

Второй мотив, несомненно, сыграл тоже немалую роль. Иначе Хачатурян¹¹⁵, ворочавший всеми делами СК, не попал бы в число *persona non grata*¹¹⁶, так как обвинение его в формализме не имеет разумных оснований: музыка этого композитора удобопонятна и, что самое важное, прочно связана с народным армянским мелосом.

* * *

Музыканты-специалисты, вероятно как не заслуживающие доверия, были вовсе устранены при формулировке постановления, ибо редакцию его никак нельзя назвать вполне грамотной с точки зрения профессиональной. По существу же, новые провозглашенные тезисы можно сосредоточить в одной фразе: «Советская музыка должна быть общедоступной, высокой по качеству, тесно связанной с народной музыкой и свободной от формализма».

7. VI

Принципы эти нельзя не признать здоровыми уже только по одному тому, что они направлены против декаданса в искусстве, против оригинальничания в поисках оригинальности, против злоупотребления внеш-

¹¹⁴ *Интроспективен* — от *интроспекция* (лат. *introspectare* — смотреть внутрь) — самонаблюдение; изучение психических процессов лицом, переживающим эти процессы.

¹¹⁵ *Хачатурян Арам Ильич* (1903—1978) — композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель, народный артист СССР. Член ВКП(б) с 1943 г. В 19 лет поступил в музыкальный техникум, окончил московскую консерваторию по классу композиции (1934). Большой успех ему принесли 1-я симфония и концерты с оркестром и скрипкой (1934), концерты с оркестром для фортепьяно (1936), для скрипки (1940). В годы войны создал 2-ю симфонию, балет «Гаянэ» (1942). Автор одночастной симфонии-поэмы для большого симфонического оркестра с органом к 30-летию Октябрьской революции (1947), музыки к балету «Спартак» (1954). В послевоенные годы Хачатурян был председателем Оргкомитета СК СССР.

¹¹⁶ Лишенное доверия, нежелательное лицо (лат.).

ними приемами, против отрыва от родной почвы. И если бы их провозгласил и обосновал какой-нибудь авторитетный музыкант типа Асафьева, они оказали бы только положительное влияние на дальнейшее развитие советской музыки. Но возведенные в форме директивы, правила эти тотчас же породили и зло, попав в руки «молящихся дураков». Произведения «формалистов» без разбора были изъяты из употребления, главный же источник дальнейших недоразумений возник вследствие того, что композиторы и музыковеды, в течение многих дней разжевывавшие текст постановления, не потрудились выполнить свою прямую обязанность — определить в разумных словах признаки формализма. Таким образом, этот туманный расплывчатый жупел не приобрел ясно очерченных контуров и, следовательно, сознанием каждого музыканта был воспринят по-разному, вполне субъективно. Вторая опасность пришла с другой стороны: общедоступность незаметно слилась с примитивностью, и грань между пошлостью и простотой стала быстро стираться. Многочисленные перестраховщики в лице новых контролеров и цензоров, часто вовсе не способные дельно оценить музыкальное сочинение, стали относиться подозрительно ко всему свежему в музыке и благожелательно — ко всему изношенному.

Об этих двух опасностях я и говорил на совещании композиторов, но голос мой прозвучал втуне, и эта часть моего выступления была вовсе исключена из опубликованной стенограммы.

В результате сложившейся обстановки за истекшие после постановления 1,5 года в советской музыке не появилось ничего яркого, но зато немало дешевого и тусклого. Композитор, для того чтобы получить деньги за свою работу, должен проявлять робкую умеренность и осторожность, непрестанно обуздывая свои порывы и желания и подозрительно проверяя и взвешивая каждое слово текста, если он пишет вокальную музыку. При таких условиях можно ли создать в искусстве настоящие ценности?

8. VI

Много опасностей кроется в толковании «общедоступности» музыки. «Музыка, непонятная широким массам, — плоха» — одна из самых истрепанных за последнее время фраз. По существу же она лишена смысла, так как применительно к восприятию искусства понятие «широкие массы» вполне неопределенно. Народ — сложный организм, а советская музыкальная культура многообразна. Нет человека, который охватил бы ее во всей ее совокупности, как нет ни одного жанра музыки, который был бы понятен и приятен каждому. Я знал не только любителей музыки, но и профессиональных музыкантов, которые ничего не понимали в русском народном хоровом пении или, например, находили в бурятских напевах лишь этнографический

факт, но отнюдь не произведения искусства. С другой стороны, что для тамбовского колхозника джазовая музыка или для завсегдатая пивных — сонатная форма? Суть в том, что в каждую область музыки нужно вживаться, чтобы понять и полюбить ее. И чем глубже музыка, тем больше душевных затрат от человека она требует. Таким образом, вопрос осложняется еще и разными требованиями, которые предъявляют к искусству разные люди. Одни ищут в нем легкого развлечения, другие — бездумного отдыха, третьи — прекрасное лицо музыки. Или утешения, или радости. Современные же «молящиеся дураки» о таких вопросах даже и не задумываются. Они рады бы свести все многообразие музыки к двум-трем шаблонам в каждом жанре, причем примитивность принимают за простоту.

Как отнеслись бы читатели к публицисту, который заявил бы, что арифметика понятна всем, а дифференциальное исчисление — немногим, и что поэтому его следует изъять и заменить арифметикой. Наверное, как к сумасшедшему. А вот недавно в Союзе композиторов после прослушивания одного в меру сложного трио один почтенный партийный музыковед сказал, что ему-то лично эта музыка нравится, но он обеспокоен тем, [что] она дает нашему колхознику. И пошел, и пошел, и признал музыку ненужной. Какое скудоумие! И я, конечно, вовсе не хочу опорочить колхозника, по сравнению с которым, б[ыть] м[ожет], тот же музыковед оказался бы невеждой в области народной песни. Просто колхознику не пришлось познакомиться с композиционными законами крупной формы, и потому разобраться в такой музыке ему, конечно, трудно. «Раз трудно, значит, такая музыка и не нужна!» — заключает музыковед. Вот к чему приводит дурное понимание «доступности» музыки!

Как и повсюду в нашей жизни, мы опять встречаемся со здоровыми мыслями, неумело и карикатурно воплощенными в жизнь.

Сама же по себе идея замедлить процесс усложнения муз[ыкального] языка в сочинениях профессиональных композиторов, несомненно, заслуживает внимания. Конец прошлого века и начало нынешнего были ознаменованы ускоренным развитием урбанизма, со всеми сопутствующими ему явлениями, нашедшими свое отражение и в музыке. Эту эпоху характеризуют все убыстряющийся темп жизни, нездоровое возбуждение, лихорадочные поиски новых средств выразительности, короткое, прерывистое дыхание (в искусстве), пристрастие к внешним эффектам, потеря чувства меры, «страсть новизны и новизна страстей». Это пестрое и недолговечное многоголосье, лишенное ясности и простоты, породило много эфемерных ценностей и завело искусство в узкий замкнутый мирок, утеравший связь с широким земным миром, небом и землей.

Поэтому возврат к классическим традициям, к гармоничной и структурной ясности, к здоровому ощущению мира продиктован соображениями, которым нельзя отказать в разумности. Несомненно, что разница в темпах развития народной и профессиональной музыки за последнее столетие сделалась слишком разительной. Необходимость же прочной связи между этими двумя областями искусства бесспорна.

Вот основная причина, которая побудила наших правителей устроить в советском искусстве эту «революцию наизнанку».

[4.] О критике в искусстве

Наше искусствоведение влачит поистине жалкое существование. Все рассуждения об искусстве беспрекословно подчиняются партийным директивам и пишутся по принципу «чего изволите?» независимо от того, разделяют ли критики в глубине души предлагаемую точку зрения. Композитор или поэт при желании всегда может найти для себя такие сюжет и форму, которые будут удовлетворять его вкусу и в то же время находиться в добром согласии с партийными установками. Для критика часто это невозможно. Он, например, любит Маяковского, но вот Маяковский попал в опалу, и критик тотчас должен изменить свои взгляды, предварительно покаявшись всенародно в заблуждениях. Конечно, такой театр марионеток является лишь карикатурой на жизнь. Лицемеры отписываются вялым нудным языком; все к этому привыкли, никто им не верит, но регламент соблюден.

Циркулярная жвачка изрыгается на советского читателя со страниц всех газет и журналов. Прочитав одну статью по поводу новой оперы или комедии, уже знаешь и все остальные. Исключения редки и неизбежно кончаются покаанием одной из дискусирующих сторон.

Из немногих искусствоведов, не утеравших способности высказывать свежие мысли, хочется упомянуть покойного Асафьева¹¹⁷. Но он исключение, подобно Пришвину в стане писателей. Кстати, о советской музыке Асафьев писал за последнее время очень мало (что указывает на его благоразумие), уйдя в область исторических исследований (о Глинке, Григе, Чайковском).

11.VI

[10.VI не писал — ездил в Лосиноостровскую¹¹⁸.]

Несмотря на полную зависимость критической мысли от директивных установок, искусствоведы не гарантированы от крупных неприятностей. Это происходит в тех случаях, когда директивные уста-

¹¹⁷ А с а ф ъ е в Б. В. — см. коммент. 2.

¹¹⁸ Л о с и н о о с т р о в с к а я — поселок под Москвой (ныне Бабушкинский р-н Москвы), где в 1948—1951 гг. в однокомнатной квартире на Тургеневской ул. у своей подруги Н. Н. Мельниковой жила сестра С. А. Кондратьева — Н. А. Федорова (урожденная Кондратьева; 1900—1959) с дочерью И. Г. Лачиновой (собщение зятя Н. А. Федоровой — Н. В. Лачинова 30.03.2002 г.).

новки либо круто меняются, либо впервые возникают на запущенных участках идеологического фронта. Последний по времени удар обрушился на театральных критиков и расходящимися кругами коснулся всех областей искусствоведения. Поэтому, например, в Союзе композиторов сочли не только возможным, но и нужным вновь предать анафеме всех критиков-формалистов, подробно обруганных только год тому назад и не успевших совершить с тех пор никаких новых грехов.

Кампания проводилась под знаком борьбы с космополитизмом и «низкопоклонством перед Западом». Как и во многих аналогичных случаях, ее цель была вполне разумна — укрепить веру советского гражданина в ценность отечественного искусства. И, принимая во внимание напряженную международную обстановку, вопрос был заострен своевременно. Но «молящиеся дураки» и на этот раз остались верными сами себе, с той лишь разницей, что однообразные, как кирпичи, статьи были написаны не только тяжелым и нудным, но и чрезвычайно грубым языком. Вероятно, эта грубость и представлялась авторам «партийной страстностью». После того как затравленного режиссера Трауберга вынули из петли ¹¹⁹, а м[ожет] б[ыть], и по другим

¹¹⁹ Трауберг Леонид Захарович (1902—1990) — кинорежиссер, сценарист, педагог. В 1919 г. организовал театр-студию в Одессе. В 1920 г. переехал в Петроград, где учился в студии комической оперы. В 1921 г. вместе с Г. М. Козинцевым и С. И. Юткевичем организовал группу актеров и режиссеров — Фабрику эксцентрического актера (ФЭКС). В 1924—1946 гг. работал в кино с Козинцевым, поставил вместе с ним кинофильмы «Похождения Октябрины» (1924), «Мишки против Юденича» (1925), «Шинель» (1926), «Новый Вавилон» (1929), «Одна», кинотрилогию о Максиме (1935—1939); самостоятельно — «Актриса» (1943), «Шли солдаты» (1959), «Вольный ветер» (1963) и др. Преподавал с 1922 г. (ФЭКС, Ленинградский институт сценических искусств, Российский (с 1925 г. — Государственный) институт истории искусств (т. н. Зубовский); в 1962—1968 гг. руководил Высшими режиссерскими курсами Союза кинематографистов СССР). Лауреат Сталинской премии (1941), заслуженный деятель искусств РСФСР (1967), народный артист РСФСР (1987). Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалью.

В период борьбы с «безродными космополитами» Л. З. Трауберг был обвинен в «космополитизме» и подвергался гонениям. В прессе его объявили «главарем шайки космополитов», «окопавшихся» на «Ленфильме», «человеком, не принесшим советскому кино ничего, кроме вреда». «Мне самому сообщили о том, что я агент ЦРУ, — вспоминал режиссер, — причем не где-нибудь, а в „Правде“, в „Известиях“...» (Голдовская М. Старики [Интервью с Л. З. Траубергом] // Искусство кино. 1995. № 11. С. 177). Трауберг был уволен с киностудии «Ленфильм» и находился в крайне бедственном положении, его на несколько лет отлучили от кинематографа (Фрид В. Память о мастере // Экран. 1991. № 5. С. 30; Письма к другу. С. 89).

В январе 1949 г. Трауберг был вызван в Москву, дважды — в соответствующие учреждения в Ленинграде, в котором он жил. Эти события наложились на личное горе: незадолго до этого, в декабре 1948 г., после банкета внезапно скончался от разрыва сердца его младший брат, тоже кинорежиссер и сценарист, И. З. Трауберг (1905—1948), работавший в это время в Восточной Германии на киностудии ДЕФА. На нервной почве у Л. З. Трауберга произошло отслоение сетчатки глаз. В результате врачебного вмешательства (при содействии Н. К. Черкасова) один глаз

причинам, кампания мгновенно прекратилась, как [вдруг кончается] внезапно налетевший шквал.

В напаках на театральных критиков, нередко порицавших советских драматургов за вялость сюжета и схематичность персонажей, обнаружилась весьма опасная для искусства тенденция — снисходительное отношение к плохой форме художественного произведения при его «идеологической выдержанности». Трудно предугадать размеры вреда, который может породить такой взгляд, будучи введен[ным] в практику. Законы в искусстве и публицистике — разные законы. Это азбучная истина, и пренебрегать ею нельзя.

12.VI.1949 г.

Заключение

Я исполнил свое намерение и высказался. Написано мало, но продумано много. Я вновь и с большой ясностью оценил высокие и гуманные идеи советского социализма, но также и порочность методов, направленных к тому, чтобы воплотить эти идеи в жизнь. В конечном счете, нашу жизнь крайне усложняют три фактора: дефекты в системе управления государством, затянувшееся «осадное положение», в котором находится страна, и несовершенство человеческой природы.

Вероятно, с точки зрения ортодоксального партийца, многие высказанные здесь мысли достаточно крамольны для того, чтобы послужить веским мотивом к моей ссылке. Однако, отнюдь не причисляя себя к подвижникам, я ни минуты не колебался бы отослать эту тетрадку в ЦК ВКП(б), будь я одинок. Я все еще верю в то, что всякая искренняя и продуманная критика приносит в конечном результате пользу и что государственные деятели должны внимательно относиться к откровенным и мотивированным мнениям каждого гражданина. Однако я не герой и не могу рисковать той скудной мерой радости, которая отпущена судьбой моей жене. Таким образом, судьба этой тетради ускользает из моих рук. Она темна, как темно и мое будущее.

Но непосредственной цели своей я достиг и только сейчас оценил по-настоящему значительность старинного изречения: «Dixi et animam levavi!»¹²⁰ — «Высказался и облегчил душу!»

[Б. д.]

удалось спасти, на другой он почти ослеп (в письме к И. Д. Гликману от 29 июля 1949 г. Д. Д. Шостакович пишет: «У Трауберга узнаю, как он лечился, и сообщу тебе» (Письма к другу. С. 82)). Но, жизнелюбивый и, по выражению дочери, «гедонистический» человек, он не собирался кончать счеты с жизнью (сообщение дочери режиссера — Н. Л. Трауберг 21.01.2002 г.; письмо Н. Л. Трауберг к В. Ю. Жукову 21.03.2002 г. (дата по штемпелю), хранится в архиве В. Ю. Жукова). Некролог о Л. З. Трауберге см.: Советская. Россия. 1990. 16 нояб.

По-видимому, комментируемое выражение С. А. Кондратьева является отзвуком каких-то преувеличенных слухов в среде творческой интеллигенции или собственной метафорой Кондратьева.

¹²⁰ Сказал и душу облегчил (лат.).

Еще мне хотелось написать о болезни «*Taedium vitae*»¹²¹ и о жизненных спутниках. Но это обособленные вопросы, и для них, во всяком случае, нужна другая тетрадь.

¹²¹ См. коммент. к записи от 9.04.1949 г.

Следы жизни

Стихи 1939-го года

Мрак

Налей стакан, и не томи
Меня укорами пустыми!
Я жить хочу, а мутный мир
Мне, как ненастье, опостылел.

Постылый мир постыдных лет!
Исполнившееся поверье, —
На небе слизь, а на земле
Полураздавленные черви.

Раздавлен червь; еще живой,
Но вдавлен в грязь, укрыться хочет,
Слепой мотая головой
Навстречу чернорылой ночи.

Иначе встретить ночь хочу —
В далекой сумрачной пустыне.
Налей еще стакан! Не мучь
Меня упреками пустыми.

Кровь запыляет, как руда...
Провалится под ноги город...
Жар-птицею взметнусь туда,
Где лес шагает через горы;

Где утром влажный дым болот
Цепляется за ветви елей,
Где на медлительный восход
Поблекшие глаза глядели;

Где ржавый лист рыжей зари,
Где плакал и томился милый,

Где белокрылый лунь парит
Над неоплаканной могилой.

Налей стакан, и не томи
Меня угрозами пустыми!
Пусть разорвется сердце! Мир,
Как грязный двор, мне опостылел.

Ленинград. 20 апреля 1939 г.

Портрет сестры

Какая темная усталость
Цвела в потупленных глазах!
Рука — поникшая лоза,
Рта целомудренная алость,
Невинный шеи поворот —
Все в жадной памяти осталось!

Истлело тело, но живет
На дне чужой души виденьем,
Таинственной жизнью тени,
Тревожит явь, смущает сон,
Как дальний колокольный звон,
Как Сирина ночное пенье.

*Поезд из Москвы в Бологое и из Бологого в Валдай
1 и 2 июня 1939 г.*

Начинающему стихотворцу

1.

«Миг», «желанный», «сладко», «целовать» —
Изнасилованные слова.

Патокой «свиданья» их зальем,
И готов публичный словодом.

Замусоленных, истертых слов
Больше, чем в СССР ослов.

Не вливай поэтому в стихи
Киселя любовной чепухи.

Сколько хочешь женщину целуй,
Если ей приятен поцелуй.

Все, что хочешь, девушкам плети,
Если им твой голос не претит.

Но не истязай, прелюбодей,
Словоблудьем грамотных людей!

2 октября 1939 г.

2.

Но как же быть, когда поэты
Быстрее плодятся, чем слова?
Когда любовные сонеты
Выщелкивает голова?

Не трусь! Вооружись рецептом,
Предохраняющим от бед
И позволяющим адепту
Состряпать неплохой обед.

Пиши: «Был май, луна глядела,
Свистел и чмокал соловей.
Она сидела в платье белом,
Он в забытии склонился к ней.

Желанный миг восторг навеял!
Как сладостно, мои друзья,
Лобзать девическую шею
Под свист и рокот соловья!»

Какое скудное творенье
Слепая муза родила!
О, тошнотворное варенье,
Изжеванная пастила!

Диалектической приманкой
Старайся друга обмануть:
Событий выверни изнанку —
На плодоносный вступишь путь!

И так пиши: «Луна сидела,
Свистел и чмокал ловелас,
Мешая заниматься делом
Двум соловьям в урочный час.

Любилица не приходила.
Свистеть любилец перестал.
Тогда певец на ветке хилой
Раскрыл пугливые уста.

Бездельник закричал сердито:
— Когда б с подругой был в саду,
Не разводил бы я вот эту
Лирическую ерунду.

Испуганный пернатый рыцарь
Не улетел, не замолчал,
Как сделала б любая птица
При резком крике сарыча.

А соловьи не хотелось
Покинуть свой уютный дом,
Хоть страшно маленькому телу
В соседстве с грубым дураком.

Где ж ветреница? Заболела.
Лежит пластом, в слезах лицо:
С жарким чрезмерно много съела
Оранжевых огурцов».

Ну что? Доволен ли поэтом?
«Уста», «любилицы», «соловьи»,
«Луна»... и несмотря на это —
Оригинальные стихи.

Традицию руби наотмашь,
Когда она футляром давит,
И своеправное потомство
Тебя вниманьем не оставит.

Так, начиная озорством
В объятьях музы молодой,
Заслуженное торжество
Готовишь бороде седой.

Затем, что зоркие глаза
Острее станут, чем ножи,
Чтобы рассечь и показать
Двуликую старуху жизнь.

Москва. 23 октября 1939 г.

Судьба поэта

Тревожная душа поэта
Сомнений тягостных полна.
Так яблоня в отгаре лета
Плодами обременена.

Поникшая, изнемогает
Под грузом сладостным, пока
Не отделится плод тугая
От веток хрустом черенка.
Тогда свободную поднимет
Громаду рук упрямый ствол
И расцветет под сводом синим
Раскошным заревом листов.

Но кто зачал и возлелеял
Раздумий горькие плоды,
Не распрямит согбенной шеи
Под небом древним и седым.

Перед тобой судьба поэта,
Как яблоня в отгаре лета.

*Колхоз «Чайка». Озеро Удомля
26, 29 июня 1939 г.*

День и ночь

...и бездна нам обнажена...

Тютчев

...нельзя с безбрежностью творенья
в чаду отыскивать родства...

Фет

Как солнце жесткими лучами
Разъединяет и дробит
Поток явлений! Спит память,
А жадный разум говорит.

Он тешится разнообразьем
Цветов, и звуков, и вещей,
Его многообразие дразнит,
Он собиратель, он — Кащей.

Наступит ночь. В лесной пустыне
Или под мерный плеск реки
Немое тело вспомнит жизнь:
Любовь, охоту, вражий крик....

И темною войдет душою
В непрочный свой, тревожный дом
Меж ледяною пустотою
И замурованным огнем.

Москва. 26 октября 1939 г.

Упреки

Маленький заяц пробежал по поляне.
Охотник выстрелил. Заяц упал.
«Какой жестокий!» — сказали женщины.
«Такой большой — такого маленького!»

Великий философ думал о божь.
Миньона рассмеялась — философ поник.
«Какая прозорливая!» — сказали мужчины.
«Такая маленькая — такого большого!»

Москва. 5 ноября 1939 г.

Сон

Видел я во сне —
Выпал первый снег.

Я сижу в избе
Ожидая бед.

Темен старый дом,
Никого кругом.
За кривым окном
Белое сукно.

Вечер наступил,
Тени уронил.

Милая, приди!
Я совсем один.

Вижу — за гумном
Темное пятно
Медленно растет:
Милая идет.

Вижу — босиком,
Крытая платком,
Ты бредешь ко мне,
Уминая снег.

Встала у плетня
И зовешь меня.

Не могу я встать —
Тела не поднять.
Не могу позвать —
Горла не разжать.

Снег замел следы
У крыльца избы.
Милая, войди!
Я давно один.

Кликнула опять.
Я не в силах встать...

Повернула прочь.
Опустилась ночь.

Москва. 5 ноября 1939 г.

Purissima
Баллада

*Автор делится с читателями воспоминаниями
о Елене Павловне Фарлей, затем встречается в
трактире с поэтом. Поэт дополняет биографию
Фарлей, оба напиваются и исчезают в ночи.*

1. (Нестеров и Ботичелли)

Трясется в пароксизме страха
Будильник в 7 часов утра.
Хозяйка заспанной рукой,
Еще на призрачном пути,
Стремится стражу возвратить
Утраченный покой.

Как быстрый горноста́й в нору —
В пододеяльную дыру
Юркнула девственная кисть.
Затихла. Щелкают часы.
На шее кончики косы
Лениво развились.

Казалось, Нестеров создал
Безукоризненный овал
Лица, мир лба, точеный нос;
Красу нездешних инокинь
Из фантастических пустынь
На землю перенес.

Ты видел ели у озер
Под золотым убором гор
В осенний синеглазый день?
Таким лилось ее лицо
На джентльменов, подлецов
И прочих всех людей.

Изогнутые луком губы
Могли и другу и врагу,
Звуча певучей тетивой,
Рассыпать веер острых стрел
И той стрелой, что всех острее,
Пронзить кремьнь любой.

Все сказано. Пора вставать!
Поет пружинная кровать,
С нее соскакивает кот,
И вот из пены простыней
Елена Павловна Фарлей
Венерою встает.

Ее блистательное тело
Тому назад пять сотен лет
Великий Сандро написал.
Соревноваться не берусь
С божественным. Кладу перо —
Не верю в чудеса!

Венера свежий душ берет,
И сладостный полощет рот,
И убирает волоса,
И на прохладное белье
Коктейль благовоний льет.
Проходит полчаса.

Пока медлительный обряд
Творит прекрасная, я рад
Признаться, что ее любил, —

Тайком любил, издалека,
Как взгляд лелеет облака
В равнинах голубых.

Невиданная чистота
Была сияньем пролита
На ясный благородный лоб,
На щеки южные ее,
На губы свежие ее...
Сиянье мир несло...

2. (Эсквайр Фарлей и судьба)

Английский инженер Фарлей
На Белом море желтый клей
Из рыбной чешуи варил.
Ловил форель, коньяк лушил
Под огнедышащие щи
И скупно говорил.

Он жил с дочуркой и женой
На отмели береговой
В просторной крашеной избе.
Работал в меру, в меру спал,
Бродил в отлив у черных скал
С дочуркой на спине.

То было в грозовые дни
Слепой войны. Ее огни
Не освещали темных волн,
И схватки смертные врагов
С пустынных этих берегов
Не гнали никого.

Подкралось время перемен,
Но флегматичный джентльмен
Беспечно продолжал варить
Свою фабричную уху.
Олени бегали по мху,
И пели лопари.

В те дни от Крыма до Кореи
На берегах пяти морей
И на прибрежных островах
Воронья нечисть собралась
Новорожденного орла
До смерти заклевать.

И в ту страну, где жил Фарлей
Громады серых кораблей,
Пробив арктический туман,

Приплыли. Знатные послы —
Варяги из полнотной мглы
Пожаловали к нам.

Морские звери подошли
К утесам сумрачной земли,
Выравнивая длинный ряд.
В лачуги, скалы и леса
Восьмидюймовые глаза
Вперили мертвый взгляд.

Побриты, сухо сложены
И в хаки упакованы,
С винтовками наперевес
Творя империи приказ,
Бросали гости острых глаз
Голубоватый блеск.

Так эта встреча началась!
Гостей попотчевали всласть,
Насмешке предан их удел.
Дела давно минувших дней,
Преданья старины. Не мне
Быть бардом бранных дел.

«Давно истлели все следы
Жестоких схваток, — скажешь ты, —
Давно соленая вода
Слизнула кровь на берегу,
Стерли последнюю слезу
Суровые года».

Но девяносто шесть могил
Надменных бриттов? Там врачи,
Свидетели бесславных дней,
Лежат, построившись в ряды
Над логом черным и пустым.
Но инженер Фарлей?

Когда свирепый ураган
Народной злобы мнет врага,
Не попадайся на пути!
Не поднимай спокойных глаз!
«Тот, кто не с нами, — против нас.
Ленивого смести!»

Отряд поморских партизан
Пытливо нюхал океан
Там, где он клеет провонял.
Начальник — волк. «Буржуя снять!
А женщин с эшелонам взять!»
Исполнено. Война!

Близ крашеной избы — ручей.
Там русский подданный Фарлей
Под камнем спит. Журчит вода,
Вздыхают чахлые кусты...
Тот, кому всунут в сердце штык,
Не встанет никогда.

.

Мороз и грязь, подачки хлеба
И бред в брезентовом чехле,
Века двух месяцев пути
Под равнодушный гул колес
И соль смерзающихся слез
Легко ль перенести?

Но крепок северный закал.
Зимой Октябрьский вокзал
В свое холодное нутро
Вобрал двух женщин — мать и дочь.
Над городом стояла ночь
Разорванным шатром.

3. (Мадонна и незадачливый автор)

Прошло 15 трудных лет,
Когда приятель мой, поэт,
Впервые другу показал
Елену Павловну Фарлей.
Мы познакомились. Верней,
Я утонул в глазах.

Ты видел синеву озер
Под золотым убором гор
В тиши сентябрьского дня?
Таким лилось ее лицо
На джентльменов, подлецов,
А также на меня.

Елена Павловна в Москве
Жила на Пресне. В ближний сквер,
Когда была не занята,
Водила под вечер гулять
Свою болезненную мать
И толстого кота.

Я там встречался с ней не раз,
Дилемму чужеземных глаз
Стремясь пытливо разгадать.
К ней на квартиру заходил
И крепкий чай с вареньем пил.
Меня любила мать.

Елена Павловна уйдет —
Мать гостю рада и начнет
Ткать пряжу жизни прожитой:
Борьба с нуждой, болезни, страх,
Бездомность. Солнце — в небесах,
А горе — за спиной!

Потом успехи Элин в школе,
Машинка, курсы языков,
Диплом (по всем предметам пять!),
«И что всего важнее для нас:
Стенографистка — первый класс!»
«First class», сказала мать.

«Елена очень занята:
Ведь замнаркома секретарь
Теперь она! Наркомотдел
Не вправе дочку заставлять
Вставать к восьми, ложиться в пять!
Дочурка похудела!

Она так ласкова со мной!
Таких заботливых немного
Детей. Но тайне грустно мне!
Она не любит никого,
Ей интересней старый код,
Чем новый джентльмен!»

Вот так, уничтожая чай,
Мы проводили вечера.
Старушка понимала толк
В вареньях и на стойкий стол
Стеклянных банок с длинных полок
Препровождала полк.

Москва! Жестокая Москва!
Твои миллионы киловатт,
Схватив меня за шиворот,
Швырнули в дождь, и очень грубо,
На Пресню; втиснули в дыру
Предательских ворот.

Но я кариатидой врос
В асфальт. Так осторожный лось
Перед ловушкой у кряжа
Ноздрями воздух шевелит,
Потом храпит, потом бежит,
И я, как лось, бежал.

Кривые руки темных улиц
Меня схватили на лету,
Зажали в каменный кулак

И, как трусливого щенка,
Задохшегося от броска,
Закинули в кабак.

Бутылки. Дым. Угрюмый свет.
Смотрю: за столиком поэт
Сидит, как пьяный Аполлон,
Глядит туманными очами
На судороги скрипача,
В раздумье погружен.

— Дружище! — Милый, как я рад!
Давно ль? — Вчера. — Давно пора!
Ну, как ты? — Я? Да ничего...
А ты? — Я думал о шестой:
Брать или нет? — Ну нет, стой!
Мы первую возьмем!

Так эта встреча началась!
Друзья попотчевались всласть!
Беседа, проскочив шлагбаум,
То вскачь несется, то трусит,
А пиво, как ручей, журчит
По жадным желобам.

Перебивая водопад
Речений рваных, невпопад,
Притворно вяло я спросил:
«Скажи встречался ты с Фарлей?
Я вспомнил только что о ней»
Он шумно закурил.

4. (Монолог поэта о девственницах и ведьмах.)

Знавал я этих ледяных
Камней арктической весны!
В тебе — кипящее вино,
Твоя душа в слезах поет,
А слезы падают на лед —
Вино разбавлено!

Ты пиешь сотый мадригал,
Летишь на новогодний бал
В чужой несимпатичный дом.
— Святыня красоты ушла! —
Язвительно острит палач —
Вульгарный предместком.

Жизнь ускользает, как вода
Меж пальцев. Год прошел. Года!
А к милой страшно приходиться:

Там дядя и глухая мать
Усадят в преферанс играть
С восьми и до пяти.

На третий год, зажав в кулак
Цыплячье сердце, кое-как
Уговоришь ее прийти
В твою лачугу. Сам не свой
От радости бежишь домой
Порядок навести.

Готово все! «Вознаградит, —
Мечтаешь ты, — моя Лилит
Веками возвращенную страсть!»
Самонадеянный малыш!
Простак несчастный! Все твердишь:
«Добиться или пасть!»

Она смиренницей придет,
И непристойный анекдот,
В мадерный облечен букет,
Застрянет в горле у тебя,
Как перед взводом октябрят
В дошкольном цветнике.

Коварно ты предложишь ей
Коньяк или вино полей
И острый сыр. Глупец, глупец!
Две рюмки рислинга, паштет,
Кусочек торта, пять конфет —
И ужину конец.

А ты напьешься дураком
И клятву дашь, что Совнарком —
Твой первый, твой бесценный друг,
И не заметишь, как Мадонна,
Зевая в нежную ладонь,
В дверях исчезнет вдруг.

Нет! Бойся этих ледяных
Враждебниц огневой весны.
Все животворные творят
Твоя душа в слезах поет,
А слезы падают на лед,
И стынет плоть твоя!

Толпа испытанных бойцов,
Когорта опытных ловцов
Пыталась соблазнить Фарлей.
В итоге: пять самоубийств
И легион семейных буйств,
Еще вина налей!

В Замоскворечье есть Парнас,
Фарлей халтурила у нас.
Юнцы образовали трест,
Чтобы заполучить Фарлей.
Ей двести пятьдесят рублей
Платили за приезд.

Так светоносна, так ясна
Невозмутимостью луны.
Она раскидывала сеть
Каллиграфических значков
Под вой восторженных волков,
Пытающихся петь.

Ей наливали сгоряча
Крепчайший холодный чай
Юнцы, краснее кумача,
Чтобы покатога плеча
Нечаянно, но горячо
Коснуться невзначай.

Века безделья проплелись,
Чтоб вылепить такую кисть,
Чтоб осторожный зритель наш
Вдруг, покидая облака,
Смущался. — «Хороша рука,
Но подозрительна!»

Конец. Толпой окружена
Встает Елена Павловна,
Уходит, отгремел трамвай.
Два байрона и пять повес
Ее усаживают в ЗИС.
— До третьего! — «Good bye!»

И это — все! Великий боже!
Она терзала молодежь,
Как патентованный злодей!
Но час возмездия пробьет
Для тех, кто скаредно жует
Сердца других людей.

У всякой девственницы — верь! —
В садах блаженных — темный зверь.
Под сердцем ведьма ждет во сне,
Когда на шабаш позовет
Инкуб. Тогда хвостом вильнет,
И девственницы нет!

За стенограмму послал
К Фарлей беспутного посла
Группком писателей. И вот,

В заветном тереме она
Мне, благолепия полна,
Пакет передает.

Листов однообразных ряд
Просматриваю. Ясный взгляд,
Прямой пробор, жемчужный вид
Меж тем запоминаю. Вдруг
Я замечаю в ней испуг —
Рука чуть-чуть дрожит.

Казалось, отдаленный зов
Из наступающих лесов
Ее коснулся. Шаг назад...
Спасти! В глухой укрыться скит!
Но вижу: черные зрачки
Наполнили глаза.

Я смолк. Полуоткрытый рот
Мадонны заалел, как плод.
И боязливая рука
Легла легчайшим крылом,
Нераспустившимся цветком
На лацкан пиджака.

Тогда и я услышал вой:
В гудящей тьме гремел прибой!
Меня прожгла ее ладонь,
И сердце дикое мое,
И сердце темное мое
Взметнулось, как огонь.

Забилась белая коза
У барса в лапах. Но глаза
По-прежнему сочились тьмой —
Без боли, страха и мольбы
Испытывали ход борьбы,
Следили за борьбой.

Я мучил сладостную грудь,
К постели пролагая путь,
Но только в предпоследний миг,
Когда упрямая сдалась
Рубашка и у ног свилась,
Венеру страх настиг.

Она цеплялась за кровать,
Она дрожала, как трава,
Она завывала, словно рысь,
Когда упрямые колени
Под глыбою неумолимой
Бессильно разошлись.

И губы красные свои,
И зубы острые свои,
И когти, все — рывком
Вонзила в тяжкое плечо,
Потом лизала горячо
Змеиным языком.

Стал ямою кровавый рот,
И белый трепетный живот
Живой, тугой волной дышал,
И ноги змеями сплелись...
Тогда, захлестывая высь,
Взревел девятый вал.

Он медлил в страшной вышине
В задохнувшейся тишине,
Пытаясь небеса слизнуть,
Но, судорогой громовой
Нисброшен в хаос роковой,
Отринул горный путь.

Ворчало глухо чрево бездн,
Как древний волосатый бес,
И содрогалась эхом тьма,
Пока разбитые валы
Не улеглись, пока из мглы
Не проступил туман.

Тогда стеклянные глаза
Лиловый сумрак пронизал,
Увяли острия грудей,
Поникла бледная рука
На неподвижных облаках
Измятых простыней.

5. (Начинается шторм)

Поэт умолк. Мы пили вновь
Цветную водку и вино,
Но я заметил, что кабак
Давно покинул свой причал,
И свежий ветер нас качал.
Поэт продолжил так.

«Когда через двенадцать дней
Я встретил в обществе Фарлей,
Она взглянула на меня,
Как на потертый венский стул.
Я успокоенно вздохнул:
Суккубы не манят!»

Тут стойка встала на дыбы,
Бросаясь на кабацкий быт,
Поэт схватился за бутылъ
Чтобы померяться с врагом,
Но стол железною ногой
Стекло развеял в пыль.

Я крикнул: «Завернуть корабль!
Я год страдал в чужих краях!
Давай свисток! Дашь восток!»
К поэту: «Где ж теперь Фарлей?
Я пил вино чужих полей!»
Поэт потер висок.

«Не знаю. Бродит липкий слух,
Что иностранному послу
Не вовремя письмо она
Передала на вернисаже.
Сей необдуманный пассаж
Мадонну доконал.

Быть может, мстила за отца?
Быть может, маскою лица
Растила злобу много лет,
Как цепью — пес сторожевой?
Быть может, бешеной душой
Отцу дала обет?

У всякой девственницы — верь! —
Под сердцем темный дышит зверь.
Слепая ведьма ждет во сне,
Когда на шабаш позовет
Отец. — Полночный час пробьет,
И девственницы нет!»

6. (Катастрофа)

На море бесновался шторм.
Метался тусклый свет за шторой.
Поэт вцепился в скользкий стол,
Мной овладел веселый страх —
На сумасшедших парусах
Корабль в гибель шел!

Тогда я встал, чтоб взять штурвал,
Но капитан, хромой шакал,
Трезубец мне направил в грудь.
Поэт ударил подлеца
В его постыдное лицо.
Мы расчищали путь!

Так бились в старину корсары.
Кругом ревели голоса
Шпаны, бандитов из тюрьмы.
Удар вперед! Удар назад —
В мурло, мясистое, как зад.
Отменно дрались мы!

Мерзавцы все ж теснили нас.
Стаканом мне подбили глаз,
Поэту ухо рассекли,
Зажали в лапы нашу плоть,
Свалили в битое стекло
И прочь поволокли.

Висел над бортом дикий рев.
Луна желтела фонарем.
Нет друга, чтоб в беде помочь!
Нет бога в медных облаках!
Нас раскачали на руках
И вышвырнули в ночь!

Москва. 21 октября—6 ноября 1939 г.

Муки неофита

За стол садится, цепью тяжелой
Приковывает ногу к ножке,
Лениво щелкают подтяжки,
Скребет графит невзрачный ножик.

15 лет! Душа — в пампасах!
Ее страшит стиха строптивость,
Не в силах оседлать Пегаса,
Юнец схватил его за гриву.

Он вспоминает метры мэтра...
Но рифы рифм! Но мертвый ритм!
Но «меж диметром и Деметрой
Есть ли различье?» — говорит он.

Проваливаясь в ямы ямбов
Безногим карточным валетом,
Он тщетно хочет дифирамбом
Наполнить чашу триолета.

Резцом цезуры остановит
Не вовремя слепое стадо
Слов резвых — рыхлою стеною
Обрушивается ограда.

Где ассонансов ананасы?
И где аллитераций трели?
Где пенное вино Парнаса,
Пьянящее, как Ркацители?

Бредут стопой тяжелой стопы...
Взбодри их флягою нектара!
Увы! Пропал волшебный штопор
В карманах пьяного пиндара.

На разлинованный листочек,
Под утро, на свету хирея,
Устало выползли 5 строчек
Четырехстопного хорея.

Пусть первенцы мертворожденны —
Не вкусят жизни настоящей,
Но бережно вновь посвященный
Их убирает в тощий ящик.

Москва. 18 ноября 1939 г.

Война

Как празднично одет народ
В аэропланы, танки!
Как оглушительно трубит
Газетная шарманка!

Как, лисьи морды наострив,
Художники, поэты
Облизывают в сотый раз
Сюжетные скелеты!

Как записные повара
Разжевывают массам
Гигиенический обед
И сдабривают маслом!

Как выкорчевывают пни
В заботливой опеке
На горях выжженных мозгов
Лихие дровосеки!

Как в жерновах очередей,
Захлебываясь желчью,
Баранья блеет голова,
Косясь на морду волчью!

Как бойко в серых этажах,
Рассаженные в клетки,
Автоматически кричат,
Пищат марионетки!

Как жгуче плачут по ночам
Подстреленные люди,
Выпячивая в темноту
Разорванные груди!

Как щедро полита земля
Соленным этим соком,
Костями приборонена
Обширно и глубоко!

Какой веселый урожай
Родит без сожалений
Земля во славу живота
Грядущих поколений!

И как отрадно знать, что смерть
Спасительно и быстро
Единым взмахом зачеркнет
Сей бред имажиниста!

Москва. 18 ноября 1939 г.

Трава на ветру

ТРАГИКОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Глава 1

Вторник. Письма в пути

Придя домой, Юрий Иванович надел пижаму, мягкие туфли и полчаса полежал на диване с газетой в руках. Но всласть не полежишь: надо идти в столовую да еще предварительно два письма написать.

Юрий Иванович работал редактором в крупном издательстве художественной литературы, был холост, но стряпать не любил, а посему дома ограничивался чаем и бутербродами, обедал же в столовых и ресторанах. Нездоровая кочевая жизнь, но что ж поделаешь! Бога Гименея, как и домработниц, Юрий Иванович побаивался.

Редактор лежит, время бежит. У редактора славное лицо, ладная фигура и хороший уживчивый характер. Ему скоро тридцать. Дело свое он знает и любит, с товарищами по работе не ссорится, к начальству относится почтительно, но без угодничества, особых талантов не имеет, но поговорить с ним интересно, и знакомые любят его; он вхож во многие дома. Говоря короче — приятный и дельный молодой человек.

Но не скучно ли жить одному? Не пора ли обзавестись женой и семейным уютом? Юрий Иванович частенько размышлял об этом. К женщинам он тянулся, и в этом нет ничего удивительного, но относится к ним с опаской: боится обжечься. Кто в этом разберется? Ему, например, очень нравится Женечка, машинистка из соседнего отдела, хорошенькая, неглупая и, как говорится, «все при ней». Он познакомился с ней поближе на одном праздничном вечере в издательстве. Потанцевали вместе, поговорили, а потом не раз гуляли по Москве, посещая и кино, и музеи, и парки.

«Девушка скромная, простая, не какая-нибудь вертихвостка, — раздумывал Юрий Иванович. — Но кто ее знает... Девичью душу разглядеть трудно, не то что оболочку. Семь раз примерь...» И прочее, и прочее! Осмотрительный Юрий Иванович!

Редактор лежит, время бежит. Вставай, редактор! Не снимая пижамы, Юрий Иванович подсаживается к столу, аккуратно размещает письменные принадлежности и принимается сочинять два намеченных письма. Пишет Юрий Иванович на листках небольшого (по размеру конверта) блокнота крупным, профессионально четким почерком.

Вторник 7.10

Милая Женечка, я очень соскучился, не видя Вас с того, памятного для меня, вечера в театре. Мне все мерещится Ваш прелестный профиль и очаровательное платье. А стоит мне закрыть глаза, и я слышу Ваш нежный мелодичный голос. Он напоминает мне флейту в руках талантливого музыканта.

(Листок исписан и отрывается. Юрий Иванович переходит на второй, ибо писать на оборотной стороне считает неприличным. Ну, не снобизм ли это? Уже по началу письма видно, что редактор умеет говорить с девушками и даже заставляет вспомнить о лирических стихах Рабиндраната Тагора: «О, томительный звук твоей флейты!» — и тому подобных.)

Юрий Иванович продолжает:

Не могу забыть взгляда, которым Вы озаарили меня в конце нашей последней беседы. Хочу отблагодарить Вас за него. Наконец-то мне удалось достать билеты в Большой Театр на пятницу. Идет «Лоэнгрин». Буду с нетерпением ждать Вас с четверти восьмого у крайней левой колонны (если встать лицом к фасаду).

Целую ручку. Ваш Ю. Котиков.

Редактор сидит, время бежит. Не переводя духа, принимается он за письмо № 2.

Вторник 7.10

Уважаемая Амалия Петровна, доверительно сообщаю Вам, что, к величайшему сожалению, я не смогу присутствовать на редакционном совете, который Вы назначили на пятницу в 17 часов. В это время я буду занят важным личным делом, не терпящим отлагательства. Посему обращаюсь к Вам с большущей просьбой перенести совещание на субботу, а еще лучше — на понедельник.

Позвоните мне, пожалуйста, в пятницу в первой половине дня (я буду работать дома), чтобы сообщить, когда же состоится наше заседание.

Заранее благодарный Вам, Ю. Котиков

Едва Юрий Иванович успел подписаться, как зазвонил телефон.

— Юра, — проревел в трубку знакомый голос, — немедленно приезжай к Заозерским, они только что звонили мне и просили прихватить тебя. У них срочно организуется преферанс.

— Да я еще не успел пообедать, Вася!

— Ерунда! Там накормят до отвала. Подъеду не позже чем через полчаса. И никаких отговорок!

— Да мне еще...

Но вдалеке трубка упала на рычаг. Юрий Иванович постоял секунд двадцать с притихшей кривулей в руке, а потом пожал плечами, засунул письма в конверты, надписал адреса и стал быстро переодеваться. Ведь гораздо приятнее поиграть в карты и закусить в кругу хороших знакомых, чем тащиться в надоевшую столовую.

Вечер у Заозерских мы пропустим: он не имеет отношения к развитию сюжета.

2

Среда. Письма пришли

Вечером в среду, придя с работы, Женя вынула из своего почтового ящика письмо. При чтении его лицо девушки последовательно выразило удовольствие, недоумение и досаду. Вот что она прочла:

Вторник 7.10

Милая Женечка, я очень соскучился, не видя Вас с того, памятного для меня, вечера в театре. Мне все мерещится Ваш прелестный профиль и очаровательное платье. А стоит мне закрыть глаза, и я слышу Ваш нежный мелодичный голос. Он напоминает мне флейту в руках талантливого музыканта.

(«Как хорошо пишет!» — улынулась Женечка, но — преждевременно.)

Позвоните мне, пожалуйста, в пятницу в первой половине дня (я буду работать дома), чтобы сообщить, когда же состоится наше заседание.

Заранее благодарный Вам, Ю. Котиков

Улыбка сползла с лица девушки; так последний луч солнца покидает вершины большого леса.

«Вот дурной! — рассердилась Женечка. — О чем только он думал, когда писал? „Заседание“ вместо „свидание“! Но где же это слыхано, чтобы девушка сама напрашивалась на свидание! Да еще, видите ли, позвонить ему в пятницу днем. Со службы-то!»

Женя насупилась: «Слишком избаловала его! Придется подтянуть. Правильно подружки говорят: „Держи мужчин построже!“ Дожидайся теперь, миленький, заседания!»

Злорадство иногда полезно: оно заглушает досаду.

Оставим теперь Женю и заглянем в другую московскую квартиру, где встретим только что вернувшуюся с работы Амалию Петровну Нагель.

Заведующая одной из редакций издательства была весьма представительной крупной шатенкой с осанкой королевы и 39-летним жизненным стажем. Работу свою она вела умело и с достоинством. Перед директором не лебезила и отстаивала свои мнения, с подчиненными была в меру требовательной, но приветливой, хоть никаких вольностей не допускала.

Сменив платье и неторопливо покончив с обедом, приготовленным домработницей, Амалия Петровна столь же неспешно принялась за просмотр дневной корреспонденции, в которую попало и знакомое нам письмо Ю. И. Котикова.

Вот что Амалия Петровна прочла:

Вторник, 7.10

Уважаемая Амалия Петровна, доверительно сообщаю Вам, что, к величайшему сожалению, я не смогу присутствовать на редакционном совете, который Вы назначили на пятницу в 17 часов. В это время я буду занят важным личным делом, не терпящим отлагательства. Посему обращаюсь к Вам с большущей просьбой перенести совещание на субботу, а еще лучше — на понедельник.

Не могу забыть взгляда, которым Вы озарили меня в конце нашей последней беседы. Хочу отблагодарить Вас за него. Наконец-то мне удалось достать билеты в Большой театр на пятницу. Идет «Лоэнгрин». Буду с нетерпением ждать Вас с четверти восьмого у крайней левой колонны (если встать лицом к фасаду).

Целую ручку. Ваш Ю. Котиков.

Экспансивность была чужда Амалии Петровне, и поэтому, не слишком удивляясь и не делая поспешных умозаключений, она дважды и притом медленно перечитала письмо, после чего надолго задумалась.

Амалия Петровна вышла замуж рано и столь же рано овдовела: муж погиб на фронте. Чтя память о нем, вдова все никак не могла решиться выйти замуж вторично, хотя в претендентах на ее руку недостатка не было. А теперь сказывалась и привычка к уравновешенной, размеренной жизни. Кроме покойного мужа Амалия Петровна любила и свободу, хотя и не понимала ее как «осознанную необходимость». Надо еще вспомнить, что зав. редакцией крупного издательства несет большую нагрузку, и чтобы справляться с ней, приходится нередко урывать и часы из отдыха. Поэтому вне службы Амалия Петровна вела замкнутый, почти аскетический образ жизни в своей новой чистой и со вкусом обставленной квартире. Хозяйственные обязанности выполняла почтенная домработница, и Амалия Петровна имела некоторый досуг для пополнения своих профессиональных знаний и ежедневных небольших прогулок в гигиенических целях.

Скажем без обиняков, что письмо Котикова озадачило Амалию Петровну и увело ее мысли с привычной дороги. Котикова она ценила как дельного работника и умного собеседника. Но, может быть, он нравился ей еще и по-другому? Пожалуй, что нет. А если подумать? Амалия Петровна живо представила себе весь облик Юрия Ивановича и, заглянув в себя поглубже, вдруг поняла, что Котиков нравился ей не только как хороший редактор. Конечно, ей и в голову не приходило думать о нем как о возможном муже, но внезапно она прозрела в себе таившееся под спудом материнско-покровительственное отношение к юному редактору, что не должно нас удивлять, ибо женщинам не первой молодости свойственно так относиться к мужчинам-мальчишкам, еще не достигшим того возраста, когда, по мнению Конфуция, «человек устанавливается».

Выяснив этот вопрос, Амалия Петровна методично перешла ко второму вопросу: как она с присущей женщинам прозорливостью не могла догадаться о том, что мальчик в нее влюблен? А насчет этого сомнений нет: письмо слишком красноречиво.

Амалия Петровна тщательно перебрала в памяти все последние встречи с Юрием Ивановичем на работе и особенно самую последнюю, когда они обсуждали план своей редакции на предстоящий год. Нет, она твердо уверена в том, что никаким особенным взглядом не озаряла она Юрия Ивановича, прощаясь с ним. Взгляд ее мог выражать лишь усталость после затянувшегося заседания, и она думала только о том, как бы поскорее добраться домой. Но любовь слепа, охотно питается самообманами, и влюбленному может померещиться все, что угодно. И вот всегда такой сдержанный молодой человек вдруг, очертя голову, сделал прыжок в неизвестное.

«И все же какая выдержка! — продолжала размышлять Амалия Петровна — Ведь чувство должно было зародиться в нем уже давно, а я-то до сих пор ничего и не замечала! Вечные мысли о делах притупляют пронизательность». Таким афоризмом Амалия Петровна покончила со вторым вопросом и перешла к третьему: как ей отозваться на письмо?

Тут она перечитала его в третий раз. Неумная смелость, почти дерзость, влюбленного вызвала у Амалии Петровны сравнение его с распаленным конем, который, прижав уши и закусив удила, решил напролом преодолеть высочайший барьер.

Но если поэт прав и любовь — болезнь, то обижаться на болезнь не следует. А вот выражение «целую ручку» в четвертый раз неприятно кольнуло. «Что за фривольность!» — брезгливо подумала Амалия Петровна.

Но как же все-таки отнестись ей к письму?

Дисциплинированный ум главы редакции сразу же наметил следующие варианты:

Первый: Сделать вид, что ничего не произошло; в обсуждение письма с Котиковым не вступать.

Второй: Вызвать завтра Котикова к себе в кабинет и мягко отчитать его. Или сурово?

Третий: Написать ответ Котикову в вежливом, но холодном тоне. (на работе опасно вести интимные беседы). И наконец —

Четвертый: Никаких объяснений с Котиковым! Вместо них напомнить ему о заседании, неукоснительно назначенном на пятницу. Личные дела не должны мешать работе.

И вот тут-то, откуда ни возьмись, маленький бесенок пропищал: «А не пойти ли тебе на „Лоэнгрина“?» Амалия Петровна от неожиданности и смущения даже покраснела, хотя никого кроме нее в комнате не было.

Верно, что Амалия Петровна была отменной начальницей, но ничто женское не было чуждо ей: ни жалостливость, ни любопытство, ни желание нравиться, ни стремление к сладостной власти над мужским сердцем.

Продумав до двух часов ночи над осложнившимся из-за бесенка вопросом, Амалия Петровна так ничего и не решила... и заснула.

А как бы вы поступили на ее месте, дорогие неведомые мне читательницы?

«Смотря по обстоятельствам...» — ответит одна, вдумчивая и уклончивая.

«Не знаю!» — простодушно скажет другая.

И обе будут правы. Подобные проблемы не имеют единовозможного решения.

Четверг. Интермеццо

В четверг Юрий Иванович пришел на работу в неустойчивом душевном состоянии. Во-первых, он боялся встретиться с Женечкой, опасаясь, что она выплеснет перед ним свою радость при свидетелях. Во-вторых, он не хотел встречаться с Амалией Петровной. А вдруг она не снизойдет к его просьбе, скажет начальническим тоном: «Не забудьте, Юрий Иванович, что завтра у нас в 5 часов важное совещание!» И что тогда ему делать? Ведь он отлично знает, что совещание раньше 7—8 часов никак не закончится. Уклониться же от него после напоминания начальства будет крайне неудобно.

К счастью Юрия Ивановича, Амалия Петровна пришла на работу поздно и уединилась в своем кабинете. А сразу же после обеденного перерыва всех ответственных работников во главе с директором вызвали в Министерство. Одна опасность миновала: из Министерства скоро не выберешься! Сцилла уже больше не грозила, но Харибды избежать не удалось. Как ни откладывал Юрий Иванович, но пришлось ему по делу пройти через помещение, где Женечка стучала на машинке.

Преодолевая беспокойство и потупив глаза, Юрий Иванович постарался прошмыгнуть мимо нее как можно быстрее. Но все-таки Женя заметила его и в ответ на поклон окинула редактора беглым безучастным взглядом, внутренне злорадствуя при этом: «Вот тебе, получай, дорогой мой!» О, женщины!

Но если б только Женечка знала, как обрадовался, как воспрянул духом от ее равнодушного взгляда Юрий Иванович. «Ну что за прелесть! — возликовал он в душе — Что за такт у этой девушки! Прирожденный очаровательный конспиратор!»

Домой Юрий Иванович шел с легким сердцем. Вот разве только одно обстоятельство смущало его: на доске объявлений он не нашел оповещения об отмене завтрашнего совещания. «Ну ничего, как-нибудь обойдется!» — подбадривал себя Котиков.

Еще более довольная ушла из издательства Женечка. Незадолго до конца рабочего дня к ней, запыхавшись, прибежала подружка — машинистка из другого отдела, смуглая южанка с красивыми, но грубоватыми чертами лица.

— Женечка, вот повезло-то мне, да и тебе! Понимаешь, подошла моя очередь на театр, и я только что получила в местком два билета на завтра в Большой! Идет опера «Лоэнгрин». Вадим в командировке, а значит, идешь со мной ты!

— О-о-ой! — тихо простонала Женя от радости. Тискать и целовать подругу было неудобно: слишком много зрителей. Женя была воспитанной девушкой и строго блюла служебный этикет. Музыку же она очень любила, а оперу — прежде всего. Предвосхищая завтрашнее наслаждение, Женя даже сменила гнев на милость. «Ну вот, досталось ему на орехи, — подумала она об Юрии Ивановиче, — а теперь и простить можно». Отходчивая девушка!

События развивались своим чередом, но [...] и управляет ими Судьба, а эта дама то развлекается и шутит, то одаряет, а то и губит.

4

Пятница: Лоэнгрин и окрестности

Пятница. День клонится к вечеру. Юрий Иванович озабочен: ведь так и не позвонила ему Амалия Петровна! Быть может, сочла ниже своего достоинства давать какие-то справки подчиненному? Сам, мол, должен был позвонить! Но нет — Амалия Петровна не высокомерна и хорошо знает, что поймать ее по телефону, особенно в приемный день, трудно. В часы приема она не берет телефонной трубки, чтобы не нарушать беседы с посетителями, что ими высоко ценится и свидетельствует о большом такте заведующей. В остальное же время она часто покидает кабинет, а то и вовсе уезжает по делам в другие учреждения.

Не позвонить ли в таком случае секретарю? Однако стоит ли? Тот может подтвердить, что собрание состоится и что прийти на него необходимо. Нет уж, будь что будет!

Шесть часов. Редактор отпаривает брюки, чистит костюм, чистит ботинки, моется, переодевается, прихорашивается и выходит на улицу. Темновато, прохладно, моросит дождик. В пять минут восьмого он уже у обусловленной колонны.

Редактор стоит, время бежит. Семь пятнадцать, Женечки нет. Семь двадцать... и Котиков видит, как уверенной поступью приближается к нему... Амалия Петровна.

Будучи женщиной сообразительной, она, конечно, предчувствовала смущение пылкого влюбленного. Однако полную меру его растерянности могут взвесить лишь читатели этого повествования. Я же бессилён описать водоворот чувств, в котором мгновенно очутился и завертелся потрясенный редактор.

Амалия Петровна это быстро заметила и успокоительно протянула утопающему полную теплую руку. Однако Юрий Иванович ответил на рукопожатие машинально и свою руку тотчас отпустил. Он молчал. Язык прилип к гортани.

«Вот оробел-то, — ласково подумала Амалия Петровна. — В письме расхрабрился, а как до дела дошло, так и окаменел. Ох уж эти влюбленные мальчишки!»

— Ну что же мы стоим? — нарушила она молчание. — Или вы потеряли билеты?

— Нет, что вы! — пробормотал ошеломленный Котиков. — Билеты здесь! — Он хлопнул себя по груди.

— Просто... Я... Как-то смутился.

— Ничего, это пройдет! — ободрила его Амалия Петровна. — Я вас не съем.

И они направились к входу. Она — четким шагом. Он — как лунатик.

— А вы поторапливайтесь, — подстегнула Котикова его дама. — Через пять минут начнут.

И тут в полном смятении чувств и мыслей Юрий Иванович проявил избыточную резвость. Он рысью обогнал Амалию Петровну, врезался тараном в очередь у ближайшей вешалки, подмигнул гардеробщику, не обращая внимания на гул и жужжание в потревоженном улье, и через какую-нибудь минуту Амалия Петровна уже поправляла перед зеркалом причёску.

С любопытством наблюдала она за внезапными трансформациями в поведении своего кавалера, стремительно помчавшегося теперь на поиски программы. Они вышли в зал уже при гаснущем свете и едва заняли свои места в девятом ряду партера, как над центральным пультом оркестра медленно поднялась рука, и волшебные высочайшие звуки скрипок вступили в борьбу с шуршанием одежды и шепотом зрителей.

Амалия Петровна выросла в музыкальной семье, разбиралась в музыке и преданно любила ее, отдавая преимущество немецким классикам и романтикам. Прослушать «Лоэнгрина» было для нее редкой и большой радостью. С первых же звуков вступления она забыла о Котикове, и ее понесла волшебная река звуков, созданных великим музыкантом.

А Юрию Ивановичу не повезло с музыкой: в его душе она не нашла подобающего ей места. Будучи специалистом в литературоведении и неплохо разбираясь в живописи и архитектуре, музыку он как-то проглядел и в зрительном зале выступал обычно в роли Дон Жуана, а не меломана.

И только нынче он благословлял музыку за то, что она давала ему время разобраться в невероятном, непостижимом превращении Женечки в Амалию Петровну. Мысли его суетились и сталкивались в тщетных попытках найти ключ к разгадке. Ведь если Женя и не смогла по каким-то причинам пойти в театр, то разве решилась бы она предложить свое место Амалии Петровне? Это было бы крайне бестактно и по отношению к ней, и по отношению к нему. Нет, Женя, «очаровательный конспиратор», не могла этого сделать! Правда от женщин всего можно ожидать... но нет, нет и нет! Настолько-то он знает Женю... А что же еще можно предположить? Что? Уже не с ума ли он сходит? Не галлюцинация ли это? Может быть, рядом с ним вовсе не Амалия Петровна, а Женечка?

Он искоса взглянул на свою даму. Нет, ему не почудилось. Это, безусловно, Амалия Петровна. Сидит, полузакрыв глаза, вся в музыке. Боже милостивый, что же будет? Как мне держаться? Как выпутаться из этой паутины?

Тут Юрий Иванович наконец заметил, что занавес уже исчез, что на сцене много людей, и они не то спорят, не то ссорятся. Особенно шумел один бородач с мечом на боку. Спокоен был только старик в кресле.

Редактор имел самые смутные представления о сюжете оперы и некоторое время пытался понять, о чем поют люди на лужайке под развесистым деревом. Но кроме отдельных редких слов не разобрал ничего. Да и не до того ему было.

Бородач, видный мужчина, размахивал руками и пел очень долго. Потом его сменила молоденькая девушка, которая вела себя гораздо скромнее. Девушка чем-то напоминала Юрию Ивановичу Женечку. А другая женщина пышной композиции была похожа на Амалию Петровну.

«Вот наваждение!» — чуть не вскрикнул Юрий Иванович, и на минуту притихшие мысли снова заплясали мотыльками в его разбухшей голове.

В это время вдалеке появился лебедь, который тащил за собой якобы по воде взрослого плотного мужчину, да еще в тяжелых доспе-

хах. «Что за ерунда!» — промелькнула мысль в сумбурном сознании редактора.

Новоприбывший под всенародное пение вылез на берег, подошел к «Женечке» и высоким голосом обменялся с ней двумя-тремя фразами, отказываясь при этом отрекомендоваться. Потом старик, сидевший в кресле, встал и начал петь. Пел он басом, внушительно и громко, как из бочки. Юрию Ивановичу он понравился; даже отвлек его немного от бестолковых мыслей. Потом старик замолчал и сел, а пассажир, которого привез лебедь, стал биться с бородачом на мечях.

И тут произошло чудо! Когда бородач грохнулся на пол, поверженный мечом противника, Юрий Иванович внезапно прозрел. «Письма! — едва не закричал он. — Я неправильно начинил конверты. Дурак! Растяпа! Вместо продуманных записок отослал двух уродливых гибридов. Вот так чертовщина! Ведь Амалия Петровна теперь уверена, что я влюблен в нее! Что делать?»

К счастью, музыка еще гремела и позволяла выработать план действий до начала антракта. Следовало быстро решить дилемму: притворяться влюбленным или выложить Амалии Петровне все начистоту. После краткого лихорадочного раздумья второй вариант Юрий Иванович отверг: Амалия Петровна очутилась бы в глупом и смешном положении, а женщины этого не прощают. «Ну что же, выход один! — решил редактор. — Прикинусь влюбленным!»

Тем временем бородача уволокли за кулисы, старик и пассажир перекинулись несколькими энергичными фразами, народ пошумел и занавес закрылся.

Юрий Иванович весь подобрался и приготовился к бою, на этот раз дипломатическому. Он посмотрел на Амалию Петровну. Она сидела молча, не глядя на него, все еще во власти отзвучавшего. Удивительно, что оба они смотрели и слушали совсем разное. Не в этом ли причина неудачных браков?

Юрий Иванович поднес к лицу программу, которую держал в руке, и быстро проглотил конспект 1-го действия. «Лоэнгрин... так. Тейльрамунд (это бородач!)... так. Эльза — это Женечка, а старик в кресле — король. Божий суд... так».

— Ну как, понравилось вам? — так спросила А. П., очнувшись от сладостного забытья.

— Понравилось, — неуверенно подтвердил Котиков.

— А сам Лоэнгрин?

— Вы знаете, сам Лоэнгрин мне не понравился. Жидковат голос. Слишком высокий, женоподобный какой-то.

А. П. удивилась.

— Но ведь партия Лоэнгринана написана для тенора, — сказала она.

— Вот это и обидно, — расхрабрился Котиков. — Композитор, по моему, просчитался. Я бы на месте Эльзы предпочел Тейльрамунда... то есть, конечно, если б он не был женат. У него и голос да и вообще весь облик гораздо мужественнее.

А. П. удивилась еще больше.

— В таком случае, — не без иронии заметила она, — вероятно, вам больше всех понравился король? Он поет басом.

— Вы правы, именно так, — согласился Ю. И., не замечая иронии. — Жаль только, что он больше слушал, чем пел.

Пауза. А. П. поняла, что ее кавалер в музыке не очень силен. Ю. И. подозревал то же самое и поэтому, круто изменив тему, обратился к сюжету.

— Уж очень много наивного в сюжете, — сказал он. — Например, этот окостеневший рекордсмен — лебедь... А Божий суд! Ведь это же насмешка над здравым смыслом. Я допускаю, что среди толпы было немало лиц, которым приглянулась Эльза. Но вступать за нее в бой с искусным и свирепым [...] ¹ никому не хотелось. Рискнуть своей жизнью из-за какой-то девчонки, пусть даже миловидной! Причем тут бог?

— Нельзя смотреть на Средневековые с башни XX века, — улыбнулась А. П. — Надо слезть с нее и подойти поближе.

— Может быть вы и правы, — согласился Ю. И. — Но ведь люди нашей специальности пропитаны критическим отношением решительно ко всему. И перебороть его нелегко. Профессиональная болезнь! А помимо всего этого должен заметить, что я не особенно чту оперу. По-моему, это отживающая форма искусства. Опера достигла своего расцвета в прошлом веке с его неторопливой жизнью. Но с современными темпами она не в ладу. Обратите внимание, как спазматично развивается действие в опере. Только что люди действовали, жестикулировали, сменялись события, но вот певец начинает выражать свои чувства в арии, обычной речью он высказался бы за две минуты, а в пении ему на это мало десяти. И люди на сцене превращаются в неподвижных статистов, проявляя поразительное долготерпение, достойное лучшей участи. Вместе с ними начинает скучать и зритель, если он, конечно, не такой любитель и знаток музыки, как Вы. Поэтому я, профан в музыке, предпочитаю опере оперетту. Там действие развивается гораздо непринужденнее и живее.

— А как вы догадались, что я люблю «Лоэнгрина»? — помолчав, спросила А. П.

— Шестое чувство! — пробормотал Ю. И., потупив глаза.

А. П. вздохнула. «Конечно обидно, — подумала она, — что Ю. И. плохо разбирается в музыке, но его суждения об опере оригинальны и имеют свое право на существование, хоть я с ним и не согласна. Умница он и порой смущается, как мальчик». И вдруг ей захотелось погладить его по голове. Она чуть не покраснела.

— Не пойти ли нам погулять? — предложил Котиков.

— Нет, сейчас не хочется. Пройдемся в следующем антракте. Расскажите мне, как вы развлекаетесь в свободное время?

¹ Неразборчиво.

Ю. И. внимательно посмотрел на А. П-ну и вдруг обнаружил, что она удивительно красива; величественна и красива. Не то валькирия, не то королева. Королева валькирий. Она была в отлично сшитом платье темного добротного шелка; полную гладкую шею обвивала жемчужная нить. На груди приютилась нейлоновая блекло-оранжевая роза, явно заграничного происхождения. Глаза королевы излучали снисходительную доброту на ее предполагаемого пажа.

Ю. И. просто оторопел и лишился дара слова.

— Ну что же, отвечайте, а не то ведь я могу подумать, что развлечения ваши сомнительного свойства.

— Да как вам сказать, А[малия] П[етровна], — начал Котиков, медленно приходя в себя от шока. — Я ведь холостяк и домосед (про усердные занятия преферансом и прогулки с Женечкой упоминать как-то не хотелось). Больше всего люблю читать и размышлять в тишине.

— Это похвально, — улыбнулась А. П. — Что же вы читаете? Больше по специальности?

— Нет, почему же! — оживился Котиков. — В нашу кипучую эпоху надо следить за многим, а не то сразу отстанешь от жизни. Сколько новых проблем чуть ли не ежедневно возникает в политике, философии, физике, астрономии, медицине, да мало ли еще в каких отраслях науки и техники! Я придерживаюсь американского девиза: «знать все о чем-нибудь и что-нибудь обо всем». Хотя, по правде сказать, в наше время это вряд ли осуществимо. Но как же пройти мимо таких трудов, как, например, «Наука в истории общества» [Бернала], или «Человеческое познание» Бертрانا Рассела, или последней книги Соммерсета Моэма «Подводя итоги»!

Ради соблюдения истины скажем, что из объемного труда Бернала Котиков прочитал всего страниц 50 и отложил книгу, а Рассела начал читать, но бросил, так как ничего не понял. Однако Ю. И. уже подхватило и понесло, как Хлестакова, что он со страхом заметил сам, ибо был самокритичен. Но уже остановиться не мог.

«Что со мной делается? — спохватился он, перечисляя названия полупрочитанных и непрочитанных книг — Никогда еще такого не случалось!»

— А что вы читали за последнее время по астрономии? — впрыгнул в краткую паузу вопрос А. П. — Ведь эта наука приобрела теперь такую популярность в связи с запуском наших спутников и ракет!

— Ну, Мейера, Ньюкома, [Фламмаркона, Джинса], — вольным духом протараторил новоявленный Хлестаков. По правде-то, первых трех авторов Котиков читал еще подростком в школьные годы, а о книгах Джинса знал лишь понаслышке.

— Но ведь, кажется, Фламморкон писал еще в прошлом веке? — робко осведомилась А. П.

— Ну что ж из этого, — нимало не смутился Хлестаков. — Зато какой у него слог!

На это возразить было нечего, и фонтан забил опять. К счастью Ю. И., дирижер постучал палочкой о пульт, говор стих, и началось второе действие. Не случись этого, трудно было бы предсказать, куда доскачет Котиков на тройке Хлестакова.

Но вот что странно: прерванный монолог произвел сильное впечатление на Амалию Петровну. В области точных наук знания ее были скромны, а к философии, как и большинство женщин, она относилась с подозрением и не интересовалась ею. Поэтому вести беседу и спорить с Ю. И. на эти темы А. П. не осмелилась. И в то же время она думала: «Ведь вот какой образованный, начитанный юноша. Не чета разным ветрогонам! Как разумно я поступила, что не отклонила его приглашения. За один вечер я узнала о нем больше, чем за 2 года совместной работы, не говоря уже о „Лознгрине“. И подумать только, что он влюбился в меня!»

А. П. задумалась и не без труда переключила свое внимание на диалог Тейльрамунда с его крайне несимпатичной супругой.

А Ю. И. все никак не мог опомниться от своего стихийного словоизвержения и громового впечатления, какое произвела на него величавая красота А. П. На сцену он не смотрел, да и смотреть-то было не на что. Там стояла ночь, и лишь на переднем плане маячили две фигуры. Пели они по очереди и очень долго. Ни слов, ни музыки Ю. И. не понимал, чувствуя только, что кому-то готовится какая-то пакость. Ю. И. взглянул на А. П., но ничего не разглядел: в зале было еще темнее, чем на сцене. Тогда он закрыл глаза и стал вспоминать лицо А. П., ее большие сияющие глаза, слегка припудренную гладкую кожу и полные свежие, не тронутые карандашом губы. А потом он отчетливо представил себе и стройную, как колонна, обласканную жемчугом шею и крупную, но очень женственную руку.

Когда на сцене рассвело и подозрительная пара удалилась за кулисы, Ю. И. опять взглянул на А. П., чтобы проверить свои видения. Да, все было верно, но еще красивее, еще обаятельней. Тогда Ю. И. и во все перестал смотреть на сцену, перенеся все внимание на А. П. и обратив таким образом свой приятный профиль к юноше и девушке, сидевшим как раз за ним и его дамой. Вскоре те стали похихикивать. Королева быстро разобралась в ситуации и, склонившись к своему пажу, прошептала ему: «Смотрите на сцену: неудобно!» Паж повиновался и тупо уставился на свадебное шествие. Теперь ему стало глубоко безразлично все происходящее на сцене: к концу второго действия Ю. И. был влюблен в А. П. «по уши», как выражались в дореволюционное время.

Действие кончилось. В зале вспыхнул свет.

— Вот теперь погуляем немного, — предложила А. П.

Они стали пробиваться между рядами кресел. Королева воздержалась расспрашивать своего пажа о его музыкальных впечатлениях. Она чувствовала, что ему не до них и что беседа на эту тему не украсит их встречи. Да ей и не хотелось разговаривать, чтобы иметь возможность прислушиваться к тем новым чувствам, что возникли в ней под торжественное пение свадебной толпы. Опасно слушать волнующую музыку, сидя рядышком с пылким влюбленным!

Как только они вышли в центральный проход, Ю. И. начал мучительно думать о том, имеет ли он право взять свою даму под руку или же должен предварительно спросить у нее разрешения на это. Но вдруг испугался и не осмелился ни на то, ни на другое.

В главном фойе было тесновато, и он едва поверил своим ушам, когда А. П. спокойно произнесла: «Возьмите меня под руку, Ю. И., а не то в такой толчее нас разъединят, и потом придется искать друг друга». У Ю. И. забилося сердце, и он осторожно полуобхватил руку А. П. чуть повыше локтя. Боже, какая дивная рука — полная и нежная!

Но тут судьба вспомнила о них, и А. П. тотчас же воскликнула: «Смотрите-ка, наши машинистки в театре! Нина и Женя. Вот они!»

Котикова как обухом по голове хватили. Он вздрогнул и вперил глаза туда, куда смотрела Королева. Действительно, навстречу им вдоль противоположной стены фойе шли под руку две знакомые нам подружки.

От потрясения и растерянности Котикив выпустил руку своей дамы. Но слишком поздно! Он сразу убедился, что Женечка увидела все: и этот жест, и А. П., и его смущение; он понял это по круглым глазам девушки и по ее полуоткрытому от изумления рту. Тотчас Женя резко повернула голову к подруге.

А Королева подумала: «Ну что за трус!» — и разгневалась.

— По-видимому, Ю. И., вы считаете, что прохаживаться под руку со знакомой дамой зазорно? Не так ли? Должна признаться, что я вас переоценила.

Котикив застыл на месте и молчал. Его прошиб холодный пот.

— Подите, разыщите девушек, — продолжала А. П. спокойным холодным тоном, — осведомитесь об их впечатлениях о спектакле и постарайтесь как-нибудь исправить ваше мальчишеское поведение. А я пойду поправлю волосы.

И горделивой поступью Королева удалилась. Но паж никуда не ушел, а так и остался стоять на месте, подобно утесу, который ударяют, а потом огибают струи полноводной реки.

Но после нескольких толчков сзади утес все же стронулся с места, вылез на берег и каменными шагами поплелся к своему месту в зале, где опять обрел неподвижность.

Пригорюнился Ю. И. «Такой конец, и после такого начала!» — вспомнил он стих Уитмена. «Не иначе как судьба смеется надо мною». И действительно, эта дама тихо и ядовито посмеивалась.

Лишь перед самым концом антракта вернулась на свое место и А. П.

— Ну как, разыскали девушек? — строго спросила она.

— Никак не мог найти, — соврал Котиков. — А вы, А. П., уже, пожалуйста, простите мне мою глупую оплошность. Но, право же, я заботился только о вас. Ведь вы знаете, как у нас в издательстве... пойдут толки, сплетни, пересуды... люди рады всякое лыко в строку поставить...

Котиков смотрел на А. П. так жалобно, такими печальными глазами, что ее сердце сразу оттаяло. Для вида она укоризненно покачала головой (мол: «Ай, как стыдно!»), а в душе подумала: «А может быть, он и прав? Мужчинам все легко сходит, а женщина, особенно в моем положении, должна вести себя осторожно. Сейчас же станут перешептываться: „Подумайте-ка, старуха, а расставляет сети на юношу!“» А. П. горько улыбнулась и все простила, а вслух сказала: «Ну, мир! Однако впредь не допускайте таких ошибок!»

Котиков просиял, но полного спокойствия не обрел. Перед ним еще маячили испуганные глаза Женечки.

Третьему действию Ю. И. уделил некоторое внимание, особенно с того момента, когда молодожены остались наедине в брачном покое. Эльга была похожа на Женечку, и Ю. И. попытался перевоплотиться в Лоэнгрина, но это плохо удавалось, так как рядом сидела А. П., и от нее исходило ароматное тепло. Немного погодя, когда Женечка стала приставать к супругу с одним и тем же вопросом, Ю. И. пожалел Лоэнгрин и невольно подумал: «Вот и женись! Сразу покоя лишишься!» Потом внезапно появился бородач в сопровождении бандитов. Лоэнгрин, недолго думая, зарубил его, а бандиты струхнули и вместо того, чтобы зарубить Лоэнгрин, унесли труп бородача. На том первая картина действия и кончилась. Во всей картине Ю. И. ясно разобрал только одну фразу; ее пропел Лоэнгрин жене после того, как отправил на тот свет бородача: «Все наше счастье прошло как сон!» Ю. И. не без злорадства подумал: «Вот тебе урок! Не приставай без конца к мужу! Я бы тоже рассердился. А оперу следовало бы назвать „Лоэнгрин или наказанное любопытство“».

Совсем другое действие произвела эта картина на А. П. Повинуясь сладостной власти музыки, она прислушивалась к давно забытому и вновь возникшему чувству. Словно пушистый котик стучал мягкой лапкой в ее спящую грудь и требовал, чтобы его пригрели. Затуманенными глазами посмотрела Королева на своего пажу, но он не понял ее взгляда.

— Интересная сцена! — выдавил из себя Котиков.

«Молчал бы уж, глупенький», — подумала А. П. и ничего не ответила.

Занавес вновь раскрылся, и Ю. И. увидел то же самое дерево и тех же самых людей, что толпились здесь в самом начале оперы. Зачем-то торжественно притащили труп бородача, а потом Лоэнгрин спел малопонятный рассказ, из которого Котиков усвоил лишь то, что недолгий гость намерен отправиться домой к отцу. «Ну и уезжай, скатертью дорога!» — подумал Ю. И. Опять приплыл лебедь-рекордсмен, но, к большому удивлению Котикова, вдруг превратился в мальчика, которому все очень обрадовались. Каким образом после этого внезапного превращения Лоэнгрину удалось отправиться восвояси, Котиков не уследил. Эльга и вдова бородача от горя упали, а народ и старик в кресле продолжали радоваться. В целом от финала оперы у Ю. И. остались самые сумбурные впечатления.

На пути к вешалке Королева и паж не разговаривали. Каждый был погружен в свои мысли. Ю. И. опять подмигнул гардеробщику, тот быстро одел их, а уже через несколько минут Котиков остановил такси, сообщил шоферу адрес А. П., и они покатали по замирающей Москве. Ехали быстро, и на поворотах массивная, но стройная Королева невольно прислонялась к пажу, и его бросало то в жар, то в холод.

— А вы бы навестили как-нибудь старушку, — застенчиво промолвила А. П.

— Старичок сделает это с величайшей радостью, — находчиво и не задумываясь ответил Ю. И.

Счастливая реплика!

«Какой тактичный! — подумала А. П. — Непринужденно уравнил нас в возрасте».

— Как у вас воскресенье? — спросила она.

— Я свободен.

— А я тоже целый день дома. Приходите вечером.

— Большое спасибо.

Приехали. Машина остановилась. Ю. И. выскочил на тротуар и помог выбраться А. П.

— Так придете?

— Почту за честь и удовольствие, — несколько старомодно ответил Ю. И. и прижал к губам протянутую ему руку. Поцелуй длился секунды на три дольше неписаной, но существующей нормы, однако А. П. отнеслась к этому благосклонно.

Королева вошла в подъезд, а паж поехал домой.

5

Ночь на субботу. Герой в смятении.

Ночь на субботу герои повествования провели по-разному.

Перед глазами Ю. И. во весь рост стояла стройная Королева, а Жечка смотрела на него как бы из окна уходящего поезда.

«Что же это такое? — терзался Ю. И. — Влюбился, как мальчишка... Но ведь и Женечка мне нравится... как мне теперь вести себя с нею?... Что она думает обо мне после сегодняшней нечаянной встречи?... А я ведь не раз обещал свести ее в оперу... Каверзное положение...»

Ю. И. ходил по комнате, запустив руки в волосы, и покрывал.

«Надо все привести в ясность... на что-то решиться... Я не имею права огорчать эту милую девушку...»

Но девушка удалялась, была уже еле видна, а валькирия подошла вплотную и горячими губами обожгла рот смертного.

«Погиб! — со страхом и восторгом понял Ю. И. — Я не знал, что женщина может быть такой страшной, такой пленительной, такой неотвратимой! А что Женя? — девочка!» Но тут же вспомнил ее чистые глаза, целомудренные руки, высокую девичью грудь, гибкие движения и такой мелодичный голос. «Проклятие! — чуть не заплакал он. — Наваждение! Что они со мной делают? Верчусь, как флюгер в капризную погоду». Ю. И. даже рассердился, и это несколько отрезвило его. «Не надо горячиться... Побольше ясности... Взять себя в руки...»

Но, увы, ясность не приходила.

«Надо успокоиться... лечь спать... утро вечера мудреней...»

Эта немудреная пословица и успокоила Ю. И. Он разделся, прикрылся одеялом и заснул.

Дверь А. П. открыла домработница. Оставаясь в одиночестве, она запиралась на замки и засовы.

— Что так поздно, Петровна? Неужели все в театре была?

— Все в театре, Пелагеюшка, — улыбнулась хозяйка.

— Ну, иди чай пить, я свежий заварила. А то, хочешь, покормлю?

— Нет, милая, ложись спать, мне есть не хочется.

Пелагея Софроновна пошла к себе в закуток, а хозяйка, постукивая чайной посудой, стала тихонько напевать: «Ах, няня, няня...» и т. д., хотя старушка ее не нянчила.

«Больно весела пришла, — думала та. — Уж не стакнулась ли с кем?» Теоретически Пелагея Софроновна не одобряла безбрачной и бездетной жизни цветущей женщины, но вместе с тем и побаивалась, как бы ее красавица не завела себе напарника. Тогда сразу же прибавится хлопот, а то еще и дети пойдут; бог с ними. Старуха прожила трудную жизнь и устала. Нехитрые заботы об Амалии Петровне были для нее заслуженным отдыхом.

Тем временем А. П., помешивая ложечкой горячий чай, пристально перебирала в памяти богатые и такие разнообразные впечатления от проплывшего вечера.

А разбираться в них было не так легко. Применяя свои познания в музыке, А. П. мысленно назвала этот вечер «контрапунктическим». И в самом деле, темы «Лоэнгрина» и Юрия сплетались, разъединялись,

перекрещивались, наступали друг на друга, то разгораясь, то угасая и создавали в душе А. П. сложную симфонию чувств.

Она помнила все: и самые мелкие детали в рассказе Лознгрена, и его взгляд, когда перед ним раскрылась сверкнувшей молнией красота женщины — ее красота; и ни на что не похожую музыку вступления, как бы спускавшуюся на землю из заоблачных далей; и поцелуй, до сих пор ощутимый на ее трепетной руке. Удивительно, что и все ничтожные мелочи, о которых обычно забываешь, и те так вонзились в сознание, что теперь их не выкинешь из памяти: угодливая улыбка гардеробщика, рама зеркала, перед которым она поправляла прическу, цвет Жениной блузки, мокрогубая дама, жевавшая пирожное, и многое, многое другое, так что всего и не перечислить; но все в ней осталось.

Столь внезапно ворвался этот вечер в жизнь А. П., что она и пугалась, и радовалась, и смущалась, и трепетала, и вся горела и чуть не плакала от нахлынувшего волнения.

Эмбрион любви, впрыгнувший из несуразного письма в просторную грудь этой женщины, угнездился там и стал быстро наливаясь соками ее сердца.

В эту ночь А. П. так и не могла заснуть, пока не переволновалась и не попыталась трезво оценить свое душевное состояние. «А может быть, это наваждение какое-то? — спрашивала она себя. — Нечто вроде молниеносного пароксизма острой, но скоропроходящей болезни? Может быть, за два дня припадок пройдет?.. Напрасно я так поспешно пригласила его... Во всяком случае, завтра попытаться не встречаться с ним... Как хорошо, что совещание я перенесла на понедельник...»

И все же, несмотря на эти трезвые мысли, последние слова, которые прошептала А. П. на грани бодрствования и сна, были: «Милый, милый Юрочка...»

А. П. терпеть не могла иноязычного уменьшительного «Жоржик».

А как чувствовала себя Женечка на исходе злополучной для нее пятницы?

Женя окончила десятилетку два года назад, но в ВУЗ не попала, да и не очень стремилась к этому: ей нужно было заботиться о хворой матери.

Мама воспитала дочку правдивой, неизбалованной и вежливой. Девушка была хороша собой: ясное милое лицо, открытый взгляд синих глаз под разлетом естественных бровей, густые золотистые волосы, причесанные на прямой пробор. Сложена была Женя удивительно пропорционально, и к ней как нельзя более подходило французское выражение [...] (милая худышка). Женя много читала, любила танцы, музыку и спорт — коньки, лыжи, плавание, что благоприятно отражалось на пластике ее движений. Чувственность едва просыпалась в

ней, и поэтому она убереглась от многих иллюзий и ошибок чрезмерно темпераментных девушек.

А как она относилась до последнего вечера к Ю. И.? Да, пожалуй, прежде всего как к старшему и умному брату, но и не только так: ей нравились его внимательные добрые глаза, слегка вьющиеся волосы, выразительные руки... Когда при встречах и прощаниях Ю. И. нежно прикасался губами к ее маленькой руке, Жене всегда хотелось продлить это мгновение, и по коже ее пробегали мурашки. Она часто задавала себе древние вопросы: любит ли он ее? любит ли она его? что скрыто в слове «любовь»? — но в своей неопытной девичьей душе не находила ответа на них. Однако один ответ громом прогремел над головой девушки в тот самый миг, когда ее беглый взгляд выхватил из пестрой толпы Ю. И. с его блистательной дамой. И Женя сразу же ощутила себя такой маленькой, такой беззащитной, такой покинутой. Это был первый рывок чувств. А вслед за ним проснулся доселе дремавший в ее душе, доселе неведомый ей зверь — ревность! Зверь потянулся, расправил когтистую лапу и схватил незащищенное затрепетавшее сердце.

Пропало III действие «Лоэнгрина»! А ведь только что все было так чудесно! Глядя стеклянными глазами на сцену, Женя равнодушно слушала пререкания Эльги с мужем и, комкая в руке маленький платок, думала лишь о том, как бы удержать в себе закипавшие слезы.

Вот так и закончилась опера для Жени — жгучим отчаянием и нарастающей головной болью.

Нина не заметила ни роковой пары, ни Жениного шока, но все же вскоре почувствовала, что подруга чем-то расстроена.

— Что ты вдруг скисла так? — спросила Нина, когда они занимали свои места, а дирижер бочком пробирался к обжитому трону.

— Не спрашивай, Нина. Потом расскажу.

Нина надулась, и, выйдя из театра, подруги расстались.

— Спасибо тебе за «Лоэнгрина», — сказала на прощанье Женя. — Я сегодня многое поняла.

Если и А. П. и Ю. И. заснули в эту ночь позже обычного, но все же заснули, то Женя пролежала до самого утра с открытыми глазами.

«Легче отнять детеныша у тигрицы, чем иллюзию у женщины». Кажется, это сравнение придумал Гафиз². Умный Гафиз!

Со страхом Женя поняла, что в своей душевной жизни она опиралась на Ю. И., что без него ей станет пусто и скучно, что где-то глубоко в ней таилась мысль о браке с ним и что она любит, да, любит его всем своим существом и будет бороться за него и никому не позволит увлечь его — ее избранника, ее собственность, ее счастье.

Так за несколько часов скромная девушка превратилась в отважную воительницу.

² Гафиз, Хафиз Ширази, Шамседдин (ок. 1325—1389) — персидский поэт.

Поистине, прав Гете, утверждая, что человек развивается скачками.

6

Суббота. Первый диалог

Монголы называют субботу полупраздником, но для Ю. И. она обернулась полупыткой. Он как пришел в издательство, так будто приклеился к своему стулу. Он понимал, конечно, какой удар нанес вчера Жене, и все не имел мужества встретиться с ней, трепеща при мысли, что каждую минуту она может войти в комнату. Этот страх даже вытеснил его мысли об А. П.

Но Женя так и не появилась. Едва дождавшись трех часов, Ю. И. поспешно надел пальто, выбежал на улицу... и натолкнулся на Женю. Очевидно, она поджидала его. При виде ее осунувшегося лица и набрякших глаз жалость охватила Котикова, и он почувствовал себя палачом.

— Ю[рий] И[ванович]! — сказала Женя ровным голосом (чего это стоило ей!). — Мне надо серьезно поговорить с вами.

Смущенный редактор молчал.

— Разговаривать на улице трудно, у меня — неудобно: мама. Остается прийти к вам, если вы сегодня не заняты.

Ю. И. взял себя в руки.

— Пожалуйста, Женечка. С восьми часов я буду дома. Приходите. Буду очень рад.

Но радости Ю. И. не испытывал. На душе у него стало тревожно.

— Я приду, — деловито сказала Женя, повернулась и ушла.

Ей никогда не приходилось бывать у Котикова; она считала это неудобным. Да и сам Ю. И. избегал тэтатэтов с дамами в своей комнате. Мало ли что могут сказать! Да и не опасно ли это? Ю. И. дорожил репутацией благопристойного человека. Но он понял, что сейчас отказывать Жене нельзя, и стал готовиться к трудному объяснению.

Прямо со службы он пошел в ближайшую закусочную пообедать и вернулся домой задолго до восьми часов. Облачаться в пижаму не стоило: неудобно принимать гостей в таком домашнем виде. Попробовал почитать газету — бросил. Мысли копошились в его голове, как раки в мешке. Ухватился за одну, напозла другая. Пошел на кухню вскипятить воды и заварить чаю. По дороге домой Ю. И. купил печенья и конфет. Надо же угостить девушку.

Вот и заварен чай. Прикрыл его теплым колпаком, чтоб не остыл. А теперь что делать? Надо бы написать одно деловое письмо... да нет! — ничего не выйдет. Противное состояние! «О чем она будет говорить со мной?» — спросил он Пушкина, висевшего на стене. Пушкин промолчал. Ю. И. достал из буфета орехи и щипцы. Сел за стол. Те-

перь в тишине только потрескивало и похрустывало. Редактор жует, время тянется.

В начале девятого раздался звонок... поспешно убрал орехи, скорлупу и щипцы. В дверь постучали. «К вам пришли!» — проблеяла соседка. Котиков распахнул дверь, и в комнату вошли Женя с Ниной.

— Раздевайтесь, пожалуйста, — неестественно бодрым тоном предложил Ю. И. — Вот тут вешалка.

И в это же время думал «Что же это? Значит, придется беседовать при наперснице?»

— Мне сейчас нужно уйти, — сказала Нина, в то время как Ю. И. помогал Жене снять пальто. — Я только проводила Женю, благо здесь неподалеку у меня есть дело. А через полчаса приду за ней и провожу домой, а не то еще заблудится ненароком.

Все это Нина произнесла сухо, деловым тоном. Женя не выдержала и рассказала подруге о всех своих тревожнениях, после чего Котиков обернулся в глазах Нины вертопрахом и коварным соблазнителем.

Нина ушла. Ю. И. подвел Женю к столу. «Садитесь, пожалуйста!» А сам сел наискось от нее, через угол. Расположиться с Женей на диване, который служил ему и кроватью, он почему-то постеснялся.

Помолчали. Женя сидела, потупив глаза. Румянец то вспыхивал, то гас на ее нежном лице. Но вот она широко раскрыла глаза, сверкнула ими прямо в лицо Котикову и спросила:

— Скажите, Ю. И., как вы ко мне относитесь?

— Вы же сами прекрасно знаете, Женечка, что я отношусь к вам более чем хорошо. Будь иначе, разве совершили бы мы столько замечательных прогулок и экскурсий?

— А что значит «более чем хорошо», Ю. И.?

— А это значит, Женечка, что очень многих людей, к которым я отношусь хорошо, я не стал бы приглашать в парки и музеи.

— Значит, к Амалии Петровне вы относитесь тоже «более чем хорошо», раз вы пригласили ее пойти в театр?

Когти вонзились.

— Видите ли, Женечка, — начал врать Котиков. — Я знал, что А. П. очень любит музыку Вагнера, а я многим обязан ей по работе в издательстве. Долг вежливости заставил меня отблагодарить ее чем-нибудь.

— А под руку вы с ней шли тоже из чувства долга? Но тогда почему же вы так смутились, заметив, что я увидела это?

Правда глаза колет, и этот укол рассердил Ю. И.

— У вас болезненное воображение, — сухо сказал он. — Как вы, наверное, заметили, никому не возбраняется ходить под руку по театральному фойе. А руку я опустил, чтобы достать из кармана программу.

За последние два дня Ю. И. наврал больше, чем за целый год. А кто виноват в этом? Женщины! «Не спрашивай — не услышишь лжи», — говорят англичане.

И тут самолюбие девушки рухнуло.

— Ю. И.! — запинаясь, начала она. — Простите меня за неуместные, дерзкие вопросы, но я хочу знать правду, я должна знать ее... Ведь я прекрасно понимаю, что и по уму и по образованию мне далеко до вас... Но тогда зачем же вы приглашаете меня на прогулки, проводите время со мной? Значит, чем-то я привлекаю вас, чем-то нравлюсь? Но чем, чем? Вы хоть немножко-то любите меня?... А я вас ужасно люблю и страдаю. Я этого раньше не понимала как следует, а вот сегодня ночью вдруг сразу все поняла...

Признание вырвалось птицей из клетки. Женя положила руки на стол, опустила на них свою золотистую голову и горько заплакала, по временам всхлипывая, как обиженный ребенок.

А со стены Пушкин смотрел всевидящими глазами на свою ново-явленную Татьяну.

У Котикова, наперекор мнению Нины, была добрая, мягкая душа. Слезы девушки вызвали в нем такой наплыв нежности и сострадания, что он, не размышляя на этот раз, придвинул свой стул к Жене, обнял ее рукой и поцеловал в мокрую щеку.

— Женечка, милая, — лепетал он. — Успокойтесь, пожалуйста, не надо плакать...

И он поцеловал Женечку вторично, в то же время поглаживая рукой то ее густые волосы, то плечо. От девушки очень приятно пахло, по другому, чем от А. П., но очень приятно — не то яблоками, не то миндалем и еще чем-то более нежным.

— Не плачьте, милая... — опять пробормотал Котиков и поцеловал ее на этот раз в лоб, а потом, не рассчитав движения, и в нос. И чем дольше он целовал это влажное от слез лицо, тем больше Женя ему нравилась. А она по-прежнему сидела, уткнув рот в руки, но всхлипывать и плакать перестала. Так некоторое время она сидела молча, и Ю. И. то поглаживал, то целовал, а то даже изредка и прижимал к себе девушку, но, впрочем, осторожно, как хрупкий сосуд.

— Женечка, — заговорил размягченный Котиков, — ведь я нередко думал о наших взаимоотношениях, о нашей возможной совместной жизни, о нашем браке. Не принимайте меня за какого-то коварного соблазнителя (точно подслушал он мысли Нины). Но брак — дело нешуточное, и его нельзя заключать поспешно. Я много старше вас, вы еще неопытны, и поэтому на меня ложится вся ответственность за нашу совместную жизнь. Нам надо глубоко всмотреться друг в друга, чтобы потом не раскаиваться в возможной, но уже непоправимой ошибке. («А зачем еще всматриваться, если мы любим друг друга», — невольно подумала Женя.) Правда мы кое-что уже знаем друг о друге,

но эти знания еще недостаточны, их нужно расширить и углубить. («Будто лекцию читает», — подумала Женя.)

Нельзя уподобляться той современной молодежи, которая идет расписываться после двух-трех встреч, а спустя месяц начинает думать о разводе. Поэтому запаситесь терпением и постарайтесь как можно глубже вникнуть в собственную душу. А может быть, это у вас скоропреходящее, поверхностное увлечение? (Тут Женя отрицательно помотала головой.) Не качайте головой! Чувство часто обманывает нас, и надо как следует разобраться в его источниках и природе, чтобы не испытать потом горьких сожалений. „Семь раз примерь, один раз отрежь“, — вдруг забормотала устами Ю. И. житейская мудрость.

Котиков тем временем перестал целовать и поглаживать девушку. Известно, что размышления живут не в ладу с проявлением чувств.

Женя оторвалась наконец от стола, вытерла глаза платочком и немножко приободрилась. Хоть она и не видела необходимости в семикратных примериваниях, но решила поверить Ю. И. на слово: ведь он и умнее ее, и лучше знает жизнь.

— А теперь, Женечка, давайте попьем чайку, — с наигранным оживлением предложил Котиков, подходя к буфету, чтобы достать посуду. — А тревожные мысли выбросьте из вашей прелестной головки.

Но в этот момент пришла Нина, которой надоело слоняться по окрестным магазинам, — никакого «дела поблизости» у нее, конечно, не было.

— Ну как, наговорились? — строго спросила она Женю, как бы не замечая Ю. И.

Женя молча кивнула головой.

— Ну, тогда пошли домой, а не то твоя мама начнет беспокоиться.

И Жене пришлось подняться и уйти вместе с подругой. Приглашение к чаю Нина решительно отвергла.

Визит девушки был всесторонне обсужден на закрытом кухонном собрании. Резолюцию сформулировала самая древняя жилица — ехидная старушка.

— Вот и за нашего тихоню девушки принялись. Шлюшки окаянные — никого не пропустят! Пришли-то вдвоем, и ту же минуту одна — шмыг на улицу!

Верно, за вином послали. А вернулась — ничего и незаметно: под пальто, видно, прятала. Ремнем хорошим таких бы драть каждый день — посмирнеет!

При однородных впечатлениях последнее из них обычно действует на нас сильнее предшествующих: оно еще свежо, а те уже начали тускнеть. Вероятно поэтому, ложась спать, Ю. И. думал о Женечке больше, чем об А. П. С волнением вспоминал он ее слезы — знак не-

поддельной любви, поникшую над столом голову и нежную кожу щеки под его поцелуями. А еще нежная и душистая кожа была на шее, у самой кромки волос...

С такими полумыслями редактор и заснул.

7

Воскресный день. 2-е интермеццо.

На следующий день Ю. И. проснулся довольно поздно, неспеша оделся и побрился, а потом с ленцой стал готовить себе чай и бутерброды.

Но вот чай выпит, посуда прибрана, а еще только 10 часов. Чем же заняться теперь? Работать не хочется, читать — тоже. Разве пойти погулять? Ю. И. поглядел в окно — лужи морщатся от ветра, дождик. Нет, и погулять не удастся. Ю. И. взял было газету, но вскоре сложил ее и стал размышлять о событиях двух последних дней.

Постепенно мысли о предстоящем визите к А. П. стали выталкивать из его головы воспоминания о вчерашнем вечере с Женечкой. Котиков уподобился космической ракете, летящей от одного небесного тела к другому. От первого ей сначала трудно оторваться, но потом притяжение ко второму телу начинает преобладать, и она убыстряет свое движение к нему. Так закон небесной механики перекликается с законами (опытом) человеческих отношений.

Неизвестно, до чего додумался бы Ю. И. перед своим путешествием в Валгаллу, но, на его счастье, к нему неожиданно появился товарищ по ВУЗу Борис Керженцев. Керженцев работал теперь в Ленинграде, но изредка навещался в Москву по служебным делам. Котиков дружил с ним давно, и дружба их не успела зачахнуть, хотя уже несколько лет они жили в разных городах. Ю. И. очень обрадовался другу, с обеих сторон посыпались вопросы, и даже в комнате стало как-то уютнее.

— Ну, а как там мои старики? — поинтересовался Котиков. Родителей он потерял давно, а его дядя со своей женой-старушкой жили в Ленинграде на покое, получая пенсию. Котиков был к ним привязан и почти каждый год навещал их.

— Старики твои молодцом, — сказал Керженцев. — Тетя, правда, недавно немножко прихворнула, но теперь поправилась, и у них все в порядке. Я заходил к ним третьего дня, и они просили поцеловать тебя да еще и миног всучили. Помнят твою страстишку!

Керженцев расстегнул объемистый портфель и вытащил из него сверток с миногами.

Противоестественно пить чай и закусывать миногами! Котиков выпивал очень умеренно и только в компании. Но на случай неожиданного и подходящего гостя у него всегда хранился неприкосновенный запас в виде бутылки сорокаградусного достоинства.

Томительный день как по волшебству превратился в маленький праздник. Друзья неторопливо разделались с ленинградским даром и неприкосновенным запасом, а немного погодя двинулись в ресторан, где время замелькало еще быстрее.

Расстались они только в седьмом часу. Котиков пошел домой кружным путем, чтобы проветриться: от непривычной дозы алкоголя в голове у него шумело. «Пожалуй, перехватил! — раскаивался он, поеживаясь на холодном ветру. — Авось гидротерапия поможет... Да еще запах надо отбить...» Озабоченный редактор убыстрил шаги.

Вот и дома. Гидротерапия свелась к двум несложным процедурам: с полведра холодной воды на голову и два стакана воды, подкисленной лимоном, — внутрь. Стало легче: шум в голове затих.

Вытерев насухо голову, редактор сел в кресло и с отвращением стал жевать сухой чай — испытанное средство шоферов в дипломатической борьбе с милиционерами. Для полной гарантии Ю. И., выплюнув чай, разгрыз еще несколько кофейных зерен с добавлением гвоздики. Потом попытался представить себе, чем от него пахнет. Тщетно!

Часы за стеной пробили 8 раз. Пора бриться и наряжаться. Ровно в 9 часов редактор со смутной головой, но в приподнятом настроении позвонил в квартиру своей начальницы.

8

Воскресный вечер. 2-й диалог

А как проводила время А. П. Нагель, королева валькирий, в ожидании своего смертного пажа? В смятенном состоянии, что, как видно, случается и с небожительницами.

Эмбрион любви, который она неосторожно впустила в свою одетую панцирем грудь, развивался с удивительной быстротой, и она была бессильна остановить его рост. Заторможенная чувственность, потребность любить и быть любимой с такой силой вспыхнули в этой женщине, что она испугалась самой себя. «Но не могу же я стать его любовницей?» — со страхом думала она. Это унижительно и позорно!» А. П. была поспитана в патриархальном духе.

«А брак? — продолжала размышлять она. — Возможен ли брак между нами? Ведь я на 10 лет старше его! (Накануне А. П. заглянула в личное дело Котикова, чтобы узнать его возраст.) Через 10 лет я стану старухой, а он будет еще в полном расцвете сил. Вот тогда и начнутся мои страдания и муки! Ведь всякая смазливая знакомая его сделается моим врагом. Но как же быть тогда? Как быть?»

А. П. никак не могла вырваться из капкана этих вопросов и, переходя к одной альтернативе, тотчас возвращалась к другой. А о том, чтобы задавить или выкорчевать проснувшееся чувство, у А. П. даже

и мысли не возникало. Оно охватило все ее существо, как смертельная болезнь.

Так и промучилась А. П. весь день и вечер до самого прихода Ю. И. И даже, к ужасу Пелагеи Софроновны, обедать не стала: кусок в горло не шел.

Все же к приходу гостя надо было подготовиться. Хозяйка умело расположила на красивой скатерти отборные закуски и бутылку легкого вина. Потом принарядилась. Надела легкое домашнее платье цвета беж, очень простое и очень дорогое. Шею украсила ожерельем из красивых зеленых камней в тон своим чуть зеленоватым глазам. О чулках и туфлях не стоит и говорить. Женщины уделяют им особое внимание, а А. П. одеваться умела.

Почему влюбленные женщины так хорошеют? На этот интересный вопрос мы не нашли ответа ни у философов, ни у психологов, ни в трактатах по физиологии человека. Быть может, философам и не пристало заниматься таким вопросом, но физиологи с уклоном в психологию обязаны были дать ответ, а не дали. Позор физиологам!

На не вполне протрезвившегося героя нашего вид А. П. произвел ошеломляющее впечатление. Особенно же большое декольте и обнаженные до локтя и даже чуть выше прекрасные руки. Но, хоть и ошеломленный, Котиков ничуть не оробел (да здравствует Керженцев!) и, сняв пальто, бодрой поступью проследовал за хозяйкой в гостиную-столовую. Там он равнодушно взглянул на отменные закуски (был сыт) и с презрением на бутылку вина (ему уже претило пить).

— Закусим сейчас или попозже? — любезно осведомилась хозяйка.

— Лучше попозже! — почти развязно ответил гость.

— Тогда присаживайтесь сюда, — указала ему хозяйка на уютный диван. — А верхний свет я тогда выключу. И мне и вам надо беречь глаза.

А. П. зажгла торшер под темноватым абажуром, стоявший у дивана, и погасила потолочную лампу. А потом села рядом с Котиковым, так что ее полное душистое тело чуть не прикоснулось к нему.

И тут паж не выдержал. Ослепительный вид королевы, ее близость, мягкий диван, тепло и полумгла в комнате доконали пажа, куда девалась его застенчивость? С хриплым полупшепотом «Я люблю вас!» он приник к своей королеве, уткнулся лицом в ее пышную грудь и замер. Замерла и потрясенная королева. Уж никак не могла она предвидеть такой прыти от доселе робкого пажа. Сколько времени они просидели, замерев в такой позе, никто не знает, разве что одна Пелагея Софроновна.

Королева так разволновалась, что с трудом дышала. Ее грудь то поднималась, то опадала, и вместе с ней поднималась и опадала голова пажа. Ему казалось, что его покачивает на золотых теплых волнах. А

королеве казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, и в то же время, скованная каким-то странным оцепенением, она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Вдруг паж как бы очнулся, и его охватила жажда деятельности. Он сполз с дивана на пол, встал на колени, приподнял край платья королевы и припал губами к теплому круглому колену.

Более подвинутый в науке любви кавалер сначала отстегнул бы чулок, так как целовать ткани, даже самые тонкие — пустое занятие, но, вероятно, паж в наплыве чувств просто не мог отличить чулки от кожи. Покинув обцелованное колено, он прижался к другому. А королева сидела по-прежнему неподвижно, закрыв глаза, откинув голову на диванную подушку, и тяжело дышала. Ей казалось, что она медленно погружается в теплую ванну, сейчас захлебнется и потеряет сознание.

Внезапным и крайним усилием воли она отвела рукой голову пажа и прикрыла колени платьем.

— Ю[рий] И[ванович]! Юра! — с трудом проговорила она. — Уходите теперь, уйдите, милый... Я не могу больше... Мы встретимся завтра...

Вот тут-то, если б Ю. И. разбирался в поведении женщин, он ни за что не ушел бы. Но, оглушенный всем происходящим, паж слепо выполнил повеление королевы, шатаясь, добрал до передней, надел пальто, скрежетнул дверным замком и сгинул. А королева даже и не проводила его. В сутолоке чувств, в полной растерянности продолжала она сидеть на диване, и только когда хлопнула дверь, заплакала крупными обильными слезами.

А причину этих слез пусть объяснят многоуважаемые неведомые мне читательницы.

9

Ночь на понедельник. Размышления редактора

Котиков не нашел такси и поплелся домой пешком, что, впрочем, пошло ему на пользу.

Когда он скинул пальто в своей комнате, хмель уже почти выветрился из его многострадальной головы. Он заварил крепчайший чай, сел в кресло, поставил стакан рядом с собой на столик и задумался.

Жизнь, которая всего пять дней назад казалась ему такой простой, удобной, налаженной и невозмутимой, превратилась в запутанный клубок. И причина тому — он сам. Проклятая рассеянность... Дурацкие письма... И как женщины-то не сумели разобраться в этом винограде, а приняли письма за чистую монету! Вот тебе и хваленая женская интуиция!

Вспоминая пядь за пядью все следовавшие события, Котиков был вынужден сопоставить свое объяснение в любви А. П. и намеки

на возможность брака с Женечкой, высказанные им заплаканной девушке. Сопоставил и ужаснулся.

«Если теперь А. П. согласится стать моей женой, то для Жени это будет жестоким ударом, и она даже может покончить самоубийством».

(Тут, нам кажется, Котиков переоценил себя и недооценил Женю.) «А если я женюсь на Жене, то каким прощелыгой окажусь в глазах А. П.! (В этом Котиков, пожалуй, был прав.) И тогда работа в издательстве станет для меня невыносимой — придется уйти. Что же делать? Прекратить всякие объяснения с обеими? Но ведь они будут недоумевать и мучиться! И чем же это кончится?»

Котиков почувствовал озноб.

«А не притвориться ли мне сумасшедшим? — мелькнула в его голове мысль. — Ну, не настоящим сумасшедшим, а так... шизофреником, что ли... Нет, не выйдет! Ненормальных людей на службе не держат; направят в какой-нибудь психиатрический диспансер, а там специалисты быстро разберутся и обнаружат симуляцию. Позор!»

Котиков ощутил себя затравленным зайцем. Некуда скрыться!

«А не пригласить ли мне А. П. и Женечку к себе одновременно? — заяц сделал последний прыжок. — Приглашу и предложу им жить втроем. У французов ведь это случается, а чем мы хуже французов?.. Нет, вряд ли согласятся. Да и ЗАГС не разрешит жениться на двух. А почему, собственно? Вот у мусульман жизнь лучше устроена. Бери хоть четырех жен, лишь бы справлялся. Предложить им перейти в мусульманство? Я-то без колебаний перешел бы...»

Как читатель, наверное, заметил, мысли Котикова, хоть он и протрезвел, начали походить на бред. Но ведь и многие стали бы в тупик на его месте.

Редактор устал думать. Он изнемог и пошел спать.

10

Понедельник. Смена декораций

В семь часов утра Ю. И. подняли с постели к телефону.

— Юра! — загрохотал в трубке знакомый голос. — Где ты вчера пропадал целый день? Я тебе раз пять звонил и все без толку. Хорошо, что хоть ночуешь дома, гуляка! Понимаешь ли, у меня к тебе срочное дело. По телефону долго рассказывать. Вставай! Я через полчаса подъеду к тебе.

Вася Рыжиков был помощником директора издательства по хозяйственной части. С Котиковым он был в приятельских отношениях, которые поддерживались главным образом совместными бдениями за карточным столом.

Потревоженный Ю. И. неохотно начал впрягаться в рутину дня: он не выспался.

Едва Вася возник в проеме двери, как уже загудел его мощный бас: — Понимаешь ли, Юра, — срочное дело колоссальной важности. В субботу вечером меня вызвал к себе на квартиру Глеб Савельич. Слышал о таком?

Котиков молча кивнул.

— В Ленинграде, понимаешь, организуется новое крупное издательство по нашей части, и Глеба Савельича ставят во главе всего дела. Вот он и говорит: «Я без тебя, Василий Васильевич, как без рук. Поедем со мной — не пожалеешь! Ты, — говорит, — парень с головой, во всем поможешь: и по хозяйственной части, и штат подобрать». Я спрашиваю: «А кто вам нужен?» «Да, — говорит, — все нужны. От зав[едующих] отделами до уборщиц». «А редактора, — говорю, — вам ответственного не нужно?» «Как же, — говорит, — не нужно? На примете кто есть?» «Да вот, — говорю, — Котиков, знакомый мой, — редактор высшего класса». «А! — отвечает он. — Знаю, слышал. Тащи его, ежели согласится. Хорошей комнатой сейчас же обеспечу, а там и квартиру ему приглядим. Только чтоб сразу соглашался и выезжал: дело не терпит».

Ошарашенный Котиков молчал и слушал.

— Поедем, Юра! — завопил Вася. — Надоело же торчать на одном месте. В Ленинграде, понимаешь ли, культура, это тебе не наша первопрестольная. Нева, Эрмитаж, острова, [...] ³ бывшая... и народ веселый, не толкается, как у нас, почем зря. Поедем, Юра! — продолжал свои заклинания Вася. — Новое дело, новые люди, неужто тебе не наскучило каждый день смотреть все на те же физиономии да у Заозерских каждый раз квашеную капусту лопать!

— Да как же я поеду, Вася? — пролепетал Котиков. — Ведь не пустят!

— Как это так не пустят? — возразил Вася. — Не имеют права не пустить. У тебя ведь родные есть. Скажем, что они без тебя жить не могут, либо что они заболели, или еще что-нибудь в таком роде. Одним словом — семейные обстоятельства вынуждают.

Котиков слушал, трепетал, но клубок в его голове стал распутываться.

«А и в самом деле, почему бы не уехать? — замелькали мысли, — никто не обидится, никто не пострадает... Никаких упреков... Со стариками поживу... Нельзя же только о себе думать...»

— А не подведет меня твой Глеб Савельич? — пробормотал Котиков. — Не оставит меня на бобах?

— Юрий, да в уме ли ты? — проревел Вася, с радостью примечая, что товарищ поддается уговорам. — Ты не знаешь Глеба Савельича! Это же не человек, а фундамент! На него сотни людей опереться могут, а он и не дрогнет. Понимаешь ты? Не человек, а танк! Все сокру-

³ Неразборчиво.

шает, а кого взял — везет! В себе можешь сомневаться, а в Савельиче — нет! Не человек, а скала! Казбек!

— Ну, а что же мне сейчас делать? — спросил Ю. И., ободренный таким скульптурным живописанием будущего шефа.

— Как что? Пиши сейчас заявление, и с ним прямо к директору, к уважаемому Аполлону Григорьевичу.

— Да ведь как будто надо сначала зав. редакцией уведомить?

— Ну, это ты брось, Юра! Пойдешь к своей Амалии, она тебя разжалобит, ты и раскиснешь! — Рыжиков подмигнул и погрозил пальцем. — Наслышан о тебе! Начальство по театрам возишь! Посмотришь на тебя — тихоня, а на самом деле-то, ух какой ловкач!

Ю. И. покраснел. «Вот уж и сплетни пошли», — подумал он.

Долго еще обламывал Вася приятеля, и наконец тот сломался.

— Ну, Юра, — закончил Вася, — пока! Мне сейчас прямо ко Глебу Савельичу — дел-то ведь уйма. Потом за билетами, и вечером — прощай, Москва!

— Как вечером? — вскрикнул Котиков.

— Да как уезжают вечером? Так же, как и днем. Сначала на такси, потом поездом. Бери только самое нужное. Об остальном я потом сам позабочусь и квартирные дела твои обтяпаю. За мной как за каменной горой — не пропадешь! И смотри, уже теперь не подведи меня, не осрами перед Глебом Савельичем. Слово — олово! — И, не дав Котикову опомниться, Рыжиков выбежал из комнаты, лязгнув дверью и загрохотал по лестнице.

Через час загипнотизированный редактор, как вор, прокрался к апартаментам директора.

Директор издательства, старый большевик, как и всегда, ровно в 10 часов утра вошел в свой кабинет.

Принято думать, что директора должны быть воинственными людьми, и даже некоторая резковатость им в грех не вменяется. Но вот подите же! Аполлон Григорьевич был очень мягким человеком, однако издательство работало, как хорошо смазанная машина. Над этим стоит призадуматься. В чем секрет? А секрет простой: директора любили и стыдились огорчать.

Осведомившись у секретаря, нет ли кого еще в кабинете, Ю. И. робко постучал в дверь и слегка приоткрыл ее.

— Входите, входите, — прозвучал старческий хриловатый басок, — Кто это там? А! Ю. И.!

Директор сидел за большим столом и разбирался в отложенной для него корреспонденции.

— Прошу, прошу, присаживайтесь! С чем пожаловали? — и директор улыбнулся: он относился с большой симпатией к скромному дельному работнику.

Подойдя к столу и не присаживаясь, редактор протянул директору листок бумаги и смущенно пролепетал:

— Вот, Аполлон Григорьевич... к величайшему сожалению... вынужден...

Директор неторопливо стал читать заявление, и вдруг его седые брови медленно поползли вверх, превращая лоб в изборозденную камнями дорогу. Кончив читать и продолжая держать заявление в руке, директор с недоумением взглянул на Котикова.

— Что это вы, батенька, надумали? Эка невидаль — тетка больна! Тетки часто болеют. Это нормально. Похворают, похворают, да и поправятся.

— Нет, — с грустью сказал Котиков, — не поправится тетя. Друг специально из Ленинграда приезжал, чтобы предупредить меня... Дядя в отчаянии... Бедный старик сам не свой... 46 лет вместе прожили...

Если верить приметам, то дяде и тете, мирно завтракавшим в это самое время, не сдобровать бы от приступа икоты. Но Ю. И. жег свои корабли и не задумывался над пустяками, а тем более — суевериями. Он был безжалостен. Дрова рубят — щепки летят.

— Ну хорошо... — на этом слове директор споткнулся: оно было явно не к месту. — Ну, предположим самое худшее — ваша тетушка скончалась. Почему бы вам тогда не перевезти дядю к себе в Москву?

— Что вы, Аполлон Григорьевич! — застонал Котиков. — Разве это возможно? Разве старое дерево перешибешь? Оно сразу зачахнет. Ведь несчастного старика все время будет тянуть на дорогую могилу! Нет, Аполлон Григорьевич, тут уже ничего не поделаешь... — Ю. И. безнадежно махнул рукой и чуть не заплакал, так жалко ему дядю стало, хоть и преждевременно (добавим мы).

Директор задумался. В будущем, в связи с доскональным изучением потенциальных возможностей, заложенных в строении мозговых клеток, всех директоров будут делать ясновидящими. К счастью Котикова, он родился и жил еще в XX веке на заре грядущей эпохи. Поэтому мысли директора, несмотря на большой накопленный им запас житейского опыта, не могли проникнуть в подоплеку поведения редактора. Директор продолжал думать, редактор молчал.

— Конечно, — начал Аполлон Григорьевич, — я бы мог задержать вас до подыскания заместителя и притом адекватного вам по качеству, — директор сделал паузу, — но мне это не по душе. Вы хорошо поработали для издательства, и поэтому принуждать вас подчиниться законным требованиям как будто неудобно... — Он опять задумался. Котиков продолжал молчать и смотрел на шефа глазами замученного животного.

— И все же, — вдруг оживился директор, — Я считаю преждевременным увольнять вас. Мы сделаем вот так: я дам вам дополнительный месячный отпуск без сохранения содержания, и место пока оста-

нется за вами. А потом видно будет. Даст бог, ваша тетушка поправится, все войдет в норму и вы вернетесь. Так? Устраивает это вас?

Глаза замученного Котикова преисполнились благодарности.

— Спасибо вам от всей души, Аполлон Григорьевич, — пробормотал Ю. И., прижимая руки к груди.

— Ну ладно, ладно, — улыбнулся директор, вставая и похлопывая Котикова по плечу. — Вы когда же думаете ехать? Сегодня? А Амалию Петровну предупредили? Нет? Непременно поговорите с ней и объясните все как следует. Она вас ценит и будет очень огорчена. Ну, искренне желаю, чтоб ваша тетушка поскорее поправилась.

И они расстались.

Ящерицей проник Котиков в издательство, ящерицей и выскользнул. Как раз в это время А. П. обдумывала ответ на очередной запрос из Министерства, а Женечка строчила на машинке. И обе ничего не подозревали. Недаром поэт сказал:

Увы! Что нашего незнания
И беспомощней и грустней!
Кто смеет молвить «до свиданья!»
Чрез бездну двух или трех дней?

Чуть не шатаясь от неостывшего напряжения и непомерной затраты душевных сил, Котиков вернулся домой. Первое, что он сделал, — крупно вывел на куске картона «Котикова нет дома» и пристроил этот плакат рядом с телефоном в передней. Потом заперся на ключ в своей комнате, раскрыл на полу два пустых чемодана и начал бросать в них из шкафа, ящика стола и других вместилищ разнообразные предметы ширпотреба. После несусветного вранья, лживых обещаний и заверений он почувствовал страстную потребность в очищении, в катарсисе, и ему казалось, что это очищение он найдет только в бегстве, только в забвении. Лихорадочно разбрасывая, теряя и вновь обретая словно ожившие вещи, он как бы вел борьбу с ними и этой борьбой отгонял химер воображения.

Около четырех часов дня в передней раздались крики и вслед за ними громовые удары в дверь Котикова.

— Кто там? — испуганно тявкнул редактор.

— Отвори немедленно, отвори сейчас же, чертов сын, а не то дверь выломаю!

Котиков дрожащей рукой повернул ключ, и в комнату ворвался разъяренный Рыжиков.

— Ты что со мной делаешь, дьявол ты этакий? — заорал он. — Привез тебе в издательство билет, а о тебе там ни слуху ни духу. У Амалии спросил, не знает ли, где ты, — она только глаза вытаращила. Звоню на дом — нет его! Обегал все рестораны твои — и там нет! Два часа мотался по городу — взмок весь, да и здесь-то словно сквозь пограничный кордон прорвался. Все бабы верещат: «Нет его! Нет его!» —

и дорогу заступают. Пришлось их расшвырять как щенят. Ты что же, сбежать вздумал? На попятный пошел?

Но тут Вася вдруг заметил множество вещей, разбросанных по всей комнате, которая стала похожа на комиссионный магазин после краткого, но делового визита грабителей. Рыжиков облегченно вздохнул.

— Уф! И напугал же ты меня, Юрка! А я уж думал, что ты драпа дал. Но выключаться-то из жизни зачем?

— Да я, знаешь ли, боялся, что позвонит кто-нибудь, да станет отговаривать, да настаивать... — косноязычно оправдывался Котиков.

— Так. Понимаю теперь, — заключил Вася. — Пожалуй, правильно поступил, только напрасно меня не уведомил. Ну да ладно. Все в прошлом.

Рыжиков еще раз внимательно посмотрел на растерянного Котикова и призадумался.

— Знаешь, не отдам я тебе билета, — вздохнул он. — Еще закинешь его в какое-нибудь непотребное место. Я лучше сам за тобой заеду в 10.20, за часик до отхода поезда. Так спокойней будет. А ты к этому времени будь готов. И не впускай к себе никого, кроме меня. И к телефону не подходи. Без обеда останешься — неважно! В поезде наверстаем. Пока!

И огнедышащий Рыжиков исчез.

В поезде Котиков слушал своего приятеля, как утомленный путник, прикорнувший под деревом на мягкой траве, слушает шум горной реки. Вагон мягко покачивало. Думать ни о чем не хотелось.

Вася перед путешествием изрядно хлебнул, да и в купе они еще продолжали подкрепляться. Потом стали укладываться, но река все еще шумела. Монолог ее закончился знакомыми образами:

— Понимаешь ли, в Ленинграде культура не то, что в нашей многомиллионной деревне! Одна Нева чего стоит! Дворцы всякие, набережные, замки, Пушкинский домик... миноги, а весной корюшка — пальцы оближешь!.. Европейская гостиница — первейшее заведение, окно в Европу!.. Лавра... гробницы знаменитые... [Квисисана...]

И Вася захрапел.

А Котиков никак не мог заснуть. И даже когда на хмуром рассвете поезд остановился в Бологом, редактор все еще лежал с открытыми глазами. Ураган, растрепавший его незакаленную душу, стихал. Образы Женечки и А. П. отдалялись, таяли...

«А ведь и недели не прошло, — вспомнил Ю. И. — Но как все перевернулось! Словно землетрясение отгремело. „Семь дней, которые потрясли троих“, — с жалкой улыбкой подумал он. — Но как грустно все это, как нелепо, смешно и как печально! Бедные мы, люди. Травы на ветру».

И Котиков прослезился.

Эпилог

Ю. И. прижился в Ленинграде. И даже не возвращался в Москву за вещами. Все устроил рьяный Вася под эгидой всеильного Глеба Савельича.

А Женечка? А А. П., развенчанная королева? Обе несколько дней поплакали, несколько недель потосковали, потом обиделись, потом смирились, потом забыли...

Тоска ведь такая же болезнь, как подагра или радикулит. Если приложить усилия, можно вылечить; а кто не хочет лечиться, пусть пеняет на себя.

С. Кондратьев
10—27 XI 1959 г.
Москва

Классики о соленых грибах (Литературные портреты)

ПИСЬМО АВТОРА К ЗНАКОМОЙ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Глубокоуважаемая и прелестная хозяйка! Вчерашний вечер оставил во мне пронзительное воспоминание, которое я, несомненно, унесу и в будущую жизнь, на что можно рассчитывать, если поверить, с одной стороны, многим выдающимся людям, начиная от Платона и кончая Джемсом Джинсом, кое-где смутно намекающим на предстоящие в дальнейшем осложнения, и если, с другой стороны, разойтись во мнениях со многими не менее достойными людьми, топтавшими нашу уже достаточно изношенную планету, начиная со времен Демокрита, которого я, впрочем, причисляю к безбожникам не без оговорок, и кончая Емельяном Пугачевым, о мировоззрении коего я хоть также не имею вполне отчетливого представления, но все же склонен признать его материалистически, правда, не столько ясно выраженным, как у заканчивающего этот краткий, но славный ряд Емельяна Ярославского, о взглядах которого на интересующий нас вопрос не только Вы и я, но, смею надеяться, и все Ваши вчерашние гости, не говоря уже о Вашем супруге, который мне искренне нравится, вряд ли имеют различные мнения, если не считать Вашей милой подруги, которая, быть может, по своему характеру и направлению ума не имела желания заинтересоваться спекулятивными, но бурными построениями почтенного философа, предпочитая менее обоснованные высказывания более молодых людей, и притом по вопросам, не обязательно связанным с теологией, но временами, что очень вероятно, и весьма далеким от нее, то есть теологии, а не подруги, которая, к слову сказать, по основным своим признакам (я говорю о половом диморфизме) имеет много общего с Вашей сестрой, в чем, наверное, ни Вы, ни Ваши друзья, ни, тем более, Ваш супруг не будут меня оспаривать, но, тем не менее, в более существенных, на мой взгляд, и менее важных, на взгляд иных

людей, деталях (здесь я имею в виду дискуссионную проблему личности) весьма отличается от нее, о чем можно было уже заключить по их разному отношению к райским грибам, ласково предложенным Вашими щедрыми и милыми руками грибам — соленым рыжикам и волнушкам в сметане, — сладостно упомянутое вначале воспоминание о которых и побудило меня написать это письмо, не передающее, впрочем, и сотой доли моего восхищения и благоговения перед очаровательной хозяйкой. И да простит мне создатель мой лаконизм. Искренне преданный Вам Сергей Кондратьев-Пруст.

Москва, 6 января 1941 г.

Р. S. Нельзя относиться к соленым грибам как к чему-то второстепенному в жизни. Недаром многие великие художники отдавали им должное внимание. Лышу себя надеждой, что нижеприводимые цитаты, подобранные мною под свежим впечатлением от очаровательного вечера, Вы прочтете не без удовольствия.

А. С. Пушкин
Зимний вечер в деревне

Зари во мгле оледенелой
Темнеют красные огни.
Стол, сервированный умело,
Зовет друзей. Друзья одни.
О вы, добротные соленья,
Кто вспомнит вас без умиленья
За пережаренным тюрбо
На Невском у monsieur Garbot!
Волнушки, рыжики в сметане,
Бутылок прихотливый ряд —
Все радует хозяйский взгляд
Приветливостью очертаний,
Желаний суетных рабы,
Мы чтим соленые грибы.

1830

К. Д. Бальмонт
Волнянки

Волнушки, волнинки, волнянки
(Волнистость взволнованных слов)
И рыжиков медных огнянки
В подвижности влажных лесов!
Люблю я, любовью хранимый,
Соление скользкости есть!
О, сок на губах у любимой,
Чья сладость в солёности есть!

1909

Ф. Сологуб**Томление**

Вчера была пирушка,
И в теле терпкий яд.
В соленые волнушки
Вперяю томный взгляд!
Мой лоб белее лилий,
Дрожит моя рука,
Ценой больших усилий
Касаяся грибка.
О, фея Аtimaис!
О, вечная Лилит!
С трудом приподнимаюсь —
Живот весьма болит!

1910

А. Ахматова**Судьба**

Говорила я, задыхаясь:
«Мучай нас, как рабов,
Но во имя Светлого Рая,
Не ешь соленых грибов».
А ты думал, что это шутка,
Засмеялся хрипло и странно,
Потом посмотрел так жутко
И отправился в ресторан.
И вот я одна в своей келье,
А ты вознесся в Твердь.
Глубоким черным ущельем
Нас разлучила смерть.

1911

М. Волошин**Рассол времен**

Быть огненным грибом. В сыром лесном разлоге
Отверженно гореть в зеленой пустоте.
Быть строгим мастером. Плодоносить в берлоге
И одиночестве. Отдаться чистоте.
В веках придут ко мне незнаемые люди
И плод тугой сорвут и засолят меня,
Чтобы за тризной, в громе траурных прелюдий
Увидеть языки воскресшего огня.

1912

(Ранний Н. Тихонов, под Б. Пастернака)

Старуха

Шатаюсь по гнилой трухе,
 Землистая старуха
 Несет на скрюченной руке
 Грибов лесную рухлядь.
 Покачиваясь вкривь и вкось,
 Скрипучая корзина
 Влачит податливую кость
 Рыжиков, осиновиков.
 Стоит изба кривая,
 Сажени не выше.
 Она бездолье прикрывает
 Расшатанной крышей.
 Ошпарены в ушате,
 Скользкие и гладкие,
 Грибы, как лягушата,
 Бултыхаются в кадку.
 Чтобы, под камнем в тесноте,
 Набухая солью,
 Пахучим соком подсластить
 Горчайшую долю.
 Зимой метнется бледный свет
 В соленую тюрьму
 И ржавый ковшик зачерпнет
 Болотистую муть.
 Зеленый рыжик промелькнет,
 Как спринтер на параде,
 Скакнет в запавший темный рот
 Старушечьей отрадой.

1925

В. Маяковский

«Даешь грибы»

Эй,
 прихлебатели лирики голой,
 на цветочках
 овечек пасущие!
 Слушайте теперь
 мой
 бычий
 голос!
 «Даешь заготовки дикорастущих!»
 В лесу
 с любимой
 об осени лопочете,
 слюнявите:
 «Нет награды за труды!»

А ведь прямо по ногами
 валяются почести —
Тонны волнух и рыжиковой руды!
Сбивайте бочки!
Готовьте рассол!
Братья,
Дочки,
Весь комсомол!
Эй,
 миллионы!
 Распахивайте настезь
погребов,
 погребов,
 погребов!
В паршивые вечера зимнего ненастья
будете
 жрать
 солёные
 грибы!
Режьте ковригу,
 жуйте со смыслом!
Побольше б таких
 вот таких грибов!
А всем
 Чемберленам
 фигу с маслом
да сотню-другую
 экспортных грибов!

1929

(?)

В изгнании

На склоне лет, где б я ни был,
Люблю застольные обряды,
Люблю солёные грибы
С прохладною бутылкой рядом.
Но не люблю ходить гулять
И собирать грибы тем боле,
Чтоб не почувствовать опять
Захороненной в сердце боли.

1930

С. Маршак**Два мальчика**

Сережу и Петю отправила мать
В дубовую рощу грибы собирать.
Сережа тихонько с корзинкой идет,
А Петя с дубинкой умчался вперед.

До самой горы разметались поля.
Встречают ребят на горе тополя.
Сережа по склону неспешно идет,
А Петя дубинкой по тополи бьет.
Сережа до Пети насилу долез.
И вот перед ними заманчивый лес.
Ребята по тропке вертлявой бегут,
Теперь уже скоро дубовый приют.
В просветах полян показались дубы.
Здесь надо искать под кустами грибы.
Сережа шныряет ежом средь кустов,
А Петя сбивает головки цветов.
Проходит пятнадцать и двадцать минут,
В плетеной корзинке опенки растут.
Прошло незаметно еще полчаса.
Ужалила Петю в затылок оса.
В лесу интересного много найдешь,
Но помни: осиных домов не тревожь!
Вдали потемнело, запахло грозой.
Устали ребята. Пора и домой!
Считает Сережа грибы, уходя:
Три белых и двадцать четыре груздя,
И семь сыроежек, и рыжиков пять,
Опенок же просто нельзя сосчитать.
Спроси-ка, спроси у бывалых людей,
Что в мире вкусней соленых груздей!
И сразу услышишь бесспорный ответ:
«Вкусней груздей ничего в мире нет».
Сережа тугую корзинку нес.
А Петя с дубинкой умчался вперед.
До самой деревни желтеют поля.
У дома встречают ребят тополя.
Сережа тихонько подходит к избе,
А Петя дубинкой — швырк! в голубей,
Дубинка, как голубь, летит через воз,
Теленку садится на розовый нос,
Совсем как девчонка теленок ревет,
Ломает плетень и бежит в огород.
Выходит на двор загорелая мать,
Поймала Петюшку и за уши драть.
Потом у Сережи корзинку взяла
И пряник медовый сынишке дала.
На грязных задворках Петюшка ревет,
А смирный Сережа свой пряник жует.
Скажи-ка теперь, кто из этих ребят
Отчетливо напоминает тебя?

В. Лебедев-Кумач**Колхозной детворе**

Велики страны моей просторы,
Много разных в ней растет грибов
От низовьев Лены и Печоры
До Кавказских солнечных лесов.
Наступает золотая осень,
А за осенью придет зима,
Мы, писатели, вас очень просим
Заготовить на зиму корма.
Хороши упитанные грузди,
Рыжики тем боле хороши,
Поработайте, родные люди,
Для веселья радостной души.
Чтобы песня Волгой разливалась,
Чтоб в любой зажиточной избе
Эта песня громко раздавалась —
О советском песня о грибе!

1940

Н. В. Гоголь**Зимняя ночь**

Уже давно небесный полог заблестел мириадами трепещущих звезд, и полный месяц уронил золотые лучи свои на зимние поля, и сверкает снег миллионами алмазных брызг, а запоздалый путник все еще тащится на перекладных, и ныряет с возком из ухаба в ухаб, и порочит ленивого ямщика, и все глубже зарывается носом в меховой воротник шинели.

А в небесах торжественно и тихо! Какая ночь! Боже мой, что за ночь! Безгласны сонмы пылающих светил, горят и блещут в благоговейной тишине беспредельные белые поля. Одинокие березы, одетые сверкающими ризами, стоят как бы повергнутые в безмолвную молитву. И все пылает и дрожит, млеет и переливается огнями...

Озябший путник слеп к этой красоте. Ежась от холода, уткнув лицо в мех, то задремывая, то вновь просыпаясь, думает он о теплом уютном доме и приветливых глазах молодой хозяйки.

Но вот заморенные лошади настораживают уши и прибавляют шагу, веселее покрикивает на них заиндевший ямщик в рваном кожухе, сначала тихо, потом все громче и заливистей доносится собачий лай, и вот уже виден, наконец, долгожданный огонек и огородный плетень, до половины занесенный снегом, и над крышей приземистого дома столб белого дыма в недвижимом воздухе.

Приятно, дорогой читатель, после утомительного зимнего пути сбросить с себя нахолодавшую тяжелую шинель, снять с усов ледяные сосульки, которыми крещенский мороз разукрасил тебя словно елочного деда, разогнать затекшие ноги и спину! Еще приятнее — сесть в теплой комнате у потрескивающей печки за просторный стол, обильно уставленный всякой деревенской снедью в горшочках и баночках, соусниках и салатниках.

И боже ж ты мой, чего тут только нет! И мнишки, и пампушки, и книши в сметане, и коржики с салом, и маковые пирожки, и вареники с ягодой, и путря на смальце, и жареная качка с черносливом, и утрибка с гусиными шкварками — да что говорить! — это хотя бы взять и самого заседателя писаря, у которого в прошлом году жена сбежала с кривым ротмистром, — так и тот до ночи не переписал бы! А сколько разных варенух, наливок и настоек — на шалфее, на смородинном листе, на золототысячнике, на канупере, на нечуй-траве и еще уже там невесть на чем в бутылках, в глиняных суляях, в бочковатых графинах и пузатых графинчиках — так во всем этом и самой хозяйке в пору разве в воскресный день разобраться!

Глаза разбегаются! Не знаешь, к чему приступить, с чего начать! Но неусетливая хозяйка, как опытный полководец, поочередно вводящий в бой разнообразные войска свои, уже наливает объемистую чарку горилкой, настоем на персиковых косточках, и снегоподобной рукой своей подносит ее умиленному гостю, меж тем как другой рукой подвигает к нему зеленый салатник с заветной закуской — гордостью и славой домашней — рыжиками, солеными со смородинным листом, чабрецом и мускатным орехом.

Ой, как вкусно! Как хорошо! Замечательно хорошо! Черт знает как хорошо!

1835

С. Пишбышевский

Красная месса

Ел соленые грибы. Великая жажда вдруг охватила.

Заря распустила огненные перья, кровавый океан клочкотал над горизонтом.

«Феникс! Феникс! — взывал. — Дай испить крови твоей животворящей».

Неслышно вошла Ядвига. В черных омутах ее глаз прочел дикую страсть.

Ринулся к ней. Прокусил гранатовые губы. Жадно пил истекающую пламенем душу ее. О, ночь безумия!..

1905

Л. Толстой

Письмо

Дорогой князь!

Вчера на обеде у Вас, подталкиваемый Вашими любезными уговорами и собственным плотским желанием, я стал есть искусно приготовленные соленья из рыжиков и волнушек. Раз начавши есть и поддавшись греху, я уже не мог вовремя остановиться и опомнился лишь тогда, когда салатник опустел, а желудок мой через меру отяготился.

Но физические, телесные страдания, какие я испытал сегодня ночью, не могут идти в сравнение с мучениями нравственными, с укорами совести перед совершенным мною проступком.

И вот поэтому я, глубокий старик, уже стоящий одной ногой в могиле, старик, которому уже незачем и не для чего скрывать правду и говорить неправду, решился написать Вам это письмо.

Не обижайтесь на старика, любезный князь, и не подумайте, что я хочу винить Вас в том искушении, которому подвергся мой слабый дух. Нет, я наказан только за собственную духовную немощь.

А наказан потому, что незаметно для себя поддался суетному мишурному блеску Вашего праздника — всем этим пустым, но приподнятым винными парами речам, расточительному блеску свеч, кабацкому зрелищу оголивших себя женщин, мерзкому очарованию игры скрипача, с наглым лицом и фальшивыми бриллиантами в запонках, короче говоря, всему тому, что более всего привлекает к себе лиц Вашего круга, но что совершенно чуждо и не нужно простому русскому крестьянину, живущему в божестве; поддался всему тому злу, от приближения к которому неоднократно предостерегали людей великие мудрецы всех времен и народов, начиная с Конфуция, Лао-Дзе, Будды, Типитака, Магомета, Христа, и кончая Шопенгауэром, Генри Джорджем и Коромысловым.

Раньше я думал, что надо делать то, что хочется, и не делать того, чего не хочется, а теперь вижу, что надо хотеть делать то, чего делать не хочется, и не хотеть делать того, что делать хочется.

Поверьте, милый князь, искренне любящему Вас старику и откажитесь, пока не поздно, от соленых грибов и прочей мерзости.

Сейчас я испытал такое чувство любви и жалости к Вам, что не мог удержать слез. От всего сердца благодарю Вас за это радостное чувство, виновником которого явились Вы.

Искренне любящий Вас брат.

1906

М. Пришвин

Рыжик

У меня вот такая есть примета. Если смотришь на дерево или зверя и думаешь, как бы это поближе понять его, присмотреться, но не заглянешь при этом в себя, во все годы и часы своей жизни, то так и не узнаешь ничего и уйдешь чужим от чужих. Вот эта радость понимания мира через себя и рождается тем, что я называю родственным вниманием.

Расскажу такой случай.

Шел я как-то ранним часом по лесу. Конец августа был. Как раз первый утренник упал.

Иду тихонько, смотрю по привычке во все стороны, то в просинь над осинами, то на блестящие пестрые стволы, то в застеклевшую от инея траву. Вдруг вижу — у кочки моховой под разлапистой елью рыжик выскочил, большой такой, крепкий, ядреный.

Но вот дело какое: случилось ему как раз под сушинкой вырасти, он ее поднимал, поднимал, а сушинка тяжелая — давит на шляпку, и вот уже изуродовала ее перехватом.

Я нагнулся облегчить рыжик, снял сушинку и тут вдруг вспомнил, как у меня в жизни была такая же сушинка, и как она давила на меня, но я вовремя спохватился и снял сушинку, и вот уже много воды с тех пор реки унесли, а голова нет-нет, да и заболит, вспомнит сушинку свою.

Вот мне и захотелось узнать, оправится мой рыжик или уродливым будет расти.

Так через родственное внимание я понял рыжик.

За обедом рассказал об этом моей Берендеевне, а Петя спрашивает: «Где ж ты этот рыжик нашел?» Я объяснил.

Дней через пять вспомнил о рыжике, пошел проведать. Смотрю: нет гриба. Ну, думаю, наверное, белка засушить взяла. А Петя говорит: «Это не белка, а я. Больно хорош был. Уж засолили».

Как-то зимой Берендеевна потчевала меня и гостей соленьями. «А! — говорю, — старый знакомец! Поди-ка сюда!» Это я узнал мой рыжик. И съел его. Очень вкусен был, даром что с изьянцем.

1939

*К. Гамсун***Осень**

Осень. В лесу сыро и пахнет грибами.

Конечно, грибами не проживешь, но они так радуют глаз.

Иногда они выглядят наглыми, иногда — болезненными и хилыми. Крепкие мухоморы, как огненные шатры. О, это целые дома в лесу! И ты всегда найдешь кого-нибудь под ядовитой крышей.

И вот мне вспоминается, как год тому назад я сидел под железной крышей на веранде и ел рыжики в сметане.

Я один. Я сижу, ем не торопясь и наблюдаю за всем, что происходит около меня. За соседним столиком человек в штатском платье, с глупым, но красивым лицом, развлекает свою невесту, а может быть, просто знакомую. У нее слегка желтоватые неровные зубы, но очертания трепетного полногубого рта прекрасны. Темные глаза дикой козы временами косятся на меня и на мои рыжики.

Дама ест пирожное и запивает вином. Господин занимает ее длинной городской сплетней, но дама слушает рассеянно и все чаще и чаще искоса поглядывает на меня.

Сердце мое начинает биться! Я приосаниваюсь. «Хе-хе, — говорю я себе, — о старости рано думать».

И тут мной овладевает неистребимая потребность сделать даме что-нибудь приятное, поблагодарить ее за внимание, доставить ей хотя бы небольшую радость. Неврастения вновь берет меня в свои лапы. Я взволнован. Я едва могу удержаться от слез.

Внезапно я встаю, делаю глубокий поклон и говорю:

— Дорогая фрекен! Я одинок, но у меня сейчас так хорошо на душе! Как будто ангел пролетел мимо меня. Не мог бы я сделать Вам что-нибудь приятное, какой-нибудь маленький подарок, ничтожное удовольствие?.. Вот, например, эти рыжики. Это ведь соки лесов — и они необычайно вкусны. Раз решите заказать их Вам!

Я кончил и стою, как памятник со шляпой в руке.

Дама густо краснеет, кусает губы, но в то же время едва сдерживает улыбку. У господина вид окуня, только что вытасченного из воды.

Внезапно дама разражается громким смехом.

— Я смотрела на Вас... я смотрела, — говорит она, задыхаясь от хохота, — потому что Вы сидели, вы ели, тоже вдвоем... И она кивает на мой жилет.

Я опускаю голову и вижу мой жилет в рыжиках и сметане.

Я стискиваю зубы. Я кладу на мой столик крону и быстро ухожу. Жалкий старик!

Вот что мне вспоминается на лесной тропе, высоко в горах.

Я иду тихонько, не торопясь, заложив руки в карманы. Мне все равно куда идти.

1908

*Э. Хемингуэй***Воспоминания лейтенанта**

Айронсайд посмотрел на соленые рыжики, и вдруг в его сознание хлынул поток грибов, все те грибы, которые он когда-либо видел или ел в своей жизни: белые, березовики, осиновники, сморчки, строчки, грузди, подгрузди, маслята, козлята, лисички, сыроежки, волнушки, опенки, серянки, белянки, и милянки, и фелянки, и келянки, и гелянки, и желянки, и пелянки, и делянки, и зелянки, и телянки, и релянки, и селянки... и как 28 апреля 1918 года у Араза он ел шампиньоны в офицерской столовой, а за окном раненый бош с распоротым брюхом ревел, как выпь, а скатерть была не первой чистоты, и угол ее отмечали вылинявшие розовые инициалы М. Р., и было жарко, и с крыши пахло сиренью и конской мочой, и пришел вестовой с пакетом от генерала... и потом тут же вспомнил оранжевые мухоморы с белыми бородавками в ельнике под Монреалем, и хруст хвои под ногами, жесткой и скользкой, и какой он был тогда молодой, и свое первое ружье — восьмизарядный винчестер Грейда, и запах ремня, и рубчатый рисунок на ложе, и как рябчик затрещал крыльями, срываясь с дерева, и выстрел и толчок в плечо, и потом окровавленные перья, и последнюю уходящую теплоту на ладони, и перегной под холеными ногтями, и как проводник похвалил за выстрел, и бороду проводника с запутавшимися в ней листочками, и желтый оскал зубов... и потом еще весной 1912 г. сморчки под красными соусом у Рица, длинное лицо собеседника, и его смокинг от первогоклассного портного, и нефритовые китайские рыбки-неразлучницы на запонках, и порочные руки с короткими, но широкими ногтями, и это тугое напряжение во всем теле перед тем, как встать и ударить, и тупой звук удара, и перекошенные испугом лица, и краткую каменную тишину, но зато потом хаос движений и шумов, и глухой прибой крови в теле... и наконец еще, о, еще! — это было 30 июля 1914 года, когда Джоанна сказала «Да» там, в Шотландии; холмы синели под зеленым озером, и они собирали маленькие рыжие грибы, и легко касались травы ее плотно обтянутые ноги под укороченной спортивной юбкой, и потом, как он неумело отстегивал подвязку от чулка и целовал нежную ямку под коленом, ароматную, шелковистую, теплую, и как трава щекотала лицо, и он вдруг увидел как бы удивленные собственной наготой две полные смугловатые груди с твердыми сосками, и как он, задыхаясь, шептал: «О, ты, ты, о мой горный цветок!»

И все это Айронсайд вспомнил за то короткое время, что смотрел на рыжики перед тем, как их отведать, точнее — за восемь с половиной секунд.

1932

Именной указатель

- Абраменкова Н. М.
Ажаев В. Н.
Айхенвальд Ю. И.
Александров Г. Ф.
Алексей Петрович, *царевич*
Андреев А. И.
Антокольский П. Г.
Антонина Григорьевна
Аранчеев
Аренская М. С.
Аренский А. С.
Аренский Г. С.
Аренский П. А.
Аристотель
Арунбалиев
Асафьев Б. В.
Асвагоша (Ашвагхоша)
Асеев Н. Н.
Ауэзов М. О.
Ахматова А. А. (Горенко)
- Багрицкий Э. Г. (Дзюбин)
Бадмажапов Ц. Г.
Байков А. В.
Баклунд Н. О.
Баклунд О. А.
Баллод
Баллод Д. М.
Бальзак О.
Бальмонт К. Д.
Банзаров Д.
Банников А. Г.
Барадийн Б. Б.
Баратынский Е. А. (Боратынский)
Барсов Н. Н.
Барто А. Л.
Баршай Р. Б.
Бедный Д. (Е. А. Придворов)
Белоголовый И. А.
Белопольская М. Ф.
- Белопольская Р. А.
Белопольский А. А.
Белопольский М. А.
Бендер О.
Берг А.
Бердяев Н. И.
Берия Л. П.
Берлиоз Г.
Бернс Р.
Бетховен Л., ван
Блок А. А.
Боголепов М. И.
Большаков Ф. Ф.
Боратынский Е. А., см.: Баратын-
ский Е. А.
Борисов П.
Борисов С. С.
Боровка Г. И.
Бородин А. П.
Бортнянский Д. С.
Ботвинник М. М.
Бохин А. У.
Брендстед Г. Л.
Брендстед Л. М.
Бронникова
Брумберг З. С.
Бруно Дж.
Брюсов В. Я.
Буаноротти М.
Бунин И. А.
Бурдуков А. В.
Бэкон Ф.
Бэрке (Berkey)
- Вагнер Р.
Вампилов
Ван Цзи
Васенев А. Д.
Васильев А. Н.
Васильев Д. Д.

- Васильев-Буглай Д. С.
 Вейсман (Weismann) А.
 Верди Д.
 Верлен (Verlaine) П.
 Вернадский В. И.
 Вертинский А. Н.
 Вильев А. А.
 Вильский И.
 Виноградов И. М.
 Владимирцов Б. Я.
 Владимиченко Н. Н.
 Воан-Уильямс (Vaughan Williams) Р.
 Вознесенский А. В.
 Волошин М. А.
 Вордсворт (Wordsworth) У.
 Воробьев П. И.
 Вюрц (Wurtz) Ш. А.
 Вязигин
- Гайдн И.
 Галилей Г.
 Галсан
 Гапон
 Гаутама (Шакьямуни; Сидхартха)
 Гегель Г. В. Ф.
 Гераклит
 Гете (Goethe) И. В.
 Гиппиус Е. В.
 Глаголев Л. М.
 Глаголев С. А.
 Глаголева Т. А.
 Глазунов А. К.
 Глебов И., см.: Асафьев Б. В.
 Гликман И. Д.
 Глинка М. И.
 Гоголь Н. В.
 Годунов Б., *царь*
 Големба А.
 Гольдбах Х.
 Гольденвейзер А. Б.
 Гольцов
 Гомбоев Н. И.
 Гончаров
 Горбунов Н. П.
 Горбунова Е. П.
 Городинский В.
 Горький М. (А. М. Пешков)
 Гранин Д. А.
 Грибачев Н. М.
 Григ Э.
 Гумилев Н. С.
- Гусев В. А.
 Гутман И. А.
- Дакаев
 Дамаскин Н. И.
 Даниленко К. К.
 Данте А.
 Дебюсси К.
 Деникин А. И.
 Джалдуб
 Джалхагзан гэгэн
 Джигжит
 Джонсон Х.
 Дзержинский Ф. Э.
 Длужневская Г. В.
 Дониях Г. А.
 Доннир
 Доржиев А.
 Достоевский Ф. М.
 Драгоценный В. В.
 Дубинский Р. В.
 Дугаржаб М. Х.
 Дудинцев В. Д.
 Дудукалов
- Евклид
 Евстафиев Н. П.
 Ежо И. И.
 Ежов Н. И.
 Ербанов М. Н.
 Есенин С. А.
 Есиновский
- Жамцарано Ц. Ж.
 Жамьян О.
 Жданов А. А.
 Жуков В. Ю.
- Загорский Б. И.
 Зиганшин
 Зимин
 Зимирев И.
 Зощенко М. М.
- Иванов
 Иконников А. А.
 Иохельсон В. Е.
 Исаковский М. В.
- Кабалевский Д. Б.
 Казакевич В. А.

- Канаев В. М.
 Канаевская
 Канишка, *др.-инд. царь*
 Карахан Л. М.
 Карелин А. А.
 Карнакова Е. И.
 Карузо
 Касимов Н. Ю.
 Квитко Л. М.
 Кельвер П.
 Керженцев П. М. (Лебедев)
 Киплинг Р.
 Кириллов Н. В.
 Киров С. М.
 Китов
 Клеменц Д. А.
 Клягин И. А.
 Клягина П. Г.
 Княгин Ф. И.
 Козин С. А.
 Козинцев Г. М.
 Козлов П. К.
 Козлова Е. В. (урожд. Пушкарева)
 Кондратьев А. А.
 Кондратьев А. В.
 Кондратьев В. А.
 Кондратьев С. А.
 Кондратьева В. А., см.: Николаева В. А.
 Кондратьева К. С. (урожд. Аренская)
 Кондратьева Л. А.
 Кондратьева М. И. (урожд. Клягина)
 Кондрашин К. П.
 Коркин М.
 Костинский
 Котвич В. Л.
 Коутс А.
 Кочетов
 Круц Л.
 Крыжановский В. И.
 Кузнецов А. А.
 Кузнецов А. А.
 Кульганек И. В.
 Куприн А. И.
 Кшенек Э.
 Ладыгин В. Ф.
 Ладыженский А.
 Ламарк Ж. Б. П. А. М., де
 Ланге И. Н.
 Лачинов Н. В.
 Лачинова И. Г. (урожд. Федорова)
- Лебединский Л. Н.
 Левашов М. А.
 Левин Ф. М.
 Ленин В. И.
 Лермонтов М. Ю.
 Лесков Н. С.
 Ли Бо
 Лисовский
 Лист Ф.
 Листопадов А. М.
 Лобсанг Чултэм (Чолден)
 Луначарский А. В.
 Лушникова Л. Н.
 Лысенко Т. Д.
 Львов М. Д.
 Любищев А. А.
 Люндун
 Лядов А. К.
 Мадаев А.
 Макаров А.
 Малисон М. И.
 Малышев, *отец*
 Маркс К.
 Марта Гудэ
 Мартынов Л. Н.
 Марчук В.
 Маршак С. Я.
 Маслин Н.
 Маяковский В. В.
 Мейер
 Мейринк Г.
 Меллер Г. Дж.
 Мельникова Н. Н.
 Мендель (Mendel) Г. И.
 Мендельсон Ф.
 Милорадович А. И.
 Милорадович А. П.
 Милорадович М. А.
 Милославов П.
 Мильман М. В.
 Митинский Г. И.
 Михаил Архангел
 Михайлов Н. А.
 Михайлова Е. М.
 Михалков С. В.
 Михно П. С.
 Мичурин И. В.
 Моллесон (Мальсон) М. В.
 Молотов В. М.
 Морган (Morgan) Т. Х.

Морин М. Н.
Морин Н. М.
Морозов
Моцарт В.
Мравинский Е. А.
Мурадели В. И.
Мусоргский М. П.
Мухрайн Б.
Мяковский Н. Я.

Налетный М. В.
Намган
Нанд
Наполеон I, *имп.*
Нариманов Н.
Наседкин А. А.
Недогонов А. И.
Нейгауз Г. Г.
Немирович-Данченко В. И.
Нестеров
Нестьев И. В.
Никитин Н. Н.
Николаева В. А. (урожд. Кондратьева)
Ницше Ф.

Обручев В. А.
Овсянников А. Ю.
Овчинников Б. М.
Олимпиада Григорьевна
Ольденбург С. Ф.
Онуфриев
Осборн
Островский Н. А.
Пабленевич

Павлов Н. В.
Павлов Н. Н.
Павлов О. Л.
Павлов С. О.
Павлова С. А. (урожд. Кондратьева)
Павлова С. Н.
Падерин И. В.
Палох
Панов
Панова В. Ф.
Парняков Ф.
Пастернак Б. Л.
Пастернак Л. О.
Паустовский К. Г.
Пахомов В. П.

Певцов М. В.
Пегавинский
Пеприк
Першин Д. П.
Пестовский Б.
Петефи Ш.
Петкер Е. Я.
Петр I, *имп.*
Петров С. К.
Петрова М. А. (урожд. Дейч)
Плешков
Плоткин Л. А.
По Э.
Подгорбунский И. А.
Позднеев А. М.
Покровский М. Н.
Полуянов П.
Полынов Б. Б.
Помытов Л. Е.
Посылин Г. И.
Потанин Г. Н.
Потанина А. В.
Пржевальский Н. М.
Пришвин М. М.
Прокофьев С. С.
Прокофьева-Бельговская А. А.
Птицын А. А.
Птицын А. В.
Птицын В. А.
Птицын М. А.
Пушкин А. С.

Равель М.
Радлов В. В.
Рамстедт Г.
Раскольников Ф. Ф. (Ильин)
Рахманинов С. В.
Рерих Н. К.
Рерих Ю. Н.
Римский-Корсаков Н. А.
Ринчино Э. Д.
Ринчино, *его жена.*
Роборовский В. И.
Ровинский П. А.
Родзинский А.
Родионов
Рубец
Рубинштейн А. Г.
Руденко Р. А.
Руднев А. Д.
Рыленков Н. И.

- Савельев П. С.
 Сакияева Б. Ц.
 Салтыков-Щедрин М. Е.
 Сальери (Salieri) А.
 Самосуд С. А.
 Саранцев П. М.
 Сарцевич
 Сафонова Н. Н. (урожд. Павлова)
 Сашин Я.
 Селиванова Т. П.
 Сельвинский И. Л.
 Семушкин Т. З.
 Симонов К. М.
 Симуков А. Д.
 Синицын И. Д.
 Скршиван Ф. Ф.
 Скрябин А. Н.
 Смирнов А. А.
 Смирнов Я.
 Соболев М. Н.
 Соловьев В. С.
 Сологуб Ф.
 Сосновский
 Сталин И. В.
 Станиславский К. С.
 Стасов В. В.
 Стертевант А. Г.
 Стивенсон (Stevenson) Р. Л.
 Стравинский И. Ф.
 Струве В. Я.
 Стуков Н. К.
 Суетин
 Сумерина И. Ю.
 Сурков А. А.
 Сычевский Е. И.
- Таганцев В. Н.
 Тагор Р.
 Талько-Грынцевич Ю.
 Танеев С. И.
 Телешов Н. П.
 Телешов П. С.
 Теплоухов С. А.
 Тихонов Н. С.
 Толстой А. Н.
 Толстой Л. Н.
 Тосканини А.
 Трапезников
 Трауберг И. З.
 Трауберг Л. З.
- Трауберг Н. Л.
 Тувим (Tuwim) Ю.
 Тугаринов И. Д.
 Тухачевский М. Н.
- Убугунов Д. М.
 Успенский Л. В.
 Успенский С. А.
 Уэллс (Wells) Г. Дж.
- Фабр (Fabre) Ж. А.
 Фадеев А. А.
 Федин К. А.
 Федоров Г. Р.
 Федорова Н. А. (урожд. Кондратьева)
 Фиона
 Формозов А. Н.
 Фун Чин
 Хан Чой
- Хачатурян А. И.
 Ходасевич
 Храпченко М. Б.
 Христос
 Хубов Г. Н.
 Худяков В. М.
- Цветаева М. И.
 Целиковский В. В.
 Целит Е. К.
 Цэрэн-Доржи
 Цэцэнхан
- Чайковский П. И.
 Чарушин Н. А.
 Чаун Фо
 Черкасов Н. К.
 Чернов М. М.
 Чехов А. П.
 Чистохин И.
 Чичерин Г. В.
 Чуковский К. И. (Н. В. Корнейчуков)
 Чулаки М. И.
 Чухломин
 Шаляпин Ф. И.
 Шарипутра
- Шастина Н. П.
 Шахов
 Шведов Н. А.
 Шебалин В. Я.

Шекспир У.
 Шиманский С.
 Шишмарев Я. П.
 Шокальский Ю. М.
 Шолохов М. А.
 Шопен Ф.
 Шопенгауэр А.
 Шостакович Д. Д.
 Шоу Б.
 Штейн Л., фон
 Штейнберг М. О.
 Шуберт
 Шубин П. Н.
 Шумяцкий Б. З.

Щербацкая Ф. И.
 Щербачев В. В.
 Щипачев С. П.

Эйхенбаум

Элиасберг К. И.
 Элюар (Eluard) П. (Грендель (Grindel) Э.)
 Энгельс Ф.
 Эндрюс Р. Ч.
 Эрдыниева Ш. (Эрднеева Ш., Эрдэ-
 ниева Ш.)

Юдин В. И.
 Юдина М. В.
 Юнгер З. И.
 Юсупова Т. Ю.
 Юткевич С. И.

Ядринцев Н. М.
 Якобсон
 Яков I, англ. король
 Яковлев Б.
 Якушевский

Сокращенные имена, встречающиеся в тексте

А. А.	— Алексей Александрович Кузнецов
Ел. Вл.	— Елизавета Владимировна Козлова (Пушкарева)
Ел. П.	— Елена Петровна Горбунова
З. И.	— Зоя Ивановна Юнтер
Котик	— Константин Константинович Даниленко
Л. М.	— Лев Михайлович Глаголев
Мих. Мих.	— Михаил Михайлович Брендстед
Н. В.	— Николай Васильевич Павлов
П. К.	— Петр Кузьмич Козлов
С. Ан.	— Сергей Анатольевич Глаголев
Т. А.	— Татьяна Александровна Глаголева
Ц. Г.	— Цогто Гармажапович Бадмажапов

Указатель географических названий

Австрия	Бомботу Шара Бильчер
Азия (Центральная Азия, Средняя Азия))	Боротой
Айаган	Бульджи
Александровская, <i>ж.-д. ст.</i> («Александровка»)	Бурэл
Алтай	Бурятия
Алтан Булаг	Бустэ-нор
Амдо	Великая степь
Америка (США)	Ветлуга (средняя)
Амур, <i>р.</i>	Владивосток
Ангара, <i>р.</i>	Воронеж
Ангиртэ-нор	Восток
Англия	Выборг
Ара Ного	Вятка
Арангату	Галбан Булак
Армения	Гальбэг
Африка	Ганьчжоу
	Гатчина
Бага Ухэр	Германия (Восточная Германия)
Байн Булак	Гималаи
Байца-даба	Глотовка, <i>дер.</i> (Ельнинского уезда)
Бальбук	Глубокое (Муолон-ярви), <i>оз.</i>
Бальджа	Гоби
Бальджуб	Гобийский Алтай
Барун Булук	Голомут
Баян Буинк	Грузия
Баян Ульдзтуй	Дальний Восток
Баян Хишиг	Далю
Баян-гол	Дания
Белорусское Полесье	Деда Шургуху
Билютый	Джаин Шаби
Биндарья	Дзун Модо
Богдо Аршан	Дзун Мандал
Богдын-гол	Дзурумтэ (Цзурумтэ)
Болин-гол	Дзурунтай
Болтай	Дзурхэ-нор
Болховский уезд Орловской губ.	Додо Ногон
Бомботугай	Дом Быри

Дунду Шургуху
Дурекчи-ван
Дэдэ Тэсин Хурэ

Европа
Ельня
Енисейск

Забайкалье
Заветы Ильича, *жс.-д. ст.*
Запад
Земля
Зодчего Росси, *ул.* (Ленинград)
Ибыцин
Идэр (Эдэр)
Илэт

Имандра, *оз.*
Индия
Ирининский хребет
Иркутск
Иро, *р.*
Италия
Ихэ Ухэр (Ихэ Ухурь)

Кавказ (приморский)
Казахская ССР
Калмыкия
Карельский перешеек
Керулен, *р.*
Китай (Западный Китай, Северный Китай)
Кобдо
Кольский п-ов
Коми АССР
Копенгаген
Кронштадт
Куйбышев
Куйтун
Кяхта

Ленинградская обл.
Лосиноостровская, *пос.* (Бабушкинский р-н Москвы)
Лхаса

Майкат
Маймачен
Мандал
Маньчжурия
Меньзи, *р.*

Меньинские гольцы
Могой
Можайское шоссе (Москва)
Монголия (МНР, Внешняя Монголия)
Москва
Мур Усу, *р.*

Нанту
Наньшань
Нарин-гол
Новгородская обл.
Новочеркасск
Ноин-Ула
Ноин-улинские курганы
Норин Заху
Нью-Йорк
Нянь Шань

Огарева, *ул.* (Москва)
Одесса
Орог-нур
Орхон, *р.*
Отгон Тенгри

Париж
Переделкино
Пермь
Поволжье
Причерноморье
Пулково
Пятигорск

Россия (Центральная Россия, Советская Россия, СССР)

Садовая ул. (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербург (Петербург, Петроград, Ленинград)
Саратов
Саяны
Свердловск
Север
Северный полюс
Селенга
Сельба
Сен-Женевьев-де-Буа
Сибирь (Южная Сибирь)
Смоленск
Согот

Страстной б-р (Пушкинская пл., Москва)	Хара-Хото
Стрельцово (Хатаки), <i>пос.</i>	Харбин
Судзуктэ	Харгахар
Сунгари	Хасапчи (Хасапчи-дава)
Сунгулик	Хасын-гол
	Хацуртэ
	Хентэй (Хэнтэй)
Таин-гол	Холойн-гол
Танхой	Хоноин-гол
Тарят (Таряты)	Хузуртэ (Хуцзуртэ, Худзуртэ, Худзэртэ))
Тельмен (Тельмин-нор)	Хулгэн Думбун (Хульген Думбун)
Тибет (Восточный Тибет)	Хунин Тала
Тогот	Хунцал
Тойн-гол (Таин-гол, Тани-гол)	Худжир Ам (Хучжир Ам)
Тола	Худжир-гол (Хучжир-гол)
Томск	
Томь	Цаган Чалутэ
Тохто	Цайдам
Троицкосавск	Царское Село
Тура	Цагас Туру (Цагас Туру Ам)
Тургеневская ул. (<i>пос.</i> Лосиноостровская)	Цзалистай
Тутурту	Цзапхан
Тэмэн Сультэй (Темен Сультэй)	Цзасаг
Тэс	Цэвсаг Туру
Тюмень	Дзурумтэ (Цзурумтэ)
	Цоргот
Убуз	Цэцен Аршан (Цэцэн Аршан, Цецен Аршан)
Угомур	
Узурумтэ	Череповец
Улакчин	Чернавск (Елецкого уезда, Орловской губ.)
Улан Халак (Улан Халга)	Черное море
Уланбан	Чжаралтай (Чжарголонтай)
Улан-Батор	Чиркой (Чикой)
Улан-даба	
Улэкчин-гол	
Улясутай	Шанаган
Урал (средний)	Шара Булук (Шара Булуг)
Урга (см.: Улан-Батор)	Шара Тэмэн (Шара Темен)
Франция	Шара Хуб
	Шартаж
Хабаровск	Шарья
Хагин-гол	Шибир
Халузан-дава	Шор
Халхин-Гол, <i>р.</i>	Шорин-тала
Хан Хухэй	Шургуху
Хангай	
Ханчик-дава	Щипачи, <i>дер.</i>
Хара, <i>р.</i>	
Харакен	Якутия

Ялта

Список сокращений

АГАО	— архив ГАО РАН (Пулково, Санкт-Петербург)
АН	— Академия наук
АПН	— Академия педагогических наук СССР
ВАК	— Высшая аттестационная комиссия
ВАСХНИЛ	— Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
ВВС	— Военно-Воздушные Силы
ВДНТ	— Всесоюзный Дом народного творчества
ВКП(б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНИИ	— Всесоюзный научно-исследовательский институт
ВООП	— Всероссийское общество охраны природы
ВС СССР	— Верховный Совет СССР
ВСМ	— Всемирный совет мира
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГАО РАН	— Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория РАН
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГМАЭ	— Государственный музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)
ГПУ	— Государственное политическое управление при НКВД РСФСР (в 1922 г. реорганизовано из ВЧК; в 1923 г. преобразовано в ОГПУ)
ГУЛАГ	— Главное управление лагерей
КГБ	— Комитет государственной безопасности СССР
Коминтерн	— Коммунистический Интернационал
Коминформ	— Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (1947—1956)
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт (ныне РГПУ) им. А. И. Герцена
МАЛЕГОТ	— Ленинградский государственный академический Малый театр оперы и балета
МВД	— Министерство внутренних дел СССР
МГБ	— Министерство государственной безопасности СССР
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МКА	— Мемориальное кладбище астрономов в Пулкове (Санкт-Петербург)
МНР	— Монгольская Народная Республика
МСОП	— Международный союз по охране природы и природных ресурсов
МХАТ	— Московский художественный академический театр (с 1919 г.)

МХТ	— Московский художественный театр (до 1919 г.)
НИК	— Научно-исследовательский Комитет Монгольской Народной Республики (то же, что УК)
НГАО	— Николаевская Главная астрономическая обсерватория в Пулкове (Санкт-Петербург)
НКВД	— Народный Комиссариат внутренних дел РСФСР (затем СССР)
НКГБ	— Народный Комиссариат государственной безопасности СССР
НКВД	— Народный Комиссариат иностранных дел СССР
ОРКИМД	— Объединение революционных композиторов и музыкальных деятелей
ПИЖВЯ	— Петроградский институт живых восточных языков
ПФА РАН	— Петербургский филиал Архива РАН
РАН	— Российская Академия наук
РАПМ	— Российская ассоциация пролетарских музыкантов
РГПУ	— Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РКП(б)	— Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП	— Российская социал-демократическая рабочая партия
РСДРП(б)	— Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики)
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	— Российская Федерация (Россия)
СК СССР	— Союз композиторов СССР (с 1957 г.)
СМИ	— средства массовой информации
СНК	— Совет Народных Комиссаров (Совнарком)
Совнарком	— Совет Народных Комиссаров (СНК)
ССК	— Союз советских композиторов (до 1957 г.)
ССП	— Союз советских писателей
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
США	— Соединенные штаты Америки
УК	— Ученый Комитет Монголии (то же, что НИК)
УССР	— Украинская Советская Социалистическая Республика
ФЗУ	— фабрично-заводское училище
ФЭКС	— Фабрика эксцентрического актера
ЦДНТ	— Центральный Дом народного творчества
ЦИК	— Центральный Исполнительный Комитет
ЦК	— Центральный Комитет
ЦРУ	— Центральное разведывательное управление США
ЧК	— Чрезвычайные комиссии (местные органы ВЧК)

Оглавление

<i>Предисловие</i>	5
Русско-монгольские научные связи и культурные контакты в начале XX века	10
Жизнь и творческое наследие С. А. Кондратьева в контексте русско-монгольского научного взаимодействия	21
Монгольский период жизни и творчества С. А. Кондратьева	37
Московский период	51
Библиография С. А. Кондратьева	61

Публикация письма и дневников С. А. Кондратьева

«...Мне необходимо попасть в Азию» (Письмо к П. К. Козлову. 1922 год) (Подготовка текста, комментарии и примечания В. Ю. Жукова).	64
Дневник 1923—1924 годов (Подготовка текста, комментарии и примечания Д. Д. Васильева и И. В. Кульганек).	69
Дневник 1925 года (Подготовка текста, комментарии и примечания Д. Д. Васильева и И. В. Кульганек).	160
Хангайская экспедиция (Подготовка текста, комментарии и примечания И. В. Кульганек).	220
Дневник 1928 года (Подготовка текста, комментарии и примечания И. В. Кульганек).	223
Мысли о жизни (Дневник 1949 года) (Подготовка текста, комментарии и примечания В. Ю. Жукова).	243

Публикация стихов и прозы С. А. Кондратьева

(Подготовка текста С. О. Павлова, Н. Н. Сафоновой)

Следы жизни (стихи 1939 года)	320
Трава на ветру	340
Классики о соленых грибах (Литературные портреты)	373
Именной указатель	384
Указатель географических названий	392
Список сокращений	397
Имена, сокращения и прозвища в дневниках С. А. Кондратьева	400

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
С. А. КОНДРАТЬЕВА
(1896—1970):
в Монголии и в России

ПОДГОТОВКА К ИЗДАНИЮ, ПРЕДИСЛОВИЕ, ВВЕДЕНИЕ,
КОММЕНТАРИЙ И УКАЗАТЕЛИ — И. В. КУЛЬГАНЕК, В. Ю. ЖУКОВ

Научное издание

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

Издательство
«Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 29.12.2005
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90 ¹/₁₆. Объем 25,75 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 255

PRINTED IN RUSSIA
Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии СПб ИИ РАН «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7

Пулково. Около 1904 г.

А. А. Кондратьев — в первом ряду сидит первый справа.

К. С. Кондратьева (урож. Аренская), стоит первая вправа.

Сережа Кондратьев стоит второй справа

Зима в Пулково. Около 1905 г.
Первая слева стоит Вера Кондратьева (сестра С. А. Кондратьева).
Второй справа стоит Сережа Кондратьев

Школьные годы. Около 1910 г.
Слева — С. А. Кондратьев, слева — Л. М. Брендстед

Пулково. Около 1911 г.
С. А. Кондратьев за роялем

Пулково. Около 1916 г.
Стоит — А. А. Кондратьев, за роялем — С. А. Кондратьев

Письмо С. А. Кондратьева П. К. Козлову 1923 г. с просьбой зачислить его
в Тибето-Монгольскую экспедицию. Слева — резолюция рукой П. К. Козлова

На Ноин-улинских раскопках. Курган 24. Октябрь 1924 г.
С. А. Кондратьев стоит во втором ряду первый справа

Место Ноин-улинских раскопок. Курган 24. Май 2005 г.
Международная конференция в Сухэ-Баторе (Монголия) «Хунну: традиции
и современность», посвященная 80-летию экспедиции П. К. Козлова.
Фото Д. Дашибалова

Страница из дневника С. А. Кондратьева.
Февраль 1924 г. Судзукте — место Ноин-улинских раскопок

То же место.
Май 2005 г. Фото И. В. Кульганек

Маршрут Хангайской экспедиции Ученого Комитета МНР
(руководитель — С. А. Кондратьев). Сентябрь—октябрь 1928 г.

Расположение Ноин-улинских раскопок в Центральном аймаке Монголии

С. А. Кондратьев с женой — М. И. Кондратьевой